

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УКРАЇНИ, М. КИЇВ
ІНСТИТУТ РУКОПИСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ІМЕНІ В. І. ВЕРНАДСЬКОГО
КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ БОРИСА ГРИНЧЕНКА

«МИ ВИЇХАЛИ З СОКИРИНЦІВ...»: ТРЕВЕЛОГИ РОДИНИ ҐАЛАґАНІВ

Упорядкування, статті, коментарі:
Марина Будзар, Євген Ковальов

КИЇВ
StreamARLine
2019

УДК 929.7 Галагани:94(477)
М 57

«Ми виїхали з Сокиринців...»: тревелоги родини Галаганів: документальна монографія / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов; за редакцією д.і.н., професора Ірини Колесник. – К.: StreamARLine, 2019. – 516 с. – («З Галаганівського архіву»).

Видання є продовженням проекту публікації документів з архіву родини Галаганів – однієї з найпомітніших серед української еліти XVIII–XIX ст. Книга містить тревелоги (описи мандрів) – щоденники та листи, написані під час подорожей Галаганів до Західної Європи у 40 х – 60 х рр. XIX ст. Авторами цих текстів є Григорій Галаган (1819–1888), його мати Катерина Василівна, уроджена графиня Гудович (1785–1868), дружина Катерина Василівна (1826–1897), уроджена Кочубей, син – Павло (1853–1869), а також наставник Григорія, близький друг його родини, Федір Чижов (1811–1877). Тексти, які у часі охоплюють 25 років, а у просторі – обшири від Дніпра до Атлантики, скомпоновано так, що через них оприявнюється мінливий світ середини XIX ст. у сприйнятті трьох поколінь однієї родини. У цих документах відтворено стиль життя, культурні уподобання тогочасного українського панства, важлива для нього соціально-економічна та політична проблематика, що уможлиблює глибше розуміння значущості цієї спільноти в українській історії XIX ст.

Для науковців-гуманітаріїв, дослідників соціокультурної історії України та всіх небайдужих до вітчизняної історико-культурної спадщини.

Рецензенти:

доктор історичних наук, професор Лариса Буряк (Інститут біографічних досліджень, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського).

Доктор історичних наук, професор Ярослава Верменич (Інститут історії НАН України).

Затверджено до друку Вченою радою Київського університету імені Бориса Грінченка (протокол № 6 від 13 червня 2019 року).

ISBN 978-617-7786-01-5

© Будзар М.М., Ковальов Є., 2019
© Вид-во StramARLine
(ФОП Антоненко Л.І.), 2019

Двохсотріччю
Григорія Павловича Галагана
присвячується

*L'univers est une espèce de livre
dont on n'a lu que la première page
quand on n'a vu que son pays.*

Louis Charles Fougeret de Monbron, "Le Cosmopolite ou
le Citoyen du Monde", 1750.

*Світ схожий на книгу, і той, хто
бачив лише свою країну, читав у ній
лише першу сторінку.*

Луї Шарль Фуже де Монброн, «Космополіт, або Грома-
дянин світу», 1750 р.

ПОДОРОЖ ЯК ЗАСІБ ПІЗНАННЯ СВІТУ І САМОГО СЕБЕ

*Яке дивне, і звабне, і поривне, і чудове
в слові: дорога!*

і яка чудова сама вона, ця дорога!

Микола Гоголь. «Мертві душі».
Пер. з рос. Григорія Косинки.

У грудневому числі часопису «Киевская старина» за 1888 р. було надруковано некролог про незадовго перед тим померлого громадського діяча Григорія Павловича Галаґана, написаний Федором Герасимовичем Міщенком – українофілом, істориком і філологом, земляком небіжчика (обидва вони були уродженцями Прилуччини). Визначаючи чинники, які впливали на світогляд Г. П. Галаґана, Ф. Г. Міщенко зазначив, що до них слід віднести подорожі до Західної Європи¹. Для того, аби зрозуміти, наскільки же важливим було мандрування Європою у персональній історії Г. П. Галаґана та у родинній історії Галаґанів, необхідно з'ясувати, що означали закордонні подорожі для українського дворянства – регіональної соціальної спільноти у Російській імперії², до якої належала ця заможна і впливова поміщицька родина. Що спонукало українських дворян вирушати за кордон? Якими були правові, політичні, соціальні та культурні умови їхніх подорожей? Відповіді на ці питання прояснюють концептуальний контекст документів, опублікованих у цій монографії.

Путь є напрочуд цікавим міфопоетичним архетипом, котрий допомагає зрозуміти культурно-антропологічну значущість мандрів. В. Я. Пропп, дослідивши *путь* як міфологему, зауважив, що у фольклорі (казках, епосі) він нерідко є віссю оповідання, яке часто розпочинається виїздом героя з дому і закінчується його поверненням туди ж³. Подорожі Галаґанів дивним чином нагадують цю міфопоетичну схему. Сакральним осердям їхньої картини світу є родинна садиба у Сокиринцях, звідки зазвичай вирушали вони у свої мандри та сюди ж поверталися. Віддалення від цього осердя посилювало його сакральність і привабливість. Окрім того, *путь* є засобом самовдосконалення людини, для чого доводиться чимало потрудитися, долаючи перешкоди, але винагородою за це буде набуття вартісного знання про світ та про себе. Це, зрештою, символічна дія, що забезпечує перехід

¹ Міщенко Ф. Г. П. Галаґан (некролог). *Киевская старина*. 1888. № 12. С. 3.

² Йдеться про дворянство Лівобережної України, що походило від козацької старшини. Згідно з адміністративно-територіальним поділом, встановленим на початку XIX ст., це були дворяни Чернігівської та Полтавської губерній. Вони тривалий час залишалися консолідованою спільнотою, єдність якої забезпечувалася шлюбами, патронатно-клієнтельними зв'язками тощо.

³ Пропп В. Я. *Фольклор и действительность*. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 92.

юнака до дорослого життя¹, себто свідчення його спроможності самостійно рухатися власним «життєвим шляхом» (відзначимо принагідно, що *путь* є метафорою людського життя). Цей архетип є ключем до розкриття розмаїтості смислів галаганівських текстів-тревелогів.

У Російській імперії ледве не до самого кінця її існування панівною соціальною силою залишалося помісне дворянство, привілейований статус якого було гарантовано абсолютною монархією. Право подорожувати за кордоном стало невід'ємною частиною станових привілеїв російського дворянства. Це було закріплено законодавством упродовж другої половини XVIII ст. У маніфесті «Про дарування вольності та свободи всьому російському дворянству» Петра III від 18 лютого 1762 р. було зазначено, що кожний дворянин, котрий не перебуває на службі, має право виїздити до інших європейських держав, отримавши для цього паспорт у Колегії іноземних справ, але з обов'язком при потребі негайно повернутися до Росії за викликом уряду, причому невиконання цього обов'язку тягло за собою тяжке покарання – секвестр маєтків². Окрім того, цей же маніфест дозволяв російським дворянам відправляти своїх дітей до інших європейських держав для здобуття освіти³. Згодом право на закордонні подорожі було включено до закону, що остаточно визначив статус дворян у соціальній структурі Російської імперії – «Грамоти на права, вольності та привілеї шляхетного російського дворянства», виданої Катериною II 21 квітня 1785 р. У ній серед особистих привілеїв дворян було підтверджено їхнє право виїздити до чужих країв, а також дозволено вступати на службу в державах, що перебували у союзі з Росією⁴.

Українська козацька старшина, що до середини XVIII ст. уже перетворилася на землевласницьку еліту – «малоросійське шляхетство», прагнула досягнути рівності у правах та привілеях з великоросійським дворянством. Це зокрема стосувалося права на закордонну подорож, навчання та службу в європейських державах. Накази для Уложенної комісії 1767 р.⁵, складені переляславським, ніжинським, стародубським та чернігівським шляхетством, окрім загальної вимоги зрівняння у юридичному статусі українських шляхтичів з російськими дворянами, містили, між іншим, побажання одержати право «выхода в иностранные земли для службы, наук и житья тамо»⁶.

¹ Мандрювання на більш-менш далекій відстані як засіб соціалізації часто практикувалося у домодерних суспільствах. Промовистим прикладом є обов'язкова мандрівка ремісника-підмайстра як необхідна передумова набуття ним статусу цехового майстра.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 15. № 11444. С. 913.

³ Там же. С. 914.

⁴ Там же. Т. 22. № 16187. С. 348.

⁵ Комісії, скликаної урядом Катерини II для складання нового уложення законів, тобто кодифікації права.

⁶ Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. К.: Основи, 1996. С. 126. Тексти наказів див.: Сборник Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 136, 146, 192, 236.

Зрештою українське шляхетство було інтегровано до загальноімперського дворянського стану, одержавши усі права та привілеї, визначені Жалуваною грамотою дворянству 1785 р.¹, включно з правом подорожувати за кордоном.

Якщо не бракувало грошей та не обтяжували службові обов'язки, то мандрівка могла затягнутися на тривалий час. Дехто навіть оселявся за кордоном (причини могли бути різними – наприклад, бажання постійно користуватися комфортабельним європейським побутом, привабливість інтелектуальної та художньої культури Західної Європи або відраза до російського суспільно-політичного ладу). Прикладом цього є родина Розумовських, родичів Галаганів, яка тривалий час була зразком для українського панства: двоє синів гетьмана Кирила Розумовського, Андрій та Григорій, доживали свого віку в Австрійській імперії.

З часом у західноєвропейських країнах склалася мережа «російських колоній», себто місць більш-менш тривалого перебування російських підданих, що мешкали за кордоном (до них, наприклад, належала колонія російських художників у Римі, з якими Г. П. Галаган потоваришував, перебуваючи в Італії в 1842–1843 рр.). Ці «колонії» обумовлювали визначення маршрутів подорожей українського панства. Мережа їх була мінливою, змінюючись під впливом культурних тенденцій та політичних чинників.

Законодавчі акти другої половини XVIII ст. засвідчують, що гідними мотивами закордонних подорожей визнавалися здобуття освіти та служба в іноземних державах. Імовірно, що ця служба переважно вважалася практичним навчанням, себто засобом освіти (Андрій Розумовський, що в юності готувався до кар'єри військового моряка, деякий час прослужив у британському флоті²³). Втім, якщо служба в іноземних державах цікавила небагатьох, то навчання у закордонних школах набуло значного поширення серед української шляхти впродовж другої половини XVIII ст. Київська академія, в якій панувала схоластика, більше не вважалася місцем, де панич зможе навчитися тому, що є необхідним для публічного та приватного життя (військової або цивільної служби, участі у становому самоврядуванні, управлінні маєтками, спілкуванні з рівними, вищими та нижчими – тому, що йменуватиметься згодом «мистецтвом жити у світі»). Тож українські шляхтичі з певними статками воліли давати своїм синам закордонну освіту – здебільшого у Німеччині, що славилася своїми університетами. І тут за приклад правили Розумовські: Олексій Григорович, фаворит російської імператриці Єлизавети, відправив свого молодшого брата Кирила, майбутнього гетьмана, в освітню мандрівку

¹ Когут З. Вказ. праця. С. 208–218.

² Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 13.

³ Не виключено, що право служби в іноземних державах було ремінісценцією давнього феодального «права від'їзду», себто переходу на службу до іншого государя.

до Німеччини та Франції, що тривала два роки – з весни 1743-го по весну 1745-го. В інструкції, яку Кирило отримав від брата перед відїздом, зазначалося, що подорож ця потрібна «як для вивчення корисних наук, так і пристойних чесному кавалеру добрих вчинків»¹. Сини Кирила Григоровича також навчалися за кордоном². З середини XVIII ст. дедалі більше молодих українських шляхтичів зустрічається у матрикулах німецьких університетів³. Не оминула ця хвиля і Галаганів: 21 серпня 1781 р. малоросійський дворянин Григорій Іванович Галаган вступив на навчання до Лейпцігського університету⁴. В останній третині XVIII ст. країною, де молодий аристократ міг здобути ґрунтовну освіту і гідне виховання, вважалася Швейцарія (міста Лозанна і Женева). Окрім того, вважалося дуже корисним, щоб знатна молодь відвідала Францію, Італію та Велику Британію.

Так до дворянської культури увійшла «Велика подорож» (*Grand Tour*), себто кількالیтня мандрівка Європою, що мала завершити освіту і виховання молоді людини, увівши її до дорослого життя. Метою такої подорожі було набуття навичок соціальної комунікації, з чим пов'язувалися удосконалення володіння мовами та розвинення естетичного смаку.

У педагогічній думці доби Просвітництва подорож вважалася одним з найважливіших виховних засобів. Саме так ставився до мандрів Жан Жак Руссо, що присвятив цій темі прикінцевий розділ свого знаменитого роману «Еміль» (1762 р.), який тривалий час був практичним посібником для виховання дітей⁵. Згідно з педагогічною концепцією Руссо, кількالیтня мандрівка має завершити виховання молодого чоловіка, передуючи його одруженню, коли він стане цілковито самостійною людиною. Для молоді подорожі мусять стати філософськими студіями. Відтак необхідно навчитися подорожувати, додержуватися певних правил, щоб мандрівка стала справді корисною. З цього приводу Руссо писав:

Мандрівки дають подальший розвиток природним здібностям й остаточно роблять людину доброю чи злою. Повертаючись з мандрів світом, людина буває тим, чим буде все своє життя, а повертаються частіше злими, ніж добрими, тому що вирушає більше схильних до зла, ніж до добра. Молоді люди, погано виховані та погано спрямовані, заражаються у своїх подорожах усіма пороками народів, яких вони відвідують, і не переймають жодної з чеснот, перемішаних з цими пороками; але хто добре наділений

¹ Васильчиков А. А. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1880. С. 24.

² Там же. Т. 2. С. 10–15, 18–22, 218–220.

³ Див. за списками, опублікованими у виданні: Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. С. 352–387.

⁴ Там же. С. 380.

⁵ Про вплив руссоїстських педагогічних ідеалів, почерпнутих з «Емілія», на освіту і виховання дітей у дворянських родинх ще у першій чверті XIX ст. див. у спогадах про дитинство українського історика і громадського діяча М. І. Костомарова (1817–1885), сина поміщика Воронежської губернії: Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. К.: Лыбидь, 1990. С. 428–429.

природою, у кому добрі задатки отримали добрий розвиток і хто мандрує з ширим наміром навчитися, ті всі повертаються кращими й мудрішими, ніж були при відправленні. Так мандруватиме й мій Еміль...¹

Головною метою подорожування, на думку Руссо, мало бути ознайомлення з громадсько-політичним ладом інших націй заради пізнання того, що є істинною свободою. Упродовж близько двох років молодий чоловік має мандрувати європейськими державами, опанувавши дві або три мови, побачивши видатні пам'ятки природи, знайомлячись з урядованням, мистецтвами, людьми. Руссо вважав бажаним, аби молодий мандрівник потоваришував з гідними людьми інших націй і потім підтримував би ці знайомства через листування: «Окрім того, що зносини з віддаленими країнами можуть бути корисними та завжди приємні, це є чудовим засобом проти національних забобонів, які, нападаючи на нас усе життя, рано чи пізно здобувають над нами перемогу»².

Будучи засадничим прибічником аграризму, Руссо пропагував переваги сільського трибу життя перед міською цивілізацією, котра, на його думку, псує моральність людства, тому радив молодим мандрівникам не затримуватися надовго у великих містах, що є занадто космополітичними й переповнені спокусами:

Усі столиці схожі одна на одну: всі народи тут змішуються, усі звичаї зливаються; не сюди слід іти вивчати нації. Париж і Лондон – на мій погляд – одне й те ж саме місто. [...] Як тільки-но мені кажуть про місто, де є двісті тисяч душ, я уже наперед знаю, як там живуть. Через те, що я міг би дізнатися понад це, на місці, не варто туди вирушати.³

Тож Руссо радив оглядати великі міста лише мимохідь, звертаючи якомога більше уваги на селянство: «...Це сільська місцевість утворює країну, і це сільське населення утворює націю»⁴.

Руссоїстський ідеал «філософської подорожі» ще тривалий час залишатиметься лейтмотивом мандрівок у культурі європейських еліт, й українське панство не становило виключення.

Окрім освіти важливим мотивом від'їзду за кордон з другої половини XVIII ст. стає лікування на європейських курортах. К. Г. Розумовський, будучи 1766 р. в Італії, відвідав лікувальні термальні джерела («теплиці») біля Пізи та Сієни⁵. На середину XIX ст. в Європі існувала мережа бальнеологічних курортів, що стали улюбленими місцями проведення часу для еліти суспільства. У Центральній Європі до найзнаменитіших належали Карлсбад (Богемія), Кіссінген (Баварія) та Емс (Рейнланд), у Франції доби Другої імперії – Віші.

¹ Rousseau J.-J. *Émile ou De l'éducation*. Paris, 1851. P. 566.

² Ibid. P. 587.

³ Ibid. P. 583.

⁴ Ibid. P. 585

⁵ Васильчиков А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 344.

Під кінець XVIII ст. серед британської аристократії поширилася мода на лікування морською водою, яке пропагував д-р Річард Рассел. Першим британським приморським курортом став Брайтон. Незабаром, за прикладом британців, до моря потягнулася знать інших країн Європи. По завершенні Наполеонівських війн європейська аристократія облюбувала Ніццу – середземноморське місто з субтропічним кліматом, де прийнято було проводити зимовий сезон. Французький імператор Наполеон III уподобав для відпочинку на атлантичному узбережжі місто Біарріц, що швидко перетворилося на фешенебельний аристократичний курорт.

Відак для суспільної еліти курорти – містечка, оточені багатою природою, де можна було позбутися суєти великого міста, живучи з усіма зручностями, до яких ці люди звикли, – стають важливими комунікаційними майданчиками зі своєю ритмікою побуту та відповідними умовами спілкування. Ця соціокультурна реальність відбивається у белетристиці, де за добрий приклад може правити «водяне товариство» з «Героя нашого часу» Михайла Лермонтова.

Зрештою, на підґрунті освітніх і лікувальних практик мандрювання постає туризм – соціокультурне явище, в якому сполучилися мотиви фізичного і духовного оздоровлення, урізноманітнення світовідчуття і розширення меж власного комунікаційного поля. Цьому сприяв романтизм з його орієнтацією на природність й історизм. Очікування естетичної насолоди від споглядання природних феноменів і старожитностей було важливим стимулом до подорожування. Окрім цього, давався взнаки топос мандрів як втечі від обридлої безглуздості великосвітського життя, що культивувався літераторами-романтиками.

Доволі стрімко розвивалася туристична інфраструктура – готелі, гіді-провідники тощо. На допомогу мандрівникам друкувалися численні путівники зі статистичними, топографічними та історичними відомостями. З'явилися видавничі підприємства, що спеціалізувалися на путівниках – «John Murray» (Велика Британія), «Baedeker» (Німеччина). Важливе значення для культури подорожування мали белетризовані описи мандрів. У цьому літературному жанрі працювали великі письменники – для прикладу достатньо буде згадати «Італійську подорож» Гете або ж твори про мандрювання Італією Стендаля. Для читачів, включених до російського культурного ареалу, а саме такими були українські дворяни другої половини XVIII – першої половини XIX ст., літературним взірцем подорожі стали «Листи російського мандрівника» Миколая Карамзіна¹. До речі, шеститомне видання цього знаменитого карамзінського твору є в каталозі «кімнатної бібліотеки» Галаганів 1815 р.² Зважаючи на нормотворчу функцію белетристики для «освіченого суспільства» того часу, очевидно,

¹ Див.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Мол. гвардия, 1998. 382 с.

² Центральний державний історичний архів України у м. Києві. Ф. 1475. Од. зб. 1276. Арк. 1 зв.

що бажання подорожувати підживлювалося читанням. Белетризовані описи подорожей разом з різноманітними путівниками створювали мандрівнику «горизонт очікування» – заздалегідь сформований комплекс образів того світу, куди він вирушав. Результат мандрівки залежав від міри відповідності побаченого очікуваному.

Суттєвий вплив на культуру подорожей українського дворянства мали соціально-політичні процеси загальноєвропейського масштабу – Французька революція кінця XVIII ст., революційні вибухи 1830 та 1848 рр. Російський уряд відповідав на революційні виклики з Заходу ізоляціонізмом. Мережа державних навчальних закладів, що інтенсивно розбудовувалася з початку XIX ст., мала задовольнити освітні потреби дворянства замість іноземних шкіл. Уряд вдається і до прямого обмеження можливості виїзду за кордон. Це, зокрема, було властиво консервативному режиму, що панував у Російській імперії під час царювання Миколая I (1825–1855). 18 лютого 1831 р. з'явився указ «Про виховання російського юнацтва переважно у вітчизняних навчальних закладах». Згідно з ним, молодь віком до 18 років мусила здобувати освіту тільки в Росії. Виключення з цього припису могли відбуватися лише за особистою згодою імператора. Порушення указу, себто навчання за кордоном, каралося позбавленням права вступати на державну службу. Обґрунтовано це було так:

Ми зі скорботою бачимо деякі приклади прагнення до освіти юнацтва поза державою і шкідливі наслідки для тих, які таке чужоземне виховання здобувають. Молоді люди повертаються іноді до Росії з самими хибними про неї поняттями. Не знаючи її істинних потреб, законів, звичаїв, порядку, а нерідко і мови, вони є чужими посеред усього вітчизняного¹.

Втім, й у Миколаївську добу «Велика подорож» вважалася необхідною умовою для повноти освіти і виховання молодого аристократа. Спадкоємець російського престолу цесаревич Олександр Миколайович мандрував Європою понад рік – з квітня 1838-го до червня 1839-го (цьому передувала подорож Російською імперією), відвідавши більшість європейських держав, за виключенням Франції, де правив ненависний його батькові король Луї-Філіп Орлеанський, зведений на престол завдяки Липневій революції 1830 р., а також віддалених країн Піренейського півострова. Найбільше часу він провів у Німеччині (включно з Австрією), Італії та Великій Британії. Цесаревич оглядав пам'ятки, брав участь у світських розвагах, військових парадах і маневрах, лікувався на курортах.²

Припускаємо, що закордонна мандрівка цесаревича стала зразком для петербурзької «золотої молоді», до якої належав Г. П. Ґалаган. Його власна «Велика подорож» 1841–1843 рр. багато у чому нагадує ман-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4364. С. 167–168.

² Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 93–107

дрівку Олександра, хоча, звісно, з поправкою на величезну різницю в їхніх соціальних статусах. Наприклад, обох молодих людей супроводжували наставники: Олександра – В. А. Жуковський, а Галагана – Ф. В. Чижов; найбільше часу Григорій Павлович присвятив перебуванню у Німеччині та Італії (запланована подорож до Великої Британії не відбулася), так і не завітавши до Франції; важливе значення мало для нього оздоровлення на курортах; цесаревич на початку своєї подорожі перебував з батьками, а Галаган час від часу приєднувався до матері, сестри та зятя, які мандрували Європою одночасно з ним.

Миколай I був невдоволений тим, що його піддані інколи оселяються в іноземних державах, не бажаючи повертатися до Росії. Це спричинило появу указу від 17 квітня 1834 р., за яким термін перебування росіян за кордоном обмежувався: для дворян – п'ятьма роками, а для інших станів – трьома роками. Особи, які не повернуться до Росії вчасно, підлягали покаранню: мали бути оголошені безвісті відсутніми з взяттям їхнього майна в опіку¹.

Виїзд російських підданих за кордон значно ускладнився у добу «Похмурого семиріччя» – семи останніх років царювання Миколая I, з 1848-го по 1855-й, коли російський уряд, наляканий революційним рухом, що поширився на більшу частину Європи, вдався у крайню реакцію і намагався звести до мінімуму контакти приватних осіб з Заходом. Це унеможливило подорож Г. П. Галагана з молодою дружиною Катериною Василівною за кордон, призначену було на весну 1848 р. М. А. Рігельман, двоюрідний брат Галагана, чиновник канцелярії київського генерал-губернатора, писав йому в листі від 26 березня 1848 р.:

Ваша закордонна мандрівка, на жаль для вас і для егоїстичного задоволення мого, не може відбутися через перевороти бунтівливого заходу, що повстає проти законної влади, як каже маніфест. Ми уже одержали указ про невидачу російським підданам закордонних паспортів, окрім особливих випадків, і то з височайшого дозволу².

Перша закордонна подорож молодого подружжя відбулася тільки у 1850–1851 рр. – тоді, коли «бунтівливий Захід» уже вгамувався.

Указом від 15 червня 1851 р. термін перебування за кордоном російських підданих було скорочено: для дворян – до двох років, а для усіх інших – до року. При видачі закордонного паспорта було запроваджено стягнення збору, окрім платні за бланк, – по 250 руб. сріблом за кожні 6 місяців (ті, хто їхав лікуватися, мусили платити менше – по 50 руб. сріблом).³

Лібералізація суспільно-політичного життя у Росії з початком правління Олександра II (1855–1881) істотно полегшила виїзд за кордон. Збір,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 9. Ч. 1. № 6994. С. 294–295.

² Частная переписка Г. П. Галагана. *Киевская старина*. 1899. № 6. С. 441.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 26. Ч. 1. № 25307. С. 411.

запроваджений у 1851 р., було скасовано указом від 26 серпня 1856 р. Надалі лише стягувалася платня за бланк закордонного паспорта, що дорівнювала 5 руб. за кожні 6 місяців.¹ А указ від 29 травня 1857 р. збільшив термін перебування за кордоном до п'яти років. Причому було дозволено подовжувати цей термін за згодою представників влади, уповноважених видавати паспорти – губернаторів, генерал-губернаторів та градоначальників².

Отже, закордонні подорожі обумовлювалися суспільно-політичними процесами, властивими як Російській імперії, так і Західній Європі. Згідно з офіційними відомостями, кількість російських підданих, що вирушали на Захід на більш-менш тривалий час (без урахування короткотермінових подорожей), упродовж 1840-х рр. невпинно зростала: 1844 р. їх було 3585, 1845 р. – 3891, 1846 р. – 4101, 1847 р. – 4361. Згідно з докладними даними за 1846 р., дворяни становили трохи більше чверті від загальної чисельності осіб, що виїхали з Росії, причому для переважної більшості з них приводом закордонної подорожі було лікування. Внаслідок революційних подій на Заході 1848–1849 рр. кількість мандрівників різко скоротилася: 2204 – у 1848 р., 1345 – у 1849 р. Проте незабаром знову намітилося зростання: 1850 р. – 3436, 1851 р. – 4697. Потім був спад, спричинений Кримською війною, але ліберальний початок царювання Олександра II ознаменувався небаченим доти потоком бажаючих відвідати Захід: у 1860 р. за кордон виїхало понад 43 тис. осіб.³ Зауважимо, що мандрівки Галаганів Європою доволі добре корелюються з цими тенденціями: вони подорожували у 1841–1843, 1850–1851, 1860–1861 та 1866 рр.

Насамкінець зазначимо, що для українського панства закордонні мандрівки ставали нагодами проявити свої ідентичності – національну, регіональну, локальну⁴, станову, культурну тощо. І подорожі, своєю чергою, стимулювали переосмислення цієї системи ідентичностей та її модернізацію.

¹ Там же. Т. 31. Ч. 1. № 30889. С. 808–809.

² Там же. Т. 32. Ч. 1. № 30889. С. 808–809. Див. також: Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. Изд. 1857. СПб., 1857. С. 99.

³ Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX в. М.: РОССПЭН, 2008. С. 23–24.

⁴ Галаганам – «сокиринську».

ЧАСТИНА I

ПОДРОЖ 1841–1843 РОКІВ

Розділ 1. Григорій Галаган: щоденникові нотатки, листування з матір'ю і наставником

§ 1. «Тут вільно можна дихати, особливо малоросіянину»: фрагмент з «Журналу» Г. Галагана, 1841 р.

Австрийская империя.

Лемберг, 27 июня (15 ст. ст.).

Мы приехали сюда вчера вечером. Третьего дня утром мы выехали из России. В Радзивилове нам очень во многом помог мой однофамилец и дальний родственник Галаган. Между Радзивилом и Бродами мы переехали границу. Приехавши в Броды, мы остановились у жида, род ресторации. Броды довольно большой город, имеет 36000 жителей, но из этих 36000 – 33[000] жидов, остальные 3000 – христиан, которых совсем не видно¹. Этот город имеет решительно свой отличительный характер. Улицы темны и вонючи, площадей мало, дома не очень высоки, и много жидовской архитектуры. Народу везде много, и все – жида, которые в домах только ночуют, также и жидовки, из коих многие красавицы, расхаживают с работами по улице. Это было в пятницу, и так как мы уже не застали дилижанса, то наняли у жида фуру, которая должна была нас доставить в один день в Лемберг. В субботу рано мы отправились. Экипаж преобширный и преудобный. Кучером у нас был галициец, в кобеньяке, в котором капюшон обшит красными и синими шнурками, на тальи также усики синие с красным, на груди – петли такие же; сам же кобеньяк – серый. Лицом он был совершенный украинец, и здесь вообще по дороге лица одни с нашими, что меня удивляет, потому что по Польше² – лица литовские³. Наш фурман два раза кормил лошадей. Выехавши из Брод, мы проехали с полмили по ровному месту, по обработанным полям, потом же въехали в рощи и вместе с тем начали подыматься на высокую гору; взъехавши на нее, перед нами открылись места очаровательные: долины, яры, горы, все покрытые липовыми и другими прелестными рощами. Во время всей дороги, т. е. 103 версты, мы видели все более и более возрастающее разнообразие в видах, все время, по правую руку, перед нами была обработанная равнина, а по левую тянулся хребет высоких холмов, которые в иных местах перерезывали нам дорогу. Места, через которые мы проехали, довольно

¹ У 1840 р. у Бродах мешкало 16159 юдеїв і 2415 християн (Kuzmany В. Brody. Eine galizische Grenzstadt im langen 19. Jahrhundert. Wien-Koln-Weimar, 2011. S. 345).

² Тут Г. П. Галаган вочевидь йменує Польщею Київську та Волинську губернії, через які він їхав до Радзивилова, себто терени, що до кінця XVIII ст. належали Речі Посполитій.

³ Литвинами Г. П. Галаган називав білорусів.

мало населены, села очень редки, хуторов много. До самого Лемберга я встречаю все очень близкое к родному, нашему: постройка хат, прикрытки их, складка хлеба, плетни, огороды, сады, способ обрабатывания полей и пр., пр., – все малороссийское.

В 10 часов вечера мы приехали в Лемберг, и заняли квартиру в центре города в hôtel de Russie, очень хорошенький номер за 4 рубля в сутки. Утром, в 9 часов, мы пошли: ходили в полицию за паспортами, которые визировали на Дрезден. После этого, напившись дома чаю, мы пошли в костел. Сперва мы зашли в Польский соборный¹. Он довольно великолепен внутри. Много престолов, образов, гробниц, и церковь очень обширна или, скорее, очень длинна. Народу было довольно много; в самом начале церкви, у входа, занимало места высшее общество, а ближе к престолу – простой народ (наоборот нашего). Музыка, состоящая из большого органа и оркестра с хором певчих, мне показалась довольно хороша. Сегодня там служил обедню епископ; после окончания службы он сел на кресла против кафедры, а на кафедру взошел молодой ксендз и начал читать проповедь, про Крулевство небесно и про святого Пионтра, с большим криком и возгласами. Между тем, как он читал проповедь, мы успели сходить в главный немецкий костел, который на той же площадке наискось². Тут мы нашли менее великолепия, и музыку предурную, с барабанами; после того мы опять воротились в Польский костел и простояли до конца обедни. В обоих костелах я заметил много хорошеньких лиц, как в высшем, так и в низшем классе. Все дамы с открытыми плечами и с короткими рукавами; мужчины одеты просто и хорошо, и все с усами. Из церкви мы хотели пройти по городу, но жар был так силен, что воротились домой. Во втором часу мы пошли в общую залу обедать; в ней стояли три стола, за которыми все сидели поляки, большею частью пожилые, с большими усами, почти все они очень громко разговаривали и большею частью знакомы между собою. Я спросил борщу и порцию котлет, а Фед[ор] Вас[ильевич] – одну порцию котлет и полбутылки венгерского вина. Все это нам обошлось на наши деньги по рублю 40 коп. на человека. После обеда мы пошли осматривать город. Он очень невелик, но чрезвычайно населен; улицы не широки, но хорошо обстроены, дома высоки, мостовая очень хороша. Все улицы и площади кипят жизнью, народу очень много, и толпа очень разнообразна. Зайдя в один переулок, мы услышали скрипку, пошли по направлению звуков, и они нас привели к кабаку, в котором веселая толпа танцевала вальс. Вообще на улицах большая свобода во всем. Все курят трубки и сигары³, даже солдаты, которых здесь очень много, и в пресмешных мундирах. Более всего слышен язык польский, а потом немецкий. Французского – ни слова.

¹ Латинський кафедральний собор.

² Єзуїтський костел Петра і Павла.

³ У Російській імперії існувала заборона куріння на міських вулицях, тому вуличні курці здавалися російським мандрівникам ознакою певної свободи.

Мы зашли в кондитерскую и ели мороженое, по тридцати пяти копеек порция, состоящая из трех сортов разом! Потом пошли в почтамт брать билеты в дилижанс. Чиновники также грубы, как и у нас; мы не нашли мест ранее, как на 1-е число июля. Вечером мы были на гулянии в так называемом Иезуитском саду. Много было народу, но простого очень мало, а все больше дамы и мужчины. Посередине сада есть цирк с большим амфитеатром. Возле цирка – род маленькой кондитерской и ресторации, а между липами поставлены длинные ряды столов с скамейками, на которых немцы едят бутерброды и пьют пиво. Мы вошли в цирк и заплатили очень дешево, и видели большое представление вольтижеров, и вслед затем пантомимную пьесу «Взятие Константины». Везде замечали мы скромность, благопристойность. При окончании человек 500 вышло в одну узкую дверь без всякой давки и без полиции.

30-го июня. Вчера вечером мы были в театре немецком, потому что здесь и польский есть отдельно. Театр небольшой, худо освещен, худо меблирован, но актеры очень хороши. В антрактах надевают шляпы. Военных очень много, но они вовсе не имеют воинственного виду; мундиры очень безвкусны, и любой русский офицер мог бы перещеголять всех. Не знаю, как определить дух здешних горожан. Нельзя сказать, чтобы они были похожи на присмиранных, между тем очень смиренны, кажется, покорны, не вдаются в политику, не следят за нею; военные, как я замечал, мало приняты в общество дам, портреты императора¹ очень редки, Наполеона чаще. Между тем заметно сильное влияние монархической власти. Цензура очень строга, запрещенных книг очень много. По улицам часто гремят цепи колодников, которых заставляют чистить улицы; слишком унижительное наказание! Вчера только мы узнали, что здесь есть университет и сегодня были в нем. Один какой-то добрый немец, помощник библиотекаря, показал нам великолепную библиотеку, состоящую из 50000 томов; local² очень хорош, но правительство очень скупое на деньги и дает только 1000 гульденов в год, так что новых книг очень мало. Студентов 1090 человек, и, судя по тому, что рассказывал немец, довольно много школьничества, напр[имер]: профессор обязан смотреть за поведением студента на лекции. Всякий студент платит по 20-и гульденов в год, с бедного, но прилежного (?) ничего не берут. Экзамены делаются каждые полгода, не выдержавшие называются «репетитами». Натуральный кабинет очень беден. Вчера вечером из театра мы прошли на бульвар, где застали много гуляющих. Странно, что здесь вовсе не видно подозрительных особ женского полу. Не может быть, чтобы их не было, но, вероятно, они очень здесь скромны. Редко встречается, чтобы дама шла сама, а всегда с мужчиной. Волокитств также не заметно.

Вчера утром, я забыл сказать, была большая церемония освящения

¹ Австрійського імператора Фердинанда I.

² Приміщення (фр.).

новозаложенної семінарії, на кінці міста, на горі. Єпископ і все духовенство освящали білий камінь, який після із саду понесли на фундамент із великим торжеством. Народу було багато, і жар був нестерпим. Вообще тепер я могу сказати, що Лемберг – місто доволно приємне, оживлене; ми провели час нудно, тому що ми на дорозі. Я дуже бажаю поскоріе приїхати в Дрезден, відстань до нього дуже велика, більше, ніж я передбачав.

1-е лютого. Часто, дуже часто, а сьогодні більше, ніж коли-небудь, входять в голову Секиринці. Що-то робить наш ангел мамонька? Чим вона займається для розваги? Немає у них сцен із Полем¹? Якого-то здоров'я сестри? Нічого не знаю! Давно ли я все це залишив, тільки завтра буде два тижні, а здається, без збільшення, – два місяці! А як часто я, задумавшись, перелітаю туди, і так все живо бачу! І дім, і сад, освітлений заходящим сонцем, і село із своїми стадами, і всіх мені милих! Бачу, як мамонька йде до церкви в чорній сукні із зонтиком в руках, і як за нею біжить Норка або Фіделька, і як її зупиняє жінка або чоловік із проханням, а вона йде і думає про мене! Йде до моїх улюблених місць і згадує про мене. Ах, важко, хочеться плакати!

Ольмиц. 5 лютого (23 червня). Вчора, в 8 годин, ми благополучно приїхали сюди і одразу ж взяли поштове карета в Прагу на сьогоднішній день. Розкажу, хоча дуже вкратці, те, що бачили чудового на просторі тих 600 верст, які ми пролетіли майже по-російськи.

Ми виїхали із Лемберга на ніч перед заходом сонця. Карета еіlwagen² доволно спокійна, хоча всередині не помістительна. Кондуктор потрапив нам розгорнутий і моторний чоловік, молодець собою і розмовляючий на французькому, і німецькому, і італійському мовах. Скажу взагалі, що всюди шосе добре, коні сильні, возовики молодці і красиво одягнені в різноманітних костюмах, синій із червоним, їдуть швидко і рівно. Всі вони мають на боці прив'язаний рожок і трублять в нього для того, щоб зворачивали з дороги, і дають сигнал при під'їзді до станції, на яку виводять зараз готових коней. Проехавши цілу ніч, ми пили чай вранці в одному місечку і познайомилися із одним польським графом Шуйковським, розумним чоловіком, який їхав із нами до половини дороги.

По обох сторонах дороги очей не могло зупинитися ні на чому цікавому: поля, розкинуті по однообразним холмам, рідкі хутори, народ, погано одягнений, – ось все, що ми зустрічали. В полдень ми зупинилися їсти в Ланцуті, імені графа Альфреда Потоцького, із величез-

¹ Стосунки графа П. Є. Комаровського, чоловіка Марії Павлівни, з тещою і шурином у перший рік після весілля, що відбулося у листопаді 1840 р., не були безхмарними: «Бідолашна сестра, куди заманило її кохання, доля?... Не можна сказати, щоб вона була щасливою: 1-е – його фізична слабкість і хвороба, й, по-друге, сестру також засмучує те, що Поль і матінка не зійшлися...», – записав Г. П. Галаган у щоденнику на початку лютого 1841 р. (ІР НБУВ. Ф. І. Спр. 94. Арк. 92).

² Швидкісна поштова карета (нім.).

ным садом, через который проходит шоссе. К вечеру к нам пришел еще немецкий барон, молодой человек, который сел на кондукторское место, а этот – на козлы; его провожали офицеры с разными немецкими любезностями и скорее с чиновническими, нежели с военными рожами.

3-го числа мы пили кофе в Бохнии. Чем дальше ехали, тем становились виды разнообразнее, страна – населеннее, гостиницы – лучше, и тут явились уже в гостиницах не слуги, а служанки, часто очень хорошенькие, и с которыми все проезжающие совершенно *sans-gênes*¹. Мы обязаны почтовой карете тем, что не имели удовольствия, проезжая через Величку, сходить в соляные рудники, и, бывши в Подкорже, где и обедали, не могли хотя бы пойти посмотреть на Краков, который по ту сторону реки; мы видели только краковских жидовок, которые очень хорошо чешут волосы, с длинными косами. После Подкоржа потянулись опять у нас по левую сторону дороги огромные и живописные холмы, покрытые сосновым и еловым лесом. Ночью мы проехали через город Биелиц, большой и красивый. Посреди его протекает река², разделяющая Галицию от Силезии.

Утром 4-го числа мы пили кофе в городе Тешине, – первый город, где я увидал городскую думу³. В Силезии набожность в народе превосходит еще все то, что я видел в Галиции. Тут непрерывно по дороге встречаются кресты с распятиями, образа, статуи; среди поля стоят каплицы, среди рощ на деревьях повешены образа, кресты. Костюм переменяется и делается совершенно немецким; эта перемена, впрочем, началась почти с Велички. Женщины худо, т. е. безвкусно одеты и не хороши. Мужчины без усов и в камзолах. Горы по левую сторону очень высоки, и по иным являются развалины. Подъезжая к городу Фридеку, в нем мы увидели большую толпу народа на коленях перед хоругвями и крестами; далее опять такую же толпу и множество народа мы встречали; мужчины без шляп, а женщины в белых покрывалах. Во Фридеке все улицы кипели народом, молящимся и поющим; по разным улицам шел народ с образами и крестами, обвитыми гирляндами. Причина этого религиозного торжества был праздник чудотворной иконы. Каждое соседнее село пришло с своими хоругвями и иконами поклониться образу. Этот день было воскресенье, и на дороге мы везде встречали много едущего и идущего народа. Язык здесь еще славянский, но одежда – немецкая. Места пошли прекрасные, села и деревни очень чисты; по шоссе много лип и других тенистых деревьев. Выехавши из Фридека, мы видели на высокой, но совершенно голой горе развалины замка, который, как говорил кондуктор, принадлежал рыцарям ордена тамплиеров. Вечером мы приехали сюда, в Ольмиц, и увидели прехорошенький и чистый городок; но скажу прежде еще что-нибудь о

¹ Безцеремонні (фр.)

² Річка Бяла.

³ Йдеться про ратушу.

дороге. Более всего попадались нам обозы венгерские, фуры огромные, с широкими ободами на колесах и запряженные шестью огромными лошадьми в краковской упряжи. Судя по рассказам, Венгрия должна быть счастливая страна: податный оклад очень мал, а средства велики, к тому же молодцы венгерцы успели отстоять свои права¹.

Села и деревни по дороге очень красивы, все в садах; постройки прочны и большею частью покрыты соломой. Поля славно обработаны и унавожены, много сеют клеверу. Ольмиц – небольшой город, но очень хорошо обстроен; крепость здесь очень велика, и потому город наводнен военными. Мы приехали сюда в ту пору, когда здешние жители празднуют день освобождения своего от пруссаков при Фридрихе II², по этому случаю лучшие трактиры заняты, и мы остановились в простом трактире, взявши наперед места в почтовой карете на завтрашний день. Трактир, хотя простой, но очень чист; вся прислуга, и для нумеров, и для стола, состоит из девушки и старухи. Нам дали огромный номер с 5-ю кроватями, на которых вместо одеял – перины! Обед, хотя беден, но сносен. Тут общество чисто немецкое; кажется, что когда немцы положат себе быть веселыми, то употребляют на то все силы, от малейшего острого слова все общество хохочет. Утром, до обеда, мы ходили по городу и нашли публичную библиотеку. Мы тотчас зашли в нее. Баба, встретившая нас, сказала, что в понедельник библиотека заперта, но что для иностранцев все покажут. Мы взойшли наверх к библиотечарю. Нас встретил в маленьких и чистеньких комнатах старичок, опрятно одетый, и спросил, что нам угодно. Мы отвечали, что мы иностранцы, путешественники, и желаем видеть библиотеку. «Gut! Mit den größten Vergnügen, meine Herren!»³ Добрый старичок, я говорю «добрый», потому что это написано на его лице, просил нас садиться, а сам пошел одеться и, когда вышел к нам, мы увидели, что он – пастор. Его внимание и услужливость приводили нас в восхищение. Он повел нас в библиотеку, которая, также как и Лембергская, сделана в упраздненном монастыре, показывал редкие рукописи, носил и перетаскивал огромные книги, и во всем этом если бы замешалось хоть сколько-нибудь интереса! Мы невольно вспомнили о нашей стороне и, да, со вздохом взглянули друг на друга. Добрый старичок, коего фамилия Рихтер, доставил нам разные сведения: библиотека состоит из 43000 книг; в университете – 1200 студентов.

Мариенбад. 17 августа. По моему обыкновению, я опять оставил мой журнал более чем на месяц. В это время, от 5-го июля, я много видел, много испытал! И теперь, пока еще подробности не изгладились из головы, опишу

¹ У тогочасній Угорщині значна частина дворянства перебувала в опозиції щодо централізаторської політики Габсбурзької монархії. Інституційними форпостами угорських дворян-автономістів були комітатські зібрання і Державні збори (сейм) – станово-представницькі органи, що збереглися в Угорщині ще з середньовіччя.

² Відзначалася успішна оборона Оломоуца від прусських військ з 4 травня по 2 липня 1758 р., під час Семилітньої війни.

³ Добре! З превеликим задоволенням, панове! (нім.).

путешествие и мое пребывание в Мариенбаде по порядку историческому.

Из Ольмица.

Начну с отъезда из Ольмица в Прагу.

Из Ольмица мы проехали еще миль 10 по Моравии, и в Цвитау въехали в Богемию. Товарищем нашим в дилижансе был один венгерский негодник, весельчак и bon vivant¹. Выехавши 6-го на ночь, мы приехали рано утром в Цвитау, где, переехав гору, въехали в Богемию; чем далее ехали, тем лучше становилась страна. Деревни и села в садах, дороги обсажены сливами и вишнями. Города попадались очень часто, и все они построены на один лад. Посреди города – площадь, на которой поставлена колонна с разными святыми вокруг². Несколько улиц, хорошо обстроенных, окружают площадь, и в них въезжают в старинные ворота. Вот общий характер маленьких городов Силезии, Моравии и Богемии, хотя в последней они гораздо лучше обстроены. Поля обработаны очень хорошо и много сеют клеверу.

Прага.

7-го утром мы приехали в древний, великолепный и в высшей степени любопытный город Прагу. Об этом месте мне очень много следует говорить: во-первых, о самом городе, потом – о славянизме и о Ганке.

1) Обзор города Праги. Еще на дороге мы купили: «Der Führer durch Prag»³, где можно найти подробное описание этого города, но это недостаточно: мы должны были нанять lohп-лакея, который везде водил нас. Прага перерезана рекою Молдавою на 2 не совсем равные части. На правом берегу – самая большая часть города, и расположена на плоском месте, хотя окружена возвышенностями. Она состоит из 3-х частей: а) Altstadt; б) Neustadt; в) Judenstadt. Первая есть самая большая и примыкает к реке; она тем отличается от других, что все въезды в нее – через ворота. В старом городе нет прямых улиц; великолепие поражает на каждом шагу. Дома высокие, и все старинной архитектуры. Множество церквей (в Праге считается 52 католич[еские] церкви и 14 монастырей) с башнями дают городу особенный чудесный вид. Дома большею частью темного цвета, но не грязные. Почти в каждой улице есть 2 или 3 дворца богатых богемских графов. Они все хорошей архитектуры à la rococo⁴. На главной площади замечательна городская дума своею старинною готическою архитектурою; по другую сторону площади – Соборная церковь Тайны⁵. Ее нижняя часть закрыта домами, но верхняя вся видна и представляет две башни, из коих каждая имеет 5 готических шпицев. Внутренность богата и величественна; по стенам стоят надгробные памятники рыцарей, грубо вырезанные из дерева статуи

¹ Бонвиван (фр.).

² Идетсья про «чумні стовпи» – пам'ятники із зображеннями Діви Марії та святих, що споруджувалися з нагоди припинення пошесті. У країнах Центральної Європи «чумні стовпи» належать до барокової доби (XVII–XVIII ст.).

³ Klutschak F. Der Führer durch Prag. Prag, 1838.

⁴ На кшталт рококо (фр.)

⁵ Тинська церква.

en bas-relief¹; в числе их находится и памятник Тихобраги. Новый город правилен, имеет широкие улицы, и почти окружает старый. Жидовский город есть маленький и грязный уголок возле Молдавы. В старом городе улицы, ведущие к мосту, чрезвычайно великолепны; магазинов и лавок множество; улицы очень оживлены множеством пешеходов и отчасти экипажей. Театр довольно велик, но в середине очень темен. Я видел в нем первый вечер «Kabale und Liebe»², в которой очень отличилась венская актриса Пехе (Peché). На другой день я был на опере «Норма», и здесь очень хорошо пела Россе³. В театре довольно шумно и вольно. В антракте также надевают шляпы.

Францисбад.

От 23 по 31 августа.

23-го числа я расстался в Карлсбаде с Фед[ором] Вас[ильевичем] и на время буду один. Одиночество на это время меня не печалит, и я бы рад даже быть совсем один, без Михайла. Из Карлсбада во Францисбад я ехал по хорошеньким местам. Особенно заметил я Эльбоген или по-слав[янски] Локоть, город, расположенный на крутом завороте реки, через которую, на довольно большой высоте гор, брошен цепной мост. Из Эльбогена идет дорога по скату крутой и живописной горы к городу Фалькенау. Город, похожий на все другие, но замеч[ателен] тем, что окружен огромными плантациями хмелю. В нем сад и дом графа Ностица. В 4 часа пополудни я приехал в Эгер, город довольно большой, древний и очень национальный. Здесь я пообедал и отправился во Францисбад, в полмили от Эгера. Мы спустились по аллее итальянск[их] тополей в очень обширную равнину, посередине которой находится Францисбад. Остановясь возле почты, я встал, чтобы искать квартиры; тут подошел ко мне русский и указал дешевую квартиру возле почты – zum grünen Baum, где я точно нанял две комнаты за 5 гульденов в неделю. Францисбад совершенно в другом роде в сравнении с Мариен- и Карлсбадами. Это городок очень чистенький и состоящий из 5-и улиц, почти параллельных одна другой. Это могло бы дать ему монотонность, если бы он не оканчивался с одного конца бульварами, с другого – прехорошеньким садом; вообще много аллей, садов и пр. Со всех сторон – открытое поле, и горы только вдали синеются; здесь свободно можно дышать, особенно малороссиянину. Равнина чрезвычайно населена, стоит взойти на малейшую возвышенность, чтобы увидеть много сел и деревень со всех сторон; народ здесь живет очень хорошо и в довольстве. По кур-листу я увидел, что граф Пушкин там, но мне сказали на его квартире, что он в тот день утром выехал. Тогда я пошел к Капнисту Алексею Васильевичу. Он живет с одним молоденьким офицером гвардии Батуриным (Никол[ай] Сергеич). Сначала, т. е. первые два дня, наши отношения были довольно церемонны, но по-

¹ У барельеф (фр.).

² «Підступність і кохання» (нім.), п'єса Ф. Шиллера.

³ Идется, возможно, про оперную співачку Генрієтту Гроссер.

том мы очень сблизилась. Капнист – умный и довольно образованный в душе человек. Маленькая самоуверенность делает его часто странным, но, впрочем, он человек приятный и умный. Батурин очень молод и при этом чрезвычайно мнителен до ипохондрии. Капнист принимает в нем участие и старается от этого отучить его. Первые два дня я много писал и написал два длинные письма к дяденьке и тетеньке. Но мне было очень грустно. Я был по пути к маменьке и должен был еще ждать! Я пил визен брут и купался в Францисбаде. 25-го утром я ходил пешком в Эгер (час ходьбы) по приятной дороге. Эгер – довольно большой город, имеет 12000 жителей. Много старинных строений. Напившись кофе, я пошел на дом и нечаянно зашел в так назыв[аемый] Krämlings-Bastei. Вал с остатком стены; вид прекрасный на Эгру вверх. Оттуда я прошел в Schloss-Bastei, замок Валленштейна, где были убиты его четыре генерала; живописные развалины и одна башня, вся из лавы. 26-го мы ездили втроем в *Gesellschaftswagen*¹ в Вильдштейн; открытое место на горе, возле большого лесу. Там – камень, который перерезан границей Саксонии и Австрии. Вид открыт, но нечего особенного смотреть. 28-го, после обеда, мы ездили в монастырь Мариакюльм²; церковь незначительная, но замечательна тем, что там жили прежде разбойники, коих котерия изображена в коридоре на стенах. Странный обычай там – при похоронах, если встретятся человеческие кости, то их кладут в особенные клетки, и это на виду в коридоре. Монах, говоривший с нами, был пьян. Вечерню служили с музыкою, фальшивый орган и фальшивая скрипка. 29-го, в воскресенье, был день святого Викентия, и праздник всего Эгерского округа. Утро было прекрасное, и уже рано прошла через Францисбад целая деревня! Музыка впереди, за ней хоругви и кресты, потом ксендз, за ним весь народ в праздничных платьях. Все это шло с пением и музыкою. За этой деревней прошла другая; везде по селам слышен был звон колоколов. Вся окрестность имела что-то торжественное. Я пошел по окончанию вод пешком в Эгер. Капнист и Батурин приехали вслед за мной. Напившись кофе в гостинице *Zur Sonne*, я пошел к соборной церкви. Со всех сторон стекался народ толпами. Каждое село шло отдельно, с музыкой и пением; посреди женщин шел какой-нибудь старый дьячок и провозглашал кантаты; каждое село было руководимо своими хоругвями; я не замечал никакого религиозного чувства в народе; все, казалось, исполняли церемонию по обычаю; и так оно, в самом деле, и есть. Я имел довольно времени, чтобы рассмотреть костюм. Мужской: род сертука с короткою тальею и без пуговиц сзади, спереди – ряд частых и мелких выпуклых пуговиц из металла. Шаровары, довольно широкие, входят в узкие сапоги, которые, начиная от колен, идут до полу без всякой перемены формы. Вверху шаровары подерживаются помочами с круглою большою бляхою на груди. На голове –

¹ Омнібус (нім.).

² *Wallfahrtskirche Maria Kulm*.

плоская шляпа с круглым верхом, из середины которого висят короткие, но широкие черные ленты, на вершине шляпы. Женский. Юбка на юбке, чем их больше, тем считается лучше; почти всегда – темное платье, корсет, и на голове – огромный платок, повязанный в виде чалмы с двумя концами сзади и с узлом наверху.

В 9 часов позвонили во все колокола, и началась обедня. Церковь не могла в себя вместить больше половины народа. Музыка состояла из органа и оркестра с певчими. В 10 часов начался крестный ход по городу. Впереди всех шли школы, потом – национальная гвардия; я забыл об ней сказать. Еще не выходили из церкви, когда были расставлены перед церковью ряды национальной гвардии: мундир со вкусом, зеленый, с черным бархатным воротником и золотыми галунами; треугольная шляпа с зеленым султаном; все офицеры имеют генеральские эполеты. Мы подошли с ними поговорить, и узнали от них, что они в числе 400 из 2000 мещан; при этом гауптман с важным видом подходит ко мне и говорит: «Sie haben mich nicht erkannt. Heute der Morgens ich habe die Ehre gehabt ihnen Kaffee zu geben und jetzt sehen sie mich als schaugt Mann. Ich binn der Wihrt von der Sonne»¹. И точно, я узнал в нем хозяина гостиницы, в которой я пил кофе. Это что-то для меня совершенно новое. Хотя в Австрии национальная гвардия только в форме, но все-таки она есть народный глас, рука народа, при первом случае. Скоро вышли из церкви, и процессия пошла следующим порядком: впереди всех – школы, мужские, а потом женские, все они читали какие-то молитвы в беспорядке, что похоже было на жидовскую синагогу. За школами следовали почетные граждане, старики, за ними – большой отряд национальной гвардии, потом мальчики, одетые в красном с белыми юбками (enfants du choeur²) несли кресты и хоругви, за ними следовали разного росту и толщины попы и монахи, а потом опять отряд национальной гвардии и народ. Они прошли через площадь и вошли в улицу, а потом явились из другой улицы. Вообще можно сказать, что незаметно было большого религиозного увлечения; народ исполнял обряд по обычаю.

Мы возвратились домой ровно ко времени бани. После обеда, в 3 часа, мы поехали в Gesellschaftswagen в Зигенгаус (Siegenhaus) на гуляние. Это место на правом берегу реки Эгры, вверх по реке, в ½ часа от города; вид оттуда на город очень хорош. Гуляние – такое, как обыкновенно бывает в Германии, т. е. столы расставлены на площади в саду, и за столами сидят немцы и немки, пьют пиво, курят трубки, вяжут чулки – может ли быть что-нибудь глупее этого? Музыка егерского полка очень

¹ Ви не впізнали мене. Сьогодні зранку я мав честь подати Вам каву, а тепер бачите мене як вояка. Я господар готелю «Зонне» (нім.). З Г. П. Галаганом розмовляв господар готелю Zur Goldenen Sonne і командир егерського міського ополчення Франц Блехшмідт (Franz Blechschmidt).

² Діти-хористи (фр.).

хороша, она играла там.

30-го числа Капнист и Батурин почти принудили меня поехать с ними в местечко Вальдзассен (в Баварии), полторы мили от Францесбада. Мы поехали только для того, чтобы рассеяться, потому что очень мало слышали об этом месте. Но как приятно были обмануты в наших ожиданиях! Часто случается, что немцы расхваливают местоположение, в котором ничего нет особенного. Напротив того, об Вальдзассене они ничего не говорят (может быть, там нехорошо пиво), а между тем это одно из самых замечательных мест этих стран. Это огромная церковь строгой и прелестнейшей итальянской архитектуры внутри, а снаружи не представляет ничего изящного. Внутри она сделана высокими арками, между которыми овальные купола, посередине купол темный и свет только со сторон. Карнизы, барельефы, альфрески необыкновенно хороши, особенно один альфреско: в овальном куполе представлено распятие. Средний купол представляет Бога Саваофа, окруженного всеми небесными силами. В скульптурном роде замечательны мраморные статуи из цельного мрамора и деревянные ангелы на боковых сидениях. Необыкновенные выражения. Что касается до живописи, то мы все были поражены необыкновенною красотою большой картины Андреаса Вольфа. Она изображает Успение Божией Матери и составляет две части: нижнюю, где представлено тело Богородицы на мраморном гробу, в перспективе; с правой – 3 и с левой – 5 фигур окружают это тело. Вся эта группа освещена сверху. Верхняя часть изображает Богородицу, восходящую на небеса, она покоится на большой группе ангелов, которые группированы в форме какого-то сосуда, в котором несется душа Богородицы. Ее встречает с правой стороны Гавриил с лилией. Свет, голубой, яркий, освещающий всю эту верхнюю группу, необыкновенно хорош. От верхней группы падает тень на середину нижней; все это вместе чрезвычайно хорошо выражает мысль отделения неба от земного. Церковь эта построена в 1681 году архитектором Шнеуселем, учеником Палладия (как догадывается Капнист). Al-fresco сделаны в 1696 году Штаднфресером, а скульптурные работы – художником города Эгера Шниссом¹.

3-го августа, в 7 часов утра, я выехал из Францисбада в наемной коляске, которая должна была доставить меня к вечеру в Байреут.

Байреут.

1-го сентября.

Fantaisie.

Бамберг.

Берега Мейна.

Швейнфурт.

¹ Монастирський собор у Вальдзассені – пам'ятку південно-німецького бароко – було споруджено архітектором Георгом Дінценхофером за участі Авраама Лойтнера. У храмі є фрески Йоганна Якоба Штайнфельса та скульптури Карла Штільпа.

Из Гейдельберга во Франкфурт через Майнц и Маннгейм.

24 и 25. Простившись с графом Ранцау, я пришел домой, мы расплатились с трактиром и поехали в паровозе. Приехавши в Маннгейм, мы переехали только из паровоза до парохода и там, в Hôtel de l'Europe, пообедав, в 4 часа отправились вниз по Рейну. Погода была хороша, и все были на палубе; общество состояло большею частью из англичан, из которых один шотландец ехал в шотландской клетчатой шапке. Из немцев было семейство, которое я еще прежде встречал, – отец, мать и хорошенькая дочь. Она бросала на меня взгляды, и я проводил много времени, смотря ей в глаза. Мы проехали мимо Вормса, и я видел собор издали. Он похож на бамбергский. В Майнц мы приехали ночью и в сильный холодный дождь.

Франкфурт.

[С] 25 до 27 сентября.

На другой день отправились на паровозе во Франкфурт в 8 часов утра. В 9 часов, приехавши сюда, во Франкфурт, мы остановились в Hôtel à l'Empereur Romain. Нам дали квартиру на самом верхнем этаже, и из окон славный вид на всю улицу Zeile, так оживленной толпами народа. Мы пошли, прежде всего, к портному, и я, сверх ожидания, был очень доволен фасоном моего paltoo; от портного мы пошли нанимать коляску в Бокенгейм и зашли в Holländ[ischer] Hof выпить шоколаду, как вдруг [я] был удивлен встречей гувернера Ульяниных, Адельгейма. Он мне очень напомнил Петербург и моих товарищей. Семейство Ульяниных тут, но я спешил и отложил визит на другой день. В Бокенгейме нас привезли прямо к Рейферту. Он показывал мне контракт с Полем, и я ему сказал, что непременно закажу коляску, чтобы заготовлял материал. У него славные экипажи; и он показывал нам своего сочинения особенного рода упряжь, с которой можно вдруг отпрячь дышловых лошадей, если они понесут; это очень удобно для четырехколесного кабриолета.

В 4 часа мы обедали à table d'hôte, которое здесь по два раза в день. С нами вместе село за стол семейство ген. Салова. Мы, разумеется, с ними разговорились, познакомились, и он нас попотчевал шампанским. После обеда мы были обрадованы совершенно неожиданным приездом обоих Магденок. Они прямо приехали из Мариенбада и передали много новостей, напр[имер], что тепельские монахи давали обед: кн. Щербатовой, кн. Кочубей и лорду Жоселену. Магденки взяли номер рядом с нами. Андрей поворчал немного на брата, уж не знаю, за что, а Алексей, всегда тот же милый, добрый, взял билет в концерт, чтобы быть вместе, и мы отправились на концерт Листа. Довольно большая зала была совершенно наполнена слушателями. Концерт начался с septuor'a Hummel'a¹. Тут Лист явился как верный исполнитель Гумеля, без всяких оригинальностей. Он – человек средневысокого роста, длинное интересное лицо, длинные волосы, и

¹ Септет Й. Н. Гуммеля.

вообще худошав. В игре он очень подымает руки и роняет их на клавиши, чтобы взять аккорд. После пения какой-то певицы явился опять Лист, но уже для своей пьесы. Он сыграл знаменитую «Ständchen»¹. Что сказать? Мне не понравилась игра темы, но дальше он меня поразил. Его pianissimo есть что-то удивительное, проникающее до глубины души. Он еще играл другие немецкие песни, в том же роде, и под конец – свои вариации на тему Моцартова «Дон Жуана». Тут он явился прыгуном² и также удивлял всех своей необыкновенной игрой, но мне кажется, что его pianissimo выше.

26-го числа было воскресенье. Утром пришел Корейша, который успел сделать уже путешествие по Рейну и ожидал здесь Магденков. Одевшись, мы отправились: я пошел в собор к обедне, а оттуда – на почту, где отдал письмо маменьке в Лион, а Федор Вас[ильевич] повел всех в галерею и к Бетману. Я совершенно забыл сказать, что 25-го числа мы были у банкира Бетмана и получили по кредитиву деньги: 5000 рублей. Странное неприятное чувство быть у банкира: большие комнаты, мрачные, закопченные, из которых все изящное бежало, чтобы дать место подлым деньгам, и среди одной комнаты на длинных столах – кучи золота и серебра; по углам несколько человек делают счета; отовсюду веет неприятным холодом. Я был рад, когда мы ушли.

Итак, я отправился к обедне, но уже не застал ее. Тогда, надев приличное платье, я пошел к Ульяниным. У них все то же! Теперь здесь только мать с дочерьми и с меньшим сыном, а отца с Алексеем ожидают. Мы обедали в час, и после обеда все были дома. В 6 часов Фед[ор] Васи[льевич] уехал, и мне было очень грустно; мы теперь долго с ним не увидимся. Он поехал в Лютих и везде будет подолгу останавливаться. Наше место rendez-vous – не прежде, как Ницца. Итак, я опять один, и еще больше, чем прежде, потому что вместо Михайла-говорунa – Евдоким-tacitus³.

Вечером мы пошли все в балаган. Он был набит народом, и толпа очень шумела. После долгих скачек было представление пантомимное: Наполеон Бонапарте в разных картинах. Тут явились гренадеры, и музыка заиграла la Marseillaise⁴; тут мы все почувствовали, что мы в чужих краях. Наполеон сам выехал на белом коне, в сером сертуке, и очень был похож фигурой. Под конец представления был фейерверк. Все вообще продолжалось очень долго. Меня чрезвычайно занимала толпа, которая здесь очень свободна. 27-го утром, в 11 часов, я попрощался с добрыми Магденками. Алексей дал мне письмо в Мюнхен, и [я] поехал в Вюрцбург.

Из Франкфурта в Вюрцбург.

27-го числа.

Меня посадили в четвероуместную карету с шестью местами, так что всем было очень тесно. Со мной ехали трое мужчин на передней скамейке,

¹ «Серенада» Ф. Шуберта.

² Идетя про оригинальну виконавську манеру Ф. Ліста.

³ Мовчун (лат.).

⁴ Марсельеза (фр.).

а между мной и Евдокимом – какая-то женщина. Мы ехали на Ганау, хорошенький городок. В Ашафенбурге нам дали $\frac{1}{4}$ часа на обед. Один из мужчин остался там, а другие два ехали вместе. Я с ними разговорился. Они меня приняли за француза. Они – два брата (Мейснер) из Праги, и мы сошлись как славяне. Впрочем, я в них не заметил большого славянизма. Мы много разговаривали о разных предметах. Меньшой брат – пражский студент. По его словам, у них в Праге противоположная мания Гейдельбергу, т. е. быть как можно больше *comme il faut*¹. Мы ехали по хорошим местам, особенно въехавши в Спессарт. Он здесь живописнее, чем по той дороге², особенно мне понравилась одна долина, прелестная в полном смысле; она разделяется на несколько рукавов и вся занята живописным селом. Мы приехали в Вюрцбург ночью, в 12 часов, и я остановился Zum Deutschen Hof.

Вюрцбург.

28 сентября.

Сегодня утром я, напившись кофе, взял *John-laquais* и от 8-и и до $\frac{1}{2}$ 1-го все осматривал. Мы прямо пошли в университетскую церковь. В ней ничего нет замечательного. Оттуда – во дворец. Дворец очень велик и прекрасной архитектуры. Он был построен в конце 17-го века. Первое основание положил епископ граф Шенборн. Чрезвычайно замечателен вход. Род квадратной залы, с двумя воротами, и налево – великолепная лестница. Если стать посередине этого входа и хлопнуть, то [эхо] несколько раз повторит, и по всему плафону идет грохот, от голосов слышен посередине непрерывный шум. Лестница очень великолепна. Кастеллан повел меня, прежде всего, в отделение вдовствующей королевы³, там замечательная комната, где такое же эхо, как во входе. Через весь задний фасад идет длиной 600 футов ряд комнат, отделение короля⁴. С одного конца едва можно различить предметы на другом. На этом пространстве – 18 комнат, из них одна есть чудо света. Стены и плафон в ней зеркальные, а по зеркалу приметны рисунки: золотые арабески, гирлянды цветов, хорошенькие головки с напудренными волосами, птицы, боги, не знаю, чего там нет. Когда заперли все двери, то голова кружится. Кажется, что я посреди какого-то хаоса. Зала также хороша, хотя не очень велика. Много комнат с гобеленовыми обоями. Церковь дворцовая чрезвычайно богата украшениями рососо. Осмотрев дворец, я пошел в так назыв[аемую] St. Marie Kirche. Снаружи в ней много готической резьбы. Потом – St. Julius, также хороша церковь, и, наконец, – в Dom⁵. Он очень велик и построен крестом. Когда я вошел, то там служилась обедня за упокой умершего духовного. Музыка органа очень хороша, тихие аккорды.

Julius-Hospital – огромное строение с ботаническим садом. Осмотрев

¹ Комільфо, відповідати великосвітським нормам (фр.).

² До Вюрцбурга можна було дійхати різними шляхами.

³ Кароліні Баденської, вдови баварського короля Максиміліана I.

⁴ Людвіг I Баварський, за життя свого батька Максиміліана I, будучи спадкоємцем престолу, мешкав у Вюрцбурзі.

⁵ Вюрцбурзький собор св. Кіліана.

ети места, мы перешли через реку и отправились в крепость. Она находится на высокой горе и издали похожа на замок. Укрепления огромные, а между стенами – виноградные террасы. Нынешний король не любит военных, а потому гарнизон очень неполный. Мы долго шли наверх, но я был вознагражден видом с главной террасы. Прямо внизу виден весь Вюрцбург, окруженный виноградными горами; направо – долина вверх по Майну извивается между горами, там и сям – села и деревни. Налево Майн теряется в обширной и плодородной долине, также очень населенной; также предместье Вюрцбурга вверх по реке все в садах. В крепости замечательна небольшая церковь, переделанная из храма Дианы. В ней показывают кусочки тернового венка Спасителя. Из крепости мы опять сошли вниз и снова пошли на гору – на так называемую Kaepeler. Место очень священное. Церковь с чудотворной статуей Божьей Матери. К этой церкви ведет с самого низу горы лестница с террасами; на каждой из них – по три каплицы, а в них изображаются все страсти Христовы. Таких террас пять. Лакей рассказывал мне много чудес. Я возвратился домой в час, и после обеда, побродив немного по улицам, лег спать, потому что дилижанс отходит в 12 час. ночи. Вюрцбург вообще имеет в себе более характер мрачный и печальный, нежели величественный, исключая дворца; вообще город довольно мало оживлен, хороших магазинов почти нет, из высшего общества я никого не видел. В 11 часов ночи меня разбудили, и я отправился на почту.

Из Вюрцбурга в Нюрнберг.

29 сентября.

Что может быть гаже баварских дилижансов? Карета, набившаяся бедными пассажирами, которые не могут повернуться. Притом редко останавливается, а если остановится, то надобно спешить есть или пить, что вредно для желудка. В этом переезде я испытал все неприятности такой езды. Со мной сидели все надутые немцы, редко кто говорил. Трое мужчин, один, вероятно, студент, все пил из бутылочки рейнвейн, другой – надутый и немного пьяный, третий – надутый и не пьяный, четвертая персона была какая-то растрепанная женщина. Мы выехали в ½ 1-го в прекрасную лунную ночь и ехали долго все по плоским возвышенностям, потом я заснул и ничего не видел; за час до восхода солнца я проснулся. Мы все ехали по плоским возвышенностям, деревни и села очень чисты, только чем дальше ехали, тем больше являлось иглистых деревьев. В городке Нейштадте мы пили кофе; местоположение хорошо. Подъезжая к Фюрту, мы ехали по прекрасными аллеям. Фюрт – большой город, хорошо выстроенный. Из Фюрта до Нюренберга мы все ехали паралельно и очень близко с железной дорогою, состоящей из одного рельса. В 12 часов мы приехали в Нюренберг, и я остановился на широкой и нерегулярной улице в трактире Zum Wittelsbacher Hof.

Нюрнберг.

29 – 1 октября.

30 сентября.

Вчера, приехавши, я выбрился и пошел за table d'hôte. Мне было очень и очень грустно. Вчера по-нашему штилю было 17 сентября, в Дегтярях праздник¹, все родственники, знакомые там; маменька и сестра, Поль – Бог знает где, может быть, около Лиона, Фед[ор] Васильевич должен быть в Кёльне, а я совершенно один! Это навело на меня ужасную грусть. За столом обедали какой-то мужчина с толстыми усами, с женой и с дочерью, он ужасно ухаживал около какого-то старого военного, вероятно, полковника, которому почти все кланялись. Они говорили о каком-то гулянии, и я узнал, что есть гулянье возле Фюрта. После обеда к 3-м часам я пошел на железную дорогу. Хотя день был очень жаркий, но я взял на руку пальто. Вторые места до Фюрта стоят 6 крейцеров (!). Мы ехали 10 минут; со мной разговорился какой-то пожилой немец в очках и в соломенной шляпе с черным крепом; узнавши, что я еду гулять на старой крепости (*die Alte Veste*), что было также и его целью, он предложил идти вместе. Я не знал, что делать с моим пальтоо, тогда он меня повел к надзирателю дороги и отдал ему пальтоо. Мы пошли, перейдя несколько улиц Фюрта, по обширному полю, прошли деревню и вошли в густой сосновый лес. Там мы поднялись на крутую гору, на которой каменная терраса посреди грабинного лесу² и довольно высокая четырехугольная башня. Это место называется «старою крепостью», от которой еще остались маленькие укрепления. Оно замечательно тем, что здесь встретились Валленштейн и Густав Адольф в 30-летнюю войну. Первый занимал возвышенность, второй – равнину до самого Нюрнберга; встреча кончилась ничем³.

На террасе, по обыкновению, пьют кофе и пиво. Вид с нее, особенно с башни, построенной на акциях, очень обширен; множество леса покрывает обширную равнину, на которой Фюрт и Нюрнберг; налево видны башни Эрлангена, прямо – оба города, а на горизонте видно часть Фихтельских гор и Франконских. Я еще познакомился там с каким-то швейцарцем. Немец, приведший меня туда, был так добр, что отыскал меня и дал записочку с именем того, у которого был мой пальтоо, и мы отправились с швейцарцем вдвоем в Фюрт. Так как мы пришли еще рано, то пошли в кабинет древностей Пикерта. Сам хозяин был там. Он занимается уже 30 лет собиранием древностей и уже имеет огромную коллекцию; темнота не позволила нам долго остаться, и мы поехали домой. Разговоры с швейцарцем были другого рода в сравнении с разго-

¹ 17 вересня у Дігтярях святкували іменини Софії Олександрівни Галаган.

² Грабовий ліс.

³ Йдеться про битву при Альте Весте 9 вересня 1632 р. між габсбурзькою імперською армією на чолі з Альбрехтом фон Валленштейном і шведськими військами під командуванням короля Густава II Адольфа.

вором немца. Мы ехали по железной дороге на двух лошадях. Приехавши, я, усталый, лег спать.

Сегодня я очень приятно провел время. Целый день я смотрел, беспрерывно новые предметы поражали меня, смотрел и очень часто восхищался. В 7 часов утра, напившись кофе, я вышел. Lohn-laquais, маленький старичок, повел меня, прежде всего, по длинной и прекрасной улице к церкви S. Laurenz. Огромная великолепная церковь прелестной готической архитектуры. Портик, с готической аркой и розетой, поражает своим великолепием; по обеим сторонам его – две высокие башни четырехугольные, с резьбой, а наверху – шпигель железный на одной, с просветами и золотыми украшениями, на другой – без просветов и покрыт жезью. Внутренность совершенно вполне соответствует наружному. Великолепие удивляет. Так как эта церковь, как и все почти здесь, протестантская, то простота царствует везде. Главный престол – на мраморном столе, возвышен ступень на четыре. Церковь – 200 с чем-то футов длины и 80 – ширины; арки очень высоки, остры и поддерживаемы на тонких, длинных колоннах. За главным престолом церковь восьмиугольная; окна огромны и все стекла разрисованы еще старыми красками; рисунки чрезвычайно хороши, а краски – еще лучше. Налево от престола стоит табернакль Адама Крафта. Это chef-d'œuvre¹ готического рисунка. Он весь сделан из белого камня и очень высок. Рисунок его так поразительно хорош, что нельзя отвести от него глаз. По боковым стенам есть несколько картин Альбрехта Дюрера, изображающих святых. Кафедра новая, сделана в старом вкусе. Вышедши из церкви, мы подошли к фонтану, прекрасно сделанному из бронзы. Он представляет большую группу кариатид и амуров; кариатиды выпускают воду из груди, а амур – из труб, в которые трубят; все это составляет множество тоненьких струек. Напротив церкви, немного наискось, стоит древний готический дом графа Нассау, который был строитель церкви. Он сам изображен внизу у дома. За церковью идет маленькая улица, разделяющаяся на три, из которых на одной – театр. Осмотрев эти места, мы пошли к реке Пегниц, разделяющей город на две равные части. Река очень узка и разделяется несколько раз на два рукава; этим она образует острова; через нее перекинуты (по словам лакея) 8 мостов каменных и 11 деревянных; я переходил через 4 каменных и 3 деревянных и видел еще 2 камен[ных] и 2 деревянных. Перейдя на правый берег, мы пошли на рынок: большая площадь, посреди которой построены хорошие ряды в форме «П». Тут католическая церковь, единственная в городе, небольшая, но прекрасной готической архитектуры; на противоположном конце площади стоит фонтан готической архитектуры, также Адама Крафта; красота его неопишная; он очень высок, и на нем в два этажа стоят статуи: на верхнем, маленьком, ряду – пророки, а на нижнем, ростом в полчеловека, – разные великие люди; башня эта стоит

¹ Шедевр (фр.).

посередині басейна, восьми- або десятикутного; по кутам його сидять бронзові сфінкси, льви, собаки і т. п. і випускають воду з рота. Від фонтана ми пішли [на] велику вулицю, ведучу трохи вгору, і на висоті її ми знайшли hotel de ville¹, велике будівництво у смаку renaissance; на дворі є решток самого давнього hotel'a в готич[ескому] смаку або, скоріше, початку, тому що він ніколи не був закінчений. У цьому будівництві вражаючі дві зали і коридор. Перша зала, чорна, невелика, на третьому поверсі, з готич[еским] плафоном, на стінах розвішені у весь зріст портрети так звані Stifter², або засновників якихось корисних закладів; біля цієї зали – довгий коридор, на плафоні якого зображено en relief³ лицарський турнір. Фігури досить великі, і багато щитів – з гербами, розфарбовані, всі решта – білого гіпсу. Друга зала велика і з напівкруглим сводом, по якому йдуть обручі у готичному смаку; у одного кінця зали – підвищення, на якому стоять бюсти, тому що вона служить для концертів, посередині зали – стіл і крісла для рад, а на іншому кінці – портрет короля. На світлій стіні, між вікнами, зображені різні знамениті казні, здійснені в Нюрнберзі, і, між іншим, гільотина, раніше, ніж вона з'явилася у Франції. На другій стіні – картини Альбрехта Дюрера: хор музикантів на балконі і триумфальна колісниця імператора Максимиліана. У верхній залі є вірші, написані місцевим королем, про Нюрнберзі; вони написані великими буквами і навколо них чудово зроблені види міста. Тут взагалі не дуже люблять короля. Він дуже любить будуватися, і тому багато грошей йде на ці споруди; він артист, поет, а це взагалі не йде королю. У Баварії конституція, але народ взагалі не відчуває її. Король керує всім, а всі решта тільки дивляться і мовчать. З hotel de ville ми пішли в церкву St. Sebald. Багато її дуже вражають, але в моїх очах, хоча вона дуже хороша, але втрачає у порівнянні з Laurenz; дві вежі, дуже високі, стоять у одного кінця, у головного престолу, у другого кінця – верхній престол. Зовні вежі дуже прості, і, як мені здається, мало елегантні, між ними знаходиться величезне розп'яття з цинку, його вага – 1872 фунтів, роботи Фішера. Всередині церква вся заповнена пронумерованими місцями, так що важко ходити по ній. Поруч верхнього престолу стоїть гроб святого Себальда, дуже багатий, бронзовий. З цієї церкви ми пішли на гору zur alten Burg⁴, давня фортеця з замком, пануючим над усім містом. Ми шли по валу, з якого чудово відкритий вид на околиці з боку Ерлангена. Вхід у фортецю – у великі ворота, на яких ще залишився імператорський герб. Поруч замку невелика тераса, з якої вид на місто дуже хороший. З неї видно всі церкви і всі головні будівлі. Не вдало відстані видно

¹ Ратуша (фр.).

² Фундатор (нім.).

³ Рельєфно (фр.).

⁴ До старого замку (нім.).

на одной крыше дома из камня высеченный ангел в положении Меркурия. Это исторический памятник. Вот что мой cicerone мне рассказал об этом: во время 30-летней войны, когда Нюрнберг не изменил веру¹, генерал Тюлли был послан наказывать жителей; все солдаты были размещены по квартирам, и им было велено в 12 часов дня поубивать своих хозяев. Один из них был слишком встревожен этим, и хозяин его, заметив это, спросил причину его печали; воин отвечал, что под ужасной клятвой не может открыть тайны ни одному человеку, и что это именно его заботит. «Так открой тайну печке, а не человеку», – сказал ему хозяин. Воину показалась эта выдумка необыкновенною, и он согласился. Тогда хозяин спрятался за печку, а воин рассказал все, обращаясь к печке; тотчас распоряжения были сделаны, и в 12 часов Тюлли и все его войско обезоружены. Желал бы я знать, справедлива ли эта история. Из террасы мой cicerone повел меня в двор замка; двор этот очень мал, и посреди его стоит огромной толщины и тупо оканчивающаяся липа. Про нее есть предание, что императрица Кунигунда, в доказательство своей невинности в отношении к мужу, посадила эту липу корнем вверх, и когда она принялась, тогда император, пораженный этим, велел публично сжечь доносчиков. Внутри замка замечательна чрезвычайно старинная церковь, полная суеверных преданий старого времени; например: там четыре колонны серого мрамора, и одна из них – не цельная. Предание гласит, что черт взял ее и бросил после молитвы одного священника. Комнат немного, но они все очень старинные, готические; вид из окон во все стороны превосходный. Вышедши из замка, мы спустились с горы и пошли на площадку, на которой стоит род капеллы; в этой капелле находится небольшое, но очень хорошее собрание картин старой школы – верхней и нижней Германии. Тут Альбрехт Дюрер господствует, я купил литографию с его «Esse homo». Также много картин Кранаха, Гольбейна и других; из картин Кранаха больше всего понравилась мне «Грешница, приведенная пред Иисусом». Оттуда пошли в церковь St. Egidé. Возле нее – две старые маленькие церкви, которым по 800 лет каждой. Сама церковь архитектуры renaissance; впрочем, подробностей я не заметил. Хорошо помню прекрасную картину Ван Дика – сцена после снятия со креста; выражение Божией Матери кажется мне удивительно хорошо. Верхняя половина картины приделана после, на ней – облака и ангелы. После осмотра всех этих замечательностей лакей повел меня еще на фабрику papier-mâché², где выделываются славные игрушки.

Пришедши домой, я пошел обедать, а после обеда, отдохнувши немного, пошел один (потому что лакея отпустил), пошел в сады, куда глаза глядят. Ноги завели меня в так называемую Hallerwiese, прелестное место по своим деревьям. Тут ряды и группы величественных огромных лип разбросаны по лугу или, скорее, два или три лужка сделаны между ними, это делает место это прелестным; отсюда заходил к Rosenau¹, где

¹ Не перейшов з протестантизму в католицитво.

² Пап'є-маше (фр.).

турецкий mosque², а потом пошел опять бродить по дальним улицам. Весь город окружен толстою стеною, с воротами, и с множеством башен; город сам чрезвычайно интересен в отношении к домам, потому что всякий дом почти имеет архитектуру, и большая часть из них – готическую. Улицы очень оживлены пешеходами, экипажей много. Народ говорит ужасным jargon³, я купил на этом наречии маленькую книжку для воспоминания.

1-го октября, в пятницу, утром я пошел на кладбище, где похоронены все знаменитые здешние артисты, и в том числе Альбрехт Дюрер⁴. Много камней с хорошими надписями. В городе есть площадь, возле Sebald, на которой стоит памятник Меланхтона, перед лицеем, который он основал, а на другой площади – Дюрер, работы Торвальдсена. Я еще раз зашел в Lourenz, и как кстати! Только что отошла служба (у протестантов по воскресеньям и пятницам), весь народ вышел, и органист наигрывал прелестные аккорды на величественном инструменте. Я стал перед алтарем Адама Крафта и несколько минут провел с большим наслаждением. В 12 часов, перекусивши немного, я отправился в несносный дилижанс.

Из Нюрнберга в Аугсбург.

от 1 – 2 октября.

Я имел место в переднем coupé⁵, а Евдоким – в середине. Я сидел между кондуктором и каким-то длинным немцем, с которым два дня сряду обедал; мы разговаривали. Страна по дороге плоска, леса сосновые и еловые. Первая станция был город Швабах, порядочно большой, потом Рот, также город, и после этого еще станция, и Вейсенбург – местечко, возле которого большая крепость на высокой горе; еще проехали до этого места город Элинген, где большой замок графа...⁶ в прекрасном местоположении. В Вейсенбурге мы ужинали в числе 16-и пассажиров, и потом разделились: часть поехала в Мюнхен прямо, а другая – в Аугсбург. Меня посадили в дрянную четырехместную карету, где мне пришлось сидеть напереди, в затылок дуло со всех сторон; ночь была светлая, и все было хорошо видно; мы часто проезжали рощи с прекрасными дубами. В 12 часов ночи мы приехали в Донаувирт, хорошенький город. Тут я слышал крикуна, который кричал согражданам: «12 Uhr patschen geschlagen!.. Fürchtet nicht vor die Nacht! Unser Herr Vater wacht. 12 Uhr hat schon geschlagen»⁷. Мы переехали Дунай, который здесь уже довольно широк, и въехали в совершенную равнину, которая при луне напомнила мне украинские степи и навела на меня грустное чувство.

¹ Парк Розенау.

² Декоративна мечеть (від фр. *mosquée*).

³ Жаргон (фр.). Йдеться про східно-франконський діалект німецької мови

⁴ Цвинтар при церкві св. Йоганна (Йоханнісфрідхоф).

⁵ Купе, відділення (фр.).

⁶ Пропуск у тексті. Елінгенський замок, що з середньовіччя належав Тевтонському ордену, на початку XIX ст. перейшов у власність баварського фельдмаршала графа Карла Філіпа фон Вреде (1767 – 1838); згодом замком володіли його нащадки.

⁷ 12 годин пробило!.. Не бійтеся ночі! Отець наш доглядає за нами. 12 годин уже пробило (нім.).

Аугсбург.

2 октября.

Я приехал в Аугсбург в 6-м часу утра, т. е., как говорится, ни то, ни сё. Не раздеваясь, я лег немного отдохнуть, и в 8 часов пошел по городу с John-laquais. Город стоит между двумя реками, которые [в] северном углу его соединяются; Лех была границею старой Баварии, а Вертах – старой Римско-Германской империи, Аугсбург же был вольным городом. Город разделяется на верхний, средний или предместье, и нижний. Очень широкая улица Maximilian StraÙe проходит вдоль по всему городу, переменяя, однако, свое название, смотря по завороту; там, где она сохраняет свое название, она очень широка и была покрыта рядами деревянных лавок, потому что в Аугсбурге началась ярмарка на две недели. На самом начале улицы, на конце города, находится огромная церковь св. Ульриха и Афры. Она полу-готической, полу-византийской архитектуры, и, что меня удивляет, это что почти на всех церквях в этом городе, и на многих деревенских, куполы византийские. Церковь Ульриха была прежде аббатством и сохранила еще много внутреннего великолепия. Из нее я прошел по Максимилиановой улице в городскую думу, которая одна из лучших в Германии. Сооружение прекрасное и чрезвычайно великолепное, с двумя византийскими куполами и с высокою башнею на правой стороне. Вход во внутренность очень великолепен, несколько рядов мраморных колонн и готические плосковатые своды. Во втором этаже есть старинная зала с резным потолком, кругом ее – комнаты, занятые теперь присутственными местами. На третьем этаже – знаменитая золотая зала, все золотые фигуры на черных стенах, она 200 футов длины, 62 – ширины и 53 – вышины; это одна из самых великолепных комнат, которые я до сих пор видел. Я взшел на башню; оттуда вид очень хорош: видно, как соединяются две реки, а с другой стороны видны на горизонте синие Тирольские Альпы. Сошедши с башни, мы продолжили идти по той же улице, которая, перейдя Людовикову площадку¹ с двумя фонтанами, сделалась узка и приняла название Carolinengasse. Здесь встретился мне налево очень древний дом, один из первых, выстроенных в Аугсбурге. Он имеет очень странную архитектуру и имеет совершенно характер замка. Немного далее этого дома – большая нерегулярная площадь, на ней – дворец епископский и собор. Последний не имеет почти никакой архитектуры, как мне кажется. Своими четырьмя башнями он напоминает немного Бамбергский собор, но внутри он очень великолепен. Он имеет около 30 престолов. Дворец имеет замечательного только одну залу, в которой была Аугсбургская исповедь при Лютере². Отсюда мы прошли в сад барона Шецдера, замечательный по бронзовой группе Гирарда 1590-го года.

¹ *Ludwigsplatz.*

² 25 червня 1530 р. на засіданні рейхстагу в каплиці єпископського палацу було виголошено «Аугсбурзьке віровизнання», складене Ф. Меланхтоном за вказівками М. Лютера. У цьому документі було викладено лютеранську догматику.

Сам город Аугсбург хорош по партикулярным строениям; он довольно жив; я был на паровом книгопечатании, где печатается «Allgemeine Zeitung», 11000 экземпляров, в 5 часов. Жаль, что я не видел галереи, но, слышав от всех и каждого об Октябрьском празднике, который должен был быть 3-го, я поспешил поехать в Мюнхен, и в 3 часа после обеда отправились в омнибусе на железную дорогу.

Из Аугсбурга в Мюнхен.

2 октября.

Стечение пассажиров было до 400 человек. Дорога не очень хорошо устроена, при всякой остановке чувствуется ужасный толчок, а при движении – вновь дергание. Страна плоская, очень населена, и все церкви сел имеют византийские купола. Издали направо все виднелись зубчатые Альпы, и чем дальше ехали, тем они становились темнее. Мы приехали в Мюнхен в 5¹/₂ часов, но разбор вещей продолжался ужасно долго; получивши вещи, я нанял одноколку и два portefaix¹ повезли вещи. Квартиры в городе были все заняты, и в силу достал маленькую комнатку за 1 fl. и 45 xr.² на день, в доме Zahlender zum gold. Hahn³.

Мюнхен.

От 3 – 9 октября.

8-го окт[ября].

Вот уже шестой день, как я здесь, и завтра думаю выехать. В эти шесть дней я видел много замечательного. Мюнхен иные путешественники называют «новыми Афинами», и, точно, в отношении искусств здесь сделано все то, что можно было сделать по средствам государства. Король здешний, Лудвиг I, большой чудак, но человек с необыкновенным вкусом, и все строения, а их полон город, полны изящного вкуса. Я расскажу не по порядку все мои здешние похождения и осмотры.

Первый день (3-е октября) был здесь большой народный праздник, называемый das Oktoberfest. Он продолжается целую неделю. Цель его есть поощрение промышленности. Со всех концов Баварии приводят к октябрю экземпляры лучшего скота, лошадей, овец, привозят фрукты, овощи, инструменты для земледелия и т. п. Особенная комиссия рассматривает все это и раздает prix⁴. Потом, в воскресенье, на большом лугу, примыкающем к городу, делают праздник, и при всем народе король раздает награды. Вот как все произошло. В воскресенье, 3-го числа, я встал довольно рано, подошел к окну и увидел улицу, совершенно наполненную толпами народа, который шел, каждый без цели, как делается в праздник. Тут можно было видеть все костюмы окрестных мест. Особенно женские костюмы очень разнообразны. Я заметил три главных женских

¹ Носильники (фр.).

² За 1 флорин і 45 крейцерів.

³ За плату в готелі «Золотий Півень» (нім.).

⁴ Приз (фр.).

костюмов. Один – с меховыми шапками на голове, с длинною, почти всегда розовою, юбкою; рукава широки и видно старание подражать моде. Другие – с какими-то странными чепчиками, с которых креп опущен на лоб; у них костюм очень пестр; юбки коротки и сзади обыкновенно род темного сукна, собранного регулярными складками. Третьи, из Верхней Баварии, – с шляпами на голове. Все же прочие костюмы подходят к одному из этих трех. Мужчины меня более занимают. Тирольцы, многие, особенно те, которые без бакенбард, а только с усами, очень имеют в физиономии много сходства с украинцами. В 9 часов во всех церквах начали служить обедни. Я оделся и пошел к секретарю русского посольства Штиглицу с рекомендательным письмом от Магденки. Сначала он мне показался сухим. Он мне дал наставление, как все удобнее видеть, и я пошел от него по церквам. Все они были наполнены: в одной играл орган, в другой проповедовали, и все это – с раскрытыми дверьми на улицу, что придавало более торжественности. Первая церковь, в которую я зашел, была Frauenkirche – большая, массивная церковь, выстроенная из дикого камня темного цвету; главный корпус и низ башен имеют готическую архитектуру в основании, но купола на двух высоких башнях византийские. Она стоит на чрезвычайно стесненной площади. Другая церковь на Людвиговой улице¹ – Theatinerkirche, она снаружи renaissance, внутри также новой римской архитектуры; она величественна, но безмерно отягощены своды лепными гирляндами. Улица Ludwig очень хороша и даже вымощена. Наискось от Театинской церкви – въезд в дворцовый сад, регулярный французский, вокруг его, т. е. с двух сторон его, так называемый базар; об нем – после. Ludwigskirche мне не понравилась, это смесь готической архитектуры и еще Бог знает какой. Внутри она не кончена, но будет очень великолепно украшена фресками. Когда уже кончилась обедня, я прошел в придворную церковь Всех Святых; она невелика, но сделана с необыкновенным вкусом и еще более с удивительною тщательностью; все святы изображены на арках и трех куполах, все на золотом поле.

Церковь св. Михаила вся состоит из одного огромного свода, и это придает ей много эффекту, в ней памятник [герцога] Лейхтенбергского, работы Торвальдсена. Походивши еще немного по улицам, наполненным народом, я возвратился домой и, отдохнув немного, в половине первого отправился с Евдокимом и молодым John-laquais на праздник. Мы шли вместе с толпой, которая вся стремилась к одним воротам. Выйдя за ворота, мы пришли к весьма большому лугу, который называется Theresienwiese, и у противоположного конца города оканчивается высоким валом. У этого вала были приготовлены разного рода строения для праздника. Все место праздника – овальной формы, и кругом его идет пустая полоса земли с перилами по сторонам для конского бегу, но я

¹ *Ludwigstraße.*

лучше расскажу другим порядком. Пройдя все выставки хозяйственных произведений, мы перешли место бега и взошли на вал. Этот вал сделан ступеньками в виде амфитеатра и был весь покрыт народом. Посередине вала ограждено место для музыкантов, а насупротив его, по ту сторону бега, т. е. на площади, – королевская палатка, большая, на возвышении, и окруженная маленькими флагами, голубыми с белым. Со всех сторон палатки, несколько поотдали, была выставка коров, бугаев, волов, лошадей разного рода, хозяйственных инструментов, и, наконец, разных родов фруктов, овощей и т. п. Налево от палатки – триумфальный въезд, направо – целый городок разных балаганов для пива, вина, кофе и разных игр. Вся площадь кругом павильона была также покрыта народом. Мы стали на один из самых высших уступов вала, и мне все было очень хорошо видно. В половине 9-го начали съезжаться в павильон разные знатные особы. Мой *cicerone* мне всех их называл; все посланники, министры, весь двор, все съехались; в конце 2-го [часа] пришла пехота национальной гвардии и расположилась против павильона на бегу. В 2 часа начали палить из пушек, и скоро после того слышали мы издали музыку. Сделалось большое движение в народе, ворота отворились, и въехал король с королевой и принцем, в коляске, запряженной шестерней *à l'anglaise*¹, а за ним – еще две коляски с разными членами двора. Он был сопровожден конною национальною гвардиєю, в мундирах, похожих на гусарские. Музыка заиграла «*God save the King*»², король встал в коляске и начал кланяться с улыбкой народу, из которого вышло несколько криков радости. Тут начались разные неудобства моего положения среди толпы. Со всех сторон толкали, несмотря на усилия Евдокима и лон-лакея; также сзади палками начали сымать шляпы с тех, которые им закрывали зрелище: «*Einheit den Hut ab, ich sehe nichts*»³, – раздавалось со всех сторон, и вслед за этим – удары по шляпе. Возле меня стоял пьяный, по виду судя – извозчик, который своими любезностями смешил всех окружающих. Между тем внизу король обходил все выставки, и, кончивши свой осмотр, который довольно долго продолжался, он возвратился в павильон. Тогда, с большим триумфом и музыкою, человек сорок, одетые в костюмы средних веков, пронесли разные значки для *prix*⁴. Впрочем, музыка и не переставала играть на возвышении, под которым стоял флаг с шифрами их величеств. После этого марша начались скачки: 38 лошадей. Жокеев были почти все безвкусно одеты. Да, еще прежде скачки выводили лошадей перед павильон, и хозяин каждой лошади, мужик, получал значок из рук короля. Беговые лошади проскакали 4 раза по бегу, и во все время – крик народа, который происходил

¹ По-англійськи (фр.).

² «Боже, бережи короля» (англ.) – монархічний гімн.

³ Зніміть шляпу, мені нічого не видно (нім.).

⁴ Приз (фр.).

от споров, кто перегонит. После скачки все кончилось. Стрельба в цель была отложена на другой день. Король и весь beau monde¹ уехали, и народ бросился к пиву.

Я возвратился домой в омнибусе в 4 часа, пообедал и после обеда, отдохнувши, пошел в 7 часов в театр. Он велик и поместителен, но мне не очень нравится. Снаружи он имеет два фронтона, один над другим. Нижний – над колоннами, верхний – над залой, и оба фронтона очень некстати раскрашены al fresco. Внутри зала слишком кругла, так что ближайшие ложи к сцене почти оборочены к ней спиною. Оркестр очень хорош и состоит из 80 или более человек. Играли оперу «Oberon»² и пела Геннефетер, очень хороший голос, но ей скоты не аплодировали, потому что она дурна собою. Это – по-петербургски.

На другой день я посвятил все утро осмотру картинной галереи или, как здесь называют по повелению короля, Пинакотеки. Это прекрасное и огромное здание в итальянском вкусе. Лестница под мрамор очень хороша. Первая комната, [...], четырехугольная, и на стенах ее развешаны портреты баварских королей; за этой комнатой начинаются залы.

Первая зала содержит в себе картины старой немецкой школы до XV века. Тут Дюрер, Гольбейн, Кранах, Вольгемут, учитель Дюрера, и другие. Эти все картины любопытно видеть, как первые ступени к искусству живописи, но почти все они имеют в себе слишком мало изящного. Многие картины Дюрера и Кранаха имеют лица с большим выражением, но где коснется до пропорций или перспективы, там исполнение очень слабо. Об залах должно вообще сказать, что они устроены как нельзя лучше. Свет сходит с потолка с лепною плоскою аркою. Потолок весь белый, и по нем en relief³ золотые арабески.

Во второй зале также старая немецкая школа, но только уже с большим влиянием итальянской школы, и это влияние видно постепенно. Старые мастера не переменяют своей кисти, но являются новые: первый из них есть Пенц, род[ившийся в] 1500 [году]. У него у первого заметил я другой колорит, другой цвет тела, гораздо естественнее, и другое поле картины, в его «Венере и Амуре», потому что он докончил учение свое в Италии. Вообще тут с половины этой залы начинается другой род картин. Двенадцать картин Сандрарта изображают все 12 месяцев. Лот – «Св. Доминик». Первая картина, изображающая животных, является Розгофа, – «Волк и ягненок»; подобная ей также Паудица. Здесь также Роос, Минион, Шварц, Нейшатель, Мареес являются с своими пейзажами, портретами и т. п. Странная картина Дитриха – «Лазарь в недре Авраама, а скупец – в аду», но его пейзаж, изображающий песчаный холм на берегу моря, освещенный солнцем в то время, как прочие части

¹ Бомонд, великосвітське панство (фр.).

² «Оберон» (нім.) – опера німецького композитора К. М. фон Вебера.

³ Рельєфно (фр.).

пейзажа покрыты тенью от бурных туч, – [это] мне кажется прелестно. Какая естественность в этом холме! Местами он оброс травой, и эти места возвышены, видно, что недавно на них вылилась туча¹; краски очень живы и в другой его картине: «Два слепца на краю пропасти».

Третья зала включает в себе картины нидерландской школы XVI и XVII веков. Здесь множество произведений Бота, Фита, Ван-Дика, несколько Рембрандта, также Ван-дер-Вельде, Тербурга, Гельдера, Вувермана, Верфа, Дуффета, Бергейма, Веникса и, наконец, Брейгеля. Бот рисовал темные большие пейзажи в итальянском вкусе. Фит – сцены животных, охоты. Ван-Дик нарисовал между множеством портретов и свой собственный; он был довольно рыж и несколько бледен. Какая кисть мягкая и сколько выражений во всех его портретах. Ван-дер-Вельде – прелестный пейзаж. Рембрандта тут еще мало, а больше – в кабинетах. Странно, какой желтый колорит в его картинах, все лица как будто писаны при свече, и сколько везде *clair-obscur*². Живописны пейзажи Бергейма. Картина Веникса «Охота на дикого кабана» мне очень понравилась. Брейгель отличается пестротой картин своих и чрезвычайно тщательно отделкою.

Четвертая зала составляет середину строения, хоть не середину галереи. Она великолепнее и более всех прочих, и содержит, вместе с кабинетом № 12, прилежащим к ней, 95 картин знаменитого Рубенса. Я ее осматривал во второй раз, как был в галерее, вместе с 5 ю залю; в третий раз – 6-ю, 7 и 8-ю; в четвертый раз – 9-ю и часть кабинетов, а в 5-й раз – остальную часть кабинетов, но я опишу все разом. Итак, Pierre-Paul Rubens. Удивительное разнообразие видно во всех картинах, но и это без малейшей пестроты.

IP. Ф. I. Оп. 1. Спр. 94. Арк. 107 зв. – 131 зв.
Друкується вперше.

¹ Йдеться про полотно К. В. Дитріха «Краєвид у дюнах».

² Світлотінь (фр.).

§ 2. «Усі лани куп'янисті оброблено як сад»: листи Г. Галагана матері, 1841–1843 рр.

Франкфурт на М[айне]. 26/14-го сентября [1841 г.].

Пишу к Вам по обещанию моему, ангел мой маменька, но очень боюсь, что письмо мое не застанет Вас в Лионе. Целую Ваши ручки и ножки тысячу раз. Что-то вы делаете?

Мне очень было грустно ехать по тем местам, по которым мы вместе с вами ехали. Через час после вашего отъезда из Гейдельберга я пошел к садовнику Мецхеру (помните?). Он меня очень хорошо принял, и мы много говорили об садах; он, кажется, человек хороший, и со вкусом. Когда я ему намекнул об России, то он сморщился, но когда сказал, что мы живем в Украине, и в 5-и днях езды от Лемберга, то он заговорил иначе. Он мне сказал, что может быть бы поехал в Сокиринцы, взявши отпуск на 3 месяца; при этом он предлагает взять еще одного молодого человека с большим талантом и объездившего все парки Англии, – некто Эргард, который с радостью поедет на год в Россию, чтобы увидеть страну; вместе с тем он бы исполнял у нас расположения Мецхера. Молодого человека я не видал, но граф Ранцау мне говорил, что он очень образован и недорого возьмет. Граф мне говорил, что есть в Саксонии школа английских садовников у графа Пюклер-Мюскау, который сам издал книгу об английских садах. Когда, Бог даст, увидимся, то поговорим обо всем, что можем сделать для наших милых Секиринцев¹.

24-го числа, в 11 часов утра, мы помчались по железной дороге в Маннгейм; там пообедали и после обеда, в 4 часа, отправились по Рейну в пароходе. Мы приехали в Майнц в 8 часов и ночевали в Hôtel de Holland. Утром, в 8 часов 25-го числа, мы поехали в Франкфурт и благополучно прибыли сюда; остановились à l'Empereur Romain на самом верху. Портной мне сделал платье удачно. Перед обедом мы съездили в Бокенгейм к каретнику, и я с ним поговорил. Он мне понравился. Зайдя в одну гостиницу, я встретил гувернера Ульяниных. Вся женская половина семейства теперь тут; я к ним пойду сегодня. За обедом à table d'hôte мы познакомились с одним русским семейством. После обеда приехали сюда Магденки и очень нас обрадовали. Вечером я был на славном концерте Листца (Liszt). Он играл «Ständchen», фантазии на тему Моцарта и septuor Hummel'a. Его pianissimo есть что-то неподражаемое; но, впрочем, его игра «Ständchen» мне не понравилась. Его прыжки по клавишам удивительны, но pianissimo – чудо! Сегодня пойду в церковь слышать мессу, а завтра утром в 11 часов, даст Бог, отправлюсь в Вюрцбург.

¹ Паркове мистецтво, зокрема облаштування т. зв. «пейзажних» («англійських», «натуральних», «нерегулярних») парків, де втручання людини в природу не мало порушувати її гармонії, стало захопленням Г. П. Галагана ще в юності, про що дізнаємося з щоденникового запису 1839 р.: «Як я люблю англійські сади, й особливо розводити їх [...]. Це є те ж саме, що малярство, скульптура, скільки можна створити гарних місцин, яких лише вид вітає серце...» (ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 94. Арк. 25 зв. – 26).

Пожалуйста, маменька, не отлагая напишите к Рихтеру в Дрезден. Вы, кажется, забыли это сделать. Мы получили деньги от Рихтера. До свидания, ангел мой маменька, целую ваши ручки и ножки. Целую от всей души Поля и Масяку¹. Счастливого пути! Из Мюнхена я поеду в Ниццу. До свидания, Ваш покорный сын

Григорий.

Приписка Ф. В. Чижова. Два слова, мой добрый, Гришун спешит и оказывает уже нетерпение. Как ни приучай себя быть полным эгоистом, а все что-то остается из старого заветного запаса чувств. Мне хотелось не позволить грустить себе после вашего отъезда, а грусть пробивает сквозь силу воли, – опять один, и еще и с Гришей расстанусь. Вам не до меня, у Вас есть о ком заботиться, но я это сказал, потому что сказалось. Перестая писать, сначала расцеловав Ваши ручки по причине, которую скажу при свидании. Ваш, душевно Ваш Бабак. Гришун мне подарил трех котов. Кланяюсь очень. Ваш Чижов.

Приписка Г. П. Галагана. Поздравляю тебя, душа моя Поль, с днем твоего рождения, дай Бог тебе всякого благополучия и счастья, особенно чтобы вы оба в будущем существе ожидаемом нашли все ваши и маменькины достоинства². Целую и поздравляю тебя, Маруся моя; до свидания. Ваш друг и брат

Грыцько.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 51–52.
Друкується вперше.

¹ Марію Комаровську.

² Йдеться про дитину, яка мала народитися у подружжя Комаровських.

Неаполь. 5-го марта / 21 февраля. 1842 год.

Милые и многолюбезные друзья мои Поль и Машенька, обняв вас в моем воображении и расцеловав вас обоих, начну я рассказ свой о нашем двухдневном путешествии в Искию, как я уже вам это обещал; да мне и приятно с вами поболтать. Слушайте ж, ось як воно було, не буду брехать, а щирои правди держатися.

Путешествие в Искию.

28-го февраля нового стиля мы сговорились за обедом в Hôtel de Paris ехать целым обществом в Искию. Нас было пять: Фед[ор] Вас[илье-вич], Иваненко, Магденко, Литвинов (племянник Маркевича) и я.

Рано утром 1-го марта мы все повставали и собрались у Магденки, наняли четырехместную коляску и отправились через гору Позилип в Пуццоли; я, как младший в обществе, сел на козлы, и после часу езды мы приехали к озеру Agnano; оно тем замечательно, что вышло 400 лет тому назад из земли во время сильного землетрясения и покрыло собою целый городок, которого развалины еще видны на дне озера. У берега его находится в горе знаменитая grotte de chien¹; в ней из земли выходят сильные испарения; при нас (за несколько карлинов) внесли туда собаку, она упала и начала умирать, тогда хозяин вынес ее, и я был очень рад, когда собака ожила и начала с жадностью есть хлеб, а потом бегать и прыгать. Собаки привыкли там к этому маневру и с покорностью повинуются хозяину. Оттуда мы отправились пешком через живописные известковые горы в Пуццоли (Pozzuoli), смотрите на карту. Должно вам сказать, что распорядителем финансовых и договорных дел был у нас Иваненко. В обществе нашем было весело и даже шумно.

Проводником нашим был маленький пастух, который завел нас на гору и не хотел провожать дальше, но мы его принудили и скоро сошли в Пуццоли. Здесь атаковали нас чичероны и лодочники, крик и шум был такой, что нельзя ничего было разобрать. Но мы были покойны, Иваненко за нас торговался. В Пуццоли мы осмотрели несколько развалин храмов, упавших от землетрясения, потом, купивши яблок и хлеба, сели в четырехвесельную лодку и поплыли по синему морю до озера Averno, которое почти на берегу моря. Тут нас повели в огромную не по высоте, но по длине своей grotte de la Sybille²; большая часть ее, вследствие землетрясения и возвышения моря, наполнилась в аршин и даже больше водою, и, дойдя до этого места с помощью факелов, наши проводники, которых было также пять, подставили нам свои спины, и мы сели на них как на лошадей. Никогда не забуду я этой картины: неровный свет факелов освещал каменные своды гротты и отражался в воде, по которой мерным шагом и с немым молчанием несли нас черные, закопченные люди, и только было слышно по временам: «La testa, signor, la testa»³, когда надобно было опустить голову, и тут нам показали

¹ Собачий грот (фр.).

² Грот Сивили (фр.).

³ Голова, сеньйоре, голова (итал.).

секретные ходы в Баию и в Кумо, которыми пользовался Нерон. Выйдя из гроты, несмотря на грустные впечатления, которые она производила, мы смеялись, потому что были ужасно закопчены от факелов. Мы опять сели в лодку и подъехали к городку *Vaccoli* (см. карту), который построен среди развалин древней *Баи*. Здесь римляне строили свои виллы и *maisons de plaisance*¹, начиная от Цицерона и до Тиберия и Адриана и др. Развалин множество очень интересных, древние храмы, арки и часть моста, выстроенного деспотизмом Калигулы через весь залив. Тут наша лодка объехала мыс, а мы шли пешком. Пройдя через множество виноградников, мы подошли к деревушке *Ба[к]юли*, возле которой есть два замечательных подземелья: одно – это ванны Нерона, другое – 100 темниц, в которых этот тиран запирали несчастных людей. Осмотревши это, мы поднялись на гору, где необыкновенно большие и великолепные водопроводы, а оттуда спустились по Елисейским полям (древнее кладбище) к Мертвому озеру, через которое перевозил Харон грешные и негрешные души. Какие воспоминания о древних фантазиях; близко от этого места – древний порт *Misène*, который вследствие землетрясений частью занят морем. Здесь мы сели в лодку в пять часов вечера, ветер был попутный, подняли парус, лодку нагнуло, и мы полетели по волнам, то въезжая, то съезжая с них. Гребцы по нашему предложению затащили громкую баркаролу, и было весело так ехать при захождении солнца, под голубым небом и в виду прелестных берегов. Жаль, что, хотя было четыре гребца, но между ними не было ни одного хорошего голоса, все резки и даже неверны; песни были громки. Скоро пала ночь на море синее, ветер ушел дальше, и парус повис вяло на мачте, тогда гребцы принялись за работу. Темная ночь, ясное небо, издали чернеющиеся скалы берегов, плеск волн и весел, – навело на нас всех после шумной баркаролы какую-то грусть, Литвинов порядочно поет, и я с ним попробовал спеть несколько священных песней, идущих к этой тишине и напомнивших всем о далеком отечестве! Так мы ехали часа полтора, ночью проехали мимо Прочиды и в 8½ вечера приехали в Искию, в город того же имени. Вставши на берег, мы все ничего так не желали, как утолить свой голод, потому что мы не обедали. Лакей повел нас за город в трактир, очень чистый и новый, но в котором мы, кроме яиц и макарон, ничего не могли найти. Нам подали наш *soupe frugal avec du vin du pays*², и после шумных и веселых разговоров мы легли спать в двух комнатах. Проснувшись рано на другой день, я оделся прежде всех и вышел на террасу. Воздух был теплый и чистый, как в мае! Жаворонки пели на тихом острове; осмотревшись, я увидел, что трактир построен среди лавы бывшего здесь вулкана, который погас лет полтора тому назад. Море на восток было покрыто легким туманом, сквозь который виднелась Италия с своим царем Везувием. На запад – горы острова, покрытые лесом и изрезанные долинами. Скоро все наши господа оделись,

¹ Будинки для задоволення (фр.).

² Скромний суп з місцевим вином (фр.).

нас очікував в залі завтрак, а у дверей стояли уже терпеливі осла з своїми проводниками. Скоро ми уже були в дорозі і їхали один за другим по узкій тропинці між садами на гору S. Nicolo. В інших місцях шлі пішким, в інших садили на осла, а в трудних місцях проводники піддержували бідних живих за хвости, странна манера піддержування. Не потрібно, да і не можна би було описати краси видів, відкриваючихся со всіх сторін. Їхати було дуже весело і особливих пригод не було, тільки Іваненко пішов вперед і заблукав в скалах, а Магденко упав і втратив свої години. На вершині гори – маленький монастир, і звідти бачимо полімир. Насмотревшись на види, ми по другій дорозі сошли вниз і прийшли в другий місто: Casamicciola, де води і ванни. Останні я бачив, і вони дуже погані, хоча, як кажуть, дуже корисні. Тут я почав дивитися квартири і бачив 3 будинки: один дуже брудний і важко почистити, другий – прекрасний во всіх відношеннях, великий (14 кімнат), види чудесні, сад, мебелі, терраси і пр., 3-й – поменше і гіше, но також може годитися. Вчора я говорив тут з господарями будинків. 2-й за шість тижнів коштує 250 дукатів (1200 франк[ов]), і говорити нечего, 3-й – 60 дукат[ов], і потрібно буде подумати. Ванни починаються не раніше 2 червня. Це мені сказав сам лікар. Екіпаж в Неаполі дуже дешево.

Прощайте, опоздаю на пошту. Целую вас і Граню.
Кланяюсь.

Ваш навіки
друг і брат,

Грицько.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 49–50 зв.
Друкуються вперше.

1-го июля / 13 июля [1842 года]. Мариенбад.

Вчера, в ½ 7-го, я, благодаря Бога, приехал сюда благополучно, ангел мой маменька, пошел на гуляние и почти первых встретил все семейство Coldwell. Они очень обрадовались, увидав меня и узнав, что вы все так близко; бедный Charles у них очень болен, и я еще его не видал. Они все вам кланяются и с нетерпением ожидают вас всех видеть. Каково здоровье Машеньки? Вообразите, что, приехавши сюда, я застал, что [на] моем стакане кто-то догадался вырезать свой собственный шифр и присвоить его себе, и потому я должен был сегодня же купить другой. В пятницу ожидаю вас с нетерпением. Я, слава Богу, совсем здоров и целую ваши ручки. Поля, Машу и Граню целую много раз.

Ваш покорный сын

Григорий.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 151.
Друкується вперше.

9 часов утра, 30/18 июля. Вюрцбург.

Полу[чено] 1 августа / 20 июля [1842 г.].

Ангел мой несравненный, душа моя, бесценная маменька, я думал написать к Вам в первый раз из Франкфурта, но так как баварская почта идет так медленно, что вы могли бы беспокоиться, то я пишу из Вюрцбурга. При том же нетерпение с вами хоть немного поговорить принуждает меня писать. Вообразите себе, мои любезные, что вчера я должен был ожидать в Бамбурге от 2-х часов пополудни до 12 ночи, пока придет дилижанс из Гофа, а здесь должен опять дожидать с 8 часов утра до 5 вечера, пока придет почта из Нюрнберга, так что я только завтра утром, в 6 часов, могу быть во Франкфурте и приеду как раз в воскресенье, когда все заперто. И как скучно ожидать в этих городах! Как грустно!

От ужасного четверга, когда я с вами расстался, до сих пор все идет, слава Богу, благополучно. Товарищ мой Зеленко вчера вечером со мной расстался и поехал в Киссинген. Он из Киевской губернии и служит в военной службе в Варшаве. Он мне говорил много о тех местах и также о том, что Грабе на Кавказе обвинен и сменен¹.

Здесь везде очень сильная засуха, больше двух месяцев, как нет дождя, и сегодня ночью был первый. Сено очень худое и хлеб также. Говорят, что в Саксонии еще сильнее засуха, и вообразите, что на днях возле Лейбцигской железной дороги целый лан жита сгорел от одной искорки, которая упала на колос из-под машины. Ведь обыкновенно летят искры, ну и в виду пассажиров сгорело жито; эта искра, впрочем, могла упасть и из трубки проходящего немца. Больших новостей до сих пор нет, знаю только, что каждый шаг удаляет меня от вас! Я это слишком хорошо знаю! Но будем говорить о другом. И без того грустно, а тут я еще начну натягивать новые тучи скуки. Я решаюсь обратиться к вам с самой наступательной и умоляющей просьбой. Вообразите себе, что я теперь у ваших ножек, которые целую, не откажете, верно, не откажете. Сделайте милость, ангел мой маменька, будучи или в Дрездене, или в Вене, или где бы то ни было, – велите с себя написать портрет для меня; вы его подарите мне при моем возвращении в Сокиринцы. Вы все откладывали это, но теперь, верно, не будете откладывать. Так как масляными красками нельзя успеть, то пусть будет какими бы то ни было другими, только лишь бы красками, а не черным. Сделайте Божескую милость, не откажите².

¹ Ген. П. Х. Граббе керував військовими діями проти імама Шаміля у Чечні та Дагестані. Наприкінці травня – на початку червня 1842 р. загін під його командуванням здійснив похід на аул Дарго, що був оплотом Шаміля, але ця виправа була невдалою і призвела до численних втрат з боку росіян. Невдовзі по тому він був відкликаний з Кавказу.

² У зібранні Чернігівського обласного художнього музею ім. Григорія Галагана, серед інших родинних портретів Галаганів, є полотно, описане так: «*Потапов М. Портрет Катерини Василівни Галаган (у дівочтві – Гудович). Без дати. Полотно, олія*». Якщо зважити на те, що портрет П. Г. Галагана, чоловіка К. В. Галаган пензля М. Потапова, з цієї ж колекції, датований 1897 р., ймовірно, обидва твори є копіями з оригіналів першої половини ХІХ ст. Тому припускаємо, що портрет К. В. Галаган (ст.) авторства М. Потапова – копія твору, написаного під час перебування моделі за кордоном. Опосередковано ця думка підтверджується не лише академічною манерою виконання, але віком жінки та художніми деталями (чорна сукня удовиці, шаль світлого тону з кольоровою орнаментикою – модний аксесуар в Європі 1810-х–1840-х рр.).

Впрочем, не буду и просить, я слишком уверен, что вы это теперь сделаете.

Лядунка, которую мне подарил Поль, очень мне полезна, и я беспрестанно благословляю его доброту. Хотел бы писать и к ним, да что писать? Кроме сожалений о прошедшем времени, кроме жалоб на судьбу, нас разделившую, ничего в уме не нахожу. Что-то вы все теперь делаете? Я беспрестанно в моем воображении стою среди вас: то хожу по зале-гостиной и разговариваю с вами, то сижу с вами за чайным столиком и слушаю, как Поль читает журналы, то ласкаю, как умею, их милого и славного Граню, люльку, люску... А после обеда иду с вами одними по полю к деревне, и у нас какой-нибудь серьезный разговор о Сокиринцах или обо мне, и я, хотя иногда осмеливаюсь противоречить вам, но, право, помню всякое слово, которое вы мне говорили. А потом, вечером, мы вместе с вами слушаем, как Поль и Машенька играют на фортепьяно и поют. Ах! Право, не нужно и долгой разлуки, чтобы оценить всю прелесть жизни в семействе.

Кажется, погода прояснилась, я пойду походить по городу и куплю бумаги, чтобы писать к вам из Франкфурта, потому что та, которую вы мне дали, далеко спрятана, а в воскресенье все будет заперто. Напишите мне теперь же в Дюссельдорф, но адресуйте на имя Ф[едора] В[асильевича], и в его письме положите и ко мне. Завтра напишу к вам из Франкфурта, но я думаю, что отдам письмо на почту послезавтра, потому что не успею всего сделать. До свидания, до счастливейшей минуты в моей жизни, душа моя маменька, целую ваши ручки и ножки.

Ваш

Григорий.

Пирожки все съедены, кроме миндальных, которые оставлены на после [пошкоджений текст].

Целую от всей души Поля и Marie, и кланяюсь люлькиной кормилице¹.

Не забудьте номеровать письма.

P. S. Поручите Marie поцеловать от меня собак.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 1347. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Мається на увазі годувальниця Грані Комаровського.

Полу[чено] 23 ию[ля] / 4 авг[уста].

Надеюсь, ангел мой маменька, что Вы получили мое письмо из Вюрцбурга; я в нем пишу об остановках по причине медленного хода баварских дилижансов, а главное – в том письме есть просьба о портрете. Сегодня утром, в 6 часов, я приехал благополучно в Франкфурт и, слава Богу, совершенно здоров. От Вюрцбурга до сих пор я ехал в большой компании. Был один венец с молодой женой и с компаньонкой, и нас было в карете шесть человек, тесно, но шумно. Погода в эту ночь совсем переменялась, непрерывно идет дождь и сырость большая.

Что вам сказать, душа моя, бесценная маменька, о Франкфурте? Я его знаю, и так приятно его узнал с вами! Каждое место мне напоминает наши прогулки, наши наблюдения. Умывшись, и выбрившись, и одевшись, я пошел походить, и первый мой шаг был направлен к той улице, где мы с вами жили; все стоит и висит на том же месте, только та разница, что тогда было нам так весело, а теперь этого нельзя сказать.

Походивши немного, зашел к обедне в собор. Мне уже не раз бросалось в глаза, и я хотел вам дать заметить, именно: в Италии во всем чрезвычайная нечистота, в церквах же пылинки нигде нет, а в Германии напротив – дворы чище итальянских дворцов, а церкви внутри покрыты паутиной, и все в пыли. Я думаю, впрочем, что это не происходит от пренебрежения немцев к церкви, а от бедности церквей. Заметьте это, когда будете в больших городах.

Трактир, где я остановился, хорош, и стол очень хорош.

Я написал к Рейферту о ящике и подушке, и сказал об этом хозяину, потом отдал паспорт визировать, а сам пошел обедать. Вот час, как я отобедал, и у меня сейчас был доктор, из лучших здешних. Он живет в том же доме и был у меня; визит здесь стоит 3 цванцигера, но я расщедрился и дал прусский талер, следовательно – 26 крейцеров лишних. Я говорил с ним о морских ваннах и о их употреблении. Он мне сказал, во 1-х, что я могу их [иметь] хоть сегодня же. [Во] 2-х, что их должно брать осторожно и начать с гретой теплой воды, и постепенно прохлаждать, и тогда уже в море, но и то сначала не на большую волну. В ответ на вопрос: «Где лучше?», – он был сам на всех ваннах у Северного моря. Нигде нет таких удобств для жизни и таких приятных мест, и таких хороших квартир, как в Брайтоне (в Англии), но это не только что самое дорогое из ванн, но даже самое дорогое место в Англии. Остенд имеет хорошую волну, почти такую же сильную, как в Брайтоне, только что цены немногим дороже Германии. В Брайтоне все меряют на livre sterling¹. Следовательно, тут

¹ Фунт стерлінгів (фр.).

почти и думать нечего, благословите меня на Остенд, а Брайтону после этого – цур! Если бы и даже были лишние деньги, то никакой нет у меня охоты прибавлять богатство бульдогов¹, не правда ли? Правда, разумеется. В Лондон я все также успею съездить на две недели после морских ванн или теперь на неделю; это мне решит остендский доктор. Теперь же я вот как распорядюсь: завтра утром я здесь еще похожу, dokonчу сие письмо после того, как узнаю хотя что-нибудь об мебели (потому что сегодня все заперто), потом пообедаю и отправлюсь, с помощью Божью, на паровозе в Висбаден, там похожу часа два и поеду опять в паровозе в Бибери, там придется переночевать, а послезавтра утром с первым проходящим пароходом поплыть в Кельн. Теперь, мои любезные, я немного в meilleur humeur² от того, что можно менее издержать, нежели я предполагал.

Целую ваши ручки и все пальчики на ручках. Помните ли жидовскую песню Франкфуртской синагоги? Я теперь ее пою, и она такую грусть наводит, напоминает о столь приятном прошедшем.

По дороге из Вюрцбурга в Франкфурт мы переезжали через Майн на пароме, и там, у самого парома, огромную часть правого берега занимает парк с замком какого-то князя Лёвенштейна³. Замок стоит на горе и обновлен, две башни, как две колокольни, делают его похожим на монастырь, остальная часть замка переделана и белена. Окружающие его плантации, сходящие к реке, кажется, должны быть прелестны, а далее вверх по реке тянется по горам густой лес из грабу и лип; по ту сторону Майна – большое местечко, ему принадлежащее, также живописно. По всему видно, что все содержится в большом порядке.

1 августа / 20 июля. Сегодня, вставши в 6 часов, я пошел ходить, потом напился кофе и опять ходил, купил несколько пар хороших перчаток, мыла и облаток (потому что, к большому моему сожалению, не знаю, где делись мои облатки). Везде искал рисунков для мебели и нашел у Юголя двух сортов: одни – раскрашенные большие листы, но очень дороги, другие же – маленькие, отте[с]ненные в книге, но и те, и другие – без масштаба, это бы еще не беда, но, кажется, довольно мало. Я еще посмотрю и, если хорошо, то пришлю отдельно от письма, а если нет (потому что оно стоит около 4-х гульденов), то пришлю из другого места, где найду.

Вообразите себе, мой ангел, что я сейчас получил письмо от Поленова, где он пишет мне об доверенности по делу займа, которую должен к нему послать дяденька, а я должен об этом написать ему (т. е. дяденьке). Я думаю, что это все уже сделано, потому что письмо от 3-го сентября 1841 года, и лежало в здешнем посольстве 9 месяцев.

¹ Мовиться про англійців.

² У доброму гуморі (фр.).

³ Йдеться про середньовічний замок Вертхайм, що належав князівському роду Лёвенштайн-Вертхайм.

Итак, кажется, нечего больше и писать к вам. Целую ваши ручки и ножки тысячу раз, обнимаю вас от всей души, до свидания, до свидания.

Ваш верный сын
Григорий.

Дорога до Франкфурта стоила мне с небольшим 40 гульденов.
Поцелуйте брата¹ и сестру и Граню от меня.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 1–2.
Друкується вперше.

¹ Тут і в наступних листах Г. П. Галаґан називає братом чоловіка своєї сестри – П. Є. Комаровського.

Полу[чено] 30 ию[ля] / 11 авг[уста].

Третьего дня, ангел мой маменька, в 9 часов вечера, я, с помощью Божьего, приехал в Дюссельдорф, нашел Федора Васильевича, слава Богу, здоровым и успокоенным. Вчера утром он уже повел меня в здешнюю Академию¹, где собраны в одно здание все мастерские здешних художников. Чудо, какие есть прелестные произведения! Какие картины! Один молодой художник, Лессинг, написал славную вещь: как Иоанн Гусс защищает свое учение перед советом духовных². Не только что отделка удивительна, но выражение лиц и натуральность положения необыкновенны. Картина эта очень большая: на первом плане сидят три кардинала и внимательно слушают, как Гусс, бледный и худой, защищает свои истины и стоит, указывая на Евангелие. По обеим сторонам этой группы сидит и стоит много духовных разного рода, и между ними два епископа развалились на креслах, толстые, и видно, что bons vivants³. Картина вся превосходная. Также теперь здесь выставка и много прекрасных картин, особенно пейзажей, только все они очень дороги. Много картин из новых, которые пишутся совершенно в роде Овербека, т. е. как старинные итальянские картины⁴. Город сам хорош, улицы широки и довольно красивы. Но я вам все говорю о Дюссельдорфе, и ничего о моем путешествии по Рейну, во время которого мне сколько, сколько раз приходилось сожалеть, что мы не вместе.

Вот весь вуаяж мой. Из Франкфурта я выехал в понедельник, 1-го августа, в 3 часа по полудни по железной дороге в Висбаден, где не застал уже Вар[вары] Ник[олаевны] Козадаевой, она два дня как уехала. Висбаден хорош, особенно сад и строение в саду, в котором игра. Рулетка и банк очень занимательны, и особенно дурни, которые там сидят и проигрывают. Пробыв 3 часа в Висбадене, я опять поехал по железной дороге в Биберих, маленький городок на Рейне; там переночевал и утром рано взял место на пароходе до Дюссельдорфа; место мне стоило около 9-и гульденов.

Так как Фед[ор] Вас[ильевич] оставил мне мало места, то я не могу вам описывать всех мест прелестных Рейна, а должен оставить это до будущих писем. Скажу только, что я на пароходе познакомился с одним прусским

¹ Дюссельдорфська академія мистецтв у першій половині XIX ст. була одним з найважливіших осередків художньої культури Німеччини, навколо неї гуртувалися митці дюссельдорфської школи.

² Г. П. Галаган описує картину К. Ф. Лессинга «Ян Гус на Констанцькому соборі».

³ Люблять добре пожити, бонвівани (фр.).

⁴ Йдеться про тенденцію, властиву послідовникам «Союзу св. Луки» – творчого об'єднання німецьких й австрійських художників, одним із засновників котрого був Й. Ф. Овербек, – наслідування творчої манери італійських і німецьких малярів XV ст., які, зберігаючи духовно-творчий зв'язок з мистецтвом Середньовіччя, водночас сприяли оформленню ідейно-художніх принципів Ренесансу. Г. П. Галаган, можливо, розширив це коло до майстрів кінця XIII – середини XIV ст.

офицером, который мне предложил воспользоваться его знакомством и пойти с ним на знаменитую крепость Эренбрейтенштейн. И потому я остался в Кобленце на два часа, сходил в крепость, в которую не всех пускают, и увидел вид, один из великолепнейших, виденных в моей жизни. Далее я продолжал путь на другом пароходе, но уже не должен был платить за место.

В Кёльне я оставался всего полчаса, взглянул на собор, которого красота превосходит всякое описание, и поехал в Дюссельдорф. Весь Рейн я вам буду описывать после. Я надеюсь, душа моя маменька, что вы получили письмо мое из Франкфурта, где я пишу о моем решении ехать купаться в Остенд; и потому деньги надобно прислать в Остенд. Теперь мы вот как распорядились. Сегодня мы едем в Кёльн и там проживем по крайней мере сутки, потом по железной дороге – в Ахен и там похлопочем о коляске; далее же я поеду опять один, а Фед[ор] Вас[ильевич] воротится в Дюссельдорф. Его нельзя отрывать от работ. Побраните его за то, что он слишком себя всего лишает.

Сегодня ровно неделя, как мы расстались с вами, мой ангел, только одна неделя! А сколько еще таких недель ожидать в разлуке! Целую ваши бесценные и несравненные ручки и ножки. Берегите себя, ради Бога. Мое здоровье хорошо, слава Богу. Хотелось бы много писать, да места нет. До другого письма, до свидания. Ваш Григорий.

Приписка Ф. В. Чижова.

Дюссельдорф, 4 августа 1842.

Третий день, как мы вместе с Гришунком. Он приехал ко мне третьего дня вечером, по счастью, нашлась комната в том же доме, и вот мы неразлучно и немолчно все вместе. Вчера утром я показывал ему Академию и все чудеса ее, истинно чудеса, потом должен был его оставить на некоторое время, потому что наперед еще дал слово обедать у Жуковского. Сегодня мы вместе едем в Кёльн, а завтра – в Ахен. Много говорили мы о том, как грустно Вам оставаться, но, знаете ли? что мне, при всех моих непрерываемых занятиях, иногда до того бывает грустно, что я придумываю, нельзя ли мне заехать в Франценсбрунн. Гриша мне говорил, что Вам хочется поехать в Вену, это ничего не стоит, если Вы хорошо распорядитесь: Вам надобно ехать на Прагу, потом от Праги до Ольмюца в экипажах, а от Ольмюца по железной дороге в 8 часов вы в Вене, людей вам не нужно, кроме кормилицы и еще разве Анны Гавриловны. Случилось бы, что вы вздумали бы ехать в Дрезден, тоже, я думаю, лучше доехать до Праги и на пароходе в Дрезден по Эльбе, выгода та, что экипажи стоят покойно. В Праге Вам надобно остановиться Zum Schwarzen Ross и взять проводником Иосифа Геррейна, и еще купить книжку: «8 дней в Праге».

Гришун очень доволен Дюссельдорф[ом] и часто поет: «Торжествуйте, торжествуйте», хор отвечает: «вуйте, вуйте, вуйте, вуйте». Здесь все хорошо, только народ рейнский хуже сатаны: грубы, дерзки, мерзки и, ко всему этому, бесчестны. Он имел случай в этом увериться в деле с моим сапожником. Зато

класс художников дышит тем, чтоб доставить возможность всем пользоваться, всякий предлагает свои услуги, а признаюсь, есть чем и попользоваться. На выставке есть славный ландшафт Кукука, голландского художника, но зато стоит 5000 талеров, цена непомерная. Готовятся к выставке превосходные вещи, – вчера мы любовались и не могли налюбоваться Лессингом, благоговели пред святым направлением Дегера и видели много других. У Жуковско-го – превосходное собрание рисунков, портфелей 10, и в них все знаменито-сти, множество знаменитостей, и политических в том числе. Есть, например, рисунки короля прусского¹, Xavier de Maistre, Gête, не говоря о художниках.

Жена его – очень милая, очень образованная женщина, понимаю-щая живопись превосходно, не слегка и не по беглому взгляду, а изучав-шая ее с помощью и наставлениями европейских талантов. Я пробыл у них полдня с наслаждением и поторопился только для того, чтоб скорее видеть Шуна Шуновича². Мне у Жуковского быть важно и очень важно (между нами), тут дело идет об Иванове Александре Андреевиче; Жуков-ский может и должен написать к наследнику, – если этого не будет, бед-ный Иванов будет в ужасном положении.

Гриша мне говорил о том, как глупо распорядились во Франкфурте с пись-мом моим, – как эти скоты, мерзавцы, свиньи, уроды, чучелы немцы, пога-ные немцы, проклятые уроды, больше не нахожу эпитетов, – как же можно было не афраншировать письма, – кто же предугадает, что эти свиньи за 4 гроша будут вести переписку. Мелочность, скупость, какая-то закоснелая грубость, – все в этих проклятых немчурах. Помилуйте, да хвалить их – это все равно, что хулить весь род человеческий. Образованный класс людей пре-восходен, слов нет, да это не немцы, а граждане образованности, которая в Германии развита более, нежели где-либо, я их уважаю, а проклятых уродов, чучел бестолковых, тупоголовых, бараномозгих, вялых, высохших над копееч-ными счетами и налитых пивом мерзавцев, которые известны миру под на-званием немцев, их я терпеть не могу, и скорее готов жить с сатаною, нежели с этими поганцами. Мой добрый ангел, удивитель[ный], добрый мой, добрый и добрый, целую ваши ручки все, все ручки добрые.

Ваш Чижов.

Вашим поклон низкий.

Не знаю, писал ли я вам, чтоб картинки Вы потрудились не отсылать к Суде[н]ке, а отдать Кат[ерине] Вас[ильевне] Маркевич, в будущем пись-ме я еще пришлю им письмоцо. Да если бы вы потрудились по дороге не забыть поискать узор – хорошего Кота, за него деньги Вам отдаст Кат[е-рина] Вас[ильевна] и вышьет мне престрашного Кота.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 3–4 зв.
Друкуються вперше.

¹ Фрідріх-Вільгельм IV, король Пруссії у 1840–1861 рр., був художником-аматором.

² Шун Шунович – домашнє прізвисько Григорія Галагана.

№4.

Получ[ено] 12 авг[уста] / 31 июля.

Ахен, 6 августа / 25 июля.

После того, как мы отправили к Вам письмо из Дюссельдорфа, т. е. 4-го числа, мы скоро сели на пароход и ночью приехали в Кёльн. Ваше письмо мы получили в Дюссельдорфе, несравненный мой ангел маменька; можете себе вообразить, как оно меня обрадовало, и как я досадовал, узнавши из него, что известия из Сокиринец получены так скоро после моего отъезда. Впрочем, кажется, в них нет ничего утешительного. Бог все наказывает наших бедных мужичков беспощадной засухой. Бедные! Сколько есть народов, которые вдвое больше заслуживают наказания, нежели они. Например, здешний народ: в Дюссельдорфе, Кельне и окрестностях; какой грубый, бессовестный, безнравственный, а между тем, как все хорошо у них идет!

Итак, душа моя маменька, мы отправились в Кёльн; с нами ехал молодой художник Пец. Приехавши в Кёльн, на другой день мы пошли в собор, над которым теперь начали работать, но который не знаю, когда кончится, потому что то, что сделано уже несколько веков, хотя само по себе и огромно, но есть только малая часть всего чудесного собора. Резьба на окнах, дверях, башнях, хотя и высечена из камня, но кажется кружевная, а само строение имеет совершенно воздушный вид. Кёльн сам по себе огромный город, очень деятельный, и заключает в себе множество интересных строений, много церквей и монастырей. Рейн там очень широк, но берега и вообще окрестности очень плоски и однообразны. Мы ходили на выставку картин в Кельне, и хотя нашли множество картин, но почти ни одной хорошей. Сегодня утром, в ½ 7-го, мы выехали из Кёльна по железной дороге и приехали в Ахен в 10 часов. Ахен – также славный город с хорошо обстроенными улицами и с прекрасными магазинами. Сегодня, собственно говоря, я видел две замечательные вещи: собор, выстроенный еще Карлом Великим, прелестной архитектуры, хотя большая часть его состоит из пристроек позднейшего времени. Там погребен Карл Великий и некоторые другие императоры. Другое место, куда я заходил по любопытству, есть дом игры, который здесь стоит посреди города, и беспрестанно надобно мимо его проходить: как гадка игра! Я видел, как целые кучки золота, могущие обогатить целые семейства, переходили из рук в руки. Вот только что я видел, все же остальное время мы были заняты с каретником. Что вам сказать о коляске? Не только что нет ничего утешительного, но я просто почти в отчаянии. Вот результат моего визита к каретнику. Правда, что здесь, в Ахене, каретник Mengelbier не уступит английским; правда и то, что у него Кочубеи (два), Паскевич, Окунев, Трубецкой, Свистунов и множество других русских и польских знатных заказали ему экипажи; я видел как экипажи, так и контракты их. Кареты и коляски его очень хороши,

с большим вкусом, *élégance*¹, и должны быть очень покойны и крепки, потому что мастерские огромны. (Теперь в работе 18 экипажей). Я ему говорил, какой экипаж мне надобно: круглую большую коляску, с большими высокими козлами, под которыми – два сундука, с сидением для лакея, где также два ящика; коляска без верху (т. е. без стекол), но на переднем сидении внутри коляски ставится большой ящик. Всех ящиков 10, я ничего не забыл; рессоры простые, и колеса (*à patente simple*²), т. е. мажутся жиром, но так, что в 3 месяца раз. Кажется, чего бы лучше, но вот условия. 1-ое. Коляска не может никак быть готова ранее 4-х месяцев. 2-е. Цена самая дешевая коляски у него – 4000 франков, а вполне хорошая – 4500. У меня и руки опустились. Ни под каким видом нельзя у него заказывать, а где же? Уж не в Англии, где еще дороже.

Пожалуйста, напишите скорее, как вы думаете об этом; я, право, сам не знаю, что делать. Знаю, что он не уступит ничего, потому что по контрактам видно все почти такие цены: Паскевича коляска с двойными рессорами и немного побольше – 5500 фр. Эти обстоятельства навели на меня *une mauvaise humeur*³.

Теперь благословите меня, ангел маменька, на морские ванны: завтра утром, в 10 часов, взят билет в дилижанс до Лиежа, а оттуда уже без остановки я намерен ехать по железной дороге до Остенда. Все эти города Бельгии я успею осмотреть, когда буду иметь больше времени на обратном пути. Завтра утром я расстанусь опять с Фед[ором] Васильевичем, потому что он возвращается к себе в Дюссельдорф. Я здесь получил адрес самого лучшего доктора в Остенде. Это Янсен. Он мне, может быть, еще позволит съездить в Лондон. Хотел писать к ним⁴, да никак не успел. До свидания, мой ангел несравненный, целую ваши ручки и ножки,

Ваш Григорий.

Через 3 дня я начну есть фрукты.

Поцелуйте от меня Поля и Мари. Граню также, а кормилице, пожалуйста, кланяйтесь, доктору также и музыкантам.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 5–6 зв.
Друкуються вперше.

¹ Елегантно (фр.).

² Простий патент (фр.).

³ Поганий настрої (фр.).

⁴ Ймовірно, йдеться про подружжя Комаровських.

№5 (4-й был из Ахена; полу[чено] августа 4/16).

Остенд. 8 августа / 27 июля.

Сегодня, в 5 часов пополудни, я, слава Богу, благополучно и в полном здравии примчался сюда, к цели моей поездки. Скучно, скучно мне, ангел мой, несравненная моя маменька. Всегда бывает как-то неловко на новом, незнакомом месте, а мне еще скучнее, потому что теперь уже не будет беспрерывной перемены предметов, которые так рассеивают, теперь заживу на одном месте, и только и будет удовольствия, что думать о вас. Сейчас, как только приехал, я остановился в hôtel, велел себе подать обедать и спросил о квартире доктора Янсена, о котором по дороге слышал как о первом здешнем докторе. После обеда я пошел к нему и говорил с ним. Разумеется, что, выслушав все, он мне отвечал то, что я от него ожидал, т. е.: «Я уверен, что морские ванны вам очень помогут». О способе их принимать он сказал, что это будет много зависеть от первой пробы, но что, во всяком случае, мне надобно начать прямо с моря, и потому он мне и велел, не откладывая, завтра же, между 8-ю и 9-ю часами утра, идти в море, прежде завтрака, и после ванны, напившись кофе, прийти ему сказать, что со мной происходило. Итак, ангел мой, скажем: Господи, благослови! Да й бух в море.

Он еще говорил, что во время лечения надобно будет сделать отдых на несколько дней, и уже тогда разве съездить в Лондон.

После переговоров с доктором я пошел посмотреть вообще, что это за Остенд. Должен признаться, что скучнее места я никогда не видел. Вообразите себе регулярный город, обнесенный валом, и стоящий в болоте. Кругом его не только что нет ни холмика, а даже ни одного деревца; только и видны в бесконечной равнине круглые ветряные мельницы и высокие трубы фабрик и заводов, так грустно на это смотреть; кажется, что здесь люди готовы бы были колокольни Божиих церквей превратить в трубы для своих машин. От моря город огражден высокою и длинною плотиною, так что из города не видно моря, а из моря видно только две колокольни, а больше ничего. На этой плотине, вымощенной кирпичом, я нашел большое гуляние всех больных, и, к моему неудовольствию, слышал очень много русского языка.

9-го августа. Сейчас пришел из моря, выкупался вот как: начиная от большой плотины, ограждающей землю от воды, тянется песчаная равнина, которая входит в море и бывает покрыта водою 2 раза в сутки, смотря по приливу и отливу. На этом песке стоят множество деревянных домиков на колесах; в одну из таких кибиток я вошел, припрягли лошадь к крючку и потащили в море; приехавши, я разделся и надел матросскую куртку и панталоны до колен (эти платья даются всем, но можно иметь и собственные, я куплю себе). В таком костюме я вышел из домика на ступеньки, которые были уже в воде. Тут меня ожидал здоровый фламандский матрос; он меня взял за руки и потащил в море. Вы можете себе вообразить, что в

первую минуту мне было порядочно холодно, потому что вода имеет только 12° Реомюра, но через 2 минуты мне уже было тепло; вода так сильна, что она сейчас разгорячает тело через réaction¹. Побывши минут 5 в воде, я вошел в домик, оделся, и меня потащили назад. Так как все одеты, то дамы купаются вместе с мужчинами, только что возле себя вместо матроса они имеют женщин. Вот вам и морское купанье. После ванны я чувствую себя очень бодрым. На новом месте я остригусь покороче, потому что от морской воды очень липнут волосы. Отправивши к вам письмо, я пойду искать себе квартиры, их довольно мало, потому что много больных. Дорогой я познакомился с одним русским – Кушелевым. Человек лет 45-и, ужасный чудака, и с ним неприятно быть, потому что во всех трактирах он ругается, я бы давно от него отстал, да он все говорит, что я ему понравился, между тем, как всех людей ненавидит. Любит все иностранное и едет в Америку. Впрочем, добрый и, кажется, честный человек. Несмотря на то, я подальше от него, потому что хочу заниматься. Но я вам, однако, ничего не говорю о дороге моей до Остенда. Последнее письмо, №4-й, я писал из Ахена, где описываю переговоры мои с каретником, и как кареты дороги. В Ахене я расстался с Фед[ором] Васильевичем; что это за доброе сердце у этого человека, как он меня берег, как он заботился о моем месте и т. п. От Ахена до Лютиха еще не докончена железная дорога, и нас повезли в дилижансе, очень тесном. Места по дороге прекрасны, очень населены и удивительно, как обработаны. Почти все ехать садами, по полям, как в Германии (в некоторых частях), посажены фруктовые деревья, но только та разница, что здесь, почти во всей Бельгии, каждый участок огорожен живым забором и разными деревьями, при этом почти все места до Гента холмисты; от этого происходит удивительное разнообразие в зелени. Решительно вся страна покрыта садом. Лютих, огромный город, стоит на реке Мёзе, среди прелестных холмов. Так как в дилижансе были поправки, то мы опоздали к железной дороге и принуждены были в Лютихе ночевать. Тут уже почти Франция, народ жив, весел, поет. На другой день, т. е. вчера утром, я сел на паровоз и помчался с быстротою, о которой в Германии не имеют понятия. Мы все проезжали через большие города, цветущие торговлею, везде меня удивляла необыкновенная деятельность, паровоз летел за паровозом, все свистит, шумит, и все вагоны набиты народом. По дороге среди садов попадаются очень часто фабрики, где паровые машины с шумом говорят о деятельности. Французы везде на паровозах делают любезности, смеются, шутят, просто человек здесь как в каком-то вихре. Из Лютиха мы ехали 3 часа до Малина, тут стекаются 4 дороги, и между тем, как вы едете по одной, вы видите, как мчатся паровозы по другим. В Малине мы ожидали полчаса и потом опять пустились через Гент и Брюгге в Остенд и ехали 4 часа с половиною, следовательно, в

¹ Реакція (фр.).

7¹/₂ часов я проехал целую страну, которая, как вы знаете, не очень мала. От Гента до Остенда уже мало садов, а равнина, перерезанная каналами для осушения болот, и на этой равнине пасется чудесный нидерландский скот. Я сосчитал, à peu près¹, что мне стоила дорога до Остенда. От Эгера до Кёльна – 74 баварских гульдена. От Кёльна до Дюссельдорфа и потом с Фед[ором] Вас[ильевичем] до Ахена стоило 23 с небольшим прусских талеров. И, наконец, от Люттиха до Остенда – 25 франков. Этот последний переезд, судя по пространству, чрезвычайно дешев.

Я вам говорил о Бельгии, но не досказал всего, а именно: над этой страной деятельности и торговли небо всегда тяжелое, и даже когда ясно, как эти дни и было, то небо и солнце такие, как бывает в Петербурге, когда горят болота, а море всегда желтое. Вот вам страна деятельности! Верно, наш украинский плуг не сделает в воздухе той перемены, которую производят трубы фабрик и заводов. Чтобы вы не беспокоились, не получая от меня писем, я пошлю это письмо как можно скорее и не буду, я думаю, писать к Полю и Мари, потому что надобно нанимать квартиру. Поцелуйте их от меня со чады. Дайте мне расцеловать ваши бесценные ручки и ножки, до свидания, мой ангел маменька, берегите себя. На днях опять напишу.

Сейчас был у доктора, и он доволен моим первым опытом. Надеюсь на Бога, море поможет мне, но только скучно, очень скучно без вас! До свидания, обнимаю вас,

Ваш Г.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 7–8 зв.
Друкується вперше.

¹ Приблизно (франц).

№6-й.Остенд, 14/2 августа 1842 года.

Пол[учено] 12/24.

Надеюсь, мой ангел маменька, что Вы получили мое первое письмо из Остенда; я в нем делаю описание всего путешествия. Теперь, слава Богу, я совершенно ожился в Остенде, и хотя ни с кем не хочу знакомиться, но уже мне ничто не дико, я уже дома. Я нанял квартиру, чистенькую, хотя не обширную, и хозяева – добрые люди, на плане вы увидите все расположение ее до малейшей подробности. Вот моя жизнь и цены за нее. Утром – купанье, каждый раз стоит 75 сентимов, потом – завтрак, 60 сент., потом хожу гулять, потом почитаю и в 2 часа иду обедать, обед стоит 2 франка 25 сент., потом хожу гулять, потом пишу или читаю, и потом иду на плотину при захождении солнца, а после ужинаю, это стоит различно, но не больше 1 франка. Квартира – 50 франков в месяц. Остенд очень полон, и очень мало квартир. Купанье, слава Богу, идет благополучно и кажется, что мне поможет. По крайней мере, оно уже начало действовать вот как: когда я брал третью ванну, то море было чрезвычайно бурно, волны подбрасывали нас, всех купающихся, и обдавали пеной. Разумеется, что при этом был сильный ветер, и когда я вылез из воды, то все тело ужасно щипал воздух. Целый день был сильный ветер, хотя и хорошая погода. К вечеру у меня начала болеть вся левая сторона, начиная от головы до пятки. С этим я лег спать, на другой день утром встаю и чувствую еще сильнее боль и лом. Я оделся и иду к доктору, и спрашиваю, рассказав все случившееся, нужно ли брать ванну. Он воскликнул: «*Tant mieux, tant mieux si vous avez mal, allez tout de suite dans la mer, sans y faire attention*»¹. Я пошел; признаюсь, что больно было, когда холодная вода прикоснулась к простуженной стороне, но после ванны я почувствовал часа через 3 облегчение. Это была 4-я ванна; вчера, т. е. после 5-й ванны, слава Богу, боль совершенно прошла. Этого нельзя не предписать морю.

У меня сначала был маленький запор (с позволения сказать). Я жалуюсь доктору, и он мне отвечает: «*quand le ventre est mouillé, la peau est sèche, et quand le ventre est sec, la peau est mouillée parce que les humeurs s'y partent et e'est ce qu'il nee faut avec les bains de mer*»². Следовательно, вы видите, душа моя маменька, что все идет очень порядочно, только скучно без вас, от этого и море не может вылечить. Я получил ваше письмо № 2-й, благодарю вас, оно длинно. Сию минуту принесли мне письмо от Фед[ора] Васильевича, он мне пишет, что он нашел в Дюссельдорфе каретника, который имеет хорошую репутацию и просит

¹ Тим бильше, тим бильше, якщо Вам погано, то вирушайте прямо у море, не звертаючи на це уваги (фр.).

² Коли живіт є вологим, то шкіра є сухою, а коли живіт є сухим, то шкіра є вологою, тому що гумори рухаються, і це те, що треба з морськими ваннами (фр.).

за коляску 3000 франков с теми же условиями. Кажется, что я ему решуь заказать, ведь надобно когда-нибудь сделать, тем более, что никто не решается окончить раньше, чем в 4 месяца. Ф[едор] Вас[ильевич] также пишет, что Василий Алекс[андрович] Хельмский сделан генералом (Миша и Кат[я] пишут), и ему дали две губернии в южной России по Киселевскому управлению. Не забудьте об этом, ангел мой¹.

Я вам уже говорил, что все купаются одетые. Я себе сделал платье из тонкой шерстяной материи: клетчатую куртку широкую или, скорее назвать – блузу, обрезающую при поясе, и рукава до локтей, клетчатую, красное с черным, а панталоны до колен серые. Сегодня я учился плавать. Каждый день купается огромное общество, и хотя я абонирован, но очень долго надобно ожидать, стоя на песке, чтобы досталась повозка; вот ее форма:

Підписи: ліворуч – «тут лошадь пристегивается»;
праворуч – «сюда входят и отсюда же и выходят,
поворотив экипаж лестницей к морю».

Боюсь опоздать на почту, потому что был прерван ответом к Фед[ору] Вас[ильевичу], который требовал немедленно ответа о коляске. Я прошу, чтобы он прислал рисунок, и я напишу замечания. Я писал к Поленову сам и просил обо всем. Надеюсь, через 5 дней к вам опять написать. Целую ваши бесценные ручки и ножки, если хотите, то прочтите письмо к Полю и Мари: я говорю о Рейне, что мог заметить. До свидания, мой ангел несравненный маменька, когда-то увидимся? Каждый день понемного, черепашьим ходом, приближает этот час. Обнимаю вас, ваш верн[ый] сын,
Григорий.

Чудак Кушелев, о котором я вам уже говорил, узнав, что я к вам пишу, просил меня, чтобы я вам передал его почтение и сказал бы, что он со мной знаком.

Хозяйка дому очень похожа на старушку Марию Ивановну, которая у нас жила, помните, в Петербурге. Добрая старушка. У нее дочь и зять, все говорят по-французски, только худо.

¹ В. О. Хельмский став урядовцем Міністерства державних маєтностей, яке очолював граф П. Д. Кисельов. Г. П. Галаган мав намір служити у цьому відомстві, на яке було покладено розв'язання селянського питання.

План моего жилища.

Изъяснение плана.

Комнаты:

I. Большая комната.

II. Маленькая комната.

III. Сени, в полном моем владении находящиеся.

IV. Лестница, которая дальше ведет на чердак.

Изъяснение комнат.

I. В большей комнате:

1) Большая кровать с большими занавесами белого коленкору. Сии занавесы наверху у потолка поддерживаются двумя золочеными руками, которые вместе с тем держат и виноградные кисти. Кровать, достойная вмещать самого Бахуса.

2) Маленький столик, каких много везде.

3) Комод с четырьмя ящиками, в верхнем – разные мои вещи, во втором – белье, в третьем – часть платий. Комод убран большим чайным сервизом фаянсовым, на каждой чашке – пейзаж розового цвета.

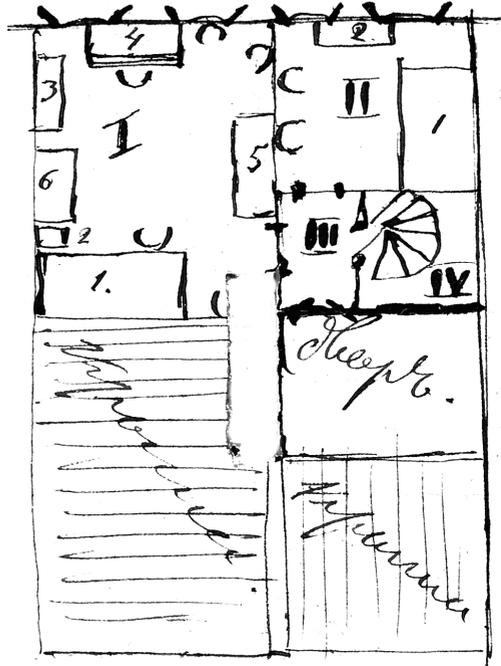
4) Письменный стол, величиною с раскинутый ломберный, и покрытый зеленым сукном, на нем – мои книги, и там я пишу.

5) Большой массивный шкаф, в котором находится часть моего платья. Без него очень бы можно обойтись, да что делать – он гораздо больше дверей. Не может выйти.

6) Печь, убранная чашками и распятием.

В этой комнате пол покрыт ковром.

II. Эта комнатка очень мала, в ней: 1) кровать и 2) стол. Кровать пустая, и разве Фед[ор] В[асильевич] займет ее, как придет. Столик же служит мне для туалета.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 9-10з в., 106-106 зв.
Друкується вперше.

№7.

Остенд. 19/7 августа.

Сейчас получил я два письма ваши разом, ангел мой маменька, от того, что №3-й пришел вчера вечером, после того, как я спрашивал на почте, а №4-й – сегодня утром. Так как я вижу из писем ваших, что вы скоро оставляете Франценсбад, то я это письмо отправляю еще туда, на всякий случай, а другое сегодня же отправлю в Дрезден к Каскелю. Я вижу, душа моя маменька, что вы беспокоитесь на счет моих финансов, но, во 1-х, Федору Васильевичу не нужны деньги, он получал от Суденки, а во 2-х, вы, я думаю, получили одно из моих писем из Остенда, где я рассказываю о здешних издержках, и видите, что они небольшие. Впрочем, во всяком случае, присылайте как можно меньше и скажите Каскелю, чтобы он послал в Остенд или в Лондон, а имя банкира он мне напишет в Остенд.

Жизнь моя здесь течет так же однообразно, как и прежде. Вот уже 2 дня, как доктор, видя, что я хорошо сношу морские ванны, велел или, скорее, позволил мне брать 2 ванны в день. Все, слава Богу, идет хорошо, и я очень надеюсь, что море мне поможет. Как мне жаль, что ни вы, ни они¹ не пишете мне, каков теперь план вашего путешествия, так что я не знаю, писать ли к вам в Прагу? Во всяком случае, я туда напишу, ежели в будущем письме вашем не найду противного. Надеюсь, что из Дрездена вы также напишите.

Поздравляю вас, несравненный ангел, душа моя маменька, с большим для нас праздником: рождением моим и именинами сестры. Дай Бог, чтобы на следующий год мы в этот день были вместе! В Дрезден[е] вы найдете мое письмо у Каскеля.

Целую ваши ручки и ножки. Поцелуйте от меня Поля, Машеньку и Граню.

Ваш покорный сын
Григорий.

ЦДІАК. Ф. 1475.Оп. 1. Спр. 554. Арк. 11–11 зв.
Друкється вперше.

¹ Йдеться про подружжя Комаровських.

№8. По[лучено] 12/24.

Остенд. 19/7 августа 1842 г.

Сегодня я еще раз имел счастье получить ваши два письма – №3-й и №4-й. Первое пришло вчера, после того, как я ходил спрашивать на почту. Поздравляю вас, ангел мой маменька, с 15-м числом¹. Это большой праздник для нас, и я думаю, что это письмо придет вовремя. Я знаю, что в этот день мне будет грустно, и очень грустно. Прошедшего года судьба тоже хотела, чтобы я его провел между чужими, и так два года сряду! Надеюсь на Бога и уверен в его милости, что, по крайней мере, в 1843 году мы проведем его в наших милых Сокиринцах, в нашем тесном семейном кругу; вот будет тогда счастье! Я буду целовать ваши ручки, ножки, – счастье, которого я так надолго лишен.

На случай, что вы остались подольше в Франценсбаде, то я послал туда сегодня же другое письмо – №7-й.

Здоровье мое, слава Богу, идет хорошо, и ванны чувствительно укрепляют. Доктор доволен и позволил брать по 2 ванны в день, только с некоторыми исключениями, например, из 5-и дней брать 4 по 2 ванны и т. п., это чтобы не очень устать, потому что от 6-и или 7-и минут под волнами можно больше устать, чем от часу ходьбы или даже верховой езды.

Жаль, что вы мне не пишете, будете ли вы ехать на Прагу? Ведь теперь, по моим расчетам, я могу к вам писать в 3 места: в Дрезден, в Прагу, а потом – в Сокиринцы. Разве только вы мне напишете, что едете в Вену. Теперь я следующее письмо отправлю в Прагу. Вы беспокоились о деньгах. Фед[ор] Вас[ильевич] не взял почти ничего, только что нужно было на дорогу из Ахена в Дюссельдорф, он теперь получил деньги от Суденки. А по бюджету моих расходов вы видите, что мне здесь жизнь не дорога, и потому присылайте, пожалуйста, как можно меньше, как можно меньше. Пусть Каскель мне пришлет в Остенд или в Лондон, а лучше и туда, и туда. О коляске я вам писал мои распоряжения насчет дюссельдорфских колясок; может быть, и удастся. Фед[ор] Вас[ильевич] пишет, что и тут не может быть готова коляска прежде 4-х месяцев, и потому, я думаю, лучше всего так: вы будете присылать деньги к Каскелю, а он – мне, по моим письмам. Вы теперь на дороге в Сокиринцы, мой ангел маменька! Как я вам завидую! Ужас как завидую. Если бы мне распisać все поручения, которые бы я вам дал туда, то мало бы было двух таких листов. Впрочем, вы знаете их, вы знаете, в чем могут состоять мои поручения. Ваше ангельское сердце верно продиктует вам их. Ах, когда вы нашли в этом земном раю столько счастья, сколько можно ожидать на земле! Для этого первое условие, мне кажется – даже единственное средство есть – чтобы все окружающее нас было также счастливо. Если бы можно, ангел мой, если бы обстоятельства помогли, чтобы вы могли

² Це був день народження Г. Галагана та іменини його сестри Марії.

теперь в Секиринцах наблюдать, до какой степени готовы наши крестьяне подойти под новый указ императора¹. Теперь именно, кажется, время это наблюдать, а потом уже начать готовить к облегчению их судьбы. Боже мой! с каким нетерпением я ожидаю того времени, когда нам можно будет вместе работать для упрочения их счастья. Зная вашу ангельскую душу и имея сам врожденное от вас и от отца моего бескорыстие, я очень надеюсь, что Бог нам поможет в нашей работе, и что мы успеем сколько-нибудь сделать счастье тех, для которых мы Богом единственно поставлены и за которых мы перед Ним и перед нами должны дать строжайший ответ. А какое счастье, друг мой, душа моя, может быть, [если] что-нибудь удастся? Что может сравниться с этим счастьем? Особенно если мы будем его вместить и нышком разделять? Ответ на эти вопросы я читаю в вашем сердце. Пожалуйста, ангел мой, такого рода разговоры между нами не передавайте никому решительно; зачем им²?

Через несколько дней мне стукнет 23 года. Он как уже много прошло лет! Если бы Бог дал следующие годы провести с большею пользою, нежели прошедшие! Это единственно от меня зависит, и если бы можно было деньгами купить несколько твердости и терпения, то я бы готов был не есть, не пить.

До свидания, мой ангел, целую тысячу раз ручки и ножки.

Ваш Григорий.

В Париж я решительно не еду.

Поцелуйте Машу, Поля и Граню и поздравьте их.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 13–14.
Друкуються вперше.

¹ Йдеться про указ від 2 квітня 1842 р. про зобов'язаних селян («О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян»: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 17. Ч. 1. № 15462. С. 261–262). Цей указ дозволяв поміщикам надавати своїм селянам-кріпакам особисту свободу, зберігаючи при цьому за собою право власності на землю. Селяни за угодою з поміщиком могли лише користуватися земельними наділами, виконуючи за них певні повинності на користь землевласника. Доклад. див: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб, 1888. С. 29–186.

² Маються на увазі, напевно, Комаровські.

№9. Полу[чено] 25 ав[густа] / 6 сен[тября].

Остенд. 26/14 августа 1842.

Боюсь, что это письмо не застанет вас в Праге, ангел мой маменька, но так как вы намерены остаться не менее недели в Дрездене, то я почти смело пишу в Прагу. Еще третьего дня я хотел к вам писать, да все поджидал приезда Федора Васильевича. Он должен был выехать из Дюссельдорфа 22-го числа и хотел заехать в сторону, к Печерину, который монахом в Голландии, но очень близко Лиежа, потом же он хотел прямо ехать сюда, я думаю, что он заехал в Брюссель заказать платье. Я его непременно ожидаю сегодня вечером, он, верно, поспешит к завтрашнему дню. Благодаря Бога, скажу, что ванны морские идут хорошо, только я перестал брать всякий день по две, а через день; утром – всякий день, а вечером – через день, потому что слишком утомительно.

Ход жизни моей или, скорее, занятий, переменялся. Зиновьев всегда со мной, и притом у меня прожил почти неделю барон Штейнекер, о котором я вам говорил, что познакомился [с ним] на Рейне. Он премилый молодой человек. Он поехал в Лондон, но не успел осмотреться, как у него украли все деньги, от собственной неосторожности, потому что он их носил в кармане. Бедный барон, имеющий очень небольшое состояние, повесивши нос, приехал в Остенд, и я ему предложил прожить у меня, пока ему оказана будет помощь от родных. Сегодня утром он уехал. Итак, всю эту неделю я провел очень рассеянно. Сюда приехали также Бренчаниновы, которых я знаю.

Погода постоянно стоит очень ясная и теплая, и засуха такая, что воду привозят по железной дороге из Брюжа, и потому очень трудно достать хорошей воды. Из Дюссельдорфа прислали мне рисунок коляски, он хорош и есть также ящик за лакейским местом. Вообще 10 ящичков, не считая горба. Теперь остается только потолковать с Фед[ором] Вас[ильевичем] о пересылке экипажа. Я постараюсь удержать Фед[ора] Вас[ильевича] сколько можно, потому что морские ванны ему могут сделать много пользы. Вчера я получил ваше письмо №5-й и все до 5-го номера получал. Вы мне пишете, ангел мой, душа моя маменька, чтобы я к вам писал в Лемберг, Киев и потом в Секиринцы. Как грустно мне будет писать в Секиринцы! Продолжайте писать в Остенд, пока не напишу, куда писать. Когда я, даст Бог, поеду в Лондон недели на две, то на возвратном пути заеду в Остенд опять и застану ваши письма. Вы все беспокоитесь, ангел доброты, что я один, но, поверите ли, что я так привык без слуг, что не знаю, что будет делать около меня человек? разве только сапоги чистить.

Теперь я больше не купаюсь в платье, а нас (т. е. Кушелева, Зиновьева и меня) возят подалее по берегу, где купаются без платий, и это гораздо приятнее.

Несмотря на то, что мое уединение нарушилось, я все-таки убегаю, сколько могу, всякого общества и скорее знакомлюсь с иностранцами,

нежели русскими, которых здесь очень много, особенно князей московских, разного калибру.

Завтра, завтра, какой день¹! Я с горя куплю бутылку шампанского и поподчиваю приятелей. Вино здесь не запрещено, можно сделать маленькое исключение.

Следующее письмо я напишу в Лемберг, а там – в Киев. Первое я думаю написать завтра, потому что боюсь, чтобы вы его не перегнали. Поцелуйте за меня много раз Поля, Мари и Граню. Кланяйтесь всем. Целую ваши ручки и ножки. Обнимаю всех, ваш сын

Григорий.

Я вам очень худо написал, но от жару едва двигается рука, ужас как жарко.

Приписка на полях. Счета я веду исправно, и в месяц я издержал около 450 франков. Стол в Остенде хотя недорог, но очень нехорош. Мы перебивали во всех *hôtel'*ях и не могли найти порядочного стола.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 15–16.
Друкується вперше.

¹ День народження Г. Галагана – 15 серпня (ст. ст.).

№10.

Остенд, 27/15 августа.

Последнее письмо мое, ангел мой маменька, я отправил вчера в Прагу, а сего дня отправляю это в Лемберг, потому что боюсь, чтобы оно не пришло позже вас. Надеюсь, что вы получили №8 в Дрездене и №7 – в Франценсбаде, я в них обоих поздравляю вас с сегодняшним днем. Еще раз поздравляю вас, мой ангел несравненный. Мне сегодня 23 года. Пришло то время, когда приходится сказать: годы мои, годы мои, не идите так скоро. Время быстро уходит, я это чувствую с каждым днем, и хочу работать, это первая необходимость для спокойствия души. Кажется, что морские ванны значительно укрепят мое здоровье. Слава Богу, все идет хорошо, и я сегодняшний день встретил, как и все прошедшие, в совершенном здоровье. Я все надеялся, что Фед[ор] Вас[ильевич] приедет вчера вечером, но вероятно что-нибудь его удержало. Досадно, если он приедет завтра, а не сегодня, это бы было кстати. Впрочем, хотя мне сегодня очень скучно и грустно, но нашлись хорошие люди, хотя и чужие. Madame Юрьев (мать Зиновьева), узнав от сына, что сегодня – мое рождение, просила меня, чтобы я принял сегодня вечером ее угощение. Она говорит, что знает, как бы ей было приятно, если бы ее сына кто-нибудь приласкал. Жизнь идет все по тому [же] порядку, погода все такая же ясная и теплая, и везде жалуются на сильную засуху. Что-то вы застанете у нас, в нашем раю? Что делают наши крестьяне? Я почти уверен, что они нуждаются. Если бы можно было у нас завести травосеяние в Секиринцах. Кушелев – большой хозяин и хозяйством своим из 25-и душ в 12 лет сделал 550 душ. Он завел травосеяние в числе хлебов: у него 4-хпольное хозяйство, признанное теперь лучшим. Вот как у него сменяются поля: 1-е – жито, 2-е – травы, 3-е – ярина, 4-е – толоки. Он говорит, что с тех пор, как хлеб не следует за хлебом, гораздо лучше урожай. Эту систему можно у нас смело принять в Секиринцах, в Гнилище же не нужно, я думаю, там много лугов. С этою системою мы можем иметь в Секиринцах столько сена, что не нужно будет ниоткуда привозить. Понемногу приняв эту систему себе, можно будет ее вводить и к крестьянам. Только все-таки первое условие есть размежевание земли, и нам надобно непременно променяться со всеми соседями и казаками. Не забудьте, душа моя, приехавши в Сокиринцы, узнать, живы ли все волы, которые приобрели мужики заемными деньгами¹?

Я получил от вас 5 номеров писем, надеюсь завтра или послезавтра получить 6-й. Сегодня я взял 28-ю ванну и надеюсь взять еще ванн 15 или 16. Завтра или послезавтра напишу к вам в Киев, а там еще через день – в Секиринцы.

¹ Галагани практикували позичання грошей селянам своїх економій, зокрема, сокиринським, для купівлі худоби. Незадовго до від'їзду родини за кордон сталася одна з таких позик за участі Г. Галагана, про що він писав у щоденнику: «4 го квітня [1841]. Вже осіб 14 отримали від матінки гроші у борг для купівлі волів, для останніх 5 я просив матінку, щоб вона взяла з грошей, відкладених для мене...» (ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 94. Арк. 99 зв.).

Что-то вы теперь делаете? Каждый шаг приближает вас к обетованной земле нашей. Как мне ни грустно, но я за вас радуюсь, увидите наши милые, несравненные Секиринцы. Каково-то здоровье сестры? Надобно непременно, чтобы она переменила образ жизни, чтобы она начала вести деятельную жизнь, тогда только можно будет надеяться, что завалы¹ никогда не возобновятся.

Поцелуйте от меня именинницу² и Поля, также Граню, к которому я пишу, и кланяйтесь кормилице. Я не буду отправлять этого письма после обеда. Может быть, подъедет Фед[ор] Вас[ильевич].

Я пообедал, но Федора Васильевича нет. Впрочем, еще остается 2 приезда по железной дороге, все надеюсь, что он будет. За обедом я подчивал шампанским. Выпивая бокал, я думал о вас всех. Целую ваши ручки и ножки. Счастливой дороги до дому, дай Бог, чтобы вы застали все благополучно. Ваш покорный сын

Григорий.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 17–18.
Друкується вперше.

¹ Зомління.

² 15 серпня були іменини Марії Комаровської.

№11.

Остенд. 29 / 17 августа.

Вы в Киеве, ангел мой маменька, в нашем святом Киеве, в нашем соседе, как я вам завидую! Как вы близко Сокиринец. Скоро вы переедете через Днепр и въедете в Украину¹. А я? все сижу в Остенде и утешаюсь только тем, что действительно, слава Богу, ванны мне делают пользу; я по тому сужу, что геморроидальные припадки совсем прошли, и я почти не боюсь больше сквозного ветру.

Вчера наконец приехал Фед[ор] Вас[ильевич]. Он позже выехал, нежели думал, из Дюссельдорфа. Спеша ехать сюда, он не успел в Брюсселе заказать платья, которое ему, однако, очень нужно. Так как там сегодня играет знаменитая Рашель (это Жорж нашего времени), то я хочу съездить в Брюссель, закажем платье, увижу Рашель и возвратимся завтра же. Эта прогулка даже необходима, по словам доктора, для отдохновения. Я всего пропущу две ванны, а между тем увижу знаменитую Рашель, которая – то в трагедии, что Тальони – в балете. Я с нетерпением ожидаю вашего письма из Дрездена. Надеюсь, что вы застанете там дяденьку и тётеньку. Кланяйтесь им от меня. Возвратившись из Брюсселя, я тотчас напишу к вам в Сокиринцы. Может быть, письмо будет вас там ждать, но все лучше, нежели чтобы вы его ждали. Все эти дни я к вам так часто писал в Дрезден, Прагу, Лемберг (№10), что никаких новостей ни о себе, ни о других не могу сказать, особенно при моей однообразной жизни. С первого моего письма в Сокиринцы я возьму себе за правило писать каждую неделю раз или, по крайней мере, три раза в месяц.

Кланяйтесь моей родине, златоглавому Киеву, его лавре святой, и Крещатику; поклонитесь от меня лишний раз иконе Успения². А как переедете в Украину, то скажите этой стране, что ее верный обожатель целует ее землю, и что самые важные желания его состоят в том, чтобы она была счастлива. Я вам не поручаю никаких поклонов в Сокиринцы, вы их знаете. Вы знаете, чему прежде всего я прошу поклониться³. Я покоен; я уверен, что Он не будет недоволен за то, что я остался: во-первых, потому, что вы на это были согласны, а он всегда разделял все ваши малейшие мысли, а во-вторых, потому что это путешествие может мне сделать пользу. Я вам, кажется, уже писал, что теперь будет собрание агрономов в Штутгарте. Там есть знаменитый агроном, и я непременно хочу заехать туда на некоторое время, чтобы снабдиться его советами. Не ожидайте, душа моя маменька, что я возвращусь ученым агрономом, да вы, кажется, этого и не можете ожидать. Это должно мне послужить только началом моих занятий,

¹ У листах 1842–1843 рр. Г. П. Галаган називає Україною терени Чернігівської та Полтавської губерній, колишню Гетьманщину.

² Чудотворна ікона Успіння Божої Матері – головна святиня Успенського собору Києво-Печерської лаври.

³ Йдеться про поховання батька Г. Галагана, Павла Григоровича, у склепі, спорудженому в 1836 р. у Сокиринцях. Вшанувати небіжчика він просить і в багатьох наступних листах до матері.

а всегда при начале хорошо встретить ученого человека, который может дать хорошее направление, указать лучшие руководства.

Что-то вы застанете в Сокиринцах, все ли там благополучно? Я очень боюсь за урожай, а особенно недостаток сена может породить падежи скота. Каков-то лазарет? Надобно опять обратить внимание, чтобы с пола не дуло, это главное условие, чтобы было тепло. Теперь, слава Богу, вы едете на покой, ангел мой; хорошо, что в ваш короткий вояж вы успели видеть кое-что. Жаль, что вы прожили так долго в Ницце, хотя все-таки видели Рим, Флоренцию, Неаполь и, наконец, Венецию, которую вы так полюбили. Подождем несколько месяцев, и тогда, даст Бог, сядем где-нибудь себе и будем вспоминать о Колизее, о Ватикане, о Соренте!... Сколько приятных минут будет нам доставлять воспоминание о нашем путешествии. На полях, в хуторе, будем вспоминать о Германии, в саду – об Италии, особенно под нашими померанцами. Скоро, скоро пройдет это время, но можно также сказать и долго, долго. Скоро – в сравнении с жизнью, а долго – по скуке, которую мы оба будем принуждены сносить. Я думаю, что мое письмо придет неделю позже в Сокиринцы, нежели в Киев. До свидания, ангел мой маменька, расцелуйте Поля, Мари и Граню. Целую ваши ручки и ножки, будьте здоровы, а главное – не скучайте, думайте все, что пройдет осень (а она уже началась), пройдет зима, а самую раннюю весною я – у ваших ножек, в раю нашем.

Ваш сын,

Григорий.

Шабникам мой комплимент.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 19–20 зв.
Друкується вперше.

№12. Пол[учено] 17/29 сен[тября].

Остенд. 31/19 августа 1842.

Надеюсь на милость Божию, ангел мой маменька, что я могу вас поздравить с благополучным приездом в Сокиринцы. Вы теперь можете близ всего, нам дорогого, отдохнуть от вашего длинного путешествия. Нашло наконец время, что я должен к вам писать в Сокиринцы из дальних стран; грустно подумать, что мое письмо прибудет туда, к вам, а мне еще долго здесь ездить! Вчера поздно вечером мы возвратились из Брюсселя. Я надеюсь, что вы получили мое письмо в Киеве, где я пишу, что Фед[ор] Вас[ильевич] приехал, и что мы вместе едем на одни сутки в Брюссель, чтобы заказать платье и видеть знаменитую актрису Рашель. Мы так и сделали. Третьего дня в 12 часов, взяв утреннюю ванну, мы отправились; ехали всего 5½ часов и, приехавши в Брюссель, сейчас побежали к театру. Уже толпа толпилась у всех входов. Мы пошли за нею и толкались, думая скорее достать билет; но, протолкавшись, увидели, что туда входят только те, которые уже имеют билеты. Все труды были сделаны напрасно, и мы принуждены были опять пробираться назад, чтобы с другого входу, где касса, взять билет. Нам дали места в ложе, во втором ярусе. Театр, разумеется, был набит. Здание снаружи хорошо, но внутри очень безвкусно. Мы успели рассмотреть, потому что сидели полчаса до представления. Наконец подымается занавесь. Первая пьеса была: «Polyeucte», трагедия Corneille¹. Из нее играли только 5-й акт. Тут Рашель была превосходна. Она довольно хороша собой. Большого росту, худощава, поступь величественная, и позы все совершенно классические, голос силен, а там, где она представляет гнев или страсть, там она играет до глубины сердца.

После этого акта была представлена пресмешная комедия, где отличился парижский актер Levassor, мы очень смеялись. После комедии, наконец, представлена была трагедия «Marie Stuart»², вся. Можете себе представить, как восхитила всех Рашель в этой чудесной роли. Ей бросали букеты на сцену и кричали ужасно. Теперь она опять уехала в Париж. Хорошо, что удалось ее видеть.

На другой день, т. е. вчера утром, мы пошли ходить по городу, но, кроме собора и hôtel de ville³, ничего не успели видеть, потому что заказывали себе платье. Я себе заказал только сертук, а фрак, может быть, закажу в Лондоне, цена немного дороже немецкой, но работа гораздо лучше. Город Брюссель очень красив, и много прекрасных зданий. Дома высоки и почти все окрашены белым, что придает городу чистый и веселый вид. После обеда, в 3 часа, мы успели еще до выезда видеть очень занимательную церемонию: вчера был храмовый праздник – Notre Dame la Rouge⁴ – и

¹ «Полієвкт», п'еса французького драматурга П. Корнеля.

² «Марія Стюарт», трагедія німецького драматурга Ф. Шиллера.

³ Ратуша (фр.).

⁴ Червона Богородиця (фр.).

по цьому случаю была церемонія. Множество кавалеров были одеты в костюмы средних веков и сопутствовали огромным колесницам. На первой колеснице, которую везли 6 лошадей, сидела на самом верху notre Dame, la vierge¹, девушка, одетая в розовом. Впрочем, я описываю это Полю и Мари, спросите у них.

Вчера вечером, возвратившись в Остенд, мы были обрадованы получением вашего письма, №6-й, из Дрездена. Вы в нем присылаете мне вексель на 1000 фр[анков]. Благодарю вас, душа моя, боюсь только, что вы сами, верно, себя лишили для меня, а я бы мог еще некоторое время обойтись без него, у меня еще есть 850 фран[ков] старых. Я очень рад, что дяденька и тетенька в Кисингене, я к ним напишу завтра же, и, я думаю, можно будет к ним заехать. Если же они в Крейценнахе, то это еще легче будет сделать. Что они будут недовольны путешествием, я это знал наперед; могло ли быть иначе?

Благодаря Бога, скажу вам, что мое лечение идет по-прежнему, хорошо, и я надеюсь еще пробыть здесь 2 недели; вчера минуло 3, как я здесь. Сегодня утром была сильная буря и волны были огромны; все море покрыто пеной, и на плотине трудно ходить от ветру; купаться было прекрасно. Надеюсь, что вы получили мои письма: №9 – в Праге, №10 – в Лемберге и №11 – в Киеве.

Сделайте милость, мой ангел несравненный, пишите почаще. После получения этого моего письма не пишите больше в Остенд, а в Штутгард (Stuttgart), и то не больше двух писем, а после пишите в Венецию на имя Фед[ора] Вас[ильевича], пока не уведомя вас о другом адресе. Мой план таков, чтобы как можно меньше времени пробыть в Лондоне, потому что мне надобно переехать через Альпы до начатия дождей. Коляску, я думаю, я закажу в Дюссельдорфе, с тем, чтобы он доставил ее в Штутгард или в Карлсруе, весною же, для избежания Альпов, надобно мне будет ехать через Францию из Италии в Германию, и тогда могу взять коляску. Притом я думаю более о пользе, нежели об удовольствии, и потому, если говорить откровенно, я бы совсем не поехал в Лондон, если бы не был снабжен письмами Колдвелей. Мне очень грустно писать к вам в Сокиринцы, ангел мой маменька. Что бы я дал, если бы можно было вместо письма самому полететь! Что-то вы теперь делаете? Я думаю, что наши крестьяне рады, что вы приехали, есть к кому обращаться, есть от кого получать утешение в несчастье, помощь в бедствии, ободрение в работе. Особенно теперь, я думаю, они должны нуждаться в корме скота; пожалуйста, пишите обо всем.

Кланяйтесь всем нашим, людям, M-me Fischer, Петру Никитичу, Голике и из соседей – кому хотите. Кланяйтесь нашему дому, саду, селу, всему для нас любезному. С нетерпением ожидаю первого письма из Секири-

¹ Богородиця, діва (фр.).

нец. Кланяйтесь также Николаю Фокичу, как-то вы им довольны? Все ли то у него в порядке? Впрочем, это последнее можно видеть только через несколько времени.

Теперь попрошу вас, мой ангел маменька, положить от меня поклон праху нашего ангела отца. Целую ваши бесценные ручки и ножки. Еще просьба: теперь вы [в] Сокиринцах; если можно вам, то перемените образ провождения времени по воскресеньям. Лучше всего, вместо того, чтобы принимать дармоедов-соседей, заниматься чтением священных книг; как бы хорошо было собираться в семейный кружок и читать, напр., Евангелие, или «Imitation de J. Christ»¹. Я это теперь читаю; чудо что за книга. При таких занятиях по воскресеньям кажется, что непременно придет мысль о добрых делах, а случай готов, потому что все отдыхают и свободны. Если можно, то сделайте милость, перемените воскресенье из русского на английское. Целую вас, ваш Григорий.

Приписано на полях. Шабникам мой поклон.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 21–22 зв.
Друкується вперше.

¹ «Наслідвання Ісуса Христа» – трактат середньовічного німецького католицького богослова Фоми Кемпійського.

№13. Полу[чено] 17 сент[ября].

Остенд. 9-го сентября / 28-го августа 1842 г.

Целую ваши бесценные ручки и ножки, ангел мой несравненный маменька, что бы я дал, чтобы какими-нибудь судьбами я мог бы увидеть, что вы теперь делаете, где ходите, чем занимаетесь.

Если мое первое письмо в Секиринцы №12 вас там ожидало, то, по крайней мере, я надеюсь, что это вас уже застанет дома или недолго будет лежать без вас. Мне так хочется, чтобы вы уже были в наших Сокиринцах, я буду очень счастлив, когда узнаю, что вы уже на месте; хотя приезд ваш в Секиринцы еще более отдалил нас друг от друга, но зато вы уже не в дороге, а дома у себя, и тогда, по крайней мере, я буду покойным насчет вас. Я к вам писал в Дрезден сейчас после того, как получил ваше письмо №7-й из Дрездена (от 15 августа). Не знаю, получили ли вы мое там; оно было без номера, потому что было писано не в счет прочих писем.

После этого письма я сделал две поездки по Бельгии. Эта коммерческая страна с своими цветущими городами стоит того, чтобы по ней немного поездить, притом способ сообщения так легок, что совестно бы было даже не воспользоваться им. Обе поездки я делал с Madame Юрьева и с Зиновьевым.

Первая поездка 5-го числа была сделана в Брюж. Мы выехали в 12 часов и в 1 пополудни были там к обеду; всего $\frac{3}{4}$ часа езды.

Город Брюж был в средние века знаменит по своей торговле; но многие перевороты политические ослабили его коммерческие силы; теперь в нем считается 45000 жителей. Так как этот город мало терпел от пожаров, то в нем осталось очень много старинных готических домов. Улицы широки и чисты, хотя довольно безжизненны. Церквей много больших, и в них находятся хорошие произведения самых древних фламандских художников. В соборной церкви особенно замечательны два памятника: Charles le Téméraire et Marie de Bourgogne¹; прелестная бронзовая работа в виде двух огромных гробов. Hôtel de ville² – прелестной готической архитектуры: огромная башня, вся в филиграновой работе, возвышается посреди строения, и часы этой башни имеют самый лучший carillon³ в Европе. Надобно вам сказать, что во всей Бельгии в городах часы на башнях с репетицией или carillon, как здесь называют. В Остенде, хотя плохая музыка, но приятно ее слышать, что-то есть унылое в тонах. В Брюже carillon состоит из 47 колоколов и играет очень громко каждые $\frac{1}{4}$ часа. Осмотрев еще несколько церквей, и особенно прекрасной работы деревянные статуи в palais de justice⁴, мы оправились домой и в 9 часов

¹ Йдеться про церкву Богоматері у Брюгге, в якій поховані герцог Бургундії Карл Сміливий та його донька-спадкоємиця Марія, чиї надгробки згадує Г. П. Галаган.

² Ратуша (фр.).

³ Карильйон, годинник з дзвонами (фр.).

⁴ Палац правосуддя (фр.).

вечера були в Остенде. Тут я застала письмо от Фед[ора] Вас[ильевича] из Брюсселя, он пишет, что скоро выезжает оттуда в Германию. Я написал к Каскелю, чтобы он все деньги отправлял в Венецию.

Вторая наша экскурсия была немного дальше, а именно в Гент. Мы выехали 8-го числа в 12 часов дня и приехали в Гент в 2. Сейчас пообедали и, так как погода была не совсем хороша, то мы наняли карету. Гент – огромный торговый город и один из древнейших во всей Европе. Вид его издали говорит уже о торговле; к небесам возвышаются множество высоких труб, из которых густые клубы дыму выходят и помрачают всю атмосферу над его старинными башнями. В нем считается до 92000 жителей, и из них около 30000 работников на паровых фабриках и заводах; можете судить, какая в нем торговля. Полотно и кружева – самые лучшие.

Здесь церковей очень много и в них прекрасные произведения фламандских художников. Надобно вам сказать, что все эти города: Гент, Антверпен, Брюж, Остенд, – совершенно фламандские. В них вы все видите плотных краснощеких и решительно все белокурых мужчин и женщин. Первые одеты в синих блузах, последние, т. е. женщины, – в маленьких соломенных шляпах и белых чепчиках. Они все носят ситцевые кофточки и поверх всего надевают плащ, почти всегда черный, без воротника, но с преобладающим капюшоном, которым они все покрываются, несмотря ни на какой жар. Это, однако, придает всей массе женщин вид религиозный и мрачный. На вывесках, надписях и прочем все видно van der, напр., verkoopster van der draanken (продавец напитков): язык вовсе не гармонический, и когда скоро говорят, то похоже на жидовский¹. Но я возвращаюсь к Генту. Соборная церковь S. Vavon очень богата мраморами и этим напомнила мне милую Италию. В этой церкви также много картин, и все имена – van Eyck, van Oost, van Hemling и пр. Также тут славная картина Рубенса. Другие церкви интересны, но об них долго говорить. Университет – красивейший из всех, мною виденных; залы, колоннады, и везде мрамор. В картинной галерее мы также были, она не очень замечательна. Переночевав, на другой день, т. е. сегодня утром, мы еще смотрели некоторые замечательности и в 12 часов отправились назад, так что еще успел перед обедом взять ванну.

Все эти экскурсии я делал с сыном, который так счастлив, что ездит с матерью своею; в этом отношении я ему завидую, но зато в других отношениях, когда сравниваю, как мы с вами и как он с своею матерью, то я считаю себя очень много счастливее его! Право, я не знаю, существует ли мать, которая таким бы ангелом, истинно ангелом была для своего сына, как вы для меня? По крайней мере, сколько ни сравнивал, всегда находил ужаснейшую разницу, и особенно в последнем случае, т. е. с матерью Зиновьева. Сколько мне остается благодарить Бога, что я ваш сын, душенька моя маменька.

¹ Тобто на ідиш.

10-го сентября. Вчера я писал к вам, мой ангел, но не закончил. Теперь скажу вам, что завтра, в воскресенье, 11-го сентября, я, с помощью Божьею, надеюсь окончить мои ванны и ехать отсюда. Благословите меня на путь, душа моя маменька. Вот вам план моего путешествия: завтра я намерен ехать в Антверпен и там пробыть день. Оттуда 12-го числа – в Брюссель, и там не более двух дней. 14-го или 15-го выехать из Брюсселя на Рейн и заехать на один день в Дюссельдорф, чтобы подписать контракт с каретником. Оттуда – вверх по Рейну до Крейценаха, где надеюсь застать дяденьку и тетеньку. Пробывши с ними дня 4, я намерен ехать опять по Рейну до Карлсруе, а оттуда – в Штутгард. Там проведу, не знаю, сколько времени, только оттуда отправлюсь в Милан на Шафгхаузен, чтобы видеть падение Рейна¹. Из Милана же, не оглядываясь, в Венецию.

В Брюсселе я заказал черный фрак и сертук, также черный; портной – парижский и очень хорош. Я также куплю там чемодан из подошвы; они дорого стоят. Фед[ор] Вас[ильевич] купил прекрасный чемодан из подошвы с замком и разными перегородками, но заплатил 65 франков. Мне очень не хочется расставаться с моим стареньким чемоданом: вы его трогали, вы его благословляли; досадно, что не имею экипажа, а то бы взял его. Отрежу от него кусочек и спрячу, хоть на память от него. Я вам уже говорил в прошедшем письме, что дяденька мне пишет из Киссингена, что намерен оттуда выехать 12 или 13-го числа. 12-го нашего стия – рождение Поля. Поздравляю вас, ангел мой маменька, это общий праздник для нас. Пожалуйста, теперь пишите все в Венецию.

До свидания, мой ангел маменька, поклонитесь от меня праху нашего общего ангела. Целую тысячу раз ваши ручки и ножки, обнимите за меня брата и сестру. Мой поклон Мише, Катеньке, M-me Fischer, Голике, Николаю Фокичу, Петру Никитичу и прочим нашим добрым домочадцам. Еще раз целую вас.

Ваш верный и покорный сын

Григорий.

Мой поклон Секиринцам!!!!

Кланяйтесь шабникам, каково-то они доехали?

Совершенно забыл вам сказать, что я, слава Богу, совершенно здоров, и, кажется, морские ванны оставят хорошие следы.

ЦДІАК. Ф. 1475.Оп. 1. Спр. 554. Арк. 23–24 зв.
Друкуються вперше.

¹ Рейнский водоспад у швейцарському кантоні Шафгхаузен.

№14. Пол[учено] 24.

Дюссельдорф. 18/6 сентября 1842 года.

Это не письмо, только письмецо. Пишу к вам, ангел мой несравненный маменька, только для того, чтобы вы не беспокоились на мой счет, потому что мое последнее письмо №13 я писал 9-го сентября, и так как все это время я ездил по железным дорогам, которые вы не очень жалуете, то боюсь, чтобы вы не беспокоились. По настоящему же я хотел к вам писать из Крейцнаха, где надеюсь быть, но только через два дня, и то могло что-нибудь помешать по дороге. Я к вам пишу краткий журнал моего путешествия из Остенда, но пошлю его из Крейцнаха. Теперь же скажу в нескольких словах, как и где я был.

11-го числа, в полдень, я, слава Богу, благополучно оставил Остенд, взявши 45 ванн, и поехал в Антверпен, и пробыл в этом чудесном городе сутки, т. е. 12-го числа вечером поехал в Брюссель, где пробыл 13-го, 14-го, 15-е, а 16-го утром поехал в Лиёж, а оттуда на ночь – в Ахен, где пробыл 10 часов и отправился в Кёльн, а из Кельна вчера вечером – в Дюссельдорф, где и ныне благополучно пребываю. Я вам описываю в журнале Антверпен, это чрезвычайно замечательный город, с прекрасными зданиями и картинами. В Брюсселе я немного повеселился, т. е. бывал всякий день в театре, где отличился Тальма нашего времени Lemaître. Да что же в столице делать, как не бывать в театре и не наесться за сытным обедом, а днем ходил по магазинам, ничего не покупая, разумеется.

Я остался доволен портным, который мне сделал черный фрак с панталонами и белым жилетом с золотыми пуговицами, и еще сертук, также черный, и темные брюки-трико, это мне стоило 300 франков. Да я еще купил славный чемодан, весь из цельной подошвы, с чудесными удобствами, за 75 франков, это дорого, но зато хорошо. Я нашел несколько рисунков мебели, самой модной и не вычурной, и купил 5 рисунков. Эта мода, верно, не пройдет до весны, а между тем стулья и пр. совершенно старинные. Фасон платья немного изменился, а именно: все делают опять широко, покойно и большие (т. е. побольше) воротники; сертуки хорошо застегиваются. Приехавши в Дюссельдорф, я сейчас пошел к каретнику с одним живописцем, который везде меня водит. Мы заключили контракт. Коляска будет большая и покойная, работа у него хороша. Ящиков счетом 10. Козлы для кучера высоки, сзади место для лакея с тремя ящиками; все ящики орехового дерева; цвет коляски – очень темно-зеленый, а герб – светлый. Сукно серенькое, так, чтобы как можно во всем поскромнее и покрепче. К чему парад? Ведь я в ней не поеду жениться или искать невесты. За крепость он отвечает платою за подчинку ломки. Цена – 3000 франков, и он приедет с первым парходом весной в Майнц сам, а я приеду в Майнц тогда через Францию. Но об этом еще поговорим.

В Брюсселе я получил два письма от Ф[едора] Вас[ильевича] и тут застал еще одно. Вот главное, что в них заключается: Иванов пишет к нему

из Рима (не говорите этого никому решительно, потому что из участия можно об этом рассказать и это испортит все дело). Прилагаю при сем письмо самого Фед[ора] Вас[ильевича] об этом; вы все ясно увидите в нем. Вы также увидите, что за доброе сердце у нашего друга Фед[ора] Вас[ильевича]. Об Шаповаленке скажите Полю. Вообразите, что он ни копейки не получил от Васильчиковой, и от Даврия нет никакого известия. Не понимаю, что там случилось?

Фед[ор] Вас[ильевич] начинает по обыкновенному с шутки.

Итак, не могу много расписываться, распишусь из Крейцнаха, куда намерен отправиться сегодня вечером. Кланяйтесь всем. Поцелуйте Поля, Машеньку и Граню. Что-то вы делаете, мой ангел? Как грустно без вас, ах, как иногда скучно! И чем веселее все вокруг меня, тем мне скучнее! Что же делать? Терпение! Слава Богу, я совершенно здоров, а другие¹ говорят, что я поправился в лице. Поклонитесь от меня праху нашего ангела. Целую ваши бесценные ручки и ножки, обнимаю вас. О, что бы я дал, что[бы] быть возле вас! Кланяйтесь Сокиренцам, я видел присланный сюда план дому и крепко вздохнул!

Ваш покорный сын

Григорий.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 25–26.

Друкується вперше.

¹ Можливо, натяк на Ф. В. Чижова.

№15.

Крейцнах. 15/27 сентября 1842 года.

Здравствуйте, ангел мой маменька. Вот 9-й день, как писал к вам, и уже скучно стало. Надеюсь, что вы получили мое письмо из Дюссельдорфа, №14, которое я к вам писал только для того, чтобы вы не беспокоились на мой счет. До Дюссельдорфа я ехал все паровозами, а вы их не любите. Из Дюссельдорфа я ехал вверх по Рейну до самого Бингена и еще лучше рассмотрел все прелести чудесных берегов этой реки, потому что ехал очень тихо, и ночевал в Кобленце по дороге. 20/8-го числа я приехал в 3 часа пополудни в Бинген, а оттуда в omnibusе к 5-и часам – в Крейценах. Признаюсь, что сердце очень сильно билось при мысли, что увижу дяденьку и тётеньку. Приехавши, я остановился в трактире и потребовал сейчас же kur-liste; ищу – нету их! Что тут делать? Последний листок был напечатан за 5 дней, а будущий еще не вышел. Я догадался: взял проводника и побежал в типографию, где нашел их имя и квартиру. Иду отыскивать их с проводником, как вдруг попадается навстречу дяденька, мы бросились обнимать друг друга и забыли даже, что мы стоим среди улицы. Он сейчас повел меня домой. Не нужно вам описывать, как я был у них принят. Они меня приняли оба не только как родственника, но как бы родители принимали сына¹. Не могу нахвалиться их ласками. Дяденька не насмотрится на меня, тётенька балует ужас как. Можете себе вообразить, как я был счастлив их видеть. С ними как будто повеяло из Малороссии тёпленьким ветерком и рассеяло холодный немецкий туман. Дяденька несколько постарел, но тётенька нисколько не переменялась. Сколько они мне рассказывают о наших местах! Я им, в свою очередь, рассказываю о моем и о нашем путешествии по Италии. Они совсем решились вместо Дрездена поехать на зиму во Флоренцию. Дяденька много говорил мне об деле за Лебединцы². Вот главное, что он сказал: Трифановского, по его мнению, не так должно теперь бояться, как графиню Владиславич, которая затевает дело против продажи Сребного и Лебединец. Судья Маркевич много нам вредил, а Ульяна Николаевна³ платила ему против нас.

¹ Петро Григорович і Софія Олександрівна Галагани не мали власних дітей, Григорій був їхнім спадкоємцем.

² Йдеться про ситуацію навколо купівлі 1841 р. К. В. Галаган (старшою) хутору Лебединець зі спадщини Будлянських, іншу частину якої – м. Срібне – придбав С. М. Трифановський. Для залагодження конфлікту, в якому С. Трифановський спочатку претендував на частину земель Лебединця, а потім – на спільно зібраний срібнянськими та лебединськими селянами врожай 1841 р., К. Галаган звернулася до впливового петербурзького урядовця О. В. Кочубея. (ЦДАК, Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 982. 2 арк.). Рішення на користь Галаганів було ухвалено у квітні 1844 р. (Збірник рішень Правительствующого Сената. Т. 1: 1835–1864. СПб., 1864. С. 133–134), однак С. Трифановський продовжив тяжбу на початку 1850-х рр., коли по допомозі до Кочубея уже звернувся сам Г. Галаган (ЦДАК. 1475. Оп. 1. Спр. 992. Арк. 7–8 зв.).

³ У. М. Селиванович, уроджена Милорадович, двоюрідна тітка Г. П. Галагана, мала племінницю Олену Олександрівну, уроджену Милорадович, що була дружиною С. М. Трифановського. Тому У. М. Селиванович допомагала С. М. Трифановському в судовій тяжбі з Галаганами як своєму своякові.

Дяденька очень бранит Трифановского, но из его же слов я ясно вижу, что он не так виноват против нас, как мы думали.

Знаете ли, ангел мой маменька, помирился с ним на половину. Бог с ним! Что, ежели, сохрани Бог, на его стороне больше правды, ведь этот шматок может нам принести вред на все прочее имение, а он бедный в сравнении с нами. С другой стороны, помирившись с Трифановским, гораздо будет удобнее действовать купно против Владиславичевой. Я знаю, какой вы ангел доброты; я готов мириться; если для этого необходимо мое присутствие, то, по крайней мере, скажите это Трифановскому. Я не смею вас просить более; вы, верно, знаете лучше меня, а с моей стороны я готов мириться, хотя, впрочем, не надобно, я думаю, показывать, что мы ретируемся, а просто по родству: миримся. Но зато уже всем, бывшим против нас (а их без счету), всем им – щур. Лучше с ними не зняться, они все фальшивее и завистливей самого Трифановского, особенно все Милорадовичи (Николаевичи)¹ были со всех сил против нас. Впрочем, довольно об этом деле, это так материально! Пожалуйста, душа моя маменька, пошлите за Краузе да спросите, все ли он получает, а если не все, то сделайте выговор в Детярях, так[же] пошли[те] за детьми Харитона и поласкайте их, дяденька их так любит, это ему будет приятно.

Теперь об себе: так как я надеюсь, что вы получили мое письмо из Дюссельдорфа, то я и не повторяю ничего о коляске и о контракте с каретником. Послезавтра – 17-е сентября, именины тётенькины, и я склонился на усиленные просьбы дяденьки, который вообще здесь скучает, и остался до этого дня, но 17-го же (послезавтра) я намерен, с помощью Божию, продолжать мое путешествие в Штутгард и оттуда через Швейцарию – в Милан, нигде не останавливаясь, а из Милана – в Венецию. По дороге в Штутгард я заеду во Франкфурт, где мне рекомендовали очень хорошего лакея; посмотрю на него.

Слава Богу, я совершенно здоров и, несмотря на весьма сырую и холодную погоду, вовсе не чувствую ее влияния. Для дороги я запасся тёплым, потому что переделал свою шинель: перекрасил в тёмно-зеленую краску и подбил очень толстою фланелью, так что теперь в ней тепло, как в шубе. В Венецию я буду лететь как бы домой, потому что там надеюсь найти ваши письма. Денег вы мне пришлите к Каскелю, а он мне перешлет по адресу. Я думаю, что мне нужно будет до апреля месяца тысяч около 9-и, потому что коляска и человек будут дорого стоить.

Что-то вы делаете, мой ангел несравненный? Тётенька мне привезла немного земли и листочков от Голике, а вам – несколько цветков, вероят-

¹ Йдеться про дітей М. А. Милорадовича, поміщика с. Калюжинці Прилуцького повіту, сусіда та родича Галаганів (його сестра – Ірина Антонівна – була бабою Г. П. Галагана). У. М. Селиванович, дотична до тяжби, про яку йдеться, була його дочкою.

но, от гроба папеньки, я цветочки спрятал; поцелуйте от меня это место, священнейшее для нас в мире. Когда я от вас получаю письмо, то это для меня праздник; когда пишу к вам теперь – также праздник, потому что я как бы говорю с вами.

Каков-то наш лазарет? Ах, когда бы нам другого священника, получше этого. Нельзя ли постараться? Поцелуйте брата, сестру, Граню, кланяйтесь доброй М. Fischer, Петру Никитичу, Голике, Никол[аю] Фок[ичу] и всему дому. Кланяйтесь Секиринцам бесценным, и саду, и селу, и дому, и пр. Поцелуйте от меня Мишу и Катеньку, если они в Васковцах еще.

Обнимаю вас, целую ваши ручки и ножки, и все пальчики на них. Дай Бог, чтобы все мои письма доходили исправно, я за них больше боюсь, чем за ваши. Целую вас, ваш

Григорий.

Чемодан новый, который я купил в Брюсселе, очень хорошо до сих пор служит, прекрепкий и красивый. Старый чемодан я не решил бросить, потому что вы его благословили, я его завернул в трубку и везу с собой. Придется его оставить, но, по крайней мере, ехал, где вы были, – в Италии, а не в Бельгии.

Дяденька говорит, что наш конный завод заражен, надобно бы серьезно пересмотреть его, а особенно не иметь никаких сообщений с Лебединским заводом.

Велите продавать горелку на новой площади в Ичне, где теперь одни Галаганы имеют право продавать горелку.

Теперь пишите мне во Флоренцию. До свидания, мой ангел бесценный.

№16.

Штутгард, 6-го октябрю / 24 сентябрю 1842 г.

Третьего дня вечером я, слава Богу, благополучно приехал сюда, ангел мой маменька, и, выйдя из дилижанса, сейчас побежал узнать, нет ли ко мне писем? Я был так счастлив, что получил ваше письмо из Лемберга №9, пересланное сюда из Остенда. У меня отлегло сердце, когда я прочитал, что вы до Лемберга благополучно ехали, это половина дороги. От Федора Васильевича я получил письмо вчера из Венеции, он, слава Богу, здоров и ожидает меня с нетерпением. Будучи в Франкфурте, я застал также от него письмо, в котором он просит, чтобы я купил себе шубу, умоляет ради дружбы и Бог знает как. Но, во-первых, ярмарка только что кончилась, и я не нашел хороших шуб, а во-вторых, на что мне она? Если я до морских ванн не употреблял шубы, то тем более она мне не нужна после морских ванн. Я бы теперь так и летел в Венецию, так хочется там быть! Как взойду на площадь св. Марка, буду думать: здесь вы были! мой ангел, а во Флоренции – не знаю, достанет ли духу идти на улицу via del Sole. Помните, где мы жили? О настоящем скажу вам, душа моя, что я выехал из Крейцнаха 30-го / 18 сентября, хотя мне время дорого, и я не хотел там остаться более 4-х дней, но остался 9, потому что дяденька и тётенька, бедные, очень скучают, и притом 17-го числа были именины тётенькины, мне стало их жалко, и я остался. Погода все время была ужасная, так что топили печь у дяденьки, который ужасно бранит чужие края, особенно когда ему холодно. Я надеюсь, что вы получили письмо мое оттуда. Итак, я выехал 30-го сент[ября] из Крайцнаха и прямо в Франкфурт, который все тот же. Из Франкфурта я поехал в Майнц и там остался полсутки для того, чтобы осмотреть выставку разных произведений; я об ней говорю Полю и Машеньке. Несмотря на внезапный и резкий переход от жаркого лета к весьма холодной осени, я, благодаря Богу, не простудился и теперь уже втянулся в холод. Из Майнца я приехал прямо в Карлсруэ, который вы знаете, там осмотрел два сада, хорошие сады, а на другой день рано утром отправился в дилижансе в Штутгард. Тут 11 часов езды, и в 5 часов вечера мы были уже здесь. Вчера утром первый мой визит и для пользы, и для удовольствия был к русскому священнику отцу Ивану Михайловичу Пивновскому¹. Я его застал в постели, бедный, он простудился. Он семейный человек и, кажется, хороший. Я надеялся от него все узнать об земледельческой школе и не ошибся в моем ожидании. Он снабдил меня нужными советами, и я, по его наставлению, тотчас же отправился в Гогенгейм (Hohenheim). Это место в одной миле расстояния от Штутгарда: маленький городок, возле которого бывший дворец превращен в земледельческую академию². Дорога к Гогенгейму прелестная,

¹ Отец Иван Певницкий.

² Сільськогосподарський інститут («Сільськогосподарський навчальний, дослідний та зразковий заклад», нім. *Landwirtschaftliche Unterrichts-, Versuchs- und Musteranstalt*), заснований 1818 р. Розташовувався у замку Гогенгейм неподалік від Штутгарта. Г. П. Галаган докладно описав цей заклад у записці «Замечания о хозяйстве Гогенгейма», що збереглася у родинному архіві Галаганів (ІР НБУ. Ф. І. Спр. 7364. 4 арк.).

все идет по горам между садами, виды на все стороны прекрасны, особенно на Штутгард, который расположен в глубокой и веселой долине. Приехавши в Гогенгейм, я спросил, где директор, и прямо пошел к нему. Его зовут Ве-керлин. Он меня принял хорошо, но, вероятно, думал, что я у них останусь. Впрочем, дал советы, что мне читать. От директора я пошел на квартиру к одному русскому – Линовскому, и этот человек все мне объяснил. Вот в чем дело: в эту академию может всякий приехать, чтобы учиться агрономии. Тот, кто хочет остаться на полный курс, должен жить там не менее 6-и месяцев. Он называется кандидатом; ему дают квартиру, и он платит 300 гульденов в год за квартиру и лекции. Те же, которые не желают быть кандидатами, тем нельзя оставаться более 4-х недель, они называются гости, им дают квартиру по гульдену в день. Линовский, который там уже больше году, советовал мне хорошенько познакомиться с этим заведением, и для этого я переезжаю туда, как гость, на 5, 6 и не более 7 дней. Жаль, что я опоздал 2-мя неделями, а то застал бы еще лекции и опыты; теперь у них вакансии, но все-таки я, с помощью доброго Линовского, могу познакомиться с их хозяйством. В этой академии живут около 150 человек, и множество – из лучших фамилий Германии; там тоже 4 человека русских, но они все разъехались на вакансии.

Сколько я мог разузнать по разговорам, их хозяйство гораздо труднее применить к нашему, нежели я думал (скажите это Полю). Вообразите себе, что гогенгеймские владения состоят из 600 моргенов, т. е., по-нашему, из 200 десятин земли, – всего! И это есть самое большое имение во всем Виртембергском королевстве! У нас так же трудно этому поверить, как здесь тому, что у нас под житом одним 500 десятин или, по-ихнему, 1500 моргенов! Можете после этого посудить, какие труды должно приложить к земле, чтобы она дала доход, а между тем я видел, наприм[ер], шесть моргенов (или 2 десят[ины]), засеянные одним растением, вроде репы, из которого делают масло, и таким образом каждый морген приносит 200 гульденов доходу. След[овательно], 2 десятины дают, по-нашему, целых 2400 рублей! Скота я еще не успел видеть, но они говорят, что падеж между овцами происходит от небрежения, и что он не должен существовать, что же касается до падежа рогатого скота, то это чума, которую нельзя предотвратить. Выезжая из Гогенгейма, я опять к вам напишу. Вот план моего путешествия: из Штутгарда – в Шафгхаузен (1 день). Из Шафгхаузена – в Цюрих (1 день), из Цюриха через St. Gothard (это самая лучшая гора) (3 дня) – до Lago Maggiore, где должен провести не менее суток. Оттуда до Милана – день, в Милане – день, и из Милана до bella Venezia – 2 дня. Там вы скоро получите мое письмо, из Венеции близко. Скажите Полю, что во французских газетах, где описывают ужасный пожар Казани, сказано, что уже за несколько дней вспыхнул было сильный пожар, «*mais grâce à l'intrépidité et aux connaissances du brave general Chipoff, l'incendie a été arrêté au moins pour quelques heures*»¹.

¹ Але завдячуючи відвазі та пізнанням хороброго генерала Шипова пожежу було припинено лише за декілька годин (фр.).

Дяденька меня просил вам написать, чтобы вы велели поменяться нашему мужику с казаком в Ичне. Казак поселился перед носом у дяденьки, променяв свою землю у нашего крестьянина, и надобно это сделать, пока не прошла давность.

Благодаря Бога, погода поправилась, и потеплело. Поцелуйте, пожалуйста, Мишу и Катеньку, кланяйтесь, кому хотите. Итак, до свидания, друг мой, ангел мой маменька, бесценная душа моя, грустно без вас! Пишите чаще. Поцелуйте от меня гроб нашего ангела, что-то у нас делается? Что-то вы делаете? Я так был рад 1-го октября, что уже не сентябрь, а как будто вдруг целым месяцем ближе к вам.

Целую ваши ручки и все пальчики на ручках, и ножки, и обнимаю вас. Кланяйтесь нашим Сокиринцам, и саду, и всему дому.

Ваш покорный сын

Григорий.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 29–31.
Друкується вперше.

№18. Venezia la bella.24/12 октября 1842.

Третьего дня, в 10-м часу вечера, я приехал в Венецию, ангел мой маменька, и, разумеется, не нужно вам говорить, понравилась ли она мне или нет. Мы во многом разделяем с вами вкусы наши, а Венеция так вам понравилась. Федор Васильевич, наш добрый друг, встретил меня в Местре. Он ожидал меня там почти полдня, потому что дороги от дождей очень тяжелы, и дилижанс шел тихо. Признаюсь, я подъезжал к Венеции с сильным биением сердца. Так долго я был один совершенно, и сильно хотелось обнять друга, притом же я подъезжал к Венеции, город, который так прекрасен, и еще в котором вы были.

Мы проходили по улицам и по площади за полночь, слабое лунное сияние сквозь мелкие тучи освещало дворцы и церкви, и уже весь город спал. Я тогда же попросил Фед[ора] Вас[ильевича] показать мне тот дом, где была ваша квартира, и я посмотрел на те окна, откуда вы смотрели, душа моя маменька! Зачем мы не вместе в Венеции? Еще было бы мне, по крайней мере, приятнее и отраднее, если бы застал от вас письмо. Я в полной был уверенности, что получу от вас письмо из Секиринец, и нет! Не знаю, что и думать. Надеюсь, что вы получили №17 из Шафгхаузена от 13/1 октября. С тех пор я, благодаря Богу, ехал совершенно благополучно и был, как и прежде, здоров. Путь мой был на Цюрих, Люцерн, Альторф, Цуг, Сен-Готард, Lago Maggiore, Милан и т. д. В Швейцарии погода все время была прекрасная, дорога тоже. В будущем письме я опишу Полю и Машеньке мое путешествие. Вам скажу только, что мне было несколько задержек от дурного распределения почт в Швейцарии. В Цюрихе должен был ночевать, в Люцерне – обедать и ночевать, и, наконец, приезжаю к Maggiore, и что же – в воскресенье не ходит пароход по озеру, и я должен был целые сутки потерять в маленькой деревне Magodino. Хорошо еще, что у меня были два товарища, добрые молодые люди, – венгерец и пруссак. Во многих местах живописной Швейцарии можно бы было остановиться на день или два и походить по горам, но я нигде этого не делал, во-первых, потому что хотел переехать С-Готард пока еще была хорошая погода, а во-вторых, потому что мне уже соскучилось одному ездить. Сен-Готард очень меня интересовал. Постепенно, по мере того, как мы возвышались, все становилось вокруг нас дико, и воздух холоднее. Наконец остались одни голые скалы. Въехавши на вершину, мы очутились среди зимы. Вершина этой горы есть большое поле. Оно было покрыто снегом, и мы ехали по снегу. Впрочем, не успели мы еще и озябнуть, как уже начали спускаться, и куда же? в Италию! В первом трактире, спустившись с горы, уже мы попрощались с грубым немецким языком, и все нам говорили по-итальянски. Вы уже, верно, знаете, что эта перемена языка меня не огорчила, а напротив того. На Lago Maggiore я оставался двое суток: одни – поневоле, а другие – для

осмотра Борромейских островов. На них я не увидел ничего нового, потому что они все усажены неаполитанскими растениями, которые все здесь растут, но приятно было гулять в лавровой роще, в виду [от]сюда и Сен-Готарда. От Мажиоро до Милана дорога очень однообразна. Милан я уже знаю и говорил прежде о нем. Был, разумеется, в La Scala¹, который мне показался еще бóльшим. Из Милана до Венеции я ехал двое суток, видел Виченцу со всеми ее палладиевскими дворцами², Падуу с ее знаменитым кафе³. Теперь окончен верх этого кафе, и я его видел, он очень богат, и есть комнаты: римская, греческая, турецкая, египетская, готическая и рококо. Дорогой я ехал вместе с одним Шелашниковым, который за две недели видел еще графа Андрея Ивановича в Париже.

Теперь что же скажу вам о Венеции? Я ее еще почти не знаю. Был в S.-Marco⁴ и осматривал его, сколько мог. Вчера был прекрасный день, площадь была покрыта народом, музыка играла, гондолы ездили по Большому каналу, солнце ярко горело в золотом мозаике церкви. Как я вспоминал ваши рассказы, мне казалось, что я с вами хожу по этой площади, а скорее – прелестной, величественной зале с голубым потолком. Я живу вместе с Фед[ором] Вас[ильевичем], квартира хороша, хозяева предобрые и удивительно как любят нашего Федора Васильевича. Здесь, в Венеции, Васильчиковы, которые все приказали вам всем кланяться; они завтра едут в Париж. Здесь также князь и княгиня Кочубей, но я сих еще не видал. Сегодня у нас вечеринка или ассамблея, а именно, у нас будут художники: Бенуа, Скотти (которых вы знаете) и еще Эпингер и Эльсон. Вчера вечером мы были в Армянском монастыре⁵, где нам все показывал брат Айвазовского. Здесь теперь разыгрывается прекрасная картина Поля-Веронезе, я возьму 3 билета: один – для вас, другой – для меня, а третий – для Грани. Что, ежели мы выиграем! Я думаю, я буду в таком восхищении, что готов сам ее везти на долгих или даже пронести в Россию на плечах. Я думаю, по крайней мере, по моему расчету, дяденька и тётенька должны быть уже близко Флоренции. Я завтра к ним напишу. Так как я намерен две недели с небольшим или дней 18 пробыть в Венеции, то вы мне сюда и не пишите, а просто во Флоренцию. Деньги хотя у меня есть, но не лишнее бы было прибавить к ним несколько; я думаю, что я скоро получу их от вас. Впрочем, Бог с ними, с деньгами, лишь бы получить от вас письмо, а его-то и нет. Иванов пишет к Фед[ору] Вас[ильевичу]. Слава Богу, его глаза начинаютправляться. Ах, Венеция! Как она хороша. Пьяцца, Piazzetta, Rialto, – все

¹ Ла Скала (італ. *La Scala*) – міланський оперний театр.

² Палаци, побудовані у Віченці італійським архітектором доби Пізнього Ренесансу Андреа Паладіо.

³ Кафе Педроккі (італ. *Caffè Pedrocchi*) – важливий осередок культурного життя Падуї.

⁴ Собор святого Марка.

⁵ Сан-Лазаро-дель-Армені.

прекрасно. Завтра починаю розглядати все по частих. Будь ласка, поцілуйте від мене Поля, Машеньку і Граню, також Мишу і Катеньку; кланяйтесь всім нашим домашнім, Madame Fischer. Целую ваші ручки і ножки, поклоніться від мене у праха нашого батька-ангела. Архітектор Бенуа, який тепер вважається найкращим між росіянами, розглянув план нашого дому, говорить, що статуї повинні бути не менше, як в 3 аршини величини, а навіть і в 3½ не зайве; я ще пораджуюсь і тоді поїду в Каррару¹ і замовлю. Говорять, що дві статуї обійдуться не більше 1000 франків, це було б не погано. Целую вас ще раз. Де ви проведете наступний місяць?

Ваш покорний син

Григорій.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 32–32 зв., 34–34 зв.
Друкується вперше.

¹ Каррара – місто в Тоскані, де видобувається високоякісний мармур для скульптур («каррарський мармур»).

№19.

Венеція, 4 ноября / 23 октября. 1842 г.

Как я Вам писал уже в №18-м, ангел мой несравненный, моя душа бесценная, приехавши сюда, ожидал я застать от вас писем, по моим расчетам непременно должны были быть письма из Сокиринец. Наконец моим ожиданиям был конец. 30/18 октября я получил от вас письмо, и что же? №11, а 10-го номера до сих пор нет! Не знаю, чему это приписать. По этому письму видно, что оно не первое из Секиринец, потому что вы в нем не пишете, когда и как вы приехали домой; несмотря на то, вы можете себе представить, как я был обрадован этим письмом. Мысль, что вы уже в милых наших Сокиринцах, много успокаивает меня, по крайней мере, только один из нас в путешествии, а не оба бродим по белому свету. Теперь, по крайней мере, вы телом совершенно спокойны. В письме вашем я увидел с горестью, как в нашей бидной Малороссии холодно, с радостью отдал бы всю теплоту, которую я здесь пользуюсь, лишь бы у нас было тепло. У крестьян наших волы целы, это меня радует, дай Бог, что это положило в их хозяйстве начало довольства и спокойствия. Дело с Трифановским, разумеется, идет не так хорошо, но что же делать, при таком обороте дела надобно его продолжать настоятельно. На днях получил я письмо от дяденьки Петра Григорьевича из Милана; он пишет, что они благополучно переехали через Альпы, хотя много набрались страху, и теперь едут во Флоренцию через Генуу (не знаю, почему); я думаю, что они уже во Флоренции. Я к ним написал туда, а Фед[ор] Вас[ильевич] – к Великанову, чтобы он им как можно услуживал¹.

Не хочется мне выезжать из Венеции, здесь так приятно, тихо, хорошо. Какие дворцы, какие церкви! Богатство везде поражающее. И при этом, – какой во всем особенный вкус. Я не могу насмотреться на площадь св. Марка, а особенно на Piazzetta, когда смотреть на нее с Большого канала в ясный день. Чудо что такое! Я провожу все утро после завтрака, осматривая дворцы и церкви. Стараюсь всегда это делать без Федора Васильевича, чтобы не отрывать его от работы. Он теперь занимается в Дожевском дворце в библиотеке. Его порядочно развлекает знакомство с русскими художниками. Тут их четыре: Бенуа, Эльсон, Скоти и Эпингер (каковы русские фамилии?). Все прекрасные люди. Мы всегда обедаем с ними в 5 часов в трактире Al Vapore, и иногда проводим с ними ве-

¹ І. І. Великанов – російський підприємець, що мешкав у Флоренції. Був кріпаком і служив камердинером у князя В. С. Трубецького, котрий нерідко грубо з ним поводився. Приїхавши разом зі своїм паном до Італії, І. І. Великанов покинув його, вважаючи, що кріпосне право не має чинності за межами Росії. Згодом здобув від князя увільнення від кріпацтва. Оселившись у Флоренції, зайнявся торгівлею. Мав власну каменоломню і постачав до Росії каррарський мармур. Був купцем 1-ї гільдії та інколи відвідував Росію. Мемуарист граф М. Д. Бутурлін, юність якого пройшла у Флоренції, згадував, що І. І. Великанов «зробився у 30-х роках комісіонером і напівбанкіром російських мандрівників, що приїздили до Італії» (Записки М. Д. Бутурліна. *Русский архив*. 1897. Кн. 1. С. 616).

чера. Вчера я осмотрел 3 дворца: Пизани, в котором одна знаменитая картина Поль Веронезе, Барбариго, где много картин Тициана, и Ман-фрини, где славная галерея. Удивительно, как, присмотревшись, можно легко узнать картину венецианской школы между другими; в них – свой собственный колорит и лица совершенно венецианские, особенно женские. Каково «Успение Божией Матери» Тициана? Помните? Что за величественная картина, хотя голову Божией Матери нельзя сравнить с Рафаэлевскими или Перуджиновскими, но все вместе прелестно. Помните ли также церковь dei Scalzi на Большом канале? В ней богатство мраморов необыкновенное, Фед[ор] Вас[ильевич] говорит, что вы ее осматривали, я очень рад. Внутри в ней 6 капелл, сделанных шестью богатыми фамилиями; одна перед другой щеголяет мраморами бесценной редкости, а главный престол окружен 8-ю большими витыми колоннами редкого мрамора. Как жалко мне всегда, когда я подумаю, что вы только 4 дня оставались в Венеции. Я так полюбил ее, что мне жалко будет выезжать, тем более, что весной нельзя мне будет взять дорогу на эту часть Италии. Здесь также есть прекрасная греческая церковь. В наш печальный день, 17 октября, я отслужил там панихиду¹. Хотя я ничего не мог понимать на чужом языке, но, зная хорошо порядок молитв, я мог следить за панихидой. Все так, как у нас, только вместо черного стола они кладут на пол черный ковер с крестом и перед ним свечи.

В воскресенье я был у обедни, где была и в[еликая] княгиня Мария Николаевна. Наши художники представлялись ей, и она была чрезвычайно с ними ласкова и добра. Говорят, что в Риме идут теперь очень сильные переговоры между императором и папою, я ужасно боюсь, чтобы еще дошло до того, что русских не будут впускать в Рим, я буду в отчаянии; но надеюсь, что этого не случится. Дней через 5 или 6 мы, с помощью Божиею, выезжаем отсюда; хотя этого очень не хочется, но я должен поспешить по двум причинам: во-первых, для Фед[ора] Вас[ильевича] – ему надобно поскорее во Рим, а во-вторых, дяденька очень зовет во Флоренцию. Мы поедем *à petites journées*² на Падуу, Болонью и Парму, останавливаясь в этих городах по дню или по два. А из Венеции все-таки не хочется ехать. Я бываю иногда в театре, вчера я слушал «Lucia di Lammermoor»³, жаль только, что театр никуда не годится.

Как часто посылаю я мысли свои на восток, там все, милое моему сердцу, все вместе теперь. Ангел мой маменька! Что бы я дал, чтобы теперь хоть на одну минуточку побыть с вами, хоть увидеть вас издали, право, только одна Италия в состоянии ослабить грусть по разлуке; теперь у вас, я думаю, сильный холод, стужа. Что-то, будет ли скоту корм за всю зиму; меня это очень беспокоит. Пожалуйста, моя душа, пишите попод-

¹ Йдеться про річницю смерті батька.

² Незабаром (фр.).

³ «Лючія ді Ламмермур» – опера італійського композитора Г. Доницетті.

робнее да попросите и Поля и Машеньку, чтобы они писали, что им это стоит? Час какой-нибудь, не больше. Кланяйтесь всем нашим домашним. Целую тысячу тысяч раз ваши ручки и ножки, поклонитесь нашему ангелу. Ваш покорный сын

Григорий.

Художник Скотти рисует хорошенький вид из Венеции, хотелось бы приобрести его. Архитектор Бенуа смотрел на присланный план нашего дому и говорит, что статуи должны быть не менее, как в 3, и не более, как в 3½ аршина, да, кажется, я об этом писал вам. Я заказал себе итальянский кобеняк, только на малороссийский фасон. Прекрасное платье: и тепло, и [не] пропускает воды.

Приписка на полях. О здоровье скажу, что оно, слава Богу, совершенно хорошо, желудок в порядке, особенно с тех пор, как избавился от гадкого table d'hôte и обедаю à la carte¹. Это гораздо здоровее, выбираю, что хочу. Мы ездили с нашими художниками на остров Торчелли, там очень хорошие церкви и самый древний мозаик во всей Венеции. Пожалуйста, берегитесь от холоду, особенно ножки. До свидания, мой ангел.

Приписка Ф. В. Чигова. Знакомый Вам дворец на этой бумаге, помните ли, как мы вместе смотрели его? Теперь Гришунок тоже познакомился с Венециею и полюбил ее. Что касается до меня, я не совсем доволен нынешним моим приездом в Венецию, потому что я от него ожидал более, нежели как все это вышло. Сначала прихворнул, потом развлекался, там поработал, но все это-то – не то, что было бы нужно. Жду не дождусь поездки в Рим, боюсь, чтоб и там не было того же самого. Что сказать Вам о Вашем сокровище, не правда ли, мой добрый ангел, что это выражение нисколько не преувеличено, для Вас нет ничего и никого, его дороже. Гришун здоров и занят, потому что всякий день видит что-нибудь новое. Об этом, вероятно, он сам Вам напишет. Теперь мы ежеминутно ждем Ваших писем. Вы не очень добры, не знаю, отчего так скоро забыли, какое наслаждение доставляет получение писем. Меня все оставили, ни от кого не имею ни строчки, не знаю, чему и приписать такое неуместное молчание. Дай Бог, чтоб все это было следствием расчета моего доброго Дм[итрия] Васильевича Поленова. Позвольте попросить Вас отослать ему монеты, когда Вам будет угодно, кажется, они в дорожном мешке и надписаны. Не смею благодарить Вас, мой ангел, за Ваше письмо, но скажу еще и еще, что с сжатым сердцем и с Вашим Гришуном говорю о деньгах, – я писал Вам об этом годе именно потому, что будущий у меня совершенно обеспечен, а там пойдет, как Богу угодно. Если бы я умел, я передал бы Вам, как у меня ложатся на грудь лишения Гриши, они меня радуют и радовали бы вполне, если бы я не был их причиною, а теперь? Если все так пойдет у него, как идет, если

¹ Згідно з меню (фр.).

правила его утвердятся, Вам останется только благодарить Бога, а ему – Вас и Бога. Не знаю, напишет ли он Вам, но мне приятно передать, что 17 октября он попросил меня указать ему греческую церковь и там заказал панихиду. Иначе не должно быть, это правда, но не всегда так в свете бывает, поверите ли, я считаю себя так близким к Вам и к Грише, что ему ничего не могу говорить об Вас, Вам – об нем, я как бы забываю, что Вы друг другу ближе, нежели я Вам, а хваля его Вам, останавливаюсь. Прощайте, мой добрый ангел, целую Ваши ручки, прошу не забывать вашего бабачка.

Потрудитесь поклон мой сказать всем, кто меня помнит. Гриша – в театре в эту минуту, я пишу, и на коленях у меня играет маленький котик, спутник работ моих.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 35–36 зв.
Друкується вперше.

№20.

Болонія, 15/3 ноября 1842 года.

Одиннадцатого числа сего месяца, ангел мой маменька, я с [с]жатым сердцем выехал из Венеции, и до сих пор, благодаря Бога, мы едем благополучно. Мы теперь в Болонии, остановились здесь на 2½ дня. Вы знаете Венецию, мой ангел, и потому можете понять, что мне было очень жалко оставлять ее, тем более, что, благодаря коляске, мне нельзя будет взять на нее дорогу. Кроме самой Венеции, мне было также жалко оставлять добрых хозяев; вы не можете себе представить, что это за прекрасное семейство. Хозяйка, женщина лет 32-х, есть тип венецианской красоты, ее голова встречается беспрестанно на картинах Тициана и Поль Веронеза: большие черные глаза, брови дугой и довольно короткий нос, – вот лицо венецианское. Надобно было видеть, как эта добрая хозяйка была внимательна к нам; вы знаете, что итальянцы скоро привязываются, она смотрела на Фед[ора] Вас[ильевича], а потом и на меня совершенно как на своих родственников, сама подчиняла платье, белье, желая делать экономию, и купила нам прекрасные тёплые ботинки для дороги. Ее муж, хозяин, – человек редкой доброты. Его отец был богатый человек, но с тех пор как австрийцы перевели торговлю Венеции в Триест, он совершенно обеднел и умер¹. Теперь хозяин должен снискивать себе хлеб работою в арсенале, за которую он получает по 2 цванцигера в день, и то, только когда работает. Он так любит свою жену, что иногда проработает целую ночь, только чтобы доставить ей удовольствие пойти в театр или на гуляние; за то она ему не только совершенно верна, но когда говорит о нем, то называет его ангелом: «Mio marito è proprio un angelo, poveretto!»² Это последнее слово она, как и все итальянки, очень часто употребляет; например, я ей рассказываю, что много ходил, – «eh! poveretto»³, потом говорю, что мне было очень весело – «eh! poveretto»; и вечно – «poveretto». Хозяин наперерыв с женой старался всеми образами нам услужить. Племянница их Jeia, девочка 14-и лет, предобренькая и трудолюбивая, кроме ее есть еще мать хозяина, старушка Nonna, но та почти всегда сидела наверху. Очень часто хозяин и хозяйка приходили к нам вечерком посидеть с нами, и так было приятно поговорить с ними, оба превеселые. Но не думайте, чтобы мы остались неблагоприятны к нашим добрым людям, мы купили хозяйке хорошее платье, а Jeie – платочек, они были ужас как благодарны. Они говорили нам, что, чтобы жить всегда спокойно, у них правило: не отдавать в наем квартиры ни попам, ни военным, за какую бы цену ни было, иначе, говорят они, не может

¹ У 1719 р. Триєст здобув право порто-франко, що сприяло його перетворенню на найважливіший порт Габсбурзької монархії та стало однією з причин занепаду венеційської торгівлі.

² Мій чоловік є просто янголом, бідолаха (італ.).

³ Eh! Бідолаха (італ.).

быть спокойствия в доме. Но я разговорился об хозяевах и совсем забыл, что я пишу письмо, а не журнал, впрочем, я знаю, как вам приятно слышать, что со мной где-нибудь так хорошо обходились. Итак, мне было жалко оставлять Венецию, я пошел на ponte [di] Rialto, взглянул на дворцы Большого канала, потом пошел на площадь св. Марка, простился со всем! Бог знает, на сколько времени? Вот первая приятность от коляски, она отвлекает меня от милой Венеции. Так как во все время, как жили в Венеции, мы были большими приятелями с нашими четверьмя художниками, о которых я уже вам писал, то на прощание мы им сделали маленький завтрак дома, съели русский пирог и выпили бутылку шампанского. Одно только не совсем для меня приятно: в Венеции я три недели ждал от вас первого вашего письма из Сокиринец, и тщетно. Второе ваше письмо я получил на 16-й день, это №11, а №10-го нет до сих пор. Я написал в Штутгард, чтобы, на случай, [если] вы туда послали, то чтобы переслали его во Флоренцию. Что касается до финансов, то Федор Васильевич мне дал довольно денег. Мы ему довольно много должны, из Флоренции напишу, сколько всего.

Выехавши 11-го числа из Венеции, мы ехали по почте до Падуи, там переночевали и взяли ветурина до Ровиго (Rovigo), мы думали в тот же день взять дальше ветурина в Феррару, но приехали слишком поздно в Ровиго. Чтобы не потерять вечера, мы отправились в театр и были очень удивлены: что значит Италия? Ровиго имеет всего 9000 жителей, а театр пребольшой и прекрасный, поют очень хорошо. В театре 27 лож в один ряд, а помните ли, во Франкфурте что за дрянной театр. 13-го числа мы проехали на ветурина от Ровиго до Феррары и думали также дальше застать почту, но не достали мест, ветурины же дорого просили, и мы опять принуждены были ночевать. Феррара – прескучный город. Наконец 14-го числа вечером мы приехали в Болонью. Сегодня утром первая вещь, которую мы сделали, было: пойти в картинную галерею. Произведения Гвидо-Рени, Доминикина, Гверчина, Каррачи, Ланфранка и всех прочих художников болонской школы украшают стены академии, но что все это? Что все эти земные произведения? Они все исчезают, когда вы посмотрите на «Св. Цецилию» Раффаеля! Ах, как мне жалко, что вы не видели этой картины, как это вы не пошли? Святая Цецилия стоит посередине картины и держит гусли в левой руке, а взоры, чистые, святые взоры, обращены к небу. Там облака раскрыты, и в мире райском группа ангелов, держа ноты, поют хвалу Богу. Кажется, что вы слышите их Божественную гармонию. Направо от св. Цецилии стоят св. Павел и Иоанн Богослов, налево – один епископ и св. Мария Магдалена, все они погружены в высокие звуки гармонии. Св. Павел, поникнув головой, опирается на меч, музыка навела на него глубокую и умную думу. Св. Иоанн, чистый юноша, возносит взоры к небу, он в поэтическом восхищении. На лице епископа изображена доброта, любезность; св. Магдалена

своей фигурой очень похожа на Сикстинскую Мадонну. Об восхищении, изображенном в лице св. Цецилии, нечего и говорить! В этой картине Рафаэль показал себя не только живописцем, но и музыкантом, потому что так удивительно высказал музыкальное чувство. После этой картины, когда взглянуть на произведения болоньезцев¹, все равно, что свалиться с неба. У них Мадонна есть ни что иное, как хорошенькая женщина, а какой маньеризм² в положениях, в платьях, во всем! Мне очень жалко, что вы не видели этой картины.

16/4 ноября. Поздравляю вас, душа моя маменька, с днем рождения вашего внука и моего племянника³, мы вместе с вами, верно, желаем ему всего возможного счастья. Что-то вы делаете, мой ангел несравненный, где вы теперь, в Сокиринцах ли проводите время или поедите в Литву⁴. Как часто меня тянет домой, к вам, мой ангел; теперь у вас, я думаю, уже совершенная зима, берегите, ради Бога, ваше здоровье, в России должно быть очень холодно, потому что и здесь уже шел снег. Как-то идет хозяйство, что делают крестьяне? Как бы я желал обо всем этом знать. Вы мне пишете, что волы купленные целы, не покупали ли также на Покровской ярмарке? Я к вам писал из Венеции два письма – №№ 18-й и 19-й. Сделайте милость, пишите почаще. В Венеции я имел еще наслаждение, что мог скоро получить от вас письма, в 16 или 17 дней, а во Флоренции – все дальше. Завтра мы отправляемся с Богом в 4 часа пополудни во Флоренцию и должны приехать туда послезавтра в полдень, и сейчас же пойду отыскивать наших Галаганов, они должны быть уже давно там. Вчера вечером мы были в театре, танцевала Тальони, она пополнела, и это отняло у нее много прежних граций, несмотря на то, ее принимали *con furore*⁵ и вызвали 7 раз сряду. Театр внутри очень хорош, чрезвычайно оригинален, каждая ложа составляет вроде балкончика, выходящего внаружу из стены с массивной балюстрадой. Сегодня утром мы были в здешней *certosa*⁶, теперь там устраивается великолепное кладбище, которое, однако, нам не понравилось, в нем слишком много порядку, мужчины отдельно от женщин, это отымает всю поэзию кладбища, оттуда мы прошли в церковь *Madonna della Guardia*, по аркадам, которые 3 италя[янские] мили длины.

¹ Художників Болонської школи.

² Г. Галаган вжив тут поняття «маньеризм» не як назву мистецького стилю др. пол. XVI – поч. XVII ст., що засвідчив формування у надрах пізньоренесансного мистецтва ознак барокового художнього мислення, але як визначення формотворчих тенденцій у мистецтві межі XVI–XVII ст., коли духовність Ренесансу поступилася суто технічним новаціям у малярстві.

³ Йдеться про день народження Грані Комаровського.

⁴ Тут топонім *Литва* вжито, ймовірно, як традиційну назву північно-східних теренів Чернігівської губернії, зокрема Стародубщини, що історично були пов'язані з Великим князівством Литовським і розселенням литвинів-білорусів. У Стародубському повіті розташовувався маєток Гудовичів у с. Розрите, що на той час належав братові К. В. Галаган (ст.) М. В. Гудовичу.

⁵ З фуруром (італ.).

⁶ Картезіанський монастир (італ.). Мається на увазі Чертоза – монументальний цвинтар у Болонї на місці колишньої обителі ченців-картезіанців.

Фед[ор] Вас[ильевич] просит места, и потому я должен вам сказать до свидания, будьте здоровы, мой несравненный ангел, целую ваши ручки и ножки, мой поклон нашему общему ангелу. Кланяйтесь, пожалуйста, мад. Ficher, Петру Ник[итичу] и всем нашим людям. Сокиринцам нашим милым – мой поклон. Мне жалко будет во Флоренции пойти на via del Sole. Мне не хочется посещать общество, не знаю, могу ли совершенно избегнуть его. Еще раз целую вас, ваши ручки и ножки, ваш сын

Григорий.

Приписка Ф. В. Чижова. Не могу передать Вам, мой добрый ангел, как восхищает меня то, что все, имеющие сердце, разделяют со мною любовь к моей милой, моей прекрасной, моей обворожительной Венеции. Я не говорю еще о Грише, который оставлял ее едва не со слезами; но старик Васильчиков никак не хотел ехать, и, если бы не властительница его Александра Ивановна, он остался бы еще полюбоваться площадью св. Марка. Помните ли Вы, как мы ходили по этой площади, жившей, сделавшей так много для Венеции и для человечества, помните ли Вы, как я со слезами просил у Вас прощения и после опять впадал в те же вины, и мой добрый ангел все прощал мне. Еще два дня – и мы будем вместе с Софьей Александровною и Петром Григорьевичем; признаюсь, сильно мне неприятно, что их присутствие отвлечет Гришуна от одиночества и, следовательно, от тех занятий, которые были бы продиктованы ему собственною охотою; но видно, так угодно Богу. Я любил Гришу всегда, Вы это знаете, мой добрый ангел, но теперь, кажется, я люблю его еще больше. Дай Бог, чтоб его понятия настоящие в нем укоренились, чтоб одиночество, жизнь под собственным руководством, усилило его характер, – что, если бы он взял у меня немного моего упрямства? Я не знаю сам, что пишу, добрый и предобрый мой ангел, торопясь, это раз, а второе, в довольно беспокойном расположении духа, – жду с нетерпением сначала Флоренции, потом Рима. Простите меня, добрый ангел мой, пред Вами я не умел скрываться, не скроюсь и теперь, – многое и многое зовет меня в Рим, кроме побуждений чистых, о которых писал Вам Гриша, то есть кроме дела Иванова, есть еще дела, это письма, мною ожидаемые... Гриша выводит меня из терпения, напоминая беспрестанно, что не достанет места для подписи. Целую Ваши ангельские ручки. Ваш Ф. Чижов.

Приписка Г. Галагана. Пожалуйста, узнайте как-нибудь, каково приехал Алекс[андр] Мих[айлович] Маркевич к себе в Глухов и здоров ли он. Также об Ник[олае] Ив[ановиче] Милорадовиче. Если бы вы увидели теперь почтеннейшего Федора Вас[ильевича], вы бы удивились: борода выросла длинная, а между тем волосы острижены так, что вы не могли бы его никак за чуб выдрать, что вы иногда делали. [*приписка Ф. В. Чижова над рядом: Ах, Гриша, что это ты говоришь!!!*]. Сертук, который он носил 8 лет, перевернут и несколько укорочен,

впрочем, все состоит благополучно, ni or si. Пожалуйста, еще нельзя ли узнать об Магденке.

Приписка Ф. В. Чижова. Бедный бабачок, на него нападают без доброго ангела.

Приписки Г. Галагана на полях. Попробуйте на фортепьяно мелодию немецкого вальса «Ach! Mein lieber Augustin»¹ с словами: «Федор Васильевич, здравствуйте, здравствуйте». Удивительно, как хорошо выходит. Фед[ор] Васильич сам восхищается этою прелестною мелодиею, хотя это сочинено ему в комплимент.

Я надеюсь, что он проживет с нами во Флоренции дня 4, не меньше, хотя я и не хочу его удерживать, потому что ему нужно в Рим. Когда бы ему Бог помог издать Венецию, это бы вышла прекрасная вещь². Он, слава Богу, теперь здоров, только я боюсь, чтобы не рассеивать его от занятий, ведь он в этом никак не признается.

Напишите, пожалуйста, каково здоровье Николая Ивановича Мило-радовича?

ЦДІАК. Ф. 1475.Оп. 1. Спр. 554. Арк. 37–38 зв.
Друкується вперше.

¹ «Ах! Мій любий Августин» (нім.).

² Йдеться про незавершену працю Ф. В. Чижова з історії Венеційської республіки.

№21-й. По[лучено] 8-го декабря.

Флоренция, 26/14 ноября 1842.

Вот уже 7 дней, ангел мой маменька, как мы живем во Флоренции. Вы, может быть, удивляетесь, что я не сейчас писал к Вам, но, признаться, мне не хотелось писать под влиянием первой минуты, потому что я бы в письме жаловался бы, а это неприятно. Флоренция мне очень не понравилась после милой Венеции. Вы не можете себе представить, как теперь во Флоренции мало итальянского! По улицам все ездят и ходят эти несносные аршинны – англичане или русские господа (которым эпитет сами давайте, какой вы хотите); итальянцы здешние во многом офранцузились в сравнении с другими. Все это я бы скоро забыл, все это загладилось бы в моем недозволенном сердце, после того, как я бы походил по церквам и галереям, а еще более – после того, как я бы начал исполнять цель моего приезда сюда. Да! ангел мой, вы знаете за мною недостаток ужасной лени, но, преодолевши ее сколько-нибудь, я наконец решился ехать во Флоренцию, чтобы там запереться и работать. Но, увы! сама судьба поставила против меня оружие: я застал здесь дяденьку и тетеньку, и они совершенно не дают мне работать! Невозможно! Дядя не может понять, что можно чем-нибудь заниматься, и притом, если бы даже и понимал, то для своего удовольствия он легко отымает время у другого. Простите меня, что я так говорю, но кому же говорить об этом, если не вам? Что же мне делать, если оно так?

Теперь, пока я еще не приискал квартиры, я живу у них, но и тогда, когда перееду, все-таки нельзя будет хорошо заниматься, потому что большую часть дня я должен проводить у них, и это не только из долга, но и из благодарности за их ласки. И что же? сижу у них, теряю время в совершенной праздности и слушаю, как Петр Григорьевич беспрерывно ворчит на Софью Александровну и бранит что ни попало, потом пойдем гулять, но он не идет в галерею, а все по магазинам! Занятия, даже самые усидчивые, не могли бы никак повредить моему здоровью, потому что я хотел расположить время так, чтобы утром заниматься дома, потом идти по галереям или церквам, что и моцион, и польза; после обеда пойти почитать в cabinet de lecture¹, в котором я записан, а вечером – опять заниматься. При занятии, особенно серьезном, не придет никогда на ум дурная мысль, а при праздности всегда надобно бороться с разными дурными мыслями. Но вот как, моя несравненная душа! Не хотел к вам писать в первую минуту, чтобы письмо не было пасмурное, а все-таки не избежал этого. Досадно, когда хорошие планы разрушаются. Если бы можно было это предвидеть, то я бы приготовил их наперед к тому, что не останусь во Флоренции, а прямо приеду в Рим, но теперь уж этого нельзя сделать, по крайней мере, до половины января.

Благодаря Бога, я совершенно здоров, хотя погода чрезвычайно сыра и неприятна, но я не чувствую этого. Надеюсь, что вы получили № 20 из

¹ Читальный зал (фр.).

Болонии. Оттуда во Флоренцию мы ехали довольно долго, т. е. 12-ю часами больше положенного, потому что дорогою были некоторые приключения. Въезжая на Апенины, в двух милях от Тосканы, у нас сломалась ось в дилижансе. Это случилось в темную и ужасно бурную ночь; мы должны были искать убежища в каком-то кабаке, нас было 8 мужчин и одна дама. Тут мы все вместе ожидали очень долго другой кареты, а между тем дождь превратился в снег. С рассветом мы тронулись дальше, и все время, как мы переезжали горы, т. е. в продолжение 9-и часов, была сильнейшая метель, как бы у нас в декабре. Дорогу часто заметало до такой степени, что с трудом подвигалась карета. Переехавши через вершину горы, мы уже издали увидели с радостью зеленые поля, и хотя холод был очень сильный, но я его не чувствовал благодаря хорошей шинели и особенно ботинкам, которые купила нам венецианская хозяйка, я об ней много писал вам из Болонии. Во Флоренции мы застали холод, но снегу не было. Итак, и в Италии нельзя забыть русской метели!

Письма вашего №10 я еще не получил из Штутгарда, денег также Каскель еще не прислал, но, приехавши сюда, я к нему писал. В последнем вашем письме, ангел мой, вы очень, очень мало говорите о себе. Пожалуйста, говорите побольше о себе, рассказывайте, где вы ходите, чем довольны, чем недовольны; вы знаете, какое для меня наслаждение побольше слышать об вас, пополняйте собою все письма ваши, потому что я ни о ком и ни о чем не хочу слышать, кроме о вас.

Мне очень жалко было слышать, что Ник[олай] Ив[анович] Милорадович умер. Бедный! он, кажется, много имел любви и способности к изящному. Жаль его очень, он был добрый человек. Вы мне пишете, что наш Польша ехал хлопотать по нашему делу, спасибо ему, какой добрый, ему, верно, эта езда стоит больше, чем другим мужьям.

Что же вам сказать еще о Флоренции? Разумеется, когда я люблюсь удивительными произведениями изящного искусства, то при этом забываются все неприятности жизни. Я нахожу в себе большую разницу с тех пор, как, выехавши из Италии, я мог хорошо собрать в голове и сердце все, что видел в ней. Теперь уже картина Гвидо Рени или Доминикина далеко не так меня восхищает, как бывало прежде, зато какой-нибудь почтенный Джиотто или св. Фиезоле являются пред мною с красотою, которых я прежде вовсе не замечал¹! У первых в лицах земля, у последних – отблеск неба. Больших прогулок я еще не делал, потому что всякий день идет дождь. Вчера мы были в театре, и, можно сказать, с наслаждением провели время. Опера была моя любимая – «Lucia di Lammermoor», и шла превосходно. Тенор был Иванов, бас – Ронкони, prima donna Барбила², чудо как хорошо шла опера!

¹ Зацікавлення Г. Галагана живописом Треченто і Кватроченто було обумовлено впливом Ф. В. Чижова, котрий приділяв чимало уваги історії італійської художньої культури. Згодом він опублікував своє дослідження, присвячене Фра Анжеліко: Чижов Ф. В. Джованні Анжеліко Фієзолийський, і об отношенні його произведень к нашій іконописі. *Русская беседа*. 1856. Т. 4. Жизнеописания. С. 131–218.

² Т. Брамбіла.

В моих прогулках по Флоренции я всегда стараюсь проходить по via del Sole и смотрю на окна бывшей вашей квартиры, которую чуть не нанял дяденька. Мне бы очень хотелось нанять квартиру на piazza Maria Novella, не знаю, удастся ли? Грустно очень без вас, так бы и летел к вам, мой ангел, да крылец не маю¹, что делать? Терпение. Из Рима получил Фед[ор] Вас[ильевич] довольно приятные известия: обстоятельства Иванова поправились, и он работает, он пишет, что ожидает меня, чтобы познакомить с Гоголем; вот знакомство, которым я буду дорожить больше всех вельмож Английской набережной². Наш друг Федор Васильевич едет завтра. Мне очень скучно и, признаться, хотелось бы поехать с ним. Но я рад, что он едет, ему нужно работать, он там найдет общество, которое будет не только рассеивать его, но и понуждать к работе, общество работающее. Вот выгода бедности! Они деятельны. Ах, как трудно богато-му быть деятельным, сколько преград, сколько искушений!..

Приписка Ф. В. Чижова. Целую ручки моего доброго ангела, еще раз целую ручки и поздравляю с прошедшим днем ангела³, то есть прошедшим в тот день, когда Вы получите это письмо. Ваши молитвы спасли нас при переезде чрез Аппенины, и я бранил себя как нельзя больше, но, слава Богу, все прошло хорошо, Ваш мальчик здоров как нельзя лучше, немного недоволен тем, что еще не уставилось его время и, следовательно, его занятия. Завтра мы расстаемся, но я думаю, что ненадолго. Из Рима буду писать к Вам, теперь же не могу не уведомить, что Иванов получил от наследника еще 3000 руб., и то слава Богу. От Флоренции до Рима мы нашли путь и скорый, и легкий, и самый безопасный, это – с австрийским курьером, в 32 часа в Риме. Не знаю еще, как и когда удастся поехать Грише. Еще раз целую Ваши добрые ангельские ручки и прошу сказать мой поклон вашим. Не могу писать, кругом меня говорят, это первое, а второе – спешу идти к Голицыну, что женат на сестре Дундукова, он здесь, и с женою. Ваш Бабак.

Приписка Г. Галагана. Сейчас тётенька получила письмо от дегтяревского доктора, он пишет, что Варвара Ник[олаевна] Севастианович очень страдает и даже находится в опасности, живши с чахоточною женщиною; вы, верно, знаете лучше меня, но, что если взять ее на это время в Сокиринцы, это будет благоденствие.

Великанов здравствует, он получил письмо от бывшего лакея (Батиста) и жены его из Рима, они находятся в большой крайности и не знают, как получить платье из Одессы, надобно похлопотать об этом, бедные люди, в письме своем они не могут нахвалиться поступком Поля и Мари. Я, с своей стороны, может быть, что-нибудь сделаю. Похлопочите о вещах этих бедных людей.

¹ Слова з української народної пісні: «Полетіла б я до тебе, та крылец не маю...».

² Англійська набережна – вулиця у середмісті Петербурга з особняками російської знаті.

³ День пам'яті св. великомучениці Катерини – 24 листопада (ст. ст.), іменини К. В. Галаган.

Вчера я к вам писал, а сию минуту проводил я Федора Васильевича, он уехал в Рим. Добрый наш друг Фед[ор] Васильевич, мы должны благословлять Бога за ту минуту, в которую мы с ним встретились, какой он истинный друг наш, спасибо ему. Погода ему не совсем благоприятна, хотя не холодно, но дождь, как с ведра.

Я прикладываю при сем письмо от него к его матушке.

Наши Галаганы до сих пор имеют мало знакомых, но, я думаю, познакомятся еще со многими русскими. Я бы желал никого решительно не знать, но семейств[а] Муравьевых и Обуховых, все-таки надобно у них хоть изредка бывать. Уж как мне не хочется знакомиться с панами, да, впрочем, Бог с ними.

Благодарю вас, мой ангел, что вы кланяетесь от меня нашим людям, я бы желал их всех видеть. Вы мне много поручаете покупать разных вещей, но для этого надобны деньги, если соберете, то пришлите. Дяденька купил у Серебрякова копию с одной картины Гвидо-Рени, прекрасная копия. Теперь я к вам напишу не прежде, как в день вашего ангела, т. е. через 10 дней. Если письмо опоздает, не беспокойтесь, почта идет очень неправильно, потому что на всех горах очень много снегу. Пора кончать, передайте мой поклон и поцелуй, полный любви, остаткам нашего ангела, целую ваши ручки и ножки, обнимаю от всей души, от всего сердца. Поцелуйте Поля и Мари. М. Fisher, Петру Ник[итичу], Голике, Ник[олаю] Фокичу, всем домашним и всем нашим Сокиренцам – мой поклон. Скоро будет декабрь! Еще одним месяцем ближе. До свидания, будьте здоровы, берегите себя, особенно берегитесь пьяных кучеров в дороге, если поедете куда-нибудь. Целую ручки и ножки моего ангела. Граню целую и кормилице кланяюсь.

Ваш Григорий.

Дяденька нанимает квартиру в самом лучшем месте Флоренции – на самом Арно и на солнце. Если у Вас нет нового сочинения Гоголя «Мертвые души», то выпишите, пожалуйста, и читайте, – презабавная книга.

Норке и Фидельке – мой поклон.

Петр Гр[игорьевич] и Соф[ья] Ал[ександровна] вам кланяются, будут писать.

№22.

Флоренція, 6 декабря / 24 ноября 1842 г.

Получ[ено] дек[абря] 18.

Поздравляю Вас, мой ангел, с вашими именинами. Целую ваши бесценные ручки и ножки, что же? больше ничего не могу и сказать. Желаниям не было бы и конца, и они все были бы несколько эгоистические, в желаниях для вас я скорее желаю для самого себя.

В первый раз в жизни мне приходится быть далеко от вас этот день. Я сегодня встал раньше, нежели обыкновенного, но только чтобы писать письмо! Я думаю, что вы в этот день еще в Сокиринцах, и Поль и Машенька с вами. Вы не можете себе представить, как мучительно не получать писем. №12 я уже застал здесь, оно меня 5 дней дождалось, да вот уже две недели, как я здесь, и еще с лишком, а письма от вас все нет как нет! Я думал прежде, что снег, выпавший на Апенинах, задерживает почту, но австрийская почта приходит, а письма нет! Ежели бы вы, по крайней мере, почаще писали, то если бы даже и пропало одно письмо, то пришло бы другое, а то вы так редко пишете! Сделайте Божескую милость, пишите почаще. Если уже совсем нет времени писать, то, по крайней мере, хоть строчку одну; у нас, слава Богу, достанет денег на то, чтобы платить почту. Я скорее себя лишил бы навсегда ездить в театр, чтобы платить за письма, но даже и этого не нужно делать... Что за беда, что вы напишите одну строчку, все я буду знать, что с вами делается.

Последнее письмо, которое я к вам писал, от 26/14 ноября, я надеюсь, вы получили. Я в нем описываю мой приезд во Флоренцию. Вы в нем видели, что я очень был недоволен моим препровождением времени. Теперь в этом отношении мои обстоятельства несколько поправились. Я нанял квартиру и могу хоть чем-нибудь заниматься. Утром завтракаю дома, потом зайду к Галаганам, спрошу, не пойдут ли куда, и очень рад всегда, когда Петр Григ[орьевич] не тащит меня в лавки, тогда я блаженствую: иду в какую-нибудь церковь, потом – в какую-нибудь галерею, и так проходит утро. Обедаю всегда у наших и с ними же провожу вечер. Дяденька завел вист, часто играют у него: Серебряков, Россет и Жуков, а я сижу с тетенькою; какая она добрая, мы иногда ходим вместе по галерее. Квартиру я нанял, как вы думаете? ту же самую, где вы жили. Вот судьба! Я долго искал квартиры и, наконец, нашел одну прекрасную: на площади S. Maria Novella, на солнце, и со всеми удобствами; дал задаток и должен был переехать 1-го декабря, когда съедет англичанин, который в ней жил. Вдруг, накануне этого дня, этот англичанин заболел, и доктор запретил ему выехать раньше двух недель. Что мне делать? Я начал искать другой квартиры; иду по знакомой вам via del Sole, вдруг подходит ко мне наш бородатый хозяин и говорит, что, если мне угодно, то квартира пуста. Я нанял две хорошенькие комнаты внизу, но покамест на 5 дней взял бельэтаж, который также пуст. Вообразите, что я

спал на той же кровати, на которой вы спали! Сегодня дяденька и тётенька у меня обедают (!), я приглашал также Серебрякова, но он прежде дал слово Обуховым, у которых 3 именинницы. Я очень люблю Серебрякова, прекрасный и очень скромный человек. Петр Григ[орьевич] и Соф[ья] Алек[сандровна] очень ласкают его и купили у него за 200 фр[анков] копию с одной картины Гвидо-Рени: головка Лукреции, хорошенькая вещь.

Федор Васильевич уже давно в Риме. Я получил от него письмо, он, бедный, очень расстроен, потому что думал застать много писем и не застал ни одного, но я надеюсь, что занятия отвлекут от него печальные мысли. Иванов, слава Богу, здоров и работает. Получили ли вы письмо от него, он к вам писал, кажется, в Франценсбад. В Риме, говорят, очень тепло, а здесь вот эти дни тёплые, но до этого было очень холодно. Благодаря Бога, я совершенно здоров, особенно когда удастся провести время так, как мне хочется, тогда даже и весел. Я взял вчера учителя рисования, которого рекомендовал Серебряков, и завтра начну уроки. Не знаю даже, не взять ли и учителя пения. Вы смеетесь? Но, право, будучи в Италии и видя беспрестанно произведения живописи, и слыша так часто музыку, неволью увлекаюсь.

Вчера мы провели вечер у Обуховых; все на меня нападают, чтобы я посещал здешние вечера, но я решительно непоколебим. Что мне останется в душе, что останется в голове и сердце после вечера или бала, скажите пожалуйста?! Ничего решительно, а между тем поздно лягу, на другой день – пропало утро, хоть не для занятий, то даже для изящного. Какие тут будут чистые, святые мысли после бала, а еще неприятность, что буду беспрестанно видеть перед глазами тех людей, которых неумолимая судьба сделала богатыми для того, чтобы другие, и сколько других, были бы бедны. Танцы, что в них? Если бы был кто-нибудь, кто бы меня занимал, пожалуй, а только танцевать для моциона, что за охота?

Сейчас ушли от меня дяденька и тётенька, обедали у меня. Тетенька оставила очень мало места писать. Мы пили за ваше здоровье, ангел мой, по крайней мере, я был с своими, и то хорошо. Обед был порядочный. Сегодня провожу я вечер у Обуховых, так, без церемоний, они добрые люди. Вчера я был там с тётенькой. Утром сегодня я получил второе письмо от Фед[ора] Вас[ильевича] из Рима, пишет, что нашел квартиру и начинает работать. Целую бесценные ваши ручки и ножки. Вы знаете всех, кому я обыкновенно прошу кланяться.

Ваш сын Григорий.

Приписка С. О. Галаган. Сейчас мы только что вышли от обеда, милая сестрица, много пили за ваше здоровье и еще более говорили об вас. Вы, я думаю, найдете мое письмо очень странное, я так много пила шампанского и разные вина, что даже голова кружится. Ваш милый Гришун нас угостил прекрасно, кроме еще славного обеда, подарил мне прекрасный букет из жасмина, померанцовых цветов, камелий, роз и гвоздиков.

До сих пор мы не имели холода, всякий день солнце, и небо чисто. Я в восхищении от Италии, но мне кажется, что мое письмо так бестолково и дурно написано, что вы, верно, ничего не поймете, и оттого перестаяю до завтра, после сна, надеюсь, лучше напишу. Целую вас, любезная сестрица, как жалко, что вы не с нами.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 41–42 зв.
Друкується вперше.

№23.

Флоренція. 16/4 декабрія [1842 г.].

Пол[учено] 4-го января.

В короткое расстояние времени, в пять дней, я имел истинное счастье получить два ваши письма № 13 и 14, ах, как я вам благодарен за них, ангел мой, извините, простите меня, мое сокровище, что я в моем прошедшем письме так жаловался, что вы редко пишете, это от нетерпения получать чаще от вас известия. Сегодня храм в Сокиринцах¹. Что-то вы делаете? Верно, были в церкви. Поздравляю вас с именинами теньки Варвары Васильевны. Скучно очень без вас, мой ангел; как мы часто говорим об вас; мы обедаем почти всегда втроем², часто, однако, Серебряков обедает, и мы разговариваем об вас.

Последнее письмо я писал к вам 24 ноября русск[ого стиля], в день ваших именин, и расстояние между этими двумя письмами великого оттого, что я был в нерешительности: оставаться ли здесь, как я предполагал, до половины января, или поехать сейчас в Рим. Я вам уже говорил, что я недоволен моим пребыванием во Флоренции в отношении занятий. Хотя я не посещаю большого света, умел отказаться от всех приглашений и убеждений, но, несмотря на то, мне все-таки нельзя работать. Наши Галаганы так ласкают и балуют, что невольно походить с ними куда-нибудь или остаться у них целый день. От них еще можно бы отделяться, но вот подступили другие знакомые; (*sans ceremonies*)³ Обуховы, доброе семейство, но не дают мне покою, беспрестанно зовут и делают все возможные усилия, чтобы я был у них совершенно фамильярен. Ну, скажите пожалуйста, что тут делать? Еще новые знакомые: какой-то Комаров, с женой и с дочерью, также очень ухаживают. А тут, на беду, я получаю такое отвращение от общества. И вот как слаб и ничтожен человек! Прожил вот этак три недели и как будто забыл, зачем приехал. Я всегда помнил, что мне необходимо работать, не для того, чтобы что-нибудь из этой работы сделать, а просто – чтобы работать, трудиться, а для этого необходимо на некоторое время отказаться от всех развлечений и предаваться труду. Я слишком понимаю, что, не умея трудиться, я никогда не могу быть полезным человеком, а до сих пор я трудился только по необходимости. Итак, вот мое желание, которое вы, впрочем, всегда знали. До сих пор я не умел как бы отделаться от Флоренции и переехать в Рим. Фед[ор] Вас[ильевич] во всяком письме пишет, чтобы я скорее приезжал, что я там буду видеться только с людьми, занимающимися от всей силы души, с ним самим и с Ивановым, и то только за обедом, прочее же время дня они заперты каждый у себя и работают. С такими людьми что же и делать, как не работать?

¹ День пам'яті святої великомучениці Варвари – престольне свято Варваринської церкви у Сокиринцях.

² Г. Галаган обідав зі своїми дядьком і тіткою.

³ Без церемоній (фр.).

Меня долго мучала мысль, что я ничего не делаю, но, наконец, письмо от Федора Васильевича, которое получил на днях, самое убедительное, совершенно решило мою судьбу: я еду в Рим. Сказал дяденьке и насилу убедил его, что мне надобно будто бы ехать в Сицилию и поспеть назад в Рим к их приезду. Извините меня, мой ангел, что я в этом случае не действовал прямыми средствами, вы знаете, что дяденьке нельзя говорить о работе, он этого не принимает. А между тем я не еду в Сицилию, это только у меня предлог, чтобы высвободиться из Флоренции. Все у меня готово к отъезду, только вообразите, что нет до сих пор денег. Я к Каскелю написал, как только приехал, и до сих пор нет ответа. Должно быть, неаккуратность со стороны Штиглица.

Великанов хотел написать вексель на имя Каскеля на ту сумму, которую вы послали, но вы пишете только «более 5-и тысяч», а сколько именно, не знаю, то нельзя и векселя написать. Впрочем,нисколько не беспокойтесь, мне может дать займы дяденька, а еще лучше взять у Великанова, который всем дает деньги, тут нет даже с его стороны одолжения, между тем, хотя я опять напишу к Каскелю, то все-таки я должен ждать 20 дней ответа. Одним словом, все хорошо, обделается хорошо.

Благодаря Бога, я совершенно здоров. Погода стоит постоянно прекрасная, и на солнце даже жарко, зато надобно очень беречься, потому что в тени холодно. Все идет здесь по-прежнему, наши Галаганы бывают в трёх или четырёх домах, у Орлова лучшие вечера здесь, потому – у графини Ричи, у Швагейма и пр., пр. Я хотя бываю часто у Обуховых, но все-таки не всякий день, как они меня приглашают. У дяденьки вист раза два в неделю, приходят к нему: Жуков, Россет и др. Серебряков очень хороший человек, я с ним часто бываю. У Муравьевых бываю редко, но всякий раз они об вас спрашивают. Я бы чаще у них бывал, но утром они не принимают, а вечером всегда у них кто-нибудь из важных.

17/5 декабря. Так как почта в Россию отходит сегодня, то я отложил окончание письма до сегодняшнего дня. Вы мне пишете, мой ангел, что я скажу на ответ В. А. Хелмского¹. Я поговорю с дяденькой, а больше всего с Федором Вас[ильевичем]. Что касается до меня, то эта служба мне нравится, потому что должно быть много труда, тогда как у Воронцова только разве шаркать или танцевать. Притом же эта служба по люстрациям ближе для меня к цели.

Дяденька и тётенька, слава Богу, здоровы. Дяденька много покупает гравюр, и очень хороших. Мне давно хотелось приобрести несколько хороших гравюр, две уже я купил. Об статуях я поговорю на днях с скульпторами, и об вещах также. Дяденька покупает алебастровые, не знаю, стоит ли это, но ежели вам нравится, то я куплю также. Вообще все ваши поручения исполню в точности, насчет каме и мозаиков.

¹ Идетсья про плани щодо служби Г. П. Галагана у Гродненській палаті державних маєтностей, якою керував В. О. Хельмський.

Теперь вы мне пишете в Рим и деньги велите впредь туда посылать. В Неаполь не знаю, удастся ли съездить, разве только с тетенькой, и то – может быть.

Вчера мы были у Обуховых на завтраке и ели малороссийские вареники со сметаной. Я беру постоянно уроки рисования. Учитель мой, некий Тибальди, нашел, что я уже достаточно хорошо рисую карандашом, и начал уроки прямо с сепии. Жаль, что надобно будет прервать уроки, но в Риме я опять начну. Благодарю вас, ангел мой, что вы мне повторяете то, что писали в первом письме. Я рад, что теперь все наши люди переженились, все есть надежда на лучшую нравственность. Из Евдокима может быть и выйдет что-нибудь хорошее. Что моя мамка, здорова ли? О сокиринском священнике я как-то убежден, что из него не выйдет ничего; нам совсем не такого нужно. Кланяйтесь, пожалуйста, Петру Ник[итичу], madame Fisher и Голике, и всем нашим домашним. Скоро, скоро новый год, я его ожидаю с нетерпением, после него как-то как будто пойдет скорее к свиданию с вами.

Вы мне пишете, душа моя, что в Песках все хорошо идет, и слава Богу; только я очень боюсь, чтобы это Редер не слишком принуждал крестьян к работе, тогда Бог с ним, не нужно и всего его умения.

Что-то наши крестьяне? Что подельывают, какво чувствуют себя люди в Мостищах после перемены управления, лучше или хуже? Как бы это у них спросить?

Какие вам новости сказать? Неаполь так полон, что нельзя достать квартиры, княгиня М. В. Кочубей там, Разумовская там, все русские или там, или в Париже. А между тем, и здесь сколько их!

От обстоятельств зависит, поспею ли я к нашему Рождеству в Рим, а хотелось бы. Итак, целую вас, ангел мой, ваши ручки, ножки, все пальчики; поцелуйте за меня нашего ангела папеньку. До свидания, будьте здоровы, берегите себя, ради Бога. Дяденька и тетенька вас целуют. Ваш сын

Григорий.

Не можете ли вы узнать, что делается с Магденкой, он должен быть теперь в своем имении в Кременчугском повете.

№24.

Флоренція 27/15 декабря 1842.

Пол[учено] 7-го января.

Здравствуйте, мой ангел бесценный, мое сокровище несравненное, маменька; вот одиннадцатый день, как я не писал к вам, а кажется, уже как долго. Что-то вы теперь делаете? За каким занятием застанет вас мое письмо, хотелось бы мне с ним вместе переселиться, очутиться возле вас, обнять вас, расцеловать; давно уже мы не виделись, а еще сколько остается!

Благодаря Бога, я совершенно здоров и не только не хуюеу, а так, как был, когда мы расстались. Вот вам мое физическое состояние, что касается до духовного, то вы знаете уже из последнего письма моего, что я решился поехать в Рим. Так как Серебрякову также нужно поехать туда же, то мы сговорились поехать вместе. Обуховы очень приглашали и меня, и его поехать вместе, но я отказывался и, сказав, что я не могу ждать долее, нанял с Серебряковым ветурина на сегодняшний день. Хотя семейство Обуховых предобрейшее и препочтенное, и очень все меня ласкают, но мне хотелось лучше поехать одному. Мне довольно трудно было бороться против всех, которые: одни уговаривали вместе ехать, другие – остаться еще на 3 дни, что выходило то же самое. Но я решился ехать прежде, уже ветурин был договорен, и оставалось заключить контракт, как вдруг он отказывается, говоря, что не мог найти попутчиков. Итак, мы должны были отложить наш отъезд на 29 число. Между тем Обуховы едут также 29 числа и по той же дороге (по которой мы ехали), и с тем же ветурином, который вез коляску Поля и Мари, помните? По этому случаю нечего было делать, и хотя мы с Серебряковым едем в ветуринской коляске, но в одно время, т. е. вместе с Обуховыми. С одной стороны, оно гораздо лучше ехать несколькими экипажам вместе, дорога – 6-дневный путь зимой – гораздо будет приятнее и веселее в обществе, но мне хотелось ехать одному.

В Риме наш добрый Фед[ор] Васильевич ожидает меня с отверстыми объяттями, Иванов также. Здесь, ожидая отъезда, я провожу время так и сяк: утром рисую (*à la seria*¹), потом иду к дяденьке, потом гуляю, потом обедаю у дяденьки, где и Серебряков почти всегда, а вечером иногда отправаемся все к Обуховым, а иногда они к нам. Я пишу опять к Каскелю, странно, что до сих пор нет от него денег. Дяденька поручил вам сказать, что он напишет к вам, как только получит деньги, переведенные Павленком на Бердичев. Третьего дня был здесь праздник Рождества Христова; мы его встретили в церкви Annunziata в 12 часов ночи. Там была хорошая музыка. Русские святки я, к сожалению, не буду встречать с дяденькой и тетенькой, но зато будет то утешение, что пой-

¹ На манер сепії (фр.).

ду в Русскую церковь. Сегодня я сделал две покупки: взял продолжение издания галереи Медичи, 10 тетрадей за 150 франков, и еще купил 32 довольно больших гравюр с старых (но хороших) фресок флорентийских церквей. Хотя эта вещь кажется многим сухою, но я люблю пуристов¹, и хотя не довольно знаю искусство, чтобы вполне понимать их, но имею к ним глубочайшее уважение, и, притом, этой вещи у нас совсем нельзя найти. Из 32 гравюр 18 – с лучших фресок знаменитого Гирландайо, который никак не уступит Рафаэлю, а только об нем не так много говорят, потому что он не умел хорошо класть цвета, но этого в гравюре не видно, а рисунок, зато, самый верный, классический, и выражение лиц святое. Я заплатил за эту коллекцию 120 франков, обыкновенно она продается по 160. Так как я теперь еду в Рим, то прошу вас, мой ангел, еще придумать, не нужно ли чего купить. Дяденька купил много хороших гравюр и заказал несколько копий с картин. Серебряков сделал копию с «Венеры» Тициана, удивительно хорошо; эта копия стоит доброго оригинала, жаль только, что сюжет такой, который нейдет нам покупать.

О погоде скажу, что она хороша, но гораздо холоднее, чем в Нице; здесь уже был три раза мороз в 2 градуса, но из Рима пишут, что там очень тепло. Всякий раз, что мороз, дяденька сейчас начинает говорить: «Вот вам и Италия, ах, когда бы мороз посильнее, чтобы подавил поганых итальянцев», – это его слова, а к нему присоединяется старуха Обухова, и давай вместе ругать итальянцев, а я с тетенькой – давай защищать. Впрочем, если происходит спор, то обыкновенно на нашей стороне все голоса, а на их стороне – только голос старой девушки, которая живет у Обуховых.

На моей улице *via del Sole* поют иногда за полночь арии из опер. Теперь открылись здесь 8 театров, из коих на трёх дают оперы, но трупы не очень хорошие, все лучшие – в Риме, где ожидают чрезвычайно блестящего карнавала. Тетеньке дает уроки итальянского языка аббат в черных чулках и башмаках с пряжками или, как мы называли, стоящий на кегельках. Я часто вижусь с одним Жуковым, хромым, который познакомился с вами в Нице. Я также встретился с одним Шиповым, флигель-адъютантом императора, он двоюродный брат Сергея Павловича, говорил, что встречался часто с Ниной и Алиной²; он здесь с женой.

Я часто играю в четыре руки с тетенькой, даже при гостях. *À propos*³, о музыке. В бедной Италии даже и музыка теперь до того упала, что репертуар музыки совсем истощился, и дают на театре французские оперы, «*La reine de Chypre*»⁴ (т. е. французскую музыку), и «Фрейшюца»⁵ который

¹ «Пуристами» Г. Галаган називає шанованих ним майстрів Кватроченто (XV ст.).

² Сестрами Гудович, фрейлінами, племінницями К. В. Галаган (старшої).

³ До речі (фр.).

⁴ «Королева Кіпру» (фр.) – французька опера (музика Ф. Галеві, лібрето Ж.-А. Вернуа де Сен-Жоржа).

⁵ «Вільний стрілок» (нім. «*Der Freischütz*») – німецька опера (музика К. М. Вебера, лібрето Й.-Ф. Кінда).

идет ужасным образом, потому что итальянцы не понимают оркестровки.

Флоренция хороша, нечего сказать, но народ уже забывает все итальянское.

Я имею теперь много практики говорить по-итальянски и надеюсь в Риме иметь еще больше. Прелесть что за язык. Жаль, что вы так мало времени оставались в Италии, вы бы, верно, вспомнили этот язык; мне не нравится флорентийский выговор; он, хотя мягче и деликатнее римского, но в нем нет тех мужественных ударений.

Писал бы я к Полю и Машеньке, да мало писать не хочу, а много нет времени, потому что надобно укладываться. Расцелуйте их и Граню от меня. Сейчас принесли мне контракт с ветурином; он берет по 12 скуд с человека и три раза в день кормит, и везде будет топить камин. Это недорого.

Итак, ангел мой, с Божью помощью, я отправляюсь в наш любезный Рим; везу от вас поклоны всем чудесам его. Последнее письмо, которое я от вас получил, было №14, ожидаю с нетерпением 15-й [и] т. д. Целую тысячу раз ваши ручки и ножки, поцелуйте от меня нашего ангела. Будьте здоровы и кланяйтесь всем нашим добрым домашним, кланяйтесь милым Сокиринцам. Ваш покорный сын

Григорий.

Сегодня я должен получить ответ от одного хорошего скульптора, что будут стоить статуи. Мне все не выходит из головы, что, ежели нужно будет перестраивать церковь да перестроить ее в русском – византийском вкусе¹, тогда лучше бы не делать теперь колокольни в испорченном итальянском вкусе², как вы думаете.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 46–47 зв.
Друкується вперше.

¹ Г. Галаган прагне перебудувати у традиціях, властивих, на його думку, архітектурі Київської Русі домонгольських часів, церкву в ім'я Великомучениці Варвари, збудовану в Сокиринцях у 1803 р. коштом його діда, Григорія Івановича Галагана: кам'яну, «архітектурі римського стилю, з однією главою», як зазначено в описі 1875 р. (ДАЧО. Ф. 1530. Оп. 2. Спр. 165а. Арк. 1). Г. Лукомський описав її як «чарівну садибну церкву [...] у стилі раннього катерининського класицизму» (Лукомський Г. Сокиринці. *Українська художня спадщина*. К., 2005. С. 203).

² Дерев'яна дзвіниця 1803 р. біля Варваринської церкви у маєтку Сокиринці була розібрана «за ветхістю» згідно опису кінця 1820-х рр. (ДАЧО. Ф. 1530. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 3) і 1845 р. на схід від церкви коштом К. В. Галаган (ст.) було споруджено муровану триярусну дзвіницю «за римським смаком», як зауважено в описі 1875 р. (ДАЧО. Ф. 1530. Оп. 2. Спр. 165а. Арк. 2 зв.).

№25.

Рим, 26 декабря 1842 / 6 января 1843.

Пол[учено] 17 января.

Поздравляю Вас, мой ангел, мое сокровище маменька, с нашим великим праздником Христова Рождества, мне очень грустно, что я не с вами провожу время. Вчера, в сочельник, я был без кутьи и узвару, а сегодня даже не мог быть у обедни, потому что наш священник уехал в Неаполь хоронить одного знатного русского, который там умер, и потому обедни нет. К тому же день сегодня ужасный: дождь с снегом и с сильным ветром.

Я выехал из Флоренции 29/17 декабря и оставил дяденьку и тётеньку здоровыми, только первый очень сердился, что я уехал от них. Что же делать?

26-го декабря. Вчера не успел писать: я перевозился на квартиру, которую нанял на *via Felice*, помните, на горе, как взойти по большой лестнице; я живу в нескольких шагах от Федора Васильевича. Но прежде надобно вам рассказать мое путешествие.

Как вы уже знаете, я поехал с семейством Обуховых, Серебряков также поехал с нами, и это все устроилось следующим порядком. Семейство Обуховых ехало в своих двух колясках, а мы – в ветуринской. Во все время нашего 6-идневного путешествия погода была хороша и очень тепла. Разумеется, ехать было очень весело. Мы взяли ту же дорогу, по которой, помните, мы проехали с вами, т. е. через Перуджио, Фолинио, Терни, Сполето и пр. Тогда я не успел побывать в Ассизах, – город, расположенный на горе возле той большой церкви, которая стоит на дороге¹. Теперь я заезжал туда с Серебряковым, и у меня сердце облилось грустью о том, что вы не видели одной из прелестнейших церквей Италии. Вообразите себе, что этот огромный храм состоит из трех церквей, одна на другой, все это – на таких крепких сводах, что во время одного сильного землетрясения не сделалось ни одной трещины. Вся внутренность этих трех церквей расписана фресками лучших старинных итальянских художников, так называемых «пуристов». Характер церкви византийский, и, войдя в средний этаж, вас поражает что[то] такое религиозное, что хочется молиться; она похожа немного на русскую старинную церковь. К каждому из трех этажей можно подъехать в карете. Там похоронен св. Франциск, который делал в свое время столько чудес.

Приехавши в Рим, я застал нашего Федора Васильевича здоровым. Он ведет совершенно отшельническую жизнь, очень много работает и видится только с Ивановым за обедом. Сей последний также здоров и кланяется вам всем. Теперь все у меня еще в беспорядке, я искал себе квартиры и с трудом нашел две комнаты, хорошо меблированные и на солнце, зато дорого плачу: 15 скуд в месяц и 3 скуды – за услугу. Рим полон форестьеров², и квартиры очень дороги. С завтрашнего дня я на-

¹ Базилика Святого Франциска.

² Іноземців (від італ. *forestiero* – іноземець, чужинець).

чинаю совсем другую жизнь. Надобно работать; я отказываюсь от всех знакомых, и от Обуховых первых, с Федором Васильевичем, Ивановым и Серебряковым я буду видаться только за обедом и по вечерам. Мои прогулки будут все устремлены за город, а не на Корсо, где я могу встретить знакомых. Я еще не успел быть ни в S. Pietro¹, нигде. Сегодня погода опять чудесная, на небе нет ни облака, и тепло. В моей квартире весь день солнце, и воздух очень чист.

Это мое письмо короткое, будущее будет гораздо длиннее; поцелуйте от меня Поля и Машеньку, и Граню. Что-то вы все делаете? Тут теперь великая княгиня Мария Николаевна. Она представлялась Папе.

В Риме все по-прежнему, все так же прекрасно, как и было. Здоровье мое, благодаря Богу, в совершенном порядке. Тело мое очень укрепилось в отношении простуды, и много значит, что я привык в холодных комнатах спать. Кланяйтесь всем нашим домашним. Поцелуйте нашего ангела папеньку. Обнимаю вас от всей души, целую ваши бесценные ручки и ножки. Ваш верный сын

Григорий.

Я получил перед выездом из Флоренции ваше письмо №15 с письмом, возвращенным из Штутгарда. Оно очень меня обрадовало. В номере 15 вы ничего не пишете о сестре, а между тем я вижу, что доктора у нас. Это меня сильно беспокоит. Каково ее здоровье?

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10712. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Собор св. Петра (итал.).

№26.

Рим. 1/13 января 1843 г.

Пол[учено] 25-го.

Поздравляю вас, мой ангел бесценный маменька, с наступившим новым годом; как хорошо, не правда ли, что мы можем теперь говорить: мы увидимся, если Бог даст, в нынешнем году, уже не в будущем.

Я вам скажу теперь, как я встретил новый год: я сделал маленький вечер; у меня были друзья: Федор Васильевич, Александр Андреевич, Серебряков и Шаповаленко. Был у меня маленький ужин, и мы до второго часу просидели в самой дружеской и веселой беседе; главным источником нашей веселости было то, что наш добрый Александр Андреевич получил радостное известие: его обстоятельства теперь совершенно поправились; радуйтесь с нами. Я был очень восхищен этим известием, которое пришлось так кстати, к самому новому году. Этот добрый Александр Андреевич так много работает для других, а между тем сам так был несчастлив! Теперь все поправлено. Если можно, то напишите ему хоть несколько слов, поздравьте его; это его обрадует, потому что он вас очень уважает. Шаповаленко – славный человек, и из него будет художник; может быть, его талант обратится на историю Малороссии, которую он любит от всей души, и тогда может он обессмертить подвиги нашей славной Гетманщины¹.

Итак, вы видите, что я встретил новый год очень приятным образом. Сегодня утром я встал довольно поздно и пошел к обеду; был молебен по обыкновению, и русских было очень много. После обедни кто хотел, мог идти поздравлять великую княгиню. Теперь о себе что сказать? Я, слава Богу, совершенно здоров. Первое письмо мое из Рима я вам писал из квартиры, которую нанял было на *via Felice*, но я эту квартиру принужден был оставить, даже с потерей 40 франков, потому что хозяин – нехороший человек, начал делать разные придирки, например, чтобы никто ко мне не мог приходиться с собакою. Я отвечал, что не только у друзей моих есть собаки, но что и я могу купить собаку и потому не согласен на его требование. На это он мне отвечал, что я могу искать другой квартиры, и хотя после извинялся, но я уже не хотел остаться в этом доме, а задатку он не отдал. Теперь я нанял квартиру на три месяца на *via del Tritone*, также недалеко от Федора Васильевича. Воздух чист, и с самого утра до трех часов пополудни у меня солнце. Я очень доволен и квартирою, и хозяевами. Жизнь я продолжаю вести совершенно уединенную, занимаюсь, хотя еще и не втянулся в работу.

Теперь скажу вам, ангел мой, что-нибудь о Риме. Он все тот же, наш бесподобный Рим!

¹ Історія подальших взаємин Г. Галагана з художником І. Шаповаленком (Шаповаловим) відбилася в епістолярії (ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 186–192; ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 516г, 516е), майже повністю оприлюдненому в статті, що висвітлює непрості взаємини художника й того, хто прагнув стати його меценатом: Попова Л. І. Русская колония в Риме в письмах И. С. Шаповаленко. *Панорама искусств* 9. М. : Искусство, 1986. С. 99–101.

Он выигрывает очень много для того, кто приезжает в него из бесцветной, бесхарактерной Флоренции. Не могу надивиться на Рим; хожу по улицам и все только вспоминаю о вас. Какое разнообразие во всем и везде. Всех возможных орденов монахи и попы ходят со всех сторон, там военные, там художники в костюмах рафаэлевских, там группами идут крестьяне в своих костюмах. Албанок¹ теперь здесь очень много – они приезжают повеселиться. Обозы величественные, на волах с огромными рогами, тянутся по улицам, на возах сидят молодцы статные, красивые, с вострой шляпой, приплюснутой с одной стороны, с розой в зубах. Все так разнообразно, так прекрасно!

Я еще застал здесь весьма любопытную вещь: к празднику Рождества Христова сходятся с окрестных мест пастухи, называемые pifferari²; они сходятся по зову Ангела и по явлению звезды на Востоке поклониться Великому младенцу; их костюмы самые живописные, все они носят бороду, и в продолжение двух недель ходят они по улицам по три, по четыре, останавливаются перед каждым изображением Мадонны и играют на своих инструментах (волынках). Это их поздравление. Вы не поверите, как это хорошо! В этом я нахожу столько поэзии: пастухи приходят поздравлять Мадонну. Славный Рим!

Моя любимая прогулка все еще на Monte Pincio, откуда так хорош этот чудный город. Каждый день, идучи к обеду, я прохожу мимо Пантеона и не могу насмотреться на него. Помните ли это чудное произведение древней архитектуры? Какое благородство в пропорциях, какое простое величие, и как все теперешнее кажется ничтожным перед ним. А св. Петр, а Колоссей!³ Я им всем от вас поклонился.

Теперь многие едут в Сицилию, уже недели 4, как Этна в извержении, и, признаюсь, если бы я не начинал заниматься, то меня бы очень туда тянуло. В письме 25-м я пишу, что в Риме холодно. Но на другой же день сделалось чрезвычайно тепло, бывает по 12 градусов в тени. 4 дня тому назад была сильная гроза, как летом. Сегодня всю ночь лило, как с ведра, и непрерывно гремел довольно сильный гром. Каково?

Иностранцев очень много, хотя еще и не все съехались. Для меня предстоит самый неприятный и хлопотливый труд – искать квартиру для дяд[еньки] и тёт[еньки], которые хотят сюда быть через месяц.

Иордан вам и нашим кланяется. Я с ним очень редко вижусь, он ужасный чужак, не знаю, за что, вдруг перестал говорить с Алекс[сандром] Андр[еевичем] и теперь в явной ссоре с ним, а 20 лет были вместе. Это нехорошо с его стороны. У Обуховых я только был 2 раза, и то с поздравлениями с праздником; вне этих случаев я не бываю у них. Федор Васильевич, слава Богу, здоров и много работает, он мне подарил сегодня

¹ Уроженок м. Альбано.

² Сопілкарі (італ).

³ Идетсья про Собор св. Петра та Колізей.

прехорошенький presse-papier¹ с ящерицами. Я к нему редко захожу, чтобы не отрывать от работы. С ним в одном доме живут: Языков, известный поэт, и Гоголь; я с обоими познакомился. Первый из них – приятнейший и открытый человек, второй также прекрасный человек, но надобно привыкнуть к его обращению; он чистый малороссиянин, все сидит и молчит, и как будто дуетя, а между тем сыскоса поглядывает на всех и замечает все, что делается; когда скажет что-нибудь, то умеет придать такой комизм своим словам, что нельзя не смеяться. Я хотел заказать Тыранову портрет с Федора Васильевича, но так как он не может начать прежде году, а лучше его портретиста нет в Риме, то я думаю, что это делает для меня Серебряков.

Что-то вы подельваете, мое сокровище бесподобное, где проводите зиму? Если Польша и Машенка поехали в В[еликую] Россию², то я бы желал, чтобы и вы выехали куда-нибудь из Сокиринца, вам будет в них слишком скучно без наших. Как я обрадовался, прочтя в вашем письме, что из Штутгарда, что у нас был урожай. Слава Богу, Он наконец сжалился над бедной Украиной. Об условиях с крестьянами, мне кажется, надобно все-таки подумывать и готовить их к этому, чтобы они хорошенько наперед обдумали свои выгоды. Для них очень важно сделать условия, потому что это есть не что иное, как приготовление правительства к дальнейшим развитиям; следовательно, ежели мы не сделаем этого первого шага, то мы еще более отстанем от дальнейших успехов. Кто знает? может быть, император, основываясь на этих условиях, совершенно освободит крестьян, и тогда будет гораздо выгоднее для тех, которые уже сделали эти условия³.

Но пора кончать. До свидания, мой ангел маменька, обнимаю вас, целую ваши бесценные ручки и ножки, поцелуйте от меня нашего ангела папеньку. Берегите себя, ради Бога. Кланяйтесь также и нашим Сокиринцам. Николая Фокича от меня поздравьте. Эти письмеца отдайте, пожалуйста, Петру Ник[итичу], Mad. Fisher и Голике. Еще раз целую вас крепко-крепко. Ваш

Григорий.

Алекс[андр] Андр[еевич] свидетельствует вам свое почтение.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10713. 2 арк.
Друкуються вперше.

¹ Прес-пап'є (фр.).

² Мовиться про Великоросію, а саме – про Орловську губернію, де були маєтності Комаровських.

³ Тут мається на увазі реалізація указу про зобов'язаних селян від 2 квітня 1842 р.

№27.

Рим, 11/23 января 1843 г.

Пол[учено] февр[аля] 7-го.

Четыре дня тому назад я имел счастье получить №16, ангел мой маменька; его величина уже наперед обрадовала меня, а наставления, которые я в нем нашел, были для меня еще приятнее. Читавши и перечитывавши его, я совершенно переселился к вам, мне казалось, что я с вами говорю, стою возле вас, целую ваши ангельские ручки! Все, об чем вы мне говорили в письме, я вполне чувствую, знаю, что если есть добрая воля у человека, тогда нет препятствий. Трудно очень приняться за работу, но, раз принявшись, находишь в ней наслаждение. Это я теперь испытываю на себе. Вот около двух недель, как я начал постоянно заниматься, и нахожу много удовольствия в занятиях. Я веду теперь совершенно уединенную жизнь: утром встаю в 6 часов и принимаюсь за работу; в 9½ иду завтракать и после завтрака немного прохожусь по горным улицам, потом возвращаюсь и работаю до 4-х. В 4 иду гулять и в 5 обедаю; тут я схожусь с Федором Васильевичем, Александром Андреевичем, Серебряковым и Шаповаленком и провожу с ними часа два. Вечер провожу или дома, или с Федором Вас[ильевичем] у Языкова, о котором я вам уже говорил. В театре бываю очень редко, а в обществе – никогда. Недели через 3 должны приехать сюда дяденька и тетенька, и тогда опять предстанет труд, как отделаться от рассеяния, но в этом случае уже легче будет мне победить, потому что я буду иметь опорой начатый уже труд. Главное, что будет трудно, – это отказаться от обеда у них, а это необходимо: обедать у них мне никак нельзя, тогда полдня будет потеряно.

Третьего дня был праздник святой Агнесы (S-te Agnès), и он празднуется за городом. Я ходил туда с Федором Васильевичем. Выйдя из Рима через ворота Porta Pia, мы сделали две мили и тогда пришли к этой церкви. Я давно не видел римских полей и не мог насмотреться на Capraia di Roma! Воздух был так чист, солнце сильно грело и освещало вдали синие горы, на пустых полях все было так тихо, что спокойствие невольно поселялось в душу. Церковь святой Агнесы¹ довольно большая и очень старинная, она стоит у ската оврага, и от дороги идет к ней не длинный, но широкий крытый ход, в котором видны надгробные надписи первых времен христианских. Ходы, крыльцо и церковь были усеяны, по обыновению, миртами и лаврами, которые распространяли везде какой-то дух свежести; все пахло праздником. Церемония состояла в том, что после окончания обедни, которую служил епископ, с хорошими певчими, приносят с триумфом двух барашков, беленьких, как снег, с коронками на головах и убранных лентами. Их кладут на престол и служат молебен

¹ Идетсья про церкву Сант-Аньезе-фуорі-ле-мура.

святой Агнесе, тут єпископ кропит их святой водою, и их опять несут обратно. Хотя церемония не важная, но мы довольны остались прогулкою. Погода стоит тёплая, хотя часто идут дожди; доказательство теплоты то, что на monte Pincio расцвели вербы. В Риме теперь все готовится к карнавалу, который в этом году будет в один день с нашим. Говорят, что Папа уже благословил карнавал, если же он не благословит, что иногда случается, тогда нет карнавалу.

Письма, присланные вами, я отдал, одно – Гартману, который вас премного благодарил, а другие два отослал – одно к Петру Григорьевичу, другое – в Ницу. От Deleuze¹ еще не получил ответа на мое письмо, ожидаю на днях.

Из Венеции приехал Бенуа и привез поклон от наших добрых хозяев, они все, слава Богу, здоровы. Теперь окончена железная дорога от Адриатического берега до Падуи, и говорят, что Венеция наводнилась множеством посетителей. Из новостей главную скажу вам, что Иордан, который, как вы знаете, был почти без куска хлеба, теперь вдруг получил вспомоществование на 3 года по 3 тысячи рублей в год. Это совершенно спасло его, и он с новыми силами принялся за свою чудесную гравюру. Нехорошо только с его стороны, что он сердится на доброго Александра Андреевича, и не за что совершенно. Иванову вы напишите несколько слов, только чтобы поздравить его, он такой добрый.

Сейчас получил письмо Федор Васильевич от Катеньки, она пишет, что вы, хотя теперь, слава Богу, здоровы, но были больны. Это меня ужасно мучит. Что это вы, мой ангел? Как вы не убереглись. Хотя вы и на хороших руках, и теперь, судя по письму ее, здоровы, но меня очень мучит, зачем я был весел в то время, когда вы были нездоровы. Ангел мой, душенька моя бесценная, сокровище неподобное, ради Бога, берегите себя, будьте здоровенькие. Ах, как ужасно быть в дальнем расстоянии от вас. Что-то вы теперь поделяваете, где вы? Я теперь еще более желаю, чтобы вы уехали из Сокиринцев на то время, когда наши поедут в Орел. Надеюсь, что вы отправитесь на это время к дяденьке Михайле Васильевичу, там вы будете окружены добрыми родными. Надеюсь на милость Божию, что это письмо застанет вас совершенно здоровенькими; хотя Катенька пишет, что вы здоровы, но я все еще боюсь. О себе скажу, что мое здоровье идет, слава Богу, совершенно хорошо по-прежнему; хотя я и поставил у себя железную печь, потому что нет камина, но еще не топил ни разу и не чувствую холода. Впрочем, при скромной и правильной жизни в хорошем климате откуда взяться нездоровью.

Наш Федор Васильевич очень много работает, несмотря на малые средства свои, он накупил большое количество книг, даже дорогих, и с ними живет, как в семействе; нехорошо только, что его нервы все еще

¹ Від Дельоза (фр.).

расстроены, так что при малейшей неосторожности он делается нездоров. Наконец сегодня я получил известие от Каскеля. Он мне ответил на мое последнее письмо, что, получив все мои письма, он послал 2324 франка в Венецию, а 3259 – во Флоренцию, и ожидает от меня расписки. Но я ни того, ни другого не получал. Вероятно, это происходит от неаккуратности почты, которая часто не приносит повестки. Впрочем, это легко поправить: я напишу и туда, и туда. От дяденьки имею известие, что они, слава Богу, здоровы. Посылаю вам письмо к Василию Александровичу, которому, как мне казалось, надобно было поблагодарить. Вы его прочтите и, если оно вам не понравится, то не посылайте к нему. Другое письмецо – к Голике, которое я забыл положить в прошедшее письмо. Насчет денег скажу вам, что, если я из этих 5000 заплачу и за картину, и все долги, то у меня останется всего 1000, да и то неполная. И потому я только заплачу из них 1000 Великанову, а Федору Васильевичу уже вы пришлите 3000 рублей. Ко мне деньги лучше всего прислать в Рим, потому что я здесь, во всяком случае, останусь до $\frac{1}{2}$ апреля по здешнему стилю.

Целую ваши ручки и ножки, обнимаю вас, мой ангел, от всей души. Смотрите же, будьте здоровы, берегите себя, ради Христа. Поцелуйте от меня нашего ангела папеньку. До свидания. Поля и Машеньку, и Граню от всей души целую, всем домашним кланяюсь.

Ваш покорный сын

Григорий.

Александр Андреевич свидетельствует вам свое почтение.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10714. 2 арк.
Друкується вперше.

№28.

Рим, 4 февраля / 23 января 1843.

Февр[аля] 19-го получ[ено].

Дайте расцеловать ваши ручки и ножки, мой бесценный ангел маменька, много, много раз целую их. Ваше последнее письмо №17, которое я получил шесть дней тому назад, привело меня в восхищение и наполнило мою душу таким счастьем, которое я и выразить не в состоянии. Я о вас беспокоился, но из него я увидел, что вы, слава Богу, здоровы, также вы в нем описываете ваше препровождение времени, все это так было для меня приятно, что я не знал, где деться. Первое, что я сделал, – раскрыл Евангелие и прочел в нем главу, потом побежал к Федору Васильевичу и отдал ему вашу записочку, потом воспользовался тем, что Серебряков шел рисовать в Campagna di Roma, и пошел с ним в эту прелестную страну. День был чудесный, и в чистом поле мне было так легко дышать, так весело смотреть в голубую даль! Письмецо Поля и Машеньки доставило мне также живейшее удовольствие. Поль говорит в нем, что он совершенно счастлив, я видел из него, как он к вам привязан, как они вас оба любят! Как же после этого мне не радоваться? Не правда ли, мой ангел?

В ту минуту, когда я пишу, я думаю, что вы совершенно одни. Поль и Машенька уехали в Орел, а вы остались одни в Сокиринцах. Я надеялся, что вы на это время поедете к дяденьке Михайле Васильевичу, и мне очень жалко, что вы не поехали, вы должны очень скучать.

Вы пишете, что в саду деревья покрыты инеем, я воображаю эту прекрасную, хотя холодную картину; судя по вашим письмам, зима у нас не должна быть жестока, дай Бог только, чтобы побольше было снега, он очень помогает нам в случае засухи. Что касается до Рима, то зима здесь прекрасная. Все эти дни до вчерашнего было так тепло, что от восхождения до захождения солнца у меня были открыты окна. Мы ходили гулять за город, и нам было жарко в одних сертуках. До сих пор я и не думал топить печки. Миндальные деревья в цвету, и бузина распускается. Дяденька пишет из Флоренции, что он в непрерывной простуде, и тётенька также, а от чего? От того, что топят печь и камин от утра до вечера. Он мне часто пишет, и я также им. Они мне поручают, чтобы я им выхлопотал Lascia passare¹, но я никак не мог этого сделать: во-первых, я не так коротко знаком с Кривцовым, а во-вторых, теперь наше начальство в ссоре с папским двором. Квартиру я для них ищу, хотя довольно трудно сыскать. Я их ожидаю через неделю или 9 дней сюда, они приедут к самому шуму карнавала. Многие надеются, что карнавал будет очень хорош, потому что теперь идет дождь, а следовательно, тогда будет хорошая погода. Я веду жизнь по-прежнему, нигде не бываю, хоть многие, например, Обуховы, на меня за это в претензии, но что же делать, я даже у дяденьки и тётеньки буду бывать редко, т. е., разумеется,

¹ Паспорт, перепуска для проїзду (итал.).

каждый день, но на час или полтора. Я думаю, что Галаганы поедут отсюда в Неаполь на несколько дней, и хотя мне бы очень было желательно еще раз видеть прелестный Неаполь, но я хочу отказаться от приглашения поехать вместе, потому что это совершенно прервет мои занятия. Если даже из занятий не выйдет никакого проку, как только привычка к работе, то все-таки добровольное лишение будет для меня полезно. Я очень надеюсь, что Федор Васильевич для отдохновения воспользуется этим случаем и поедет с ними. Не сердитесь, мой ангел, на меня, если я так поступлю. Разумеется, что они мне очень близкие люди, и что для них можно бы пожертвовать временем, но сами посудите, таких обстоятельств могут встретиться тысячи, то неужели покоряться им? Если бы я уже привык к работе, то мог бы съездить, и кончено. Но меня эта поездка рассеет на целую неделю после возвращения. Во время масленицы нельзя будет работать, это было бы с моей стороны педантство; когда весь Рим шумит и бесится, то нельзя не принять в этом участие; вот уже будет потерянное время, а тут еще и поездка в Неаполь. Дяденька посердится, да и перестанет.

Между тем вот чего я у вас попрошу, душа моя маменька: сделайте милость, в первом же письме посоветуйте мне, что купить Николаю Фокичу? Также напишите, пожалуйста, что привез Поль в подарок Шеферу? чтобы я, соображаясь с этим, не купил того самого. Мне надобно привезти этому человеку хорошую вещь в благодарность за его помощь.

Не знаю еще, как решусь насчет моей дороги, куда направлю путь. Так как на Альпах будут еще лежать снега в конце апреля, то, чтобы избегнуть их, есть два пути: 1) через Марсель, Женеву и Рейн; 2) через Венецию и потом на Рейн, все-таки за коляской, а оттуда уже на Вену, домой. Хотя я Франции не видел, но мне очень хочется избрать последний путь, потому что тогда я оставлю вещи в Линце и поеду налегке за коляской, а на возвратном пути возьму вещи. Ах, когда бы скорее пришло это время! С каким невыразимым нетерпением я буду подъезжать к России, а потом, даст Бог, и к дому, где вы будете меня ожидать: февраль, март, апрель, май! Все еще около 4-х!

Будьте здоровеньки, ангел мой маменька, кланяйтесь и поцелуйте от меня нашего бесценного друга.

До свидания, мое сокровище, поцелуйте от меня Поля, Машеньку и Граню. Сокиринцам и всем домашним – мой усерднейший поклон. Семейство Григория Ивановича благодарите от меня за память. Еще раз целую ножки и ручки, каждую по 100 раз, итого 400.

Ваш верный сын

Григорий.

Я присматриваюсь к картинам и, кажется, закажу славный вид Неаполя Рауху (помните, мы у него были с Алекс[андром] Андреевичем). Он славно пишет. Но условие мое, чтобы он писал с натуры, не иначе; оно будет дороже, но зато оригинал.

Приписка Ф. В. Чижова. Гришун, верно, пишет Вам о своих занятиях и о нашем времени, к этому мне нечего прибавить. Теперь я жду нетерпеливо Вашего ответа насчет заказа картины, то есть образа. Правду Вам сказать, Шаповаленке его сильно хочется, и это понятно: никогда не имел и десятой доли той суммы, какую он надеется получить за нее, он очень на это смотрит. Но людям, истинно заботящимся об его пользе, на это смотреть невозможно. Если он возьмет этот заказ, почти дело кончено, потому что Александр Андреевич уедет из Рима, и тогда Шаповаленко останется несчастным копиистом, вот и все. Что, если бы Вы задумали сделать так, особенно при приезде Софьи Александровны. Составили бы лотерею, сюда же бы включили и Кат[ерину] Вас[ильевну] Маркевич, и Кат[ерину] Яков[левну] Борковскую, и Лизогуб, и разыграли бы ее в пользу одного малорос[сийского] художника, не называя его. На эти деньги ему заказалась бы картина, когда он ее напишет, опять разыграть ее в лотерею. Подумайте-ка, мой добрый ангел, быть может, это и могло бы существовать. Может быть, и дом Тарновских принял бы в этом участие, даже когда бы до меня довелось, я бы у них в доме и разыграл. Впрочем, все это мой добрый ангел придумает и решит лучше. Я слушаюсь Ваших советов, мой добрый господин, и занимаюсь не более 15, а иногда и 16 часов в сутки, не могу более по двум причинам: во-первых, нет больше времени, во-вторых, телесные слабости не позволяют много сидеть. Но это дичь, решительная дичь. Дело в том, чтоб дружно жить в подгрудном мире, а все прочее – трывнь-трава. Дайте расцеловать ручки моего доброго ангела. Марии Павл[овне] и Павлу Евгр[афовичу] – низкий поклон.

Ф. Чижов.

Приписка Г. П. Галагана. Пожалуйста, пошлите сию записочку Катеньке.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10715. 2 арк.
Друкуються вперше.

№29.

Рим. 17/5 февраля 1843 года.

Получ[ено] 27 февр[аля].

Восемь дней тому назад, ангел мой маменька, я имел счастье получить ваше письмо №18 от 4-го января, и только сегодня пишу к вам. Расстояние между последними моими письмами длиннее обыкновенного, и я это сам очень чувствовал, потому что мне всегда скучно, когда долго не пишу к вам. Но на это было две причины: во-первых, я ожидал приезда дяденьки, во-вторых, завтра начинается карнавал, который продолжится 10 дней, и я не буду к вам писать прежде его окончания, чтобы можно было вам что-нибудь об нем сказать. Третьего дня вечером приехали наши¹ из Флоренции. Мы ездили за 8 миль на их встречу, и Иванов, Серебряков и Шаповаленко также были с нами. День был прекрасный, и мы, пообедавши на ponte Molo, отправились пешком по флорентинской дороге, а коляска ехала за нами. Дяденька и тетенька, слава Богу, здоровы и вам кланяются. Несмотря на все мои старания, я никакими средствами не мог найти им квартиру, все набито в Риме, и они принуждены остановятся в hôtel (на via Condotti). У них одна только комната с камином, что заставляет Петра Григорьевича ворчать целый день и бранить Италию, а признаться, я уже давно не слышал брани.

Благодарю вас, мой несравненный ангел, мое сокровище бесподобное, за поздравление с новым годом. Вы мне пишете, что наши² уехали в Орел, и потому вы теперь совершенно одни. Мне очень жалко, что вы не поехали на это время в Мглин или Стародуб к нашим добрым Гудовичам, я надеялся, что вы это сделаете. Как вам, должно быть, скучно одним. Спасибо Гране, что он вас рассеивает и забавляет, целую его за это. Вы мне пишете, как вы проводили богатую кутью, да! в первый раз вам пришлось быть одним, но очень надеюсь, что и в последний. Поручение ваше насчет табакерки я постараюсь исполнить в возможной точности.

Слав Богу, что зима у нас не жестокая, может быть, климат точно не совсем переменялся. Что касается до Рима, то здесь было сильное наводнение, какого не помнят с 1805 года. От непрерывных проливных дождей произошло внезапное таяние снегов на горах, вся вода хлынула в Тибр, и в продолжение 3-х дней нижняя часть Рима была наводнена. Разъяренный Тибр нес с своими водами не только что деревья и бревны, но даже пастушеские шалаши и несколько штук скота, унесенного с полей. В Риме по той длинной улице (помните ли?), которая идет от Корсо к ponte S. Angelo, ездили в лодках, Пантеон был наполнен водой в человеческий рост, via di Ripeta вся была наводнена, и даже на Корсо выступала по местам вода из труб. Мы были в совершенной безопасности в нашей возвышенной части города, но, впрочем, и в наводненной части не было

¹ Петро Григорович і Софія Олександрівна Галагани.

² Подружжя Комаровських.

никаких несчастных приключений. Правительство выдавало хлеб всем жителям, запертым водою в своих домах. Так как на полях нельзя было работать, то весь голодный народ собрался в Рим. Тогда Папа велел им раздать хлеб, и это делали в Колизее; я пошел посмотреть на это: толпа народу, получавшая хлебы в великолепных развалинах, делала прекрасный вид. Теперь погода хотя еще непостоянная, но понемногу поправляется.

Вы пишете, чтобы я побольше говорил о себе. Да что же я буду говорить? Слава Богу, я совершенно здоров и провожу приятно время в отдалении от балов и вечеров. Наши знакомые все здоровы. Бедный Александр Андреевич недолго порадовался своим счастьем, на днях получил он известие о кончине своей матери. Бедный! Это его очень огорчило. Федор Васильевич здоров и много работает. Мне бы очень хотелось, чтобы он поехал с Петром Григорьев[ичем] в Неаполь, если они предпримут это путешествие. Я уже теперь начинаю очень подумывать о приятном моем путешествии восвосяи и почти совсем решил ехать на милую Венецию.

Деньги от Каскеля я, наконец, получил. По неисправности венецианской почты я не был уведомлен о прибытии их, и тамошние чиновники, прождавши 3 ме[ся]ца, отправили их назад к Каскелю, и он уже опять послал их ко мне. Ни за что, ни про что, как говорят, я потерял несколько процентов от переводов.

Теперь что вам сказать, мой ангел маменька? А вот что: не могу не поделиться с вами одною мыслию, которая меня чрезвычайно занимает, а именно – об нашей церкви.

Вместе с просвещением, заняв у иностранцев обычаи и одежду, мы не приметно подвергнули и нашу православную церковь переменам, вовсе к ней не идущим. Мы начали строить храмы в римском вкусе или в испорченном вкусе гроссо, явились на Руси модели св. Петра и Пантеона, явились французские церкви, как, напр., Смольный монастырь, и мы, увлекшись модою, совсем забыли про наши святые храмы Киева или Москвы. Пора нам перестать думать, что все иностранное хорошо. Оно прилично здесь, а у нас – нет! Сознайтесь сами, не с большим ли благоговением вы входите в любую московскую или киевскую церковь, нежели в какую-нибудь Троицко-Измайловскую¹, в которой, кроме белых стен и картин, писанных немцами, ничего вы не находите. Не одно собрание святых привлекает вас в Лавру (Киевскую) или в Успенский собор, нет! Весь характер этих святых храмов, наш православный тип, шепчет нам что-то родное, втягивает в наше сердце теплоту, которою исполнена наша греко-российская вера. Этот византийский характер так идет и к нашему духовенству, и к нашим обрядам. Святые отцы нашей церкви проливали кровь в спорах об установлении икон² и, наконец, ввели их повсюду, мы же, сами этого не чувствуя, почти совсем отбросили их. Не говоря уже, что пустота в наших новых церквях есть чисто лютеранская,

¹ Троицкий Измайловский собор у Петербурзі – пам'ятка класицизму.

² Мається на увазі іконоборство у Візантії у VIII–IX ст.

но даже и украшения наших иконостасов суть не образа, а картины Болонской или Немецкой школы. Возьмите любую из новых церквей, построенных в России, напр., хоть Смольный монастырь или Дегтяревскую¹; русские ли это церкви? Нет! Снаружи чисто католические, внутри одни только царские врата напомнят вам, что вы в православной церкви, а не в протестантской. Икона только тогда может называться иконою, когда она удержала в себе весь свой первобытный тип. Святой Лука не писал Божией Матери на облаках, с распростертыми руками и окруженной разными ангелами, он Ее изображал с наклонною головою к Младенцу, которого она крепко прижимает в своих объятиях. Греческая живопись теперь нам не нравится по своей грубости. Теперешние живописцы, писавши иконы для наших храмов, должны устремить все свое внимание на выражение голов тех святых лиц, которых они изображают, но никак не должны отходить от форм, принятых целыми столетиями в нашей православной церкви. Пусть картины украшают стены наших гостиных, но им не место в церкви.

Католическая религия уже давно совершенно зависит от Папы, и он может в ней делать все перемены, какие хочет, но наша религия не должна быть подвержена никаким переменам, начальником нашей церкви есть сам Иисус Христос, который никогда не переменяется.²

Вообразите себе, мой ангел, что если бы у нас в Сокиринцах была церковь чисто православная, с ее святыми иконами!

Дурная архитектура и непрочность нашей каменной церкви часто, кажется, подавали мысль папеньке о совершенной ее перестройке³. Что, если бы вы, с помощью Божию, предприняли постройку хорошей церкви в наших милых Сокиринцах, и возле того места, где лежит папенька⁴. Мы уже несколько раз с вами говорили о нашем намерении жить как можно скромнее, куда же мы будем девать деньги, остающиеся лишние, пожертвовав, разумеется, главную их часть устройству вверенных нам Богом людей. Непременно останется от скромной жизни неупотребленная часть дохода, не покупать же на нее имений! Слава Богу, у нас их очень довольно. Я не вижу лучшего употребления денег, как на постройку церкви, которая была бы вместе с тем и изящным произведением искусства.

¹ Йдеться про церкву в с. Дігтярі – маєтку П. Г. Галагана.

² У міркуваннях 23-річного Галагана про необхідність повернення архітектури православних церков до її «візантійських витоків», де простежується формування його майбутніх поглядів на мистецтво, що має базуватися на автентичних традиціях минулого, найвірогідніше, відбулися розмови, почуті ним у колі Ф. Чижова, О. Іванова, М. Гоголя під час вечорів у М. Язикова (Детальніше про це: Колесник І. Г. Галаган в оточенні Гоголя Колесник І. Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. К., 2009. С. 444).

³ Мається на увазі Варваринська церква у Сокиринцях.

⁴ Йдеться про побудову церкви-усипальниці над склепом, де було поховано П. Г. Галагана. Петропавлівську церкву у неовізантійському стилі (на теренах Російської імперії та у будовах за її межами іноді позиціонується як «візантійсько-московський») було споруджено на території садиби впродовж 1854–1858 рр. Одним із взірців таких споруд 1840-х рр. стала Десятинна церква у Києві (1842 р.).

Впрочем, это все совершенно зависит от вас, я только говорю свои мысли и желания, потому что не могу не поделиться ими с вами, но вы, верно, лучше знаете, что и как делать. Ежели же вы предпримите какое-нибудь благое намерение насчет церкви, то, я думаю, первою вещью должна быть остановка дальнейшей постройки колокольни. Одна еще причина меня заставляет желать другой церкви: у нас дом наш лучше дома Божия, и я думаю, мы бы должны стараться, чтобы сей последний был главным средоточием великолепия.

Мне кажется также, что, ежели мы и будем строить церковь, то первым делом будет не спешить и не торопиться, чем медленнее оно будет делаться, тем легче будет для строителя и для здания.

Не браните меня, мой ангел несравненный, за мои предположения, которые, может быть, покажутся вам ветренными, да что же делать, я говорю, что думаю. Ежели вы сколько-нибудь склонитесь на мои желания, то не велите строить колокольни, это будет потерянный труд. И еще попрошу вас, не говорите другим людям о моих мыслях.

До свидания, мой ангел, целую ваши ручки и ножки тысячу тысяч раз, обнимаю вас всех. Поцелуйте от меня нашего папеньку. Будьте здоровы, день ото дня приближается наше свидание, все быстрее и быстрее. Я к вам буду писать не прежде 12-и дней. Масленица пройдет быстро, там уж будет март, апрель, май!.. Расцелуйте от меня Поля и Машеньку, которые у вас, я думаю, также Граню.

Mad. Fischer, Петру Никитичу и Голике кланяйтесь. Изъявите mad. Fischer мое сожаление о наводнении погребца, но не один погреб, и Рим также подвергся наводнению, пусть утешится. Дяд[енька] и тёт[енька] вам кланяются, я видел их вчера в [соборе] св. Петра и в Ватикане. Федор Васильевич целует ваши ручки.

До свидания, ваш

Григорий.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10716. 2 арк.
Друкується вперше.

№30.

Рим. 2 марта / 18 февраля 1843 г.

Только что отправил я письмо к Вам, мой ангел несравненный маменька, и это было 17/5 февраля, как приехала почта и привезла мне №19 от вас, а третьего дня, к величайшему удовольствию, я получил и 20-й номер, который уже лежал здесь 2 дня, но я сам не спросил, никак не ожидая получить два письма в таком близком расстоянии времени. Благодарю вас, мое бесценное сокровище, за то, что вы часто мне пишете, я все письма ваши получаю совершенно аккуратно. В первом письма вашем, т. е. в 19-м, вы мне описываете меры правительства насчет горелки, также пишете о нашей теплой зиме. Хороша теплая зима! Но что мы будем делать без воды? Далее вы пишете ко мне об Италии, об этой милой стране. Италия посылает вам свое звонкое *grazia!*¹ за то, что вы находите в ней только достоинства, а не браните ее, как другие. Милая Италия! Она никак не наскучит, сколько в ней ни живи, а все открываются новые прелести! В конце письма вы мне говорите о том, что должно посещать мне общество и вообще не избегать тех мест, где я буду женирован. Я совершенно сознаюсь в том, что не люблю женироваться, это очень худо, и происходит от одного источника, – что я не люблю себе давать никакого труда; я стараюсь от этого недостатка исправиться, потому что этот недостаток, как и всякий другой, очень близок к пороку. Но не могу не сказать за себя маленькое оправдание, вот оно: я избегаю не одних только высших, аристократических обществ, нет! Я избегаю всяких обществ, в которых излишняя веселость и рассеяние могли бы меня отвлечь от моего дела. Есть много обществ, в которых я вовсе не был бы женирован, хотя общества не безнравственные, но я и их избегаю с такой же охотой, как и высших.

В №20-м вы мне пишете о моей неаккуратности; ах, правда, правда! Я очень небрежен во всех моих делах; привычка жить на всем готовом чрезвычайно меня избаловала, но это не может служить отговоркой. Из предыдущего моего письма вы уже знаете, что я получил деньги, которые, по милости неисправной венецианской конторы, два раза проехали от Дрездена до Италии. Получив деньги, я тотчас отправил 200 скуд (1000 рублей) во Флоренцию Великанову, у которого я занимал эти деньги на 2 месяца. Прочее я должен Федору Васильевичу. Кроме того, что он заплатил за картину Айвазовского, он дал задаток за коляску в Дюссельдорфе 500 франков, да в Венеции – 500, да во Флоренцию прислал 500, итого – 3000 франков, которые должно ему прислать отдельно, при первой возможности, потому что такую сумму мне трудно отделить от присланных мне денег, я должен думать о дороговизне возвратного пути в коляске!

Вы мне пишете, что высылаете деньги ко мне, благодарю вас, только жалко, что это будет сделано на имя Торлония, который дерет без всякой совести.

Кланяйтесь, пожалуйста, от меня Г. С. Тарновскому и скажите, что я все силы употреблю, чтобы угодить его желанию, но что, не будучи сам знато-

¹ Подяка (итал.).

ком в этих вещах, я должен совершенно положиться на честность купцов.

Вот, кажется, все ответы на ваши два письма. Теперь надобно мне приняться за рассказы.

Начну с того, что я, слава Богу, совершенно здоров. В это время по случаю карнавала я проводил дни совершенно в другом порядке: нельзя и думать о занятиях, когда все, вас окружающее, бесится. Я отложил занятия в сторону и выбежал на эти дни на улицу. Несмотря на то, я все-таки не был ни на балах, ни на вечерах. Я вам должен сказать, однако, что я веселился от всей души так, как давно не веселился, хотя мои удовольствия были несколько отравлены болезнью тётеньки. Вообразите себе, что бедная София Александровна получила на ноге рожу, которая ее ужасно мучит, хотя болезнь и не опасная. Несмотря на все старания Гартмана, она могла только видеть 2 дня карнавала, а все прочие пролежала и до сих пор еще не может ходить, хотя ей и лучше.

Что сказать вам о карнавале?¹ Весело! Очень весело! Карнавал начинается в субботу. Потом, в воскресенье, его нет, далее – понедельник, вторник [и], среда, четверг. За этим пятница пустая, потом суббота опять веселая, воскресенье пустое, и, наконец, на первой неделе поста, – понедельник и вторник; и так восемь дней совершенной веселости. Каждый из этих дней проходил в следующем порядке: в 12 часов (в полдень) стреляют из пушек, это сигнал, что все могут маскироваться. И за первым ударом пушки уже выбегают из домов веселые маски. Между тем на Корсо все вывешивают красные, и голубые, и желтые материи на окошках и балконах, Корсо принимает какой-то необыкновенно праздничный вид. В час пополудни проходят по главным улицам войска, в параде и [с] музыкой, и становятся по назначенным местам для порядка. Тотчас на Корсо является множество экипажей, и начинается гуляние, но гуляние, какого нигде не найдете. Все оживлено, все весело. Весь Корсо покрывается густою толпою народа, среди которой едва движутся два ряда экипажей. Все это занято ужасным сражением цветами, дражеями и мукой. Из балконов бросают в коляски, из колясок им отвечают тем же. Экипажи самые разнообразные, многие из них наполнены масками. Кроме того, ездят множество char-à-bancs², наполненные обществами в разных костюмах, в одном – все в шотландских платьях, в другом все одеты жрецами из «Нормы»³, в третьем – куча молодых в костюме трастевринском⁴ с приплюснутой шляпой с одной стороны и широкими поясами, в белых рубашках и с накинутаю курткой на левом

¹ Про римський карнавал див.: Янушкевич А. С. Рецептивные модели римского карнавала в русском травелогe 1820–1840-х гг. *Образы Италии в русской словесности*. Томск, 2011. С. 334–344; Русский художник за границей в сороковых годах. Семейные письма покойного Николая Александровича Рамазанова // Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. СПб., 2014. С. 637–641.

² Шарабани (фр).

³ Жерці-друїди з опери В. Белліні «Норма».

⁴ Костюм, який носили мешканці Трастевере – району в Римі, на західному березі Тибру.

плече, поют во все горло национальные песни. Они все без масок, черные кудри и *collier grec*¹ выдают в наружу их прекрасные лица с классическим контуром. Далее едет что-то вроде лодки, наполненное самыми грациозными девушками, одетыми в фантастических нарядах и с масками, за ними вдруг тянется неуклюжий ящик с кучею шутов во французских кафтанах; они держат огромный (длинный) медицинский инструмент (известного употребления)² и кричат, что они все медики. Таких разных экипажей множество. Толпа народа, движущаяся между ними, самая разнообразная. Множество разных масок интригуют немаскированных, пищат, свистят, там вдруг куча неаполитанских полишинелей, обсыпанных мукою, бегут среди толпы с колокольчиками, бубенчиками и с пузырями в руках. Этими пузырями как ударит по спине кого-нибудь, то вовсе не больно, а между тем шум как бы от выстрела. Арлекины с своими Колумбинами легко скачут и цепляют своих знакомых двойною досточкою, которая всегда у них в руках. На тротуарах стоят ряды стульев, и на них сидят зрители, которым очень достается от прохожих и проезжающих. Между тем, большая часть лавок превращена в балконы. На них стоят множество итальянок, и уже не маскированных, но большею частью в самых грациозных альбанских костюмах. На балконах верхних этажей и во всех окнах стоят такие же дамы в костюмах и так же без масок. Но как в этом увеселении все в порядке, все чинно, нет ни пьяных, ни шалунов, и как видно различие итальянцев (римлян) от других народов. Итальянцы все бросают цветами и употребляют *драже*, только чтобы заставить к себе повернуться даму. Форестьеры, напротив того, отличаются грубостью своих манер: особенно *англичане* и *русские* только и стараются, чтобы сделать кому-нибудь больно; бросить англичанке букет, а она отвечает горстью крупных драже, которые могут глаз подбить, или совсем не отвечает. Все избегали становиться возле балконов, занятых англичанами или русскими, потому что те не только бросали крупные драже, но даже толченый кирпич, и в этом находили удовольствие. Нет! Эти невинные забавы не сделаны для грубых жителей Севера. Итальянцы ни за что этого не делали. Мой костюм был: блуза, шитая шнурками (и стоившая всего 18 павлов³), и на голове круглая шляпа плоская (какая у меня была на маскараде в Нице), она защищала мне лицо от нападения англичан. Впрочем, я вам скажу, что я совсем их не хотел знать. Федор Вас[ильевич] ездил с дяденькой, а я ходил пешком в любопытной толпе и знал только итальянок и итальянцев и им одним бросал букеты и конфеты, за что получал самые грациозные и милые ответы. Но я буду продолжать рассказ.

¹ Грецька борідка (фр.).

² Клістир (клізма) – засіб для промивання шлунку – неодмінний атрибут доктора, котрий був одним з персонажів комедії дель арте, що виникла на основі народних театральних вистав і стала основою драматургії XVII – XVIII ст., передусім творів Ж.-Б. Мольєра, К. Гольдони, К. Гоцці.

³ Паолей.

Гуляние продолжается до ½ 5-го. Тут опять стреляют из пушек, все кареты разъезжаются по переулкам, и на Корсо остается только один народ. Вдоль по улице проскачет взвод конных гренадеров от piazza Venezia на piazza Popolo, чтобы дать знать от губернатора о начатии лошадиного бега. Тогда солдаты раздвинут толпу, и вдаль по Корсо промчатся 9 или 10 лошадей без седоков, на них навешаны гвозди, которые их колют и щекотят, что заставляет их бежать во все лопатки, а народ кричит и свистит изо всей мочи. Забава, которая мне менее всех понравилась. По окончанию бега пушечный выстрел дает сигнал о продолжении гуляния. Экипажи въезжают снова на Корсо, и гуляние продолжается еще около часу, до «Ave Maria». После «Ave Maria» начинаются театры и маскарады (*festino*¹). Но в пятницу и в оба воскресные дня, в которые нельзя надеть маски, фестивалы начинаются с полуночи. Таким образом прошла тучная масленица. Прочтите письмо к Полю и Marie, я в нем описываю то, что в вашем не поместил. И вообразите себе, что половина дней карнаваловых были дождливые. Как жалко было смотреть на бедных римлян, иной заставил свои вещи, только чтобы нанять костюм, и вдруг дождь идет целый день.

Первые и последние дни были хороши, а середина дождливая, и вообще погода во всю зиму очень нехороша, редко проходит день без дождя. Вчера ездил я верхом по Альбанской дороге, и было мне так хорошо в поле, что не хотелось возвращаться домой: поля позеленели, кусты распускаются, жаворонки поют несчетными голосами в пустых вольных полях. Там я видел произведения руки Божией, и какой пышный город может сравниться с этими полями?

25-го марта будет ярмонка в Фраскати, я непременно хочу поехать туда на три дня. Из новостей скажу вам, что князь Кочубей Михайло имел несчастье потерять жену в Неаполе; он везет ее тело в Россию. Старуха княгиня будет на днях в Риме.

4-го марта / 20 марта. Третьего дня не мог дописать, не успел на почту, а сегодня едет курьер. Кланяйтесь всем нашим домашним. Уж теперь гораздо меньше времени осталось быть без вас. Мы строим с Федором Васильевичем план ехать à petites journées² в Анкону, а оттуда сухим путем также в Венецию. Но на какие города Германии я поеду, это еще не решено. Вы пишете, что мой портрет очень похож, жаль, что он предурной работы и поэтому не должен бы висеть в вашей комнате; я бы вам привез другой портрет, лучший, да не знаю, как соберу деньги. Делать мой портрет есть прескучная материя, и я бы решился только для того, чтобы у вас было что-нибудь хорошей работы, а то, пожалуй, Конон также сделает похожее.

¹ Свято (італ.).

² Ненадовго (фр.).

До свидания, мой несравненный ангел, мое сокровище из сокровищ, поклонитесь от меня нашему папеньке. Целую ваши бесподобные ручки, ножки, обнимаю их от всей души. Я рад, что вы теперь не одни. Теперь русская масленица, вчера я ел много блинов у Обуховых, к которым ходил во время карнавала. На первой недели русского поста надеюсь говеть, т. е. через 4 дня начну.

Еще раз обнимаю вас. Ваш верный сын

Григорий.

Дяд[енька] и тёт[енька] вас целуют.

Тёт[еньке] немного лучше.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10717. 3 арк.

Друкується вперше.

№31.

Рим. 14/2 марта 1843 года.

Здравствуйте, мой бесценный ангел, мое сокровище маменька, целую тысячу раз ваши ручки и ножки. Что-то вы делаете теперь, здоровы ли, чем занимаетесь? Поздравляю вас с мартом, не правда ли, этот месяц как-то очень сближает наше свидание; сердце забьется, как поду-маю, что уже наступил март, весенний месяц!

Вы, верно, судя по моему последнему письму, думаете, что ваш Гришун говел и уже отговелся, но, к сожалению, я вам должен сказать, что я не говел; мне помешали исполнить этот долг христианства. Вот какие были обстоятельства. Дяденька, разумеется, начал говеть, но ему трудно было достать хороший постный стол. Так как они живут в одном доме с Обуховыми, то сии последние, по своему всегдашнему гостеприимству, предложили ему всю неделю обедать у них, на постном столе, сготовленным дома. Мне неловко было отказать у них обедать, потому что дяденька туда ходил. Со второго обеда я заметил, что из этого выйдет не говение, а просто вторая масленица. Бывая в веселом обществе и притом с девушками, как не смеяться и не говорить чепухи? А при этих условиях говение есть ничто иное, как грех: худо говеть – значит осквернять свою религию, поэтому я и объявил, что раздумал говеть и что хочу отложить это на август месяц¹, что и сделаю непременно, если Бог поможет. Вы меня, может быть, за это будете упрекать, мой ангел, но право, я столько лет сряду худо говел, что мне не хотелось еще прибавить один год такой же. Что же вам еще сказать о себе? Я, слава Богу, совершенно здоров по-прежнему и хорошо выдержал дождливое время, которое нас мучило бессовестно. Вообразите себе, что от самого наводнения и до сих пор почти всякий день шел проливной дождь, а который день не было дождя, то небо было серое, как в Петербурге; римляне давно не помнят такой зимы. Папа велел три дня молиться по всем церквям о прекращении дождя, который наносил много вреда полям. Наконец Бог услышал их молитвы, и третьего дня началась хорошая погода. Я поучил 8 марта ваше письмо №21, в котором вы мне пишете о высылке денег. У Торлония еще ничего не получено, но это бы было слишком скоро, на будущей неделе я должен получить. Все ваши поручения я стараюсь исполнить со всевозможною точностью. Мне очень жаль, однако, что я не могу исполнить также поручения Поля и Мари. Они меня просят купить соломенную шляпку для Грани, но неужели они забыли, что я еду не в своем экипаже, а в тесном дилижансе, и что в чемодане нельзя везти соломенной шляпы. Вы мне пишете, что у нас очень тепло. Я думаю, это не совсем хорошо для будущего урожая. Александр Андреевич ужасно обрадовался, получив ваше письмецо. Он и все те, которым вы кланяе-

¹ До Успенского посту.

тес, усерднейше вас благодарят. Дяденька здоров, а тётенька, бедная, все еще страдает. Приехала в Рим для того, чтобы лежать в постели. Рожа на ноге прошла, но от нее осталось какое-то раздражение нервов в ноге. Это причиняет ей постоянную боль. Ее навещают почти целый день Обуховы, по переменкам, также и другие знакомые, но все это неутешительно для бедной Софии Александровны.

Доктора, Гартман и еще один итальянец, говорят, что еще надобно пролежать 2 недели. Каково? Не знаю, хорошо ли они лечили рожу.

Я у них почти каждый день обедаю. Дяденька поручил всем вам кланяться и просить, чтобы вы призвали к себе Павленка и сказали бы ему, что пашпорты еще до сих пор не получены, и чтобы он узнал, отправлены ли они как следует.

Вы мне даете, между прочим, поручение купить подарок Федору Васильевичу; вы знаете, какая это трудная вещь. Что ему подарить? Ему ничего не нужно из вещей. Думая об этом, я ему и сказал, что вы поручили ему купить что-нибудь, то, что бы он сам выбрал, и он мне обещался. Вазы нестерпимо дороги, и не знаю, удастся ли приобрести хоть одну. Что касается до картин, то тут другое дело. Я заказал Рауху довольно большой пейзаж: прекрасный вид Неаполя с Позилипской горы, с тем, чтобы он писал его с натуры. Он взял за это 1500 франков. Штернбергу я заказал две картины. Одну – вид *Capraigna di Roma* из виллы Адриана с огромною группою итальянских пинов, пейзаж небольшого размера, но чрезвычайно хорошо удался. Другую – римлянку в costume, идущую с плодами на голове. Много картин заказал бы я, да должно думать о деньгах.

Табакерку я ищу: ни у одного мозаиста нет шотландских клетчатых, так я куплю отдельно и велю вправить мозаик.

16/4 марта. Хотел третьего дня послать письмо к вам, мой ангел, но Фед[ор] Вас[ильевич] упросил меня, чтобы я подождал, потому что сегодня именины его матушки, и он хотел к ней в этот день написать. Завтра именины Федора Васильевича, и мне хочется позвать к себе приятелей и дяденьку, чтобы выпить за его здоровье.

Русские художники сделали выставку своих произведений для Марии Николаевны, но лучшие из них, т. е. Иванов, Серебряков, Бруни и Завьялов, не выставили ничего, от этого много потеряла выставка.

Я вам забыл сказать, что в семействе Обуховых происходит теперь роман. Старшая дочь Алферьева, Мария Павловна, премилая девушка, очень влюблена в Сомова, секретаря Кривцова, который, впрочем, недостойн ее, потому что препустой человек. Старуха Мария Васильевна согласна, потому что очень любит внучку, но не даст слова, потому что ни он, ни она ничего не имеют. Все же прочие члены семейства против Сомова, из этого происходит роман. Я дружен с девушкою, и она мне и тётеньке часто жалуется на судьбу; очень жалко ее, она предобрая.

Наконец погода совсем установилась, тепло, ясно, деревья распуска-

ються і нежною зеленню рисуються на голубом небі или на темнолистях померанцах и оливах.

Я вчера ходил один в Campagna di Roma. Что за блаженство, птицы поют, мухи летают около головы как летом, и со всех сторон ветер приносит запах новой зелени. Два часа, проведенные в таком месте, где только остается хвалить Бога, наполняют душу таким миром, таким спокойствием. Возвратившись в город, я попал в самую суетную толпу гуляющих на piazza Popolo и скорее побежал в церковь Maria del Popolo, чтобы у дивных фресок Пинтуриккио помечтать после Campagna di Roma. Рим, Рим, как он хорош! Только одна мысль, что я еду к вам и в милую Украину, заставляет забыть о горестной разлуке с ним. О нашем путешествии мы почти совсем уже положились: Федор Вас[ильевич] провожает меня до Венеции, и мы намерены поехать à petites journées¹ по Италии через Перуджио и потом на Анкону, Лорето, Равенну и пр. Спешить нельзя, потому что на Альпах много снегу, и надобно дать ему время стоять. Итак, ангел мой, не пишите мне больше в Рим, а в Венецию, а потом – в Майнц; ожидаю пока ваше письмо 22-е, которое должно прийти завтра, по моему расчету.

До свидания, мой бесценный ангел, обнимаю вас крепко-крепко. Целую ваши ручки и ножки. Прошу, по обыкновению, поцеловать ангела папеньку. Поля и Машеньку, и Граню целую. Всем домашним кланяюсь.

О Почеке скажу вам, что сюда приехал один Альфераки, который видел его в Вене, здоровым. Вчера вечером, при яркой луне, мы были на Колосее; как я вас вспоминаю везде на прелестных развалинах Рима. До свидания. Ваш покорный сын

Григорий.

Обуховы вам кланяются.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10718. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Ненадовго (фр.).

№32.

Рим. 28/16 марта 1843 года.

Получено] 4-го.

Ангел мой маменька, душа моя дражайшая, целую ваши бесценные ручки и ножки, обнимаю вас от всей души. Я получил ваше письмо 22-е три дня тому назад, и оно немного опоздало по случаю больших снегов на горах. Благодарю вас, что вы мне советуете, что именно кому привезть в гостинец, это меня очень облегчило. Благодарю также за деньги, которые я от Штиглица получил через Торлония суммой 7963 франка 82 sentimes¹. По вашему описанию я знаю, какие тут есть деньги и как с ними поступить, и потому я не повторяю ничего. Об том же, как поступил Каскель, также не буду говорить. Не правда ли, что деньги – такая гадкая, отвратительная вещь, что самое приятное, если об них поменьше говорить. Слава Богу, я совершенно здоров, хотя несколько раз чувствовал влияние мартовского солнца. Прековарное солнце в марте ме[ся]це в Италии – припекает, а в тени – как [в] погребу холодно. Его никак нельзя уберечься ни теплою одеждою, ничем. За то у меня несколько раз болело горло, на день и на два дня, но теперь клонится к апрелю, и воздух становится теплее. Дяденька здоров, но бедная тётенька все еще страдает. Разумеется, что это к лучшему, из раны на ноге идет множество материи, а так как она золотушна, то это поможет, но, несмотря на то, страдания сильны. Она должна лежать все в одном положении вот уже 5 недель, и, может быть, еще 3 пролежит. Ее посещают беспрестанно Обуховы и другие знакомые, ввечеру всегда кто-нибудь есть. Я иногда ей читаю. Зачем это случилось в Риме, вот что досадно, я бы ей все так хорошо показал. Что касается до дяденьки, то его не так легко из дому вытащить; он только недавно перестал топить камин!

17/5 марта был у меня праздник по случаю именин Федора Васильевича, я сделал ужин, и очень было весело. Я пригласил, кроме обычных приятелей, еще дяденьку, Иордана и Логановского. Иордан уже помирился с Алекс[андром] Андр[еевичем]. Вы меня спрашивали, в чем состоит помощь, оказанная Иванову, и вот в чем. Для вспоможения ему заплачено 4000 руб. за его «Магдалину»², и, кроме того, еще дано для продолжения картины³ около 3000 руб. Это его теперь совершенно обеспечило, и он может спокойно работать. Я вам тогда не написал, потому что вещи, не объявленные чрез официальную бумагу, не должно писать по почте. Хотелось мне очень 25 числа, на здешнее Благовещение, съездить в Grotta Ferata на ярмарку, но, как нарочно, была дождливая погода эти два дня. Третьего дня уехала отсюда в[еликая] кн[ягиня] Мария Николаевна. Для нее русские художники сделали выставку, в том доме, пом-

¹ Сантимів (фр.).

² Картина О. А. Иванова «Явлення Ісуса Христа Марії Магдалині після Воскресіння».

³ Йдеться про картину «Явлення Христа народу».

ните, что стоит среди сада на monte Pincio. На выставке лучшие вещи были Тыранова, Гейбеля, Штернберга и некоторых других, было также много и весьма плохих; лучшие художники, как Иванов, Завьялов, Бруни, ничего не выставили. В[еликая] кн[ягиня] некоторые вещи взяла, а некоторым заказала копии, в том числе Мокрицкому и Шаповаленке. Она говорила, что помогла бы еще больше, но нет денег. Вот как! И у царей нет денег, и еще чтобы у нашего брата были!

Княгиня Кочубей здесь, я был несколько раз у молодой, а старухи еще ни разу не заставал дома, сегодня опять пойду. Она немного огорчена: император не пустил за границу Сергея, сказав, что возле нее довольно уже сыновей, что не нужно третьего.

Вы мне пишете о необходимости иметь отдельного доктора. Как я часто об сем думаю! Не только что нужен хороший доктор, но и необходима больница для каждого имения. Неподобно, мне кажется, что[бы] что-либо, касающееся до крестьян, было в других имениях хуже, нежели в Сокиринцах. Нам надобно будет немедленно за это приняться. Мне кажется, что не менее необходимы врачи духовные, которыми мы так обижены. Ведь у нас нет во всем имении ни одного хорошего священника. Я уверен вполне, что хороший священник, сколько-нибудь понимающий свое высокое назначение, может многое исправить между крестьянами.

Вы мне пишете, что очень тепло, но, зато, я думаю, весна будет очень холодна, чтобы не повредило это садов наших. Поручения о покупках я понемногу привожу в исполнение, не забудьте только, ангел мой, что я не в своем экипаже, и потому мне просто невозможно привезти с собою многих вещиц, которых так хотелось бы купить. Вы помните, какие есть хорошенькие вещицы? Бронзовые лампочки на манер помпеевских, мраморные вазы, саркофаги, ванны и тому подобные, но как мне их везти. Если бы был экипаж со мною, то сколько я бы мог взять! Коляска будет полупустая, а в чемодане эти вещи невозможно везти.

Табакерку шотландскую очень трудно найти, все плоские, а такой формы, как была у Поля, я не нашел ни одной до сих пор, впрочем, не теряю надежды, что найду, во всяком случае, табакерка будет. Что же касается до мозаиков, каме и т. п., то они теперь очень дороги. Вы были после Пасхи, когда все иностранцы разъехались, и тогда другие цены. Я еще купил несколько гравюр. Что касается до тех гравюр, которые я оставил во Флоренции, то я поручил Серебрякову, который туда поехал, уложить их и отдать Великанову, чтобы тот отправил их в Одессу вместе с дяденькиными вещами в начале или половине апреля. Мне очень хочется выехать отсюда на здешней Страстной, т. е. около 12 или 13-го апреля, но не знаю, удастся ли мне это. Надобно так рассчитать, чтобы нигде по дороге не ожидать таяния снегов, лучше это время пробыть в Риме, и потому, может быть, придется отложить отъезд до 18-го или 19-го апреля. Поедем же мы, даст Бог, на Перуджио, а оттуда – в Анкону, а из Анконы – в Ра-

венну и в Венецию, там распрощаюсь я с другом нашим Федором Васильевичем и направлю путь на Баварию, смотря, как будет удобнее, – на Зальцбург или на Инсбрук. Там, поблизости, лучше можно будет узнать. Поручение Г. С. Тарновского надобно будет исполнить или в Франкфурте, или в Праге, а я не буду в Вене, и потому пусть не взыщет, если не будут венские инструменты. Впрочем, могут быть и венские, только не в Вене куплены. Хотя я и не видел любопытной столицы Австрийской империи, но наперед чувствую, что не буду в силах туда заехать: где тут осматривать, когда буду считать дни и часы. Мои приятнейшие мечтания теперь состоят в том, как я буду, даст Бог, постоянно к вам приближаться. Какая радость будет, когда увижу Радзивилов, потом, наконец, – родной Киев, а там через Днепр будет зеленеть милая Украина. Я думаю, что мне будет удобнее всего прямо ехать в Нежин, там нанять лошадей до Ични, а там...! Как у меня будет сердце заливаться радостью, когда увижу купол с флагом, просеку, белую церковь и приветливо махающие ветряки. Вы там! И так близко уже буду от вас, Боже, какое счастье!

Покамест какую новость сказать вам о Риме, ничего нет нового. Для праздника S. Giuseppe¹ продавали в продолжение недели отличнейшие фритурь, roba fritta², в палатках, украшенных, по обыкновению, лаврами и цветами. От них по всем улицам несся такой дух чаду, что даже в комнатах было слышно, как римляне празднуют день св. Иосифа. Здесь была комета в продолжение 10 дней, и когда смотреть на нее из Рима, то она прямо ударяла в Ватикан, отчего народ говорит, что должно что-нибудь случиться с Папою.

Благодарите m. Ficher за ее письмо, а Полю, пожалуйста, скажите, что я тогда напишу, когда поразведая побольше по его поручению. До свидания, мой ангел, будьте здоровы. Поцелуйте от меня нашего папеньку. Кланяйтесь всем домашним. Поля, Marie и Граню обнимаю. Фед[ор] Вас[ильевич] целует ваши ручки, и все знакомые очень всегда о вас всех расспрашивают; вас всех тут любят и с удовольствием вспоминают о вашем пребывании в Риме. Целую тьму раз ваши бесподобнейшие ручки и ножки, обнимаю от всей души. Ваш верный

Григорий.

Боюсь опоздать на почту – сегодня такой день, что прямо идет в Россию.

Приписка на полях. Табак целую.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10719. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ 19 березня – день св. Джузеппе (св. Йосифа Обручника).

² Італійська смажена здобна страва.

№33.

Рим. 11 апреля / 29 марта 1843 года.

Пол[учено] апр[еля] 18.

В этот промежуток времени, между № 32 и 33, я получил два письма от вас, мой бесподобный ангел маменька, целую тысячу раз ваши бесценные ручки и ножки и благодарю вас за то, что часто пишете. В №23 вы мне пишете о том, что жалко, что я не увижу Женевы, Лиона и пр., но мне вовсе не жалко этого. Во-первых, потому, что теперь мне вовсе не до того, чтобы осматривать города, для меня будет дорог каждый шаг лошади, а тут еще осматривать! Во-вторых, после Италии нет больше сильного желания видеть Францию. Вы спрашиваете насчет человека¹: в виду у меня никого нет, но так как по просьбе дяденькиной я возьму с собой Артёма, который выедет ко мне в Прагу, то я думаю нанять вроде курьера от Майнца до Праги. Далее вы спрашиваете о Мокрицком и пр. На это скажу вам, что добрая в[еликая] кн[ягиня] Мария Николаевна многим из художников помогла заказами. Мокрицкому заказала копию в 500 руб. Подарки для Ник[олая] Фок[ича] и для других меня очень занимают, я бы желал, чтобы они все остались мною довольны, что касается до Шефера, то я думаю ему привезти значительный подарок, может быть, золотую цепь, как человеку, которому я обязан здоровьем. Когда, даст Бог, буду ехать домой, то в Гродно я и думать не могу заехать, каждый лишний день в дороге будет для меня мучением. № 24 я получил третьего дня, и признаюсь, что мною овладело чувство радости пополам с грустью: и радостно, что последнее письмо, и грустно, что последнее! Меня так занимает теперь мой возвратный путь, что мне все снится, что Бог уже сподобил меня возвратиться к вам, к вашим ножкам! Григорию Степанов[ичу] я постараюсь исполнить поручение как могу лучше, но не могу ручаться за достоинства инструментов – меня могут обмануть, как хотят. Всем от вас я кланялся, и все благодарили, особенно бесподобный Рим, который так щедро награждает всех любящих и понимающих его.

Теперь начну говорить о моем путешествии: вы, может быть, удивляетесь, мой ангел, что я до сих пор не выехал из Рима, вот причина. Вы знаете слишком хорошо Фед[ора] Вас[ильевича] и Алекс[андра] Андреевича, чтобы вам говорить, какие это люди. Они живут не только для себя, но почти столько же и для других. Я вам уже много раз говорил о Серебрякове, прекрасном таланте, но который был без протекции и потому только не попал в пенсионеры. Наши друзья взялись всеми силами его подвигать: средства его истощились, и, как характеру у него не много, то и духом упал. Кому, как не мне, было помочь нашим друзьям в их благодетельных стараниях. Не теряя времени, я тут же упросил Федора Васильевича, чтобы Серебряков писал с него портрет. Но только что он начал,

¹ Служника.

как Федору Васильевичу необходимо было оставить портрет по причине занятий. Тогда он, т. е. Ф[едор] В[асильевич], и Александр Андреев[ич], приступили ко мне со всеми силами, чтобы я заказал Серебрякову свой портрет для вас, и портрет в полной степени хороший. Они оба, и не только они, но и все, находят, что работа того портрета, что у вас, очень плохая. Что тут делать! Я согласился и хотел сделать вам сюрприз. Чтобы этот портрет был вместе и картиною, то, по общему совету, Серебряков пишет меня в национальном малороссийском костюме¹. Я сделал простой коротенький жупан и шаровары; портрет по колена и, как все говорят, удачен, но не совсем кончен. Обстоятельства вот какие. В[еликая] княгиня поехала во Флоренцию. Серебрякову необходимо было за нею последовать, чтобы показать свою мастерскую; вчера я получил от него письмо. Он дня через 3 будет сюда и окончит портрет, но для этого нужно дней восемь, и тогда я свободен. Разумеется, что это изменяет в том отношении мой план, что я не буду больше тихо ехать по Италии, а просто, не останавливаясь, проеду до Анконы, а там, через Равенну, – в Венецию. Признаться, мне очень не хотелось писать своего портрета, но Алекс[андр] Андр[еевич] и Фед[ор] Вас[ильевич] упросили меня, им хочется, чтобы у вас был настояще хороший мой портрет, а с этим вместе мы, может быть, спасли талант. Я не хотел вам этого говорить, но, по совету с Фед[ором] Вас[ильевичем], решился – для того, чтобы вы не беспокоились о том, для чего я не выезжаю до сих пор из Рима. Ваши поручения я понемногу исполняю: табакерка для Поля сделана, серьги для сестры прекрасные, но мозаичные броши с хорошим букетом очень дороги, и мне трудно купить, потому что я даже *à peu près*² не знаю, в какую цену вы или Машенька хотите иметь его. Гравюры из Флоренции отправлены на корабле с дяденькиными вещами, Серебряков их уложил.

Наконец, благодаря Богу, Софье Александровне лучше, и она перестала нас беспокоить; рана начинает заживать, и дней через 10, может быть, можно будет ей проездиться. Дяденька страдает зубами и продолжает бранить все, что ни попало. Наш добрейший Александр Андреевич уехал в Неаполь три дня тому назад для совета с Цимерманом насчет глаз, может быть, доктор оставит его там на два месяца, и потому мне очень было грустно с ним расставаться. Мы его проводили до Альбано и там погуляли по окрестностям. Кроме того, я вам забыл сказать, что я ездил во Фраскати и провел очень приятно время. Хотя у Алекс[андра] Андр[еевича] и лучше глаза, чем прошлого года, но он все-таки боится;

¹ Цей портрет є окрасою мистецької колекції Галаганів у Чернігівському обласному художньому музеї. Концепція полотна полягає у встановленні спадкових зв'язків моделі з предками та актуалізації «козацького міфу» – складника національної ідентичності українського панства пер. пол. XIX ст. Фрагмент листа з описом портрета було використано для атрибуції твору на початку 1990-х рр. (Гаврилова С. Художник і меценат. До атрибуції портрета Г. П. Галагана з колекції ЧХМ. Родовід. 1995. Ч. 12. С. 48–54).

² Анітрохи (фр.).

дай Бог, чтобы ему помог Цимерман. Какой это достойнейший человек. Наконец я застал дома княгиню Кочубей в 10 часов утра, и скажу вам, что приятно ошибся в своих ожиданиях. Я думал встретить в ней гордую светскую женщину, аристократку, но, напротив того, она преласковая и преумная, я не заметил, как текло время, сидевши у нее, она умеет занять и старика, и юношу. Много расспрашивала о вас и о сестре, поручила кланяться и сказать, что не могла исполнить вашего поручения, потому что была расстроена горестным происшествием¹. (Что это вы ее просили?). Она обласкала меня и сказала, что могу, когда хочу, приходиться к ней.

Из Парижа о наших Гудовичах я слышал от кн. Оболенского; неприятная новость: у Анны Андреевны отнялись ноги; впрочем, все здоровы. Бедный Андрей Иванович как должен быть огорчен; надобно надеяться, что вылечат искусные медики Парижа.

О себе скажу, что, благодаря Бога, я совершенно здоров, Федор Васильевич также. Грустно мне будет с ним расставаться. Бог знает, приедет ли он через 2 года. Александр Андр[еевич] просил у вас поцеловать ручки. Иордан, который более не в ссоре, просил кланяться. Шаповаленко имеет работу, но я сказал Фед[ору] Вас[ильевичу], что ежели у него после не случится работы, то тогда только он закажет для нас, как последнее средство и последняя опора для Шаповаленки, заказ будет по выбору Алек[сандра] Андр[еевича], чтобы с этим и соединялась польза ученика. Итак, мой несравненный ангел, вы видите, какие обстоятельства удержали меня в Риме, хотя, в то же время, и срок ожидания нашего этим несколько не отдалился или, может быть, только двумя или тремя днями. Самая большая задержка на дороге может быть для меня та, ежели я не застану в Майнце коляски.

К № 33-му.

Ежели каретник опоздает, то мне надобно будет подождать, хотя в контракте написано, что должна быть коляска готова в начале марта. Ежели бы мне удалось достать кучера в Германии, то это бы было очень хорошо, ежели же нет, то возьму человека до Праги, а там – Артёма. Ехать я буду, разумеется, до Радзивилова, и как можно скорее, а там уже, когда перееду через Днепр, то, я думаю, лучше всего будет мне ехать на Козелец, Нежин и Ичню, это скорее. Ах, когда бы скорее доехать!

Как я уже вам писал, деньги через Штиглица, 7963 франка, я получил.

Итак, мой ангел, это еще не последнее письмо мое из Рима, но уже, я надеюсь, что, наверное, предпоследнее. Приехавши в Венецию, я подробно узнаю, как скорее и удобнее ехать: на Зальцбург или на Инсбрук; мне бы более хотелось на первый, потому что второй я два раза видел. Дальше же на Мюнхен и Аугсбург в Франкфурт и Майнц. Назад же на

¹ Смертью невістки.

Бамбург и Эгер в Прагу, из Праги на Броды и т. д. В своем экипаже я надеюсь скорее ехать, потому что в Германии часто бывают задержки от дурного расположения дилижансов. До свидания, мое бесценное сокровище, поцелуйте от меня нашего ангела. Всем добрым домашним кланяйтесь. Дяденька и тётенька, и Обуховы просили кланяться. Ваш покорный сын

Григорий.

P. Sc. Вообразите себе, что на днях я встретил в церкви св. Петра, – кого же? Софию Григорьевну Энгельгард. Она ездит с какою-то дамою, и что меня удивило, это что она в трауре. Отчего, кого она потеряла, где ее дети? Я боялся спросить, чтобы не потревожить. Между тем, она уже 9 м[еся]цев в чужих краях. Она нам кланяется.

Я оттого не писал долго, что ожидал ответа от Великанова насчет кормилицы.

Пишите же в Майнц и в Прагу, и в Радзивиллов.

А Федору Васильевичу пишите в Венецию.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10720. 3 арк.

Друкується вперше.

№34.

Рим. 11/23 апреля 1843 г.

Христос воскрес!

Поздравляю вас, мой бесценный ангел, с нашим Великим Праздником, целую тысячу раз ваши ручки и ножки. Пришлось-таки быть в этот день не с вами! И как грустно! Что-то вы подельваете? Я воображаю себе, как вы были в нашей церкви, среди наших мужиков; среди их гораздо лучше, нет сравнения, как с ними лучше! Живо воображаю себе всех вас, как вы христосовались, а меня там не было! Здесь мы отпраздновали, как могли, но все не то. Одно обстоятельство очень рассеяло мою скуку: для заутрени и обедни составился хор из одиннадцати человек, и я был в том числе. Вас это, верно, удивляет, потому что вы знаете, как у меня мало голоса. Я был басом. Во время Страстной недели были репетиции; из одиннадцати человек было 7 художников и 5 посторонних. Хор был очень хорош, и все остались очень довольны. Так как мы не поместились в алтаре, то должны были стоять в церкви, что сначала было довольно конфузно. Иордан пел и распорядился всем, вы можете себе представить, как он был смешон. После обедни все пошли разговляться к Кривцову, но я не мог разговляться ночью и лег спать, а днем пошел разговляться к дяд[еньке] и тётеньке. Потом начал делать визиты понемногу. Ангел мой, душа моя бесподобная, к радости моей и вашей скажу вам, что если Бог во всем поможет, то это последнее мое письмо из Рима; я взял место в дилижансе на 27/15-е число прямо в Лорето, оттуда – в Анкону, а там – в Венецию. Буду лететь к вам, и, по моим расчетам, могу быть в конце мая у вас. Ах, если бы не коляска!

Федор Васильевич, наш добрый друг, уехал в Венецию 8 дней тому назад, т. е. в субботу перед католической Пасхой. Он поехал очень тихо, ему это необходимо для его занятий, и будет меня ожидать в Венеции.

Что касается до римской Пасхи, то я ее вторично видел и должен был водить дяньку на все церемонии во время их Страстной недели, мы ходили слушать «Miserere». Нельзя не восхищаться Римом. Я именно был занят этим чувством, когда подходил к св. Петру вечером, когда он был освещен заходящим солнцем, из него раздавался унылый звон постного колокола. Вся площадь пестрела шумящими экипажами, но весь этот шум, казалось, исчезал в его величии, оставался только один общий гул, при котором великий храм казался еще величественнее. И вот я вхожу по прелестной лестнице в Ватикан. Весь народ стремится в Сикстинскую капеллу, я вхожу, и жалобный высокий голос поет плач Иеремии, так уныло, такими проникающими звуками, что невольно заходит грусть в сердце. А грусть среди всего этого великого – как это приятно! Как это заставляет углубиться в самого себя. Я не слушал ни критики насчет певчих, ни насмешек над католическим служением, я старался только удержать в ушах несравненные звуки плача Иеремии и с этим вышел

опять на чудную площадь с шумящими фонтанами, и мне казалось, что этот голос оплакивает прежнее величие славного Рима, и прежнее величие папского двора, и римской церкви. И мне стало так жалко! Прощай, Рим, подумал я, с каждым годом ты более и более исчезаешь в сердцах твоих прекрасных детей, которые заражаются гнусною холодною образованностью заальпийских народов. Скоро в тебе останутся одни здания, а римлян уже не будет, будут европейцы. Один Бог в силах разрушить чудные здания, которыми ты так отличаешься пред всеми другими городами в мире, и они еще долго будут чернеть между беленькими немецкими домами!

Спасибо вам, мой ангел, что вы любите Рим, я ему всякий раз кланяюсь.

Благодаря Бога, я по-прежнему совершенно здоров; тётенька с каждым днем поправляется, и была в церкви на заутреней, хотя на лестницу ее возносили.

12/24 апреля. Почта идет только завтра, и потому еще успею написать кое-что. Я вам не говорил, что наш добрый Александр Андреевич возвратился из Неаполя. Циммерман предписал ему повторение прошлогодегного декохта, и он на днях начнет лечиться. Он вам усерднейше кланяется.

13/25 апреля. Не могу не похвастать перед вами вчерашним происшествием, вы, верно, разделите со мною мое удовольствие. Вчера утром Александр Андр[еевич] и Серебряков предложили мне пойти пообедать в Campagna di Roma, чтобы еще раз взглянуть на ее прелести. Я очень охотно согласился, пошел предупредить дяд[еньку] и тёт[еньку], и скоро мы уже были за заставой. Пройдя мили полторы, мы вошли в двор одного трактира, и какое было мое удивление, когда я застал там 8 человек, которые меня ожидают. Меня ввели в комнату, и я увидел готовый обед на одиннадцать человек; меня посадили на первое место и объявили, что я гость; вообразите, что они мне дали обед. Добрые приятели, как я им благодарен, вот уже можно сказать, что ничем не заслужил этого. Вам, верно, будет приятно знать имена их, все художники: Иордан, Алек[андр] Андр[еевич], Серебряков, Логановский (который всем распоряжался), потом: Ставассер, Штернберг, Скотти, Эльсон, Бенуа и один доктор Варвинский, приятель Федора Васильевича. Мне этот обед доставил истинное удовольствие: я из него увидел, что эти люди не будут меня поминать лихом, хотя я с ними, т. е. с большею частью из них, никогда не гулял, не кутил, однако приобрел их расположение. Вы, верно, со мною радуетесь. Много пили за ваше и всего семейства здоровье.

Итак, мой ангел, послезавтра, с Божью помощью, я выезжаю из Рима и наконец еду к вам. Из моего письма №33 вы видели, какая причина меня задержала: портрет не кончен, т. е. лицо кончено, но платье и okolичность не кончены, и потому он пришлет в октябре. Замирает сердце

от радости при мысли, что я еду к вам, ангел мой, я еду к вам; буду считать шаги лошадей, каждый день будет для меня как бы камень с плеч. Все знакомые вам кланяются. Пожалуйста, похристосуйтесь за меня с нашим бесценным ангелом папенькою, также с Полем, Машенькою, Гранею и всеми Сокиринцами. До свидания, мой ангел, с вашим благословением на дорогу, надеюсь, что Бог меня сохранит. Будущее письмо получите из Венеции. Целую тысячу раз ваши ручки и ножки, скоро непременно их поцелую.

Ваш покорный сын

Григорий.

От Федора Вас[ильевича] получил вчера письмо из Анконы, он здоров и очень доволен своим путешествием.

Кланяйтесь м. Fisher, Петру Ник[итичу], Голике и Ник[олаю] Фокичу, также Милорад[овичам] Ивановичам¹.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 10721. 2 арк.
Друкуються вперше.

¹ Григорій, Дмитро та Петро Милорадовичі, помішки з с. Калюжинці, сини Івана Антоновича Милорадовича, двоюрідні дядьки Г. П. Галагана.

№35.

Получ[ено] 16 мая.

Венеция, 1843 года, 7 мая / 25 апреля.

Наконец, вот я опять в Венеции, ангел мой маменька, в милой Венеции, в которую я, однако, сей раз приехал грустный, потому что цель моего приезда есть прощание с нашим добрейшим Федором Васильевичем. Вы, я думаю, удивляетесь, мой бесценный ангел, что я так долго ехал из Рима до Венеции, тем более что я не хотел нигде останавливаться, но я вам расскажу все путешествие.

27/15-го апреля, в час пополудни, я выехал из чудесного Рима, оставив дяденьку и тётеньку здоровыми; последняя начала уже ходить с палочкою. Меня провожали до дилижанса: дяденька, Александр Андреевич, Иордан, Серебряков и Шаповаленко, надавали мне пирожков и отправили в дорогу. Мне жалко было расставаться с приятелями, которых Бог знает, когда увижу. Знакомые художники не могли меня провожать, потому что все уехали на праздник Cervaro, помните, прошлого года.

Дорогой погода была хороша, со мною ехал один русский, путешествующий уже 8 лет, Бурнашев, из Орловской губ[ернии], пожилой человек, добрый и любезный. До Фолинио мы ехали по знакомой дороге, потом повертели направо и въехали в Апенины; мы переезжали горы ночью, и потому я не могу сказать, каковы они в тех местах. На третий день мы были по ту сторону Апенин, и я увидел совершенно другую страну: все поля холмистые обработаны как сад, виноград вьется с дерева на дерево, все окружающее оживлено рукою человека, беспрестанно попадаются города, живописно расположенные на высоких холмах. Но что все это в сравнении с Campagna di Roma? Все это обработано, размежевано, лишено поэзии: где здесь такие вольные поля, где здесь такие прозрачные горы, и чудные развалины, и высокие пины? Я вспоминал с сожалением о римских окрестностях, хотя и диких, необработанных. Проехав значительный город Macerata, мы приехали в Loretto, через двое суток после выезда из Рима. В Лорето я осмотрел La Santa Casa¹, или дом Богородицы, перенесенный ангелами из Вифлеема, по преданию католиков. Этот домик стоит среди великолепной церкви, середина его – из простого камня, но наружная часть обделана белым мрамором с статуями и барельефами лучших художников, икона Божией Матери обделана с большим богатством. В городе покупаются четки, образа и т. п. и кладутся на благословение в этот домик. Что меня поразило более всего, это довольно глубокие колеи или дорожки, протоптанные в мраморе коленами богомольцев, которые обходят обыкновенно на коленях кругом домика.

От Лорето всего 4 часа езды до Анконы, и мы перед вечером приехали в Анкону. Я хотел на другой день ехать с дилижансом в Венецию, но

¹ Базилика Санта-Каза у Лорето.

меня уговорили переменить план, потому что дилижанс очень тихо едет, а 2-го мая должен был ехать пароход в Триэст, а оттуда – в Венецию, так что я 3-го вечером или четвертого утром мог быть уже в Венеции. В дилижансе я бы не приехал скорее, но зато как беспокойно. Я решился ожидать парохода и остался с Бурнашевым. Анкона – большой город, разложенный по крутым холмам, в нем мало хороших зданий, и жалко, что около него очень мало деревьев, впрочем, есть места в городе интересные. Пробывши в Анконе 2 дня, я на третий утром приношу вещи в контору парохода, и что же? Мне говорят, что этот пароход идет прямо из Константинополя, и потому пароход держит 5 дней карантину в Триэсте. Я был в отчаянии и не знал, что делать, мне посоветовали взять тотчас дилижанс; оставалось всего $\frac{3}{4}$ часа до отхода дилижанса, но я успел вытребовать обратно деньги из конторы парохода и взять место, и расплатиться. Ошибка происходила не от меня, а от конторы, и не я один был обманут. Выехав в дилижансе 2-го числа из Анконы, я опять на дороге встретил помехи, весьма мучительные для человека, который так спешит, как я, именно: дилижанс так устроен, что останавливается в Болонии на 16 часов и в Ферраре – на 12! Может ли быть хуже устройство? Все это сделало [то], что я, вместо того, чтобы доехать в 5 дней в Венецию, приехал только на 8-й, т. е. 5-го мая. Дорога от Анконы до Болонии очень скучна, хотя попадаются все очень большие города, как-то: Синигалия, Пезаро, Римини, Фано, Форли и пр. Я ехал в приятном обществе французов. Один, граф *Toussetain*, молодой человек, с женою, оставив своих детей в Нице, вздумал проездиться в дилижансе по Италии; он принадлежит высшему обществу Парижа. По странному случаю он чрезвычайно похож складом тела, походкою, манерою говорить и даже немного лицом на нашего Поля. Это заставило меня искать его знакомства, мне было приятно смотреть на него, и точно, я нашел в нем премилого и предоброго человека. Она тоже очень хорошая женщина, и я с ними очень сошелся. Они очень ласковые люди и любезны, как все французы. В Болонии я успел посмотреть еще раз на чудесную «Св. Цецилию» Рафаэля, в Ферраре видел дом Ариоста и еще несколько замечательностей; наконец, попрощавшись на реке По с Папскою областю и пожелав ей от чистого сердца всякого счастья, я очутился в Ломбардии. От Падуи до Венеции я взял железную дорогу. В Венецию въехал я в 6 часов вечера, когда все дворцы ее освещены были ярко заходящим солнцем. Чудо как хороша Венеция! Я приближался к знакомому каналу и дому, как вы можете вообразить, с сильным биеньем сердца, вошел в дом, и прежде, нежели я достиг до Федора Васильевича, я должен был перейти через объятия добрых наших хозяев. Меня тронуло, как они обрадовались моему приезду, право, как родственники, и хозяин, и Нина, и старушка, все. Федора Васильевича я застал, слава Богу, здоровым, грустно очень с ним расставаться и не могу никак не остаться с ним дней

5. Не могу не похвалиться вам, мой ангел, как я до сих пор был почти без исключения счастлив в встречах моих с людьми. Наприм., не говоря уже об Александре Андреевиче и о Серебрякове, но добрый Языков, право, провожал меня как близкий родственник, надавал мне подарков, за которые я отдался. В №34-м я вам рассказал, как добрые приятели дали мне обед. Обуховы до последней минуты не переставали меня ласкать и дали мне посылку в Семиполки, надобно будет заехать на 10 минут.

Здоровье мое, слава Богу, в хорошем состоянии. Благодарю вас, мой ангел, за письмо ваше в письме Федора Васильевича. Последнее ваше письмо в Рим я ношу всегда на себе в дороге, – в нем вы посылаете мне благословение на дорогу. 10-го сего м[еся]ца я надеюсь выехать из Венеции и, не останавливаясь, ехать в Германию, т. е. в Майнц. Каретник должен меня там ожидать с коляской, если же нет, то не знаю, что буду делать. Если он на случай не выполнил своего контракту, то придется купить готовую. Это будет досадно, да что же делать? Я надеюсь, впрочем, что я застану коляску в Майнце. Я к вам напишу не прежде, как оттуда, потому что до тех пор не намерен останавливаться на дороге.

До свидания, мой бесценный ангел, с помощью Божию скоро доеду до Вас, обнять уже не письменно, а настояще ваши ручки и ножки, какое будет для меня счастье! Боже, какое счастье! До свидания, поцелуйте за меня нашего ангела папеньку, остаюсь навсегда ваш покорный сын

Григорий.

Поля и Машеньку, и Граню целую от всего сердца, всем домашним кланяюсь. Если можно, то напишите в Киев, а лошадей вышлите в Ичню.

Мне очень досадно, что я никак не мог купить шляпки для Грани, куплю по дороге, потому что вы его приучили к этой мысли.

№36.

Франкфурт-на-М[айне], 18/6 мая 1843.

Поздравляю вас, ангел мой маменька, со вчерашним днем рождения нашей дорогой Машеньки. Каково-то вы встретили этот день? Что касается до меня, то очень невесело, т. е. в дилижансе. Я сейчас только приехал сюда и спешу к вам писать, чтобы письмо пришло прежде меня. 12-го числа сего месяца по нов[ому] стилю, в 2 часа ночи, т. е. это выходит уже 13-го числа утром, я выехал из Падуи, а сегодня уже я здесь; это очень скоро, я нигде не останавливался. Длинная дорога безостановочная очень утомительна, но я не мог нигде останавливаться, каждый ночлег был бы для меня мучением, которое бы меня утомило еще больше езды. Теперь я решительно только живу тем, чтобы к вам ехать, у меня беспрестанное биение сердца, то от нетерпения, что тихо еду (хотелось бы лететь), то от мысли, что, с помощью Божию, я вас скоро увижу. Это для меня счастье неописанное, так велико оно, что я почти не могу его себе вообразить. Извините, если так худо пишу, но рука очень дрожит после столь долгой дороги.

Мне очень было трудно расставаться с нашим добрым другом Федром Васильевичем, очень было грустно, вы это можете себе представить. Я его оставил здоровым, он меня провожал до Падуи. Мои хозяева в Венеции провожали меня как близкого родственника, старушка взяла меня за голову и благословила, сказав: «Пусть тебя хранит Мадонна!». И точно, нельзя лучше выбрать защитника от всех бед, Она, вашими молитвами, бережет меня в дороге. Я, слава Богу, совершенно здоров. Через три часа я еду в Майнц, где должен застать коляску, если же не застану, то поеду в Дюссельдорф, что отымет у меня 3 дня или больше. Что делать? Терпеть. Вряд ли я успею еще раз вам писать; я думаю, что это мое последнее письмо до нашего свидания. Итак, еще раз прошу передать мой поклон нашему ангелу папеньке. Вас целую еще раз заочно, и ручки, и ножки. Прошу поздравить от меня Машеньку, Поля и Граню, ни минуты нет времени к ним писать. До свидания, ваш покорный сын
Григорий.

Господи! Дай мне терпения!

Всем домашним кланяюсь.

Лошадей высылайте в Ичню, никак не могу определить дня приезда, все будет зависеть от моего пребывания в Майнце, после же сего не думаю, чтобы мое письмо пришло раньше меня. В Праге я остановлюсь дня 2.

**§ 3. «Тут кожне слово лилося з любові до вас і з відданості істині»:
листи Ф. Чижова Г. Галагану, 1841–1843 рр.**

Августа 27, по нашому 15, Дрезден, 1841.

Поздравляю Вас, мой миленький Гришуночик, тысячу раз готов поздравить с днем вашего рождения; для меня этот день так хорош, как, кажется, не бывал ни один со дня выезда из доброй, моей милой Украины. Это пишу я, не лстя вашей национальности, я имею причины любить ее, она мне много дала жизни, много наслаждений в жизни, и было бы неблагодарно не любить ее. В эту минуту я не хочу помнить ни о чем, меня теснит мое счастье, то есть восторг моего сегодняшнего провозждения времени. Теперь только я начал путешествовать, теперь только я вполне начал пользоваться поэтическим беззаботным бытом свободного человека. Сбросив все возможные оковы приличий, я иду всюду, скажут, что нельзя, – извиняюсь и ищу нового места, где бы напитать любопытство, надавать работы уму и пищи сердцу. Хочу нанять квартиру понедельно в самом бедном немецком семействе, правда, это дорого стоит, но что делать: квартира с бельем – талер в неделю, это потому, что я хочу нанимать понедельно, а не помесячно.

Pierre Paul Rubens овладел мною, собираю все об нем и рыскаю повсюду.

Но надобно передать сегодняшний день по порядку и показать Гришунку, что я люблю его вдали не меньше, как и перед ним, если не больше. Сегодня я встал часов в 7, потому что вчера лег в час за полночь; успел только выпить кофе, потолковать с моим товарищем доктором Яроцким (это Вам новость), как вдруг является Рейбиш, к которому я заходил вчера вечером и оставил билетик. Он отыскал меня у Golden Engel, № 15; мы бросились обниматься, я рад был ему, как старому другу, и особенно потому, что мне будет с кем разделить воспоминание о Гришунке. Потолковали, я, не умолкая, говорил по-немецки, и, так как Рейбиш любит всевозможные языки и ими занимается, то кажется, что он, при порядочном усиллии, понял и мой, чижовско-немецкий. Первое, что я потребовал от него, чтоб он со мною сегодня обедал, сказал, что сегодня день вашего рождения и что я не хочу пить ваше здоровье с людьми, для которых шампанское будет иметь собственный вкус, не приправленный душевным желанием, желанием самым искренним, идущим из глубины сердца, желанием всего доброго моему Гришуночку. Рейбиш добр и полюбил нас, он, верно, разделит его от души.

Это же меня хорошо настроило, хотя и без того письмо моего ангела, божества моего, моего Кусиньки¹, этого небесного создания, письмо, которое я получил третьего дня, осветило мне все самым радужным светом. Нет счастья без любви, а любовь без обожания, по мне, – любовь в половину. Если б я мог передать Вам минуту, в которую я получил письмо,

¹ Мається на увазі К. В. Маркевич, котру Ф. В. Чижов пристрасно кохав.

если б вы видели мои слезы, слышали бы мои бешеные рыдания, – даже пред вами я скрыл бы их, – теперь я дал им волю, от того, что я был один. Все это я передал одному свидетелю – Бог, какое-то неземное существо было моим поверенным: я бросился на колени, невольно сложил руки, еще невольнее рыдал, подняв глаза к небу, – не стыжусь сказать Вам, что это была молитва без слов, но самая теплая, самая жаркая молитва.

Письмо Поленова свело на теплоту дружбы, – вексель позволил не заботиться ни о чем мирском, хотя и без того я только ссылался на заботу. Вексель на Париж, на дом Thurneysen, что будет делать, не знаю. Бог с ними, со всеми векселями, сегодня праздник, я не хочу ни о чем думать: надел новый жилет, новые брюки и непременно хочу купить платок на шею – хоч, чтоб был праздник.

Рейбиш ушел, я написал и отправился к Ермолову, он здесь, но я его не застал дома. От него пошел с визитами, первое – к Фогелю фон Фогельштейну. Гришун, Гришун, зачем надобны слова, когда передаются чувства. Фогель восхитил меня сам собою – прекрасна его картина, но он прекраснее. Он приютил мои понятия о живописи, мои понятия о школах, благодарил меня за то, что я поверил ему мои суждения, просил писать и бывать чаще у него. Вы, Гришун, этого не знаете, с моею робостью встретить одобрение человека, с лишком 30 лет работающего в том мире, о котором мы говорили, поверить свои суждения... Трудно передать это наслаждение. У него я встретил берлинского живописца, не помню, кого именно, после спрошу, с ним познакомился и получил приглашение быть у него в Берлине.

Теперь я жду Рейбиша, с ним мы пообедаем непременно в Hôtel de Rome и, если можно, на том же месте, где обыкновенно мы сживали, выпьем бутылку шампанского. Не икнется ли мальчику?

Завтра пойду к Карусу, благодарить его и просить довершить лечение, рекомендацию ко всем лучшим художникам, пойду к Липинскому и к Рейсигеру. Примет – хорошо, не примет – подожду на крыльце и дождусь, пока пойдет он со двора, тогда скажу, что я не мог не видеть его, бывши в Дрездене.

Сегодня кончу мой день в театре – дают «Норму» и поет Морианни.

Ну что, Вы, Гришунок, как поживаете? Пишите, как мне распорядиться, куда ехать: в Киссинген, Гейдельберг или Франкфурт.

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.
В темну ночь на ветке дремлет,
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенется и поет¹.

Солнце светит в глубине души моей, я давно вострепнулся и давно пою. Что Михайло? Ах, Гришунок, понимаете ли вы теперь, почему я так просил не брать его, можете ли Вы понять это поэтическое чувство свободы, которое оживляется, когда есть вблизи что-нибудь скованное². Уму это смешно, а свободное сердце все это понимает. Я доволен Михайлом, но я тогда только вполне наслаждаюсь, когда гармония души моей не нарушается звуком цепей, каких бы то ни было. Прощайте, Гришунок, прощайте, добрый мой мальчик, любите меня вполонину того, как я люблю Вас, и того мне будет.

Ваш Чижов.

Madame Völkner очень мила, но, познакомясь с нею, я бросил всякую надежду. Это сделало меня проще в сношениях с нею, она, с своей стороны, совершенно мне вверилась. Вчера мы говорили о чувствах, я, уносимый письмом Куси, говорил как вдохновенный, и это до того подействовало на ее нервы, что с нею сделалось дурно. Бедная, она очень слабонервна. Поверите ли, что я съел часть письма Кусика, ту бумажку, которая лежала у нее на груди.

[...]

En Bohemie

à monsieur

monsieur de Galagane

á Frazensbad

près d'Eger.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 384. Арк. 3–4 зв.
Друкється вперше.

¹ Уривок з поеми О. С. Пушкіна «Цигани».

² Йдеться про перебування за кордоном кріпаків-служників, таких, як Михайло Десятниченко, що потрапляли до європейських країн, де не існувало кріпацтва.

Кёльн. Октября 1 / сентября 19. 1841.

Вот я теперь вполне сижу у моря и жду погоды. Такая скверная погода, что это ужас: дождь, слякоть, изморозь. И ко всему этому со мною несчастье за несчастьем: во-первых, я потерял зонтик и едва не со слезами купил другой, шутка – 17 франков, право, чуть не плакал; во-вторых, сапоги мариенбадские пошли к черту, худы, и я должен был их бросить, теперь надобно будет покупать калоши. Давно бы я уехал в Ахен и в Льеж, да проклятые ноги разболелись, съездил я в Дюссельдорф на почте, привез ничего. Теперь там каникулы в Академии и ничего нельзя видеть, кроме так называемой «картинной галереи», то есть комнаты, обвешенной как ни попало картинами. Между ними видел я одну Рубенса, одну – Мурилло и четыре – новых живописцев дюссельдорфской школы: директора Академии Шадова – притчу Спасителя о десяти девах, профессора Зона – Тасс и обе Элеоноры, профессора Циммермана – Святое семейство, и еще один ландшафт. Вот все мое знакомство с дюссельдорфской школой. Чтоб не совершенно ни за чем приехать, я был у живописца Пеца с письмом Фогеля; славный мальчик, предобрый и преслужливый, но академические каникулы не позволили воспользоваться его добротой.

Город Дюссельдорф ровно без всякого характера. Я думаю, что во время художественных работ он делается чисто художественным, потому что и теперь множество фантастических причесок, огромных усов, больших бород и странных одежд является на улицах. Едва ли на это не истощается большая половина фантазии дюссельдорфских живописцев, а остатки отдаются картинам. Делайте, люди, что хотите, а мертвого не воскресят; живопись умерла, теперь дают нам не ее, а готовый слепок с ее мертвого облика. Не посвященный в таинства ее техники, я не могу изъяснить хорошо существенного недостатка, впрочем, и художники этого не изъясняют; я думаю, он просто заключается в потере двигательной силы. Верование перешло из сердца в рассудок, и религия, и любовь заменяются чисткою картофеля и устройством железных дорог, не вызвать им из души ни ее восторгов, ни жалобных стонов¹. Теперешняя живопись – не творение Шекспировой пьесы, а представление ее на театре, и, как все произведения, оно или холодно, или приторно, или

¹ Ф. Чижов формулює власне бачення еволюції німецьких регіональних шкіл малярства, зокрема дюссельдорфської, створеної, передусім, зусиллями П. Й. фон Корнеліуса та Ф. В. фон Шадова, близькими до митців «Союзу св. Луки» («назарейців»). Діячі Дюссельдорфської школи прагнули поєднати національний колорит творів з академічною художньою манерою, працюючи у напрямі т. зв. «академізованого романтизму», успішно виступивши, окрім релігійного й історичного жанрів, у сферах портрету, пейзажу і побутового живопису. Академізм у поєднанні з прагненням відтворити навколишнє в його розмаїтті є основою для формування реалістичного напрямку у творчості майстрів дюссельдорфської школи, що для Ф. Чижова, який тлумачив мистецтво як вищий вияв духовності, стало ознакою «смерті малярства».

эффектно. Вот три школы: дрезденская с своим холодным изучением, дюссельдорфская с прикупною теплотою колорита, и берлинская – вся в эффектности. У французов, сколько я их видел, идут удачно водевили, их tableaux de genre¹. Ну, да и будет, может, это Вам скучно читать.

Кёльн – славный городок, но кёльнцы – скоты, мерзавцы, купцы, бездельники, все, что хотите. Они из Рубенса вздумали сделать оброчного мужика и дошли до такой мерзости, что не только свой гадкий музей показывают за деньги, а даже и запрестольную картину в церкви св. Петра. Музей в ужасном состоянии, нельзя было бы сносить этого, если бы так было, хоть, например, у Михайла Петро[вича] Милорадовича, не только в том городе, который в мире искусства освящен именем Рубенса. В Франкфурте довольно надоедали нам предложения уличных услуг; здесь не укажут дому без денег. Но немного от меня поживляются, я обыкновенно благодарю, а когда начинают просить денег, кричу: «Mein Gott, das ist unmöglich, ich bin so arm und immer Geld und Geld»²; подобные возгласы всякий день раздаются по кёльнским улицам; я думаю, уже меня здесь знают. Об Рейне не скажу ничего, да хоть бы и захотел сказать, не сумел бы.

Мне часто так грустно, что ужас, скверная погода наводит еще более грусти. В одну из таких грустных минут хотел было я к Вам писать, но хорошо, что не писал: все, что я хочу сказать и теперь, тогда было бы пересолено. А делать нечего, Гришунок, сердитесь на меня, не сердитесь, а не могу не высказать того, что лежит у меня на душе. Это не наставление, не выговор, а просто мои понятия; мне и то самому себя стыдно, зачем, по какой-то ложной деликатности, я на словах их не передал; в дружеских отношениях и в любви истинной, какую я считаю мою любовь к вам, смешно и непростительно так церемониться. Не могу Вам пересказать, какое грустное впечатление произвело на меня то, что малейшая неприятность, малейшее неудобство жизни, крошечный труд, – все это совершенно Вас подавляет. Слава Богу, Вы хорошо обставлены, но еще что впереди, Бог весть, я не говорю о состоянии, да не век же жить с одним состоянием, надобно будет когда-нибудь жить и с людьми, а Вы себя так готовите, как будто никогда никакого рода деятельность Вам не встретится. Право, у Вас нет национальной лени, а есть ленивая национальность, которая готова все сделать, лишь бы не было никаких личных пожертвований. Я не говорю о жертвованиях материальных, нам нечего было бы маскироваться друг перед другом, никто не имеет больше меня права оценивать Вашу готовность сделать всякое материальное доброе дело. Не думайте, чтоб я не вполне понимал и не оценивал все, что ко мне лично относится, но клянусь Вам всем, что есть для меня священного, что это меня тяготит ужасно, когда я подумаю, что я тут действи-

¹ Жанрові картини (фр.).

² Боже мій, це неможливо, я такий бідний, і завжди гроші та гроші! (нім.).

тельно обязываюсь. Имей я утешение в том, что я развил, способствовал развитию какой-нибудь стороны нравственной, я бы не смотрел на все, чем я пользуюсь, как на обязанность, мы бы с вами делились, я – моею опытностью в знании внутренней жизни, Вы – Вашим состоянием. Это был бы просто для меня долг денежный, не больше. Гришунок, Вы меня знаете, и знаете хорошо, и потому не будете сердиться за все это; я бы мог и не сказать этого, но смешно же было бы мне считать Вас щекотливою девушкою, да и не могу, чтоб скрываться от Вас, прежде я должен потерять к вам всякое уважение. Представьте себе, что вы не имеете и не готовите себя ни к какому роду деятельности. Имеете ли Вы и право, и возможность сказать себе, что так пройдет вся ваша жизнь? Ради бога, смотрите беспристрастнее, а потому дайте мне волю говорить, не сковываясь мыслию, что я оскорблю ваше самолюбие; докажите мне, что я ошибаюсь, право, признаюсь откровенно в ошибке. Ваши понятия о малороссийском дворянстве куплены на медные деньги, еще жизни впереди много, они еще сильно могут измениться, может представиться еще много путей деятельности, а вы не только себя не готовите к труду, Вам все хочется купить подешевле: образованность – легонькой наглядкою, опытность – несколькими удачными суждениями. Вы мне не пойте, что Вы нечестобливы, несамолюбивы, подождите, эта струна еще не тронута, вы не бились с этим неприятелем, а всегда уходите от него в Секиринцы, где, – важная вещь, – Вы играете значительную роль. Приглядитесь, и вы сами скажете, что и ваша материальность, и то, что вам кажется, будто вы отживаете, есть чисто следствие совершенной бездеятельности. Подумайте сами, можно ли отжить, не живши; жизнь не только в одном кутеже, можно жить и не кутивши, но жить. У вас болезнь не старость, а вялость духа; не всмотревшись, их легко смешать, а различить тоже легко: старость или покойна и добра, или едка, смотря по обстоятельствам, вялость – ни то, ни другое, голова клонится, а у других она прямо держится, посмотришь – и досадно, напряжешь силы, поднимешь, да шее с непривычки трудно удержать ее в неестественном положении, а объясняешь старостью.

Вы, может быть, подумаете, что я все это взял с неудовольствия Вашего по случаю имения золота и криков на неудобства ехать не в своем экипаже, нет, это только Лютерово исповедание понятий, а Рейхлины и Эразмы давно уже являлись. Вы мне ближе гораздо, нежели Вы думаете, не забудьте, что Вашу внутреннюю жизнь я принял и начал в нее всматриваться тогда еще, когда она была в пеленках, можно было приглядеться.

Теперь перед Вами будет целая зима, составьте сами для себя труд, и только одно – непременно смотрите за собою, чтобы он шел правильно. Посмотрите, но как работает Павел Евграфович, – я не говорю, чтоб так работать, избави Бог, но он не бездеятелен, во всем, на что ни посмо-

тришь, у него вы увидите единство напряжения ума, – покорите себе сестру, и, смотря только со стороны деятельности, это превосходно. Вас обстоятельства избавили от труда или, по крайней мере, позволили думать, что Вам он не нужен, сами составьте себе труд, но тут еще больше нужно воли, чтоб смотреть на это не как на произвол, а как на необходимое условие жизни. Будет время, Вы это припомните, особенно тогда, когда во всем, и в домашней, и в общественной жизни, вы будете под влиянием других. Это ничего не значит, что вы будете сбрасывать по временам это влияние: конь хоть и брыкает, и бьет задними ногами, а все в узде, изорвет узду – наденут другую.

Не сердитесь, Гришунок, положи руку на сердце, скажу вам, что давно уже я не говорил с вами так откровенно и так от души. Верьте или нет, но здесь каждое слово лилось из любви к вам и из преданности истине. В другом случае я не решился писать бы этого, оно показалось бы фразами, но теперь я чувствую себя проникнутым истиною. Покажется смешно – смейтесь, это не оскорбит меня; поверите ли, что именно теперь, писавши это, я себя считаю выше насмешки.

Прощайте, Гришунок, дайте поцеловать вас, – грустно мне, и совестно признаться, а грустно одному. Чижов.

Из Франкфурта в Мюнхен я поеду не останавливаясь.

en Bavière

à monsieur

Monsieur de Galagane

à Munich

poste restante.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 385. Арк. 5–6 зв.
Друкується вперше.

Венеція, 6 ноября 1841.

Венеция, Венеция, Гришунок, я в Венеции. Грустный город Венеция, велики и грустны его памятники: все, что ни видите, все это было некогда народным, теперь все это сгладано, уничтожено, попорно, унижено, растлено подлою властью¹. Но о Венеции после. В первую минуту моего приезда я получил Ваше письмо, оно меня восхитило. Я не сомневался в чувствах Гришунка, но мне нетерпеливо хотелось дожидаться, чтоб они высказались. Получил я еще три письма, все, вместе с моим путешествием, но всего больше – полученные письма, меня сильно расстроили. Слава Богу, теперь третий день, я понастроился; вчера познакомился я с Капнистом и его женою, превосходные и преобразованные люди, здесь нашел Магденков, и мы четверо неразлучны. Я поздно приехал по многим причинам: первое – монашество Печерина, второе – длинный переезд от Мюнхена до Венеции. Дожди полились, заплакали старые Альпы, и слезы их прорыли глубокие морщины на каменных их физиономиях. Как мы доехали? Не знаю. Вот что вам обрисует мое путешествие: два дня жил я в Боцене, день – в Триенте, и все потому, что наводнение затопило дороги. Ехал однажды милою по воде так, что задние колеса кареты скрылись совершенно, внутри было воды на четверть. Ехал другой раз так, что по обеим сторонам кареты было по два человека, и едва они могли удержать ее от стремления кипящего потока. Ехал еще в виду каменного града; дожди подмыли скалы: одна обрушится, а за нею маленькие детки ее бросаются в глубину шумящего, и ревуущего, и клубящегося пеною источника. Все это великолепно, поразительно, но более нравится тогда, когда со всем этим расстанешься, – в воде же, или в виду падающих скал, или клубящихся водопадов, – все это немножко близко, точно, будто в первом ряду кресел, не совсем приятно. Но, слава Богу, миновалось нападение иезуитов, готовых побить меня камнями, миновались и нападки природы, по крайней мере, главные, остается один венецианский холодок. К делу, Гришунок, к делу: я здесь жду писем, и весьма для меня важных, – из Кёльна, нет, из Мюнхена, я послал статью, ее я вам прочту; может быть, при дурных обстоятельствах, ее запретят и меня вздуют, при хороших она мне много послужит, ожидаю ответа. Между тем, вот как я распорядился: за цванцигер нанял квартиру с премиленькою хозяйкою, нанял итальянского учителя и пью историю Венеции и в ее литературе, и в остатках ее невозвратно погребенной жизни. Жду ваших писем: где вы, что вы, что маменька, что сестра, – все пишете, ради Бога. Думаю, что мне далеко ехать в Ницу, хоть и страстно хочется видеть маменьку и расцеловать ручки этого ангела: кажется, взглянув на него, я лучше пойму Италию, – ни Рафаэль, ни Тициан не представят мне той небесной доброты, какую я вижу в глазах этого неземного создания. Еще новые

¹ Йдеться про австрійське панування у Венеції.

имею доказательства ангельского происхождения Вашей маменьки; пишу это, не пивши вина, которого, расставшись с вами, кажется, ни разу не пил. Пишите, как мы съедемся, я вам отвечу, и так сладим.

Один Магденко едет в Россию, другой – в Неаполь, это святой Алексей Васильевич. Отвечайте, Гришунок, тот же час, и пишите поаккуратнее, если думаете ехать в Рим, где и когда мы съедемся и какую дорогою поедем. Пока здесь Магденки, я с ними и Капнистами, уедут, – вот моя жизнь: с 6½ до 8 работаю для итальянского, с 8 до 9 – урок за 1½ цванцигера, с 9 до 2 или до 3 хожу по городу и изучаю на деле и школу венецианскую, и ее историю, в 3 обедаю à la carte¹ за цванцигер или 1½, потом, если не холодно, еду в гондоле полюбоваться тем, что есть, и погрустить над тем, от чего осталось то, что есть. Вечер или у Капниста, или за работу. Читаю по-итальянски; часок в день, может, и больше, посвящаю моей хозяйке, и так провожу время до полуночи. Все кипит, я жажду сведений, хочу частью залить ими адский пламень души, адский по своей силе, простите, скажу, как думаю, небесный по происхождению: ни Италия, ничто не сглаживает и не сгладит одного образа, он оттиснулся на сердце так, что, кажется, одна смерть сцарапает этот оттиск своими ногтями. Пусть будет Бог моим судьей, но я считаю это чувство святым и законным, не имею другого доказательства на это, кроме убеждения сердца, которое ему покорилось и, кажется, гордится своим игом².

Прощайте, Гришунок, располагайте временем, как хотите, только пишите. Решаюсь поздравить Вас (по расчету) с новым членом семейства³, дай Бог, чтоб это поздравление было впору, чтоб оно и малютку, и его маменьку застало здоровыми, – поздравьте в таком случае от меня и добрую, родную мне и по вам, и по маменьке, Марью Павловну и Павла Евграфовича. К маменьке пишу, вас обнимаю и обнимаю от всей души, целую Ваши глаза, даже готов бы выцеловать половину доброты, ваш, именно ваш душою и сердцем,

Ф. Чижов.

à monsieur
Monsieur de Galagane
à Nice (poste restante).

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 386. Арк. 7–8 зв.
Друкуються вперше.

¹ Згідно з меню (фр.).

² Ф. В. Чижов натякає на своє кохання до К. В. Маркевич.

³ На той час М. П. Комаровська мала народити дитину.

Венеція, 17 ноября. 1841.

Не можете себе представити, Гришунок, як и удивляєт мене, и какую наводит грусть молчаніе Ваше и маменькино. Привыкши не считатъ себя чужим Вашему семейству, я не могу думать хладнокровно о всем, что представляется невольню моему воображенію, особенно теперъ, когда положеніе сестры навязывает на него Бог знает какіе картины. Грусть мою еще более усиливает то, что я не имею ни строчки из Россіи, и ко всему вдобавок, вот уже другую недѣлю я болен. Сначала была слабая горячка, я успел захватить ее, пролежав в постели 3 дня; после этого начались головные боли, сегодня лучше, благодаря советам и заботам добраго Капниста, но снова начинает сильно постукивать. Вчера ставил ноги в холодную воду, сегодня снова то же сделаю, авось к завтраму совершенно оправлюсь. Не скрою от Вас, что, часто лежа поневоле в постели, страдаю еще больше от забот о всех, кто, забывши меня, не думает утешить и тремя строками. Жду с нетерпением Вашего письма, у маменьки целую ручки. Ваш Чижов.

19. Еще ждал два дня; не понимаю и не умею объяснить Вашего молчанія. Головные боли мои почти не уменьшаются. Если бы не Капнист, пропал бы я; ужасно сидеть, иногда зябнуть и ничего не знать далее окон своей комнаты.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 387. Арк. 9.
Друкується вперше.

20/8 ноября, Венеция. [1841 г.].

Как Вы обрадовали меня, Гришунок, Вашим письмом, особенно оно мне было усладительно в настоящем моем положении. Вот уже дней 9 или 10, как я нездоров, первые дни лежал в постели, теперь хожу, но еще плохо. Такие головные боли, что я удерживаю только крики, слеза из левого глаза льется невольно и лилась один день так, что глаз распух. Всего досаднее, что это мешает моим занятиям, а они пошли было порядочно. Наша венецианская природа не так добра, как добрая природа Ниццы, вру я, вру, прости меня, прекрасная, божественная Венеция, я хотел сказать, наша осень не так хороша, как Ваша, но зато нас согревает пламенная Венеция. Она грустна, постоянно под черным покрывалом и дьявольским гнетом подлого настоящего правительства, но ее воспоминания, ее славные рассказы – надобно быть варваром, человеком без души и сердца, чтоб не любить прекрасной черноволосяй полноплечей вдовы – Венеции. Войдете ли на площадь св. Марка, взгляните ли на Дворец дождей, проедете ли по Большому каналу, где Палладий, Сансовино и Лонгена и другие изукрасили Венецию дворцами древних патрициев, войдете в церковь Santa Maria dei... (не помню¹, хотя и сегодня в ней были), везде изваяния, длинные, полные и силы, и величия, и красоты – поэмы. Здесь покоится прах Тициана, там лежит Канова, это монумент Фоскари, бывшего дожем Венеции, которого потомки, две старушки, живут теперь общественным подаянием. Найдите стих, который бы сильнее выразил ничтожество земного величия: одного его памятника достало бы на всю их жизнь, и всей их жизни не достанет на то, чтоб купить золотую его букву. Здесь великолепный мавзолей дожа Пезаро, предка знаменитого дома, и дома, оставшегося благородным до последней минуты. Дворец Пезаро – один из величайших и красивейших в Венеции, каждое окно архитектор ценит в 5000 тысяч рублей, – и что же? благородный патриций, услышав, что более не существует Венецианской республики, бросил посрамленную отчизну, уехал в Лондон и умер в бедности. Одно у него было наслаждение – смотреть на рисунки дворца его. Гришун, скажите, не наслаждение ли знать, что я живу в этом городе, где каждый шаг земли говорит о величии древней Республики? Это одна сторона Венеции. Другая – изящество. Площадь св. Марка, десятки церквей Палладия, дворцы его работы, потом Тициан, Тинторетто, Поль-Веронез, Бассано, Беллини, Пальма, и на помощь ко всему этому, в моей бедной комнате, за которую я плачу цванцигер в сутки и с прислугою и с доброю симпатиею моих хозяев: «Storia della pittura Veneziana» Zanolto; «Della pittura Veneziano» Antonio Zanetti; «Storia della pittura Italiana» – Lanzi; «Vite dei pittori Veneziani» – Ridolfi; «Pinacoteca degli belli arti» Zanolto, «Venezia illustrata» Sansovino, «Storia della Venezia» и пр. пр.

¹ Санта-Марія-Глоріоза-деи-Фрарі.

Вы спросите, где я достал? Подчеркнутые – купил, всего книг 20. Не браните за мотовство, отказываю себе в обеде, иногда, когда можно скрыть, питаюсь каштанами и чем попало. При уроках ежедневных, с книгами, мне обходится жизнь не более 5 франков в сутки. Ах, кстати, о расходах: со мною случилось ужасное происшествие – меня обокрали в Аугсбурге, кажется, украли 80 франков, то есть 60, и в 20 фр[анков] – зонтик в Кельне. А здесь (где тонко, там и рвется), ради Бога, не браните меня, право, виновата моя глупая природа, здесь я сделал такую штуку, какой не было и примера в истории рассеянных людей. Приезжаю, вы знаете, за вещами, присланными из Мариенбада, иду взять их, нахожу в *poste restante* письмо Ваше и еще три, дорогие моему сердцу. Забываю о вещах, вспоминаю на прошедшей неделе, и то потому, что хозяин спросил меня в разговоре, какая была первая цель моего приезда. Посылаю, говорят: три дня, как отослали в Мариенбад. Представьте, 50 франков разницы, но, ради Бога, сжальтесь надо мною, я и без того чуть не рвал волосы на себе, а что делать?

Но к концу: трудно мне расстаться будет с милою Венециею, вдобавок к ней прибавьте, что на каждом шагу встречаются полные жизни, и души, и выражения венецианки, модели тициановских фигур, вдохновительницы Поль Веронеза. Моя хозяйка – одна из очень выразительных венецианок, и добра, и она, и муж, право, как нигде я не встречал. Все это так, но сердце зовет меня к моему доброму ангелу, и Гришунка обнять хочется. Итак, если холод не выгонит раньше, я еду в декабре к Вам, а с Вами, может, соберемся в Неаполь и Палермо. В Неаполе нас будет ждать Алексей Магденко, Андрей уже уехал в Россию. Палермо обещает бездну наслаждений и в природе, и в искусствах. Искусства, искусства: жить ими – значит жить в преддверии рая.

Здесь со мною неразлучно П. Н. Капнист, он уже лет 16 за границею, человек умный, образованный, любящий страстно искусства и дышащий Венециею. Жена его – премилая особа, урожденная графиня d'Argenville, племянница знаменитого Сегюра. Вечер – или я у них, или он у меня, когда я был болен. Из русских здесь Радзивил, бывшая Урусова, известная красавица, но я приехал в Италию видеть и любоваться Италиею, а не знакомиться с русскими; я живу себе как хочу, чудачничаю. Одно ужасно – усы вылезли, и я принужден их сбрить, ужасно, плачьте, люди, плачьте все: у меня нет усов. И все это, то есть такое расположение, произведено письмом Вашим и доброго небесного ангела, расцелуйте его крылышки, расцелуйте ножки ангельские. Кланяйтесь сестре и Пав[лу] Евг[рафовичу], жду известия об ее разрешении и, поверите ли, всякий день об этом думаю, особенно думал, не получая от Вас писем. Из России – ни строчки, грустно, сильно грустно, к тому же тут много скопилось обстоятельств, почему эти письма важны, – после все скажу при свидании. Да, забыл, получил письмо от M-me Otchkine.

Пожалуйста, напишите обо мне M-me Karlhof, и при случае даже, [если] это будет кстати, засвидетельствуйте мое почтение, – она так [пошкоджений текст], если не переменялась, можно с удовольствием и то разумеется [пошкоджений текст] два-три дня поволочиться – не больше. Скажите ей, что Сенковский на будущую весну поедет за границу. Куда? Не знаю. «Библиотека для чтения» валится вверх ногами, трудно найти таланта, который бы мог подставить контрфорсы.

Не говорите мне о холодном Мюнхене, я люблю греческую архитектуру в Греции, где ее вызвал народ и религия, а не там, где строят ничтожные, хотя и огромные, копии по повелению властителя.¹ Одного я им не прошу и детям завещаю проклятие на Кленца и короля Баварского: как сметь посягнуть на историю и решиться у Рубенса отнять его колорит, что еще дерзче, решиться сказать, что надобно ослабить его колорит. Эти мерзавцы все рубенсовы картины повесили на красной стене и так исказили Мирабо живописи², одного из величайших демократов живописного мира, что трудно его узнать. Одно меня восхитило в Мюнхене всего более – это Каульбах, других я не успел рассмотреть. Но теперь я не могу и вспоминать о холодном Мюнхене ввиду зданий, выжатых из республиканских сердец древних венециан, ни о их широких улицах, улицах вечно пустых, там, где самая широкая улица – две сажени, где нет ни одной лошади и быть не может.

В заключение всего дайте расцеловать Вас, мой миленький мальчик; не могу Вас бранить постоянно, брань моя льется из того же сердца, которое все полно любви к Вам. Когда станете, будете отцом семейства, будете моим благодетелем, чем хотите, моего сердца ничем не подкупите, оно выскажет самую горькую правду; в другие минуты оно также говорит правду, и в ласковых словах невольно выражает любовь мою к Гришунку.

Ваш Чижов.

Жаль, что я не могу Вам прочесть письма моего о Праге.

Еще несколько слов, это к маменьке: не беспокойтесь о моих денежных обстоятельствах. Я от Гриши получил 1200 франков. Сто украли, 60 – в Аугсбурге, зонтик в 20 – в Кельне и калоши. Из остальных 100 по глупости моей заплачу за провоз вещей. Остается 1000. Из них в восемь недель с вояжем я издержал ровно 600, теперь остается 400 фр[анков]. Издерживаю никак не больше 5 фр[анков] в день, с уроками и книгами. За уроки плачу по 1½ цванцигера за урок. В 4 недели я не издержу более 150 франков, а отсюда до Ниццы 250 доехать – за глаза, еще останется.

¹ Йдеться про мюнхенський класицизм доби правління баварського короля Людвіга I. Най-знаменитішим майстром цього стилю був придворний архітектор Лео фон Кленце, під керівництвом котрого було, зокрема, споруджено Пінакотеку.

² Ф. В. Чижов вважав Рубенса революціонером у мистецтві, тому порівнював його з героєм Французької революції графом Мирабо.

Поверите ли, что мне иногда день стоит, с квартирою и уроками, 3 франка, считайте, 1 цванц[игер] за квартиру, 1½ – за урок, но это редко. Гришун, если можете переехать фр[анцузскую] границу или перейти, сходите пешком в Грасс, сыщите там Robert de Grass, parfumeur, поклонитесь ему от того, с кем он ехал на пароходе до Мангейма и ночевал в Мангейме, он Вас примет радушно, и вы увидите, что стоит к нему съездить. Портрет, и даже дагерротипный (по сходству) Николая Маркевича.

Мой адрес: Regina Badoer, Calle dei armeni № 964.

Впрочем, лучше poste restante, я всякий день хожу на почту, она от меня недалеко.

À monsieur

Monsieur Grizko

de Galagane

à Nice (Nizza), poste restante,

ou s'il est facile de le trouver d'après cette adresse:

maison Masklais, № 3.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 388. Арк. 10–11 зв.

Друкуються вперше.

Гришунку.

Декабря 14. 1841. Венеция.

Посылаемое мною письмо получено несколько дней тому назад, но я не отослал его потому, что поджидал, не буду ли иметь от Вас писем. Еще дней 12, даже, может быть, и раньше я оставляю Венецию, это зависит от нетерпеливо ожидаемых мною пакетов; думаю, что я получу их между 20 и 26 здешнего стиля. Здоровье мое, слава Богу, довольно хорошо, могло бы и быть и лучше, если бы не нагнали туману письма. Не знаю, черт, демон так ли ревнивы, как я, – полученные мною письма меня перевернули, несмотря на то, что я не имею права на них жаловаться. Теперь жду с нетерпением других, и с нетерпением, и с ужасным биением сердца; мне кажется, если такое положение мое продлится год, два, право, я получу аневризму. Не понимаю, отчего раздражительность моя усилилась; редкий день, чтоб не было вспышки и легкой истерии: то я закричу на трактирщика, то на моего учителя, то погорячусь с добрым Алекс[еем] Васильевичем. И как нарочно, к увеличению моего стыда, все это такое доброе, такое тихое, как ягнятки. Венецианцы вообще добры, вежливы, услужливы, правда, что любят деньги, но это простительно при их ужасной бедности. Одно мне в них не нравится – чрезвычайная уступчивость, это портит мой характер. Хозяин мой и хозяйка ухаживают за мною как за дитятею. Не знаю, кто больше, хозяин добр, хозяйка – славная женщина. Ей 32, она была два раза натурщицею (только для головы) для кающейся Мадонны. Черные глаза, резкие черты лица, брови черные дугою, и дугою широкою, ее венецианская свобода, – все это мне нравится.

Погода у нас хорошая, и розы, точно так же, как и у вас, цветут на открытом воздухе, но мы их не видим, потому что всего сада три, четыре, и то закрыты между стенками. Вчера случайно я любовался розами в полном цвету на дворе живописца Скиавони.

На нашей опере явилась новая певица – Цеккини, голос очень недурен, может быть, и очень хорош, но нельзя судить беспристрастно: скверный ее рот и еще сквернейшие зубы не позволяют наслаждаться музыкою, мы уже хотим брать ложу и спиною сидеть к сцене. Здесь три театра, но мы ходим на один – S. Benedetto, на другом – all' Apollo – тоже опера, но плохая, на третьем – Малибран – драмка ужасная. Цена театра самая умеренная, скамейка, заменяющая наши кресла, – 1½ цванцигера. До прошедшей недели все давали оперу «Chi dura vince»¹, очень миленькая пьеса, буффо заставлял смеяться, иногда пересаливал, но это нравится итальянцам, а молоденькая примадонна Тереза Брамбилла пела очень хорошо; в небольшой опере не слышно было слабости ее голоса. Она не очень хороша, но очень и очень мила, мне чрезвычайно

¹ «Хто переможе жорстокого», мелодрама Луїджі Річчі.

нравится овальное очертание лица, красивенький подбородок и всего красивее волнистая линия рта; до сих пор еще раздаётся в ушах моих:

Mio signore, pensi bene
Che quel tuon sentimentale
No, davver, non le conviene,
E che ridere mi fa.

При этом ротик Брамбиллы принимает столько грациозных форм и придаёт, кажется, ещё более приятности её смуглому личику.

Из последнего письма Вы увидите, что меня занимает теперь; неужели это сбудется? Неужели действительно М. А.¹ приедет за границу? Я не смею верить. Я уже ему отвечал, высчитал, что 10 тысяч даже много на полгода. Во-первых, это – правда, во-вторых, если неправда, он после распорядится. Но, действительно, правда, теперь я умею чудо как распорядиться; представьте, что почти с 1000 франков живу три месяца и купил множество книг, и хожу в театр, и вижу все. О, если бы это исполнилось. Письмо мое, Гришунок, изорвать, да и К. В.² я просил бы все не показывать всем.

Вещи наши приехали, я заплатил 80 франков и порядочно поругал Михайла. Такая все дрянь, что это ужас. Одно дельное – белье и ваш плащик, но он, благодаря укладке, сильно потерпел, то есть его бархат. Тут платье Михайла, две его фуражки. Старый ваш сертук так изорван (от того, что он как-то вышел наружу), что я его бросил. Вообще я сделал порядочную сортировку. Ещё надобно все это пересылать в Ниццу.

Книги мои я оставляю здесь.

Вот вам все полугрустное мое послание. Обнимаю вас, ваш Чижов.

Поклон мой Марье Павловне и Павлу Евграфовичу.

Другое письмецо прошу отдать маменьке.

à monsieur
Monsieur de Galagane
à Nice (Nizza)
poste restante (ou maison Masklais, № 3).

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 390. Арк. 14–15.

Друкується вперше.

¹ Михайло Андрійович Маркевич.

² Катерина Василівна Галаган.

12 мая, четверг, Флоренция. [1842 г.].

Где Вы теперь, добрый мой Гришунок? Пишу в Рим. Вчера приехали мы во Флоренцию, пополудни часу в 5 или в 5 ровно. Я успел обежать несколько улиц, нанять квартиру за 1½ павла, полюбоваться собором и даже быть в театре. Флоренция, не знаю почему, мне сильно нравится. Ни к какому городу не подъезжал я с таким нетерпением, может быть, долгая дорога, может быть, любовь моя к цветущей Тоскане, к ее образованности, к ее литературности и художественности, не знаю что, но меня сильно к ней манило. Теперь она еще более понравилась, как нарочно, она вздумала мне строить куры и вчера встретила новой оперой «Pietro Candiano IV, Doge di Venezia»¹. Музыка ничтожная, костюмы гадкие, действие украдено и искажено из «Фенеллы»², даже одно место немного оттуда. Но бедные итальянцы забыли древнюю свободу и даже не умеют ее представить. Песни благородной республики не находят отголоска в сердцах чахлах.

Рабы, влачащие оков,
Высоких песен не поют³.

Есть места в опере превосходные, но переданы и музыкою, и игрою гадко, например, вот libretto, прочтите с Павлом Евграфовичем:

Col piu soave effluvio
Che mendan l'erbe e i fior,
Le nostre preci salgano
Al trono tuo, Signor.
A chi t'implora fervido
Non sai negar mercè,
Dolce conforto al misero
Che ogni altro ben perdè.

Пожалуйста, переведите вместе. Еще одно, ради Бога:

O notte, ti oscura, – l'impresa seconda;
Il nostro si copra – col fremer dell'onda:
Sul suolo che l'ossa – de'padri rinserra
Giuriamo, o fratelli, – l'oppressa salvar.
Se fulmini ha il cielo, – se abissi la terra,
Sien tutti pel vile – che ardisce mancar.

Это могли петь венецианцы в X столетии.

Досадно, что все так искажено. Но все-таки мне было приятно видеть, как история благородной нации богата материалами для всего прекрасного. Еще одно – prima donna, моя милая Teresa Brambilla, которая меня восхищала в Венеции в арии «Mio signore, pensi bene» и пр.

¹ «П'єтро Кандіано IV, дож Венеції» (італ.), лібрето – Джованні Перуццині, музика – Джованні Баттіста Феррарі.

² «Фенелла» (або «Німа з Портічі») – опера французького композитора Данієля Обера, лібрето Жермена Делавіня.

³ «Плач плененных иудеев» Ф. Глінки.

Она здесь очень плоховата, а все говорит о Венеции.

Наставления для дороги:

- 1) Заключивши контракт, прочтите тому ветурину, с которым поедете.
- 2) Условьтесь платить римскими скудами – тосканские дороже.
- 3) Выговорите подождать в Терни, водопад – чудо из чудес, невозможно его не видать¹.
- 4) Наменяйте медных денег, при водопаде не нужно никому давать больше 2 байков.
- 5) Не берите провожатого к водопаду из города, там, на месте, возьмете за два паола, и будет доволен.
- 6) Бравши почтовых лошадей на водопад, поезжайте не в своей коляске или выговорите почтовую коляску в той же цене. Такса – 8 паолей с человеком, [но если] поторговаться, может быть, возьмут [пошкождений текст], мы дали промаха.
- 7) Почтовые лошади останутся скоро после того, как вы увидите водопад издали, скажите, чтоб ехали на самый верх.
- 8) В Ассизи не заезжайте, там замечательная церковь по своим древним фрескам, но замечательна в истории живописи, а не для любителя, надобно сначала их знать в гравюрах, а между тем время очень теряется, все на гору подниматься.
- 9) Никак поздно не вставайте, иначе рискуете ехать поздно, что очень неприятно.
- 10) В Перуджии не забудьте взять ossa dei morti², знаменитые конфеты.
- 11) Близ Ассизи по дороге не забудьте войти в церковь Maria dei Angeli.
- 12) Расцелуйте ручки у маменьки, и еще раз поцелуйте, тороплюсь. Себя поцелуйте, вашим поклон.

Чижов.

За уплатою и полным расчетом с Ал[ексеем] Вас[ильевичем] осталось у меня ровно 500 фр[анков], а еще вчера и сапоги купил за 13 паолей.

al signor
Signor Galagane
in Roma
ferma in posta.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 391. Арк. 16–17зв.
Друкується вперше.

¹ «Мрамуровий водоспад» (італ. *Cascata delle Marmore*) – штучний водоспад біля м. Терні в Умбрії, створений давніми римлянами.

² Кістки мертвих (італ.).

Флоренція, 23 мая 1842.

Здравствуйте, Шун Шунович, Грицко Гришунович, – прежде всего, слышали ли Вы новость, – первый шаг к освобождению крестьян сделан, остальное будет зависеть от доброжелателей и времени¹. Но мысль пущена уже правительством, и пример показан царем-государем. Жду Вас во Флоренции, а квартиру, думаю, что не найму: на четыре дня кто сдаст квартиру, даже и на неделю? Впрочем, пишите ко мне из Рима и, въехавши в город (с тем уговаривайтесь), сами остановитесь хоть близ площади, а ко мне – Via del Guanto (подле via del Leone) № 105 в доме № 11, возьмите проводника, я наперед поговорю с трактирщиками. Я маменьке писал мои планы, с Вами – о другом. Флоренция много включает хорошего, все подготовлено. Пожалуйста, не забудьте, но, ради Бога, не забудьте: 1) спросить у Иванова, которого обнимите за меня, размеры его картины и запишите; 2) узнайте у Сомова, но не шутите этим и не пропустите, нет ли ко мне писем, да и на почте тоже.

Если увидите Бенуа, поблагодарите его за доброту его бесконечную.

Вот, кажется, и все. Ну уж Васильчиковы, что за Васильчиковы, ай да Васильчиковы, эх уж Васильчиковы, всегда выберут все самое гадкое и потом хвастают и сбивают с пути добрых людей. Здесь четыре скульптора: Powers (американец), Бартолини, Франкетти и Пампалони. У первого такие бюсты, что они поразят даже больше, чем Давид Микель-Анджело; разумеется, в деле художественном тут нет большой высоты, но таково исполнение, что я никому бы в мире не поверил, что можно так делать. Это не мрамор, а тело, принявшее мраморные формы и сохранившее всю мягкость и все телесные качества. После него – Бартолини, он выше как скульптор и ниже как исполнитель. За ним следует Франкетти и, наконец, Пампалони, у которого нет ничего, так что, говоря истинно об нем мнение, я сказал бы, что у него спереди пушок, а сзади душок, не больше. Что же? Васильчиковы именно его-то и выбрали и заказали ему свои бюсты. Он и сделал. А. В.² in atto di испражнения, а Алекс[андра] Ивановна с гордостью смотрит на то, как исправно почтенный супруг [ее] исполняет отправления природы [пошкджений текст] говорит, что? Жил в Петербурге [пошкджений текст] запоров нет. Но вы увидите и сами это подтвердите.

Я живу тихо, спокойно и приятно; читаю с утра до вечера, одно горе – не имею писем, оно очень и очень отравляет спокойную жизнь мою. Обнимаю, нимаю и маю, Гришунка целую, и вас, и ваши глаза.

Чижов.

Иванова еще раз обнимите и Иордану напомните обо мне. Что подписка на его гравюру?

¹ Мається на увазі указ про зобов'язаних селян.

² Олексій Васильович Васильчиков.

Я писал к Александре Ивановне, не знаю, получила ли она письмо, оно адресовано к Торлони, может быть, лежит на почте.

à monsieur
monsieur Grizko de Galagane
à Rome

(poste restante)

Пусть худо написано – знай наших.

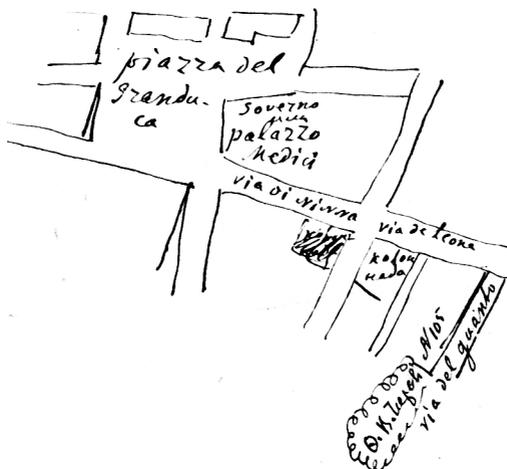
ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 392. Арк. 18–19 зв.
Друкується вперше.

Флоренція, 27 мая 1842.

Нет счастья на земле, на небесах оно. Чего бы, кажется, недоставало мне к моим настоящим наслаждениям: я в сфере искусства, в сфере прошедшей истории, богатой поэзией, и иногда грустно, сильно грустно. Но это иногда прогоняется занятиями: поэзия лета для меня уничтожилась, но я не даю себе ни минуты. Гришун, зачем Вы не решитесь испытать этого счастья – дельно-деятельной жизни, в каком бы то ни было роде? Самая грусть имеет свои прелести. Все это время я был занят, и теперь также, «Флорентийскою историею» Макиавеля, она оживила мне древние дома Флоренции, и я, ходя по ней, живу, решительно живу старою ее жизнью. Вчера был большой праздник *Corpus Domini*¹, все из окрестностей стеклись сюда. В глазах моих он имел иную цену: это были декорации, канва для рисунка, воображение перенесло в тысяча трехсотые года, и я прожил в них целое утро. Изучение подробностей истории сближает меня более и более с Венециею, и каждый факт смутных времен Италии, как кисть живописца, обрисовывает картину венецианского блаженства, разумеется, сравнительного. До сих пор еще картина набросана самою грубою кистью, едва ли не Мокрицкого, но мало-помалу она обрабатывается, и надеюсь, что потом войдет и в счастливое время искусства. Я писал уже к маменьке мои предположения о ее путешествии, не знаю, что скажете вы в общем совете: твердости, твердости более. «*Omnes homines, qui de rebus dubiis consultant, ab odio, amicitia, ira atque misericordia vacuos esse decet*»² и пр. В письме маменькином найдете вы тоже и проведение моего времени, – часто, гуляя, я готовлю для вас прогулки: тут я пойду с Гришуном в 5 часов утра, потом вместе придем домой к 8, напьемся чаю и вместе с маменькою и всеми, если они захотят, отправимся в галерею. Тут пойдем вместе с маменькою, и присматриваюсь, как бы проходить ближайшими дорогами. Цветов во Флоренции – бездна. Думаю, что квартиры не успею найти, а потому надобно будет остановиться в трактире, а вы можете жить рядом со мною, чтоб удобнее делать утренние прогулки и чтоб платить не так дорого. Если я получу от Вас письмо, если это будет возможно, я вот как распоряжусь: на заставе оставляю записочку, куда Вам ехать, а мой адрес: *Via del Guanto, № 105*, и вот еще вдобавок план моего жительствова, в доме № 11.

¹ Тіла Господнього (лат.).

² «Усім людям, що обмірковують сумнівну справу, треба бути вільними від ненависті, дружби, гніву, а також жалості» (лат.) – з промови Юлія Цезаря у сенаті (Саллюстій. Змова Катіліни, 51.1).

Если не найдете на заставе, я думаю, лучше вам идти по этому плану вперед и найти меня. Но увидим, будущее в руке Божией.

К перепонке еще прибавилась беда – слабость глаз до такой степени, что иногда по 2 и по 3 часа не могу читать; это меня бесит, а все-таки глазам не помогает. Старость не радость. Особенно проклятый левый глаз, уж я думаю его завязывать, он и правому мешает, а таким образом можно уэкономить, смотря то одним, то другим.

Поцелуйте себя за меня, поклон Вашим и Александру Андреевичу. Что бы ему с Вами собраться во Флоренцию. У меня готова совсем статья о мастерских наших художников, не посылаю письмо, чтоб прочесть всем. Ваш

Чижов.

à monsieur
Monsieur Grizko de Galagane
à Rome.
poste restante.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 393. Арк. 20–21 зв.
Друкується вперше.

28 мая 1842, Флоренція¹.

Только что отправил письмо вчера, а сегодня и нашел квартиру по 12 паоло за день, там же есть и кухня. Боюсь, что это письмо не застанет Вас в Риме, вот адрес:

Via del Sole
vicino alla piazza della S. Trinita
№ 4266
al piano terreno.

Но лучше подождать на площади и послать за мною по написанному мною адресу и по данному плану. Целую Ваши ручки, Шуна Шуновича обнимаю и целую.

Ваш Чижов.

Кажется, я сделал все возможные распоряжения, вот еще одно: когда вы проедете заставу, прикажите ехать близ Ponte alle Grazie, хорошо, если бы он поехал через мост, но может быть тут дурна дорога. Подъехавши к мосту, если он через него не поедет, пусть Гриша пойдет пешком через мост, потом поворотит налево вдоль Арно до 417 №, тут направо будет площадка и на ней лежат бревна, направо – ворота, надобно поворотить на площадку, пройти ее и сейчас же поворотить налево в улицу Via dei Saponi, тут первая улица направо будет моя del Guanto, и тотчас же явится № 105; всего от моста пять минут ходьбы. Пока вы едете до ponte S. Trinita или до ponte Vecchio, мы придем пешком.

Второе: написать ко мне, когда Вы выедете и когда приедете, но в таком случае не надобно уже задерживать ветурина, иначе я должен буду больше полдня просидеть у заставы.

Третье: на заставе Павел Евграф[ович] пусть спросит билет на его имя и заплатит 3 паоля, издержка небольшая, а это может на всякий случай показать, где квартира.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 394. Арк. 22–22 зв.
Друкуються вперше.

¹ Цей лист адресовано Катерині Василівні Галаган (старшій).

Дюссельдоф, 11 августа 1842.

Вчера получил я письма из Франкфурта, одно от Катеньки М[аркевич], то есть не письмо, а целую тетрадку; Гришун, если Бог пошлет Вам счастье испытать такое чувство и даст на вашу долю такое небесное существо, в отношении к себе желать более нечего. Гебгардт и Никитенко пишут, – первый очень мил, прост и тот же Ванечка, второй что-то пахнет профессором, но, я виноват, он столько бился с жизнью, все, что купил, купил такою дорогою ценою, какою ни один из нас не покупывал ничего. Николай Маркевич пишет много чего-то, говорит, что Вас[илий] Александрович] сделан генералом и послан окружным начальником над 4 губерниями, польскими, кажется. Близ Восковец, по его словам, протеша саранча на Конотоп, но ее сильно уничтожают. Еще получил план секиринского дому.

Первые дни мне было сильно грустно, сильно грустно; как, право, лучше давать сердцу покой, полный покой и не тревожить его чувствами. Я не мог ни за что приняться, не шло ни дело, ни безделье. В Кельн я приехал в 4¹/₂ часа, хотел уже садиться на пароход, вдруг вижу Григорьева, вот я и остался ночевать. Я знаю себя, Гришун, и потому однажды навсегда прошу: не навязывайте на меня денег, если я не прошу. Вот приеду в Остенде, тогда готовьте, а то у меня претупая голова, право. Что я разочту, обдумаю – идет прекрасно, что выйдет из этого расчета, – все дело испортит. Ваши деньги заставили меня сделать то, что я давно уже не делывал. Оставшись в Кельне, я вечером отправился близ Петер Кирхе, нахожу там Троутхен, вы ее не видали тогда, беру – и что же? Девка, славного роста, грудь твердая, сама свежа как розан, и горяча, – кажется, довольно. Этим бы и кончить. Нет, утром опять к ней и имел уже без гондона. Мало этого, после обеда еще раз. Жар смертельный, из рубашки льет, так мы оба были мокры, оба утомились, едва можем встать с постели, и, признаюсь, я был очень доволен.

Но будет об этом; здесь я познакомился с тестем Жуковского, кажется, он моложе зятя, славный мужчина, молодец собою; сегодня я у него вечером пью чай, и то выгода – 4 гроша в кармане. Получил письмо от Суденки, он просит и на будущий год купить на 3000 картин, этому я рад.

Теперь к нам с вами, – как вы решитесь ехать? и что решитесь делать. Я ничего не говорил вам, не потому, чтоб не хотел, а потому, что не люблю говорить, мало обдумавши. Передавать вам, как радуют меня ваши понятия, нечего; когда мы ходили в Ахене, я иногда едва удерживался, чтоб не обнять и не расцеловать моего доброго, моего славного Гришуна. Вы уехали, я горько заплакал. Сам не знаю, от чего. Теперь все это хорошо, пока все согрето сердцем, и пока ум работает под его влиянием, привольно, тепло и даже аристократически, то есть прикажет идти своим понятиям по дороге христианства, они идут, дорога гладка, чиста, выметена. Но вот начнутся действия, – тут дело другое. Деятель-

ность, деятельность – единственный ручатель, кроме его ничему верить невозможно; самые прекрасные понятия ржавеют в бездействии, а ум у всех нас таков, что он так же строит и софизмы, как произносит истины. Нынешняя зима – первый шаг ваш на поприще свободной деятельности, еще шаг легкий, самый легкий, от того, что в борьбе с самим собою ничто и никто не берет вашей стороны, не помогает благородному стремлению. В этом первом шаге вам предстоит двойной труд, – первое: принудить себя к работе, второе: немного отучить от искания ощущений, даже самых благороднейших. Поднять на плечах моих то или другое, – это немного школа болонская, – надобно сделать труд моею второю природою и трудиться по требованию необходимости внутренней, без построения планов. Достигши этого, благородные стремления сердца укажут труду дорогу, но тогда выгода та, что ошибка в направлении не остановит хода деятельности, погорюете, погорюете, а работа сделалась необходимостью, и вот вы начинаете разрывать новую дорогу. Если же деятельность есть только средство, тогда ошибка в цели может уничтожить ее, и снова длинная пауза, пока цель другая прояснится. Я говорю все это не языком, а собственным опытом. Пока работаешь для других, то есть для человечества, для христианства, работа частенько прерывается, то от того, что придет раздумье, могу ли я что-нибудь сделать на этом пути, то от того, что на плечи возьмешь больше, чем можешь снести, и на каждом шагу падаешь под ношею, а сложить совестно. Нет, давайко работать для себя, то есть я потому работаю, что Бог сотворил меня для работы, как и каждого, вот и пойдет хорошо все, – цель укажется стремлением сердца, над которым должно смотреть каждую минуту, и поддерживать, раздувать его благородные стремления. Чем? Первое – учением истин христианских, второе – поверкою их над поступками других, поставив себе непременным долгом видеть в них одну прекрасную сторону. Кто из вас безгрешен, тот пусть первый бросит на нее камень. Что худо в чем, то мне не принадлежит, мне дайте хорошего, худого у меня самого много.

Жду решения вашей зимней жизни; если уже надобно будет остаться в Германии, я думал бы так: отдаться на произвол штутгартского хорошего агронома, там же, кстати, будет нынче и большое собрание всех германских агрономов, и работать, работать, работать фактически, то есть не над идеями. Читать никак не философию. Эта работа завлекательна, но ленива, и сильно ленива. Ум работает по произволу: сработал хорошо – слава Богу, худо – тоже. Кто поверит деятельность его работы, а христианство делает другой вопрос: да дает ли кому-нибудь милостыню эта работа? Нет, ее и в сторону, нищих много, ни к чему еще одну дармодку. Так, так, это мое убеждение. Для свободного чтения взять историю философии, и непременно пространную, и непременно давать себе отчет, а без того я всегда от вас услышу – к чему же мне все это, мне хочется узнать переход от Канта к новой философии. Это не по мне – это

не работа, а мишура. Вы на меня не сердитесь – все идет от сердца. Пусть вместо того, чтоб узнать все системы, вы узнаете в то же время только, положим, Платона (и до того дойти довольно), дело не в том, чтоб знать, а чтоб думать, и чтоб мысль шла по отлогому скату, тогда она не утомится и не потребует руки приятеля или немецкого руководства: тот и другое хороши, да та беда, как поведут они? а это не от них и не от вас зависит. Не от вас, потому что вы не знаете места, куда они вас ведут; не от них, потому что они вас не знают, не взвешивали ваших сил и приготовлены не для одних вас. Спросите сами себя, не то же ли сказали бы вы сами? Послушайте меня, читайте философию позднее. Я говорю по собственному опыту, я до сих пор почти ничего не читал из философии и доволен. Читай я, не составились бы мои собственные понятия. Дайте мне вам их высказать.

Что такое философия? Наука идей, как математика – наука величины, как история – наука жизни народов, физиология – наука жизни физической. Философия – наука идей, тех основных начал, той сущности, которая отпечатывается в каждом явлении мира нравственного и физического, начал, а не самых явлений. Каждое из них входит в свой мир, рассматриваемый своею наукою. Но идеи не могут существовать без нас, не имей мы концепций, принятия их, тогда они и не существуют. Венера Медицис¹ одна и та же для нас с вами и для мужика, – он ею любит, а иногда и нет, мы и любим, и тут же ощущаем в ней идею прекрасного. Идеи предметов – как вкус солений и сладостей, как звук металлов: не имей ты ни рта, ни уха, они не имели бы ни вкуса, ни звука. Итак, идеи существуют под условием нашего существования. Но как для принятия ощущений мира физического нужны разные чувства, так и в мире идей они принимаются каждая своим органом нашей души. Таких органов три – чувство, ум и воля; сердце, голова и действие или туловище с оконечностями. Пожалуй иначе, чтоб доказать, что более взятая неоткуда: явление, развитие и направление к цели. Сердце понимает явление, ум следит за развитием, воля направляет к цели. Отсюда три мира идей и три области наук. Идеи безотчетные, являющиеся без нашего ведома, эстетические, – их разбирает эстетика. Идеи, развивающиеся по строгим законам последовательности, умственные, – они подчинены логике. Третьи идеи, принявшие два пути и направления к цели их существования, – нравственные, ими занимается этика или нравственная философия. В последней, разумеется, нет ничего нового, в ней все идет по законам двух первых. Такое тройное подразделение существует в каждой науке отдельно и доходит до самых мелких подотделений: в простом силлогизме: что является, то существует (говорит сердце или чувство); Бог является в своих творениях (говорит ум или рассуждение); следовательно, Бог существует (нового нет ничего).

¹ Венера Медіцейська (Венера Медичі) – скульптура, римська копія I ст. до н. е., згодом виконана за бронзовим оригіналом типу Афродіти Кнідської. З XVII ст. належала роду Медичі.

Этою тройною единицею объясняю я и св. Троицу, и вряд ли верование католиков правее нашего.

Вот мои понятия о философии и трех ее главных ветвях. Когда я думаю, то, кажется, уже и колеблюсь жить долго в Германии; вряд ли не сделаю так: приеду туда на один семестр слушать историю искусств и, может быть, Шеллинга, да потом запасусь книгами, относящимися к истории искусств и к истории философии, да и изберу себе пустыню, решительно пустыню. Или Андалузию, или отдаленный уголок Италии. Для того, чтоб там, в прекрасной природе и в простоте жизни, свободнее был ум от всех условных понятий.

Надобно оставить место на надпись. Прощайте, Гришунок, целую и вас, и ваши глазки. Ваш Чижов. Пец кланяется.

Как ни хитрил, никак не могу свернуть, чтоб запечатать без пакета, делать нечего, сделаю пакет; думаю, что от Вас сейчас же получу письмо. Чижов. Каково подписано?

Лессинга картина идет на выставку¹.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 395. Арк. 23–24 зв.
Друкується вперше.

¹ Йдеться про полотно «Ян Гус на соборі у Констанці».

12 августа 1842. Дюссельдорф.

Вот книги, какие бы мне были нужны, разумеется, если вы будете в Англии, и другое, разумеется, если они недороги, то есть если можно купить в старых лавках, о чем сейчас можно узнать; для вас:

Bland's «Principles of Agriculture»; «A Treatise on insects injurious to Gardeners, Foresters and Farmers» by Köllar, translation from German.

Для меня:

Brigham's «Influence of mental Cultivation on Health».

Caldwell's «Thoughts on physical education».

Duppa's «Life of Raphael».

----- «Travels in Sicily».

«The history of Christianity from the birth of Christ to the Abolition of Paganism» by Millmann.

«A few Notes on the Public Schools and Universities of Holland and Germany, &c...» by H. Winston Barron.

«A sketch of the state of popular education in Holland, Prussia, Belgium, and France» by the Rev. Taddeus O'Malley.

Cumberland. «Anecdotes of Spanish painters».

Pilkington. «General Dictionary of Painters».

«A manual of the steam engine» by R. D. Hoblyn.

И то же, не знаю полного названия by Scott Russel.

Но все это не непременно, а так – дается для сведения. Еще бы нужно было, не помню названия, историю гравировки и резьбы на дереве.

Кажется, я не долго заставил Вас дожидаться, вчера послал письмо, сегодня другое; во-первых, пишите поразборчивее, а то, право, читаешь, читаешь и недостает терпения. Не забудьте купить себе «Imitation de Jesus Christ», – славная вещь. Но теперь я начинаю писать совершенно по иной причине: сегодня я узнал, что здесь есть хороший каретник Гауер, он знает Менгельбира и бокенгеймского каретника. Я пошел к нему и нашел у него несколько заказанных карет, что видно, кажется, они солидно, и очень солидно сделаны. Он просил меня пойти к одному какому-то князю...¹, который теперь здесь, чтоб спросить его, но я этого не сделал. Говорил я с ним о коляске, он хочет 3000 франков и тоже может сделать не иначе, как в 4 месяца. Я ему рассказал, что слышал, когда вы заказывали Менгельбиру, прибавил еще круглую с дырою подушку. Жду вообще вашего письма, надобно же вам как-нибудь будет решаться. Черт их знает, им верить трудно; этот Гауер, говоря о Менгельбуре, отзывался чрезвычайно хорошо, но когда я сказал о времени, он говорит, извините, он в 4 месяца сделать не может, – спросите о каждом экипаже, он сам вам скажет, что у него они по году и больше. Напишите,

¹ Прізвище пропущено.

сколько Пав[ел] Евгр[афович] заплатил Рейферту, мне помниться, 3000 франков. Я этому говорил сделать *demi-patente* ось и с простыми рессорами, только место лакейское на особых рессорах – это легче для больших рессор и покойнее для места.

Пишите ко мне тотчас по получении этого письма. Целую Гришунка,
Ф. Чижов.

Нет, так: Чижов.

Если удастся приобрести, посылаю Вам, маменьке и Катеньке М[аркевич] подарок – 4 гравюрки или 4 образа: св. Екатерины *d'argès Fiesole*¹, Распятие, Божия Матерь с рисунка Дегера и еще св. Агнесу.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 396. Арк. 25–25 зв.
Друкується вперше.

¹ На кшталт Ф'єзоле (фр.).

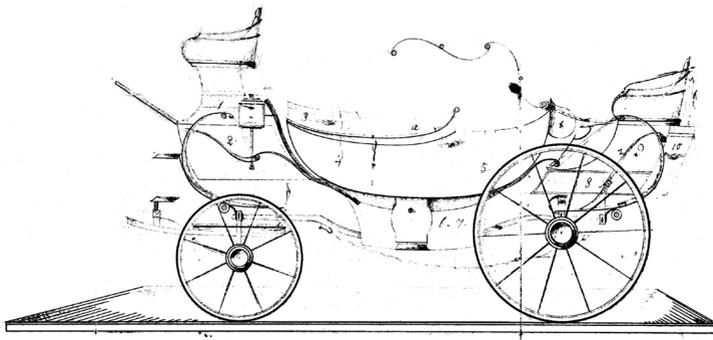
Дюссельдорф, 19 августа 1842.

Вот Вам полный рисунок коляски, цифры укажут вам все ящики, от вас зависит, брать или нет 10-й, потому что и без него считая X, всего 10. Еще одно: тут вы увидите под лакейским местом рессору 2, она прибавляет цены едва ли не на 200 франков, но, разумеется, с нею покойнее ящикам под местом, и еще меньше тяжести для рессор задних, хоть все заднее место держится на этих рессорах. Колеса будут demi-patente; он мне толковал, что патентованные почти никогда хороши быть не могут, малейший песок – и масло льется, что было видели и у Павла Евграфов[ича]. Под буквою a – крышка здесь сделана деревянная, но можно сделать и кожаную, он предлагает деревянную для того, чтоб не отпороть кожаную. Еще одно: от задних рессор под коляскою протянутся ремни, кажется, он за это не возьмет лишнего. Но все это вы успеете обдумать, потому что ответ останется до моего к вам приезда. В понедельник вечером, в ночь, я выеду прямо в Ахен во вторник, из Ахена в Виттем к Печерину, чтоб не делать лишнего, из Виттема поеду не назад, а на Мастрихт и St. Trond, оттуда по железной дороге прямо в Брюссель, где закажу платье и явлюсь к вам. А на обратном пути осмотрю Гент, Антверпен, Брюссель и Löwen. Поехавши же назад, я из Кельна съезжу в Дюссельдорф и заключу контракт и дам задаток. О всем переговорим, а вы пока обдумаете. Прощайте, это третье мое письмо, первое было poste restante, все ли вы получили?

Целую вас от души. Ваш Чижов.

Колбасник Пец сильно вам кланяется. Жуковский молчит насчет Иванова. Я, если и куры строю, завтра опять его увижу.

à monsieur
Monsieur de Galagane,
à Ostende,
rue des soeurs blanches, № 3.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 397. Арк. 27–27 зв.
Друкується вперше.

3 сентября [1842 г.], Брюссель.

Это не письмо, а невольный плач сердца. Грустно, грустно и грустно. Как ужасен оказался мне город: все движется, все бежит, все спешит – к чему? я думаю. Невольно пожалел я об этой суетности, она сжала еще более мне сердце, и я скорее побежал домой; здесь остался один, и уединение прогнало духа тьмы, который нашел свободный вход в мою душу, занятую или оскорбленную тем, что свет не разделяет ее болезненного состояния. Какая надменность! Какая пошлость! Не я ли осуждал, в моей душе, Печерина за то, что он оставил мирскую деятельность и уединился в монастырь, и теперь тот же я осуждаю этот свет за его немолкаемую суету жизни и требую от него, чтоб он удалился в монастырь жизни внутренней? И не подумай я, это осуждение показалось бы мне добродетелью! Одна добродетель в мире – любовь к Богу, то есть любовь к своим братьям, всем сотворенным, – вне ее все более или менее шепчется эгоизмом.

Давно не было для меня такой горькой минуты, какая была вчера, почему – не знаю. Я уверен, что скоро увижу вас, и потом, что такое свидание? Все это я знаю, и все слезы не оставляют моих глаз, а теперь – скажите, от чего это? Если бы мне надобно было делать вам подарок, я должен был бы подарить вам мой платок, – в каждой слезе было ваше изображение. Мне стыдно такой слабости, не должно было бы говорить об ней самому себе.

На дороге вчера я сделался сильно нездоров: резь в желудке поднялась до того, что я не знал, где я? Потом понос. Чувствую, что едва сижу и нельзя остановиться. Кое-как добрались до Малина, и там меня пронесло, – еще я не совсем разделался, а уже раздались два трехтонные звука. Можете представить мое положение. В дилижансе моя шинель и моя сумка, вещи тоже все там. Пусть еще вещи можно было бы получить по билету. Кое-как подхватил я штаны, подбегаю, паровоз на ходу, бегу, и едва-едва на ходу, уже ускоренном, мог я вбежать. Один неосторожный шаг – и блеск, прозрачность, звук стекла – был бы разбит и обращен в порошок колесом паровоза. Стыдно мне, а не скрою, при этой мысли блеснуло что-то отрадное: там все кончается.

Платье мое не готово, едва ли будет готово завтра, – я позабыл заказать тогда брюки к фраку, теперь они не будут готовы, и потому позвольте вас просить заплатить за них и взять их после, вместе с белым жилетом. Если бы случилось, что у Вас не достанет денег, напишите мне из Малина, я пришлю; впрочем, по расчету этого не может случиться. Портной говорит, что может сделать фрак по мерке сертука, одна, говорит, мерка, напишите ему, впрочем, не пишите, я велю сделать.

Я остановился в Hôtel de l'Univers и раскаиваюсь: кажется, дороже; зато я не буду обедать ни разу. Пожалуйста, остановитесь тут же в № 14, если будет свободен.

Гришун, тепер я не в состояннн писати вам голосом или, лучше, пером дружбы, – близкая разлука переменяла ее во что-то нежнейшее, не знаю, расставанье с братом было ли бы мне так тягостно. Нет, Гришун, мы, кажется, будем жить вместе последнее время во Флоренции и Риме. После я соберусь Вам написать; к чему и писать, вы сами лучше это обдумаете: настоящая жизнь вам урок. Припомните слова мои: в понятиях легче быть превосходным человеком, нежели на деле порядочным. Вы против вашей настоящей жизни и не имеете сил ее сбросить, скажите самому себе: это не братья мои, не сестры, не жена и не ее родные, с теми труднее управиться. Но все, Гришун, – унывать не надобно; сознание моей слабости есть уже шаг к совершенству. Теперь это не пишется работою над собою, чтоб не впасть во искушение и из Малина не приехать к Вам. Сегодня утром на это совершенно решился, теперь рассудок берет верх над чувствами. Я забыл у вас прусские деньги, не знаю, сколько, я думаю – талера два или и более, где они, не помню; еще золотую пуговку или забыл, или потерял. Не забудьте писать к Каскелю и к Кольдуелям.

Обнимаю вас и целую Ваши глаза. Ф. Чижов.
Зиновьеву поклон.

à monsieur
Monsieur de Galagane,
à Ostende,
Rue des soeurs blanches, № 3.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 398. Арк. 28–29 зв.
Друкється вперше.

4 сентября. Брюссель, 1842.

Письмо это пошлется завтра, но начинается сегодня. С двух часов до 7 пополудни ходил я по Брюсселю, если Вы будете иметь время, сделайте эту прогулку. Начните от железной дороги налево (выйдя из огорода) и идите все по бульвару, когда поднимитесь на гору и пройдете rue du Cerf – начнутся налево виды довольно разнообразные и уединение. Этим бульваром шел я вплоть до железной дороги. Тут совершенно иной город.

Торговал, торговал – насили уторговал чемодан за 65 франков, свой после продал за 3 франка, и то деньги. Я было сторговал два чемодана, такие, как мой, за 130 фр[анков] и хотел за свой заплатить, а за ваш дать задатку 5 фр[анков], но нет. Сегодня он приносит мне мой и божится, и клянется, что он взял дешевле, потому что на крыше есть изъянец. Верно врет, у него, кажется, много работы, и потому новый чемодан не может поспеть в 8 дней. Мой и с чехлом – 65. Замок превосходный и кожа славная. J. Jansen. Rue de l'Empereur, № 21. Длина моего чемодана: три длины этого листочка и еще до значка —длина; ширина и высота немного меньше двух раз взятой длины этого листочка. Замок запирается двумя оборотами.

Сапогами я доволен; немного просторны, ну да уж что делать.

Фрак тоже сделан порядочно, сертук переделывается, брюки тоже; я заплачу за все, потому что все будет готово. Смотрите, знайте это и тоже то, что 40 фр[анков] я велел написать заплаченными в вашем счете, он было написал в моем 20 да в вашем 20. Вообще я не останусь должен ни копейки.

Побывайте на выставке; ужас, что это такое. В картинах исторических и особенно священного содержания французский манеризм соединился с фламандскою мясистою, и вышло черт знает что такое. Еще испытайте, пожалуйста, двадцатифранковую брюссельскую мясистою¹, и мне скажете, только с необходимыми препаратами, которых если бы и для меня купили хоть полдюжину, а если дешевы – и целую, весьма бы, весьма был благодарен. Я не брал слуги, оттого и не знаю, где найти. Вот еще издержка: фраки, говорят, не застегиваются, надобно иметь бутоньерку, знаете, что у лорда в Нице всегда была. Я здесь на покупки издержал почти 500 фр[анков], еще калош не купил, ужасно дороги, может быть, найду где-нибудь дешевле. Всего лишнего купил на 5 [франков] 50 сант[имов]: род дорожного портфеля, с черниленкою, местом для сургуча и перьев. Зато мой обед стоит 1 франк, то есть бифштекс с картофелем.

Напишите ко мне, пожалуйста, первое письмо à Stuttgart, poste restante, а потом в Венецию; а я к вам по расчету, может быть, напишу

¹ Натяк на брюссельських повій.

и в Брюссель (Hôtel de l'Univers). Еще, Гришун, не берите третьих мест – разница всего 6 фр[анков], я считал, то есть если Вы поедете и в Антверпен, и в Льеж, а много неприятностей. В Франкфурте найдете мое письмо zum Lansberg. Если мне понравится лакей, я напишу вам, если нет, тогда посмотрим, не лучше ли взять в Триесте. Этот бы хорош, потому что и по-россейски говорит.

Кажется, от шляпы отделаюсь под предлогом, что одна пружина слаба.

Вечер. Сейчас на улице, rue de la Madeleine, я встретил двух преподачных, я сказал им, что иду по делу, и назначил быть через час у фонтана, да и надул.

5 сент[ября]. Сплю я ужасно, ложусь в 10, встаю в 7, и от этого тяжело чрезвычайно. Но будет, снова привык к одиночеству и не поеду уже к вам, несмотря на все искушения. Лукавый нашептывал на ухо: «Из Малина, из Малина, всего стоит 3 франка, утром отъезжай, вечером дома». – «Нет, нет, – закричал я, – не поеду». В Малине и трактира не возьму, разве только железная дорога далеко, а то там оставлю вещи, а сам схожу пешком взглянуть на думу и церковь св. Иоанна.

Смотрите же, останавливайтесь в Брюсселе Hôtel de l'Univers, туда вам будет письмо адресовано. Прощайте, обнимаю вас и целую, от души целую.

Ваш Чижов.

à monsieur
Monsieur de Galagane,
à Ostende,
rue des soeurs blanches, № 3.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 399. Арк. 30–31 зв.
Друкується вперше.

Ахен, 8 сент[ября] 1842 г.

Чемоданом я доволен очень, но старый не продал, потому что покупатель не явился, да и доволен, – негде было бы книги везти. Советую вам купить такой же. Если найдете в Брюсселе «Voyages en Italie» par Valéry¹, только маленькое издание в маленьких книжках, где все отдельно: «Venice et ses environs», «Florence et ses environs»², стр., печатано в типографии Humens et Co³, то купите, большого же не покупайте. Оно должно стоить франков 8. В Антверпене остановитесь Hôtel de Rubens, там общий стол 1½ фр[анка], квартира дешева. Я так сделал, не лучше ли и вам сделать так же: из Брюсселя послал все вещи прямо в Льеж по железной дороге, Bureau restant⁴, чтоб не таскать с собою. В Антверпене лучше купить описание и план, оба стоят 3 фр[анка], а domestique de placé⁵ будет стоить дороже и неприятнее. Рубенса посмотрите в St. Jacques⁶ и у иезуитов в St. Charles-Borromée⁷.

Здесь теперь ужас сколько народу, король здесь⁸, едва-едва я нашел комнату в Hôtel d'Europe, все трактиры заняты, и игры нет до вечера, разумеется, я дожидаться не буду. Увезу свои 15 талеров и издержку на книги.

Писал я сегодня к вашей маменьке.

В Дюссельдорфе я дам задаток и велю работать, а контракта не заключу, потому что, вы знаете, я не силен в немецком, особенно контрактном, языке, он будет приготовлен, а вы заключите. Чтоб Вам его не искать, лучше всего прямо адресуйтесь к Пецу в Академию, № его студии 41, или, если приедете вечером, то швейцар укажет квартиру. У него я и расписку каретника оставляю, он знает и квартиру его, у него будет и подробное письмо к вам. Во Франкфурте письмо найдете zum Landsberg, я нарочно только и поеду для того, чтобы взглянуть на Дрея. Знаете ли, что это будет очень хорошо. Этот Дрей провожал Муравьева, бывши во Флоренции, можно будет и с Муравьевым потолковать, хорош он – удержать, нет – к черту. Так и нанимать на время, и на всем его во время вояжа.

В Штутгардте остановитесь в трактире против почтамта, не рядом с почтамтом, а против, против, ну понимаете, против: квартира 40 крейцеров, там найдете и письмо мое.

Кажется и все, прощайте, от всей души обнимаю Вас. У Вас я оставил и печатку с Котом. Не понимаю, как судьба меня спасает: в Льеже на дворе почтовом забыл шинель и вспомнил спустя три часа, но – голенькой ох, с голеньким Бог – никто не украл. Вчера в дилижансе забыл зон-

¹ «Подорож в Італію», авторства Валері (фр.).

² Венеція та її околиці, Флоренція та її околиці (фр.).

³ Йдеться про брюссельське видавництво «Louis Nauman et Compagnie».

⁴ Камера зберігання (фр.).

⁵ Служник-провідник (фр.).

⁶ Церква св. Якова в Антверпені, в якій зберігається низка творів П. П. Рубенса.

⁷ Антверпєнька церква св. Карла Боррємєо, над оздобленням якої працював П. П. Рубенс.

⁸ Бельгійський король Леопольд I.

тик и палку. А что всего лучше, из Брюсселя, в новом чемодане, послал паспорт в Льеж, а ездил все без паспорта. В Антверпене вечером были искушения, но, не знаю отчего, ничто не искушает. После расскажу – шалил на железной дороге. Обнимаю, и еще обнимаю и целую вас, ваш Чижов.

à monsieur
Monsieur Gregoire de Galagane,
à Bruxelles.
Hôtel de l'Univers.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 400. Арк. 32–33 зв.
Друкується вперше.

14 сентября, Франкф[урт]-на-М[айне]. [1842 г.].

Нахмуритесь, прочитав письмо мое, да что же делать? Решено, не еду я в Штутгардт, а вы меня оправдаете: я все книги купил здесь или думаю, что куплю остальные, а так мне и скорее, и, что главное, дешевле доехать до Базеля, и чрез Швейцарию прямо к Комо. Теперь начинаются просьбы, и из них первая самая, самая и самая убедительная; ради Бога, если сколько-нибудь это глупо, просто прошу вас убедительно ее исполнить. Купите себе непременно шубку, я купил за 63 фр[анка] превосходную – дикого кота. Не думайте, что мне так это пришло в голову просить: после жаркого лета все предсказывают холодную осень, и не забудьте, что вы едете чрез Альпы. Одним словом, здесь нет суждений, если не сделаете для себя, сделайте это из дружбы ко мне, еще раз не прошу, а умоляю вас об этом.

2) Бывши в Штутгардте, спросите, что стоит «Kunst-Blatt»¹ с начала издания по сие время, и можно ли там достать за низшую (против объявленной) цену, и запишите адрес – у кого.

3) Зайдите к книгопродавцу здесь, но об этом завтра.

После просьб – одно наставление. Не сердитесь, Гришунок, я не потому дам его вам, чтоб вы сами не сумели сделать все и найти, но потому, что дружба глупа, ей все кажется, что лучше позаботиться о друге. В Штутгардте, только что приедете, узнайте, где живет русский священник (там есть) и тотчас же отправьтесь к нему, разумеется, с обычными фразами, что почли долгом и пр., да от него и расспросите о профессоре земледелия, он (т. е. поп) говорят, очень умный человек².

Если бы случилось, что его не было бы, хотя и вообще он живет не в самом городе³, но это не помешает вам к нему съездить, итак, если бы его не было, пойдите к профессору истории искусств или эстетики, не знаю, Фишеру. Скажите, что вам об нем так много говорил Хлудов, который с ним ездил по Сицилии, что Вы и пр., да от него, слово за слово, и узнайте о том профессоре. У него à propos⁴ спросите и о «Kunst-Blatt», где можно дешевле иметь?

Еще, пожалуйста, сходите к секретарю посольства, кто он⁵? не знаю, и спросите, нет ли на мое имя писем от Поленова. Если бы два первые источника изменили, и к этому обратиться можете, а наконец, в случае измены и этого, – прямо в университет⁶.

¹ «Kunst-Blatt» – мистецкий часопис, що видавався у Штутгарті з 1816 р. і був додатком до популярного журналу «Morgenblatt für gebildete Stände» (з 1837 р. – «Morgenblatt für gebildete Leser»).

² Це був о. Іван Певницький.

³ Російський православний храм розташовувався у Ротенбурзі, передмісті Штутгарту, у мавзолеї, де було поховано вюртембергську королеву Катерину Павлівну, сестру царя Олександра I.

⁴ Між іншим (фр.).

⁵ На той час секретарем російського посольства у Штутгарті був А. К. Штофреген.

⁶ Йдеться про Тюбінгенський університет, що знаходився неподалік від Штутгарту.

С профессором непременно поладьте, это вам задача, может быть, он крут, груб – это не ваше дело, вам нужно все из него вытащить. Скажите, что вы ничего не знаете, перед ним можно и солгать. А? что, это, небось, не искусно комплиментировано?

На случай, если он в Страсбурге, вам ничто не мешает туда поехать, но этого не может быть. Еще одно: оставайтесь в Штутгардте как наивозможно менее, – главное, возьмите только наставления и книги. Говорят, что в Швейцарии сильные дожди. Если случится, что вы или на книги много употребите, или в Швейцарии неожиданно издержите, пишите тотчас ко мне, у меня есть деньги, и довольно, а сами останьтесь или в Комо, или в Милане. Еще одно: из Комо (не считая Штутгардта) напишите наверное, когда выедете из Милана, чтобы я мог приехать в Местре и потом вместе поехать.

Вот забыл главное – Дрея нет здесь, он уехал провожать англинское семейство. Будете или нет нанимать Келха, сами знаете. Во всяком случае, не худо об этом здесь потолковать.

Моя проклятая память делает мне столько вреда, что и пересказать вам не умею. Представьте, благодаря ей сегодня пропустил первый поезд из Висбадена в Франкф[урт]. Поехал в омнибусе да, подъехав к железной дороге, вспомнил, что забыл шинель. Взял шинель и пошел читать газеты, дожидаясь второго поезда, что же? зачитался и позабыл, и уже едва-едва бегом прибежал и чуть-чуть захватил паровоз. Из «Сев[ерной] пчелы» узнал, что Голубков пожертвовал 100 тысяч ассигнац[иями] на институт благор[одных] девиц в Иркутске. Оставляю место, завтра припишу.

Зайдите в книжную лавку против Hôtel de Russie.

Опоздал.

à monsieur

Monsieur Gregoire de Galagane.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 401. Арк. 34–35 зв.
Друкуються вперше.

Венеція, 30 сентября 1842 г.

Третьего дня приехал я сюда вечером; было непомерно грустно, все говорило, что я один, и приятно было одиночество, и грустно. Венеция усилила грусть, бедная Венеция, она теперь мертва, все разъехались по дачам – это обычай. Вчера получил Ваше письмо и встал в тупик: как я пошлю деньги? По моим расчетам Вы должны приехать сюда ранее, нежели деньги придут в Штутгардт, поэтому Вы с ними разъедитесь, приезжаете сюда, у меня нет денег, то есть нет для вашей поездки во Флоренцию, от маменьки когда-то еще получатся. У меня голова кружилась, но банкиры решили все, никто не имеет сношения с Штутгардтом. Итак, вот что надобно вам сделать: если, по расчетам, достанет денег до Милана (я издержал 110 от Карлсру до Милана), то ехать в Милан, а мне писать, я пришлю в Милан, куда напишите, думаю, лучше в *hôtel al Falcone*, там хорошо и дешево; если не достанет – ехать в Мюнхен, я туда вышлю денег, с Мюнхеном есть постоянные сношения.

Во всяком случае, пишите, чтоб я мог скорее вас встретить в Местре, жду вас с нетерпением. Сегодня я получил письмо от К[атерины] В[асильевны] М[аркевич], она не знает, как вас благодарить, вы прочтете то место, где она это пишет. Спишите, кажется, погода поправляется, я все ехал дождем.

Здесь Бенуа, Эпингер, Скотти, Эльсон и Гайвазовский. Обнимаю Вас, ваш, душевно вам отданный,

Ф. Чижов.

Не знаю отчего, ничего не пишется.

à monsieur
Monsieur de Galagane,
à Stuttgart.
(poste restante).

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 402. Арк. 36–37 зв.
Друкуються вперше.

Рим, 29 ноября 1842.

Когда нет спокойствия в душе, напрасно будешь искать его вне себя. Вот начало моего письма, оно покажет вам, что я не совсем в веселом расположении духа. В Рим приехал я часа в два ночи, утомленный, измученный более долгим ожиданием, нежели дорогою, место мое было очень покойно, езда еще покойнее. По вашему рассказу тотчас же нашшел Иванова, ошибся в лестнице, и это мне стоило не более 2½ паолей переплаты факинам¹. Добрый Алекс[андр] Андр[еевич] встретил меня радушно, мы протолковали часа два, ответ его, что нет писем, нагнал на меня грусть, но я еще надеялся на то, что он нехорошо справился. На другой день я забыл о Риме, весь Рим и, право, не прибавлю сказать, весь мир заключался для меня в одной почте, иду – ничего нету. Судьба и лета избавили вас от моего положения, и потому оно вам не может быть вполне понятно, – не знаю, обязан ли я этому ответу или вместе и маленькой простуде, и неприятности искать квартиру, только скажу вам, что я глуп до безумия, этого мало, слаб физически, утомляюсь до того, что едва хожу. Но об этом будет: грустно, грустно и грустно. Если бы позволить чувствам, первое, что нашептывают они: тяжело жить, когда в жизни нет ничего, кроме борений. Сегодня получил одно письмо из Москвы от того родственника, который живет с Голубковым, из него узнал, что маменька моя здорова. Я никогда не говорил вам, частехонько приходило мне сомнение не только в ее здоровье, но и в жизни, и странно: я удалял эту мысль с каким-то содроганием чисто эгоистическим. Это звено, кольцо, связывающее меня с жизнью, если судьба разрубит его, другое некрепко, потому что обстоятельства беспрестанно его гложут, что же мне останется? Морозом обдает, когда подумаю. Не слушайте, Гришунок, этого, мне совестно самому произносить подобные слова, а произносятся невольно. Лучше перестану и говорить об этом предмете, несмотря на то, что он беспрестанно меня занимает.

Вчера вечером был я у Языкова и, кажется, ходить туда часто не буду: Языков, как видно, человек очень и очень добрый, и хороший, но он болен, и сильно болен, думаю даже, болен почти безнадежно. Гоголь, по-видимому, мало делящийся, молчаливый донельзя, таков он был вчера, – результат: на что же мне такое общество? Я ищу отдыха от занятий, возможности столкнуться умом, дать ему живую деятельность, пустить его поиграть, а тут надобно спать, – лучше же спать на постели. Впрочем, все это пишется под влиянием моих настоящих чувств. Кажется, вечера мои пойдут иначе, и вряд ли мы с Алекс[андром] Андр[еевичем] не посвятим их чтению Аженкуровой истории искусств².

¹ Факини – носильники, вантажники (від італ. *facchino*).

² Аженкур, Жан Батист Серу (1730–1814) – французський історик мистецтва, що тривалий час мешкав в Італії, автор багатотомної «Історії мистецтва», яка стала вагомим внеском у дослідження середньовічної культури.

По-видимому, вообще план мой изменяется, и я думаю не ехать этою весною в Сицилию, а на все время остаться в Риме, чтобы принятая уседистее. Кажется, по обстоятельствам не худо будет и вам сюда переехать, чтоб найти предлог, по получении следующего, то есть второго или третьего моего письма, можете сказать, что я очень нездоров, и что с вашей стороны нехорошо не быть со мною, тогда, как я вас не оставляю в случае нездоровья. Жду на это вашего ответа. Погода здесь теперь превосходная. Днем нельзя ходить иначе, как в одном сертуке, а вечером – в одном пальто без сертука. Я одевался чересчур тепло и попростудился.

Алекс[андр] Андр[еевич] теперь готовит рисунок для Марии Николаевны, большая его картина пока без движения¹. Штернберга видел мельком, он очень поздоровел.

Поцелуйте ручки у тетеньки и поклонитесь Петру Гр[игорьевичу], да не забудьте спросить и взять у Великанова письма на имя Крюкова, а если нет у него, попросите его взять с почты. Квартиры здесь дороги, я смотрел множество, все по 8, 10, 12 и более скудо, не знаю, что и делать. Если я решусь не ехать в Сицилию, может быть, я провожу ваших до Венеции, мне надобно будет оттуда отослать камин к Голубкову, и вообще, во всяком случае, я дам себе двухмесячные каникулы или даже и трехмесячные, чтоб поездить по Италии (без всего), хорошенько осмотреть произведения искусств.

Иордан что-то хандрит. Что и как делает Иванов с Шаповаловым, невозможно не любоваться. Каждый вечер (это между нами) толкует с ним о прошедшем дне и располагается на будущий, но толки не общие, а подробные художественные.

Прощайте от души, из глубины души идут мои к вам поцелуи, целую ваши глаза и вас самих. Прощайте,

Ваш Чижов.

Может быть, напишу к Софье Александровне. Вы припечатайте. Познакомьте Серебрякова с Муравьевыми.

al Signor
Signor Gregorio de Galagan,
à Firenze,
Welikanoff.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 403. Арк. 38–39 зв.
Друкуються вперше.

¹ Йдеться про твір О. А. Іванова «Явлення Христа народу».

Рим, 3 декабря 1842.

Поздравляю Вас со вчерашним днем Вашего ангела, вот как мы провели его: пригласил я Иордана и Александра Андреевича, чтоб обедать нам вместе у Фалькона в 5 часов. Пришли туда, я предложил им выпить бутылочку хорошего алеатико, но Иордан решительно отказался, сказавши, что он пришел вспомнить об вас не вином. Надобно вам сказать, что Иордан отчего-то очень не в духе, дуется на Иванова и не ходит к Гоголю, от чего, неизвестно. После обеда мы пошли вместе, идем, Иванов говорит: вот тут, в улице delle Convertite, лучшее алеатико, тогда я упросил и Иордана, мы зашли в кондитерскую швейцарскую и там выпили. Это превосходное вино, я его нахожу лучше всех. Попробуйте его во Флоренции, красное и лучшее алеатико, и попочуйте Петра Гр[игорьевича] и Софью Алекс[андровну]. Еще дайте поздравить себя с завтрашнею именинницею вашею, я буду к ней писать .

Не знаю, как вы решитесь: оставаться во Флоренции или ехать сюда, а все-таки должен сказать вам, что третьего дня началась здесь выставка в пользу Кельнского собора и продолжится до 15 января, только это вам для соображений. Говорят, начало очень хорошее, как и надобно ожидать, потому что немцы любят свое произведение своей архитектуры. За вход – 2 паоля. Жду нетерпеливо вашего ответа. Я нанял хорошую комнату на via Felice № 126, в том же доме, где живут Языков и Гоголь, только этажом выше второго и двумя первого. Прощайте, от души обнимаю вас, ваш Чижов.

Посланы ли мне мои книги? Что, если бы можно было найти во Флоренции, но никак не дороже двух франческонов, это непременно условие, часишки, не карманные, а такие, что на столе ставятся, – вы бы весьма удружили, привезши их мне. Но я прошу вас об одном – не дороже двух франческонов. Писем мне нет ниоткуда. Низкий поклон вашим, все ли здоровы. Здесь я встретил Emīlie, бывшую служанку Марьи Павловны. Она теперь при месте, но сильно жалуется, что нет платья, что все они послали в Одессу.

Наш доктор Феррари умер, и где две нимфы, одна с укороченною ножкою, и другая! другая, Септимия, – неизвестно. Давно ли? а уже одного из знакомых не существует. Не знаю, отчего время мое идет прескверно. До третьего дня искал квартиру, теперь еще не вступил в занятия. Вообще сильный упадок энергии.

Передайте на всякий случай Серебрякову адрес Ал[ександра] Ан[дреевича] Иванова: Piazza SS. Apostoli, palazzo Laurelli, № 49, per la scala Monsignor Severoli, terzo piano, на дверях – билет Иванова.

al Signor
Signor Gregorio de Galagan,
Firenze,
poste restante.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 404. Арк. 40–41 зв.
Друкується вперше.

¹ Йдеться про іменини матері Г. Галагана.

Рим, 10 декабря. 1842.

Сию минуту получил ваше [письмо] и, не пропуская времени, отвечаю на него для того, что завтра что-то, чему даем мы множество приятных имен, удержит высказать все сполна. Признаюсь, я ждал ответа не только о часах, которые, как вы знаете, в наших отношениях – меньше, чем бумажка, назначенная на известное неэстетическое употребление. В 23 года у людей, для которых есть будущность и сердце которых бьется при мысли о благородном существовании и при желании, не говоря, сделать что-нибудь, а, по крайней мере, прожить хоть на линию выше дворовых животных, в 23 года, по моему понятию, у этих людей время меряется весом не золота и бриллиантов, а весом жизни. Вы боролись и с самим собою, и с маменькою, и со всем, вас окружавшим, чтоб остаться на зиму за границу, стоило ли борьбы какой-нибудь, если вы остались для того, чтоб нравственно спать посреди сонного общества, или, что еще хуже, заниматься нравственным онанизмом, поджигая душу навязанным благородством желаний, приставленным европейскою благородною образованностью. Если ничтожное общество Обух[овых] и вашего дня могло усыпить ваше стремление к работе над самим собою, если копеешное, полущечное препятствие могло остановить первый шаг вашей внутренней деятельности, дайте же самому себе какое-нибудь ручательство, что препятствия жизни не сделают вас покорнейшим рабом закоснелой нашей необразованности и той безнравственности, которая для меня хуже и отвратительнее каждого разврата. Веяние прекрасных желаний, само это веяние, будет одним из камней здания этой безнравственности; опираясь на нем, вы получите какое-то право судить поступки и Муравьевых, и третьих, и десятых, не замечая того, что, если вы не делаете положительного зла, то только потому, что душа ваша недоступна к нему, – да и на это потребна деятельность. По моему понятию, разбойник выше в деле общественности, нежели человек умерший – и для его пользы, и для вреда его. Кутите, пейте, блядуйте, во всем я вижу жизнь, – жизнь гадкую, но есть надежда, что обстоятельства изменят ее направление, а мертвая тишина, уснувшая душа, успокоенная без работы, – это? как бы вам лучше выразиться, – она мне рисуется в виде какой-то налитой фигуры, уничтожившей онанизмом всю божественную часть своей души.

Знаю, Григорий Павлович, что письмо мое вам сильно не понравится, но намерение мое – не нравиться, а сказать истину. Вы найдете, разумеется, тысячу препятствий, я вижу одно средство их избавиться – бросить к черту Флоренцию, приехать в Рим и запереться, то есть встречаться с другом вашим Чижовым, и то, может быть, иногда в неделю случится не встретиться. Весною вы едите в Россию, вам надобно сделать последнее усилие, – их два: или пуститься во всю бурю общества и им увлечься, это сама буря потребует противодействия – тишины, или заключиться

в самого себя безусловно, от другого, ни от кого не ждать ни советов, ни ободрений. Только тут, употребив одни собственные силы, вы дадите себе отчет в том, сколько их у вас, без этого вечно понятие ошибочно. К приезду Петра Григор[евича] в Рим они у вас пустятся в ход, тогда отвлечение будет рассеянием и отдохновением от первого в жизни труда, а следовательно, труда тяжелого. Здесь вам все: что и как понятно моей душе, что и как вскормлено в моем сердце, где, вы сами знаете, вы заняли большое место. Прощайте, ваш Чижов.

Серебрякову напишу для приличия, – если самому ему непонятен яд его настоящей жизни, тут и делать нечего. К тому же хорошо, чтоб и бедный Иванов даром не мучился и не тратил сил по-пустому.

И вините Муравьевых за холодность, дайте пружину, а без нее нет движения. Серебр[яков] работает без убеждения, вы говорите с целью, но также без убеждения, где же справедливость? Сносите лед в комнату и требуете теплоты. К Великанову я пишу об кораллах для Бенуа. Погода здесь чрезвычайная, нельзя иначе ходить, как в одном сертуке, то есть летнем суконном, мне в байковом жарко.

Приписка на полях. У Лепри¹ я еще не был ни разу; наших видел почти всех, сегодня был восхищен работами Пименова. Все начинают работать: молодость пила и кутила, но та же молодость и дело сделает, лишь бы не спать.

al Rev. Signore
Il Signore Gregorio de Galagane,
Via del Sole, № 4266.
Firenze.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 405. Арк. 42–43 зв.
Друкується вперше.

¹ Йдеться про трактир «Лепре», який був одним з улюблених місць росіян, що мешкали в Римі.

Рим, 15 декабря 1842.

Дайте обнять вас и расцеловать, мой добрый, мой милый Гришунок. Не сердитесь на меня, прошедшее письмо писал не я, а моя деятельность, забывшая на минуту то, что я люблю вас, или лучше, взявшая самую эту любовь своим орудием. Как мучило меня собственное мое сердце: не послать письма я не мог, – оно истинно, послать было горько, и сильно горько. Но оно уже послано, теперь давно вы его прочли, давно обдумали, давно нашли, что проклятый, но истинный ваш друг прав, и прав совершенно.

Я жду вас, если можно ранее, как можно ранее; вы потеряете несколько скудо – время дороже скудо. Это кончено, еще объятие, и даже предложение, но спросите себя искренно: в самом деле мы так близки, что, может быть, вы между нами лишнее, спросите себя и отвечайте, насколько не женируясь; я знаю, что я неподкупаем, и при ты скажу то же самое и так же резко.

Теперь два слова о Серебрякове: если он поедет с Обуховыми, он пропал; ему нет выбора, он слаб характером и без того. Ласки, ласки, – это ли награда художника? Это ли служба и искусству, и отечеству? Тут нет выбора: все или ничего – вот что должно быть его девизом. Я так писал ему об его картинах, а дело в том, что он должен бросить эти самые безжизненные картины, но это между нами, и очень между нами. Рим окрылит его, а без крыльев – плохая работа.

Наконец я начинаю поднимать на плечи мои тягость, и тягость, может быть, двадцатилетней работы; для моих трудов составилась даже и план, и программа. Это вне Венеции, которая пойдет своим путем. Нет, это искусство как представитель человечества, народа, человека, идея прекрасного, и как нравственный деятель. Теперь сижу над скучнейшею и над важною вещью – над Винкельманом, которого достал благодаря Гартману. Мне все равно – миланское или пратское издание¹, но я вас не прошу покупать, а только приторговать, – это дело времени. Сюда приехали, помните, остендские брат с сестрою, но я им поклон.

Пишите ко мне по тому же адресу: via Felice, № 126.

Я думаю, Серебряков теперь на меня сердится, напрасно он едет на две недели, лучше бы не ехать, это передайте в минуту откровенности.

Иордан дуется на Иванова, ребенок, это так. Поцелуйте ручки до локтей у Софьи Александровны, добра она, очень добра. Ваш Чижов, еще раз целую моего Гришуна доброго.

Наслаждение от галерей хорошо, но, ради Бога, помните, что наслаждение есть роскошь жизни. Дело, дело – вот ее необходимость. Работать, принудительно читать отчетливо, читать так, чтоб только что не учить. Не смейте сделать заключения, не дав себе полнейшего отчета, на все про-

¹ Йдеться про італійські видання праць Й. Й. Вінкельмана, надруковані у Мілані та Прато.

читанное составляя письменный отчетец, в котором было бы его сокращение и замечания. Не вините меня, что всего этого я не скал Вам во Флоренции, я сам заснул, но вы меня извините: я старше, и долго дрался и дерусь и с судьбою, и с обстоятельствами, и с собственными чувствами, мне нужно уснуть. Теперь проснулся и вас бужу.

al Signore
Al Signore Gregorio de Galagane,
Firenze,
Via del Sole, № 4266.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 406. Арк. 44–25 зв.
Друкується вперше.

Рим, 24 дек[абря] 1842 г.

Благодарю Гришунка за дружеское принятие моего предложения: кажется, мы сошлись так, что можем уничтожить формы¹. Может случиться одно: ты подчас, когда тебе будет казаться тяжело или то, или другое (что делается в мелочах часто, и что составляет самый резкий рисунок богатого человека, и еще показывает следы женского воспитания), может случиться, что при ты ты мне скажешь с большею резкостью. Прежде это было бы дурно, я не снес бы, назвал бы это неуменье снести или благородством характера, или горячностью, а оно, собственно, принадлежность бедного человека, привыкшего биться за свою независимость и думать, что везде на нее нападают. Теперь, день ото дня, я вижу, как изменяется мой характер, поверишь ли, я это наблюдаю: тишина, совершенно спокойствие жизни, едва не отшельническое уединение и искусства так успокаивают душу, что для нее скоро, кажется, сделаются непонятны те вспышки, которым наша пошлость дает благородные названия и которые сами по себе ни больше, ни меньше, как необразованность души. Тишина с виду близка к холодности, как «Обручение Марии» в Милане², и Перуджино близок к бездушности по взгляду, не образовавшемуся на художественных произведениях. Истинные чувства и истинное благородство требуют тишины невозмущаемой, но не равнодушия, которое, по моему мнению, отвратительнее всякого порока. Мне недавно пришло это в голову: день был так ясен, так безоблачен, как только можно себе представить. Я шел в одном легком сертуке, подходил уже домой и вдруг изменил план и пошел к Ponte-Molo. Вдали, в тумане – Рим, и над ним – светлое облако, оно неприметно, почти невидимо переходило из тона в тон, и надо мною было темно-лазоревым. Тут я понял отшельничество в прекрасной природе, и еще больше разожгло желание пожить в Испании и там, в безусловном, решительно безусловном уединении, войти во всю глубину древней философии.

Ты должен приготовиться к римской жизни, тебя здесь, в первый раз в жизни, ждет полное уединение, и не знаю, как оно тебе кажется, но я считаю его необходимым. Рассеяние ты можешь найти в выходах в галереи и Ватикан, вечер иногда в café, но хорошо, если бы уединение делалось потребностью души твоей, так, чтобы и вечером ты жертвовал, а не искал бы его. Поверишь ли, что это так теперь у меня: я вечер бываю у Языкова, потому что ему – больному – очень скучно. Это превосходная душа, это почти Магденко, но с большею, огромною начитанностью. Гоголь очень хорош, но он несообщителен, я это уважаю, то есть уважаю эту силу, умевшую заключиться в самой себе, но все-таки с ним холодно. Думаю даже, что и посещения Обуховых лучше было бы тебе оставить.

¹ Мається на увазі взаємне рішення перейти у спілкуванні на ти.

² «Заручення Марії» – картина Рафаеля, що зберігається у міланській Пінакотечі Брера.

К тому же это на время, судьба к тебе милостива, она не даст тебе долго скучать. Только в таком уединении соберешься ты с силами, еще ни разу не собираемыми. О твоих занятиях поговорим при твоём приезде, и будет; они должны быть твоими безусловно, чужой совет уже не уместен. Даже неприятности от того, что не так идет, как хочется, все это надобно заставить себя поверить самому себе.

И не хотел было так много писать, да расписался. Я должен был еще взять 30 пятифр[анковых монет] у Ал[ександра] Анд[реевича], чтоб послать Бенуа, – все это неаккуратность, Гр[игорий] Павл[ович], чтобы из Венеции написать к Каскелю.

Книг не покупай «Galleria Omeriana»¹, а купи мне ту книжечку, что я писал к Софье Алекс[андровне], но вернее возьми за вот он: «I più importanti documenti dal 1561 al 1571 riguardanti la vita del Cellini, e pubblicati dal Tassi»². Она стоит, я думаю, паоля 4 или 5. Еще купи «I sinonimi della lingua italiana di Niccolo Tommaseo»³, за эту здесь с меня просили 18 паолей, а там паолей 10, и привези с собою. Счет мне подан за книги следующий:

assegno	4 –	12
deklarazione		10
dazio	3 –	10
sortito		10
facchinaggio		30
	7 –	72

Но это уже кончено, поблагодари от меня Великанова, попроси, чтоб о цвете кораллов (это для Бенуа) решила Софья Александровна. Дамы, для которых покупаются они, – в столице; попроси Велик[анова] извинить меня, я буду писать к нему на днях, и еще попроси поубедительнее о выписке кораллов, прибавив, что я вполне уверен и пр., и пр. Странен мне Серебряков! и скучно то, и собака то; одно его извиняет: у каждого из нас бездна своих недостатков. Прощай, Гришуночик, радуюсь от души, что скоро расцелую тебя всего. Буду искать тебе квартиры. У теньки поцелуй ручки и скажи, что жду ее письма. Это глупо, а что делать: мне необходим голос женщины. Твой Чижов.

¹ Йдеться про працю італійського антиквара-мистецтвознавця Франческо Інгірами (1772–1846) «Гомерівська галерея»: Inghirami, Francesco. Galleria omerica, o Raccolta di monumenti antichi per servire allo studio dell' Iliade e dell' Odissea, Fiesole, 1831–1836, 3 vol.; ця праця містить численні зображення витворів античного мистецтва.

² Про «Життя Бенвенуто Челліні» – тритомне видання, надруковане у Флоренції 1829 р., що, між іншим, містило матеріали для біографії Челліні, які зібрав італійський історик Франческо Марія Таччі (1716–1782): Vita di Benvenuto Cellini orfice e scultore fiorentino scritta da lui medesimo restituita alla lezione originale sul manoscritto Poirot ora Laurenziano ed arricchita d'illustrazioni e documenti inediti dal dottor Francesco Tassi. Firenze, 1829, 3 vol.

³ «Новий словник синонімів італійської мови» Нікколо Томмазео (1802–1874) італійського науковця-філолога і політика: Tommaseo N. Nuovo dizionario dei sinonimi della lingua italiana. Firenze, 1838.

Приписка на полях. Получил письмо Магденки, у бедного умерла мать. Деньги посланы к тебе, бегать уже нечего. Ну, потеря процентов – наказание за беспечность.

Еще попроси Ив[ана] Ильича¹: если пришлются на имя мое вещи с кораблем, чтоб, не пересылая, уведомил меня, впрочем, я и сам буду ему писать об этом, а вот что важнее: пожалуйста, привези мне мыла душистого миндального, какое купил П[етр] Гр[игорьевич].

al Signor
Signor Gregorio de Galagane,
Firenze,
Via del Sole, № 4266.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 407. Арк. 46–47 зв.
Друкуються вперше.

¹ Великанова.

Венеція, 15 мая 1843.

Как мне досадно, что мы назначили первое место, куда писать к тебе, – Лемберг. Третьего дня, вчера, мне так хотелось послать к тебе хоть строчку, что трудно было себя удерживать. Как мне было грустно, не буду тебе и говорить, – до сих пор я и не взглядывал на соседку, и мысль об ней меня оставила. Что еще хуже – это не сильное, не потрясающее чувство, а ноющее и сосущее, как червяк. Я избегаю быть дома и только покоен, когда внешняя жизнь, то есть встреча, отдаляет меня от самого себя. Вчера я был утро с Кочубеем, как Кочубей, он очень хорош. Третьего дня я с наслаждением слушал благословения Ноны, к тебе посылаемые, и мольбы за тебя бедных Фоскари. Мне стыдно и признаваться в слабости характера, а в грустные минуты его нет совершенно. Вечер вчера я провел у Трубецкой, играл поневоле и выиграл. Но все это отвлекает меня от дела. В день твоего отъезда я получил два письма, посылаю тебе оба: одно – ко мне, другое – к тебе. Извини, что я твое распечатал, не мог удержаться, думал, по письму Шаповаленки, что тут найду еще что-нибудь в отношении к Алекс[андру] Андреевичу¹. Бедный он, ради Бога, тотчас же пиши к нему, и всего больше пиши о спокойствии и о том, что, даст Бог, все уладится. В его настоящую минуту всего нужнее участие. Прощай, Гришун, дай Бог, чтоб это письмо нашло тебя совершенно здоровым, веселым, я думаю, оно найдет тебя, еще два шага – и ты в Секиринцах. Твой, совершенно твой Чижов. Целую тебя и твои глаза, скучно, Гришун. Когда-то мы встретимся? Будет ли снова наша жизнь так тиха, проста? Письмо к тетке я пошлю к тебе завтра же в Лемберг, Лемберг, Лемберг. И шутить теперь не хочется, и шутки натянуты. Еще раз обнимаю тебя.

Сегодня сыро, идет маленький дождик, гадко! а на сердце еще гаже. Вчера Венеция была чудо как хороша, и представь себе – на Канареджио был народный праздник у николотти². Бездна барок летали по каналу Cannaregio, потом была большая барка под цветочным балдахином, зачем мы не знали этого – два дня уж ничего бы не значили. Регата будет 5 июня, и счастье мое, что 10 отсюда уезжают все, и Захаржевская, и Трубецкая.

à monsieur
Monsieur de Galagane,
à Lemberg, en Galicie.
poste restante.

à Prilouka
gouvernement de Poltawa

¹ У цей час О. А. Іванов отримав розпорядження повернутися до Росії для роботи над розписом інтер'єрів Ісаакіївського собору в Петербурзі.

² Ніколотті – назва мешканців західної частини Венеції, що походить від церкви Сан-Ніколо-деї-Мендіколи.

Его благородию
господину
Григорию Павловичу Галагану,
Полтавской губернии,
Прилуцкого уезда,
в г. Прилуке.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 409. Арк. 50–51 зв.
Друкується вперше.

Венеція, 24/12 мая 1843 г.

Гришун, Гришун, где ты получишь это письмо? Оно ли тебя будет дожидаться, или ты подождешь его денька два-три? Желал бы последнего, меня ужасно беспокоит, что я по сие время не имею от тебя писем. Ты знаешь меня, мой миленький Гришунок, мне уже поздно изменяться, всякое неполучение писем доставляет мне ужасное беспокойство, пожалуйста, не пропускай срока. Что сказать тебе обо мне? Что мне было грустно, ты это знаешь. Голицыны рассеяли просьбами, и она – простою и искренностью привязанности ко мне, но все это не та дружба, которая не составляется иначе, как она составила у нас летами и обстоятельствами. Теперь со мною живет Варвинский. Вообще после тебя гости не прерывались. Только что уехали Голицыны, является полудоровый, полубольной Варвинский и пробудет здесь еще дней 5; он восхищен Венециею. Между тем пришел русский бриг, сначала я им не занимался, потом Варвинский уговорил съездить туда, и что же? Капитан одного со мною уезда дворянин – именно Бартенов, брат моего доброго приятеля, о котором я тебе говорил прежде. Дня два побыли мы вместе, вчера он поплыл в Триест, ужасно как звал с собою в Грецию, но я, разумеется, и не слушал.

Получил я позволение работать в архиве и, я думаю, начну послезавтра, все это не худо. Что же еще сказать тебе, Гишунок: Нона, старая Нона, тебя благословляет, Нина зовет меня иногда «*mio rovero vecchio*»¹, Эйя также мила, Фоскари тоже тебя благословляет. Слава Богу, что начало твоей жизни идет, сопутствуемое благословениями бедных, и дай Бог, чтоб ты пошел по этому пути. Хорош ты – ты заплатил и за мое житье в Падуе, именно – передал портному 3 цванцигера, я и позабыл, но он мне напомнил. Да и где тут, так переплатил за все, как только можешь себе представить. Получаю я из Рима вексель на 500 франков, Алекс[андр] Андр[еевич] пишет, то есть просит Серебрякова написать, что 500 франков с процентами банкиру составляют ровно 100 скудо, как перевели на цванцигеры и вышло, что я взял с тебя огромные проценты. Зато я и покутил – капитана Бартенева угощал завтраком и с шампанским, то есть мы, пополам с Варвинским. Зачем же я не пишу к тебе на благословенном языке святой Италии? *Le mii affari vanno bennone con la mia vicina, cioe e oggi hanno cominciato d'andare bene. Passando qualchi giorni dopo la tua partenza, ho scritto a ella una lettera, come sempre si scrivano belle cose. L'altro giorno ricevo la risposta dove ella mi dice che'ella e maritata et cet., et cet. e per questo non posse rispondere al mio sentimento. Nonostante questo ho scritto un'altra lettera e come non avevo alcuno mezzo di rendergliela, ho gettato nella sua finestra. Per disgrazia la mia lettera la cascata fuori della finestra, di maniere che invece*

¹ Мій бідний старий (італ.).

di ella, sua vicina, una ragazza di nostra casa, l'aveva presa. Lei non sapeva che questa era la mia colpa e credeva che Centarini aveva fatto a posta. Dopo tre giorni non avendo nessuna parola. Le scritto ancora una lettera, la messo della finestra ella mi da un segno, non potevo capirlo ella fa sortire una casetta, messo la mia lettera dentro e che vedo? La mia lettera cade e ella ride! Potrei immaginare la mia rabbia! Prendo la lettera и разрываю его в мелкие кусочки. Тем и кончилось. Non voglio la guardare, встречаю на улице, не обращаю внимания. Только вдруг случайно смотрю в окно, ella mi fa un segno che volle sortire da casa. Sorto, l'aspetto. In due minute, ella sorte colla piccola patella, vada, passa tutte le mercerie senza guardarmi solamento passando vicino a me, ella m'ha detto: «Lo prego di seguirmi». Andiamo per il ponte Rialto, poi sempre avanti, sempre avanti, alfine perdendo la pazienza la domando se posso avvicinarla, ella m'implora d'andare di lontano perche dice, tutti mi conoscano sono nata Veneziana e mio marito ha molti conoscenti. Trapassando un traghetto siamo venuti alfino in un calle, piccola callettina, ella mi da insegno, l'avvicino e ella comincia di dire, che ella ha fatto molto male con un uomo, chi non voleva offenderla. Abbiamo parlato due ore, ella mi aveva detto che ama suo marito e nello stesso tempo ha domandato la mia permissione di vedermi. Domani sara il primo rendez-vous, non so come posse finire perche di nessuna maniere ella non volle andare nella gondola. Ecco tutta la storia¹.

Прощай, мой шун, шуночик, расцелуй ручки у маменьки, поцелуй ножки и расцелуй ее глазки, а я ее буду просить обнять и поцеловать

¹ Мої справи йдуть добре з моєю сусідкою, вчора і сьогодні почали поліпшуватися. Через декілька днів після твого від'їзду я їй написав листа, як завжди – про хороше. Наступного дня отримав відповідь, де вона повідомляє, що вона заміжня тощо, і тому вона не може мені відповісти на моє почуття. Незважаючи на це, я написав їй ще одного листа й, оскільки у мене не було жодного іншого засобу передати їй його, я кинув його в її вікно. На жаль, мій лист випав з її вікна так, що потрапив до її сусідки, дівчини з нашого будинку, котра і взяла його. Дівчина не знала, що лист потрапив до неї через мою провину, помилково, і подумала, що це Центаріні підготував для пошти. Впродовж наступних трьох днів я, не отримавши від неї жодного слова, написав їй ще одного листа і кинув їй у вікно. З вікна вона подала мені знак, сенс якого я не зрозумів, зрештою, вона відкрила поштову скриньку, поклала туди мій лист, і що я бачу? Мій лист падає, а вона сміється. Можеш собі уявити мою злість! Я беру лист і розриваю його на дрібні шматочки. Тим і скінчилося. Я не хотів дивитися на неї, зустрічаю на вулиці, не звертаю уваги. Раптом випадково дивлюся у вікно і бачу, що вона робить мені знак, що хоче вийти з дому. Я виходжу, чекаю на неї. Через дві хвилини вона виходить з маленькою корзинкою, проходить через усю галантерею, не дивлячись на мене, проходячи близько від мене, вона мені сказала: «Прошу Вас, слідуєте за мною». Ми йдемо мостом Ріальто, усе уперед, усе уперед, нарешті, втрачаючи терпіння, я питаю її, чи можу я наблизитися до неї, вона благас мене йти подалі від неї, оскільки її тут усі знають, вона уроджена венеціанка, і в її чоловіка багато знайомих. Зійшовши з порому, ми опиняємося у маленькій бухточці, вона мені дає знак, я наближаюсь до неї та йду поруч, на ходу вона мені каже, що вчинила дуже погано щодо чоловіка, котрий не хотів її образити. Ми проговорили дві години, вона мені сказала, що любить свого чоловіка і водночас вона просить моєї згоди бачитися зі мною. Завтра буде перше побачення, не знаю, чим закінчиться, тому що вона жодним чином не хоче кататися у гондолі. Ось і вся історія (італ.).

моего миленького Гришунка. Павлу Евграфовичу и сестре передай мой поклон. Прощай, миленький Шунок, твій, всею душою твій Чижов.

Мне не верится, что я с тобою разлучился надолго, кажется, что ты близко от меня, и я пишу совершенно так, как бы ты был в Милане. Еще раз обнимаю тебя, обнимаю и целую, расцелуй всех, кому может быть дорог мой поцелуй. Жду от тебя преподробного письма о всех твоих проделках с коляскою. Письмо пошли по адресу с приложением четок лоретских².

Гришунку.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 410. Арк. 52–52 зв.
Друкується вперше.

¹ Маються на увазі чотки з Лорето – місця паломництва для католиків (до лоретської базилики Санта-Каза).

Розділ 2. Катерина Ґалаґан (старша): дорожні нотатки, листування з сином і Ф. Чижовим

§ 1. «Ферми, побудовані у горах, настільки мальовничі, що можна побачити смак мешканців»: дорожні нотатки К. Ґалаґан (старшої), 1841–1842 рр.

Маршрут от Секиринец до Брод	
Прилуки	30
Обичев	24
Почекин хутор	22
Нежин	20
Носовка	14
Козары	24
г. Козелец	17
Калитянские хутора	18
Богдановские хутора	19
Бровары	23½
г. Киев	23½
Белогородка	21
Мотыжен	20
Рожев	14
Раковичи	17
г. Радомысл	18
Березовка	16
Студенец	16½
г. Житомир	16
Вилск	19
Пулины	13½
Соколов	12
Несолонь	24
г. Новгород-Волынск	17¾
Дедовичи, Молодково тож	14¾

г. Корец	19
Выгода	17
Головля	22
г. Острог	20½
Гульча	21
Варковичи	18
г. Дубно	19½
Комаровская, Верба тож	10½
Шляхово или Каменно-Вербовская тож	20
м. Разивилов, до Брод – 2 мили	
От Брод до Дрездена	мили
Броды	1½
Подгорж	1⅛
Злочев	1
Ольшаница	1
Подгайчики	1
Гай	1½
Лемберг	1
Бартутов	1
Грудек	1½
Садова Вишня	1
Мосчиска	1
Шегенное	1
г. Перемысл	1½
Радимно	1
Ярослав	1
Пршеворск	1½
Ланоут	1
Ржесцов	1½
Гора Рапочска	1½
Дембица	1
Пильсно	1½

г. Тарнов	1
Войниц	1¼
Бржеско	1
г. Гдов	1½
Мысленице	1
Издебник	1½
Кенты	1½
Бьелиц	1½
Скоршов	1
Тешен	1½
Фриедек	1
Нейтишен	1½
Вейзкиршен	1½
Обер-Анецт	1¼
Ольмуц	1¼
Литау	1¼
Мюдлиц	1¼
Трибау	1¼
Цвитау	1¼
Лейтенмитель	1
Гогенмаут	1½
Голиц	1½
Кениграц	1½
Оржиц	2
Гичен	1
Саботка	1
Мюнхенграц	1¾
Нимец	1¼
Хайда	2
Римбург	1½
Нейштат	3
Дрезден	5

Тарант	1½
Фрейберг	1¼
Форгейм	2
Фолкенштейн – не стоя[ли]	
Анеборг	
Слосел	2¼
Иоахимсталь	1
Карлбад	1¼
Петчау	1½
Мариенбад	1½
Зандау	1
Эгер	1
Тиршгейм	1½
Вейсинстат	1 2/8
Гефрейс	6/8
Бернек	6/8
Берейт	1
Гольфельд	1½
Вюргау	1
Бамберх	1
Ельтман	1
Гасфурт	1
Швенфурт	1½
Попенгаузен	6/8
Кисенген	1

1841, июня 29 дня.

В пять часов пополудни выехали мы из Сокиринец в Прилуку, где должны были дожидаться восхода солнца, и потом поехали в Гнилицу. Пробыв в Гнилице почти до вечера, осмотревши все хозяйство наше, отправились до станции Обичева на своих лошадях, оттуда взяли почтовых, приехали в Нежин почти в полночь. В Нежине нас встретили добрые Nicolas и July Маркевич, угостили как нельзя лучше, мы ночевали у них, и в 12 часов, т. е. в полдень, отправились на Носовку в Козелец. Не привыкши к малой прислуге, нам трудно было с одним человеком и девушкой, когда

добрые наши козелецкие соседи съехали навесить нас. Переночевав в Козельце, утром 2-го июля, напившись чаю у ген. Никитина, выехали в Киев. В Киеве остановились в гостинице «Лондон», поехали тотчас на Подол в наемной коляске, но как было уже очень поздно, то Михайловский монастырь был заперт, а потому вечером я поехала повидаться с Пенхержевским, комендан[том] Киева. У них я попала на званый вечер, и как не неприятно было мне войти в залу в дорожном моем платье, но они упросили. Ласковые хозяева тотчас познакомили меня с некоторыми из своих гостей. У них был маленький концерт, играла очень хорошо на фортепиано дочь генер[ала] Шварценберга, с аккомпанементом скрипки очень хорошо тамошним плац-адъютантом. На другой день, т. е. 3-го, [с] утра мы поехали к Лавре, там, приложась святой иконе Божией Матери, пошли в пещеры. В ближние водил нас начальник пещер и отец Модест. В дальние пещеры водил меня от[ец] Досифей, начальник дальних пещер, у которого мы потом пили чай. Возвратясь на свою квартиру, позавтракавши, поехали мы в Михайловский монастырь. Там познакомил меня Paul с епископом Еронимом, викарием киевским¹. Он живет, как и все викарии, в Михай[ловском] монастыре, человек умный и добродетельный. Я позабыла сказать, что у отца Досифея видели мы весьма ученого и умного протоирея Скворцова, ректора академии². Нас посетила София Иван[овна] Пенхержевская. Потом приехал Христиани с женою³, обедали у нас, а еще бывший прежде дядькою у Paul М. Шенве, немец, очень добрый человек, к которому мы, выехавши из Киева, заезжали на несколько минут.

От Киева до Брод мы никого не видали, кроме жидов, и на станциях – весьма часто грубых зрителей. Житомир, губернский город, так дурен, как я не воображала, все дома опущены, не поправляют, многие вовсе разрушаются. Проезжая Новгород-Волынск, я вспомнила, как жила я там в детстве⁴, и какое грустное впечатление произвело на меня разрушение того строения, которое прежде украшало город. Мы жили в нем с папенькою и маман. Это был, так называемый тогда дворцом⁵, дом на утесе скалы, весьма высокой, над речкою Случью, с прекрасною

¹ Тут помилка – вікарієм київського митрополита, чигиринським єпископом, у цей час був Єремія (Соловійов).

² Протоієрей Іван Михайлович Скворцов (1795–1863) не був ректором Київської духовної академії, як помилково вважала К. В. Галаган, а обіймав у цьому навчальному закладі посаду професора філософії.

³ Карл Христіані до переселення у Київ працював садівником у Сокиринцях. Він був одружений з вихованкою К. В. Галаган – Єлизаветою Петрівною. (ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 727. 28 арк.).

⁴ В. В. Гудович, батько К. В. Галаган, командуючи Катеринославським кірасирським полком, впродовж 1794–1795 рр. перебував у «приєднаних від Польщі областях» (Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 1. К., 1908. С. 357), себто на теренах, захоплених Російською імперією у Речі Посполитої, зокрема на Волині. Саме тоді у Новограді-Волинську разом з батьками мешкала К. В. Галаган.

⁵ Йдеться про Звягельський замок.

террасою. Этого строения вовсе уже нет, осталась одна малая часть строения, которая занята, кажется, колодниками.

Непонятно, отчего все наши города Вольнской губернии приходят в разрушение. Корец, с хорошею фарфоровою фабрикою, также опустел, и говорят, что фабрика не действует. Корец от Новгород-Вол[ынска] – в 30 верстах, мы переменили только лошадей. Станции Выгода и Быковка. Потом Острог, – город был, по-видимому, прекрасный, много строения разрушившегося, монастыри уничтожились, здесь были капуцинский и бернардинский¹. Синагога существует, очень большое здание. Чрез две станции от Острога – очень хороший городок Дубно, на прекрасном местоположении, хотя и здесь монастыри католические опустели. Вообще все монастырские здания – на лучших местах в городах, и прекрасные. В Дубно, как и во всех городах Польши, жители почти все жида, и кажется, что этот народ всегда празден, потому что всегда на улице, одно занятие их – коммерция. Две станции от Дубно – и, наконец, Разивилов, наш пограничный город. Приехавши в Разивилов еще к обеду, очень рано, мы остановились на станции. Хозяин-поляк накормил нас очень дурным столом, и что всего хуже, – нечистым. Мы поспешили разменять наши деньги на заграничные. Явились жида, между которыми и честный жид Юдка Мандель, которого нам рекомендовали прежде. Он разменял нам деньги с переводом в Броды, а потому и должен был ехать с нами туда. Наш поляк-хозяин нанял нам своих лошадей за тройную цену, запряг в нашу карету 9 лошадей и до Брод взял за каждую лошадь по целковому.

От Разивилова до Брод только 7 верст. На таможене нас пропустили со всею вежливостью, книги не осматривали. На австрийской также, тут помог нам и Мандель. В Бродах мы остановились у жида Балабана. Квартира нечистая, хозяин, как все вообще жида, – плут. Нас окружили жида с товарами, без товаров, и такое множество, что насилу заперши на замок двери, можно было от них избавляться. Сам хозяин, говоря немного по-французски, предлагал во всем свои услуги, и нас обманывали на всем. Как многие банкиры обанкрутились, то нам Мандель не советовал брать билетов. Он не мог от своего верителя так скоро получить для нас денег, как обещал, и мы должны были простоять в Бродах больше суток. Наконец Мандель принес деньги, и мы променяли за каждую тысячу 442 мюнцгульдена. Расплатившись за все чрезвычайно дорого, отправились на почтовых дальше. Лошади прекрасные, упряжь в шорах, почтальон одет очень хорошо и, несмотря на то, что был пьян и ехал ночью, но доставил нас благополучно до станции, где мы, переменя лошадей, выехали далее. Дорога от Брод до Лемберга прекрасная, шоссе исправно, везли нас очень хорошо. Местоположение чрезвычайно хорошее: по левую сторону – горы, покрытые инде лесом, небольшими,

¹ В Острозі існував не бернардинський, а єзуїтський монастир (бернардини мешкали у сусідньому Дубні).

красиво расположенными селениями, во многих местах – усадьбами помещиков, украшаемыми итальянскими тополями. По правую сторону равнины покрыты хлебами и также селениями. Дорога извивается прелестно, усажена во многих местах тополями, липами, рябиною и вишнями. Католические церкви во многих местах видны прекрасные, большие, все в готическом вкусе. Хаты же все деревянные и бедные, жидов везде множество.

В Лемберг мы приехали в полдень, остановились в *hôtel de Russie*, все хорошо, чисто, обед прекрасный, услуга очень хорошая. Город старинный, прекрасный, строение все каменное, улицы хорошо вымощены, узкие по большей части. На площадях фонтаны украшены статуями. После обеда мы поехали в нанятой коляске посмотреть город. Были в нескольких магазинах. Все, что мы купили, очень дорого в сравнении с нашими городами, где мы покупаем все привозное из-за границы, – стало, платим пошлинное и провоз. Быть может, что мы, как иностранцы, здесь были обманываемы: с нас брали, что хотели, потому что здесь надо торговаться, чтобы купить дешевле. На другой день в 8 часов я пошла пешком в нашу церковь¹. Здание прекрасное, но вся внутренность показывает бедность. Священнодействовали на русском языке², маленький мальчик исправлял должность дьячка и пономаря. Вся служба читалась, а не пелась, тем же мальчиком, стоявшим на коленях у престола. Алтарь открыт и имеет форму католического, все украшения на престоле – на манер католический. Приобщали несколько мальчиков, которые все стояли на коленях, при приобщении многие обряды изменены. Я заходила в католические две церкви, обе прекрасные. В соборной я застала обедню. Хотя не было никакого праздника, но в церкви было много [людей]. Орган превосходный и пение прекрасное. Церковь по величине своей и по прекрасной архитектуре готической заслуживает внимание. Монастырь иезуитов на крутой горе, с хорошим садом, который служит гулянием для жителей³. Мы ездили и видели многих в экипаже и пешком. В публичном саду было также много гуляющих, тут же и театр⁴. Нам принесли афишку (тогда играли оперу – пантомима, и говорят, очень хорошо), но мы не имели времени быть в театре.

От Лемберга до Градека ничего не видели замечательного. Также между городами Перемыслом, Ржецом, Тарновым местоположение в иных местах очень хорошее, монастыри много украшают пейзажи. От Войницы же начинаются горы, которые прежде мы видели вдали. Нельзя

¹ «Нашою» К. В. Галаган називає уніатську (греко-католицьку) церкву. Вона напевно відвідала Успенську (Волоську) церкву на Руській вулиці.

² Йдеться про церковнослов'янську мову.

³ К. В. Галаган мабуть помилково назвала єзуїтським монастирем кафедральний греко-католицький собор св. Юра з митрополічним палацом і парком, що розташовувалися на Святоюрській горі.

⁴ Йдеться про Єзуїтський сад.

представить себе прелестнейших видов: долины усеяны прекрасными домиками с садиками фруктовыми, цветами, и у каждого – итальянские тополи. Здесь этих тополей множество, они чрезвычайно украшают пейзаж, ими обсаживают дома и авеню¹ к ним, и как их ни много, но к ним никогда не присмотришься. По другую сторону – горы, у подошвы коих множество прекрасных усадеб, кое-где церкви. Не доезжая Издебница, на горе – прекрасный монастырь с большими вокруг его постройками, разбросанными по крутизне горы. На противной стороне, на самой крутой горе – развалины какого-то большого строения². От Гдова уже начинаются горы с огромнейшими скалами, под самую дорожку реки Висьлица и Данаек красиво протекают, а особенно первая извивается так, что ее несколько раз во многих местах переезжают, бежит по камням, и так быстра, что течение ее слышно. Мосты прекрасные, основание гранитное. Множество ручьев протекают также с неимоверною быстротою и шумом, так что небольшой ручей приводит в движение мельницы и пилит дерева. Поля все обработаны, нет местечка праздного. Здесь много сеют клеверу, из хлебов же больше другого – пшеницу. Картофелю множество. От Издебница до Бьелица дорога чрезвычайно гориста, хотя исправлено шоссе, но беспрестанно надо тормозить карету. В Войнице мы взяли штунден паст³, который дороже [с] нами ехавшей экстра-почты 10 процентами, но езда скорее и без и малейших задержек. В Белицу мы приехали в час пополудни 13 июля. Город очень хороший, уездный только; на площади – фонтан с статуею Нептуна, множество магазинов. Paul тотчас отправился в кондитерскую и принес нам прекрасных конфет, прекрасно сделанных и красивых. Белица и Бела составляют почти один город, разделенные речкою, Бела – по нашу сторону, а Белица – уже город Шлезии. Здесь уже очень редко видишь жидов, поляки еще есть, и наречие их слышно. Сегодня воскресенье, и потому видишь немцев с книгами, как мужчин, так и женщин, даже девочки, пасущие коров, – с молитвенниками в руках.

14. Теперь мы в Тешене. Уездный город Шлезии, прекрасный, с двумя монастырями, один из них – с[в.] Елизаветы. На площади – фонтан, все почти дома каменные, гостиница, где мы ночевали, – прекрасная, большой чистый дом. Здесь, подле нашего номера, ходили мы смотреть прекрасный кабинет восковых фигур. Теперь только начинаем мы видеть хорошие гостиницы, до сего же от самого Разивилова, кроме Лемберга, все очень нехороши, нечисты и без совести дороги. Можно сказать пословицу: «Славны бубны за горами», так и хваленая исправность заграничная и чистота, сравнить нельзя, как у нас по петербургской дороге лучше. Я говорю «до сегодняшнего дня», надеюсь, что теперь будет уже хорошо, судя по здешней гостинице.

¹ Під'їзні дороги (від фр. *avenue*).

² Йдеться, можливо, про м. Кальварія (з бернардинським монастирем тощо), яке розташовувалося між поштовими станціями Издебник і Вадовіце.

³ Продовжений паспорт (нім. *Stundenpaß*).

Костюм здешний национальный очень хорош. Мужчины – вообще в синих камзолах, узкие рукава, на камзоле множество пуговиц металлических в три ряда спереди. Женщины – в черных или темно-синих корсетах с черным бархатом, юбки цветные, обшиты внизу лентою черною или другого цвета, но что чрезвычайно нехорошо, что эти юбки до крайности коротки, еще сносно, когда на ногах чулки, которые здесь обыкновенно красные, очень яркого цвета, но у весьма многих ноги босые или только получулки, которые закрывают немного вниз ступни, башмаки с бантами черного цвета. Головы у женщин покрыты белыми платками, и еще покрывало донизу.

От Тешена до Ольмюца дорога гориста и чрезвычайно разнообразна, по обе стороны видны вдали прекрасные селения, хорошенькие фермы. Нельзя не любоваться здешнею деятельностью, как стараются об улучшении полей, удобряют для пшеницы и других хлебов. Горы до половины их ската обрабатываются и усеяны фермами. Я позабыла сказать, что это – горы Карпатские. Население заметно здесь больше, по дороге все почти города со множеством фабрик полотняных, бумагопрядильных и разных бумажных материй, также ситцевых. Города все прекрасные, строения каменные. Вейскирхен – прекрасный городок, с очень хорошими церквями. В каждом городе на площадях – фонтаны, статуи, часто – изображение какого святого и даже Божией Матери, изваянное из дикого камня, украшенное по местам позолотою. У каждого селения при въезде – крест с изображением распятия, бывают эти кресты деревянные, но здесь большею частью высечены из камня и также по местам с позолотою. В городах этаких изображений бывает несколько. От Тешена до Ольмюца по дороге на крутых горах – три чрезвычайно большие руины. Более всех замечательны недалеко Вейскирхена. Видно, это были жилища владетельных особ, судя по величине замков. В Ольмуц мы приехали вечером. Город большой, чрезвычайно хороший, дома все в три и четыре этажа, каменные, улицы, как у всех здешних городов старинных, – узкие. Ольмуц – на реке Март.

15-е июля по нашему стилю. Нам надобно было пробить здесь почти целый день; кроме того, чтобы сделать новый тормоз к карете (уже третий раз переделываем тормоз – от беспрестанных гор они скоро портятся), да надо было немного отдохнуть от долгой езды и переменить наш стунден пас, который нам был дан до Ольмюца только. Военных здесь очень много, думаю, от того, что Ольмуц – крепость. Впрочем, и по другим городам много военных.

В Ольмуце мы ходили в кафедральную церковь¹. Превосходная, огромная, готической архитектуры, о семи престолах, орган чрезвычайно большой. Нам показывали еще другую церковь, очень хорошую также, но далеко уступающую первой. Что же весьма-весьма замечательно, то, что в одной *chapelle*² – колодезь, куда был брошен святой [*пропуск*

¹ Собор св. Вацлава.

² Каплиця (фр).

у тексті¹] после того, как его мучили, переломали колесом все кости. Тут же, в этой самой капелле, – машина, которою его мучили. Из колодезя пьют воду для исцеления. Нам также дали напиться этой воды, она солоновата. Здесь есть университет, говорят, с тремя тыся[чами] студентов. Мы не имели времени зайти посмотреть его. Магазинов здесь много, и очень хороших, но все дорого. Фруктов здесь множество: груш, яблок, слив, вишен, черешен, абрикос, – на рынке и по углам улиц, во множестве и дешево, также и дыни. Еще в Бродах мы ели прекрасные черные сладкие большие вишни или черешни, и за 10 копеек целая тарелка. Здесь два монумента, из коих один очень большой, прекрасно изваянный, и весь из двух только камней. Улицы прекрасно вымощены, и тротуары, – плоскою каменною плитою. Есть улицы так узки, что с трудом разъедутся два небольшие экипажа. От высоты здания, думаю, солнце их никогда не освещает, несмотря на то, однако же, улицы чисты. Фиакры здесь старинные, кареты покрыты циновками, где место для кучера, что составляет для его род коляски, есть также и коляски. Вообще в Германии делают прекрасно маленькие простые экипажи, род наших бричек, плетеные, иногда крытые полосатою синею с белым бумажною материею, в роде *char à bancs*² покрытого, чрезвычайно легки. Как здесь все экипажи с дышлом, то этиакие возит одна лошадь, что сперва кажется странно видеть в дышле одну только лошадь. Здешние почты довольно исправны, почтальоны играют в рог при приближении к станции и также при встрече с другими экипажами, чтобы давали дорогу. Играют различным образом, иногда род возгласа. Лошади большие и хорошо содержатся. Вообще весь скот хорош, землю обрабатывают лошаадьми, в плуг запрягают четыре лошади. Плуг почти такой же, как и наш, но лучше сделан, колеса легче, и у железа широкая деревянная доска, которая не позволяет налипать, приставать земле к железу. Быков, т. е. волов, в упряжи не видно, один раз я видела только повозку, запряженную двумя волами, но у них не было ярма, как у нас на волах, а род хомутов или шор.

Во всех городах здешних очень мало ездят в экипажах, хотя и есть фиакры, но я думаю, что их берут, только чтоб ехать за город, вообще же ходят пешком. На улицах очень свободно, каждый и многие с трубками. Как мало видишь экипажей, то маленькие дети очень часто ходят одни, не бояться быть раздавленными, как у нас в Петербурге, – большому трудно перейти улицу от беспрестанной езды.

Сейчас пришел Поль и принес нам множество прекрасеньких вещей. Одна для меня – премилая, прекрасно сделанная, – образочек слоновой кости, с[в.] Екатерина, очень искусно вырезан.

Литау, Мюденц, Трибаю, Цвинаю – очень хорошие города, с хорошими красивыми площадями, и все на один манер выстроены: высокие кры-

¹ Йдеться про св. Яна Саркандера, що загинув мученицькою смертю у 1620 р.

² Шарабан (фр.).

ши, на площадах – фонтани, посреди площадей обыкновенно – высокая пирамида, очень хорошо украшена изваянными какими-нибудь святыми, а наверху украшена также – изваянное изображение Божией Матери.

16. Лейтенмитель. Дорога от самого Ольмуца гористая, прекрасно проведенная. Лихтенсмитель – прекрасный город, в нем много фабрик, лицей и также прекрасный замок графа Вильштейна – того самого, который имеет известный всем замок в Теплице¹. Гогенмаут, Голиц – дорога проведена по весьма высоким и крутым горам, но так искусно нивелирована, что почти нечувствительно взъезжает на самый верх горы. И так хорошо, искусно, как будто нарочно, по местам на дороге прорублен лес, чтобы открыть прелестнейшие виды. Ехавши по этим горам, как бы прогуливаешься по прекрасному саду, любуясь им, смотря на множество прекрасно рассеянных деревень и маленьких городов по обширным равнинам. Фермы, построенные по горам, так живописны, что можно видеть вкус жителей. От Голица в Кениграц. Одна из главных крепостей Австрии. Мы подъехали к ней уже в 11 часов вечера и потому должны были ожидать с полчаса, пока нам отворили ворота крепости. При лунном сиянии мы могли только видеть и укрепления, и город, который весь укреплен, и нас провожали солдаты, также и при выезде, и так же отперли ворота. Здесь уже Богемия, и наречие чрезвычайно странное: мало очень немецких слов, так что жители не понимают немецкого языка, – у них древнее славянское наречие. Народ чрезвычайно ласковый, вежливый, встречающие кланяются проезжему. Видно изобилие во всем: скот и лошади прекрасные, хлеб сеют разный, много очень льну, и обрабатывают его прекрасно. Орют лошадьми, очень редко – волами, и то в плуге не больше двух. Плуги – как наш, с колесами, но иначе устроены, легкие. Оржица, Гичен, Сабатка – от самого Кениграца едем аллеею фруктовых дерев: груш, яблок, вишен, черешен, слив, – и все это покрыто множеством прекрасных фруктов. Сады по обе стороны дороги фруктовые, в множестве. Мюнхенграц – мы обедали, нас накормили прекрасно, между прочим, сделали прекрасный и превкусный род пудинга, и в продолжение нашего обеда в другой комнате играла для нас на арфе одна из прислуги, молодая женщина, и очень порядочно.

Немец, Хайда. Рюмбург – последний австрийский город. Не доезжая до Ренбурга от Хайды – по прекрасной долине множество прекрасных фермов с садиками, цветами, по обе стороны дороги, начиная от верха горы. Деревья фруктовые и виноград садят у стен домов так, что они расстилаются по стенам и делают прекрасный вид. Это здесь и в деревьях, и

¹ Літомишльський замок – пам'ятка ренесансної архітектури другої половини XVI ст. Власником його під час подорожі К. В. Галаган був граф Антон Георг Крістіан фон Вальдштейн-Вартенберг (1793–1848) (див.: Šanta Anton. Geschichte der Stadt Leitomischl. Leitomischl: Druck A. Augusta, 1856. S. 33). Теплицький замок, розташований на північному заході Чехії, належав не Вальдштейнам, а князям Кларі-Альдрінген.

по городам. В Рюмберге – таможня, нас пропустили, ничего не спрашивая, только посмотрели паспорта. Подъезжая к Нейштату, первому, т. е. пограничному, городу Саксонии, мы очень боялись осмотра на таможене за наш чай и табак, хотя решились, не скрывая, объявить, сколько у нас чего есть, но все было неприятно, что все перероят (как нам сказали). При въезде нас встретил чиновник, очень вежливо спросил, не имеем ли мы какой контрабанды. Мы это приняли еще за австрийскую таможеню, потому что ни минуты нас не остановили. Мы отвечали, что ничего нет. Все ожидали саксонской таможи. Какое было наше удивление, когда, приехавши в Нейштат, мы спросили, где же таможня, нам сказали, что мы ее проехали. От Нейштата до Дрездена – 5 миль, лошадей не переменяют, но на дороге в постоялом доме дают отдохнуть им 20 минут, а потому мы, выехавши из Нейштата в 5 часов пополудни, приехали в Дрезден в 8 часов. Не доезжая за полверсты, открылась нам Эльба – прекрасно протекает в городе, отделяя предместье его от главного города, но это предместье – прекраснейший город с огромными домами и, что всего прелестнее, с бульваром по всем главным улицам или, лучше сказать, широкими аллеями, чистыми дорогами, усыпанными песком. Переехавши мост, въезжаете уже в старый город. Здесь начинаются огромнейшие дома в 5 и 6 этажей, улицы очень хорошо вымощены, довольно узкие, даже главные из них. Мы еще ничего не могли видеть в городе. Приехавши вчера, остановились в Hôtel de France, окна на улицу. Нам принесли чай с прекрасным серебряным самоваром, чего мы, выехавши за границу, не видали. Как видно, не охотники до чаю, то самоваров вовсе нет, а приносят на чай воду в горшicke или кастрюльке, что очень неудобно. Paul сейчас пошел в кондитерскую и принес нам прекрасных вещей, как для вкуса, так и для виду, – прекрасные корзинки, наполненные конфетами. Движение в городе на улицах беспрестанное.

20 нашего стиля. Мы ездили в соборную церковь Notre Dame¹, слышали придворную капеллу. Музыка восхитительная, оркестр играет как будто один инструмент, и пение прекрасное. Все служение в церкви благочинное. Церковь очень хороша. Главный образ – «Воскресение Христово», говорят, Доминикина, и все картины, т. е. образа, превосходны. Наружность церкви великолепная, она больше гораздо церкви Ольмютской, но внутренность Ольмютской превосходнее гораздо. После обеда мы ездили по городу, чтобы видеть лучшие здания. Есть множество прекрасных древних, и вообще весь город, как величиною его, так и красотою, превосходен. Были в публичном здешнем саду² – чрезвычайно велик и хорош, в французском вкусе. В саду осматривали дворец Августа II,

¹ Фрауенкірхе (нім. *Frauenkirche*, фр. *L'église Notre-Dame de Dresde*, церква Богоматері) – дрезденська лютеранська церква, пам'ятка барокової архітектури XVIII ст.

² Гроссер Гартен (нім. *Großer Garten*) – пам'ятка барокового садово-паркового мистецтва.

его, так називається, «Охотный дворец», невеличкий, в старинному, тепер в модному смаку¹. Весь складається з зали посередині, можна сказати, прекраснішої. Плафони прекрасної живописи во всіх кімнатах, і це тільки зберегло свій вигляд, решта ж завжди відновлюється. Ми бачили внизу кілька християнських старовин 14-го століття, між іншими і маленький зразок складної, мідний, який звичайно буває у російських селян, і написаний: «російський». Після поїхали на народний свято, майже повністю за містом. Розбито багато палаток, різного роду балаганів, все, що тільки може служити розвагою, – все тут. Карусель, прекрасно зроблена, театр, різні фігурки, в великих палатках багато столиків, за якими сидять сім'ї. Німці п'ють пиво, інші їдять, їдять, всього багато, і все весело, все здається рівно, народу багато, але селян з вищого кола не можна розпізнати в натовпі, всі однаково одягнені. Близько до гуляння – будинок, де грає також музика і куди ввечері з гуляння відправляються танцювати.

21. Сьогодні ми бачили дуже цікаву річ, це історичні місцеві старовини. Будівля, називається «Цвингер», недалеко від палацу², дуже велика, містить в собі багато цікавих предметів, в тому ж і кабінет історичних старовин. Більше і цікавіше всього – це все, що належить Августу I і його жінці. Auguste le beau³, потім всі курфюрсти, також і вони в лицарських своїх одягах, на конях і пішки, прекрасніше розставлені, і все так збережено і в такій чистоті, що можна полюбуватися. Нас вів чиновник, який при цьому кабінеті, людина, видно, дуже вчений, розповідав все, що належить для задоволення розглядаючих. Ми були самі. Цей кабінет займає найбільші зали. Речі, що належать жінці Августа, незвичайно хорошої роботи, все в золоті. Її робочий стіл незвичайно улаштований: в ньому все речі в золоті, і з однієї сторони відкривається фортепіано, видно, вона була музикантка⁴. Старовини ці з 14-го століття.

Були в Картинній галереї, бачили «Мадонну» Рафаеля, після Корейо про це нічого говорити, я вже була готова бачити те, що побачила, хоча неможливо представити собі так добре, як побачити. З дитинства ми знаємо ці твори гениїв, а не артистів, але місцеві

¹ Йдеться про Палац у Гроссер Гартені (нім. *Palais im Großen Garten*) – замок, споруджений у стилі бароко наприкінці XVII ст. Він був однією з резиденцій саксонського курфюрста і польського короля Августа II (1694–1733). Приміщення цього палацу використовувалися як музей. Королівське Саксонське товариство старожитностей розмістило тут свою колекцію пам'яток, здебільшого релігійні старожитності.

² Мається на увазі Королівський палац (Дрезденський замок, нім. *Königsschloss*) – резиденція саксонських правителів.

³ Август Красивий (фр.).

⁴ Це був «робочий стіл» (нім. *Arbeitstisch*) курфюрстини Анни Данської – пам'ятка декоративно-ужиткового мистецтва XVI ст. Він складався зі спинета – невеличкого клавішного струнного музичного інструмента, кришка якого могла використовуватися як стіл, а по боках були прироблені шухлядки для зберігання різноманітних речей.

нюю галерею надо смотреть несколько раз, в один же ничего не увидишь, так много хорошего, что не знаешь, на что смотреть, устаешь от желания видеть все, а потому мы будем в ней еще несколько раз. Мы познакомились сегодня с первым здешним артистом живописи – с г. Фогелем. Он был у нас, и потом мы ездили к нему смотреть его мастерскую. Предобрый старик, всеми уважаемый, мастер чрезвычайный. Он, кроме превосходной живописи, и портретный мастер. Он только что окончил прекрасную картину для одного богоугодного заведения: изображен в натуральный рост не помню какой святой, но в пасторском платье, стоящий на коленях пред алтарем, с поднятыми к небу глазами, его окружают несколько детей прекрасных разного возраста, также молящихся в прекрасных положениях, один, с поднятыми к небу глазами, с прекрасными светло-русыми, падающими по плечам кудрявыми волосами, как ангел красотою, сложа ручки, молится подле старика. Вся группа превосходна. Позади первого плана мать ведет дитя, видно, что для того, дабы поручить этому же святому как покровителю детей, и мальчик, которого она ведет, не смеет или робеет подойти. Наверху изображена Божия Мать с Спасителем-младенцем на руках, и Он, в прекрасном натуральном положении, смотрит вниз и протягивает ручку к детям, по сторонам – два летящие ангела. Еще видели его портрет, не помню, чей, прекраснейше сделан, много других картин и эскизы всех портретов, которые он делал, множество, и прекрасные, в том числе и королевская фамилия. Показывал нам альбом с портретами знаменитых людей, авторов и художников, с собственною их подписью, на первом листе – портрет нашего наследника в[еликого] к[нязя] Алек[сандра] Ник[олаевича], и также его подпись. Приятно слышать, как добрый Фогель любит Россию и русских, он в молодости был в Петербурге и очень хвалится обращением русских.

23. Сегодня обедали у нас Фогель и Рейцигер, начальник или *dirigenza* королевской капеллы, человек образованный и в душе музыкант, много говорили об музыке. Вечером приехал к нам барон Ри[x]тер, секретарь посольства, пил чай у нас, разговаривали по-русски, что здесь в диковину, хотя и есть довольно русских в Дрездене, но их не узнаешь и повстречавшись, обыкновение говорить по-французски смешивает их с иностранцами. Барон Ри[x]тер очень любезный и образованный человек, он так услужлив, что предложил нам поручить ему свои бумаги, наставил, как все сделать, и взял на себя пересылать нам письма, полученные на наше имя здесь.

Мы были во многих магазинах: прекрасные вещи, и несравненно дешевле петербургских цен.

24. Я познакомилась сегодня с весьма ученым и чрезвычайно умным человеком – г. Литман, он был в числе воспитателей нашего в[еликого] к[нязя] наследника, преподавал ему историю и вояжировал с ним почти по всей Европе. Он у нас обедал, говорит так хорошо, столько сведения, познания, что в его обществе время уходит неприметно. Он просидел

у нас часом 5, говорив не перестаючи, і ми його не наслушалися. Нас посетив утром відомий музикант по своїм сочиненням, г. Клінгель, старичок милий, добрий. Після обіда в 6 годин ми поїхали до нього, він нам грав багато свого, фуги його вражаючі, гра прекрасна, приємна. Цей чоловік, граючи свої твори, здається, бесідує не з людьми, а з вищими нами або відданими праведними. Живе г. Клінгель один, будинок прекрасний, меблі дуже хороші, чистота навіть на сходах незвичайна. Ми були в 4-х кімнатах, прекрасно убраних, оздоблених прекрасними картинами, всі майже – пейзажі, і всі роботи батька г. Клінгеля. Він бачив твори Поля, грав багато з них і дуже хвалив, що приводило до захоплення Поля, змусив його також програти щось і слухав з великою увагою.

Paul в дитинстві навчався і жив чотири роки у г. Литмана, що і доставило мені можливість познайомитися з ним. Він тут по деяким-то дорученням.

25. Ми вранці ходили з г. Литманом до Цвингера подивитися сліпки статуй і барельєфів, знайдених в Афінах, – прекрасні, але статуї майже всі без голів і рук від часу, а можуть, варварами-турками биті. Насправді ж знаходяться в Лондоні. Вечером Литман з женою піли до нас чай, вона англичанка і дуже також розумна жінка, обидва люблять Росію і росіян.

26. Тепер був у нас г. Липинський, відомий музикант на скрипці, пив з нами чай. Приємний чоловік, багато говорив про музику і, між іншим, про малоросійські пісні¹, що вони дуже схожі і майже ті ж, які співають в Славонії, – і музикою, і словами.

27. Вчора були ми в театрі. Грала опера «*Lucia di Lammermoor*» Доницетти на італійській мові. Роль Lucía грала М-ме Unger, Едгарда – Мориани, приїхавший на деякий час сюди, прекрасний співець і актор. М. Унгер співає і грає незвичайно добре, можна сказати, що вся опера була грана, як у нас не грають, оркестр майже з відомих артистів, в тому числі і відомий Липинський, можна уявити собі, яка музика. Театр прекрасний, галерея майже навколо, прекрасно освітлена газом, прекрасно розписана. Театральний зал менше нашого петербургського, дуже добре убрано, здається, слишком важко (*chargé*²), люстра в середині прекрасна, з смаком зроблена, освітлена газом, декорації дуже хороші, але поступають нашим петербургським. З нами був добрий Клінгер. Обыкновенно тут їздять в театр: в ложі беруться квитки на 1 місце, так що в ложі ви сидите – не знаєте, з ким, в найкращій залі платиться 1 талер за місце. Обыкновенно

¹ К. Ю. Липинський з захопленням ставився до музичного фольклору. Українські («малоросійські», «руські») мелодії входили до кола його творчих інтересів. Він здійснив музичну обробку народних пісень, опублікованих у 1833 р. польським етнографом В. Залеським у праці «Пісні польські і руські галицького народу» (*Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. Lwów: Franciszek Piller, 1833*).

² Перевантажання (фр.).

в ложе 6 мест: 2 спереди, 2 др[угих] и маленькие скамейки в третьем ряду. Мы опоздали взять билет, а потому нам пришлось сидеть во 2-м ряду кресел [в] ложе в бельэтаже. Мы брали 4 билета.

Улица, на которой мы живем, чрезвычайно многолюдная. Приятно смотреть утром деятельность и поспешность, с какою каждый идет по своему делу. Много для перевозки легких вещей, а иногда и каменного угля, в повозочках запрягают собак, с упряжью как на лошадях, т. е. в шорах, собаки привозят кур, уток и тому под[обное]. Сегодня воскресенье, на улице утром так пусто, как бы все спали. Набожные немцы употребляют утро на молитвы. Портшезы употребляются, но их не много видно. Вчера обедал у нас наш добрый доктор Евениус [Геденус], и в 4 часа пополудни пошли мы с ним в лютеранскую церковь слушать г. Шнейдера – первого органиста не только здесь, но, можно сказать, в Европе. Там нашли мы Липинского, было еще человека 4 или 5. Г. Шнейдер играл нам своего сочинения несколько фуг превосходных, играл Бетговена. Орган чрезвычайный, ему уже больше ста лет, но сбережен совершенно. Г. Шнейдер играет на нем чрезвычайно. Я первый раз видела орган: клави[а]тура в два ряда, и Шнейдер играет полусидячим, потому что под ногами – еще клави[а]тура, из семи, кажется, клавишей, и он беспрестанно перебирает их ногами; как он маленького роста, то, кажется, ему трудно играть.

28. У нас обедали Липинский, Клингер, Фогель и Липман. После обеда Фогель и Клингер возили нас за город, осмотреть прекраснейшее местоположение Дрездена. Окрестности превосходные, и были в трех публичных гулятьях. Везде многолюдно, скромные немцы веселятся, приятно смотреть на это. Каждое семейство или приятели занимают столик, сидят вокруг, пьют пиво, иные – с хлебом и лимоном, иные – сахарную воду. Везде играет музыка прекрасно. В ближайшем гулятье от города общество уже отборное, все очень хорошо одеты, и множество. То было воскресенье. Гуляющие больше приходят пешком, потому что экипажей очень мало видно.

29. Мы оставили милый Дрезден. Утром приходили к нам проститься Фогель и Клингер, также Липман и Липинский. Выехавши в 5-м часу из Дрездена, мы приехали в Тарант еще рано. Дорога от Дрездена до Таранта так очаровательна, живописна, что описывать невозможно. Вообще можно сказать, что вся Саксония – превосходный сад, тем больше – окрестности Дрездена. Мы ехали всю ночь, при лунном свете можно было различить предметы. Го[рода] Фридберг, Нойхейм, Волкентейн, на половину дороги от станции. Там останавливались мы на несколько времени, пили чай. Этот город¹ в феодальное правление был столицею владетельного князя или герцога, имел свою монету, и теперь здесь есть своя газета, 3 училища. В здешней окрестности его, в горах, добывают серебро – это принадлежит саксонскому двору, есть

¹ Идетсья про Фрайберг.

несколько разного рода камней, но не драгоценных. Анаберг, станция, Слосен, Иохимсталь. Мы ужинали и купили много узенького кружева, чрезвычайно дешево. Здесь, как и во всей Саксонии, очень много всякого кружева, так что в каждом доме видишь у окошка сидящих с подушками для кружева.

Карсбад. 31 июля. Мы приехали сюда 30 нового [стиля]. Остановились в гостинице Zum goldenen Schild, в бельэтаже. Окошки наши – прямо на так называемую Визу. Это чрезвычайно высокая гора, покрыта сверху лесом, на вершине ее – крест с распятием и небольшой подле павильон, на скате горы построены дома, так что одну сторону домов составляет утес горы. Горы все здесь, как почти во всей Саксонии, покрыты малым слоем земли, все же гранитные.

Карлсбад окружен горами, небольшой, но очень красивый город, строения высокие, Виза, под самую крутую горою – улица, усаженная каштановыми и липовыми деревьями, по обе стороны [застроенная] лавками, открытыми и чрезвычайно украшенными. Расставлены столы подле каждой лавки с прекрасными товарами. Стены увешаны материями, мантильями и красивыми платками, всего больше украшает лавки прекраснейшая стеклянная разноцветная посуда, прелестнейшая, и здесь она дешевле, нежели где-нибудь. Здесь множество покупают ларчиков, прекрасно сделанных. Мы нашли в Карсбаде Кочубеев: Вас[илия] Вас[ильевича] с семейством¹, Демь[яна] Вас[ильевича], возвращающегося из Италии в Россию с Еленю Вас[ильевною], а потому остались провесь и другой день в Карсбаде, как ни спешила я в Мариенбад для свидания с Гришенькою. При том же мне сказали, что он хотел быть в Карсбаде, и я нетерпеливо ожидала дилижанса из Мариенбада, которые ходят сюда и отсюда каждый день в Мариенбад. День весь мы провели с Еленю Вас[ильевною]: прогуливались очень много и далеко. Среди города течет чрезвычайно быстро река, называется Деблиц.² Она течет по камням с шумом и так чиста и прозрачна, что дно совершенно видно. Больше гуляли мы по Визе и покупали, Паул купил мне прекрасный чайный ящик. Воды, а больше источник, называемый шпрудель,³ – горячей воды, бьет с пеною беспрестанно. Вода так горяча, что пить нельзя иначе, как кипячую воду. На водах играет музыка, на шпруделе – духовая. Посетителей довольно много, но говорят, что теперь меньше прежнего. Вечером у нас под окошками играла музыка г. Лабицкого, и он сам играл тут же, это нам стоило только 5 гульденов.

1 августа, в 10-м часу, выехали мы из Карсбада в Петчау, позавтракали, переменили лошадей и приехали в Мариенбад в 5½ часов пополуд-

¹ На той час В. В. Кочубей (1784–1844) мав намір видати заміж за Григорія Галагана одну із своїх дочок. У 1847 р. Г. П. Галаган одружився з його молодшою дочкою – Катериною.

² Тепла.

³ Джерело цілющої мінеральної води – нім. *Sprudel*.

ни. Здесь обрадовались мы, увидя Гришеньку. Он и Федор Вас[ильевич] повстречали нас у подъезда дома. Благода[ря] Бога, я нашла нашего доброго Гришеньку здоровым. Он и Фед[ор] В[асильевич] приготовили уже для нас квартиру в одном с ними доме – прекрасные комнаты, это не гостиница, но дом с номерами, принадлежащий монастырю, которому принадлежит и Мариенбад¹. Мариенбад – не город, но и не деревня, он небольшой, весь из хороших каменных домов, в глубокой долине, окруженной высокими со всех сторон горами. Положение его так высоко в сравнении с Карсбадом – на 5 милях и 800 футов выше, и на 1950 ф[утов] над поверх[ностью] мор[я], от этого возвышенного положение в Мариенбаде чрезвычайно холодно и сыро, в полдень только можно прогуливаться без манти. Здесь шесть источников, один из них – с железными частицами, но его мало употребляют. Воды учреждены и ванны так же, как и в Мариенбаде [має бути – Карлсбаде], – большой зал и сад для пользующихся. Приезжих довольно много, и больше поляков – богатей, которые разъезжают по улицам в прекрасных экипажах с богатою ливреею. Воду польским иным дамам подносят лакеи на подносах, тогда как наши русские дамы без всякого чванства пьют, подходя к источникам, как и все здешние. Обыкновенно две девочки с длинными крючками, на которые надевают кружки каждого подходящего, черпают воду из колодезя, т. е. источника, так же и в Карсбаде. Мы на другой день, в 6-м часу утра, пошли с Гришенькою на воды, там было уже много [людей], играла музыка, и мы проходили до 8 часов. Возвратясь, напившись кофе, пошли опять прогуливаться. Окрестности дикие, везде огромнейшие камни, все горы ими покрыты и елями. Место довольно скучное, но для меня было самое приятное, потому что я была с Гришенькою. Мы с ним и Федором Васильевичем всходили и на чрезвычайно крутую гору, называемую *Belle vue*,² на которой построена беседка и с которой точно прекрасный вид: весь Марьензбург под ногами, как в бассейне, вдаль – горы, деревни чрезвычайно далекие видны. Огромнейший камень, называем Саксонским, на вершине почти горы, с сиденьем, но монахи не стараются обработать место, которое могло бы быть чрезвычайно красиво, все оставляют природе. Монастырь же, владетель Мариумбада, чрезвычайно богат, имеет одиннадцать деревень и один город в своем владении, кроме Мариумбада. Мы были в лавках. Здесь такой же обычай, как и в Карсбаде, – выставляют и вывешивают на улице товары, но не так хороши и изобильны, как в Карсбаде. Мы купили несколько маленьких вещиц. Гришенька подарил мне прекрасную шапку, купленную им в Карсбаде для меня. На водах я познакомилась с ген. Ермоловым, пользующимся здесь водами, очень добрым человеком. Это двоюр[одный] брат известного Ермолова. Также с к[нягиней]

¹ Монастирю премонстрантів у Теплі.

² Чудовий краєвид (фр.)

Паскевичевою – женою фельдмаршала. Я была у нее, узнавши, что она обласкала Гришеньку, и возобновила давнишнее с нею знакомство: я знала ее еще не замужем, бывала у них в доме на балах, также будучи еще девушкою, она из фамилии Грибоедовой, богатого дома.

2. После обеда оставили мы Марьенбад. Грустно было расставаться с милым Гришенькою и добрым Фед[ором] В[асильевичем]. Бедный мой Гришенька также грустил, но надежда, что, даст Бог, скоро увидимся, утешает нас. Теперь мы на дороге в Кисен или Кисенген.

Зандау, станция. Мы только переменяли лошадей и к вечеру приехали в Эгру. Город старинный, строения высокие, на реке Эгре же, минеральная вода. Здесь три монастыря. Между Эгром и г. Тиршгейном, в левую сторону от дороги, видны так называемые Александровские минеральные воды¹, с хорошими постройками. Не доезжая Тиргейна за милю, на правую сторону от дороги, на высоте – королевский замок, куда иногда он приезжает прожить несколько времени. Я позабыла сказать, что Тиршгейм – уже Бавария. Таможню проехали мы спокойно, без остановки, только прописали, по обыкновению, наши пашпорты. Веймштат, Гефрет – станции, мы переменяли только лошадей. Здесь, так же, как и в Богемии, грунт земли каменист. Горы чрезвычайно высокие и не так нивелированы, как в Богемии, оттого и езда тише по крутым горам. Одеваются жители-мужчины как и в Саксонии, женщины же носят на головах огромные гребни, гладкие и вырезные, 10 лет тому у нас носили такие в России, быть может, занятая мода у баварок. Еще носят на головах платки, повязанные спереди бантами, шею, наподобие манишки, украшают черным широким кружевом, иные повязывают голову, как в России, платком высоко, а больше – маленькие девочки. Скот здесь хорош вообще, рогатый – весь тирольской породы, лошади большие и сильные. Сеют рожь, овес, много картофелю и льну. Подле Гефрейса – множество при выезде погребов, очень хороших, один подле другого, и это для сбережения картофелю. Бернек – станция, мы приехали в 1 [час] пополудни 3-го числа. Это небольшое местечко, окружено со всех сторон высокими горами, покрытыми лесом, на реке Майне, которая течет быстро по камням (вообще все речки здесь, как и в Саксонии, чрезвычайно быстры и текут по камням). На высокой горе подле самого Бернека – развалины старого города, на самой вершине горы – старая башня возобновлена, с хорошими часами. В Бернеке очень любопытно то, что в речке Майне, в самом местечке, находят в раковинах жемчуг. Мы ходили смотреть, при нас девочка вытащила много раковин, простых, как наши обыкновенные речные раковины, смотритель раскрывал их, и в двух нашли жемчужинки, не совсем еще сформированные. Нам показывали несколько, разной величины, взятые на днях. Весь этот

¹ Курорт Бад-Александрсбад (нім. – *Bad Alexandersbad*).

жемчуг отсылается королю, и ни ловить, ни продавать никто не смеет, это строго запрещено, в год поймают их до 200 штук. Речка чистая, с шумом течет. Здесь много форелей, их нам подавали. На площади – фонтаны, здесь в каждой деревне по площадям фонтаны, и вода чрезвычайно хороша. Вечером приехали мы в Берейт. Как ночи темные, то мы рассудили остаться ночевать в Берейте. Мы остановились в гостинице «Солнце»¹, прекрасной, чистой, услуга прекрасная. Берейт – большой старинный город, строения прекрасные, все гранитное, дома высокие, все почти в нонишнем модном вкусе – Рококо, Ренессанс.

Между Берейтом и станцию г. Гольфельдом живет принц Вертембергский, двоюродный брат нашему императору. Поместье его на прекрасном местоположении: большой дворец, сад чрезвычайный, с террасы вид прекраснейший, много цветов. Одна половина саду в французском вкусе – регулярные стриженные аллеи, другая – в аглицком, есть также виноградник, посажен террасами наподобие нашего, но лучше отделан. Вообще весь сад в самом хорошем виде и содержании. Место это называется «*Fantasie*» («*Фантазия*»). Сад огромный, выходит по дороге, тут же, по дороге, достойное замечания дерево – необыкновенной толщины липа. Мы прогуливались по саду, утро было прекрасное. Принц находился там, но еще спал, потому что было только еще 5 часов. В саду – прекраснейшая статуя мраморная, Венеры.

4-е. Вюргау. Бамберг – прекрасный город, с прекрасными старинными высокими церквями, дома огромные. Мы остановились в гостинице La maison Allemande. Прекрасная: чистый, большой дом, услуга прекрасная, стол так хорош, как до сих пор ни в одной гостинице мы не имели, даже с прихотью, и недорого. В городе много достопамятностей, между прочим – соборная церковь, построенная 1004 году после Р. Хр. Не доезжая города – огромный сад и дворец за ½ мили от города². Ельтман, Гасфурт, Швейнфурт, Поценгаузен – станции все прекрасные. Городки здесь – все строения из самородного камня, и очень красивы, кажется, должны быть прочны. Костюм женщин, как и везде, – корсет, в иных местах корсеты с длинными позади полками, но все спереди зашнурованы цветными шнурками. От Бамбурга же убор женщин головной престранный: черной материи, надет на верхушке головы, падающая на затылок почти острая шапочка с преогромнейшими позади двумя безобразно широкими и большими черными же бантами, торчащими по бокам. Мужчины, как и везде почти по Германии, – в камзолах с металными пуговицами, много рядом, на голове же, вместо соломенных шляп саксонцев, носят черные, с большими полями, которые поднимают сверху с трех сторон, что и составляет низкую большую трехугольную шляпу. Я позабыла сказать, что в Бамберге – прекрасный цепной мост

¹ Готель *Sonne*.

² Замок Зеехоф.

на реке Регниц, которая, извиваясь, течет быстро, и, ехавши в Гасфурт, вы переезжаете реку Майн, – судоходная река, она же течет и в Франкфурте. Почти до самого Швейфурта вы едете с одной стороны по берегу реки, а с другой гора, и во многих местах – стенки из камня, вероятно, для того, чтобы не обрушивалась земля. Местоположение чрезвычайно гористо и каменисто, по горам – огромнейшие скалы, и по многим видны развалины больших дворцов. Одни большие развалины – какого-то богатого принца, недалеко от Эльтмана, на высокой горе, служат теперь жилищем пастуха.¹ Это сказал нам наш почталъон. Проехавши горы Юра (последнюю – чрезвычайно крутую, где, съезжая, тормозят два колеса; въезжали же мы на нее, припрягши к 4-м лошадям два вола), местоположение делается уже площе. Хотя камней много по полям и горам, но хлебопашество изобильнее. Множество огородов с овощами разного рода. Деревья также разнообразны: много дубов, фруктового дерева очень много, с прекрасными фруктами, деревья грецких орехов чрезвычайно толсты, везде видно больше растительности. Последний город от Кисенгена – Поценгау[зен]. От его до Кисенгена – опять горы, но невысокие, и дорога проложена по ним не круто.

5 ст[арого] сти[ля]. Кисенген – в долине, окруженной также горами, на реке Сале или Зале, здесь так называется. Мы приехали в 8-м часу утра, остановились в гостинице La Russie, очень хорошей. По границе Австрии с Бавариєю, также и во всей Баварии, обрабатывают поля на быках, впрягая по два в плуг. Упряжь же состоит из налобников, привязанных к рогам так, что вол тянет не рогами, а верхнюю часть головы. Я это нахожу гораздо удобнее и легче для вола, нежели наше ярмо, которым часто волы стирают шеи. Налобник сделан очень удобно, мягко, чтобы не натереть лба, сверху же часто украшен медною длинною бляхою с фигурами, что не только не безобразит, но делает хороший вид. Волами часто здесь перевозят многие вещи, и вся упряжь одинаковая, впрягают иногда также коров. Земли удабривают весьма много, без удобрения ничто не растет, грунт земли здесь глинисто-песчаный, цвета красного.

6. Вчера вечером переехали мы из гостиницы La Russie в нанятой нам дом доктора Вельша. Прекрасная квартира, дом [с] новой красною крышею, как многие здесь. Мы занимаем 4 выгодные, очень хорошо меблированные комнаты, пятую для нашего человека в верхнем этаже. Наша квартира – в бельэтаже с балконом. Дом – за мостом, при доме – сад, от нас ходить на воды недалеко, чрез маленькое плоское место (которое планируют теперь, хотят сделать аглицким садиком) и небольшой мостик чрез реку, которая бежит быстро по камням с шумом. Мы платим в неделю 30 гульденов, что на наши деньги составит 68 или 69 руб. Местоположение Кисенгена весьма приятное. Из нашего дома вид

¹ Руїни замка Вальбург (*Wallburg*), що належав у минулому вюрцбургським князям-єпископам.

прекрасный на окрестности и на город. Воды учреждены очень хорошо: строение прекрасное, галереи длинные, зал очень хорош – все новое, и в новом вкусе расписано, сад при водах довольно большой, все лучше устроено, нежели в Мариенбаде. Лавки и магазины – у самых вод, но они только здесь летом, зимою же живут купцы по другим городам, больше в Франкфурте-на-Майне, Кисенген же зимою пуст. Источников здесь несколько, и еще недалеко от Кисенгена, т. е. в его окрестностях, есть источник, называемый «Золенспрудель»: он имеет воду совершенно морскую, так что те, которые должны пользоваться морскими купаньями, могут пользоваться.

Для этого сделана здесь ванна, очень большая, и вода пускается в нее таким образом, что производится как будто колыхание морских волн, что всего полезнее при купаниях в море. Этот источник называется «Золен Спрудель». Источники здешние для внутреннего употребления: «Maxbrunen», «Theresienbrunnen», «Rakoczy», «Pandur», «Solensprudel», établissement de petit-lait¹. Ванны также максбрунские, «Пандур», «Рагоци», «Золенспрудель» [с] морской водой. Bains de boue, de sel de cuisine, de gaz acide carbonique et les vapeur muriatiques².

На другой день нашего приезда Paul начал пить воды «Рагоци» и «Пандур», мне же доктор советовал пить один «Пандур», подогревая в горячей воде, которая здесь, при водах, всегда стоит на жаровне в тазу, и почти все пьют воды, немного подогревши. Доктор наш, т. е. док. Вельш, – прекрасный благородный человек, и, кажется, должен быть искусный медик, чрезвычайно внимателен к своим пациентам, расспрашивает очень подробно о болезни. Он почти всякой день бывает у нас, чем наша квартира еще для нас выгоднее. Имевши много больных, доктору трудно часто их видеть. Мы нашли здесь наших родных – кн. Анну Андреевну Трубецкую с мужем. Я тотчас пошла к ним, потом они к нам, и мы всякий день виделись на водах. С князем я теперь только познакомилась, прежде я его видела очень мало, он очень хороший и приятный человек, и, кажется, они живут очень согласно, любят друг друга.

7. Я нашла здесь еще давнишнюю мою знакомую Лизавет Иван[овну] Тучкову. Я ее знала еще почти дитям, а теперь вижу с семейством, она – дочь Дарьи Алек[сандровны] Веригиной, которую я всегда истинно любила и люблю. Лизавет Иван[овна] очень образованная женщина, очень приятная, хотя еще молода, но (от болезни, я думаю) чрезвычайно переменялась: из очень хорошенькой сделалась худа и бледна. Мы всякий день вместе с нею на водах и везде.

8. Меня сегодня обрадовали письмом от Гришеньки, он пишет, что надеется быть к нам 14 сего мес[ца], и я его ожидаю нетерпеливо.

¹ Заклад для лікування сироваткою (фр.).

² Ванны з грязей, повареної солі, вуглекислого газу та соляних випарів (фр.).

Я познакомилась ще с одним семейством: кн. Шаликова, жена сочинителя к[нязя] Шаликова, с дочерью. Они приехали из Петерб[урга] водою до Гамбурга. Руских было здесь, говорят, много, но теперь уже многие разъезжаются.

9. Утром ходили мы на воды и потом по магазинам, после обеда я ходила одна прогуливаться, всходила до половины горы недалеко от нашего дома, побоялась идти далее одной, оставляю эту прогулку до приезда Гришеньки – пойдём вместе, с половины горы уже виды превосходные на Кисенген и его окрестности.

10. Сегодня после обеда на водах сказали нам, чтоб мы шли к гостинице «Саксония», где увидим путешественников – богомольцев, les pèlerins¹. Мы пошли и в самом деле увидели необыкновенное зрелище: около трех тысяч человек, мужчин и женщин, каждый – с крестом на шее, вершка в 4, с изображением распятия Христова, кресты черные, а распятие бронзовое или серебряное. Когда они приближались к городу, то священник в облачении и с хоругвями вышел навстречу. Начали звонить в колокола, и они с музыкою, которая также идет с ними, и с пением вошли в город. Сперва шли мужчины несколькими отделениями, при начале каждого несут большой крест с распятием, один читает громко и вскрикивает, все же прочие повторяют пением. Когда прошли мужчины, началось шествие женщин. Также при каждом отделении одна из них несла большой крест с распятием, и при восклицании шедшего подле мужчины все начинали петь. При каждом кресте несли по сторонам большие зажженные свечи, что делало при наступлении уже вечера очень великолепную церемонию. Это путешествие они делают один раз в год из Вюрцбурга в другие города. Теперь они возвращаются уже. Они все почти жители [пропуск у тексті], но многие пристаю́т к ним и из проходящих ими мест. Говорят, будто этот обычай у них установлен почти от начала христианства.

11. Как видно, вчерашние pèlerins-богомольцы ночевали здесь. Множество их явилось на воды: расхаживали, любопытствовали, иные отведывали воды. Услужливые и аккуратные немцы водили их везде, показывали все закоулки на водах.

12. Я получила письмо от Гришеньки из Марьенбада, что он едет на неделю в Фразбад подле Эгра, по совету доктора, пить тамошние воды. Очень жаль, что к 15-му он не будет сюда, но делать нечего – надо больше смотреть на пользу, нежели на удовольствие. Сегодня ночью была очень сильная гроза и дождь. Как завтра королевский какой-то праздник, то на водах всем роздали афишки – пригласительные на бал, концерт и обед. Все это от города даром, в зале, что на водах. Сегодня же вечером сад на водах будет иллюминирован, уже все приготовления сделаны. После вод, в 9-м часу, началась пальба из пушек, поставленных на высокой горе,

¹ Прочан (фр.).

ближайшей к нашему дому. Удары повторялись эхом по горам несколько раз, пальба продолжалась довольно долго, удар после удара через несколько минут. Сад весь осветили: каждое дерево, ограду, строение и противуположные дома, цветники же и кустарники – цветными фонарями. На стене дома против главной аллеи повешен портрет короля, украшенный гирляндами из дубовых листьев, а посередине – венок из цветов. Время было хорошее, публика прогуливалась по саду и галереям, музыка играла в саду, зал был открыт и освещен, все было очень хорошо, и публика была довольна.

13 нашего и 25 здешнего – это день именин короля здешнего¹. Утром начался колокольный звон, по обычаю должно служить несколько обеден в главной церкви, что и продолжалось до 12 часов. В час был обед в городском доме, называемом «курт-гауз», пили за здоровье короля, многие из наших русских обедали. После обеда, в 4 часа – концерт, в 8 часов – бал для всей публики. Во время обеда, при питии за здоровье короля, стреляли из пушек.

14. Утром, в 6 часов – на воды, в 9-м – пить кофе, потом опять ходить, что мы обыкновенно делаем, вечером – на воды, потом пьем шоколад, а в десятом ложимся спать. Это общее здесь препровождение времени. Ходим очень часто по магазинам, которых здесь хотя мало, но есть очень хорошенькие, покупаем то то, то другое, и время идет быстро.

15. День рождения нашего Гришеньки и именины Машеньки. Грустно было мне проснуться. Гришенька не с нами, и один, бедненький, празднует день своего рождения. Утром пошли мы на воды, после первого стакана я поспешила в церковь католическую, думала застать обедню и помолиться за наших именинников, но обедни не было сегодня: здесь 27 праздника нет². Церковь католическая довольно бедная и в тесном месте города. У нас сегодня обедали генер[ал] Тучков со всем семейством, кня[зь] Трубецкой, наш доктор Вельш и M-lle Nanote, пили шампанское за здоровье наших именинников. Вечером – опять на воды, как обыкновенно.

16. Сегодня, в 6-ть часов вечера, приехала сюда, на воды, герцогиня Кентская, мать аглинской королевы. Я ее еще не видала, говорят, будто с нею ее сестра – бывшая наша великая княгиня, жена цесаревича Константина Павловича. Я очень любопытна ее видеть. Герцогиня въехала и остановилась в курт-гаузе против вод. Квартира для ее была уже давно приготовлена.

На одной из гор, окружающих Кисенген, есть большие развалины, о которых история довольно интересна³. Это был замок одного шеваляе (рыца-

¹ День пам'яті св. Людовіка Французького – покровителя баварського короля Людвіга I.

² Йдеться про Успіння Богородиці – свято, котре у XIX ст. за григоріанським календарем римо-католицька церква відзначала 15 серпня, а православна церква – 27 серпня.

³ Це легенда, персонажами котрої є реальні історичні особи – рицар Отто фон Ботенлаубен та його дружина Беатриса де Куртене.

ря), еще в крестовые походы. Хозяин замка был на войне, жена его, любивши его страстно, дала обещание, что если рыцарь, т. е. ее муж, возвратится благополучно из похода, то она соорудит монастырь в благодарность Богу. Она часто выходила на балкон замка смотреть, не возвращается ли ее супруг (он был в числе крестовых рыцарей). Наконец она издали увидела его возвращающегося. Тогда был сильный ветер, на ней был надет вуаль, ветер сорвал ее вуаль и унес. Она, увидевши это, дала обещание, что на том месте, где упадет ее вуаль, она соорудит монастырь. Вуаль отыскивали за две мили от их замка, и она исполнила свое обещание – построила монастырь.

18-го. Сегодня ночью Машенька была нездорова, это меня потревожило, притом же я имела неприятный разговор, что меня сильно расстроило. Я не ходила на воды. Добрая к[нягиня] Трубецкая пришла навестить нас: не найдя на водах никого из нас, догадалась, что кто-нибудь нездоров.

19. Вчерашняя неприятность подействовала и на сегодняшний день. Я пошла было на воды, но не могла остаться. И люди, и больше еще музыка навели на меня грусть. Я пошла ходить одна очень далеко, всходила на гору. Прекрасные виды рассеяли меня немного, но все тяжело: зачем мне лечиться? С моими всегдашними грустными мыслями, кажется, воды будут бесполезны, притом же в мои лета должно быть довольною здоровьем, которым я до сих пор пользуюсь, а потом – что Бог даст!

22. Вчера вечером, в 10-м часу, обрадована я была приездом Гришеньки. Теперь мне легче и веселее. Как бы мне хотелось не расставаться с ним, но польза его требует ехать, мне же оставить Машеньку невозможно, я лучше буду переносить все неприятности, но куда я ей необходима – не расстанусь с нею. Притом же и она, бедная, грустила бы по мне. Я уверена, что она меня любит, и мне часто очень жалко бывает смотреть на нее, когда она должна скрывать любовь ко мне, а между тем боится и меня огорчить, если будет холодна со мною. Не бойся, моя душечка Машенька, я не сомневаюсь в твоей ко мне привязанности.

23. Мы ходили с Гришенькою очень много по здешним окрестностям. По левую сторону нашего дома гора усеяна прекрасными деревьями, есть множество больших, огромных дубов, это нам напомнило наши милые Секиринцы¹.

На прошлой неделе я познакомилась с хорошим семейством граф[ов] Ренцау-Брютембург: старик очень, кажется, добрый человек, жена его – почтенная женщина, но, к несчастью, слепая, лечится здесь, но Бог знает, будет ли ей польза. При них две дочери-девушки и маленькая внучка

¹ Величні дуби у парку мали особливий сенс для мешканців Сокиринців, асоціюючись з минулим роду Галаганів і тієї землі, де розбудовано садибу. Через багато років Г. П. Галаган писав у начерку «Під дубами»: «Є, проте, живі істоти, які пережили усі ці переміни людського життя і розпочали своє існування задовго до початку будь-яких будівель на цих місцях, – це наші дуби, що їх недаремно називаю віковими...». (ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 6868. Арк. 1 зв.).

от старшей дочери, которая умерла. Гр. Ранцау – древней фамилии, ведет свой род больше 500 лет¹. Он – шануан², хотя закону лютеранского.

24. Сегодня ездили мы в 1½ мили отсюда смотреть развалины, называемые Тримбург. Место очаровательное, развалины на высокой горе огромного замка с террасою вокруг – все из дикого камня. Этот замок был построен 1130 году, т. е. за 700 лет, потом разорен простоял лет 200, и опять был возобновлен одним епископом, но уже более 200 лет, как вовсе опустел. Теперь видно только обширное разрушившееся строение, высокие башни. Одна из них служила тюрьмою, так что владелец бросал сверху преступника или своего врага, и он уже не выходил оттуда, потому что дверей в тюрьму не было, а преступник, вероятно, умирал с голоду, если оставался живым после падения в такую глубину. Кроме того, что башня очень высока, но столько же еще была вырыта. Говорят, что когда отрыли любопытные часть этой башни, то нашли множество человеческих костей. Ужасно и теперь еще смотреть на место, где погибало столько жертв, быть может, часто невинных, жертв зависти, тщеславия, злости. Другая тюрьма не так уже глубокая, с дверью, куда сажали также преступников. Часто, может быть, веселились в замке в то время, когда томился голодом и умирал заточенный. Тут, в одной из развалившихся комнат, нам подали прекрасный кофе с мягким хлебом, и мы, напившись, осмотревши развалины, отправились домой. Проезжая чрез одно маленькое местечко, услышали мы музыку, и нам сказали, что это собрание и бал деревенский. Мы пошли в дом, где играла музыка, застали множество мужиков – молодых людей и девушек, танцующих вальц и галоп. Посмотревши на этот сельский праздник, мы возвратились домой. Приятно, что на этом бале не было ни шума, ни невежливости, танцуют очень весело и пьют не водку, как у нас, но молодое вино, очень слабое.

26. Ходила я с Гришенькою на развалины Боденлауб³, которых историю я уже описала при приезде в Кисенген. Виды чрезвычайные, всходить очень высоко и круто, отсюда видны также развалины замка Тримберг.

28. Мы были на Салинен⁴. Место весьма любопытное: кроме соляных заводов, здесь знаменитый источник «Золенспрудель» – большое жерло, извергающееся с шумом и пеною вверх волною, подобной морской воде, и что еще удивительнее, то, что этот спрудель каждый день в известные часы утихает, отверстие остается чрезвычайно глубокое. Когда бьет спрудель, то для паровых ванн ставят над ним машину очень большую,

¹ Ранцау – німецький аристократичний рід з Гольштейна, відомий з XIII ст.

² Канонік (від фр. *chanoine*). Це звання (нім. – *Domherr*) зберігалося у лютеранській церкві як почесний титул для аристократів. Граф Ранцау-Брайтенбург був любекським каноніком (див.: *Das Haus Rantzau: eine Familien-Chronik. Celle: J. G. Müller, 1865. S. 209.*)

³ Замка Ботенлаубен.

⁴ *Salinen* – солеварні (нім.)

посредством которой газ проходит в устроенные для больных ванны в нарочито выстроенном большом доме. Эти ванны берут совсем одевшись. Говорят, что газ проникает, не делая ни малейшей испарины, и чрезвычайно приятные ванны. Берут здесь ванны также из соленой воды, т. е. морской, я же брала из «Пандура», устроенные в нашей квартире.

29. Сегодня прогуливались мы с Гришенькою и Федор[ом] Вас[ильевичем], который, к нашему общему удовольствию, приехал сперва на Салинен, потом в Таль Каскаден¹ – так называется место недалеко от Салинена, версты 3 или 4 от города. Возвратились домой в первом часу, потом, в третьем, после обеда, пошли все вместе на самую высокую здешнюю гору, называемую Belle vue, пить кофе. Все было уже приготовлено нам. Ресторатор («Ольмюль»²) отправил туда всю прислугу. Машеньку несли в *porte-chaise*³, я шла, и до того устала, что не могла уже вечером быть на водах.

30. Сегодня решила я ехать с Гришенькою и Фед[ором] Вас[ильевичем] в Франкфурт-на-Майне, чтобы объездить несколько городов, как то: Дармштат, Маянс и другие, и съехаться с Машенькою и Подем в Гельдельберге. Они выезжают еще только в четверг, потому мы успеем везде побывать. Я ходила прощаться с прекрасным, почтенным семейством граф[ов] Рейценау. Старушка, слава Богу, начинает немножко видеть. Она со мною прощалась, как с родною, также и ее дочери. Вечером старик граф Ранцау и его брат родной, который министром при голстинском дворе, пили чай у нас.

31. Мы выехали из Кисенгена после обеда. Нас провожали все домашние с сожалением, Машенька плакала, и мне очень было жаль оставлять ее. Мы наняли коляску, за 31-е – 30 кр[ейцеров]. Как выехали уже поздно, то не доехали до Лора, ночевали в [Гемюндене] – здесь впадает Сале в Майн. Утром рано выехали и пили кофе в Лоре.

1-е. Обедали в Ашафенбурге-на-Майне. Мы осматривали древнюю церковь, где многие гробницы древних герцогов и князей⁴. Я купила вид Ашафенбурга. Мы пошли пешком, покуда запрягали лошадей. Большой мост чрез Майн ведет по большой дороге в монастырь. Не доезжая моста, между дорогою и Майном, по левую сторону – королевский дворец, весь из красного здешнего камня, с башнями, с террасою (на ней много цветов). Вечером приехали мы в Франкфурт, остановились в гостинице «Вертемберг».

2. Утром рано пошли мы осматривать город. Я думала, что по причине ярманки такое движение в городе, но мне сказали, что и без ярманки он шумен. Франкфурт – на низком месте, окружен равнинами, посаженны-

¹ *Kaskadental*.

² Назва ресторану – Oel-Mühle. Його господарем був Матеус Віршинг.

³ Портшез (фр.).

⁴ Собор св. Петра та Олександра.

ми різною овоччю. Майн прекрасно протікає по городу. Не доезжая Франкфурта, почти от самого Кисенгена, – множество виноградников, больше по Майну, правая сторона вся в садах, скаты гор обыкновенно усеяны фруктовыми деревьями, также и дороги все ими усажены. В Франкфурте мы были в соборной главной церкви. Она католическая, множество памятников древних курфирстов на стенах церкви. Эта церковь строилась несколько веков, и башня не окончена, модель ее стоит в церкви, но она походит на развалившуюся. Город Франкфурт – прекрасный, старинные строения очень достойны примечания: снизу – узки, второй этаж – шире, третий – еще шире, так что кверху улица гораздо уже, нежели снизу. Старинные улицы все узки. Есть дома, расписанные снаружи ландшафтами и фигурами, много – с лепною работою рококо, все темного цвета. Новые же дома кругом города – уже в новом вкусе, так что кажется – в другом городе. Я позабыла сказать, что в соборной церкви показывают придел – небольшая комната, в которой избирались императоры¹: весьма знаменитое место. Из церкви мы ходили в дом, где было место для германского сейма². Большой старинный зал, очень большой, и весь украшен портретами императоров. Теперь делаются новые портреты, и иные из них – очень хорошей живописи. Прежде же были одни нарисованные бюсты на стенах. Их не трогают, но закрывают новыми портретами. Видели картинную галерею, освещение иных комнат прекрасное, сверху. Были в натуральном кабинете, прекрасно устроенном, с редкими зверями: огромный бегемот, жирафы также самые большие, и всего любопытнее – собрание обезьян, я никогда не видала подобных, замечательнее – черные, с длинною белою шерстью наподобие гривы по всей спине. Публичный сад очень хорош, в нем всякий день играет музыка по вечерам. Театр весьма посредственный: и мал, и дурно освещен. Мы сидели в лучших местах, называемых «галерея», противу сцены. Играли оперу, и немцы так кричат певчим, что устаешь слышать. Магазины превосходные, в каждом доме есть лавка или магазин с прекрасным товаром, и все дешевле, нежели в других местах. Прекрасные гостиницы. Синагога очень хорошая. В городе много жидов, но их нельзя различить от прочих обывателей: одеты как все. Жидовки также очень хорошо одеты. Вчера был их какой-то большой праздник. Мы ходили в синагогу во время служения. Они все были одеты в белых платьях, и на головах из холста род ночных чепчиков – колпаки. Шум ужаснейший. Рабин начинает петь что-то похожее на песню, и все за ним повторяют, как попало. Есть улица, называемая Жидовскою. Она вся населена жидами. Узкие дома, старинные, высокие, и воздух очень нехорош. Здесь несколько домов, принадлежащих известному богачу Рочшильду. Он сам здесь живет. Сад при его доме очень хорош. Мы были еще в саду и доме

¹ Імператори Священної Римської імперії.

² Сейм Німецького союзу, що існував у 1815–1866 рр.

банкира Бетмана – смотреть превосходную мраморную статую Ариадны работы Денекера¹ – она представлена полулежащею.

3. Ездили мы в Оффенбах, недалеко от Франк[фурта], – город, где делаются лучшие экипажи, смотрели многие, и очень хорошие, у мастера Дика², чтобы заказать или купить для Поля, но я нашла, что цены очень велики: с нас просили за дорожную коляску 2200 гул[ьденов], что составит на наши деньги около 5000 руб.

4. Утром были в магазинах, купив кое-что, потом, отобедавши, сели мы в омнибус и поехали к паровозам, это недалеко, но всякий спешит не опоздать. Мы выехали в 5 часов и в 8 были уже в Маянсе.

5. В Маянсе мы осмотрели все, достойное примечания. 1. Соборную церковь – она прекрасная, притом в ней больше двенадцати замечательных памятников курфирстов и князей, они все из мрамора, работы превосходной, все у стен внутри церкви. На большой площади воздвигнут бронзовый колоссальный памятник на мраморном фундаменте с прекрасною вокруг решеткою изобретателю книгопечатанья Иоану Гутенбергу, сделан знаменитым скульптором Тольварцером. Он стоит, одетый в длинное платье, держит в одной руке книгу, в другой – буквы, на пьедестале также его изображение: учит, как печатать. Как в Маянсе его родина, и отсюда изобретение книгопечатания, то, хотя поздно или весьма нескоро, но город отдал долг гению. Памятник поставлен только [18]37 или [18]38 года³. При открытии памятника город давал великолепный праздник. Зал этот служит теперь для продажи хлеба, что чрезвычайно удобно. Не доезжая Маянса, паровоз останавливается, и мы пересели в омнибус, приехали в гостиницу *Hôtel du Rhin*. Были в прекрасном публичном саду на берегу Рейна. Из него видно, как Майн впадает в Рейн. Думаю, от того, что берега Майна красного песка, то впадение его в Рейн так заметно отливом розовым, что еще некоторое расстояние течет розового цвета вода по берегу. В Маянсе мы ночевали и обедали, пот[ом] отправились, где отходят пароходы по Рейну в Мангейм. Погода была неприятная, шел дождь. Мы с Гришенькою, чтобы не терять хороших видов, сидели на палубе, любовались местами. Каюту нам дали прекрасно убранную, с штофными вокруг диванами, с такими же занавесками, и зеркалами. Мы были одни в ней и пили кофе. Сперва сидели мы в общей [каюте], также очень хорошей, где было много [людей]: иные читали, одна француженка, очень живая, играла в карты с кавалерами, попеременно с тремя, и нас забавляла своею болтливостью. Вечером, в 10 часов, приехали мы в Мангейм, остановились в гостинице *L'Allemagne*, очень хорошей и чистой.

¹ Йдеться про скульптуру «Ариадна на пантері» німецького художника Й. Г. Даннекера.

² Підприємство *Dick & Kirschten*, що займалося виготовленням екіпажів.

³ Пам'ятник винахіднику друкарства Йоганну Гутенбергу роботи данського скульптора Б. Торвальдсена у Майнці було споруджено 1837 р.

Б. Мангейм – на Рейне, здесь Некер впадает в Рейн. Утром мы пошли с Гришенькою осматривать город. Как вообще германские города старинные нерегулярные, то Мангейм считают немцы лучшим городом¹. Мы же, привыкшие видеть наши новые города регулярными, и что видели наш славный Петербург, можем ли удивляться Мангейму? Нами нравятся старинные строения вековые. Со всем тем надо сказать, что Мангейм – очень хороший город: выстроен совершенно регулярно, улицы широкие, тротуары прекрасные. Улицы не имеют названия, а по алфавиту, например: А1, А2, В1, В2, В3 и так далее. Улицы чисто выметены. Здесь не надобно указателя, все легко отыскать. Город велик, бульвары среди города усажены каштановыми деревьями. Мы вышли по большой улице в ворота, прошли по берегу Рейна в прекрасный городской сад подле дворца, потом [поднялись] на обсерваторию, откуда виден не только весь город, но прелестные окрестности, за несколько миль – горы, часть Альпов. Мы смотрели на окрестность в телескоп, который принесли нам на самый верх обсерватории. Прелестные сады окружают весь город, можно сказать, живописные. Подходы к дворцу прекрасные, померанцевые деревья расставлены кругом. Дворец огромный, часть его разрушена, говорят, сгорела, но ее поправляют. Во дворце – картинная галерея, есть много картин знаменитых художников, если верить надписям, также хорошее собрание эстампов. Мы осмотрели весь дворец: комнат множество, анфилада превосходная, говорят, будто во дворце 600 комнат, убранство старинное. Это дворец герцога Баденского, говорят, он бывает здесь очень редко. Есть также во дворце и натуральный кабинет. Придворная церковь довольно большая.

Соборная церковь Мангейма внутри очень хороша, много мраморных изваяний, при входе в церковь, по обе стороны, – прекрасные мраморные, белого мрамора, ангелы, с украшением другого цвета мрамором при сосудах с освещенною водою².

Из Мангейма мы ездили за две мили отсюда в Швецинген, знаменитый дворец с чрезвычайным садом, также герцога Баденского. Дворец хотя велик, но нельзя сказать, чтобы был хорош. Сад же превосходный, множество прекрасных строений в саду, украшающих его, между прочим – турецкий минарет, очень большой, и совершенно в турецк[ом] стиле. Есть еще прекрасное произведение – это стенка позади одного строения, расписана таким образом, что чрез свод в отверстия одного строения виден прекрасный пейзаж в перспективе. Много есть вод и фонтанов. Мы все осмотрели и к обеду, в той же самой коляске, возвратились домой. Как было уже 2 часа пополудни, то в общей столовой à la table d'hôte³ мы сели обедать по карте. Нельзя не любоваться Рейном: какая огромная река, широкая, течет по таким прелестным местам.

¹ Мангейм з XVII ст. мав регулярну забудову, за що одержав назву «міста квадратів» (нім. *Quadratstadt*).

² Йдеться, напевно, про Єзуїтську церкву.

³ На кшталт табльдота (фр.).

7. Сегодня после обеда пошли мы к паровозу, велели забрать свои вещи, сели на паровоз и чрез полчаса очутились в Гейдельберге. Паровоз едет так хорошо, так скоро, что жалеем проезжать прекрасные местоположения с такою поспешностью. По дороге от Мангейма в Гейдельберг видно много селений и небольших городов. Приближаясь, вы увидите высокие горы, на скатах которых – чрезвычайно частые селения, которые так живописны, как вообразить трудно. Горы почти доверху покрыты виноградниками. Паровоз остановился у самого предместья города. Прекрасное местоположение, вид на огромнейшие развалины славного замка Гейдельбергского восхищал нас, и мы, отправя Евдокима с нашими вещами в омнибусе, пошли пешком в город. По длинной аллее или бульвару взошли мы в Гейдельберг и, взявши комнаты в гостинице *La maison de Vade*, пошли прогуливаться. Гейдельберг построен на берегу Некера, прекрасно протекающего с шумом. Он, кажется, не очень велик, но так хорош. Улица, на которой наша гостиница, – лучшая, очень длинная, множество магазинов. По правую сторону – высокая гора, на которой развалины замка. Подле домов – террасы, покрытые цветами. До сих пор я ничего подобного еще не видала, и, без сомнения, как бы ни был хорошо списан вид Гейдельберга, но не может сравнить[-ся] с натуральным его видом: это картина, с которой не хочется отводить глаз. Как мы приехали сюда дня на четыре, не меньше: Гришенька – посоветоваться с известным во всей Германии доктором Гелиусом, я – чтоб дожидаться здесь приезда Машеньки и Поля, то будем иметь время осмотреть прелестный Гейдельберг. Здесь университет, лучший во всей Германии, беспрестанно встречаем студентов с длинными до плеч кудрями. Как вчера было воскресенье, то много гуляющих, и вечером, поздно уже, они прогуливались по улицам, пели хором очень хорошо.

О костюмах я давно не говорила. От самого Бамберга до Кисенгена – черные безобразные, род шапок, у женщин, и длинные кадки на спинах с водою, корзины также на спинах с разными овощами и другими вещами (удивительно, как женщины здесь трудолюбивы, и какие тяжести они носят на спинах). В Франкфурте уже нет на спинах корзин, но женщины носят их на головах, и другой формы, подкладывая кружочек на вате, чтоб легче носить. Костюм от самого Франкфурта: платье почти то же, т. е. корсет с юбкою и фартуком, пестрые на головах хорошенькие шапочки, белые и цветные, накрахмаленные, широкие и плоские сверху и гладкие внизу. Во всех гостиницах уже говорят по-французски, и во всех почти магазинах, так что здесь кажутся немцы смешаны с французами. Костюм мужчин почти одинаков, как во всей Германии: здесь они одеты в длинные сертуки с низенькою трехугольною на голове шляпою.

8. Сегодня утром мы пошли с Гришенькою по городу, по разным улицам, потом на мост. Некер течет очень быстро, от того, я думаю, вода в нем так мутна, как бы смешана с глиною. Мост очень хороший и, как

обыкновенно здесь, – с цельного камня. Здесь также камень красного цвета, большею частью. За мостом города больше нет, но дома с садами, прекрасные террасы с цветами и виноградными садами. Один из этих домов принадлежит графу Ренцау, сыну старика Ренцау-Брейтемберг, знакомого нашего в Кисенгене. Старик дал письмо к сыну чрез Гришеньку. Гришенька отнес письмо, и будет сегодня обедать у Ранцау по его приглашению. Недалеко от нашей гостиницы, по правую сторону улицы, – дом самый древнейший в городе. Он темного цвета, очень высокий и весь в барельефах рококо с разными фигурами. В нем теперь гостиница с приличным названием – La maison du chevalier noire¹. Сейчас г. Ранцау был с визитом у нас, он не похож на отца, и жаль, что не говорит по-французски. Доктор Гелиус также был. Он вовсе противного мнения с Каросом и Вельшем: виноградного лечения Гришеньке не советует, но еще надо с ним повидаться и посоветоваться.

9. Вчера после обеда и сегодня утром мы ходили в замок Гейдельбергский. Надобно видеть это место, можно сказать – очаровательное, описать же невозможно всех прелестей. Замок был великолепнейший, на развалинах его это везде видно. Огромное прекрасное строение, везде с барельефами, с статуями рыцарей, курфирстов, в ином месте – из священной истории. Огромные полуразвалившиеся башни. Все это – обросшее плющом, разного рода вьющимся растением, кустарниками, даже деревьями. И так живописно, что нарисовать можно, дать небольшое понятие, но натура превосходит. Огромные прекрасные террасы на сводах, строение чрезвычайно обширное. Замок построен на крутой горе. Подойдя к ней, вы найдете несколько оседланных ослов дамскими покойными седлами с креслом. Меня посадили на осла, Гришунок и Федор Вас[ильевич] шли по сторонам, и мы так отправились в замок. Нам показывали в погребе известную величину Гейдельбергскую бочку – [пропуск у тексті] ф[утов] длины и [пропуск у тексті] фут[ов] ширины. Она была наполняема обыкновенно десятинным вином, получаемым герцогом от крестьян. Видно, прежде бывало много вина, потому что погребщик сказал нам, что три деревни, т. е. из трех деревень дохода, эта бочка наполнялась. Еще, кроме ее, есть огромные бочки, каковых, говорит, был полон погреб. На большую бочку сделана хорошая лестница, на верху ее в старинное время танцевали, пивши вино. При входе в погреб, где эта бочка, стоит каменное изображение придворного шута, который выпивал в день по 10 бутылок вина. Пройдя по внутренности замка, в ином месте – по оставшимся каменным лестницам, в другом – по доскам, положенным для переходов, вошли мы в комнату на сводах, в которой окна расписанных стекол, найденных целыми и вставленных, и краски так хороши и живы, как бы теперь сделаны. Здесь же и много

¹ «Дім чорного рицаря» (фр.), споруда, побудована наприкінці XVI ст.

разных вещей, и инструментов, найденных в развалинах, – это хранится. Со всех террасов и башен вид на город и окрестности чрезвычайный. Город виден так, что каждый двор пересчитать можно. Некер красиво извивается. Сад по террасам и по горам так расположен, как я нигде подобного не видала. Террасов множество по разным местам, и все террасы усажены фруктовыми деревьями самых лучших фруктов и виноградом. Здесь всего этого так много, и такого рода, что не знаем, какие брать. На рынках, а особливо здесь, все площади покрыты фруктами, орехами грецкими, каштанами. Везде мы видели много огромнейших ореховых деревьев, но, выехавши из Кисенгена или, лучше сказать, от Франкфурта, все дороги усажены фруктовыми и больше еще огромными ореховыми деревьями. В здешнем саду, т. е. в саду замка, много растений и деревьев, каких я еще не видала, прекраснейших.

Вечером мы ходили на гору еще выше той, на которой замок. Дорога проведена очень удобная и, по чрезвычайной высоте горы, покойная, но мы шли на гору больше получаса. Оттуда замок казался внизу. Не только весь город, его окрестности, но даже Рейн виден прекрасно. По правую сторону Некер, извиваясь, течет, по левую – блестит славный Рейн. Я забыла сказать, что с правой террасы, принадлежащей замку, вы видите много селений, городов и даже Мангейм. Гора, на которую мы всходили вчера вечером, называется Старым замком. Говорят, что тут был также еще прежде замок. Теперь видно только место, на котором было строение, покрытое развалившимися камнями. Не знают, каков был замок. Теперешнему же, который я описывала, уже несколько столетий. Церковь замка также опустела, остались одни стены. В саду на одной террасе выстроен хорошенький домик – украшен цветниками с фонтаном. Сюда многие приходят пить кофе, что и мы намерены сделать завтра. Во многих местах в саду вы видите с крутых гор источники, и все это так хорошо проведено, так красиво. Плачущие ивы во многих местах мы видели, это дерево здесь растет прекрасно, и как украшает сады. В одном закрытом месте замка мы нашли, все это на горе, прудик, очень хорошо обделанный камнем, с текучею водою, а в нем – множество форелей, кажется, можно ловить без сетки. Недалеко отсюда – зверинец. Все это – в стенах замка, но зверинец пустой.

10. В 8 часов вечера приехали Машенька и Поль, слава Богу, благополучно. Комната для них уже была приготовлена подле, в нашем же коридоре. На другой день мы ходили с ними по магазинам. Вечером шел дождь, а потому остались дома. Прежде приезда Машеньки, мы с Гришенькою и Фед[ором] Вас[ильевичем] ходили на чрезвычайно высокую гору, где был также прежде замок.

11-го. Утром я отправилась с Гришенькою к замку, на террасу, где гостиница, и там пили кофе на маленьком столичке у крыльца. Время было прекрасное. Мы прежде ходили по прелестному саду, который нам

всегда напоминает наш сокиринский. Нам подали прекрасный кофе. Терраса вся в цветах и посредине – фонтан. Потом приехали Машенька и Поль к замку, и мы повели их показывать как замок, так и сад. После обеда, в четвертом часу, оставили мы любезный Гейдельберг. Мне грустно было оставлять его, тем больше, что я расставалась с добрым моим Гришунком. Во все мое с ним путешествие он меня так берег, так тешил, сам смотрел, как мне приготавливали комнату и все, сам поправлял мою постель. Грустно мне теперь расставаться с ним. Добрый Федор Вас[ильевич] также заботился обо мне, старался доставить мне разные удовольствия. Как приятно мне было везде ходить и все видеть с Гришенькою вместе. Он так умеет все ценить, столько имеет вкуса к изящному. С каким удовольствием мы с ним прогуливались по прекрасным местам Гейдельберга, и как мы любовались, ехавши по Рейну, его берегами.

Кальсруе. Выхав в четыре часа из Гейдельберга, мы приехали сюда почти в одиннадцать. Здесь возят прекрасно, вообще в Баденском владении лошадей скоро запрягают и везут скоро, почтальоны вежливы, дорога хороша, гор нет. Как здесь надобно было визировать мой пашпорт на Швейцарию и Францию, то нам можно будет воспользоваться видеть достопримечательности Кальсруе. Мы остановились в гостинице *Maison Anglaise*, очень хорошей, в хорошей части города. Мы осматривали город. Осматривали дворец: прекрасные комнаты, зал весь в позолоте по фальшивому мрамору серо-красного цвета, позолота богатая, в старинном вкусе рококо, люстры позолоченной бронзы, очень хорошие, столовая большая, также с богатою позолотою в таком же вкусе. Как ожидают Метерниха завтрашний день, и будет дипломатический обед у Баденского герцога, то приготовлен большой стол, вокруг стоят очень нарядные стулья, и все люстры приготовлены. Я всходила на башню дворца 150 ступеней, вид чрезвычайный на сад и на город. Все улицы города сходятся к дворцу, и по другую сторону – 21 аллея, также к дворцу, всего 32 улицы и аллеи. Это составляет род звезды, и центр – дворец. Видели картинную галерею, очень небольшую. Во дворце – прекрасные портреты во весь рост нашего императора Александра Пав[ловича] и импер[атрицы] Елизавет Алек[сеевны]. Видели две церкви: соборную католическую, на манер римской выстроенную, и лютеранскую. Церкви довольно хорошие. Здесь есть Политехническое училище, и я видела несколько учащихся, одетых так, как гейдельбергские студенты, – с длинными волосами в буклях. Здешний наш *chargé d'affaires*¹ барон Мольке не мог визировать моего пашпорта на Францию, да я и не имела в этом надобности. Я, однако же, была у него. Он представил мне свою жену, премилую женщину. Оба они очень хорошие люди. Я просидела у них почти целый вечер. Они написали мне все станции до Женевы, где лучшая гостиница, советовали ехать на Свейцарию.

¹ Повірений у справах (фр.).

13 нашего / 25. Баден. Мы приехали в 2 часа пополудни. Из Кальсруе – три станции. Раштат – хороший городок, много было военных прусских. На станции в гостинице один офицер потчевал нашего Михаила вином, узнав, что он – русский, видно, прусаки любят наших. Приближаясь Бадена, вы видите его между горами на прекраснейшем местоположении. Речка [пропуск у тексті, має бути – р. Оос] протекает очень быстро. Замок развалившийся на высокой горе¹. Дорога в самый Баден очень живописна по обе стороны: с одной – виноградники и по горам прекрасные домики с садами, с другой – долина, также с домиками и садами. В Бадене мы остановились в Hôtel de Russie: прекрасная, чистая, убранная гостиница. Обед нам дали превосходный (хотя и дорогой). После обеда мы поехали осматривать город. Нас повезли сперва на чрезвычайно высокую гору, где замок герцогини Баденской Стефании, вдовы брата нашей императрицы Елизаветы Ал[ексеевны]². Она сама живет в этом замке, и потому нельзя было его осматривать, внутренние комнаты, но нас повели в весьма любопытное место – в подземелье замка, где было прежде тайное судилище. Осужденных спускали сверху в отверстие с крыши с завязанными глазами. Двери в тюрьмах везде каменные, чрезвычайно толстые и тяжелые. Когда запиралась дверь, то подсудимый не мог уже ее отпереть, она же двигается на шарнире. Осужденного бросали в яму очень глубокую, где он разбивался об колеса, там же устроенные. Эта яма здесь же в подземельях. Комната, где было судилище, невелика, ни одного окошка нет во всем этом подземелье. Говорят, будто был подземный переход сюда от развалившегося замка, о котором я прежде сказала, но этот замок далеко, на другой горе. Потом мы поехали в Конверсацион-зал. Строение прекрасно, зал огромный, убран превосходно зеркалами. К концу зала стоит огромный стол с игрою, называемую рулет. Посреди стола – круг, в котором стрелка показывает номера, вокруг много играющих, серебро и золото разложено в ящик. Играющий передвигает свой талер не рукою, но сделанною досточкою на длинной палке. В другой комнате – игра в карты в газартные игры. Эти игры здесь всякий день с утра до ночи. Многие оставляют здесь все свое состояние. В Бадене множество бывает посетителей: иные, больные, – к известным здешним минеральным водам и теплым ваннам (источник течет теплый), а многие здоровые проживают здесь, игроки же приезжают выиграть или проиграть. В этом доме и саду, прекрасно устроенном, множество гуляет. Подле дома – ряд лавок с разными товарами, почти так, как и везде на водах, но здесь, кажется, больше. Есть стол для обеда и ужина, а потому дом полон. Тут же в доме – лавка с книгами и картина-

¹ Замок Хоенбаден, колишня резиденція маркграфів Баденських, зруйнований наприкінці XVI ст.

² Покійний чоловік Стефанії, великий герцог Карл Баденський, був молодшим братом імператриці Єлизавети Олексіївни (Луїзи Баденської), дружини царя Олександра I.

ми, я купила вид Бадена, но не нашла, какой мне хотелось. Возвратясь довольно поздно, мы выехали почти в восемь часов пополудни, и при лунном сиянии приехали в Ахерман, где мы ночевали. Гостиница прекрасная. Здесь вообще гостиницы очень хороши и чрезвычайно чисты. Утром в восьмом часу (14/26) мы выехали, и в Офенбурге хотели только переменить лошадей, но, к нашему неудовольствию, подрессорный ремень лопнул, и нам надо было прождать часа три, покуда подчинят. Нас привели в зал, называемый «Казино», для здешнего собрания, и мы там обедали одни. Офенбург – небольшой город, т. е. смотря на все здешние города. Здесь целые леса белых акаций.

Фрейбург. 15/27. Вчера вечером приехали мы сюда, остановились в гостинице Zähringen. Подъезжая к Фрейбургу, селения очень частые, горы видны издалека большие, дорога прекрасная, также усажена ореховыми деревьями и фруктами, виноградников много. От Кисенгена, и еще не доезжая его, много по полям овощи и клеверу. Больше всего садят репу, которая употребляется для скота, она имеет только форму репы, вкусом же нехороша, и зелень ее походит больше на свекловицу. От Франкфурта мы видели уже много пшенички, т. е. кукурузы, ее садят здесь для крупы. Табаку также много длиннолистого. Здесь вообще по полям видна только одна овощ, хлеба же почти нигде не видно, изредка лен. От Кальскруе много видно конопли, ее обрабатывают с большим тщанием, как и лен. Можно сказать, что все здесь достается с большими трудами, и все доведено до совершенства. На земле, кажется, бесплодной, – прекрасные овощи. Природа же награждает жителей множеством фруктов, орехов, каштанов, винограду, хотя и это все здесь присмотрено, сбережено, никто ничего не трогает. Невольно позавидуешь этому. Добрые жители, мирные, честные, чужого никто не возьмет. Костюм женщин от Бадена и досюда: на головах – большие круглые соломенные шляпы, с черными шнурками в несколько раз вокруг тульи, которая низенькая, и по полям шляпы – несколько полосок в одном месте.

В Фрейберге мы видели соборную церковь прекрасную. Высота колокольни почти не уступает Страсбургской, в самом наилучшем готическом вкусе: вся колокольня прорезная из камня, как будто филиграновой работы. Ничего подобного до сих пор я не видала. Церковь огромнейшая, вся украшена снаружи резьбою и статуями. Все это – каменное, бесподобное. Внутри также вся в статуях. Окошки все – в разноцветных стеклах с изображениями святых. Цвета стекол так яркие, так красивы, что, я думаю, теперь не сделают таких стекол, а это все древнее. Окошки огромные, все готические, все-все цветные. Мы купили вид Фрейбурга и его колокольни и уехали. Город хорош, 15 тыс. жителей. Из Фрейбурга до самого Базеля дорога чрезвычайно живописна. Горы, красивые между ими строения, огромные равнины по другую сторону усеяны также красивыми деревьями. Виноградники чрезвычайно изобильны, и лозы ви-

нограда здесь так хороши, так тучны, что их нельзя сравнить с саксонскими и богемскими. Скаты гор все в виноградниках, все в фруктовых садах, по полям много овоща – картофеля, луга прекрасные, все орошаемы источниками. По лугам порыты маленькие канавки, и везде сделаны шлюзы, от чего трава так зелена и тучна. Последний город Германии – Лерах, очень хороший. От его до Баля или Базеля – одна только миля, и гор нет. Выехавши из Рейштата, показываются уже вдали горы очень высокие, которые часто перерезаны тучами, что делает прекрасный вид.

Базель. Мы теперь в Свейцарии. От Лераха до Базеля вы едете садами и часто – прекрасными загородными домами, украшенными цветами. Рейн показывается издали, в долине же он течет уже очень широко и быстро. Мы остановились в трактире *Les trois rois* на берегу Рейна, так что между домом и Рейном нет земли, и стены гостиницы омываются Рейном. Здесь мы обедали поздно, в 6-м часу, и ночевали. Обед дали нам, как обыкновенно, хороший.

В Офенбурге нам утром к кофе подали, по обыкновению, масло, но еще большую конфет[ную] чашку меда. Базель – большой прекрасный город. 16 утром я пошла осматривать город. Соборная церковь – на самой возвышенной части города. Прекрасная терраса подле церкви, усаженная каштанами, с которой виден весь город и как красиво протекает по нем Рейн. Терраса над самым Рейном. Подле церкви – длинная галерея с старинными памятниками за 300 и более лет. Много прекрасных магазинов. Я купила один вид Базеля. Потом, как здесь нет почт, то мы взяли фурмана до Берна. В нашу карету запрягли 6 лошадей. Взял до Берна 240 франков, и мы в 9 часов утра выехали. Прекрасное местоположение Базеля и его окрестности. Мы ехали на Лильсталь, где, остановившись на несколько минут, пошли пешком вперед. Если бы можно не ехать, а идти пешком по Свейцарии, так все мило, так хорошо, везде видно довольство. Проезжая мимо одного виноградника, мы сказали, чтобы нам сорвали винограду. Нам дали за 20 су множество, и чрезвычайно сладкого. Обедали мы в Валенбурге, небольшом городке, нас накормили хорошо, но зато взяли чрезвычайно дорого. В карету нашу припрягли еще две лошади, повезли нас на восьми. Дорога от Вальдбурга по горам чрезвычайно живописна. Это горы известные – **Юра**. Пейзажи беспрестанно переменяются. По горам видны в нескольких местах развалины древних замков. По скату гор – прекрасные домики, селения, речка протекает с шумом по всей долине, стремясь с гор. Над дорогою – огромные скалы. Прелестная Свейцария, нельзя удивляться, что твои жители тоскуют по тебе в чужих местах. На одну гору мы ехали больше часу. Дорога прекрасно устроена, и шоссе очень хорошо. Как скоро мы выехали из долины, окруженной горами, нам представилось зрелище, какого я не ожидала, – это Альпы, покрытые снегом и льдом. Солнце уже село, но оно еще освещало Альпы, – картина, каковой изо-

бразить невозможно. Белизна серебряная, что-то такое величественное, не хочется глаз отвесть. Мне первая мысль была – сожаление: зачем Гришунок не со мною, зачем я не делю с ним удовольствия видеть такие прелестные места!? Он поедет, будет то же видеть и, без сомнения, так же будет жалеть, как и я, зачем он не со мною.

Солерн или Золотурн (на реке Ааре). Мы приехали вечером. Квартира наша очень хорошая – гостиница «Корона», но моя комната самая простая, с сальным огарком. Гришенька, я чувствую, что я не с тобою еду, ты бы мне не дал такую комнату, а сам бы не поместился в прекрасной, богато убранной. Меня это немного расстроило, но не виновата Машенька, она, без сомнения, не желала бы этого, но согласилась, чтобы не иметь неприятности.

17. Утром я встала рано и пошла ходить, чтоб хотя немного рассеяться. Грустно было мне, я пошла в церковь¹. Церковь большая, очень хорошая, новая, органов несколько – один главный, большой, несколько алтарей, главный алтарь отделен решеткою высокою, железною с золотом, образа хорошие. Потом пошла я по городу, который невелик. Два фонтана у церкви шумят беспрестанно. Река Аар довольно широкая и быстрая. Набережная хорошо обделана. Как в нашей карете лопнул опять ремень, и уже рессорный, то нам в Солерне надо было остаться несколько часов лишних. В 10¹/₂ часов выехали мы из Солерна, в 4 часа пополудни приехали мы в Берн. Гост[иница] «Корона».

18-го. Берн, древняя столица Свейцарии, – прекрасный большой город в долине на реке Ааре. Подъезжая к Берну, спускались с горы, и вид на город чрезвычайно хорош. Вся дорога к нему живописна, и Альпы, с снежными своими вершинами, почти беспрестанно в глазах, так что кажутся чрезвычайно близкими, можно разглядеть снег, их покрывающий.

Опять поправка кареты: делают другой ремень и поправляют колесо под рессорою. Это мне стоит 24 франка, вчера в Солерне заплатила за поправку ремня и за кусок веревки 25 ф[ранков] 15 су. Нам меняют здесь деньги довольно хорошо: за 100 австрийских гульденов дают 250 француз[ских] франков, но я не много разменяю, думаю, курс австр[ийских] денег везде хорош. В Берне мы ходили по городу. Прекрасный город. Среднего города дома внизу все на арках, которые составляют род нашего гостиного двора, лавок множество, и прекрасные. Городские часы весьма любопытны: они очень старинные и с механикою². Прежде, нежели начнут бить, прокричит петух, сидячий тут же на средней части башни. Хорошо сделаны. Когда бьют часы, то вертятся медведи, сидящая фигура со скипетром вертит головою и скипетром, считает, повыше китаец звонит в колокольчик, а наверху колоссальная фигура кузнеца

¹ Кафедральный римо-католицкий собор св. Урса.

² Идетсья про знамениту пам'ятку Берна – Годинникову вежу (Цитглогге, нім. Zytglogge).

бьет молотком часы. Катедральная церковь – достойнейшая примечания: не говоря уже о том, что она очень велика, прекрасной готической архитектуры, но она примечательна еще многими памятниками, между прочим – Бертольда Церингена, основателя города Берна. Еще 6 черного мрамора досок, на которых написаны имена генерала Эрлаха, 18 офицеров и 648 солдат, которые 1798 году пали за отечество в сражении с французами. 4 огромные окошка с расписанными стеклами, весьма живыми красками, на них – изображения из истории страданий Спасителя, также многие примеры из жизни святых. Как церковь уже больше не католическая, то на место бывших престолов поставлены мраморные большие столы для причащения протестантов. В стороне отделена церковь для детей, куда их посылают слушать поучения и молитвы.

Как название города Берна означает «медведь», то еще с древних времен заведено здесь содержать медведей. Для этого устроено место у въезда города: с одной стороны – обширное углубление, обложено гранитом, разделено на две половины, в каждой – по бассейну воды с фонтаном, и посреди – высокая толстая ель. Здесь прогуливаются медведи. Берлоги им устроены вроде больших конур. Медведи там рождаются и вырастают. Чрезвычайно забавно смотреть на них. Они не только не боятся людей, но им бросают яблоки, и они ловят. Теперь осталось только три, было, говорят, много. Их содержит город, и очень много отпускается на их содержание. Из Берна мы выехали в полдень. Проезжали город Мора на большом озере того же имени. Прекрасные деревни и сады украшают берега озера.

19. Пайерн. Мы ночевали в гостинице La Couronne, очень хорошей. Выехали рано, в 8-м часу. Дорога от Пайерна до Мудона – по прекрасным местам. Между Пайерном и Мудоном – [долина реки] Бруа, с прекрасным замком¹ на горе по правую сторону. В Мудоне древность весьма достопримечательная – это ворота, построенные еще при Августе, римском импер[аторе], с надписью, сделанною его жрецом. Из Мудона мы приехали к обеду, в 5 часов пополудни, в Ве́ве на Женевском озере. За час от Ве́ве вы начинаете спускаться с горы, и до самого города по спуску горы вы проезжаете маленький городок, потом начнутся по обе стороны дороги виноградники – по горе с одной стороны дороги, и по другой, до самого озера, все покрыто виноградом. У самого озера – деревни с прекрасными домами, по другую сторону озера видны также деревни и города. Ве́ве стоит как будто на воде. Горы со всех сторон окружают озеро, чрезвычайно крутые, и все – каменные скалы. Позади этих гигантских гор проглядывают снежные горы, что составляет прекрасную картину. По дороге все террасы, как берега, так и они все, обложены стеною из дикого камня, и это занимает обширные места. Приближаясь

¹ Замок Люсанс.

к городу, по обе стороны, по скату еще гор, – дома с садами на террасах. Тут, на открытом воздухе, – деревья винных ягод. Огромные кипарисы, чрезвычайно красивые. Сюда приезжают лечиться виноградом: faire un curé de raisin¹. Здесь нашли мы нашего князя Репнина с княгиней. Я была у них. Они приезжали на один день в Веве прокатиться, живут же теперь в Женеве. К ним пришел священник наш православный, который живет в Берне при дворе нашей великой к[нягини] Анны Ф[едоровны], бывшей жены в[еликого] к[нязя] Конст[антина] Пав[ловича]. Священник одет, как и все одеваются: с соломенной шляпой, модная прическа, но он, говорят, очень хороший священник, его ф[амилия] – Качановский.

20. Веве. Утром я ходила прогуляться по городу. Прекрасненький городок, веселый, строение есть очень хорошее. В садике под моими окошками – в грунте большие олеандры и высокие рододендроны, розы очень высокие, и все в цветах, множество кустарников, которые у нас в оранжерее, здесь на вольном воздухе. Прогулка прекрасная по пристани. Я опять повстречалась с к[нязем] и кн[ягиней] Репниными, они сели на пароход, поехали в Женеву, а мы взяли почтовых лошадей: жаль ехать водою – не видеть прекрасных берегов Женевского озера. К нам пришел священник Качановский, поблагословил нас, и мы поехали от Веве до Лозаны. 4 часа езды, но проедешь нечувствительно по берегу озера – так красив берег, мы проезжали несколько деревень.

Лозана – на горе, хороший старинный город, виды превосходные со всех сторон. Здесь соборная церковь весьма достопримечательна – уже более 600 лет, как она существует, архитектуры готической превосходной, чрезвычайно большая, ее возобновили в 1790 году. Здесь много гробниц прекрасных мраморных. Как церковь протестантская, то несколько аглинских монументов. Здесь погребен также папа Феликс², наша граф[иня] Орлова, и хороший памятник, несколько епископов, которых гробницы испорчены во время войны с Франц[ией]. Мы останавливались в гостинице Fauson, почти на берегу озера. Город весь на горах, в соборную церковь ехать по крутым горам. Выехавши из Лозаны, мы думали к вечеру быть в Женеве, – здешние почтовые везут чрезвычайно скоро. Мы проезжали несколько деревень, прекрасные загородные домики, иные по горам, иные по берегу озера, с множеством цветов и фруктовых садов, виноградников чрезвычайно много. В Роле мы переменили лошадей и поехали далее.

21. Морт. До Морта застигла нас сильная буря с грозой и проливным дождем. Мы принуждены были ночевать. Гроза была почти во всю ночь,

¹ Провести лікування виноградом (фр.).

² Насправді поховання антипапи Фелікса V знаходиться у Туринському кафедральному соборі. Тому згадка про його могилу в Лозанні є непорозумінням, але про неї писали автори путівників першої половини XIX ст. (див., наприклад: Reichard, Heinrich August Ottokar. Guide des voyageurs en Italie et en Suisse. Weimar, 1819. P. 36; A Handbook for Travellers in Switzerland, Savoy and Piedmont. London, 1838. P. 144).

и теперь уже 8-й час, но еще не совсем прошла. Морт – маленький городок на Женевск[ом] озере. Гроза удержала нас в Морте до десяти часов. Хотя дождь еще не перестал, но мы решились ехать.

21. Женева. В 2 часа пополудни приехали мы сюда. На границе кантона де Во спросили пашпорты, и при въезде в Женевский кантон тоже спросили. Говорят, что по Швейцарии можно ездить без пашпорта, – по видимому, это несправедливо. При въезде в Женевский кантон начинаются уже загородные дома с садами, весьма частыми, и до самого города. Город прекрасный, с чрезвычайно высокими домами. Река Рона, которая здесь вытекает из Женевского озера, чрезвычайно широка и быстра. Мы остановились на улице и в Hôtel du Rhône. Дом обмывает Рона, так что если кто упадет из окошка, то упадет в воду. Из окошка видно, как вытекает из озера Рона. Дом у самого истока Роны из озера, вода, ударяя о строения, которые тут близко дома, делает такой шум в комнатах, как бы действовало несколько мельниц разом. Вид из окошка прекрасный: широкая Рона тут лучше озера, чрез которую перекинут низкий мост. У самого моста – остров Ж. Ж. Руссо,¹ украшенный прекрасными деревьями кругом его памятника, по ту сторону – огромные дома, набережная очень хорошая, по многим улицам есть тротуары. Магазинов множество. В Веве мне сказал князь Репнин, что познакомит нас с кн. Мещерскою, которая жила в Нисе и все нам сообщит насчет тамошней жизни. На другой день по приезде нашем, как кн. Реп[нин] еще не был, я, полагая, что он нездоров, отправилась сама к к[нягине] Мещерской, чтобы не терять времени, она живет в нашей же отеле. Она приняла меня как нельзя лучше, ласково, дала нам наставление насчет квартиры, насчет всего, письмо к тамошнему консулу нашему, словом, нельзя быть обязательнее. К[нязь] Репнин приехал к нам с княжною Вар[варою] Нико[лаевнаю], милою, доброю, умнейшею, они сидели у нас долго, потом также пошли к к[нягине] Мещерс[кой]. Вечером прислали за нами свою коляску, в которую наложили подушек для Машеньки, поставили скамеечку для ног, коляска низкая, покойная. Мы провели вечер с ними, пили чай. Я могу сказать, что этот вечер я была в кругу добрых родных, они меня так обласкали, такое искреннее участие принимают во всем, что нас касается. Добрейшая княгиня и князь, да утешит вас Бог за ваши добрые, беспорочные сердца. Бесценная княжна Вар[вара] Ник[олаевна], она как ангел-хранитель своим родителям, да благословит ее Бог всеми благами мира. Но что я говорю? Она не желает мирских благ, ей уготовано лучшее, непроходимое. Они нас потчевали прекрасным чаем с разными пирожками, бисквитами, виноградом, фруктами. Домой мы возвратились почти в одиннадцать часов.

¹ Острів Руссо (фр. *L'île Rousseau*) – острів на Роні, з парком і пам'ятником уродженцю Женеви Ж. Ж. Руссо роботи скульптора Ж. Ж. Прадье.

Первый день нашего приезда мы были в театре, играли комедию «La Calomnie, les bains à Dieppe»¹ и оперу-комик «Le Chalet»², небольшую, но хорошо. Комедия была очень хорошо разыграна. Театр небольшой, в ложи билеты, так же, как во всей Германии, берут места, но здесь передняя скамейка не открывається, так что надо перелазить, чтобы сесть.

26. Мы все еще в Женеве, сегодня собираемся выехать. Время было ужасное, дождливое, но нам препятствовала выехать нерешительность – какую взять дорогу в Нису. Все уговаривают, и мы решаемся ехать на Лион, берем с собою первую здешнюю акушерку М-ме Сюби для Машеньки, она нас провожает до Нисы. Карета наша так нагружена, что мы постараямся отправить некоторые вещи прямо в Нису, без того я боюсь за свою карету – она, бедная, не выдержит. Здесь я отыскала мать нашего М-р Сюби, бывшего гувернера Гришенькина. Она рада была познакомиться с нами, хорошее семейство. Дурная погода мешает осмотреть город. Сколько можно, я ходила. Новые улицы прекрасные, тротуары очень широкие. Но старые имеют свое достоинство: высокие, разного сорта дома, узкие улицы, неровные, – показывают древность города. Прогулка прекрасная по набережной. Виды со всех сторон прелестные. Окрестности Женевы чрезвычайно красивы. Горы, окружающие город, очень высоки, видны снежные горы. Островок Русо очень красив, и с него вид на город и окрестности чрезвычайно хорош. В Женеве, как озеро уже не очень широко, то виден противоположный берег, подъезжая к городу. Ехавши же от Веве до Лозаны, озеро видно во всю его длину, а потому вы берега не видите, и оно кажется вам морем.

27. Вчера не успели мы выехать, сегодня все уже готово. К[нязь] Мещерский был у нас вчера после обеда, очень приятный и умный человек, что всего приятнее, то, что он, кажется, в душе русский. Желательно, чтобы побольше было таких. Кажется, он сблизился с нашим Полем. Вещи наши отправлены, белье поручили нашей хозяйке М-ме Роше вымыть и отправить.

В 10-м часу мы оставили Женеву, взяли дорогу на Лион.

С.-Женне – первая станция, и тут уже французская граница. Колонж, Бельгард, Эклюз – большая крепость французская на чрезвычайно крутой горе, на утесах. С.-Жермен де Жиз, Натуа, Сердон – все эти места чрезвычайно гористы. По Альпам дорога нехороша, быть может, от дождей шоссе испорчено, но она проложена по горам довольно покойно. Несмотря на то, во многих местах у вас с одной стороны – огромнейшие утесы, с другой – пропасти. Как ни неприятно ехать Альпами, но нельзя не любоваться величественною природою: горы огромные, каменные, между ними есть деревни по долинам, разбросанные кое-где строения. Реки текут с чрез-

¹ «Наклеп, ванни у Дьеппи» (фр.). Идетсья про комедию французького драматурга Ежена Скриба «Наклеп», опубліковану 1840 р.

² «Шале» (фр.) – популярна комічна опера французького композитора Адольфа Адана.

вычайною быстротою, по многим местам каскады падают с крутых гор, с шумом, с пеною. На многих горах, переехавши уже главные Альпы, – развалины старинных замков. Даль видна с гор необъятная. В Бельгарде теряется Рона в каменные скалы и потом опять вытекает¹. Я, зная, что Рона теряется в землю, воображала это иначе, но тут нет ничего сверхъестественного: Рона, встретив скалы, прорезала их и течет под ними, покуда освобождается и принимает свое течение по-прежнему. Доказательство тому: теперь, как от сильных дождей воды много, то падение Роны не так заметно, – она покрывает то место, которое ее покрывало. Тут же река [Вальсерин] впадает в Рону, течет между огромнейших скал под свод, повидимому, прорезанный ею самою, и опять вытекает.² Здесь, т. е. в Бельгарде, французская таможня. Мы оставили нашу карету на таможне, а сами пошли в гостиницу обедать. Paul остался на таможне. Я очень боялась за наше полотно – батист, также кружево – и многие, хотя небольшие, но новые вещи, а потому не послала ключи от моих ящиков, а сама их принесла, чтобы объявить все наши вещи. Но чиновники были так вежливы, что ничего не осматривали, для формы только открывали мы ящики и ларчики, а после, для другой таможни, чтобы не подвергаться осмотру, пломбировали все наши сундуки, ящики, ларчики, даже чемодан и мешки. В Нантуа сняли пломбы с наших вещей. Сердон – город, название горы подле его – тоже Сердон, очень большой и крутой. Слава Богу, мы переехали Альпы. Понтон. Река, очень широкая и быстрая, тут протекает по долине. Костюмы Швейцарии прекрасные. Женщины – в корсетах и юбках, с передниками, на головах – большие белые, а часто черные круглые шляпки, под ними – хорошенькие чепчики, также белые или черные, так мило, так чисто одеты, многие в черных чепчиках, обшитых очень хорошими кружевами. Работая в поле, они так же одеты. Мужчины – в камизолах и соломенных шляпах. В домах чисто, и все к месту. Скот прекрасный, луга покрыты изобильною паствою. Коровам привязывают большие колокольчики на шеи, что делает такой иногда звон, как бы вдали слышно колокольный звон. Сливки прекрасные изобильно, дают к чаю множество, также дают белый мед.

29. Лион. Въехавши во Францию, видишь уже большую разницу между Швейцариею и Франциею, разницу весьма чувствительную. Народ груб, нечист, гостиницы нечисты, за все платим дороже (хотя и в Швейцарии дорого в гостиницах, и нельзя сказать, чтобы совестно, мастерские также грубы и нечестны). Женщины одеты нечисто. Все бедно, нищих много. В гостиницах служат нехорошо.

Мы приехали в Лион вчера вечером по причине наводнения Соны. Также множество воды в Роне, пароходы не могли отходить. Гостиницы

¹ Цей природний феномен отримав назву «втрата Рони» (*la Perte du Rhône*) і викликав зацікавлення мандрівників. Він зник внаслідок спорудження гідроелектростанції Женісья 1948 р.

² «Втрата Вальсеріна» (*la Perte de la Valsérine*).

были все заняты, мы, однако же, нашли и остановились в хорошей гостинице *des Ambassadeurs* на Белькур – лучшая здешняя площадь. По середине ее – монумент Людовику XIV-у: он изображен едущим верхом. Сегодня ездили осматривать город. Превосходный, еще подобного ему я до сих пор не видала. Дома в 6 и даже в 8 этажей, есть прекраснейшие гигантские строения, город обширнейший, несколько мостов на Соне и Роне, с мостов вид чрезвычайный, куда ни взглянешь – везде прекраснейшее строение. Соборная церковь очень велика, в готическом вкусе, все окошки – с разноцветными стеклами. Здесь стоят часы, которые, как говорят, были сделаны в 12-м столетии: они заводятся для посетителей, с механикою, при бое часов выходит архангел Гавриил, благовествует Пречистой Деве, сверху спускается Святой Дух, наверху кричит петух, и многие фигуры движутся. Город весь в лавках и магазинах, по всем улицам народу множество, оживлен чрезвычайно, освещен весь газом, подъезжая к нему вечером, видишь зарево, как будто при пожаре. Фабрик здесь множество, главные – шелковых материй, отчего здесь они дешевы. Много учебных заведений, дом для оставленных младенцев – очень хорошее заведение. Здесь есть сестры милосердия, они одеты в какие-то белые капоры с клапанами по бокам. Много видно едущих на ослах женщин в шляпках, с большими по бокам двумя корзинами. Мулов также много, по дороге встречали обозы на мулах. Фруктов много, винограду, гранатов. Каштанов чрезвычайно много, и их здесь пекут на улицах очень хорошо, за сотню лучших печеных – 10 су. В Лионе, кроме других прекрасных строений, – огромнейшая больница по набережной, на полторы тысячи кроватей¹. Нельзя похвалить французов вообще: народ ветреный, бесхарактерный, грубый, женщины еще хуже, дерзкие. Как окошко моей комнаты – на площадь, то из него я вижу с самого утра множество собирающегося народа, идущего и едущего на рынок. Все это нечистое, кажется, недовольное. Женщины почти всегда разговаривают крича, бранятся. Детей много видишь шатающимися по улицам. В Германии по воскресеньям вы не встретите никого, а особливо женщины, без книги молитв. Здесь же не уважают праздника: вчера – воскресенье, но все лавки до 12 часов открыты, после 12-и закрывают для того, что сидельцы имеют уже право тогда отлучаться, куда хотят, для забавы; работают же по воскресеньям даже на улице. Все это доказывает, что во Франции не столько уважают религию, как в Германии. Народ, как видно, не довольный ничем, разделен на партии, многие – за Бурбонов². Король, кажется, нелюбим, больше еще – неуважаем. На другой день

¹ Идетсья про Отель-Дьйо де Лион (фр. *Hôtel-Dieu de Lyon*) – ліонську лікарню, пам'ятку французького класицизму середини XVIII ст., побудовану за проектом архітектора Ж. Ж. Суффло.

² Мовитьсья про легітимістів – прибічників династії Бурбонів, позбавленої влади Липневою революцією у 1830 р. До цього політичного угруповання належала реакційно-консервативна частина французького суспільства, здебільшого аристократія і католицьке духовенство.

нашого приезда, утром, казнили одного преступника гильотиною, при этом всегда – колокольный звон. Я слышала звон утром рано, но не знала причины. Мальчики потом разносят по улице, продают объявление с картинками и стихами об этом происшествии. Это было смертоубийство.

30. Мы все еще в Лионе, сегодня – четыре дня. Нас водят, обещают все завтра отправить нас на пароходе до Авиньона уже третий день. Воды так много в Роне, что все пароходы остановились, не могут пройти под мост, больше еще Сона в разлиии. Вчера мы были совсем готовы к отъезду в 5 часов утра. Сегодня обещают поставить на пароход нашу карету прежде вечера, а завтра в 5 часов утра и мы должны отправиться на пароход. Кроме множества лавок, в Лионе есть еще две огромнейшие галереи, освещенные сверху, чрезвычайно хорошие, светлые. В них вы найдете лавки со всякими товарами, прекрасными золотыми вещами. Жить по гостиницам вообще дорого, здесь же несравненно дороже. С нас за 4 дня, при чрезвычайно умеренных требованиях, взяли 130 франков. Съестные припасы дороги, хотя, кажется, и хлебопашество есть, проехавши Альпы, но для города, каков Лион, много надобно. Здесь больше, нежели в Швейцарии, сажают кукурузы, теперь ее собирают, и, ехавши, мы видели везде множество. Сеют в иных местах и гречиху. Волонты запрягают здесь почти так же, как у нас, – в деревянные ярма, только тонее наших, и подкладывают, чтобы не терло шею.

Я получила письмо от Гришеньки из Франкфурта.

1. В 4 часа утра мы оделись и поспешили на пароход, чтобы занять лучшие места. Здесь нет такого устройства, как у нас и у добрых немцев, что, заплативши деньги, вы можете быть уверены, что имеете место. Здесь могут и в первые места набрать столько, что негде поместиться. Карету нашу поставили на пароход еще накануне. Какая разница парохода с тем, на котором мы ехали по Рейну с Гришенькою. Вместо атласных широких диванов – узенькие волосяные, так что трудно сидеть, – это первые места. В общей же каюте навалено до половины товарами. На палубе нечисто, сесть негде, нет ни скамеек, ни стульев, еще и без зонтика, т. е. без палатки, так что в дождь должны мокнуть. В первономерной каюте, кроме нас, были: одна толстая дама с молодою племянницею и ее мужем, и адмирал Боден с семейством: старушка 83-летняя – мать жены, жена, сын 15 лет и адъютант адмирала. Мы спросили кофе, подали очень дурной, и молоко вместо сливок. Долго сидели мы, разговаривая каждый с своими. Старушку усадили, заботилось все семейство об ней. Пароход двинулся. Прекрасные берега Роны обращали на себя внимание. Старушка начала говорить со мною, потом перешла ко мне, добрая старушка, потом все семейство познакомилось с нами. Адмирал без правой руки – он ее потерял в сражении. Что можно сказать об жадности к деньгам французов?! С нас взяли за карету до Авиньона 120 фран[ков], за нас четырех за 1-е места – 80 фр[анков], за 2 места для

нашей прислуги – 30 ф[ранков], всего – 230 фран[ков]. И не будучи уверенны, пройдет ли пароход под мостом по дороге на Роне. Притом, какое худое устройство, чтобы, где такая важная торговля от Лиона в Марсель, в Средиземное море, строить такие мосты, под которые и в самое важное время для торговли не могли проходить пароходы? Хотя взяты уже меры, и пароходы устроены так, что труба сгибается, проходя под мост, но обыкновенно к осени вода в Роне прибавляется, и пароходы должны у мостов по дороге ждать, покуда упадет вода, и простаивают по месяцу. Что могло бы быть с нами? Мы проехали миль восемь, проехали один мост, город Вьену и многие на берегу деревни, как вдруг наш пароход останавливается. Мы находим еще 2 другие парохода стоявшими. Нам говорят, что вода в Роне поднялась, и нельзя переехать одного моста по дороге. Все пришли в ужасное беспокойство. Мы более всех имели причину беспокоиться – положение Машеньки требует спешить в Нису¹. Мы потеряли 3 дня, чтоб ехать водою, нам это сделало большую разницу. От Лиона до Авиньона водою менее 12 часов, но делать было нечего. Доброе семейство адмирала Бодена приняло такое участие в нас, что мы решились делать то, что они будут делать. Итак, капитан нашего парохода должен был воротиться с нами до города Вены², который мы уже переехали несколько миль, и высадить там нас на берег. Адмирал послал своего адъютанта, чтобы нам привели почтовых лошадей вместе с ним. Лошади были готовы. Их карету выгрузили, как легче нашей, и потому они должны были ехать. Добрая старушка никак не хотела ехать, держала меня все за руку, и насилу ее уговорили, чтобы она решилась. Почтовые лошади здесь не ждут, и надо заплатить за час как за станцию, что мы и сделали, покуда выгрузили нашу карету. Мы тотчас поехали. Вена – на берегу Роны, хороший город, но мы его видели, только ехавши водою, теперь же не имели времени осматривать. Много видели военных, кавалерию. На ночлеге в [пропуск у тексті] мы съехались с нашим адмиралом. Они нам так обрадовались, как родным. Мы выехали рано 2 октября, проехали две станции до Валанса. В Валансе мы завтракали. Город с крепостью старинною, и город красивый, также на Роне. В гостинице, где мы завтракали, двор и садик прекрасный с разными хорошими растениями. Как здесь видно разницу климата: октябрь уже, но деревья так зелены, как в июне, трава также. Здесь много шелковичных заводов, и шелковичными деревьями не только усажены все дороги, но по полям множество, и рассадников шелковичных очень много. Фигурные деревья очень толстые, на вольном воздухе, кипарисы, белые акации. Крестьяне обрывают лист шелковицы для корму скота зимою. Здесь теперь еще орют и сеют. Хлеб два раза в год снимают, после озимого сеют яровой, так что к осени он созревает. Гречиха иная еще теперь

¹ М. Комаровська чекала на дитину.

² До м. В'єнн.

цветет. Орют здесь мулами, соха или плуг похожи на наши. Скот хуже швейцарского, лошади велики и сильны. Кладь возят на двухколесных повозках, чрезвычайно больших, колеса очень велики и толсты, большею частью – мулами, припрягают спереди осла. Язык здесь – патуа, смешан с итальянским¹.

3-е. Авиньон. Вчера вечером остановились в Отель de Europe – большая, прекрасная гостиница. Здешние жители, а больше женщины – похожи на итальянок: смуглы, с черными глазами. Город старинный, большой, но улицы узкие, кривые. Мы видели бывший Папский дворец, он теперь превращен в казармы. 1305 год (Климент 5) – по 1394 г. (Беноа 13): 9 пап жили в Авиньоне². Теперь жалко смотреть на дворец, превращенный в казарму. Все залы, все уничтожено, вся живопись, остается только немного в церкви, принадлежащей дворцу Папскому. Вид с террасы при церкви на город прекрасный. Альфреско известного живописца Джотто 14-го столетия, живопись и теперь как будто новая, краски живые³. Нам показывали в подземелье весьма любопытные предметы: это тюрьма, судилище инквизиции, комнаты, где сжигали осужденных, где их пытали. Все это хотя разорено французами во время войны, но не истреблено, везде видны остатки. Во время французской революции Робеспьер также в этих подземельях томил свои жертвы, и разом, кажется, 80 таковых изрубили в куски и бросили в так называемые *glacière*⁴, и теперь видны еще остатки крови, текшей по сводам тюрьмы.

Авиньон – чрезвычайно древний город, был построен римлянами гораздо прежде Р. Х. После падения римлян он достался готам и бургиньонам⁵. Мы пробывали в Авиньоне почти сутки – ожидали доброе семейство адмирала, которые приехали и, как родные, рады были нас видеть, отобрали у меня слово написать к ним об Машеньке. Из Авиньона мы ехали всю ночь. Здесь уже города выстроены совершенно другим образом, архитектура в римском вкусе: дома высокие, окошки большие, улицы

¹ Мається на увазі провансальський діалект.

² Йдеться про «Авіньйонський полон пап» – період в історії католицької церкви, 1309–1377 рр., коли папи перебували у політичній залежності від французьких королів і мусили мешкати в Авіньйоні. Ця доба почалася з понтифікату Климента V (1305–1314). Григорій XI 1378 р. повернув папську резиденцію до Рима, але у католицькій церкві стався «Великий розкол», під час котрого законні папи правили у Римі, а їхні суперники (антипапи) мешкали в Авіньйоні. Останнім з авіньйонських антипап був Бенедикт XIII (фр. *Venoit*, 1394–1423).

³ Флорентійський художник Джотто (1266–1337) не працював над оздобленням Папського палацу в Авіньйоні. Мистецтвознавцям та історикам середини XIX ст. це було відомо (див.: Joudou, J.-V. *Essai sur l'histoire de la ville d'Avignon*. Avignon, 1853. P. 395–396). Проте впродовж першої половини XIX ст. у наукових працях і популярній літературі, зокрема у путівниках, стверджувалося, що у Папському палаці можна побачити фрески Джотто. Приміром, Стендаль у своїх «Нотатках туриста» (1838 р.) писав: «Цей палац тепер сильно порушено. Він є казармою, і солдати відривають від стіни та продають місцевим буржуа голови з фресок, написаних живописцем Джотто» (Stendhal. *Mémoires d'un touriste*. Paris, 1891. P. 212).

⁴ Льодовня (фр.).

⁵ Тобто бургундам.

прямые, дома узкие, столбами, крыши низкие. Ес – красивый городок, улица главная широкая, кофейных домов множество, все это прямо на улицу, убрано зеленью, павильоны из сплетшегося винограда. От Авиньона до Нисы несколько городов. Кан – небольшой и неопрятный городок. Нам дали кофе с козым молоком, здесь оно употребляется вместо коровьего. Вообще молоко дурно, а сливок совсем нет, может, от худых пастбищ. Антиб – последний французский город, здесь большая крепость, и весь город – в крепости. Выехавши из Кана, вам уже откроется море. Не доезжая Антиба – последние горы Альпов. Дорога проложена по горам прекрасно, красивые холмы, между них видны скалы, вокруг высокие каменные горы. На холмах и по скату гор – множество разбросанных белых домиков, довольно больших, – все это в садах. Мирты, лавры, сладкие каштаны, персики, абрикосы – все это на воздухе по лесам. Есть еще фрукты, совсем нам незнакомые. Сорбины и [пропуск у тексті] очень вкусные. Оливковых деревьев целые леса, и усыпаны фруктами. Винные ягоды, деревья винных ягод, не меньше, как наши хорошие яблоневые деревья. Подъезжая к Нисе, климат чувствительно лучше, теплота чрезвычайная. Здесь уже лимонные и померанцовые деревья на воздухе, и так велики и густы, как наши грушковые и яблоневые, все в цветах и фруктах. Растения, какие у нас в оранжереях, здесь на воздухе, ими обсаживают место заборов. Столетники в поле, гранатовые большие деревья с фруктами. Между Антибом и Нисою – таможни, французская и сардинская. На первой у нас ничего не спрашивали, кроме пашпорта, там оставили данный для Франции. Сардинская же очень строга, Полю надобно было оставить весь свой табак, из которого возвратили ему в Нисе менее половины, очень строго смотрят, нет ли книг. В Нису на Палион мы приехали в субботу 4-го, к обеду. Остановились в гостинице *des Étrangers*, огромном прекрасном доме. К нам ход чрез садик, весь из прекрасных деревьев: лимоны, померанцы, мирты, рожки, датура арборея¹ пребольшие, все покрыто цветами, крытые аллеи из роз, все в цветах, множество разных кустарников прекрасных, жасмины в цвету. Воздух амбомирован. Я смеряла одно померанцевое дерево – оно толсто, более полутора аршина. Как по гостиницам везде безмерно дорого, то, приехавши сюда, мы заботились, как бы скорее отыскать квартиру. Нам в Женеве кн. Мещерская рекомендовала М-г Маскле². Поль отыскал его, и на другой же день, т. е. 5, мы переехали в дом Маскле, заплативши в гостинице за одни сутки 70 франков. Дом наш небольшой и невыгодный, хотя он в 3 этажа, и все три мы одни

¹ Дурман деревовидний (лат. *Datura arborea*) або бругмансія – ця екзотична рослина родини пасльонових родом з Південної Америки розводилася аматорами садівництва Ніцци (Risso A. Flore de Nice. Nice, 1844. P. 334).

² О. О. Смирнова-Россет, що провела у Ніцці зиму 1844–1845 рр., мешкаючи у будинку І. Маскле, згадувала: «Масклет давно жив у Росії, і росіяни охоче у нього зупинялися» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М. : Наука, 1989. С. 56).

занимаем. Внизу – столовая и кухня, в бельэтаже мы живем, комнатки все маленькие, в третьем – также комнаты, и приготавливаем комнату для Гришеньки. Все окошки главных комнат, и почти все в доме, – в сад. Дом узкий, на улицу во всем доме – только три окошка, прочие – фальшивые. Сад прекрасный, весь из лимонных, померанцевых, фиговых, гранатовых деревьев огромнейших, винограду множество. Сад ведет почти к морю, из окошек всего дома – вид на море. Платим мы за 6 месяцев 3000, с посредственной мебелью, зато всею посудой для стола и кухни, также столовым бельем. Корабли беспрестанно проходят по морю. Ниса – порто-франко, от того все товары дешево колониальные: сахар, самый лучший, – 8 су, на наши деньги – 40 копе[ек], кофе ливанский, «Омока», самый лучший – 1 ф[ранк], т. е. 88 ко[пеек], обыкновенный же – 60 копе[ек], все дешево. Съестная провизия дорога, как-то: говядина, живность и все, что для стола, дорого, дороже прочего сливки. Ниса – на реке Палион, есть Вар.

14/26. Десять дней, как мы в Нисе. От Гришеньки я получила письмо из Мюнхена, слава Богу, что он здоров. Ожидаю его сюда, и уже комнаты приготовлены для его и Фед[ора] Вас[ильевича]. Все время было прекрасное и жаркое. На третий день начался дождь, хотя при чрезвычайно теплой погоде, в промежутках от дождя я хожу к морю. Ветер теплый, но сильный, гроза всякой день, и море так волнуется, что страшно смотреть. Вода в нем казалась прежде темно-синюю, потом – почти черною с мутными зелеными краями, теперь же так мутно, как бы с песком. Волны поднимаются чрезвычайно высоко, все море, кажется, вздулось и как бы хочет вылиться на берег, шум волн слышен в доме. Вчера я получила письма из дому, но они долго лежали на почте в Дрездене, мне доставил их, наконец, банкир Каскель. От бр[ата] Пет[ра] Гри[горьевича] также получила письмо от 11 сентября. Слава Богу, у них все благополучно, и у нас также. Я ходила вчера с М-те Сюби по многим улицам. Город велик, лавок множество, в середине города есть также много магазинов, лавки с товаром все тесные, маленькие, несмотря на то, в них можно найти весьма хорошие вещи.

17 октября. День, страшный для меня с 1834 [года], день моего несчастья¹. Как проведу я его? Хотела бы справить в церкви моление за моего ангела, но нашей церкви нет здесь, пойду хоть в католическую помолюсь.

17. Гришенька опять приехал, слава Богу, благополучно. Он меня столько обрадовал своим приездом. Я чрезвычайно беспокоилась об нем. Этот горестной день сегодняшней, 17 октября, я провела с нашими детьми – большая отрада для меня. Мне кажется, что и душечка мой, ангел небесный, был, невидимый, с нами. Гришуночик наш поспешил к этому дню ко мне, по опасной даже от наводнения дороге. Хотелось бы помолиться в церкви, но нашей нет, и мы пошли в католическую после обеда.

¹ День смерті чоловіка К. В. Галаган – Павла Григоровича Галагана.

20. Прекрасная терраса в Нисе устроена по крышах домов, вся покрыта асфальтом, так что после дождя можно прогуливаться. Здесь все здешнее общество по вечерам ходит, время теплое, и как среди лета. Множество съехалось наших русских. Пристань здесь также очень хорошая, множество кораблей, одна – для купеческих кораблей, другая, за час от Нисы, в Вильфранш, – военная. В Нисе живет губернатор в хорошеньком дворце, он в большом уважении. В Нисе есть также еще Сенат, 2 богоугодных заведения, 3 монастыря за городом. Церковь весьма небогатая. Театр довольно хороший, играют все итальян[ские] оперы.

19 ноября¹. Ездили мы с Гришенькою на ослих в окрестности Нисы, чрезвычайно хорошие, были в одном монастыре капуцинов.

4 декабря. Погода прекрасная, так тепло, что у меня в комнате окошко открыто, я пишу, и солнце так жжет, что надо опустить занавеску. 6 дней назад мы ездили с Гришенькою и Кольдвелями на ослих в Вильфранш. До захождения солнца было жарко. Виды по дороге чрезвычайные. Вильфранш – небольшой городок на берегу моря с гаванью для военных кораблей. Мы прогуливались.

Вильфранш, Villefranche. Отправились далее по берегу моря. Какое красивое море – голубого, темно-яркого цвета. Дорога живописная, множество рожковых деревьев с фруктами – огромнейшими рожками. Апельсинные и лимон[ные] деревья в цвету, воздух наполняется запаха от цветов. Можно сказать, что здесь, т. е. в Италии, вы не увидите искусства, оно осталось только в древностях, теперь же вы видите одну натуру, можно сказать, наочию. Садов здесь нет – здесь все составляет сад. Апельсины, померанцы, лимоны, гранаты, фиговые и даже финиковые деревья растут-растут как попало. За ними никто не ухаживает, они приносят множество плодов, между ними сажают капусту и другие овощи и часто обрезают прекрасные ветви от апельсиновых деревьев, чтобы не делали тени капусте. Хлеба очень мало сеют, все между оливковыми и другими деревьями. Землю для хлеба, как и для других овощей, роют заступами. Земля каменистая, и без удобрения хлеб не растет. Хлеб же сеют – почти одну пшеницу, ржи вовсе нет, много сеют кукурузы и употребляют на поленто, превращая сперва кукурузу в муку. Пшеница здешняя вся привозится от нас из Одессы, это не только Ниса, но все окрестности. Леса здешние – больше из оливковых деревьев, и Ниса изобилует лучшим прованским маслом во всей Италии и Франции, отсюда идут большие транспорты в Россию и во всю Европу. Также много отправляется духов во Францию – в Париж. Костюм женщин очень хорош: шляпка почти плоская, белой соломой, с черными бархатными звездочками или крестиками, нашитыми по сторонам, под шляпкою – чепчик с вышитыми оборками, род косыночки,

¹ Перерву в шоденнику між 20 жовтня і 19 листопада можна пояснити тим, що К. В. Галаган у цей час була занадто заклопотана народженням онука, Грані Комаровського, щоб продовжувати нотатками.

и коса, обвитая черною широкою бархоткою, положена вокруг головы, с таким же бантом за ухом. Платье составляет корсет с широкими рукавами, юбка другого цвета, и фартук, чулки больше синие или серые, башмаки черные с бантиками. Это костюм деревенских женщин. Городские же носят чепчики больше черные с цветными лентами. Мужчины вообще в коричневых камзолах или куртках и в такого же цвета платке, на головах по большей части – род колпаков, коричневого цвета, иногда яркого красного, с черным околушком. Ездят больше на ослах и мулах. Женщины очень покойно сидят на ослах как на стуле.

6 декабря праздновали здесь русские именины нашего императора¹. Обед был у Васильчикова Алек[сея] Вас[ильевича], а вечер – у г[рафа] Дорести, за ним – наша русская Чихачева. Г[раф] Дорести очень богатый человек. Праздник был превосходный: музыка играла на улице «Боже, царя храни», окошки отперты, время прекрасное, дом убран превосходно. В Нису на зиму вообще много съезжается иностранцев, и теперь здесь вся знать. Русские: кн. Шаховская с дочерью, Васильчиковы, кн. Долгорукая с семейством, кн. Грузинская, и множество других. Иностранцев: великая герц. Баденская Стефания с дочерью, герцогиня Талейран, ее дочь маркиза [пропуск у текст]², маркиза Комон, маркиза Тереза с дочерью, принцесса Бирон, множество других маркиз, графиня Коленкур. Англичане: лорд Девоншир, лорд Иле с сыновьями, которые носят имя Ловтус, лорд [пропуск у текст]¹ с женою, множество других знатных фамилий англичан. Праздники беспрестанны – вечера, балы, все наряжаются чрезвычайно. Здесь и добрые наши кисенгенские знакомые – семейство Каудвель. Губернатор здешний, граф Деместер³, играет большую роль, ему отпускается от казны 20 тысяч франков для праздников, и у него бывает часто бал, также даются балы от серкля⁴, общественные балы, балы костюмированные, но без масок. Гришенька бывает почти на всех балах, был костюмирован очень хорошо, в одной кадрили – Фигаро.

Мы ездили прогуливаться au Cimiez – капуцинский монастырь. Очень хорошее местоположение, но мне больше нравится дорога в Вильфранш и прогулка по генуэзской дороге. Часто с Гришенькою ходили мы к пристани. Когда море бушует, волны разбиваются о скалы и производят шум, подобный выстрелам. Часто прогуливаемся по городу. Новый

¹ День св. Миколая – іменини російського імператора Миколая I.

² Поліна де Талейран, по чоловікові – маркиза де Кастеллан.

³ Граф Родольф де Местр, губернатор Ніцци, був сином літератора, міслителя-консерватора Жозефа де Местра, що тривалий час обіймав посаду сардинського посланника у Петербурзі. Р. де Местр, мешкаючи з родичами у Росії, служив у лейб-гвардії Кавалергардському полку. Його біограф зазначив: «Пам'ятаючи з вдячністю Росію, що прийняла і його, і батька його, і дядька Ксав'є, граф Рудольф завжди був люб'язним з усіма росіянами, що проводили зиму під ласкавим небом півдня» (Сборник биографий кавалергардов: 1801–1826 / Под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. С. 169).

⁴ Йдеться про бали, що влаштовувалися окружною владою.

город – с широкими улицами и с тротуарами, которые очень красиво выкладываются узорами из маленьких круглых камешков разного цвета, и покуда новый – очень красив, потом покрывается пылью и землею. Мы ходили с Гришенькою на старую крепость, она уже развалена, но дорога идет к ней довольно покойная, хотя по весьма большой горе, и вид чрезвычайно хороший. Новая крепость построена на самой высокой горе между Нисою и Вильфранш. В Вильфранш и до сих пор в одной из церквей стоит не погребенным тело известного музыканта Паганини, оно бальзамировано. Паганини умер в Нисе, но пред кончиною не исповедовался, то по нетерпимости здешнего католического духовенства епископ здешний запретил его погребать, а потому сыновья Паганини должны просить разрешения папы, которое еще не кончено.

Ехавши в Семье, на правую сторону, есть еще и теперь развалины древнего амфитеатра римлян, мы ходили по ним. В середине амфитеатра теперь сады капусты, стена же и арки еще очень заметны.

30 декабря приехал наш Федор Вас[ильевич] из Венеции, где он пробыл почти два месяца, и в восхищении от Венеции.

Январь 1842 г. Квартира на à la Croix de Marbre.

1. Вчера встретили мы новый год в своем семействе и с добрыми нашими Каудвель. Они просидели у нас за полночь, пили чай, потом выпили шампанского за здоровье один другого и разошлись.

17 января. Вчера, в 5 часов пополудни, уехал наш Гришунок в дилижансе до Генуи, а оттуда водою в Ливурно, потом в Чиветавекию и в Неаполь. Добрый наш Федор Вас[ильевич] поехал вместе с Гришенькою, без Фед[ора] В[асильевича] я не решилась бы отпустить Гришеньки одного так далеко. Он поедет один, без человека¹. Гришунок не привык смотреть сам за своими вещами, и ему, я думаю, будет трудно. Грустно мне без моего Гришуночка, он почти всегда был со мною, и ему, бедненькому, грустно было расставаться с нами. К моему беспокойству, ночь была очень темная, дорога до Генуи весьма нехорошая, по крутому берегу моря, много источников или речек без мостов.

21. Жду письма от Гришеньки из Генуи, но если в понедельник письмо пошло, то сегодня среда – я должна его получить, дай Бог, чтоб он благополучно ехал.

Несколько дней, сперва в конце декабря и теперь в январе, было холодных, так что 27 по нашему стилю выпал снег на горах и здесь крошечный почти на сутки, сыро и дождь мелкий дней пять шел. Теперь же весна настоящая: птички поют, абрикосы начинают цвести, у нас в саду виолетки не переставали цвести, и теперь лакфиоли, тацет, жонкили и лаврус тинус², прекрасное дерево, все в цвету. Для полевых работ и для саду здесь нет зимы, во весь год работают: один хлеб сымут – другой сеют,

¹ Тобто без слуги.

² Калина вічнозелена (лат. *Laurustinus*).

Потапов М. Портрет К. В. Галаган (ст.).
Без дати.

Серебряков В. О.
Портрет Г. П. Галагана.
1843 р.

Цапф Г.-К.-Ю. Портрет К. В. Галаган
(мол.). 1847 р.

Невідомий автор.
Портрет
Г. П. Галагана.
60-70-і рр. XIX ст.

Невід. художник.
Портрет М. П. та П. Є. Комаровських.
Початок 1840 х рр. (?)

Вікові дуби Сокиринського парку.

Зліва направо: Катерина Василівна (ст.), Павлусь, Григорій Павлович Галагани.

Середина 1860-х рр.

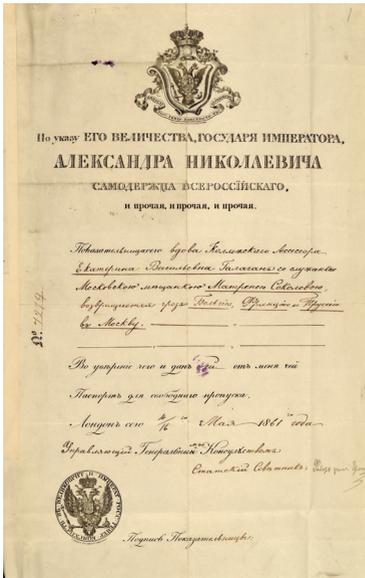
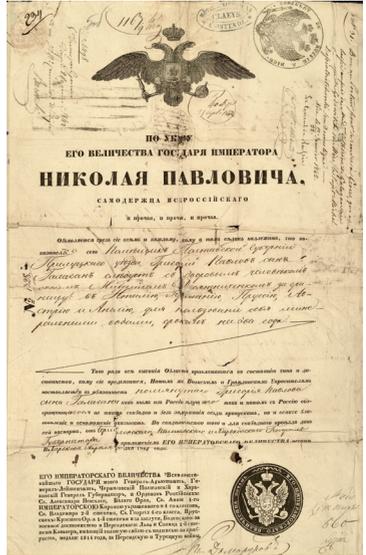

Павлусь Галаган та його вихователь Жюль Таньон
біля української хатки в парку Сокиринців.

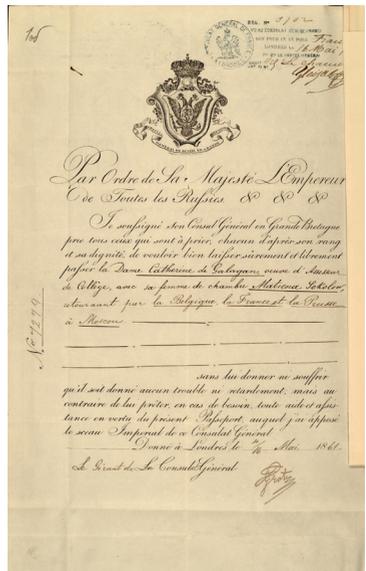
Після 1866 р.

Закордонний паспорт Г. П. Галагана. 1841 р.

Закордонний паспорт К. В. Галаган (ст.). 1861 р.

Ауер К.
Вид Львова в напрямку
Краківського передмістя
(нині проспект Свободи).
Сер. XIX ст.

Ауер К.
Вид Львова з півночі.
Сер. XIX ст.

Ауер К.
Броди. Новий ринок.
Сер. XIX ст.

Ауер К.
Кальварія Зебжидовська.
Сер. XIX ст.

Лангер Й. Тинська церква (Костел Божої матері перед тином). Прага. 1840 р.

Таннер Й. Бібріх. 1840 р.

Поппель Й.
Бад Кіссінген.
Вид на Заале
з руїнами замку
Боденлаубен. 1850 р.

Вілманн Е.
Вид Гейдельберга. 1840 р.

Джерело «Шпрудель»
в Карлсбаді.
Сер. XIX ст.

Поппель Й.
Собор в Майнці.
1846 р.

Ділманн Я. Франкфурт.
Старовинний будинок,
з якого Лютер
проповідував людям.
1848 р.

Ділманн Я.
Франкфурт.
Синагога. 1845 р.

Женева.
Гравюра. XIX ст.

Строссе К. Ф.
Панорама Рима.
Фрагмент. 1851 р.

Гент з півдня. 1837 р.

Іванов О. А. Майстерня художника в Римі. До 1837 р.

Мюлер Р., Хорнер Ф. Кастелларе. 1836 р.

Вілманн Е. Париж. 1860 р.

с удобрением только, также и овощи, теперь горох в цвету, другой поспеваает. Зима, говорят все, была необыкновенно холодная этого года везде. Из газет видела я, что в Риме был снег довольно большой и мороз больше двух градусов. Из Мадрита пишут, что там почти небывалое: мороз так силен, что река замерзла, и дети бегали на коньках. Здесь же нельзя пожаловаться на холод, исключая домов, где холоднее, нежели на воздухе, – мы от своего терпим довольно в пасмурные дни, в солнечные в окошки так нагреваются комнаты, что жарко в полдень. При захождении солнца здесь воздух холодный, потом к ночи делается опять теплее.

Сегодня аглинское общество дает большой бал по случаю крещения новорожденного их принца Гальского¹. Пригласительные билеты разосланы, говорят, по семи сот. Главный хозяин будет лорд Девоншир. Праздник будет великолепный: они заняли для этого театральный зал, все будет очень нарядно. Жаль, что Гришенька уехал, Машенька и Paul будут на бале, я же свою пригласительную записку оставила на память.

22. Бал вчерашний был, говорят, чрезвычайно хороший: все в мундирах, и дамы в бриллиантах. Сегодня в театре – общественный бал, с теми же в зале украшениями, которые были вчера. Слава Богу, я получила письмо от Гришеньки из Генуи: он, благодаря Богу, доехал благополучно, но холодно, во всю ночь, пишет, шел снег, разница большая – климат Генуи и Нисы – здесь шел дождь и было довольно тепло.

24. Сегодня получила я от Гришеньки письмо из Ливурно. Он ехал только 12 часов: выехал 6 вечера из Генуи и 6 утра был уже в Ливурно. Благодаря Богу, едет благополучно. Меня беспокоит очень сильная на море буря, я смотрю на море беспрестанно. В Нице у нас праздник за праздником – Масленая.

28. Мы ездили на курс² смотреть народный маскарад: обычай всей Италии – на Масленой бросать конфеты (драже) на проходящих и на проезжающих на курсе, и этого бросают так много, что в ином месте покрывают землю.

6 февраля. От Гришеньки я получила два письма из Неаполя. Слава Богу, он здоров и весел, в восхищении от Неаполя и его окрестностей, и от Помпеи. Сегодня мы ездили прогуливаться на осликах к grotte de St.-André³, прекрасное место. Грот очень занимателен, но входить в него нельзя – вода течет с самого верху отверстия высоким, но небольшим каскадом. Не доезжая грота, по дороге – вила одного богатого владельца, дом на горе с церковью, служба по праздникам, сам владелец живет в Турине. Еще тут же, по дороге – монастырь и отдельная маленькая chapelle⁴ на

¹ Принца Уэльского Альберта Эдварда, старшего сына британської королеви Вікторії, що народився у 1841 р.

² Корсо (італ. *corso*) – головна вулиця.

³ Грот Сент-Андре (фр.).

⁴ Каплиця (фр.).

крутизне, на самом утесе, видно, была построена на древних римских развалинах, остатки видно, и недалеко от ее часть развалин видно большего строения.

8/20. Вчера вечером я ходила проститься с Васильчиковыми. Они сегодня уехали в Рим. При мне приехала вел[икая] гер[цогиня] Баденская также проститься с ними, была очень любезна, много рассказывала разных анекдотов, со мною разговаривала. Время теплое, тюльпаны цветут, анемоны, множество разных цветов. Вчера Васильчикова, прогуливаясь, слышала уже соловья, но не диковина – здесь весна уже с января.

Сейчас возвратились мы с гулянья подле монастыря St. Barthélemy (св. Варфоломея) – род ярманки для народа, но ничего нет, как игрушки, и крендели, и нуга. Народу много, но очень монотонно. Как теперь здесь великий пост, то музыки нет, а ходят взад и вперед. Здесь каждое воскресенье такого роду гулянье в каком-нибудь из окрестных мест, близ какого-нибудь монастыря. Монастырей здесь много, священников же так много, что не только вы можете быть уверены, куда бы ни пошли ходить, встретите священника, но вы их встречаете по несколько вместе.

11. Сегодня ездили с mad. Карлгоф и молодыми Васильчиковыми обедать во Франции в Villeneuve¹, оттуда ездили смотреть замок графа Panisse², – он был пером при дворе Карла X, очень богатый человек. Замок этот возобновлен, построен же он еще в 12-м столетии, вокруг – терраса, и виды прекрасные, башня очень высокая. Ожидаем коляску из Франкфурта, чтобы ехать в Рим, мою карету здесь исправили, стоило довольно дорого, и худо поправили, я заплатила 850 франков. Теперь, я думаю, Гришунок собирается в Рим, как бы мне... [бракує наступного аркуша].

20/8. Вербное воскресенье. Мы были в церкви, служил епископ. Все с настоящими пальмами в руках, это напоминает изображение встречи господня в Ерусалиме.

27/15. Праздник Пасхи, церемоний никаких нет, не освящают хлебов, как у нас. Красные яйца продают и делают род пирогов сдобных, кладут в них яйца, наподобие наших малороссийских писанок.

10 апреля / 29 марта. Все готово, уложено, и мы ожидаем только ветурина для нашего выезда. В 2 часа пополудни оставили мы добрую Нису. Нас провожали наши любезные Каудвели, хозяин наш добрый доктор г. Бине, итальянский учитель Делез, – все с сожалением и со слезами на глазах. Дорога от Нисы до Генуи чрезвычайно живописна. Первый город – Турбия, с древнею римскою башнею развалившеюся, но остаток ее – еще высокая часть с хорошим карнизом. Другой тут же город – на мысу, как будто в воде, прекрасный чистенький, кажется, городок, он нам остался вправо. Монако – главный город княжества того же имени, на самом берегу моря. На двух

¹ Вильнев (фр.).

² Замок Вильнев-Лубе.

таможнях нас останавливали, но на обоих были очень снисходительны, и довольно было нескольких франк[ов] за труды таможенным солдатам.

11. Мантон – приятный городок, мы ночевали. Как мы едем на ветуринах, то платим им, кроме лошадей, за все – стол и квартиру, что очень покойно. Я плачу за четыре лошади в сутки 60 ф[ранков], за свой стол – 7 ф[ранков], за людей¹ – по 5 ф[ранков] за каждого, тут уже и квартира. Дорога от Нисы до Генуи – все по берегу моря, совершенный карниз, и название она име[ет] *Corniche*. Садов множество по дороге: лимонные, апельсиновые, виноградников много, пальм также очень много – высокие и прекрасные. Хлебопашество скудное, но больше, нежели в Нисе, леса все оливкового дерева. Вентимигрио – маленький городок. *St. Remo* (С.-Ремо), мы завтракали, небольшой город. За ним – Пор-Морис, очень хороший порт и хороший город, торговля значительная прованским маслом и другими продуктами. Онелья – небольшой укрепленный городок, отечество Андре Дорио, торгует также значительно прованским маслом. Мы ночевали, было довольно холодно, хотя уже 11-е апреля, т. е. 30 нашего марта. Горы покрыты снегом. Причина холоду, я думаю, от сильного ветра со стороны гор. Дорога вся в садах. Финале – прекрасный город, древние укрепления. Дорога все по берегу моря, в трех или четырех местах она проложена внутрь каменных или мраморных скал, и вы едете сводом довольно пространство. Сколько трудов было делать эту дорогу, вся до самой Генуи отделана прекрасно во многих местах стеною гранитною, с правой стороны – море, с левой – горы, по которым разбросаны деревни. Дома чрезвычайно живописны, города на самом берегу, и везде пристани для судов.

12. Савона. Мы ночевали. Прекрасный город с гаванью, прекрасная кафедральная церковь с хорошими картинами. Между Савоною и Вольтри – Коголето, место рождения Кристофа Колумба. Дом его – на главной улице и теперь занят ресторациею. Непростительно для его соотечественников не почтить память Кристофа Колумба. Вольтри – хороший город с гаванью, имеет бумажные и суконные фабрики. Мы приехали в Вольтри во втором часу, завтракали. Как время было очень дурное – шел дождь и холодно, то в 4-м часу мы отправились в Геную. Дорога до Генуи вся усеяна загородными домами. Предместье, потом крепость, – и Генуя открывается красивым амфитеатром. Мы приехали в седьмом часу, хотели было остановиться в отеле «Леон Руж», но места не было для наших экипажей, а потому мы остановились в отель *d'Italia*. Порядочная квартира – 11 ф[ранков] в сутки за комнаты, за стол от нас – по 4 ф[ранка], от людей – по 3½ франка в день.

14. В 10-м часу поехали мы осматривать достопамятности Генуи. Были в известнейших церквях. *St. Siro* – самая старинная, она существовала уже в 3-м столетии. Бронзовые ангелы работы Пюже. Церковь вся в ко-

¹ За слуг.

лоннах белого мрамора, с прекрасными фресками и картинами, также статуями колоссальными белого мрамора, барельефы превосходные, великолепие соединено со вкусом, о 13 престолах. Церковь кафедральная – полосатая, черный и белый мрамор, как внутри, так и снаружи, готического вкуса, превосходной работы. Еще много других чрезвычайно хороших. Дворцы превосходные, их 13, замечательных как архитектурю, так и картинами. Королевский дворец очень хорош, он принадлежал прежде фамилии Дурацо, последнему дожу, сын его продал дворец королю за 2 с лишним миллиона. Дворец Дурацо чрезвычайно хорош и убран лучше королевского. Лестницы, паркеты, колонны, барельефы – все белого мрамора. Статуи превосходные, картины лучших мастеров: Рафаэля, Польверонеза, Гвидоренио, Каратчи, ван Дика, и много других. Статуй много древних во дворце короля. Ездили по улицам города, много очень узких, где нельзя проехать экипажем, но много широких. Окрестности прекрасные. От сегодняшнего холода все окрестные горы покрылись снегом. Пробыв в Генуе два дня с половиною, с 13-го после обеда, а в 8 часов вечера 15-го числа отправились мы на пароходе «Ломбардо». Нам дали особливую каюту, карету нашу и коляску поставили на пароход, мы заплатили за себя и за экипажи 830 фран[ков], да за перевоз экипажа – 42 ф[ранка]. Время было довольно теплое, и качки почти не было. К утру сделалась гроза с дождем и градом. В 5 часов утра приплыли мы в Ливурно. Как только прояснилось, мы с Полем поехали на шлюпке в город, наняли фиакр, поездили по городу, были за городом у mad. Порошин, m-r Порошин уехал.

12. Неаполь¹. Город не очень велик, довольно новые строения есть хорошие, но после Генуи ничего не видишь. Есть хороший монумент, поставленный Фердинандом Медицис на пристани: изображен на пьедестале он сам, а внизу к пьедесталу приковано по четырем сторонам 4 негра. Город – порто-франко, и потому коммерция значительная, товаров множество, но мы не видели очень хороших магазинов, все, что мы покупали, недешево, и торгуются, как и наши купцы. Объездивши город, мы возвратились на наш пароход. Уже 5-й час, скоро будут обедать, и потом, с Божьею помощью, отправимся в Чиветавекио. Костюм ливурнских жителей такой же, как и генуэзских. Мужчины одеты почти так же, как и в Нисе. Женщины же носят на головах покрывало, род шарфов, иные – белые кисейные, иные – ситцевые, нарочно для этого сделанные, потому что с каймами. Это покрывало закрывает голову и плечи, подобие тому, как изображают святых. Почти все надевают это покрывало на волосы, исключая очень старых женщин, которые надевают его сверх чепчика.

16. В 6 часов пополудни двинулся наш пароход. Нас попросили обедать вниз, потому что наша каюта или камера была на самой палубе.

¹ Идетсья про Ліворно, а не про Неаполь.

От сильной качки мы не могли не только есть, но даже и ходить, потому возвратились к себе.

17. Чиветавекио. Вчера во всю ночь была такая буря и такая качка на пароходе, что мы все, исключая Поля, были больны. Капитан приказал остановить одно колесо парохода, действовал только одним, потому что было опасно в такую бурю. В Чиветавекио мы приехали в 8 часов утра, переправившись на берег в гостиницу, которая тут же у пристани. Покуда свезли наши экипажи, покуда отбыли мы таможеню, позавтракали, было уже 12 часов. Надобно сказать, что нигде так бессовестно с нас не брали, как в Италии, или, лучше сказать, грабят: за все не вдвое, а вчетверо платим. Мы взяли почтовых лошадей: в мою карету – 6, в коляску – 3 и 4 [почталъона]. До Рима взяли 171 ф[ранк] за 9 лошадей без почталъонов, которых было 4. С каждого за каждую станцию платится по 3 ф[ранка]. Выехавши из Чиветавекио, вы увидите тотчас большую разницу местоположения с тем, как до сих пор встречали. Здесь места почти плоские, не обработанные, заросшие кустарником и травой. Народ по виду бедный, но чистый. Мужчины в длинных плащах с одною полою, закинутою на плечо. Проехавши дальше 1 станцию, начинаются прекрасные равнины: хлебопашество, огромный скот, много овец, и вообще как местоположение, так обработка земли напоминает нам нашу Малороссию – те даже плетни по дороге, исключая, что кустарники, здесь растущие по дороге, все почти из наших оранжерейных цветущих растений. С последней станции [пропуск у текст], отъехавши с полмили, поднявшись на пригорок, мы увидели купол св. Петра. Позабыла сказать, по дороге от Чиветавекио по берегу моря есть несколько старинных башен и крепостей, иные делают хороший вид. По берегу моря население весьма малое – все, кажется, стеклось в Рим, остается только необходимое для обработки земли. Подъезжая к Риму, остановились мы на таможене, и, несмотря на то, что нам в Чиветавекио положили пломбы на все наши сундуки, нас отправили в городскую таможеню, и мы должны были проехать большую часть города. Мы въехали в Рим в 9-м часу вечера. Дорога из Чиветавекио в Рим – мимо св. Петра, мы не могли видеть хорошо всего здания от темноты ночи. Не найдя письма от Гришеньки в Чиветавекио, мы остановились в гостинице «Европа». Я с нетерпением въезжала – надеялась сегодня видеть Гришеньку. Послала его отыскивать, но не отыскали. Итак, до завтраго надо иметь терпение.

18. Утром пришел Гришенька, слава Богу, здоров, потом добрый Федор Васил[ьевич]. Они приготовили уже для нас прекрасную квартиру в прекрасной части города, выгодную и недорого. В гостинице за полсутков взяли с нас больше 60 франков. Все у нас устроено. Квартира наша на улице Бабуино, №22-й. Обед, все прекрасно, и мы теперь спешим обедать, чтобы ехать к св. Петру.

19-го / 7. Вчера мы видели церковь св. Петра, но что можно говорить об ней, как ее хвалить, – никакое перо не в состоянии, надобно видеть,

чтобы иметь понятие, передать невозможно. В ней нет никакого украшения, ничего блестящего, никаких утварей церковных дорогих, даже подсвечника серебряного – их бы никто не заметил – ни золота, ни драгоценных камней никто бы не заметил в церкви св. Петра. Она поражает сама собою. Войдя, вы ее не можете рассмотреть: она вам кажется очень огромною, но когда вы обратите внимание на людей, ходящих по ней, кажущихся чрезвычайно малыми, тогда вы сравните ее огромность. Не знаю, сколько тысяч народа потребно, чтобы наполнить ее, но говорят, что она никогда не бывает наполнена. У гроба св. Петра горят неугасяемо [пропуск у тексті] ламп, что составляет прекрасный вид. Все мрамор белый каррарский, все статуи, все барельефы, все. И какие статуи! Какие барельефы! Все картины мозаической работы, все плафоны, все мозаики, но какая в них живопись. Вы скажете, что это картины первых художников в мире. Должно молчать и удивляться, хвалить же невозможно. Сегодня ездили мы в Колизе¹, видели все здания древнего форума. Какой огромный Колизе: мы всходили на четвертый этаж его по устроенной лестнице, величина необъятная. Теперь все своды покрыты зеленью, составляют прекрасный вид, но его стараются поддержать – уже с давнего времени делают кое-где крепкие каменные контрфорсы. Мы повстречались в Колизе с добрым нашим петербург[ским] знакомым Вас[илием] Ив[ановичем] Григоровичем, одним из начальников Академии художеств в Петерб[урге]. Мы друг другу обрадовались, и он, как любитель искусств и всего прекрасного, хотя уже возвращался домой, но потом опять [ходил] с нами по всей Колизее. Какое-то грустное чувство овладевает в этом величественном здании. Сколько пострадало здесь христиан-мучеников. Теперь здесь поставлено на дворе несколько кивотов с изображением мучений Спасителя и посередине крест. Досочная середина Колизеи овальная.

20. Ездили и ходили мы с Гришенькою ко многим артистам. Как занимательны эти посещения артистов, сколько видишь прекрасного, как они все снисходительны, с удовольствием показывают прекрасные свои произведения.

21. Сегодня были мы в Ватикане. Невозможно описать всего прекрасного, что в нем находится, кроме множества древних, весьма занимательных статуй, барельефов, надписей, как языческих, так и христианских. По пути мы видели известного Аполлона Бельведерского, Лаокоона и множество знаменитостей. Картину, считающуюся первою в свете, – Преображение Рафаэля и еще его три картины. Гвидоренио – Божия Мать на облаках с двумя святыми внизу. Надобно быть в Ватикане много раз, чтобы сколько-нибудь осмотреть это гигантское, как здание, так и собрание редкостей. Ложи Рафаэля на потолке все с изображением из священной истории.

¹ Від фр. *Colisée* – Колізей.

22. Мы видели произведения славного скульптора Тальвацера у До-риа, потом ходили к самому творцу. Почтенный старик и теперь еще занимается. Он нам показывал много хороших картин, им самим со-бранных. Как много он работает, сколько его прекраснейших статуй и барельефов по всей Европе, мы видели их слепки. Спаситель и 12 апо-столов – колоссальные, превосходные.

23-го / 11. Сегодня крестили нашего Граничку – здешний священник от[ец] Герасим. На завтраке были у нас Алек[сандра] Иван[овна] Василь-чикова с дочерью, Вас[илий] Ив[анович] Григорович, Алек[сей] Вас[илье-вич] Магденко и несколько наших артистов, занимающихся в Риме, – Иванов, Альвазовский, Штемберг, Бруни, наш Мокрицкий и много других.

24. Были в Пантеоне: прелестный храм, свет с открытого купола, было древнее собрание статуй и бюстов великих людей, но со времен христи-анства обращено в храм. Тут погребен Рафаэль и несколько других извест-ных артистов. Храм Marie-Majeure¹ превосходен. St.-Jean-de-Latran² – очень огромная, превосходной архитектуры. В ней много святых сокровищ: стол, тот самый, на котором была тайная вечеря, столп, у которого был пригово-рен Спаситель, голова св. апос[тола] Павла. Подле церкви – другое здание, где поставлена лестница, по которой шел Спаситель к Пилату. По ней позво-ляется ходить [не] иначе, как на коленях. От истинно верующих христиан мраморные ступени начали стираться, потому теперь покрыли их деревян-ными досточками, которые не мешают видеть мраморные [ступени].

25. Ездили мы в Тиволи – прелестные Тиволи, мы пробыли там целый день. Храм или прекрасные остатки храма Весты чрезвычайно хороши. Дворец Мецената огромный, теперь в нем железный и чугунный завод. Мы ходили на его террасу, из которой виден купол св. Петра. Там Меце-нат с Августом часто беседовали. Дом Горация – на другой стороне реки. Каскад бесподобный, чрезвычайно велик, как река [*пропуск у тексті*] стремится с высокой горы, но другие каскады, называемые «каскатели», еще прелестнее, почти вся гора покрыта ими. Из дворца Мецената снизу стремится также прекрасный каскад. Мы ездили на осликах по всем пре-лестным местам и в десятом часу вечера возвратились домой. По дороге в Тиволи, по левую сторону, на горе, видим город Монтичели, женщины которого считаются красивейшими в Италии. По правую сторону – вилла Адриянова в развалинах, кипарисы и кедры означают издали место, но есть построенных несколько хороших домов. Выехавши из Рима к Тиво-ли, видна на скате горы Фраскати с ее прелестными окрестностями.

30/18. Осматривали мы несколько частных галерей превосходных. Там видели знаменитого скрипача Рафаэлева, много картин первых ху-дожников, Марию Маделену Гвидорени в двух, почти одинаковых изо-бражениях, – превосходные картины.

¹ Санта-Марія-Маджоре.

² Сан-Джованні-ін-Латерано або Латеранська базиліка.

Прогулка в виллу Боргезе. Тодчас за воротами по дороге, т. е. за заставою в Флоренцію, мы осматривали дворец графа Боргезе. Множество древних статуй, хороших картин, превосходное же произведение – три знаменитые статуи [пропуск у тексті]: Аполлон и Дафна, [которая] превращается в дерево, Еней уносит отца свое[го] из Трои, и третья – Давид бросает камень в Голиафа¹.

Ватиканская библиотека чрезвычайно замечательна: кроме множества книг, манускриптов, – множество древностей, старинных греческих образов, точно как наши старинные образа. (В большой зале между хорошими вещами поставлена большая малахитовая ваза – подарок нашего вел[икого] кн[язя] наследника). Любопытно видеть, как первые изображения креста и распятия на нем – работы очень низкой.

День Вознесения. Вчера были мы в chapelle Sixtine². Видели папу служащим сегодня на прекрасной церемонии в церкви St.-Jean-de-Latran, нам приготовили места очень хорошие. Папу носили в церкви с большою церемониею. Почтенный старец, скромно опустя глаза, сидит на троне, который несут на устроенных для того носилках, очень великолепных. Потом он встает, подходит к алтарю и молится на коленях с умилением. Служил обедню кардинал. Всего умильнее было видеть, как по окончании обедни папа с балкона благословлял народ, площадь была вся усеяна, все стали на колени. Огромная, превосходной архитектуры, церковь, большая площадь полна народа, окрестность вокруг, где видны развалины древних акедюков³, на балконе – почтенного старца в короне, поднявшего руки к небу, [который] с молением благословляет свой народ, – все это производит неизъяснимое чувство. Подле церкви St.-Jean – особое строение с святою лестницею, привезенною из Ерусалима, из дому Пилата, по которой водили нашего Спасителя. По этой лестнице ходят здесь не иначе, как на коленях. Есть столб, к которому привязывали Спасителя, много еще достопамятностей и священных вещей для всякого христианина. Церковь Marie-Majeure также превосходна. Нет церкви в Риме, которая не имела бы прекраснейших произведений или живописи, или скульптуры, или прекраснейших мраморов разного цвета. Рим, восхитительный Рим, я благодарю Бога, что я тебя видела, зачем я не видела тебя вместе с моим ангелом, бесценным моим другом, – он лучше меня умел бы оценить тебя⁴.

12 мая / 30 апреля. Выехали мы в Неаполь. 1 перемена лошадей – в Торе де Мацавиа. В Альбано завтракали. Прекрасный костюм женщин аль-

¹ Йдеться про скульптурні групи провідного майстра італійського бароко, скульптора та архітектора Джованні Лоренцо Берніні, створені на замовлення кардинала Боргезе, покровителя митця, – «Аполлон і Дафна» (1622–1625 рр.), «Еней, Анхіз і Асканій» (1618–1619 рр.), «Давид» (1623–1624 рр.).

² Сікстинська капела (фр.).

³ Акведуки (від фр. *aqueduc*).

⁴ Йдеться про покійного чоловіка Катерини Василівни – Павла Григоровича Галагана, який захоплювався мистецтвом та архітектурою.

банских обращает внимание всех вообще, то был церковный праздник, потому множество было народа в лучшем одеянии. Почти все – в красных суконных корсетах, на голове четверугольник, род досточки, больше белых, обшитых кружевами. Ночевали мы в Терачино – последний город Папского владения, с пристанью. Проехав Альбано, показывают монумент древний Горациев и Куриациев. Дорога от Альбано до Терачино приятна, кроме Понтинского болота, три станции, сырость, и запах болота весьма нездоровый. Проехавши Терачино, дорога идет почти все по берегу моря, прекрасная, вся в садах. Видно изобилие всего, несмотря на то, жители бедны, в изорванном платье, просят милостыни. Дети, еще больше, нежели в Папском владении, бегут за приезжающим – просят милостыни. Через три станции от Терачино – Гаета, прекрасный город на полуострове. Мы обедали в Мола ди Гаета и имели остановку в лошадях по причине переезда короля Баварского, бывшего в Неаполе. Мола ди Гаета – на берегу моря, с террасами на море во многих виллах, в нашей гостинице также, и подле саду при море – развалины бывшейвиллы Цицерона: остались своды под террасой.

Подъезжая к Неаполю, уже за несколько станций едете садами фруктовыми прекрасными, виноградники, каких до сих пор мы еще не видели. Они здесь все другого устройства. Виноградные лозы посажены подле больших деревьев и переплетены с одного на другое дерево длинными гирляндами. Это составляет прекрасный вид.

2/14. Приехали мы в Неаполь в 3 часа пополудни. Троиц из наших людей, не только лишних, но по дороговизне содержания тягостных, мы оставили в Риме, нанявши для них там квартиру, – Батиста с женою и Евдокима. Михайло, Анюта, кормилица едут с нами, также один из первых наших учеников живописи г. Иванов¹.

3/15. Мы остановились в доме Мазати на улице Аннунциата, недалеко от Кияия². Гришенька устраивает все для нас, и как он прожил в Неаполе 6 недель зимою³, то будет нашим теперь чицерони, т. е. провожатым. Вчера были мы в театре, играли оперу прекрасно, пели чрезвычайно хорошо. Сегодня ходили и ездили по городу. Неаполь нельзя сравнить ни с каким городом. Кроме его огромности, живости, – прелестное положение, словом, это настоящий столичный город. Кияия с ее садом. Villa Reale бесподобна. На берегу моря – сад, украшенный прекрасными статуями, простирающийся

¹ О. А. Иванов писав М. В. Гоголю у червені 1842 р.: «...Очі мої знову заслабли. Це нещасне становище погодило мене познайомитися з кількома росіянами, котрі прийшли сюди в Рим: з професором Московського університету Крюковим, з графом Комаровським, з Васильчиковою, з Галаганом, чия мати, бачачи моє становище, упросила мене їхати з нею до Неаполя, до Ціммермана по пораду» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг. СПб., 1880. С. 148).

² К'яйя (італ. *Via Chiaia*) – одна з головних вулиць Неаполя.

³ Г. П. Галаган і Ф. В. Чижов прибули з Генуї до Неаполя 3 лютого 1842 р. (*Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 1842. № 28. 7 febbraio. Р. 112); вони виїхали з Неаполя до Рима 11 березня 1842 р. (*Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 1842. № 58. 15 marzo. Р. 232).

по берегу моря не менее 2-х верст. Мы живем близко этого прекрасного места. С саду и со многих мест виден курящийся беспрестанно Везувий.

18. Мы видели здешний музей, статуи древние, как то: Геркулес Фарнезский и многие известные уже произведения. Множество картин лучших художников: Рафаэль, Корежио, много первой его работы, остатки Помпеи – стены с фресками, мозаики, перенесенные в музей, – все это так замечательно. Ваз множество древних. Между прочим – золотые вещи: ожерелье, серьги, перстни, найденные на несчастных, погибших в Помпее, – все в чрезвычайном вкусе и работе, браслеты золотые змеями. Всему этому подражают все наши художники. Как живопись на стенах, то есть фрески, чрезвычайно легкие, со вкусом, легкостью, целыми стенами, так и мозаики перенесены из Помпеи в музей. Хотя это для сбережения, но жаль очень, что их не оставили на месте и не придумали средства сберечь там же.

24/12. Вчера были мы в Помпее, ходили везде. Чрезвычайно любопытно видеть это всем уже известное место – по остаткам, довольно уцелевшим. Можно видеть вкус изящный, и даже образ жизни людей почти две тысячи лет прежде нас. Какая роскошь: везде в больших домах – фонтаны, украшенные мраморами и мозаикою, остатки храмов Венеры, Юпитера и прочих, превосходной архитектуры. На мостовой и теперь еще видны отметы, прорезанные колесницами. Два театра еще продолжают отрывать, но работа идет медленно. Геркуланум почти невозможно отрыть. Кроме того, что на нем построен Портичи, но как Геркуланум не засыпан пеплом, как Помпеи, а залит лавою, то труд ужаснейший очищать его.

Какие прекрасные окрестности Неаполя. Мы были в Соренто. Милое Соренто – место рождения и жилище Таса; дом его теперь гостиница на крутом утесе к морю. Мы останавливались в его комнатах, завтракали на его террасе, ходили потом к миртовому дереву, под которым он сочинял свои стихи. Все Соренто как бы в саду, везде померанцовые деревья, воздух амбомирован запахом цветов померанцовых. Жители тихие, добродушные, доказательством тому может служить то, что на 6000 жителей стражи один только сержант. Мы прогуливались в шляпке по морю до Капри. Прелестный синий цвет Средиземного моря здесь синее обыкновенного. Гребцы наши пели нам много национальных песен, между прочим – известную здешнюю баркаролу «Ti voglio bene assai». В Кастеламаре по дороге к Соренто мы ночевали и потом, возвращаясь, опять обедали. Очень хорошее местоположение на берегу моря. Какой прелестный берег от Кастеламаре до Соренто – невозможно пересказать, надобно видеть, чтобы понять. Восхождение и захождение солнца в Неаполе и его окрестностях восхитительно. Хотелось бы мне остаться в Неаполе гораздо долее, нежели нам можно остаться. Хотя жарко нестерпимо, но ничто не тяготит. Все мило в Неаполе. Всякий день мы ездим по вечерам, останавливаемся у кондитерской, нам выносят превосходное

мороженое, и такими большими порциями, что трудно съесть. Мороженое здесь в большом употреблении, даже утром на улицах простой народ часто ходит с куском льду или снегу и ест его.¹

ІР НБУВ. Ф. 119. Оп. 1. Спр. 23. 47 арк.
ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 711. Арк. 1–21.
Друкується вперше.

¹ На цьому щоденник К. В. Галаган (старшої) уривається. З преси відомо, що 27 травня 1842 р. вона разом з дочкою, зятем, онуком-немовлям, годувальницею і прислугою вирушила з Неаполя до Марселя (*Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 1842. № 117. 1 giugno. P. 468).

**§ 2. «Які чудові місцини та цікаві ми проїжджали»:
листи К. Галаган (старшої) сину, 1841–1842 рр.**

Августа 6-го 1841. Кисенген.

Милый душечка мой, Гришуночик, грустно мне выезжать было из Маринбада, одна только мысль, что скоро тебя увижу, если Богу будет угодно, утешает меня. Вчера утром мы приехали сюда, остановились в гостинице La Russie, послали за доктором, который часа через два приехал. Поговоря с Полем довольно долго, назначил ему сперва по 2 стакана пить с двух источников. Потом мы отправились искать квартиры. Нашли у нашего же доктора. Прекрасная, хотя и дорогая квартира, но очень покойна. Если, даст Бог, вы приедете, то можете быть в одном с нами доме. Что-то с тобою делается, мой кукуночик, здоров ли ты? Время сырое и довольно холодное, я боюсь, чтобы ты не простудился. Ты себе не можешь представить, как мне досадно, что я не познакомилась с вашим доктором. Я тебе, моя душечка, говорила: познакомь меня с вашим доктором, но время так ушло скоро в Маринбаде, что я не успела сделать самого главного – поговорить с доктором. Надеюсь, что Федор Вас[ильевич] потолкует с ним хорошо об тебе, да главное, что вы поедете советоваться с лучшим доктором. Нетерпеливо ожидаю от тебя письма, мой кукунок, не скучай, да берегись – не кушай, что вредно, а больше всего, когда кончишь воды, – надо беречься не испортить желудка. Тогда вместо пользы от воды будет вред, а ты, мой Гришуночик, я знаю, как только кончишь воды, начнешь кушать фрукты и тяжелую пищу. Ради Бога, побереги себя. Мы ехали довольно долго, останавливались пить чай и одну ночь не ехали. Какие прекрасные места и любопытные мы проезжали, но не успевали осматривать, если бы ты был со мною, мой кукунок, то мы бы пошли везде. Ты же, когда будешь ехать, то не пропусти. 1. В Бейнеке в реке Майне недалеко от станции ловят раковины и находят в них жемчужины, которые нам показывали, открывали раковины, пойманные при нас. В Берейте много любопытного. Первое – между Берейтом и станцією город[ом] Гельфельдом, ближе к Берейту, – дворец и сад прин[ца] Виртембергского, двоюродного брата нашему императору. Не пропусти, Гришуночик, этого сада. Пойдите в него. Ты будешь доволен, многое найдешь, что можно будет занять для себя. Мы ходили по саду. Чрезвычайное местоположение, сад заслуживает, чтобы его видеть. По самой почтовой дороге, ведущей мимо сада, заметь необыкновенной толщины липу, она примечательна даже по описанию сада. Это место называется «Fantasia». Принц живет тут, но дворец можно видеть. Ты спроси тамошнего садовника, и он все вам покажет как руским. В Бамберге мы останавливались в гостинице La maison Allemande, прекрасный стол, даже с прихотью, и все очень хорошо. Пойдите в Бамберге посмотреть церковь, которая построена в 1004 году. Есть в городе мно-

го любопытного, также и картинная галерея. Наш адрес здесь: в доме доктора Вельш, за мостом. Здесь Анна Андр[еевна] Трубецкая, но я ее еще не видала, сейчас только узнала. Paul и Машенька ходили на воды: первый – пить, а последняя – ходить, в 7 часов утра.

До свиданья, добрый мой Гришуночик, обнимаю тебя, мысленно целую в глазки и губки, поручаю тебя милосердию Божью и Его святому благословению.

Твоя

Мамашка.

Если ты, Гришочик мой, поедешь прежде к доктору, нежели к нам, то прошу тебя, ради Бога, поговори поаккуратнее с доктором об себе, не спеши, расспрашивай подробно. Ты любишь свою Мамашку, то будь уверен, что, думая и заботясь о своем здоровье, ты заботишься обо мне.

Сегодня большой праздник, а я и в церкви не была.

Приписка П. Е. Комаровського. Поздравляю тебя, друг мой, с праздником Спаса Преображения. Да скоро ли ты к нам приедешь, Гришун? С нетерпением ожидаем тебя. Мы наняли квартиру в доме доктора Вельша, которому я был адресован Геденусом. Сегодня я начал пить воду. Музыку я почти не слышал, но, кажется, порядочная. Я тебе пишу немного, потому что тебе запрещается читать много, а мне – много писать. Итак, прижимаю тебя, друг и брат мой, к сердцу моему. И целую так сильно, как сильно люблю тебя.

Твой брат и друг,
Paul.

Приписка М. П. Комаровської. I kiss you with all my heart, my dear and good Гришунок, you cannot imagine, with what impatience we expect you, if you could come for the 15th, how well it would be¹. Еще раз обнимаю тебя. До свидания.

Yours,

Mary².

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 726. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Я цілую тебе з усім серцем, мій дорогий і хороший Гришунок, ти не можеш уявити, з яким нетерпінням ми чекаємо на тебе, якщо ти приїдеш до 15-го, то як же це буде добре (англ.).

² Твоя Мері (англ.).

Кисенген, августа 12-го / 24, 1841.

Сию минуту получила я твое письмо, душечка мой Гришуночик. Можешь вообразить себе, как мне жаль, что ты не будешь к 15-му к нам. Надеюсь этот день провести с тобою, поцеловать тебя и поздравить. Теперь мысленно только целую и письмом поздравляю со днем твоего рождения. Молю милосердного Бога и Пресвятую Богородицу ниспослать тебе здоровье, счастье, словом, все благополучие в мире, руководить тебя по пути истинной добродетели. Мой кукуночик, тебе будет скучно в Франценбаде, но что же делать, если для твоего здоровья это полезно. Не скучай, мой ангел Гришунок, береги свое здоровье, даст Бог, скоро увидимся. Я писала к тебе тотчас по нашем сюда приезде, думаю, ты теперь получил это письмо. Кисенген очень хорошенький и веселый городок, даст Бог, приедешь, то сам увидишь. Осматривать его местоположения я оставляю до твоего приезда, есть очень хорошие по горам. Я бы хотела, чтобы ты, ехавши сюда, не пропустил видеть сад и походить по нем: недалеко от Берейта, между им и Гельфельдом, место, где живет принц Виртембергский, двоюродный брат нашему императору, это место называется «Fantasia», чрезвычайно хорошо. Погуляй по нем, скажи, что ты русский, тебя везде поведут, вели повесть себя к толстой липе, которая известна, я ее видела даже на гравировке здесь. Кисингенские воды известны вообще как одни из лучших. Здесь было чрезвычайно много и много русских. Здесь Анна Анд[реевна] кн. Трубецкая с мужем, мы всякий день видимся, оба тебя очень желают видеть. Князь очень ласковый и добрый человек, Анна Анд[реевна] также хорошая, родная, очень рада, что мы здесь. Еще знакомые очень хорошие наши – Лиз[авета] Иван[овна] Тучкова с мужем, это дочь Дарьи Алек[сандровны] Веригиной. Ты помнишь, Гришунок, Дар[ью] Алек[сандровну]? Брат ее, Алек[сандр] Ив[анович] Веригин, тоже здесь, и мы часто вместе. Жаль будет, если ты не застанешь Тучковых, они чрез неделю едут в Швейцарию. Она также хочет с тобою познакомиться. Мы с ними как с родными. По приезде сюда, на другой день, Paul начал пить воды, т. е. завтра недели, я же тоже начала на третий день по приезде. Пью «Пандур», а Paul пьет «Рагоци», а ванны берет «Пандур». Здесь много источников, но описывать не буду, даст Бог, сам увидишь. Есть источник морской воды. Не знаю, мой Гришуночик, купил ли для тебя Федор Вас[ильевич] по моему поручению ко дню твоего рождения виды всей Германии, я знаю, что это тебе будет приятно. До свиданья, душечка Гришуночик, мой кукушок. Обнимаю тебя, целую много в губки и в щечки, и глазки, поручаю Господу Богу, да будет на тебе Его благословение. Твоя

Мама.

Мы еще не знаем, куда отсюда поедем. Это будет зависеть от назначения доктора, но, кажется, не в Венецию.

По случаю праздника королевского здесь будет концерт, бал и иллюминация. Все – без платы, и все это на водах. Жаль, что ты, кукунок, не пойдешь

Приписка П. Є. Комаровського. Мы сейчас имели истинное удовольствие, любезный друг мой Гришунок, получить письмо твое от 20-го сего м[еся]ца, но типуны на языки всем тем, которые тебе препятствовали приехать сюда ко дню твоего рождения и ангела моего ангела. Но что делать, мы мысленно с тобою проведем этот день, а теперь целую тебя от всей души и прижимаю тебя к своему сердцу, желая тебе от Всемогущего Бога здоровья и во всем – благополучие. Написал бы более, но передать должен перо Мериньке, к тому же *les bains commence à me travailler*¹, я с вчерашнего вечера чувствую себя нехорошо.

*Après ça*², мой добрый Гришун, приезжай сюда скорее, я тебе приготовлю комнату возможно более *fashionable* и *comfortable*³.

Твой друг и брат
Paul.

Приписка М. П. Комаровської. You cannot imagine, my dear and good Гришун, how it gnaws us, that you will not come to us for the 15th, how tiresome!.. I see myself oblige then to congratulate you on paper. I kiss you with all my heart and wish you all the happiness that is possible on this land. We expect you as you write for the 29th. I hope Kissingen will please you more than Marienbad. Ainsi donc au revoir, je vous embrasse de tout mon amour.

Yours,

Mary⁴.

444 и титр кланяются тебе.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 727. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Ванни починають на мене діяти (фр.).

² Після цього (фр.).

³ Фешенебельну і комфортабельну (англ.).

⁴ Ти не можеш уявити, мій любий і добрий Гришун, як нас терзає те, що ти не прийдеш до нас до 15-го, як нудно!.. Я бачу, що зобов'язана привітати тебе на папері. Я цілую тебе від усього серця і бажаю тобі усіляких гараздів, які тільки можливі на цій землі. Ми чекаємо на тебе, як ти пишеш, на 29-е. Я сподіваюся, що Кіссінген порадує тебе більше, ніж Марієнбад (англ.). Тож до побачення, обіймаю тебе з усією моєю любов'ю (фр.). Твоя Мері (англ.).

Кисенген, августа 16-го / 27 1841 г.

Вчера я имела удовольствие получить твое письмо, душечка моя милая Гришунок. Благодарю Бога, что ты здоров, надеюсь, что ты также в пору получил мое письмо, как я твое. Благодарю тебя за поздравление праздником, точно этот праздник для меня самый большой, двойной. Мне принесли твое письмо, мой кукуночик, когда мы сидели за обедом. У нас обедали ген. Тучков со всем семейством и кня[зь] Трубецкой, и пили за твое здоровье, моя милая бубулька. Тебе грустно было одному проводить день, такой всегда веселый для нас, но что же делать, мой ангел Гришуночик, больше всего надо тебе заботиться об твоём здоровье. Бог даст, будешь здоров – поедешь, куда хочешь. При водах будь осторожен в пище. Мы здесь останемся, полагаю, не меньше, как еще недели две, а уже 12 дней, как мы здесь, то и выйдет около месяца. Когда же мы выедем и куда – не знаю: что доктор скажет. До сих пор еще не решено. Наш доктор Вельш очень хороший, и, кажется, на его можно положиться. Ты не пишешь ко мне, Гришуночик, получили ли вы деньги. Полагаю, что нет, потому что Федор Вас[ильевич] поехал в Дрезден. Не знаю, что же пользы в его поездке? Он этим ускорить не может присылки денег, а быть может, что письмо лежит на почте с билетом, в таком случае, эта поездка необходима. Нетерпеливо тебя ожидать буду, милый кукуночик, дней через пять (по твоему письму). Дорога, по которой ты будешь ехать, видна из наших окошек – я буду поглядывать часто на нее. Здесь много прекрасных мест, но мы еще почти нигде не были, ожидаем тебя, чтобы гулять вместе. Но, мой душечка Гришунок, если тебе надобно долее недели остаться во Францисбаде, то поскучай и останься. Да берегись, когда кончишь воды – не кушай фруктов, ничего вредного тотчас после диеты, ты знаешь, что тогда лечение будет во вред. Жаль, что наши знакомые Тучковы уезжают уже завтра, мне очень хотелось, чтобы ты с ними познакомился. До свидания, душечка Гришуночка, целую тебя много раз в губки и глазки, молю Бога о твоём здоровье и благополучии, поручаю тебя Его святому покровительству и благословению. Любящая тебя всей душою мама.

Приписка П. Е. Комаровського. Благодарю, друг мой, тебя от всей души за поздравление с днем моего ангела¹, позволь же и мне поздравить тебя от всего сердца со вчерашним днем, столь дорогим для нас. Как-то ты провел его, бедный? В то время, как начали подавать шампанское, Меринька читала письмо твое, и мы оба мысленно целовали тебя. Друг мой, приезжай сюда, я, благодаря Бога, делаюсь гораздо крепче и хожу на горы один – по три часа на ногах, на тех самых ногах, которые целый год отказывали мне служить. Я теперь переменяю лечение. Ты мне проявляешь братское и дружеское участие. Я тебе скажу, что мы имели счастье в Вельше, рекомендованном нам Геденусом, найти и отличного

¹ Йдеться про іменини Марії Комаровської.

человека, и лучшего здесь медика. Он определил все болезненные случаи мои в ногах, сердце и проч.: des congestions hémorroïdales au bas ventre avec une fausse circulation du sang, congestions qui principalement se portent sur les jambes et sur l'épine du dos et attaquent le système nerveux et au moindre accidents cause une maladie de nerfs ou une névralgie dissiper un congestion, faire reprendre au sang une circulation régulière c'est attaquer la maladie dans sa racine et me délivrer de ces cas qui ont eu lieu plusieurs fois dans ma vie. Les bains de Kissingen à ce qu'il dit sont tout à fait pour mon mal. C'est pourquoi il m'a divisé la cure que j'ai entreprise en 2 parties distinctes, une intérieure qui devait agir sur les hémorroïdes et le bas ventre et une pour fortifier les nerfs. Je prends tous les matins le Ragozy et le soir le Pandour et avant le dîner un bain de Pandour qu'il avait l'intention de me faire faire avec des bains de brasserie. Mais il me trouve si fort et les bains de Pandour agissant si bien sur moi il me les fait administrer sans les bains de brasserie. Demain je prends le dernier bain de Pandour qui agissant sur le bas ventre je commencerai les douches pour agir sur l'épine du dos et sur les nerfs. Je me porte bien, j'ai un excellent appétit, marche la moitié de la journée, dort comme un roi et espère obtenir un bien radical de cette cure¹. Но чур, полно о медицине, она, я полагаю, уже тебе довольно надоела. Я тебе приготовлю хорошенькую комнату возле наших. И мы с тобою будем ходить и восхищаться прелестными здешними видами. Итак, до свидания. Виноват: слова два о дороге, по которой ты поедешь. Вероятно, из Францисбада в Thiersheim; от Ягры до Thiersheim 2½ м[или], недалеко от Thiersheim таможня баварская, но весьма учтивая и снисходительная к ВОДОПИЙЦАМ. От Thiersheim до Weißenstadt 2½ м[или]. От Weißenstadt до Gefrees 1½. В Gefrees можно видеть у аптекаря интересную коллекцию минералов de Fichtelberg. От Gefrees до Berneck 1½ м[или]. Le pont devant Weissenstadt est l'un des plus élevés de l'Allemagne à cause de la haute situation des montagnes du Fichtelgebirge, ainsi que le grand étang qui s'y trouve à 1900 p. de Paris de la surface de la mer. Ici l'on trouve chez le

1 Гемороїдальні застійні явища у нижній частині черева з поганим кровообігом, застійні явища, які здебільшого поширюються на ноги і хребет та подразнюють нервову систему, а найдрібніші нещасні випадки призводять до того, що нервова хвороба чи невралгія розганяє застій; регуляція кровообігу є найліпшим засобом лікування хвороби та позбавить мене від тих випадків, які траплялися зі мною уподовж життя декілька разів. Кіссінгенські ванни, так він [лікар] сказав, цілковито допоможуть від мого болю. Ось чому він поділив моє лікування на дві окремі частини: внутрішню, яка мала впливати на геморої та нижню частину черева, й іншу, щоб зміцнити нерви. Я вживаю «Ракоци» щоранку, а ввечері – «Пандур», і перед обідом – ванну «Пандур», що він мав намір змусити мене робити з пивними ваннами. Проте він вважає мене таким сильним, і ванни «Пандура» діють на мене так добре, що він змушує мене вправлятися без пивних ванн. Завтра я візьму останню ванну «Пандур», яка діє на нижню частину черева, я почну займатися обливаннями, впливаючи на хребет і нерви. Я почувуюся добре, маю чудовий апетит, ходжу півдня, сплю як король і сподіваюся мати докорінне поліпшення від цього лікування (фр.).

meunier Lochmuller d'excellentes truites. Berneck, 950 h. avec les ruines d'un vieux bourg, là où vous verrez la tour avec l'horloge c'est là qu'à était la ville anciennement à 200 pas de la poste pêche de perles, carrières de serpentин. De Berneck à Baireuth 2 m. Baireuth 14.000 h. Le nouveau château, la statue équestre du margrave Chrétien Ernest, le tableau de la femme blanche, les jardins du château et les superbes orangeries. Le tombeau de Jean Paul, la collection de pétrifications du comte Munster. Une excellente auberge le Soleil d'or. Voyez absolument NB l'Hermitage, le Berceau et le superbe temple du soleil orné de hautes colonnes de marbre du pays. De Baireuth à Hollfeld 3 m. Entre ces deux stations la Fantaisie du Duc Alexander de Wurtemberg et dans le jardin un énorme tilleul qu'on voit du chemin. De Hollfeld à Wurgau 2 m. De Wurgau à Bamberg 2 m. Bamberg, 20.000 h. Le Dôme daté en 1004. Tombeaux de Henri II et de sa femme Kunégonde. Le beau pont sur la Regnitz. Une excellentissime auberge est La Maison Allemande. De Bamberg à Eltmann 2 m. De Eltmann à Hasfurt 2 m. De Hasfurt à Schweinfurt 3 m., très jolie petite ville auberge à la poste. De Schweinfurt à Poppenhausen 1½. De Poppenhausen à Kissingen où vous nous trouverez dans la Maison du docteur Welch qu'on vous indique à l'hôtel de Russie.

Adieu, je vous embrasse du fond de mon cœur [...].

Paul¹.

Приписка М. П. Комаровської.

My dear and good brother, we received your letter from Franzensbad, thank you very much for your congratulation and for the mantle you are going to bring me and which I am sure is very pretty. How did you spend the day of your birthday? As for us we had company at dinner and drink your

1 Міст перед Вайсенштадтом є одним з найвищих у Німеччині із-за височини Фіхтельських гір, а також великого ставу, що знаходиться на висоті 1900 паризьких футів над рівнем моря. Тут у мельника Лохмюллера можна знайти чудову форель. Бернек, 950 мешканців, з руїнами старовинного замку, де ви побачите вежу з годинником, там, де раніше розташовувалося місто, за 200 кроків від поштової станції ловлять перлини, є кар'єри серпентину. Від Бернека до Байройта – 2 милі. Байройт, 14000 мешканців. Новий замок, кінна статуя маркграфа Крістіана Ернста, портрет «білої жінки» (привід, що являвся членам роду Гогенцоллернів, провіщуючи їхню смерть – упор.), замкові сади та чудові оранжереї. Могила Жан Поля, колекція скаменіlostей графа Мюнстера. Чудовий готель Soleil d'or. Подивіться неодмінно NB Ермітаж, Альтанку, чудовий храм Сонця, прикрашений високими мармуровими колонами місцевого походження. Від Байройта до Гольфельда – 3 милі. Між цими двома станціями – «Фантазія» герцога Олександра Вюртемберзького, і в саду є величезна липа, котру видно з дороги. Від Гольфельда до Вюргая – 2 милі. Від Вюргая до Бамберга – 2 милі. Бамберг, 20000 мешканців. Собор датується 1004 р. Могили Генріха II та його дружини Кунегунди. Красивий міст через р. Регніц. Надзвичайно чудовим готелем є La Maison Allemande. Від Бамберга до Ельтманна – 2 милі. Від Ельтманна до Гасфурта – 2 милі. Від Гасфурта до Швайнфурта – 3 милі, дуже добре містечко з готелем при пошті. Від Швайнфурта до Поппенхаузена – 1½ [мили]. Від Поппенхаузена до Кіссінгена, де ви нас знайдете у будинку лікаря Вельша, який вам покажуть у l'hôtel de Russie. Прощавай, я обіймаю тебе від усього мого серця. Поль (фр.).

health. We made the acquaintance of several persons here, but they are almost all going away now and the society of Kissingen is always more and more diminished. As we'll remain here still more than a fortnight so you are sure to find us in Kissingen when you arrive. Adieu, my dear and excellent Гришун. I kiss you with all my heart and wish you happiness and health.

Yours

Mary.

Mamma thank God is quite well. I think she has written to you that she drinks water also¹.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 728. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Мій дорогий і добрий брате, ми отримали твого листа з Францензбада, дякую тобі дуже за твоє привітання і за накидку, яку ти збираєшся привезти мені, і яка, я впевнена, є дуже милою. Як провів ти день свого народження? Щодо нас, то зібралися гості на обід і ми пили твоє здоров'я. Ми познайомилися тут з деякими людьми, але майже усі вони їдуть тепер звідси, і кіссінгенське товариство дедалі зменшується. Позаяк ми залишаємося тут ще на півмісяця, то ти неодмінно знайдеш нас у Кіссінгені, коли ти приїдеш. Прощавай, мій дорогий і чудовий Гришун. Я цілую тебе від усього мого серця та бажаю тобі щастя і здоров'я. Твоя Мері. Мама, дякувати Богові, цілком здорова. Я думаю, що вона написала тобі, що вона також п'є воду (англ.).

**§ 3. «Вірите Ви чи ні, але я пишу, запитуючи серце»:
листи Ф. Чижова К. Галаган (старшій), 1841–1842 рр.**

Київ, 9 июня, то есть 10, [1841 г.].

Гриша пишет Вам о деле, оно, кажется, сделано хорошо, часа через два-три получится уверенность, а там мы и в путь. Вчера мы были в Лавре. Модест там водил нас по пещерам, и сегодня просил, да вряд ли мы уже пойдём, некогда будет.

Київ на меня произвел самое грустное впечатление: ужасная безжизненность, везде форма, снова офицерские мундиры, треугольные шляпы и тому подобные скверности. Третьего дня мы приехали довольно поздно, и пошли с Гришунком таскаться, ходили, ходили и пришли домой уже поздно. Грустно нам было, а утомление было очень кстати; вчера немного поразвеселились, нас смешил Николай Фокич. Мы говорили, что для себя нам не нужно было оставаться, что мы только бы переменяли лошадей, а остаемся единственно по его делу, что он, как поверенный, должен нас угощать, и поэтому принудили его платить и за квартиру, и за стол. Частью это произошло от охоты подшутить, а частью из непомерной скупости нашей. Вот шутками, шутками, да и заставили мы его расплатиться за все, что составит рублей 25, если не больше. У него нет денег, мы его принудили занять у Михайлы 50 рублей, и вся эта процедура, и его отнекиванья дали нам возможность забыть грусть на несколько часов.

Мне еще досталось получить довольно неприятное письмо в Прилуках, из дому, ну да что делать.

Начальницы института я еще не видал, вчера был, да не застал дома, поеду сейчас.

Прощайте, мой добрый ангел, целую Ваши ручки и всех Вас, моего доброго, скоро получите еще письмо из Радзивилова, до него отсюда 435 верст. Ваш Чижов.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 56–56 зв.
Друкується вперше.

Мариенбад, 30/18 июля 1841.

Нарочно пишу Вам, мой добрый ангел, на этой бумаге, на ней Вы можете увидеть все места, где Гришунок и пьет воды, и купается. Внизу, в Kreuzbrunn, и он, и я попиваем утром воду: он – пять, я до сегодняшнего дня – 3, а с сегодняшнего – 4 стакана. До сих пор он не чувствует большой перемены, а на меня воды сильно действуют; кроме всего, у меня такие головные боли и такое головокружение с приливами крови, что я ничего не ем, кроме супу. Впрочем, этому я рад, потому что вовсе не имею аппетита. В Neues Badehaus Гриша берет ванны, я – нет: головокружение пока не позволяет. В Carolinenquelle он тоже пьет по два стакана; вы все их тут увидите.

Вы знаете меня, следовательно, можете понять и мою заботливость; здесь первые дни я был в ужасном недоумении, что делать. Зная ваше положение, я стараюсь о сбережении, а никак мои старания нейдут вперед. Вот я, было, думал, что Мариенбад поправит наши финансы, а вышло наоборот. Не знаю, оправдаете ли вы меня, только, ради Бога, пишите, мой добрый ангел, всю правду, не скрывайте, если найдете, что я сделал нехорошо. Приезжаем мы сюда, ищем квартиры, цены ужасные – 26 гульденов сереб[ром] в неделю; мы останавливаемся на день в трактире. Только иду я искать квартиру, встречаю графа Алексея Коновницына, рады оба, что встретились, я к нему – нахожу там Николая Дундукова, иду за Гришею, привожу его и знакомя с Коновницыным. Коновницын спрашивает, наняли ли мы квартиру, мы говорим – нет; он нам говорит, что если вы хотите иметь превосходное общество, нанимайте здесь, тут живет Паскевич, Штерич с дочерью княгиней Щербатовою¹ и внучкою, милою молодою особою, он всех, говорит, познакомит с лучшими домами. Я призадумался, для меня все это не нужно, как после и оказалось, потому что я хожу себе читать журналы и не нахожу времени нигде бывать, да и охоты большой нет, а Грише необходимо войти и быть в лучшем обществе, особенно обществе дам. Это меня тем более заставило позаботиться, что я и прежде думал, чем занять его в Мариенбаде. Читать он небольшой охотник, да и не велят, признаюсь, я обрадовался предложению Коновницына, особенно когда он познакомил нас с одним русским полковником Гильденштубе. Этот господин представил нас Щербатовой в концерте, а она пригласила на вечер, где представила княг[ине] Паскевич, которая очень Гришу обласкала. Все это хорошо, но все это влечет за собою издержки. Квартира нам стоит 22 гульд[ена], Гриша имеет фортепьяно – оно стоит 4 гульд[ена]; вот уже 26 гульденов, т[о] есть 60 руб. ассигн[ациями] в неделю без стола, без доктора, без ванн и мелких издержек. Скажите мне всю правду, мой добрый ангел,

¹ Княгиня М. О. Щербатова була великосвітською дамою, нею захоплювалися поет М. Ю. Лермонтов і музикант М. І. Глінка. Останній писав про неї у своїх спогадах: «Княгиня Марія Олексіївна Щербатова, молода вдова, була чарівна, хоча не красуня, була показна, ставна і надзвичайно захоплююча жінка» (Глінка М. І. Записки. М., 1988. С. 86).

как Вы находите, не думайте, что это меня огорчит, разумеется, мне неприятна мысль, что я не совсем сделал так, как бы Вам хотелось, но все лучше знать искренние Ваши мысли.

О ходе нашей жизни, вероятно, Гриша Вам пишет; у него время разделено между водами и визитами, у меня – между водами и журналами. À propos¹, напишите ему от себя, так слегка, посоветуйте читать побольше, мне не хочется надоедать наставлениями, а это необходимо. Пока мы путешествуем, пока беспрестанно переменяем места, правда – нет времени; но на зиму мы приедем в Италию, там очень, очень бы не худо признаться. Без этого невольно опустеешь, особенно в его лета.

Не знаю, от кого это зависит, но мы до сих пор не получили от Вас еще ни одного письма, и от моей маменьки тоже я не получал. Поленов писал ко мне два письма; в одном он прислал форму доверенности, какую Гриша должен послать в Опекунский совет для получения денег; доверенность эта написана на имя Поленова. Не понимаю, как от Вас нет ничего до сих пор, это нас заботит, тем более, что мы вовсе не знаем, решились ли Вы ехать или оставаться. Кажется, последнее необходимее, боюсь я ужасно за теперешнюю Вашу поездку. Положение Марьи Павловны таково, что при малейшей неприятности для ее здоровья Вы и сами себя будете винить, и все, Вас окружающее, всю вину взвалит на Вас, мой добрый ангел². Не лучше ли предпринять путешествие по окончании всего, когда она поправится. Даже еще позвольте мне Вам сказать, может быть, было бы очень не худо, если бы Вы, разумеется, когда она совсем оправится, оставили их самих похозяйничать. Не худо было бы так мне сделать и с Гришуном, пока мы смотрим из рук других, мы все ребята; Гришун никак не может понять важности денег, а когда сам будет распоряжаться, тогда и поневоле позаботится.

Ради Бога, мой добрый ангел, не ленитесь писать. Вы знаете, что каждая Ваша строчка будет принята с восторгом; верьте Вы или нет, но я пишу очень спросясь сердца, не знаю, уступлю ли я кому-нибудь, после Ваших детей, в любви к Вам, мой добрый.

Прощайте, позвольте поцеловать и расцеловать Ваши добрые ручки, Ваш Чижов.

Марье Павловне низенький поклон, а Павла Евграфовича позвольте обнять в Вашем письме.

Приписки на полях. Не могу не передать Вам поступка Поленова. Помните, как ужасно расстроило меня письмо из дому и как необходимы мне были 5000 рублей, когда Вы писали об этом к Катер[ине] Яковлевне Борковской. Поленов, зная, то есть прежде слыша, что она теперь безденежна, набрал своих денег, прибавил мои около 1000 за книги и, всего собрав 5000, послал к маменьке от моего имени. Между тем, как

¹ До речі (фр.).

² М. П. Комаровська була вагітною.

я вовсе и не писал к нему об этом, никак не надеясь, чтоб у него были и мои, и его деньги.

В эту минуту у нас и дождь, и град, и сильная жара, едва ли есть 12°, а может быть и 10.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 1–2 зв.
Друкується вперше.

Venezia, нояб[ря] 20, [1841 г.].

Если бы Вы, мой добрый ангел, знали, что сделало со мною Ваше письмо, Вы, при Вашей доброте, написали бы его неделюю, двумя неделями прежде. Я позабыл и ужасную мою головную боль, позабыл и холод, и спешу отвечать Вам, несмотря на то, что рука не совсем повинуется. Гриша прочтет Вам мое к нему письмо и скажет о моем здоровье, но что здоровье, было нажитое, была бы жизнь, не иссыхал бы источник, ручей явится. Напрасно Вы зовете меня, мой ангел, стоило Вам только сказать, что Вы желаете меня видеть, и я оставляю все, и мою милую, мою прекрасную Венецию, с ее черными глазами, с ее длинною косою, с ее лебедиными пушистыми плечами, с ее ртом, осчастливливающим одною надеждою на поцелуй. О, Боже мой, вот первый город, не обманувший меня в ожиданиях. Да, мой ангел, прощусь и с Тицианом, и с Тинторетто и брошусь в Ницу обнять ножки моего ангела.

Проклятая моя недоверчивость, зная Вас так, как я знаю, не глупо ли по одному месячному, или немного более, молчанию заключить Бог знает что, но не вините меня: и моя природа, и плохое здоровье – все тут вмешивается.

В конце декабря постараюсь я приехать в Венецию, то есть в Ниццу, до тех пор, если холода не выгонят, останусь здесь, мне хочется поучиться порядочно итальянскому языку и узнать получше историю моей прекрасной овдовевшей Венеции.

Есть здесь два, пожалуй, три театра, на театре маленьком – легкая опера порядочна, «Chi dura vince»¹, идет, говорят, хорошо, «Elisa e Claudio»² тоже хвалят, но я не слыхал ни той, ни другой: мои головные боли сковали меня и не пускали до сих пор никуда. Я слышал только «Норму», и то в самом плохом исполнении; театр так, ничего особенного, даже ничего порядочного. Но Венеция сама – театр всего прошедшего, она сама поет погребальную песнь своему республиканскому величию, и кому придет охота слушать другую музыку. Благодаря моей экономии и доброте Madame Капнист, у меня множество книг, не знаю, успею ли прочесть и четверть, книг до 40, и все это – живопись и Венеция, моя прекрасная Венеция. Часто я, проснувшись после долгого сна, вскакиваю с страхом, действительно ли я в Италии, и, уверившись, со всею теплотою молитвы благодарю Бога, что наконец исполнились мечты моего сердца. Нет, надобно так любить Италию, как я люблю ее, чтоб судить о моем восторге и о моей привязанности к Венеции. Гриша поцелует за меня и ваши ручки, и ножки. Ваш Чижов.

Приписка на звороті. Катерине Васильевне в несобственные ручки.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 82–83зв.
Друкується вперше.

¹ «Хто перемагає» – героїчна мелодрама, музика – Луїджі Річчі, лібрето – Якопо Ферретті.

² «Еліза і Клаудіо» – опера італійського композитора Саверіо Меркаданте.

Венеція, 28 нояб[ря] 1841.

От всей души поздравляю Вас, мой добрый ангел, с именем бабушки, доброй бабушки; если бы я мог Вас любить и уважать более, чем я люблю и уважаю, это имя заставило бы, но теперь это невозможно¹. Потрудитесь от меня поздравить маменьку и папеньку маленького мальчугана; я ему желаю одного, чтобы он наследовал качества дедушки и бабушки с матерней стороны. Пред именем дедушки его я благоговею, не имея счастья знать его, зная бабушку, ежедневно более и более уверяюсь, что ей дано в удел что-то небесное. Не сердитесь, мой ангел, за выражение чувств моих, как я ни гадок, но мне дано понимать и восхищаться прекрасным.

Я к Вам буду в исходе декабря – с Венециею трудно расстаться; к тому же я работаю, теперь читаю Метастазия, Тасса, Петрарка, Ариоста, может быть, начну и Данте, всего понемножку. Пишу очень много, и теперь желал бы к Гришуну, да нет ни минуты времени. Я уверен, что к Вам есть письма в Дрездене, и ко мне тоже, ради Бога, напишите к Алекс[андру] Борисовичу Рихтеру и попросите его убедительно переслать Вам и Ваши, и мои письма. Боюсь я, мой ангел, что неполучение Вами денег не зависит ли от меня: Поленов имел надобность в подписи попечителя и адресовался к Петру Григорьевичу. Он ему отвечал очень вежливо; кто знает, не думают ли, что деньги из банка взяты для пересылки Вам, я боюсь этого ужасно. Судьба заставляет меня вредить Вам, это меня сильно заботит. За заем денег я не благодарю: он вышел из такого источника в Вашем сердце, который выше благодарности, но чувствовать я буду уметь, за это поручусь головою.

Гришунка обнимите за меня и прикажите ему расцеловать Ваши ручки и ножки, поздравить М[арию] Пав[ловну] и поцеловать ее ручки и обнять с поздравлением Павла Евграфовича. Вполне постигаю и Вашу, и их радость и от всего сердца благодарю Вас за извещение – оно еще более украсило цветущую, почти счастливую мою жизнь в Венеции. Если бы я мог повелевать сердцем, я точно был бы счастлив...

Прощайте, мой ангел, до января или до конца декабря, всею душою Ваш Чижов.

К Рихтеру не забудьте, если Вы получили Ваши письма, верно.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 85–85 зв.

Друкується вперше.

¹ Йдеться про народження у К. В. Галаган онука – Євграфа Комаровського.

Венеція, 1 декабрия / 19 ноябрия, 1841.

Прежде всего, позвольте мне, мой добрый ангел, поздравить Вас со днем Вашего ангела (по моему расчету, Вы должны получить письмо в самый этот день) и пожелать, чтоб Бог дал мне поздравить Вас с ним тогда, когда Вы будете прабабушкой. Несколько лет сряду я проводил этот день вместе с Вами, первый год мы проведем розно. Я непременно бы приехал к Вам, но зная, что для Гриши хорош климат Нисы, я уверен, что и по этому, и по желанию его остаться с Вами, ему нельзя было бы поехать ранее января в Неаполь и Палермо. Вы можете, без моего уверения, верить, что мне приятно было бы жить с Вами, но, мой ангел, здесь я целый день в работе, здесь все меня таскает и не дает моей хандре нападать на меня, в Нисе, кроме вас, ничто не займет меня. Поверите ли, что в день я едва ли имею более 4 часов свободных: утро работаю, потом иду смотреть то или другое, потом работаю, потом обедаю, вечер вместе с Капнистом, и потом опять за работу. В настоящую минуту у меня столько работы, что я не знаю, как решусь сегодня пойти к консулу на вечер. По-сылаю для газеты письма о Мариенбаде и Дрездене, ужасна переписка. О Дрездене оставлю черновое, и попрошу вашего позволения прочесть его в Нице, там я даю подробный отчет о Фогельштейне.

До свидания, мой добрый ангел, позвольте расцеловать Ваши ручки. Хотел бы писать к Гришуну, но, право, некогда. Целую мальчика, поздравляю его с дорогою и предорогою, обоим нам дорогою именинницею. Еще раз целую Ваши ручки. Ваш Чижов.

Здоровье мое поправилось. Ваше первое письмо излечило меня, а я захворал было не на шутку. Капнист так мил и добр, как нельзя больше.

Сию минуту пришел ко мне Алексей Вас[ильевич] Магденко, он убедительно попросит меня засвидетельствовать Вам свое почтение и поздравить Вас со днем Вашего ангела.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 3–4.
Друкується вперше.

Венеція, 14 декаб[р]я 1841.

От всей души, мой добрый ангел, поздравляю Вас с приятным происшествием в семействе графа Михайла Васильевича, то есть с свадьбою Лидии Михайловны¹. Поверите ли, это так меня обрадовало, что я хотел было писать к графу, но день прошел за днем, и желание осталось без исполнения. Примите на себя труд передать графу мое самое, самое искреннее поздравление. Я знаю нового его зятя Ханенко, молодой человек с очень хорошим умом и, повидимому, добрым сердцем, очень образованный, немного офицер в приемах, но это пройдет и изменится с такою милою, доброю женою. У него славное и хорошо устроенное состояние. Одним словом, и не при положении графа, извините, мой добрый, что я говорю Вам откровенно, я привык Вас любить как самую близкую родственницу, – и не при немного затруднительном положении графа это замужество было бы находкою. Вы меня знаете, мой язык льстит неохотно, и потому здесь мне можно совершенно верить. Я видел его всего два раза, правда, мне не понравились его довольно резкие приемы, решительные суждения, но это гвардейская привычка, остаток юнкерской школы, – остальное все, то есть все существенное, – прекрасно. Он очень недурен собою и должен быть непременно добрым и хорошим мужем. Если бы я умел передать Вам удовольствие, какое доставило мне это известие, я бы занял целое письмо описанием и ничего бы не сказал. И по Вашим словам, и по собственному убеждению – я люблю и уважаю графа, слава Богу, что провидение бережет его, авось либо и других детей удастся ему так же хорошо пристроить.

Михаил Андр[еевич] пишет ко мне, что собирается приехать за границу, не думаю, чтоб он мог преодолеть свою лень. Ему хочется обойтись 10000 руб. в полгода; я ручаюсь, что этого довольно, особенно если они меня послушают и предупредят. Вы не поверите, как я живу расчетливо, 1000 с[еребром] ру[блей] мне достало с лишком на 3 месяца, с беспрепятственными двухмесячными вояжами и с покупками около 25 книг, нет, около 40 книг.

Жду от Вас писем и думаю 23 или не позже 26 выехать отсюда. Если буду уметь распорядиться, то дней 5, 6 останусь в Милане послушать оперу и пробежать отчеты за всю годовую литературу. Милан – последний остаток ломбардской любви к литературе – и тот чахнет.

Время у нас хорошее, бывает свеженько, но пальто очень довольно, и то в тесных улицах. Еще у меня на языке – передать вам еще одно из моих наслаждений, ну да оставлю до свидания, – меня сильно и сильно занимают две венецианки, и Вам, одним Вам хотелось бы это поверить. Знаю, что когда я расскажу Вам, Вы меня обнимете, и Гришунок расце-

¹ Лідія Михайлівна Гудович, племінниця К. В. Галаган, вийшла заміж за Михайла Івановича Ханенка.

лует. Труден вибор: две сестры, и, кажется, если не ошибаюсь, обе ко мне расположенны хорошо. Но все это – до свидания, теперь позвольте расцеловать Ваши ручки, все ручки расцеловать у моего доброго ангела.

Ваш Бабак.

Извините, мой добрый, что не заканчиваю письмеца, – мне было так грустно сегодня, что я не хотел, было, и писать к Вам, а после надумал и развеселился.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 97–98 зв.

Друкується вперше.

Генуа, 30 янв[аря] [1842 г.].

Сегодня мы не нашли парохода, должны ждать до завтра и пожалели. Но, прежде всего, я думаю, надобно расцеловать ручки моего доброго ангела, все ручки небесного ангела. Теперь начинается рассказ: в прошедший приезд мой в Гену я был венецианцем, оставившим родину, мне всякое величие казалось менее чем ничтожным, оно переносило меня в мое милое отечество. И право, Венеция – отечество моей страстной любви к Италии, то есть, другими словами, моей страстной любви к прекрасному, неужели этого мало? Теперь первое впечатление прошло, и в Генуе я уже восхищен как в кусочке Италии, страны искусств. Гриша будет писать Вам, как здесь холодно, я этого не чувствую; сегодня, например, утро встретило нас фресками Карлони, картинами Рубенса, Гвидо Рени и одним из произведений Рафаэля. День был полон архитектурой дворцов. После обеда мы пошли познакомиться с нашим певцом Ивановым, который приглашен на здешний театр на время масленицы за 16 тысяч франков. Вечер в театре: мы слышали его, prima donna Стрепони и потом другую, Клару Новеллу. Ангельский голос ее, чистый, как херувим, возлетающий на небо, обвитый бархатом голоса Иванова, простите это глупое иносказание, но оно мне рисуется. И все это посреди таких декораций, каких я не видывал и не предполагал видеть. Наши декорации богаты, на сцене целые замки; здесь все это на одном заднем полотне, вы видите, как это полотно спускается, видите, как оно волнуется, и исполнение рисунка таково, что глаз не верит понятию и рисунок принимает за действительную природу. Ради Бога, приехавши в Генуу, обратите на это внимание.

Мы с Гришей находим, что наш трактир Leone Rosso хорош, он не богат, то есть беднее далеко другого – La Croix de Malt, но *camériste*¹ своею честностью дополняет его недостатки. Впрочем, в нем Вы найдете картины из гобеленовых обоев, за которые просит он по 200 фр[анков], мозаик в 500 фр[анков] и многое другое. Лакея мы брали за 5 франков, но можно поторговаться и взять дешевле.

Вот все, остальное душа хранит в себе, а до тела больше ничто не относится, тело немо в божественной Италии.

Примите на себя труд передать мои поклоны Марии Павловне и Павлу Евграфовичу и попросить первую сделать книксен с достоуважительным уважением пред ее сыном.

Еще одна просьба: М-те Карлгоф напомните обо мне и попросите ее прочесть Вам Подолинского стихи «Вопрос». Если найдете не лишним прибавить, прибавьте: если мои ничтожные литературные работы, труд поденщика снискал ее внимание [*текст пошкождено*].

Впрочем, мне главное дело не в том, а в том, чтоб расцеловать Ваши ручки. Ваш Чижов.

¹ Покоївка (фр.).

Р. С. Сообщается для сведения Марьи Павловны: Гриша упал и носом разбил фонарь на маяке генуэзском, теперь все в хлопотах, запасного нет, и думали – прекратится на время судоходство. Я помог, начал чесать волосы и столько посыпалось искр, что осветился весь берег, из Константинополя приехали, думали, что весь этот берег Италии обхватило огнедышащею горою. Лучшей небылицы не мог придумать, вчера была да сплыла.

Благодарите Вашу Ницу за климат, он точно хорош, на дороге нас везде встречали или снег, или дождь, но здесь есть солнце искусств, одна заря его и греет, и светит так, что ницкое солнце кажется и ледяно, и темно. Я не могу сказать этого только потому, что Ваша родственность для меня была выше всей Ницы, и, как ни люблю Италию, а все-таки скажу – выше и Италии. Добрый ангел должен этому поверить, зная, что я его люблю всею душою.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 38–39зв.

Друкується вперше.

[1842 г.].

Добрый мой ангел, писал только для того, чтоб написать. Форма исполнена. Письмо Ваше, писанное в Неаполь, мы получили здесь, нам его переслал Магденко, теперь пишем к Вам наугад в Ницу. Проезжая чрез Ливорно, не забудьте в одном магазине мраморных вещей (направо, идя от моря) взглянуть на 12 садовых статуй, я их порядочно не видал.

Здесь готова одна вещь, которую надобно было бы приобрести Вам и тем положить начало коллекции. Лучшие картины на выставке и вряд ли не лучшие в Риме – нашего русского Айвазовского виды моря: один – буря, сделан так, как мне еще не удавалось видеть нигде. Полторы тысячи франков надобно готовить. Знаю, что Ваше положение не таково, да как ни распорядитесь, а в Секиринцы нельзя приехать без подарка¹.

Здесь 140 мастерских художников, собственно живописцев, и 47 скульпторов, к Вашему приезду я буду знаком с большею половиною или, по крайней мере, со многими и тогда и Вас познакомлю. Вашим – пренизкий поклон.

Ваш Ф. Чижов.

P. S. Кончил, поторопился и не расцеловал ручек у моего доброго ангела; дайте же мне их, протяните сюда поскорее.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 71–72зв.

Друкується вперше.

¹ Художник Ф. І. Йордан, що товаришував з Ф. В. Чижовим і Галаганамі у Римі, згадував: «Григорій Павлович Галаган здійснив першу купівлю у Римі, купивши на народній виставці картину І. К. Айвазовського “Морський вид”» (Йордан Ф. І. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918. С. 198).

29 августа [1842 г.], Остенд.

Письмо Ваше я получил перед самым выездом из Дюссельдорфа и потому не мог отвечать на него. Теперь мы снова вместе с Гришуном, я остался в Брюсселе только несколько часов, чтоб поскорее его видеть. Он, слава Богу, совершенно чувствует себя хорошо. Вчера я был с ним, когда он брал ванну, и, сидя в будке, думал все об Вас, мой добрый ангел. Если бы в первый раз видели, как несется волна на ваше детище, сердце бы у вас замерло. Позвольте не отвечать на Ваши возражения против уединения Гриши, мы иначе это понимаем, пусть будет, как угодно Богу. Вечно защищал я жизнь семейную, особенно для него, никогда не говорил о недоброте его сердца, но затем, чтоб узнавать людей для разочарования, обстоятельства заставили меня видеть и вглядываться в них более, чем могут заставить его. Да, благодаря Бога, я не разочаровался и все благодарю судьбу за то, что более узнал этот род, в котором, или в каждом существе которого, далеко больше хорошего, нежели во мне. Я советую не потому, что смотрю холодно, а по крайнему убеждению, потому что сам мужчина и вникал много в воспитание, а в семейной жизни не худо иметь свое убеждение, не худо и в семейной жизни не быть постоянно руководиму и не дожидаться необходимости, чтоб свергать управление собою на жену, между тем как оно никогда и не думало играть никакой роли. Впрочем, Бог знает лучше, что делает.

Почти сутки пробыл я в монастыре у моего друга Печерина, мы ладили; я увидел мою глупую несправедливость, я не восставал против его поступка; он делает по убеждению, и чего же больше? За верность убеждению не нам он даст отчет, а Тому, кто легче нас видит чистоту души. С монахами сошелся хорошо, они в шутках несколько раз предлагали мне быть миссионером, говорили, чтоб я попробовал остаться в монастыре, чтоб поучиться испанскому и голландскому языку. Мне теперь нет времени, и потому я отказался. Как мы смотрим различно на вещи. Я жажду уединения, как не ожидали манны в пустыне, предстать пред себя лицом к лицу, и хоть раз в жизни обратиться к Тому, для Кого нет уединения, кто слышнее там, где нет другого голоса. И Вы любите уединение, не знаю, зачем и за что оно с Вами раздружилось. В моей тихой дюссельдорфской жизни я был с искусством и с художниками, еще с Жуковским. Жаль, что до сих пор еще ничего не успел я узнать, может ли Жуковский сделать что-нибудь положительное для Иванова. Отсюда я еще туда заеду, может быть, найду письмо; во всяком случае, вся разница в 5 франках и 12 часах времени, а пересылка писем и перевозка книг стоили бы до 20 франков.

Сегодня Гришун жертвует для меня одною ванною, чтоб вместе заказать платье для меня в Брюсселе. Из старого моего сертука, прослужившего ровно 8 лет, я сделал новый, выворотил его, приделал бархатный воротник, бархатные обшлага, и так за 16 франков имею хороший сер-

тук. Кажется, я раздумаю и не буду жить два года в Берлине, а проживу много, что полгода, потом запасусь книгами и удалюсь куда-нибудь в совершенную пустыню; мне эта мысль пришла в Дюссельдорфе, и я сообщил ее Грише. Я не слушал современной философии, все это Я и Мы, то есть того или другого системы, а мне хочется прочесть человечество без системы. Я соберу, что оно думало, что оно чувствовало, и поеду в Андалузию, а может и в Сирию или Египет, подумать при том же небе, под тем же солнцем, и послушать гармонию сфер, как слушал их Пифагор. Одним словом, я решусь, изучая каждого [как] философ, жить при его обстоятельствах [*пошкоджений текст*] времени. Но дело не в философии, а в том, [как] взвесить, какой по плечам род деятельности, и запастись на остаток жизни, пора об этом подумать.

Глупая привычка работать делает то, что отдых наводит грусть, а грусть заставляет и писать грустно. Не сердитесь, мой добрый ангел, позвольте поцеловать и расцеловать Ваши ручки, и ваши глазки, и ножки. Ваш Чижов.

P. S. Вашим поклон низкий.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 42–43 зв.
Друкується вперше.

ЧАСТИНА II ПОДРОЖ 1850–1851 РОКІВ

Розділ 1. Григорій Галаган:

«Я хочу присвятити хвилини дозвілля опису нашої подорожі...». Начерк подорожі Німеччиною, Бельгією, Англією та Францією у 1850 р.

Ницца, 15/27 ноября 1850 г.

На цветущий берег голубого южного моря, под теплое прозрачное небо Италии, среди померанцовых садов тихой Ниццы, приехали мы отдохнуть от пятимесячного почти непрерывного путешествия, посвященного отчасти лечению, а отчасти поездкам в незнакомые доселе мне места. Вчера минуло пять месяцев, как мы покинули Сокиренцы, в это время мы были в Германии, Бельгии, Англии и Франции. Имея теперь намеренье пожить как можно спокойнее в Ницце, я хочу посвятить минуты досуга на описание нашего путешествия или, скорее, я постараюсь, пока еще не изгладилась из памяти все впечатления встреченных мною предметов, мест, людей, изложить их в этой тетради; описание же городов, зданий я делать не буду. Страны, по которым мы проехали, описаны подробнейшим образом тысячи раз, да, при том, и мне многие из них известны были из моего первого путешествия. Это последнее обстоятельство в настоящий наш проезд помогло мне, меньше рассеиваясь осмотрами, больше заняться интересными для меня наблюдениям.

Мы выехали из Сокиренец 14 июня рано утром, и до Прилуки нас провожали матушка и сестра, потому что нам нужно было явиться в уездный суд для соблюдения одной формальности. После обеда в Прилуке мы расстались с матушкой и сестрой и поехали в Гнилицу. Далее, на Згуровку и Мостище, мы приехали в Киев 17-го числа. Нашей страны¹ я описывать не буду, как бы много ни было об ней говорить. Из Киева мы выехали 19-го числа и 21-го приехали в Радзивиллов. Хотя мы ехали весьма скоро по Волыни, но я старался, хоть на лету, ловить что-либо интересное для меня. Я бы дорого дал, чтобы пожить в этом краю для собственных наблюдений над последствиями перемен, которым подвергся этот край, и о которых мнения столь различны². Где только мог, там делал косвенные и прямые вопросы об инвентарях. «Бог знает, что наделали, – говорил мне один станционный смотритель, – вот вы видите перед собой село, которое до сих пор жило себе преспокойно, а вот теперь мужики разленились, пьян-

¹ Лівобережної України.

² Йдеться про інвентарну реформу, що здійснювалася у Київській, Подільській та Волинській губерніях під проводом генерал-губернатора Д. Г. Бібікова. Її сенс полягав у державному врегулюванні відносин поміщиків з селянами-кріпаками.

ствують, і нікто не може себе знайти работника, скоро все они пропадут с голоду». (*Примітка на полях*: і подібних замечаний я слышал несколько от людей, не принадлежащих рабочему классу народа).

Я слишком мало знал этот край прежде, чтобы замечать какие-либо видимые перемены в настроениях у крестьян или в их одеянии. Вообще край, окружающий Житомир и Новоград-Волынский, не может ни в каком отношении почитаться лучшим из тех краев, которые населены нашим южно-русским племенем. Постройки в нем неаккуратны, одежда крестьян довольно бедна; наружный их вид, по небольшому их росту, неправильным чертам лица и светло-русым волосам, скорее напоминает Стародубскую Украину, нежели Полтавскую, хотя этот край на одном градусе по климату с последнею; но почва, которая имеет такое сильное влияние на наружный вид простого класса людей, здесь песчана и глиниста. Мужики носят волосы по-киевски, бороду большею частью бреют, одеждою схожи с полтавскими; женщины одеваются почти по-литовски¹. Около Дубна, на одной станции, пока набирали и приготавливали лошадей, мы пошли вперед по дороге, и, идучи через обширную [площадь] местечка, я увидел много крестьян с подводами; ни панов, ни жидов не было около них, и я вошел с ними в разговор, – они привезли продукты из соседнего села, принадлежащего князю Любомирскому. Один из них, с выразительной физиономией и высоко подбритым чубом, говорил более других. На прямой вопрос мой об инвентарях он отвечал, что не понимает меня. «Хиба ж у вас не було нового закону про панщину?» – спросил я. – «А як же! Був, та я не второпав, як вы казали, бо мы його так не звемо». – «Тем лучше», – подумал я. – «Як же вам тепер стало?» – «А! Спасиби цареви та, преже усього, Богови, та ще тым сенатірам, що и писали, тепер нам вілько лучше стало, усяк зна, що кому робить». – «Хоч бува, чтом паны и не по закону займуть на панщину, – прибавил другой мужик, – та мы мовчимо, бо за те, як и нам чого треба, то пан помога».

Я с большим удовольствием слушал эти утешительные слова; дай Бог, чтобы, если только это возможно, установились бы у нас путем мира и согласия отношения между помещиками и их людьми.

22 июня / 4-го июля мы выехали из Радзивиллова и утром переехали за границу, в чужие края. Но нет, то не был чужой край! Мы еще долго ехали по нашему родному краю, населенному нашим народом, но, по неисповедимым судьбам, отторгнутому от нас и уже слишком давно принадлежащему немцам. Мы вообще, велико- и малороссияне, непостижимо холодны ко всему родному, даже находящемуся в нашем отечестве, а о том родном, что находится за границей, и говорить нечего: оно сделалось нам почти неизвестно. Многие ли знают в Санкт-Петербурге, что Галиция, наш древний Галич, населена нашим русским народом, исповедываю-

¹ Носить вбрання, схоже на одяг білоруських селянок (Г. П. Галаган за давньою традицією називає білорусів литвинами).

щим греческую веру? Нам гораздо более знакомы Лиссабон, Севилла и Кадикс, чем наш древний Львов, сын Киева, основанный киевским вел. князем Львом Даниловичем, когда Русь не составляла и третьей части теперешней Российской империи! Львов, который мы не стыдимся называть по-немецки Лембергом, как мы, впрочем, делаем и со всеми городами славянскими. Присоединение их к немецкой державе не есть в этом случае отговорка; не называем ли мы и на нашей земле древний Орешек Шлюссельбургом, а Юрьев – Дерптом! Я никогда не могу без сильного стеснения сердца проезжать по Галиции, при мысли, что она принадлежит немцам. Рассудок в этом случае мало помогает, и досада часто доходит до ропота на судьбу, на Провидение, которое допускает на земле такие незаконные и противуестественные деления народов и племен. С какою бы радостью каждый истинный сын нашей земли отдал бы Ригу и Ревель, из которых приходит на нас столько неисправимого зла от людей, нам чуждых и врагов потаенных¹, за наши города Львов, Ярослав, Премысл, Черновицу. Но судьба устроила иначе! Так думал я, ехавши между Бродами и Львовом по живописной части восточной Галиции, любясь пышными лесами, белыми мазаными хатами и встречающимся народом, одетым по-нашему. Впрочем, в последние годы этот край подвергся многим утешительным переменам, которых результаты я с большим нетерпением ожидал узнать. С тех пор, как я там не был, вышло на белый свет свободно и самостоятельно славянское движение за независимую национальность, и в этом общем движении пробудилось и у русинов сознание своей народности, доселе угнетенной поляками, господствующими внутри края, презренной немцами, всегда горделивыми перед славянами, и, наконец, что всего хуже, забытая и отчужденная нами, родными их братьями². Русинская народность должна была при своем возрождении приютиться под защиту ехидного немца, чтобы отстранить польские нападения, но, как бы то ни было, она теперь есть, и ее никто не может не сознать. Кроме того, вследствие политических переворотов в Австрийской империи, народ получил в Галиции права, ставящие его вне деспотической власти поляков. Такие важные перемены в стране должны бы быть достаточны, чтобы дать ей совершенно новую жизнь, и я употреблял все силы, чтобы не пропускать ни малейшего обстоятельства, могущего мне разъяснить то, что я искал. В Львове мы, к сожалению, пробыли только один день. Этот город, населенный большею частью природными поляками или ополяченными русинами, совершенно сохранил свою прежнюю физиономию. По всему можно заметить, как поляки недовольны движением отдельной русской национальности в Гали-

¹ Маються на увазі остзейські німці, що обіймали впливові посади при царському дворі, у збройних силах і на цивільній службі, значною мірою визначаючи внутрішню і зовнішню політику Російської імперії.

² Йдеться про активізацію національного руху русинів у Галичині внаслідок революції 1848 р.

ции, они ее почти не хотят признавать. Один из лучших книгопродавцев, поляк, у которого я спросил русинские журналы и книги, отвечал довольно презрительно, что он не продает русинских книг; другой, которому я объявил то же требованье, отвечал с улыбкой, что из пяти руських журналов уже 4 прекратили свое существование за неимением читателей, а «Галицкій вѣстникъ»¹ еще существует, потому что он под покровительством руського униатского духовенства. «Но нет ли новых книг на русинском языке?» – спросил я. – «Нет, да и для кого же они будут писаться, – отвечал поляк, – народ не читает книг, а все порядочные люди говорят по-польски. До сих пор мало успели les amis des Ruthènes²; это все движение их более происходит от немцев, которые теперь заодно с русинами для обессиления нас, поляков; мы еще не знаем, чем это все кончится», – прибавил он, значительно покачивая головой.

Я, однако, не вышел из лавки, не заставив его отыскать несколько малороссийских книг, и взял: «Вѣнокъ русинамъ на обжинки» Головацкого, у Вѣдни 1847, и «Марусю» Грыцька Основьяненка (Квитки), уже знакомая мне, – Львов 1848-й. Первая напечатана руским шрифтом, вторая – церковно-славянским. Я делал себе при этом вопрос: действительно ли они не хотят держать наших книг, или они все раскуплены, и поляки не хотят в этом сознаваться. Ответ на это мог бы мне сказать Головацкий, к которому я было пошел вечером, но, к моему неудовольствию, мой водитель не знал хорошо, где он живет, и когда мы узнали, то темнота, проливной дождь и к тому заказанные уже почтовые лошади помешали мне исполнить мое желание, что, впрочем, отложено до возвратного пути. Проехавши короткую июньскую ночь, мы на другой день утром были еще недалеко от Львова и ехали среди пышных полей, испещренных живописными нашими селами. На одной из станций, пока мазали карету, я разговорился с стоявшими там мужиками; я прямо начал спрашивать на малороссийском языке о их теперешнем положении. Они мне рассказывали о том, что теперь у панов поодбирали земли и дали им, и что панщины уже нет, и что они все довольны. Спрашивали меня, русский ли я и почему я говорю по-ихнему, я им говорил, что я из Украины, где народ такой же, как они, только православный. Они говорили, что то же самое слышали от москалей, которые проходили через их село в Венгрию³. Москалей они хвалили и смеялись, вспоминая, какой то живой и скорый народ, хвалили особенно православное служение, которое они имели случай видеть при прохождении полков и в их церквах. Кажется, что этот народ не сделал бы сопротивления, если бы его присоединили к православной церкви.

Почти подобные речи слышал я от народа по всей Галиции до места

¹ «Галичо-Рускій Вѣстникъ».

² Друзі русинів (фр.).

³ Тобто від солдатів російських військ, що рухалися через Галичину для придушення революції в Угорщині 1849 р.

миль за 8 до Тарнова, где народ уже совершенно польский.

В одном месте мы пошли вперед пешком и долго шли с одним молодым мужиком, который нес на спине мешок с солью; это было в окрестностях Ярослава, и в его языке уже была очень большая примесь польских слов и выражений. Во всех его речах и в физиономии было много простоты и добродушия; он нам рассказывал, как он живет при отце и матери, а брат в солдатах, когда же коснулось до панщины, то он, смеявшись, рассказывал, что теперь паны-поляки, те же, которые прежде их били, принуждены, «шапочку изнявши», ходить по селам и просить их на работу, а они к добрым идут, а к недобрым не идут, за то, что они прежде их били. «Мы, вставучи и лягаючи, молимо Пана Бога за нашого цесаря». – «Ну, – спросил я, – а коли б ваш цесарь та звелив бы вам знов постарому итты до панив на роботу? Щоб вы тоди робыли?» – «А що ж, – отвечал он, – то ниц не поможе, мы б пишлы. И коли б цесарь казав у поломья итты, то я б пишов, треба итты, то ниц не поможе».

Если все галичане сохранили такую покорность судьбе, несмотря на окружающие их обстоятельства, подумал я, то нечего за них опасаться, они не впадут в общий омут политических идей Запада и останутся верны своим восточным братьям, несмотря на то, что разделены от них немцами.

По последней австрийской конституции галицкие мужики не только получили совершенную независимость от помещиков в отношении панщины, но, к тому же, наделены достаточно землею, которую, разумеется, правительство отделило силою от помещиков. Как кажется, народ там обеспечен, дай Бог только, чтобы нашлось побольше людей, которые могли бы дать ему хорошее направление при полученной им свободе, или, по крайней мере, чтобы правительство взяло при надобности меры, чтобы не дать развиться некоторым порокам, которым может открыться свободное поле. Полученная галичанами свобода должна бы, мне кажется, много содействовать к развитию руськой национальности в Галиции. Но ежели в простом народе я встречал везде признаки довольства новым их положением, то средний и высший класс представляет собою резкую противоположность в этом отношении. Встречавшиеся нам галицкие дворяне, разумеется, поляки, громко вопияли при разговорах на несправедливые поступки правительства. «Одно австрийское правительство, – говорили они, – может делать такие насилия правам народным; от нас отымают права наши на работы крестьян, – пусть так, нас сравнивают с ними перед законом, – и с этим мы согласны, но земля есть наше достояние, приобретенное нами, и ее отбирают у нас и раздают грубому народу, не имеющему никакого понятия о праве. Многие из нас разорены, потому что не могут найти работников, скоро поля наши запустеют». Они говорили мне, что завидуют очень тем полякам, которые принадлежат России. В самом деле, помещики терпят большие убытки, к которым еще присоединился недостаток звонкой монеты. [*Бракуе наступних чо-*

тирьох аркушів]. Тщетно люди, проникнутые истинами своенародности, проповедают ее в онемеченном обществе, их слова до сих пор остаются понятны только малой части общества, вся же масса по-прежнему погружена в противонациональные понятия, которые, к несчастью, начинают сильно проникать в средний класс. Не надобно забыть, что нас еще спасает наша святая вера православная, которая сделалась нераздельна с нашею национальностью. Поэтому нечего удивляться, если Прага так мало ответила моим ожиданиям успеха. Последний раз я был в Праге 1843 году; я тогда вздыхал, с жалостью видя, что это – немецкий город, теперь нашел совершенно то же: где чехи? Прага говорит, живет, одевается чисто по-немецки, и только изредка внимательный взгляд может заметить венгерку на каком-нибудь молодом человеке, как слабый признак какого-то стремления к отдельности. Сознаю, что я, может быть, слишком нетерпелив в моем желании видеть успех; может быть, его увидит только будущее поколение, но нигде так не трудно патриотам бороться против чуждого элемента, как в Праге. В самый день моего приезда я пошел к В. В. Ганке. Он меня узнал и принял с обыкновенным своим радушием. Нечего говорить о том, сколько мы нашли между собою предметов разговора: я его спрашивал, он мне рассказывал, но его рассказы были беспрестанно прерываемы его же вопросами об общих наших знакомых русских, о которых он с некоторых пор меньше может знать, чем если бы они были в Америке¹.

В рассказах о происшествиях 1848 года он, как приверженец православного исповедания, с особенным чувством передавал нам, как величественно и свято было наше православное служение, которое они имели случай видеть в Праге, на площади, во время съезду славянско-го: сербский епископ служил благодарственный молебен. Ганка уверяет, что все остались в восхищении, и повторял несколько раз: «Ах, как это хорошо, как это прекрасно!» – «Что бы сказали вы, – говорил я, – если бы увидели наше служение в Киеве, – сколько величия и правды, и притом – какая доступность по языку для всех славянских племен!»

Я познакомил жену с знаменитым славянином и при этом имел случай еще раз осмотреть библиотеку и Национальный музей. Вечером Ганка предложил мне идти вместе в так называемую «Беседу» или «Славянский клуб». Он устроен с недавнего времени и помещен в великолепном доме, на котором видна скромная надпись: «Mesianska beseda»², следов[ательно], без намеку на ее славянскую отдельность, которая, однако, существует. Несколько освещенных зал, с большими столами и бильярдами, были довольно полны посетителями, которые почти все сидели кругом столов и пили пиво, иные ужинали, другие играли в карты, в бильярд, в

¹ Про контакти В. Ганки з Г. П. Галаганом і близькими до нього людьми докладніше див.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.

² Mešťanská beseda (чеськ.) – «Міщанська бесіда».

шахматы. Одна комната посвящена исключительно чтению, и тут Ганка с самодовольной улыбкой показывал мне множество славянских журналов: чешские, польские, сербские, хорватские, один руссинский; русских нет! Читающих было довольно; к сожалению, я мог только пробежать один галицкий журнал, прочие были мне недоступны. Я вышел в большую залу, и, под видом участия в разных играх, я с жадностью вслушивался в звуки разговоров. Преобладающий язык был чешский. Нельзя отнять у этого наречия много приятности, и особенно мягкости, но в нем мало энергии, и совершенно однообразное произношение буквы л дает ему неполноту в отношении к прочим славянским языкам. Один поляк говорил мне, что, когда они слышат чешский язык, то в первую минуту им кажется, что немец говорит по-польски; обидное замечание, но происходящее, как мне кажется, именно от этой однообразной мягкости л. В иных углах люди с выразительными смуглыми лицами говорили по-сербски, может быть, и по-хорватски, этого я разобрать не мог. Почитавши газет, Ганка пришел также в залу и предложил мне пива. Мы сели около стола, где все были его знакомые, он назвал меня им, а их мне, и между нами завязался странный разговор. Мы бы могли говорить по-немецки, чтобы друг друга понимать, но сделали лучше: они просили меня говорить по-русски, но очень медленно; чего они не понимали, то переводил Ганка; они мне говорили по-чешски, и Ганка был опять переводчиком. Странно, что, несмотря на все мои старания говорить медленно и внятно, я их больше понимал, нежели они меня; мне помогали и церковно-славянское, и малороссийские наречия. «Скажите нам, – спросил один чех, – знает ли ваш народ о нашем существовании, и как он нас называет?» Я тут подумал: да о вас не только народ, но и так называемый «образованный класс» ничего не знает, а о сочувствии к вам и говорить нечего! Однако ответил им, что наш мало-русский простой народ не знает о существовании различных славянских племен, следов[ательно], о чехах не может иметь и понятия; одно только можно сказать в этом отношении, что словаков, сербов и т. п., которые приходят в Украину, народ никогда не смешивает с немцами, а называет «цесарцами» или «людьми из Цесарской земли»; что вообще эти цесарцы у нас приняты хорошо, но без всякого участия мысли о славянском их родстве. Мы расстались с Ганкою, давши друг другу слово на другой день сойтись в университете на его русской лекции.

Утро на другой день мы посвятили с женой осмотрам церкви, дворца, Граджина¹, и города вообще. В 3 часа я пошел в университет, где отыскал аудиторию Ганки довольно с большим трудом. Я застал в ней человек 20 студентов, Ганки еще не было. Подойдя к одному из них, я спросил, тут ли будет читать Ганка лекцию русского языка. «Верно пан русский», – отвечал он мне по-чешски на мой вопрос. Мне совестно стало продолжать

¹ Градчани – середмістя Праги.

по-немецки, и я начал ему говорить по-русски. Скоро вошел Ганка, и за ним – человек 40 студентов, между которыми заметны были и люди пожилых лет, которых платье и обращение доказывали, что они – вольные слушатели. «Теперь нас очень мало, – сказал мне Ганка, – потому что идут в настоящее время посторонние экзамены; обыкновенно же собирается более 250 человек слушателей на русские лекции». Услышавши, что Ганка со мной говорит по-русски, все студенты окружили нас, и с этих пор я сделался не только предметом общего внимания, но и внимательности и уважения, которые меня истинно тронули. Сначала я было сел на лавке с студентами, но Ганка попросил меня выйти и сесть около него, чтобы кое-что почитать студентам. «Нынешняя лекция есть ни что иное, как упражнения в языке, а потому ваше участие будет очень полезно, недавно был у нас П. Веревкин, который также помогал нам немного».

Действительно, это был урок русского перевода. Ганка попросил меня прочитать из русской книги что-нибудь; попалось – анекдот о Суворове. Потом, сделавши студентам замечания о моем выговоре, ударениях и т. п., он предложил одному из студентов переводить прочитанное на чешский язык. Я поправлял студентов в их выговоре и ударениях. Некоторые из них довольно бегло читали и легко все понимали. В таких занятиях прошло у нас полтора часа, после чего все подошли ко мне благодарить меня за труд. Я отвечал им, что все, мною виденное, заставляет меня гораздо более быть благодарным им, и что я рад бы почаще заниматься таким сладким и утешительным трудом. «Slawa, slawa», – сказали студенты (я узнал, что это значит «виват»). Мы все вместе вышли из залы и спустились вниз. Тут я еще раз раскланялся с ними, пожелавши им от глубины души успеха в их благородном и бескорыстном труде. Они мне отвечали, опять повторяя: «Slawa, slawa», и мы так расстались.

Мы выехали из Праги 12 июля утром по железной дороге до Лобозица, а оттуда – на пароходе по Эльбе в Дрезден. Во второй раз проезжал я по Эльбе, и опять холодная, сырая и туманная погода мешала мне осматривать ее живописные берега. В Дрездене продолжалась дурная погода, которой, впрочем, немцы довольно мало удивлялись: она не мешала ни музыке, ни гулянию на Brühlische Terrasse¹. В Дрездене довольно еще живы следы недавних переворотов: часть дворца в Цвингере стоит в развалинах, на Hôtel de Saxe видно множество пуль в стенах; картинная галерея со времени революции в беспрестанных починках, так что мы не могли ее и видеть². Из Дрездена мы выехали 2/14 июля по железной дороге в Лейпциг и оттуда – на Галле, Веймар, Готу, Эйзенах, Кассель, Франкфурт, Майнц и пр., и 4/16 мы уже были в Эмсе, несмотря на то, что ночевали в Касселе, а в Франкфурте ночевали и обедали. В Эмсе

¹ Тераса Брюля (нім.) – набережна у Дрездені.

² Йдеться про руйнації внаслідок повстання у Дрездені у травні 1849 р.

мы пробыли до 9/21 августа, и в то время, как жена пила воды в Эмсе, я переехал на три недели в Швальбах, где также пил воды и брал ванны.

На мой взгляд, в продолжении семи лет, что я не видел Германии, в ней многое переменялось. В отношении материальном – множество железных дорог, газовое освещение даже в маленьких городах быстро распространилось по всем направлениям. В отношении нравственном я нашел еще гораздо более перемены. Вообще это было очень интересное время в Германии для наблюдателя. После двухлетних смут¹ Германия вышла из борьбы с множеством нерешенных вопросов, с разжженными страстями, с общим озлоблением всех классов ее жителей. В три года Германия прожила целое столетие. Из всех западных народов немцы долее всех, по свойству своего характера, сохраняли чувство предания, которое было одною из причин долгого мира, царствовавшего в Германии. До сих пор немцы делали успехи в образовании, может быть, более, нежели кто-либо другой, но эти успехи не развивали тех политических страстей, тех либеральных идей, которые суть их следствия во Франции и Англии. Но в три года узел патриархального предания перервался, и немцы разом догнали своих западных братьев, догнали их в том месте, где дальше идти нельзя, когда, думая уже достигнуть цели, к которой стремились, они вдруг увидели невозможность ее достижения. Им не дано свыше идти далее; они свершили свое на земле и кончаются. Не мы одни с нашего юного востока говорим, что запад отжил, что он умер, это чувствуется самими западными народами. Из них французы давно уже борются в предсмертных страданиях и, кажется, что умирают прежде других; Англию еще держит сила воли, которую она развила более, чем какая-либо страна мира; уж во всей ее внутренности поселилось разрушение и точит ее как червь, но силен волею Альбион и гордо будет нести голову до самого рокового часу. Немцев долго поддерживала философия жизни практической, в которой выразился весь их характер; но пришло время, идеи выросли, усилились, взяли верх, и Германия уже готова идти рука об руку с Франциею в обратный путь. Никогда не ожидал я найти на Западе столько сознания в истине их теперешнего положения. Они сами сознаются, что нравственная жизнь в них остановилась, что они умирают; они не могут придумать никакого пути спасения и ожидают, что придет переворот и начнется новая жизнь. Да! она начнется, но не они будут ее исполнять; они только лишь подвергнутся ее влиянию, точно так, как и Рим некогда подвергся влиянию их жизни. Но до этого еще далеко, и много еще суждено им перестрадать, пока совсем не потухнет в них огонь жизни. В последнее время в Германии еще продолжалась революция, и внутренняя борьба давала немцам какую-то жизнь и энергию. Летом много еще было вопросов, возбуждавших эту жизнь.

¹ Мається на увазі революція 1848–1849 рр.

Главный из них был – единство Германии, до которого тщетно хотят они достигнуть, потому что противоречие живет в них самих, точно так, как и в идеях равенства и братства. Дела шлезвиг-голландские¹, а потом происшествия кассельские² не давали борьбе уснуть ни на минуту. Немцы горячились, злились за Шлезвиг-Голштейн, и 40 миллионов их не могли ничего сделать с маленькою Даниею. В Касселе курфирст нарушил конституцию; вот случай Германии показать свое единство: и курфирст, и народ отдают себя под защиту и на суд той же Германии, и Германия оказывается более, чем когда-либо, бессильна. Причину всего относят на влияние русского императора, на Лондонский протокол³ и на тысячу случайностей; но эти причины так же основательны, как те, которые приводят в отношении французской революции, говоря, что если бы Лудовик-Филипп не бежал, а поспешил бы переменить министров и велел бы стрелять в народ, то ничего бы не было. Как будто судьба народа зависит от таких случайностей. Случайность выведена фактом, а не она рождает факт, имеющий следствием разрушение народов. В вопросах Шлезвиг-Голштейна и Касселя замечаются все современные вопросы Западной Европы, и потому в Германии они выказываются на всяком шагу, во всех разговорах. Я не могу перечесть всех случаев, в которых я видел подтверждение этой мысли. Живши в Швальбахе, я часто ездил в Эмс к жене; я брал место в дилижансе, который идет всего 5 часов. Один раз в продолжение всей дороги я был слушателем длинного и горячего разговора между тремя немцами о разных современных вопросах Германии. Эти люди принадлежали к среднему классу общества. Вмешавшись в разговор, я его направил на Шлезвиг-Голштейн, и тут немцы совершенно выходили из себя. «Шлезвиг-Голштейн будет могилою всех наших королей и принцев, – говорили они, – это предатели Германии; из нас хотят сделать игрушку для Англии или маленькую Россию⁴, но подождите, – пробудимся мы еще, и тогда будет всему конец». Все их мнения были облечены в подобное озлобление, и разговор, в котором, впрочем, никто им не противоречил, разгорячил их до невероятности и окончился

¹ Дансько-пруська війна 1848–1850 рр. за володіння Шлезвігом і Гольштейном.

² Мається на увазі гострий політичний конфлікт у князівстві Гессен-Кассель у 1850 р., спровокований намаганням курфюрста Фрідріха Вільгельма I і міністра-реакціонера Людвіга Хассенпфлюга скасувати конституційний лад і реставрувати абсолютизм, що викликало масове невдоволення у суспільстві. До князівства було введено баварські та австрійські війська. Пруссія протестувала проти цього, а пруські війська зайняли частину гессенської території. Ця криза ледве не призвела до війни всередині Німеччини у листопаді 1850 р.

³ Протокол Лондонської конференції щодо недоторканності Данської монархії від 21 липня (2 серпня) 1850 р., що гарантував недоторканість влади данського короля над німецькими герцогствами Шлезвіг і Гольштейн щодо будь-яких зазіхань на ці землі з боку Пруссії та Німецького Союзу. Російський імператор Миколай I був прихильником збереження єдності і неподільності Данської монархії, включно з її німецькими володіннями. Це означало, що монархічний легітимізм суперечив національній державності.

⁴ Тобто щось схоже на Росію з її абсолютистським політичним режимом.

только потому, что мы доехали до места назначения. Ненависть и видимое неуважение ко всем старшим или высшим по состоянию или положению в свете овладела самыми низшими классами немцев. В Эмсе мужики в блузах не только не сымали шапок перед своим герцогом, но зная, что это он, идучи к нему навстречу на бульваре, пускали ему дым из трубок под самый его нос. Вообще в грубости обращения, которое я и в первое мое путешествие замечал уже на Рейне, немцы думают подражать французам, но они это делают весьма неудачно, потому что у них никогда нет ни грациозности, ни любезности их учителей. Привычка, принадлежавшая прежде одним пруссакам, – говорить о себе с надменной самонадеянностью и чванством, а о всех прочих народах – с презрением, ни на чем не основанном, разве только на их собственной грубости, – эта привычка теперь овладела всеми немцами, что делает их общество еще неприятнее, чем прежде. Немецкий народ переменялся и в наружном виде, почти совершенно отбросив свои национальные костюмы и надевши теперь общую всем западным народам синюю блузу.

Блуза, этот неуклюжий синий мешок с рукавами, имеет великое значение в XIX веке. Блуза есть одеяние протестующего человечества, она сгладила все национальности, соединила в одно всех людей, преданных одной идее, под блузой нет более мужика, а есть человек работающий. Обыкновенно народным костюмам дают очень ничтожное значение привычки, случайности. Мне кажется, это очень напрасно. Если в высшем классе людей мода имеет свое значение, всегда отражая в себе идеи века, характер поколения, то тем более в простом классе земледельцев, где все вышло из внутренней жизни, условное одеяние для такой или такой провинции составляет один из важных оттенков страны или племени. Форма народной одежды не только выведена физической необходимостью, смотря по местности, – в ней виден и характер, и вкус народа. В костюме своем народ имеет и свое прошедшее, и ряд преданий. Весь его домашний быт, весь его племенной патриотизм, – все тут. Мужик в своем национальном наряде есть коренной житель такой-то страны; его одежда не заключает в себе непременно условия работника, часто она так замысловата, что даже неловка для работы. Напротив того, блуза есть вывеска работника; одетый в ней человек есть всемирный работник, истинный космополит; какое противоречие с идеями, обуревающими его душу; известно, какого рода равенства ищет простолюдин в продолжение трех последних лет на Западе: ему мило равенство материальное, он завидует богатому и хочет его прав, а сам между тем надевает одежду, напоминающую ему на всяком шагу его зависимость от богатого как работника. В дедовском наряде он был коренной житель своей милой страны, богатый от него тогда отделялся и отчуждался, принявши другой наружный вид; в блузе он есть часть рабочей силы, которою располагает богатый, смотря по своим средствам.

В нынешнем веке, столь изобильном идеями, есть две, которые силь-

но одна другой противоречат, хотя у них борьба и неявная, потому что они обе развиваются в партии оппозиционной. Первая из них, главная, есть идея свободы, равенства и братства, идея высокая, для которой работает западное человечество, готовое уже пасть в труде, для него не по силам, но, несмотря на то, все проникнуто этою отвлеченностью, которую еще нельзя осуществить на земле, все стремится к уравниванию и соединению всех под одно знамя; кажется, должны исчезнуть и уже исчезают отдельные национальности, которых самое сознание кажется мелко и ничтожно в сравнении с колоссальной идеей соединенного в одно человечества. Не точно ли так во многих странах убивали чувство семейства со всею его поэзией в жертву государству. И вот в этот же век является другая идея – сознания отдельных национальностей, она имеет корень в сердце народов точно так, как первая выходит из его [народа] головы. Этот возврат к отдельным народностям как будто вышел из глубины совести народной, испугавшейся космополитизма, ведущего к чему-то страшно неопределенному, которому конца и границ не видно. Эта идея слишком для меня самого мила по моим задушевному чувствам, чтобы я не увлекся, говоря о том. По причине политического положения всей Европы, и почти каждого ее государства в отдельности, чувство национальностей также страшно для владык и правительств, как и чувство свободы и равенства; оно везде гонимо и подавляемо, и вот почему обе эти идеи идут рука об руку в партии оппозиционной, хотя по самому смыслу своему одна другой противоречат. Первая из них гораздо сильнее второй, которая до сих пор является как реакция; многие люди смотрят на национальности не только как на предрассудок, но как на вредный остаток старины, препятствующий успехам. Но придет, может быть, время, когда люди поймут, что забывать свою национальность – то же, что отделяться от своего семейства, многие захотят воротиться к ней, но уже нельзя будет, они будут отделены от нее целою пропастью. В наш век народы берут все не по силам; время единого пастыря и единого стада еще далеко от нас отстоит. Признаюсь, что говоря так, я часто противоречу собственному убеждению в неизбежности случающегося. Но! Я слишком проникнут любовью к народной поэзии, и куда денется она, когда исчезнут отдельные национальности? В наш век, при той отвлеченности, которая еще служит характером идей, успех гораздо доступнее народам, потерявшим свою национальность. Но, не увлекаясь дальнейшими рассуждениями, возвращусь к рассказу о нашей жизни в Германии.

Я прожил сначала две недели с женой в Эмсе. Все воды имеют в Германии один характер: тот же *kurhaus*, *kursaal*, более или менее великолепные колоннады для гуляющих, ряды домов с различными своими названиями, музыка почти всегда хорошая, потом большею частью дурная погода, – эти принадлежности всех вод достались и Эмсу. Жизнь на

водах проходить доволно незаметно, потому что весь день обыкновенно занят. Знакомств мы много не делали, ограничившись только одним семейством И. Д. Муханова с женой. В Париже мы с ними опять съехались и, наконец, и теперь, в Ницце, делим вместе время.

Эмс состоит из длинного ряда красиво выкрашенных домов, расположенных в глубокой долине, по которой протекает Лаана¹. Горы с обеих сторон или, скорее, со всех сторон, высоки, круты и покрыты однообразным мелким лесом, по ним сделаны дорожки для прогулок, и всегда стоят множество ослов с хорошими седлами, готовые для охотников, только что их нельзя брать, как здесь или в Италии, без проводников, а за каждым идет здоровый работник в блузе и провожает по таксе, весьма дорогой. Со всех вершин почти один и тот же вид: Эмс и горы однообразные, без площадей, без скал и без воды.

Переехавши в Швальбах, я сначала очень скучал, не имея ни души знакомых. Дурная погода мешала мне обходить окрестности, а в Швальбахе это единственное средство развлечения. Город Langer-Schwalbach действительно необыкновенно длинную улицу² тянется по узкой долине, окруженной доволно отлогими и хорошо обработанными холмами. Климат в нем так суров от возвышенного положения, что не позволяет обработки винограда, как в Эмсе, но зато окрестности его гораздо более мне нравятся. Особенно в вершине долины есть множество прекрасных яров, окруженных хорошим лесом, в котором можно еще находить площадки с великолепными старыми деревьями, что делается очень редко в Германии. В этих уединенных швальбахских ярах прогулки очень приятны, хотя и там царствует общий недостаток природы Запад[ной] Европы: почти совершенное отсутствие птиц, столь оживляющих наши чудные украинские рощи и поля. На Западе человек совершенно поработил природу, и ей негде более свободно развернуться; самые дикие скалы, ущелья – все стоит пусто; везде человек пришел уничтожить всякие следы первобытных их жителей. Еще недавно в больших лесах сохранялось, благодаря законам об охотах, много диких коз, зайцев и разной дичи, но в знаменитый 1848 год народ захватил леса в свое свободное распоряжение, и в два месяца леса опустели. Одних диких коз было убиваемо столько, что им не было никакой цены.

В Швальбахе все общество почти состояло из немцев, англичан было доволно мало. За *table d'hôte* в Alles-Saal³ мне было очень скучно сидеть между крикуньями-немками, которые, кажется, еще перещеголяли своих немцев неизящностью разговора, резкостью голоса и безвкусицей одежды. Слава Богу, на свете мало народов, которых обращение, язык

¹ Річка Лан.

² Langen-Schwalbach у перекладі з нім. – Довгий Швальбах.

³ Загальна зала (нім.).

и самые лица были [бы] так неизящны. При этом еще с некоторого времени немцы взяли привычку мешать в свой язык французские слова, которые делаются совершенною карикатурою и отымают у немецкого языка последнее его достоинство – оригинальность. Через несколько дней после моего приезда я заметил перемену моего соседа за столом, я взглянул на него и увидел тотчас, что он не немец. Он, в свою очередь, посмотрел на меня и заговорил со мною по-французски, хотя до того он и не слышал от меня ни одного слова ни на каком языке. Он мне признался после, что он тотчас узнал во мне славянина, за что я его впоследствии несколько раз благодарил. Это был поляк Helcel de Sternstine – так писался он на карточках, чтобы отнять у своего имени, которое немецкого происхождения (Helcel von Sternstein), как можно более немецкого корня. Мы с ним завязали знакомство, которое мне доставляло много истинного наслаждения. С этим умным ученым и добрым человеком тем более легко было сойтись, что он, хотя поляк, но прежде всего – славянин, и не питает к нам той закоренелой и слепой ненависти, которая отличает этих наших западных братьев. У него прекрасный и светлый взгляд на вещи, хотя и грустный, и безнадежный в отношении славянства. Признаюсь, что мы, прежде всего, сошлись с ним в общих наших нападениях на немцев, в чем, впрочем, всегда сходятся славяне. В длинных наших прогулках по окрестностям Швальбаха много и современного, и прошедшего было предметом наших разговоров. Он мне рассказывал разные подробности о знаменитом Славянском съезде в Праге¹, в котором он участвовал. Вот главное, что я мог почерпнуть из его разговоров. С самого начала съезду уже был во всем обществе основной недостаток – несогласие между племенами славянскими; несогласие, происходившее не от старых племенных ненавистей, которые в это торжественное время почти изгладились, а от совершенно различного образа взгляда разных славян на один и тот же вопрос. Чехи, с их ученостью и отвлеченностью, показывали самое грубое незнание политических отношений европейских государств; все их теории тотчас же разрушались, как вышедшие из кабинетных занятий, чуждых практической жизни. Поляки по положению своему оставались закоренелыми западниками и этим самым наносили вредные удары зданию славянства. Сербы, хорваты, лужичане развернулись во всей пылкости своих буйных страстей, их беседы похожи были на сражение, их разговоры – на какой-то приступ, и из всего этого выходило очень мало истинного плода. Самое большое затруднение, в самом корне славянского вопроса, каждый славянин это невольно чувствовал, – была Россия. Не признавать ее, не давать ей первого места в великом вопросе славянства невозможно, между тем политические обстоятельства требовали совершенно оставить ее в стороне, забыть

¹ Слов'янський з'їзд відбувався у Празі з 2 по 12 червня 1848 р.

ее на время, но как это сделать? Возможно ли оно? Из этого выходила неполнота всего вопроса. Такова уж их судьба. Не менее того, почти все то, что они могли сделать, они сделали: славяне получили свое значение и уже не потеряют его. Гельцель в отношении славянского вопроса так обескуражен, что перестает даже верить в нашу будущую жизнь. «Есть, – говорил он мне часто, – в природе некоторые животные, которые сами себя уничтожают и всегда бессильны против других. Взгляните на всю историю славянских народов – и не то ли же самое вы увидите. Славянские племена от начала и до сих пор в непримиримой борьбе между собою раздирают, уничтожают друг друга. Мало того, никогда какое-либо славянское племя не показывало такого мужества, геройства и вообще твердого сопротивления при встречах с совершенно чуждыми племенами, как оно всегда являло в борьбе с племенами единокровными. Искони имея какую-то способность подчиняться чуждому влиянию почти без сопротивления, племена славянские всегда были, да и до сих пор готовы раздирать друг друга с остервенением, выдавать один другого чуждому врагу и всегда скорее соединяться с чужим против своего, нежели с своим против чужого». За сим следовало множество исторических фактов, подтверждавших его безнадежную мысль. Несмотря на то, что я в душе никогда не верил этим грустным выводам, но невольно становилось страшно и мрачно в сердце, тем более, что последние происшествия не опровергают слов Гельцеля довольно сильно: в недавних движениях славянских много ли видно истинного участия масс, истинного сознания нашего общего братства в народе, а между тем как хлопочут политики и ученые, онемечение не делает ли по-прежнему успехов своих? Несмотря на все это, иначе верит сердце, другое видит рассудок в нашем будущем, и я всегда убеждал Гельцеля в том, что его чувства суть не что иное, как влияние времени на его больную душу. Кроме того, Гельцель много рассказывал мне интересного о Кракове – это его отечество. Он – из благородной краковской фамилии, которая, впрочем, лет 150 назад вышла из Саксонии. Отец его еще живой разделил своих сыновей, кому достались недвижимые имения, а ему – капитал. С тех пор, как Краков потерял свою независимость¹, и поприще гражданской службы для отечества закрылось для краковцев, Гельцелю, как человеку ученому, предложили кафедру в тамошнем университете, и он выбрал предмет, доселе мало еще обработанный, – историю права у поляков. В Швальбахе была также его жена – набожная и, кажется, добрая полька. Гельцель гораздо более любил общество, нежели я, а потому мы вместе с ним составили себе круг знакомства, маленькое общество, которое имело свои оригинальности и служило предметом рассеяния. Это были: Frau von Reiss из

¹ Краківська республіка існувала в 1815–1846 рр. Після придушення Краківського повстання 1846 р. вона була приєднана до Австрійської імперії.

Берлина с тремя своими дочерьми. Они – закоренелые аристократы и с этой точки зрения рассказывали много подробностей о берлинских происшествиях. Дочери – совершенные немки, старшая и вторая – не дурны и не лишены чего-то милого, пока не заговорят, но как начнут свои восклицания: «Ach, nein! Ach, das ist ja gâr charmant»¹ и т. п. громким и протяжным тоном, то все признаки грации исчезают. Меньшая называлась Roma Vesuvia – имя, данное при крещении (разумеется, лютеранском), в память их путешествия по Италии, отчего после этого не назвать дочери Женовой или Решетилровкой; протестанты начинают оставлять самые имена, принадлежащие преданиям христианским. Другие два семейства были: барон Парпарт с женой, богатые люди, и Эйхель – рыжий немец, негоциант, пресмешно говоривший по-французски с своею матерью и невесткой, довольно хорошенькой. Мы делали все вместе поездки в Adolfseck, Hohenstein² и другие живописные окрестности Швальбаха. Schlungenbad недалеко от Швальбаха, где также есть воды или, скорее, ванны, прекрасно и, можно сказать, со вкусом расположен в приятной долине; во все эти места направлены обыкновенно...

ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 6871. Арк. 1–12 зв.
Друкється вперше.

¹ О, ні! О, це цілком шарман (нім.).

² Замки Адольфсек і Хоенштайн.

Розділ 2. Григорій та Катерина Галагани: листування з родичами

§ 1. «Дуже сумно і за своїми, і за батьківщиною»: з листування Г. Галагана з О. Кочубеєм, 1850–1851 рр.

Остенд. 30 августа / 11-го сентября 1850.

Поздравляю Вас, любезнейший и добрейший дяденька, с сегодняшним днем Ваших именин; дай Бог нам всем встречать этот день много лет вместе с Вами и видеть Вас здоровым и веселым. На сей раз мы сегодня, более чем когда-нибудь, чувствуем около себя пустоту и утешаемся, лишь только переносясь воображением в Кунашевку, где, я надеюсь, собраны теперь все наши милые родные, а мы между тем очень удалены от Вас. Что же делать, этого потребовали обстоятельства, и, так как, слава Богу, здоровье нашей Катеньки идет, кажется, к лучшему, то мы можем, по крайней мере, утешать себя мыслью, что не напрасно лишаем себя удовольствия проводить время с Вами. Сейчас встали мы из-за стола и, так как солнце в Кунашевке восходит раньше, чем в Остенде, то, несмотря на наш ранний обед, мы, я думаю, пили за ваше здоровье в то же время, как это делали в Кунашевке все наши родные и все собравшиеся к вам борзенцы. Вы, верно, вспомнили и о нас, хотя еще не знали, где мы находимся, благодаря почте, которой медленность может даже иногда быть пагубною. Вообразите себе, что письма наши от берегов Рейна до Прилуки находятся 16 дней в дороге, и между тем по штемпелям видно, что по Германии они идут очень скоро, и что все задержки происходят у нас; между тем как на Рейне же получают письма из Америки на 12-й день. Вот неделя, как мы в Остенде, где оба берем морские ванны: Катенька – по предписанию боннского доктора Килиана¹, а я – потому что эти ванны ни в каком случае навредить не могут, а скорее могут принести пользу, если их употреблять осторожно. Катенька восхищена морем, и мне всегда надобно напоминать ей во время наших прогулок на каменной плотине или на песках, что пора идти домой и отложить на завтра удовольствие дальнейшего созерцания моря. Впрочем, я сам очень люблю Океан, который уже мне знаком; вид его никогда не может надоесть глазу; иногда море так хорошо, что почти лучше наших полтавских степей. Из писем Катеньки Вы, вероятно, уже знаете, как мы проводили время в Германии: отчасти – на водах, отчасти – в Бонне и вообще на Рейне. Что сказать Вам о Германии? В отношении материальном нового, кроме железных дорог, с каждым годом увеличивающихся, довольно мало; в отношении нравственном я нашел много нового или, по крайней мере, нового для Германии, – это либеральность,

¹ Г. Ф. Кіліан був акушером і гінекологом. К. В. Галаган (молодша) лікувалася у нього від безпліддя.

которая вовсе не идет немцам, а между тем слишком часто выказывается. Политические обстоятельства Германии слишком вам известны из журналов, и о них нечего Вам говорить. Скажу, впрочем, что знаменитый Лондонский протокол о Шлезвиг-Голштейне произвел ужасный эффект и сильное негодование в Германии. Смешно видеть, как немцы злятся, видя, что разрушаются их ошибочные планы и надежды. Да! Немцы во все не те, которых я оставил 1843 году в спокойной тогда Германии, и надобно признаться, что они сделались гораздо менее интересны. Зато теперь мы находимся в стране мирной, довольной и в полной мере цветущей; я второй раз вижу Бельгию и не могу не восхищаться богатством ее городов, довольством ее прекрасных сел и превосходною обделкою ее полей, похожих скорее на сады. Мы намерены по окончании морских ванн съездить отсюда в Англию; мы оба очень любопытны видеть эту страну, которая в отношении многого служит примером всей Европе; надеюсь иметь перед собой довольно времени, чтобы осмотреть Лондон и хоть несколько парков из его окрестностей; в последних, может быть, удастся кое-чему поучиться. Хотя теперь вовсе не блестящее время года для Лондона, но делать нечего, всего соединить нельзя. Долее половины октября нам нельзя будет оставаться в Англии, потому что мы можем застать уже довольно большие снега на Альпах, которые нам нужно будет переезжать, отправляясь в Италию. Приехавши куда-нибудь на место после предполагаемой поездки в Англию, я непременно напишу Вам, добрейший дяденька, и надеюсь, что буду иметь, что сообщить Вам интересное. Между тем будем ожидать с нетерпением Вашего второго письма, которое, вероятно, обрадует нас известием о Вашем благополучном возвращении в столицу. Может быть, в нем будут несколько строк о последнем времени вашего пребывания в Малороссии, что мне доставит также много удовольствия. Так как Катенька хочет еще сказать вам в этом письме несколько слов, то я прекращаю свою болтовню, обнимая Вас от всей души и прося Вас покорнейше передать мой поклон нашим милым родным и верить в искреннейшей любви от всего сердца преданного Вам племянника.

Григорий Галаган.

Приписка К. В. Галаган (молодшої).

Je vous félicite de tout mon coeur, cher et bien excellens Oncle, et vous prie de recevoir l'expression de tous les voeux, que je forme pour vous, pour votre bonheur et votre prospérité, j'ai bien pensé à vous aujourd'hui, nous avons bu a votre santé en nous transportant en idée à Kounachovka, où nous aurions tant désiré être, mon mari et moi, pour vous embrasser et vous adresser nos félicitations et nos souhaits les plus sincères de vive vois. Je ne sais si vous avez reçu ma lettre du 23, je l'ai adressé à Kounachovka mais je crois qu'il a ne vous y a plus trouve.

Je vous remercie mille et mille fois pour votre bonne lettre, qui m'a fait un bien grand plaisir, je vous écrirai ces jours ci absolument aujourd'hui j'ai peur de tarder à la poste et voilà pource que je m'ajoute que quelques lignes à la lettre de mon mari. Adieu, cher Oncle, je vous embrasse avec toute l'affection de mon âme. Votre toute dévouée nièce C[atherine].¹

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 11083. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Від усього серця вітаю Вас, дорогий і високоповажний дядечко, і прошу прийняти найщиріші побажання, які я роблю Вам, для Вашого щастя і Вашого процвітання, я думала сьогодні про Вас, ми пили за Ваше здоров'я, подумки переносячись до Кунашівки, де ми так хотіли бути, мій чоловік і я, щоб обійняти Вас і передати Вам наші привітання і наші найщиріші побажання. Я не знаю, чи одержали Ви мого листа від 23-го числа, я його відправила до Кунашівки, але побоююсь, що воно Вас там не застало. Я вдячна Вам дуже-дуже за Ваш добрий лист, що приніс мені величезну втіху, я опишу Вам ці дні неодмінно сьогодні, я побоююсь затримки пошти і тому додаю декілька рядків до листа мого чоловіка. Прощавайте, любий дядечко, обнімаю Вас від усієї душі. Ваша найвідданіша небога Катерина (фр.).

Париж, 17/29 октября [1850 г.]

Завтра отправляется отсюда курьер здешнего посольства в Петербург, и нам обещают доставить через него в Россию портрет дагерротипный, который мы посылаем матушке. Мы взяли смелость адресовать эту посылку на Ваше имя, и я обращаюсь к Вам, любезнейший дяденька, с покорнейшею просьбою переслать этот портрет по почте в Прилуку. Я много виноват перед Вами, добрейший дяденька, что давно к Вам не писал. Будучи в Лондоне, я никак не успел доставить самому себе истинное наслаждение побеседовать с Вами о Лондоне и Англии – предметах, сколько я знаю, Вас очень интересующих. Вчера минуло две недели, как мы в Париже, где проводим время очень рассеянно. Как ни любопытен я везде видеть замечательное, но в Париже я замечаю, что осмотры зданий, галерей и памятников идут у меня довольно лениво; невольная дань, которую мы платим театрам, магазинам, бульварам, отымает много времени от серьезных осмотров. Что же делать? И тут есть много места для самых интересных наблюдений, изучений нравов. Лондон и Париж так полны жизни настоящей, что прошедшее в них стоит на весьма отдаленном плане, не то, что в Италии, где сами жители живут прошедшим временем. Поездки, подобные тем, которые мы теперь делаем, вовсе не входили в план нашего лечения, но мы считаем их заслуженными после такого долгого времени, усердно посвященного одному лечению. Одна из причин, почему я вам давно не писал, было также ожидание Вашего письма, которым Вы обещали нас подарить по приезде Вашем в Петербург. С нетерпением ожидаем мы узнать от Вас, что Вы благополучно возвратились в столицу. Матушка писала мне, что она была у Вас в Кунашевке; мне отрадно, что хоть она за нас побыла с Вами в день Ваших именин. Надеюсь, что в будущем году мы не будем лишены наслаждения быть с Вами в Кунашевке. Как ни приятны и Лондон, и Париж, как ни завлекательна Италия, в которую мы на днях намерены отправиться, а очень грустно и по своим, и по родине, особенно при мысли, что разве в конце будущего апреля Бог поможет возвратиться домой. Одно утешает нас, что, может быть, таки Бог даст, что наши лишения будут не напрасны: нашей Катеньке, слава Богу, гораздо лучше, и мы, кажется, попали на хорошего доктора, к которому опять едем завтра в Бонн, где оставили карету. Оттуда я надеюсь Вам опять написать, а до тех пор – до свидания, любезнейший дяденька, дай Бог, чтобы это письмо застало вас здоровым. Обнимаю Вас от всей души и остаюсь навсегда от всего сердца преданный Вам племянник,

Григорий Галаган.

Приписка К. В. Галаган (молодшої).

Je ne veux pas laisser passer cette occasion, cher et bien excellent oncle sans vous écrire au moins quelques mots et vous embrasser en idée avec toute l'affection de mon âme, vous m'excuserez si je ne vous écris que

quelques lignes je me dépêche (dépêche) beaucoup car le courrier va partir et je n'ai le temps que de vous embrasser encore une fois de tout mon cœur et de vous dire que je pense bien souvent à vous cher et excellent oncle. Dans quelques jours, nous saurons pour sur ou nous partons l'hiver et je m'empresserai aussitôt de vous en faire part. Dans tous les cas je ne crois pas que nous retournions en Petite Russie, car la saison est trop avancée.

Adieu, cher et bien excellent oncle, pensez quelques fois à une nièce qui vous aime avec toute la puissance de son âme.

Votre toute dévouée nièce

Catherine.

J'embrasse tendrement mes oncles et Basile, ma tante et Hélène si elles sont déjà à Petersbourg.¹

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 992. Арк. 126–127 зв.

Друкується вперше.

¹ Я не хочу втратити нагоди, дорогий і високоповажний дядечко, написати Вам хоча б декілька слів і подумки обійняти Вас з усією любов'ю моєї душі, Ви пробачте мені, якщо я напишу Вам поспіхом лише декілька рядків, оскільки пошта має відправлятися і я маю час тільки на те, аби знову Вас поцілувати від усього серця і сказати, що я часто думаю про Вас, дорогий і високоповажний дядечко. Через декілька днів ми точно знатимемо, куди ми поїдемо взимку, і я поквалюся розповісти Вам про це. У будь-якому випадку, я не думаю, що ми повернемося до Малоросії, бо курс лікування надто затягнувся. Прощавайте, дорогий і високоповажний дядечко, думайте інколи про свою небогу, котра любить Вас усіма силами своєї душі. Ваша віддана племінниця Катерина. Я ніжно цілую моїх дядечків і Василя, мою тітоньку і Олену, якщо вони уже в Петербурзі (фр.).

Ницца, 14/26 ноября 1850 г.

Много виноват перед Вами, любезнейший и добрейший дяденька, что так давно не писал к Вам. Сначала ожидание Вашего письма, а потом дорожные хлопоты на нашем длинном пути были этому причиною. Верьте, что для меня истинное лишение долго не беседовать с Вами, а потому я с особенным удовольствием берусь за перо, чтобы передать Вам что-нибудь о нашем житье-бытье, которое изменяется часто по мере изменения места. До сих пор наша жизнь в чужих краях была несколько беспокойная: первые три месяца были посвящены исключительно лечению, потом близость к Лондону и Парижу соблазнила нас, и мы сделались туристами, неумоимо осматривая новые для нас места. Потом, ехавши в Италию, мы должны были из Парижа заезжать в Германию, как для того, чтобы еще раз поговорить с доктором Килианом, так и потому, что в Бонне мы оставляли нашу карету, которая теперь для нас столько же необходима, сколько была нам в тягость по железным дорогам Западной Европы. Наконец, после долгого и утомительного пути через Швейцарию и часть Франции, где природа уже утратила всю свою красоту, и морозы начали сильно напоминать Север, мы добрались до теплого уголка и тут, на вечно цветущем берегу голубого моря, думаем в первый раз после выезда из дому пожить совершенно спокойно и отдохнуть от лечений и поездок. Юг очень понравился Катеньке, да и кому он может не нравиться! Иных он даже слишком завлекает, но этого не может случиться с нами, потому что, как ни пленителен Юг, а нам все так же скучно без своих близких и без дому. Нас очень беспокоит неполучение писем; мы рассчитывали, что застанем их здесь целую кучу, а между тем до сих пор нет ни одного.

Ницца в этом году очень полна иностранцами, также, как и почти вся Италия. То, что мы встречали на водах и морских ваннах, то же преследует нас и на Юге: нам суждено всегда составлять собою часть огромной толпы путешественников, которая, будучи задержана в продолжении двух лет революциями и войнами, стремится теперь с алчностью воротить потерянное время. Нас уверяли, что в эту осень по одной лишь Авиньонской дороге, ведущей в Италию, проехало более 3 х тысяч экипажей, и все на Юг. Англичан, как и везде, очень много в Ницце, но, кажется, что и русских достаточно для составления отдельного общества, до сих пор можно их насчитать семейств до 15-ти, в том числе и мин[истр] юстиции гр. Панин. Нам очень было трудно найти квартиру, но, однако, посчастливилось отыскать, хотя немного отдаленную от центра, но зато с восхитительным видом на море и на берега, покрытые померанцовыми садами. Ноябрь и здесь даже неблагоприятный месяц для садов, однако магнолия, розы и рододендрум в полном цвету.

Будучи в Париже, мы сделали с себя для матушки дагерротипные портреты на одной доске, и нам обещали их переслать в Петербург через

кур'єра от посольства. Я взял смелость адресовать эту посылку на Ваше имя и приложил письмо, в котором прошу Вас быть так добру и переслать этот портрет в Прилуку к матушке. Повторяю здесь мою просьбу, хотя и не знаю, сдержали ли слово обещавшие переслать эту вещь из Парижа.

С нетерпением будем ждать Ваших писем, любезнейший дяденька. Бог знает только, скоро ли они дойдут до нас в такой далекий край. Обнимаю Вас, добрейший дяденька, от всего любящего Вас сердца. Думайте иногда о Ваших племянниках, я уверен, что Ваши желания о нашем счастье будут услышаны. Остаюсь всею душою преданный и покорный Ваш племянник

Григорий Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 11084. 2 арк.
Друкується вперше.

Ницца, 3/15 января 1851 г.

Поздравляю Вас, любезнейший и добрейший дяденька, с наступившим новым годом, который я от всей глубины многолюбящего Вас сердца желаю Вам провести в совершенном здоровье и окруженным многими радостями и утешениями. Дай Бог, чтобы нам в этот год побольше видеться с Вами в нашей Украине и там хоть немного вознаградить скуку, которую мы терпим от долгой разлуки с Вами и всеми нашими добрыми родными. Надеюсь, что ничто не нарушило радостей Вашего семейного круга при встрече нового года. За недостатком семейства или родных мы этот год встретили в маленьком обществе некоторых из наших соотечественников. 9 лет назад, я помню, как Васильчиковы собрали в этот день всех русских и этим оживили вступление в новый год. Теперь этого никто не сделал, потому что русских семейств здесь хоть и много, но, по разным причинам, они между собою очень раздельны и составляют несколько кругов, вовсе между собою незнакомых. Вообще, кстати, об обществе должно сказать, что оно в этом году и между англичанами и французами далеко не так избранно и приятно, как было в ту зиму, которой часть я провел здесь с матушкой. Это много происходит и оттого, что все, пользуясь миром, за которого продолжительность нельзя ручаться, поехали вовнутрь Италии, и теперь Рим и Неаполь собирают с иностранцев богатую жатву за два голодных года. Из русских, вам знакомых, здесь гр. Кутузов, женатый на Рибопьер, кн. Голицын, жен[атый] на Толстой, и граф Панин; последний, кажется, очень недоволен Ниццей, которой климат оказывается вреден для его жены, и собирается ехать. Климат здешний, в самом деле, как ни хорош, но далеко не на всех имеет одинаково полезное влияние, мы видим этот пример и на себе. Дай Бог мне быть всегда таким здоровым, как я себя чувствую здесь. Постоянная теплота, часто даже жар здешнего солнца действуют весьма хорошо на весь мой организм, и даже на темперамент. Напротив того, для Катеньки это оказывается вовсе бесполезно, она чувствует волнение в крови и головокружения. Если бы нам пришлось здесь долго жить, то можно бы бояться за вредные последствия здешнего климата, но мы собираемся ехать в Рим, где, хотя также тепло, но климат не такой возбуждающий, и чистый ветер умеряет солнечный жар. Катенька с большим нетерпением ожидает видеть Италию, а я очень люблю обязанность чичерона, и потому мы оба рады предстоящему путешествию. Мы хотим ехать à petites journées¹ с ветурином до Генуи, а оттуда таким же образом – до Пизы, от которой уже готова железная дорога до Флоренции, где мы намерены пробыть недели две. Дорога от Генуи до Пизы через Лукку мне неизвестна; говорят, что она очень хороша, и притом мне хочется остановиться в Карраре: может быть, закажу там что-нибудь. В

¹ Незабаром (фр.).

Италии до сих пор спокойно, хоть это спокойствие и непрочно, но можно надеяться, что оно еще не так скоро будет нарушено. В Неаполь мы не едем: времени остается мало для таких переездов; мы бы туда поехали, если бы могли съехаться там с Львом Викторовичем и сестрами, но, к сожалению, они едут в Париж, и, вероятно, в чужих краях мы не встретимся. Желательно бы было, чтобы Лев Викторович, посоветовавшись с хорошими докторами в Париже, не оставался бы там надолго. Сколько я понимаю, лучшее для него средство было бы совершенное изменение вредного рода жизни, которую он ведет, а этого в Париже он не достанет.

Давно не получали мы от Вас писем, любезнейший дяденька, и если Вы захотите нас подарить Вашим письмом, то прошу Вас адресовать его в Рим *poste restante* и потрудиться передать этот адрес тётеньке.

Мы уже с большим наслаждением подумываем о нашем возвратном пути; я надеюсь в мае месяце быть уже на родине. Не знаю, что будет с моею службою, как распорядится без меня дворянство¹. Мне пишет из Борзны мой секретарь, что уездные выборы назначены в феврале, а губернские – в мае; не понимаю цели подобного разделения. Потрудитесь, любезнейший дяденька, передать мое поздравление с новым годом дядюшкам Дамиану Васильевичу и Аркадию Васильевичу, последнего мы надеемся скоро поздравить с милой невесткой².

Позвольте Вас крепко обнять, милый дяденька, с новым повторением моих желаний Вам всего доброго. Остаюсь навсегда от всего сердца преданный Ваш племянник

Григорий Галаган.

Бес счету раз благодарю Вас за Ваше попечение о моем деле.

Приписка на полях. Катенька обнимает Вас, она писала на днях к дяденьке Дамиану Васильевичу.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 11.085. 2 арк.
Друкуються вперше.

¹ На той час Г. П. Галаган обіймав посаду борзненського повітового предводителя дворянства.

² 14 січня 1851 р. Петро Аркадійович Кочубей, син А. В. Кочубея, взяв шлюбу з графінею Варварою Олександрівною Кушелевою-Безбородько.

Рим, 9/21 марта 1851 года.

Третьего дня получил я письмо от матушки, в котором она мне пишет об окончании нашего дела, а потому спешу от всей души благодарить Вас, любезнейший и добрейший дяденька, за участие и хлопоты, которые Вы так были добры и взяли на себя¹. Как ни справедливо было это дело, а нет сомнения, что оно бы стоило нам множества хлопот и разного рода неприятностей, если бы Вы, по Вашей доброте и истинно родственной любви к нам, не помогли Вашими советами и заботами. Не нахожу слов, чтобы благодарить Вас за ваше участие. Когда, даст Бог, увидимся, что, надеюсь, будет в июне месяце, то поговорим с Вами о дальнейшем, что следует мне еще сделать. Катенька недавно писала к Вам, а потому, вероятно, Вам известны все наши дальнейшие намерения в отношении нашего путешествия. Если ничто нам не помешает, то мы думаем через неделю оставить Рим и ехать до Флоренции сухим путем, а далее до Генуи или до Ниццы, если погода будет благоприятствовать, то, может быть, решимся ехать морем для сокращения пути и чтобы выиграть побольше времени, иначе довольно трудно нам будет поспеть к Пасхе в Париж, а проводить величайший праздник в году в дороге крайне неприятно. Здесь, в Риме, мы с утра до вечера заняты поездками, прогулками и осмотром всех здешних чудес. В письме моем к дядюшке Дамиану Васильевичу я постарался описать теперешнее состояние Рима, оно очень неутешительно, но мы путешественники-эгоисты, нам прежде всего надобно живописное, изящное, и мы скоро забываем о всех неурядицах, нас окружающих. Мы застали здесь, в Риме, совершенную весну: воздух полон аромата и упоительной теплоты, в зеленеющей пустыне, окружающей Рим, слышны пения множества птиц, и особенно нашего родного жаворонка, который, может быть, теперь прилетел и на украинские поля. Несмотря на все красоты Рима, я с большим нетерпением думаю о возвращении на родину, – мне скучно и без своих, и без занятий. Не знаю, каково пойдут сии последние; по всем вероятностям в них будет большое изменение: сколько я знаю, в должность предводителя нельзя выбирать заочно, и так как я к выборам не могу поспеть, то, вероятно, этим и окончится моя служба на этот раз². Хотя и жалко, что она таким образом прервется, но что же делать, у меня столько занятий дома, что дай Бог, чтобы и для них стало и времени, и сил. Кстати о службе: у меня есть к Вам, любезнейший дяденька, покорнейшая просьба. Если это возможно, то окажите, прошу Вас, некоторое покровительство моему пись-

¹ Йдеться про завершення тривалої судової тяжби Галаганів з Трифановськими через мастки у Лебединці та Срібному, землі яких межували між собою. С. М. Трифановський, котрому належав масток у Срібному, мав претензії на частину угідь Лебединця, а також на врожай 1841 р., зібраний спільно лебединецькими і срібнянськими селянами. О. В. Кочубей сприяв остаточному завершенню цієї справи у Сенаті на користь Галаганів. Ця тяжба була важливою темою у листуванні Г. П. Галагана з О. В. Кочубеем. (ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 992).

² У 1851 р. Г. П. Галаган був обраний совісним суддею Чернігівської губернії.

моводителю Щербине. Он, с моего согласия, оставил мою канцелярию и хочет продолжать службу в Петербурге; может быть, он уже взял смелость к Вам явиться. Я потому решаюсь об этом Вас беспокоить, что знаю, как Вы много оказываете покровительства тем, кто в нем нуждается. Щербина очень хорошо исправлял должность письмоводителя, и он человек честный и усердный, хотя мне и не хотелось его отпускать от себя, но что же делать, надобно ему дать дорогу на поприще службы в Петербурге, куда стремится все наше юношество. Этою просьбою окончу мое письмо, любезнейший и добрейший дяденька, позвольте Вас обнять от всего любящего Вас сердца. Дай Бог нам скорее с Вами увидеться, а особенно видеть Вас в совершенном здоровье и по-прежнему окруженным всеми нашими добрейшими родными.

Остаюсь от всей души преданный и покорный Вам племянник,

Григорий Галаган.

P. S. По странному устройству здешних почт (римских) нельзя афраншировать письма за границу.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 11086. 2 арк.

Друкується вперше.

**§ 2. «Я в такому захваті від моря, що насили від нього віддаляюся...»:
листи Катерини Галаган (молодшої) свекрусі, 1850 р.**

Остенд. 3/15 сентября 1850.

Благодарю Вас много раз, милая и добрая маменька, за письмецо Ваше, которое я на днях получила и которое доставило мне много удовольствия и наслаждения. Вы не поверите, какое для нас счастье получить от Вас известие, от всей души молю Бога, чтобы Вы совершенно были здоровы и благополучны, и чтобы чаще получать от вас известия – это единственная отрада и утешение в разлуке с Вами. Грустно, очень грустно быть так далеко от Вас, мы часто переселяемся мыслью в милые Сокиренцы, где осталось столько близких нашему сердцу, и ужасно вспомнить, что такое большое расстояние разделяет нас, дай Бог только, чтобы Вы были совершенно здоровы, – это постоянная молитва моя и искреннейшее мое желание.

Вот уже скоро две недели, как мы здесь, и мы уже одиннадцать раз купались в море. Я нахожу в этом большое удовольствие, особенно приятно, когда волны сильны, первые два раза, когда я входила в воду, у меня дух захватывало, но теперь не чувствую этого более. Я не остаюсь никогда более трех минут в море. Доктор говорит, что это для меня достаточно, а долее оставаться было бы вредно. Выходя из воды, мы ходим очень скоро, чтобы согреться, потому что в море не более 13 градусов, а потом возвращаемся домой. Вообще мы здесь очень много ходим, почти целый день на ногах, я в таком восторге от моря, что с трудом от него удаляюсь. Беспреданно новая картина перед глазами: то вдруг подымутся волны ярко-зеленого цвета, – вечно неизменная красота, хотя и переменяет свой вид, и потом воздух так чист на берегу моря, что я всегда чувствую себя лучше, здоровее, когда дышу им. Этот воздух имеет в себе что-то живительное, и я уверена, что морские ванны и вообще пребывание наше здесь сделает нам обоим большую пользу. Одному Богу все известно, но доктор уверяет меня, что после морских ванн я могу считать себя совершенно здоровою, и, может быть, если Милосердному Богу будет угодно, наше и Ваше желание, может быть, со временем осуществится¹.

Отсюда мы думаем съездить в Лондон дней на десять, я очень любопытна видеть Англию, досадно только, что надобно ехать морем, я уверена, что я буду больна во все время переезда, хотя отсюда надобно всего пять часов до Дувра, но это покажется бесконечно. Мы здесь пробовали раз ездить в море на барке, менее часу были на воде, и то я возвратилась с довольно неприятным чувством, хотя тогда море было совершенно тихо, и барку едва качало, а на пароходе это будет еще го-

¹ Тобто у Катерини і Григорія Галаганів народиться дитина.

раздо чувствительнее. Но, приехавши в Лондон, где так много любопытного, чудного и интересного, все забудется.

Мар[ия] Вас[ильевна] Севастьянова была также здесь, вчера она поехала в Лондон повидаться с родными, старшую дочь оставила здесь, а двух детей взяла с собой. Я передала ей Ваш поклон, она поручила мне поблагодарить Вас за память о ней.

Прощайте, милая и бесценная маменька, обнимаю Вас и целую ручки Ваши тысячу раз. Молю Бога, чтобы Вы были совершенно здоровы. Grégoire, слава Богу, совершенно здоров, и я надеюсь, что морские ванны и морской воздух сделают ему большую пользу. Обнимаю Marie, Поля и деток. М-me Fischer кланяюсь усердно. Забыла сказать Вам, что во время отлива я всегда хожу по морскому песку, это, говорят, очень здорово, особенно превосходно тем, у которых золотуха.

Это вид того места, где мы купаемся.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 549. Арк. 17–18 зв.
Друкуються вперше.

Париж. 3/15 октября 1850.

Благодарю Вас тысячу раз, милая и добрая маменька, за оба письмаца Ваши, которые я застала в Остенде, куда мы нарочно заезжали, чтобы получить Ваши письма. Не могу выразить Вам, как письмо, в котором Вы так за меня беспокоитесь, тронуло меня, добрейшая маменька. От всей души еще раз благодарю Вас за все, что Вы мне пишете, я истинно счастлива Вашу нежною любовью ко мне, когда бы мне только уметь оправдать ее всегда. Я вполне убеждена, что Милосердный Бог услышал молитвы Ваши, милая маменька, и внушил нам адресоваться к Килиану, который сделал мне большую пользу. Я теперь чувствую себя совершенно хорошо, и Килиан, уезжая из Остенда, сказал мне, что во мне теперь ничего нет, что могло бы препятствовать иметь детей, опухоль совершенно исчезла, нарывчики зажили от прижиганий. Теперь все в воле Божией, – как ему будет угодно, так и будет. Надежда не покидает меня, и я полагаю ее на единого милосердного Бога, он один может послать нам то счастье, которого мы от него просим. Мои молитвы слишком недостойны, чтобы дойти до него, но он услышит Ваши усердные моления, – моления матери выше всего. Всякий раз, когда я об этом думаю, я покойнее, и надежда моя увеличивается. Один Бог знает, что для нас хорошо, и в этом, более чем в другом, полагаюсь на него, ничто не может сделаться без его всемогущей воли.

Получили ли Вы письма наши из Лондона, дошли ли они до Вас, потому что там об России знают меньше, чем об Австралии, и не могли нам на почте даже определительно сказать, в какие дни отходит почта в Россию, и мы боимся, чтобы письма эти не пропали и чтобы Вы не беспокоились, не получая от нас известия из Лондона. Этот раз переезд чрез море был короче, но гораздо неприятнее, качка была сильная. Слава Богу, что мы теперь на земле, и надеюсь, что не скоро придется ехать по морю, еще бы лучше, если б никогда. Я очень люблю смотреть на море, любоваться этим величественным зрелищем с берега, но ездить по морю чрезвычайно неприятно.

В Остенде мы просили, чтобы нам выслали письма сюда, и надеюсь, что сегодня или завтра получим от Вас известие, милая и добрейшая маменька, дай Бог, чтобы Вы были здоровы, от всей души молю об этом Бога.

Мы здесь останемся, я думаю, с неделю. Париж очень нравится Грегуару, мы собираемся завтра в Версаль, хотя я была там прежде несколько раз, но это такое замечательное и интересное место, что я с большим удовольствием увижу его опять.

Прощайте, милая и бесценная маменька, душевно обнимаю Вас и целую ручки Ваши тысячу раз.

Всей душой преданная и покорная
Вам дочь
Е. Галаган.

Обнимаю Marie, Поля и деток.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 549. Арк. 19–20 зв.
Друкується вперше.

Ницца. 11/23 ноября. 1850.

Grégoire описує Вам, милая и бесценная маменька, в письме своем все путешествие наше, которое было довольно продолжительно, и потому я не стану повторять, а поспешу сообщить Вам, что мы живем в прелестном месте, вид из наших окон восхитительный на море, тот же самый вид, которым Вы любовались, милая маменька, в продолжение нескольких месяцев. Сад у нас небольшой, но есть также померанцовые деревья, которые меня восхищают. Погода прекрасная, на солнце так же тепло, как у нас в мае месяце. Я в восторге от Ниццы: со всех сторон видны кипарисы, которые так хорошо рисуются на голубом небе, множество разных растений, которые у нас растут в оранжереях, здесь – на вольном воздухе. Все это чрезвычайно поражает, когда видишь это в первый раз, и я вперед предвижу, что я здесь ничего другого не буду делать, как гулять целый день, восхищаться морем, которое вечно хорошо, вечно восхитительно, и чудным небом, на котором нет ни одного облачка.

Сегодня пишу Вам очень мало, милая маменька, потому что Grégoire спешит скорее отнестись письмо на почту, он несколько дней Вам не писал и боится, чтоб Вы не беспокоились.

Вчера была у нас кормилица Грани, расспрашивала про всех и со слезами вспоминала о времени, которое провела у Вас. Прощайте, милая и добрая маменька, обнимаю Вас от всей души и целую ручки Ваши тысячу раз. Ожидаем с большим нетерпением от Вас писем, здесь еще не получили.

Приписка на полях. Всею душою преданная и покорная Вам дочь Е. Г. Обнимите, пожалуйста, за меня Marie, Поля и деток.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 549. Арк. 15–16 зв.
Друкується вперше.

ЧАСТИНА III

ПОДОРОЖІ 1861–1866 РОКІВ

Розділ 1. Катерина Галаган (старша): листування з сином. «Чим більше бачиш і помічаєш з увагою, тим більше вчишся», 1860–1861 рр.

№ 11.

Іюля 9/21, Дрезден, 1860 г.

Душечка мой, бесценный мой Гришуночик, 6-го рано утром приехали мы сюда, слава Богу, благополучно. Выехавши из Варшавы 5-го в 7 часов, 6 рано утром, в 5 часу, приехали сюда. 2 раза переменяли вагоны, что очень неприятно – переносить всю поклажу, но как мы брали 1-й номер, то сидели одни все пятеро в 6-мест[ном] вагоне. Ехали на прускую Силезию. Можно любоваться на прекрасную образованную страну Пруссию, все в ней хорошо, начиная с железной дороги: вагоны покойные, убраны даже с роскошью, места широкие, обиты бархатом, ехать очень покойно, станции великолепные. Местоположения прекрасные, частые и живописные селения, деятельность примерная, везде видно устройство, и, кажется, всякий доволен своим положением. Саксония хороша. Дрезден – патриархальный, и что прелестно, это множество садов и маленьких садиков среди города, прекрасно убранных. Не увидишь ни одного фиакра не вычищенно[го], так же и лошадей, все это сбережено, никто не тяготится трудом, бедности не увидишь, все прилично одето. Мы были намерены остаться в Дрездене не более 2-х дней, но сегодня 4-й уже. Наш Польш было немного занемог, нельзя было ехать. Теперь же, с помощью Божьею, наш добрый знакомый доктор Гедениус ему помог, и мы, если Богу угодно будет, завтра в 2 часа пополудни (так отходит поезд) выезжаем в Кисенген.

Что-то у вас делается, мое сокровище, мой душечка Гришуночек, здоровенький ли ты, мой кукуничка, здоровенькие ли все трое вы? Когда подумаю, что вы так далеко и что не скоро увижу вас, то тоска берет. Что делать? На милосердного Бога надеяться и молить Его, чтобы Он сохранил Вас от всех бед и напастей. Что-то у нас делается? Скучно ничего не знать. Когда-то милосердый Бог освободит тебя, мой душечка, от комитета¹ и возвратит здоровеньким в наши милые Сокиринцы? Боюсь я за петерб[ургский] климат для нашего бесценного Павлуняточко. Мы говорили с Гедениусом о бедненьких детях Петра Арк[адьевича] и о их лечении². Он

¹ У цей час Г. П. Галаган був членом Редакційних комісій, беручи участь у підготовці селянської реформи.

² Діти П. А. Кочубея, Олександр і Софія, померли на початку лютого 1860 р. Це були двоюрідні племінники К. В. Галаган (мол.). Вона писала про це у своїх спогадах: «Я отримала записку від Вар[вари] Олек[сандрівни] Кочубей, котра повідомляла мені, що двоє її дітей, напередодні зовсім здорові, захворіли на скарлатину; на той час лютувала ця хвороба в Петербурзі [...], через тиждень їх не стало...» (ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 95. Арк. 6 зв.).

говорит, что точно холодные ванны и лед даже к голове употребляют при злокачественном скарлатине, но обыкновенный не опасен. Надо только всевозможно беречь от простуды, держать в умеренной теплоты комнате. Но всего больше беречь по прошествии скарлатины, когда начинает сходить кожа, что не довольно иногда и 6 недель. Если время нетеплое на дворе – не выпускать из комнаты даже и после 6 недель еще несколько времени. Вот как эта болезнь серьезна. Милосердый Бог защитит нашего Павлуныточку от всех болезней. Что-то он теперь делает? Рисует ли, или больше на воздухе?

По моему расчету ты, мой душечка, получишь это письмо 15 июля, в день рождения нашего бесценного Павлунички, а потому поздравляю тебя, мое сокровище, и милую Катеньку. Пошли вам, милосердый Господи, радоваться его благополучным выростом и прекрасными качествами во всю жизнь вашу. Скажите ему, что я его поздравляю, много раз целую, молю Бога о его здоровье и благополучии, скажите, что мне очень жаль, что не лично его поздравляю и целую. До свидания, мой душечка бесценный кукуничка. Расцелую милую Катеньку, а тебя, мое сокровище, много-много – в губочки, щечки и глазки. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословию. Скажи мне, мой душечка, привезла ли тебе Катенька 6 фуляров, которые я тебе послала, не позабыла ли она их в Москве? Ты мне про них ничего не писал.

Мы здесь остановились в хорошей очень гостинице «Золотого Ангела», недорогой, но изобильной всем.

Дети¹ всех вас троих целуют. Граня вчера был в концерте на террасе.

Приписка М. П. Комаровської. Вот четвертый день, как мы в Дрездене, милый и добрый брат. Слава Богу, приехали сюда благополучно, но остались долее, чем думали, по причине нездоровья Поля. Теперь ему, слава Богу, лучше, и если будет возможно, то выедем завтра и через несколько часов можем быть в Киссингене. Маменька, слава Богу, здорова, путешествие, кажется, ее не утомляет. Здесь она много гуляет и ездит, восхищается Дрезденом, который, в самом деле, премилый город, и много украсился с тех пор, как мы его видели. Езда по железной дороге из Варшавы сюда превосходна, покойна, все устроено прекрасно. Города лучше, чем у нас, вообще во всем мы необыкновенно отстали. Это заметно на всяком шагу, и когда догоним?!

Нет больше места, а потому – прощай. Буду писать из Киссингена. Целую тебя, Catherine и Павлуся много раз.

Поль и дети вас обнимают.

¹ Граня і Катя Комаровські.

№ 12.

Іюля 11-го / 23, Дрезден, 1860 г.

Третього дня я писала к тебе, мое бесценное сокровище, Гришуночик мой, что мы выезжаем из Дрездена 10-го, но как не могли выехать, то, чтобы ты не беспокоился, не получая письмо от меня долго из Кисингена, опять пишу тебе, а между тем и себе доставляю удовольствие беседовать с тобою, мой Кукуненичка. Выезду нашему препятствовало здоровье Поля. Хотя это его обыкновенная болезнь, но он было сильно занемог. Теперь у него остается еще слабость, которая не позволяет пуститься в дорогу, а потому полагаю, что нам придется остаться здесь еще дня два. Полю советует доктор лечиться также в Кисингене, пить «Рагоци» и купаться. Кроме неприятности от болезни, нам то неприятно, что время теряется для леченья Машеньки. Но что делать? Видно, так Богу угодно. Я, не получая твоих писем, мой душечка, крепко скучаю, привыкла получать часто, трудно отвыкать. Я перечитываю твои письма, которых взяла с собою довольно много, чтобы читать по временам. Кажется, я все написала тебе о киевском доме насчет конюшни. Ты все-таки напиши к Мерингу и попроси. Я при нем говорила с инженером, и все, что он сказал, Меринг слышал, и я тебе написала. О сокиринской церкви я тебе писала, мой душечка, что трещинки есть, но что Червинский уверяет в безопасности¹ Даст Бог, сам увидишь и потолкуешь с Червинским или с кем другим. Кажется, я не писала тебе о наших певчих². Я была ими довольна, реент, кажется, учит хорошо, хотя, признаться, он не имеет много вкуса к музыке, но где же взять лучшего, хорошо и то, что он знает музыку и не пьет³. Мы иногда призывали певчих петь в комнатах, и они очень хорошо поют херувимские, очень хорошо «Чертог твой вижу, Спасе мой», также «Хвалите имя Господне». Ты, мой душечка, призывай их иногда что пропеть в доме, а больше из церковной музыки, это будет им поощрение, они очень довольны, когда их призывают. Климача, если только можно заменить кем для Песческой, то можно отпустить в Пески, потому что при конторе, говорил мне управляющий, что он вовсе не способен, а между тем лишний человек в доме, нам же надобно стараться как можно иметь меньше людей в доме. Как я входила подробно, то видела, как дорого обходится нам содержание двора, провизии не стаёт на двор, ее покупают, и дорого обходится. Дворовые же люди многие продают лишнюю провизию, и экономия всегда в

¹ Йдеться про Петропавлівську церкву в Сокиринцях, споруджену в 1854–1856 рр., освячену 1858 р. Будівництвом її опікувався архітектор Є. І. Червінський.

² Хор та оркестр у маетках Галаганів Сокиринці та Діптярі існували ще з кінця XVIII ст. Г. П. Галаган був великим шанувальником хорових співів і музики загалом. Див.: Кузьмін М. Забуті сторінки музичного життя Києва. К., 1972. С. 81–84. Хоровий колектив у Сокиринцях діяв до початку XX ст., його репертуар складався як з церковних, так і зі світських музичних творів.

³ Ймовірно, це був Т. П. Демков. А. І. Степович, котрий ріс у садибі Галаганів наприкінці 1850-х рр., згадував: «Сокиринським селянським хором Галагана за моїх часів керував великий знавець й любитель цієї справи Тит Петрович Демков...» (Державний музей театрального, музичного та кіномистецтва України. Р. 10840с. Арк. 2.).

долгу людям. Управляющий рассчитался с людьми – больше пятисот одной ржаной муки долгу, а другой разной провизии множество. Все это надо привести в порядок и лишнее уничтожить. Еще, мой душечка, о лишнем. Скажи мне, нужен ли вам нанятый человек? Не лишний ли это расход? Мойсей во все испортится, если его оставить в покое, с него непременно надобно требовать службы, он разопьется. Семен-переплетчик также может заменить нанятого, при буфете или в должности выездного, но требовать непременно порядка за тем, что ему будет поручено, чтобы из буфета не хватал каждый, что хочет, буфет был бы заперт, не сидели бы в нем люди. Ты увидишь, мой душечка, как все можно исправить, удаливши, сколь возможно, праздность. Мы, удалявши дурных людей от себя тем, что даем им способ заработать, не желая заняться их исправлением, обижаем хороших наших людей тем. У нас этаких несколько: Данила – бывший буфетчик, Анисим – бывший дегтяревс[кий], и еще иные найдутся. Вчера были мы в здешней придворной церкви, музыка и пение было превосходное. Мы ходили пешком, от нас недалеко. Машенька ходит много пешком, что очень хорошо. Вечером были за городом, в Придворном саду было гулянье. Поль тоже с нами ездил. Играла музыка, [народу] было множество, и по обычаю немецкому все пили и ели, кто чего хотел. Мы были только зрителями.

Окрестности Дрездена прекрасные. Деревья удивительно как хороши, не только за городом, но и в самом городе, преогромные белые акации и каштаны, здесь тополи-каролины толсты как дубы, но их от корня очищают, не дают расти. Как у нас перепортили на большой плузе каролины, не обчищая, давали расти от корня во все стороны, от чего они высыхают, и бальзам также. Мне хочется здесь найти овчара для нас, надо постараться, а нам необходим. Получил ли ты, мой кукуничка, деньги от Александрова, как я писала тебе, не позже 10 июля?

Сколько детей в Дрездене, я отроду не видала: такие хорошенькие, чистенькие, одетые, везде их множество, и по садам, и по улицам, и все такие проворные и умненькие. Вам бы пожить с Катенькой здесь, то, может быть, прибавился какой-нибудь Васенька или Варенька, Павлуничке нашему было бы веселее. Что там он теперь делает? Прогоняла мысль грустную, что нескоро увижу его и вас, на милосердного Бога полагаю все наше будущее, да устроит Он все по Его святой воле. Обнимаю и много целую милую Катеньку и Павлуничку. Тебя, мое сокровище, мой добрый Гришуненичка, очень много целую. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и святому Его благословению.

Где наш Федор Васильев[ич]? Если с вами, то скажи, что я ему очень кланяюсь. Уведомь об его здоровье. Люд[миле] Вл[адимировне] и Над[ежде] Вас[ильевне] кланяюсь.

№ 13.

Іюля 14, Киссенген, 1860.

Вчера в 6 часов пополудни приехали мы сюда, слава Богу, благополучно, и сегодня утром имела я истинную отраду получить письмо твое № 9-й, бесценное мое сокровище, Гришуночик мой, душечка моя. Прежде всего, благодарю милосердного Бога, что вы все трое здоровенькие, сохрани вас, Господи, от всего нехорошего. Из твоего сегодняшнего письма вижу, мой кукуненичка, что ты надеешься в августе быть уже в Сокиринцах. Радуюсь истинно, дай, Господи, чтобы ты застал все хорошо в наших Сокиринцах, был бы весел. Надеюсь, что ты займешься серьезно хозяйством, не утомляя себя, но войдешь во все сам, не пренебрегая ничем. Будь уверен, что люди наши смотрят, что нас занимает, и только на то обращают внимание, а это и их делает лучшими, если они видят, что господа их ничем не пренебрегают, на все обращают внимание. Переделку в твоём флигеле я было оставила по-твоему, и мне кажется, что было бы выгодно, но ты делай, как тебе лучше кажется. И пожалуйста, мой душечка, требуй от рабочих хорошего окончания всякой вещи, чтобы не было сделано как-нибудь. Это их направит делать все хорошо, чего у нас весьма не достаёт от нашего нетерпения. Как и от людей наблюдать чистоты везде, требовать её непременно не только в доме, но в дворе, в конюшне, в каждом, буде можно, уголке. Не занимать двух там, где может делать один. Чем больше видишь и замечаешь со вниманием, тем больше учишься. Приятно смотреть на чистоту по здешним домам и на малую прислугу, чтобы все это чистить, не только в доме, но во дворе чистят по уголкам. Хлебопашество вообще в Пруссии и Саксонии превосходно. Много сеют кормовых трав, и как на маленьких кусочках, узеньких нивках очень много накашивают травы. Вообще удобряют под хлеб, здесь земля нехороша, но обрабатывают её, как у нас и грядку не перероют.

Ещё, мой душечка, что у нас непременно надобно сделать, и о чём я тебе много раз говорила и наскучила, это исправлять всевозможно наши дороги, хотя в Сокиринцах. Постарайся, мой кукуненичка, во время, когда люди отработаются, исправить дороги в селе во все стороны, поверь мне, это не так трудно. Мимо Быха и Коваленка ужасная дорога налево, по этой дороге горб. Наша, от плотины на гору к дому, – начинают делаться уже рытвины, и трудно потом будет и дорого исправлять. В Серебное тоже. Можно сказать, что вокруг села все дороги, чем долее, тем больше портятся. Люди не заботятся о том, что дурные дороги портят им скот, повозки ломают, при перевозке хлеба с полей от толчков высыпается хлеб из снопов, притом тяжело наложить нельзя, и время теряется в перевозе хлеба с поля. Здесь приятно смотреть, как везет пара быков или лошадей огромный воз снопов по гладкой дороге, как бы не чувствовали никакой тяжести. Скот вычищен, как будто вымыт. Все это прекрасно, и

бедности в народе никакой не видишь, и на работе все прилично одеты, работать [начинают] гораздо до восхождения солнца. Я, смотря, иногда думаю, будет ли у нас когда просвещение такое, чтобы каждый исполнил свой долг. Не везде это видишь. В Варш[аве], Царстве Польском, видишь много бедных, хотя не столько, как у нас в столицах, но народ часто встречается очень худо одетый. Если бы я была помоложе, то многое бы помогла тебе устраивать, мой кукуненичка, но я только говорю, что то да это надо сделать, а сама ничего не делаю. Рада, что ты, мой душечка, доволен продажею шерсти. Если бы не отъезд, и я не боялась оставить шерсть непроданною, зная, что тебе нужны деньги, то, может, на пуде взяла бы по 25 к[опеек] больше, т. е. по 17 р[ублей] 40 ко[пеек], но что делать, надо было продать, чтобы уехать, не боявшись оставить тебя без денег. С собою я взяла больше 4000, но наши деньги везде понизились. Нам дали золото наше 5 р[ублей] 60 к[опеек] полуимпериал, мы взяли векселя на банкиров, а часть золотом и талерами прусскими, которые прежде были дешевле наших рублей, а теперь дороже. Здесь вообще цены увеличились, но нельзя сказать, чтобы очень было дорого, на водах дороже. В Дрездене все не очень дорого, езда только дорога. Мы здесь остановились в гостинице «Россия», но завтра переходим к доктору Вельшу, где мы прежде жили. Машенька, Паул и Граня начинают завтра пить воды, и все трое – кисинген[ский] «Рагоци». Здесь, говорят, русских очень много. Нина Кочубей уехала за день до нашего приезда, говорят, в Швенгебах¹, но наверное не могла узнать.

До завтраго, мое бесценное сокровище, мой душечка милый кукуненичка. Хотела было аффраншировать мои письма, но, говорят, вернее не аффраншировать, а мне хотелось, чтобы мои письма тебе, мой душечка, недорого стоили.

15. Обнимаю обоих вас, поздравляю с сегодняшним днем рождения нашего бесценного Павлуныточка, пошли ему, милосердый Господи, все по желанию вашему. Обнимите его и поцелуйте крепко-крепко за меня. Машенька, Поль и дети вас и его целуют и поздравляют, Гранечка будет писать на следующей неделе.

Ты, мое сокровище, не беспокойся обо мне, если тебе надобны будут деньги, то бери из моих. У меня еще в Гнилище будет доход. Хотя постройка винокурни и домика требует расхода, но все же будет для меня и тебя. В Мостище немного останется от расплаты за хлеб, а ту всю, которую прислал тебе Любовцев, он занял, узнавши, что деньги тебе необходимы. Бедный Любов[цев] только что не плакал, говоря о подрыве, какой делают с водкою в Остерском уезде.

Пора кончить. Милую Катеньку еще целую и Павлуничку. Тебя, мой бесценный кукуненичка, обнимаю, целую в губочки, глазки и щечки,

¹ Йдеться, напевно, про курортне місто Шлангенбад.

много раз. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословию.

В будущем письме напишу все, что мы уплатим за квартиру, за стол и прочее.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 134–136.
Друкується вперше.

№ 14.

Юля 17, Кисинген, 1860.

Писала к тебе, мой душечка бесценный, мой Гришуночик, 15, а теперь буду понемножку писать, хочется хотя раз в неделю передавать тебе о себе и всех нас. Надеюсь, что и ты, мой кукуненичка, также всякую неделю будешь писать ко мне, а то очень-очень грустно не иметь о вас частые известия в дальней стороне, в чужих местах.

Я мысленно переносилась к вам 15. Знаю, что вы, без сомнения, были в церкви, служили молебен о нашем бесценном Павлуничке, у вас, наверное, обедали знакомые или были вечером, Павлуничка получил несколько подарков, жалко, что я не могла и своего присоединить.

Про нас что сказать? Мы переехал в дом доктора Вельша, где нам довольно удобно. Наши начали пить воды, но время здесь пренехорошее: настоящая осень дождливая, и холодно. Вельша дом и вообще Кисинген напоминает мне, мой душечка кукуненичка, как мы с тобою ходили прогуливаться, напоминание приятное и грустное, зачем мы так далеко. Странно, что здесь теперь липа цветет, тогда как мы, уезжая из Сокиринца, оставляли ее уже почти отцветшую. Жито теперь только начали жать, мы же оставили у нас почти уже зрелым. Овес здесь еще совершенно зеленый. Приезжих здесь очень много, хотя уже многие разъехались. Русских было очень много и теперь есть, но мы ни с кем не знакомимся, избегаем даже знакомства, которое при водах очень женирует – надо делать визиты, думать о туалетах.

Кисинген много украсился, место, где воды, – очень хорошим садом, низ или луг между вод и домом Вельша обращен в сад, и много вообще посадки деревьев и при домах садиков, что очень украшает место. Странно смотреть, что на каменистых горах такие прекрасные деревья. Вообрази, мой душечка, что огромные дубы растут так по каменистым горам, что, кажется, под корнем его и на пол-аршина нет земли, а дерево свежее, зеленое на скале.

Жизнь здесь вообще довольно дорога, квартиры дороги: мы за 5 комнат, правда, в бельэтаже с балконом и с девичью комнату наверху, платим по 47 талеров пруских в неделю, а не в месяц, – здесь все платится по-недельно. Стол для нас – от персоны по 1 гульдену 30 крейцеров, что составляет на наши деньги 90 копеек серебр[ом], но мы делаем экономию: вместо 5 персон нас – берем на 3, иногда – на 4, с нас довольно. Людям – по 1 гуль[дену], что состав[ляет] по 60 копе[ек] в день, это им на обед и ужин дают. Обед порядочный. Большая разница с Дрезденом, где нам в гостинице «Золотого Ангела», где мы жили, давали превосходный обед с десертом за 3 талера, т. е. 3 порции, у нас оставалось от 5 нас детям на ужин довольно, и все в Дрездене дешево, гостиница была наша прекрасная, со всеми удобствами.

Что-то у нас теперь делается? Переделали ли ваш флигель, и как его переделали? Я, отъезжая, сказала, чтобы по твоему плану, мой душеч-

ка, делали. Нашла, рассмотревши хорошо, что твой план удобнее, нежели Червинского. Все-таки сказала, чтобы делали окошки и двери, и, по получении от тебя о перемене, приступили к стенам. Боюсь, чтобы не опоздали с окошками и дверьми, также полы не надо бы красить, что дух будет сильный от краски, правда, что это летом, и окошки даже ночью могут быть открыты, но если будет запах краски, то обедайте наверху, мой душечка, теперь и на балконе или, лучше сказать, уже на террасе можно обедать, и в саду. Как я рада буду, когда ты, мое сокровище, освободишься от занятий комитета и будешь уже в Сокиринцах заниматься хозяйством. Ради Бога, не пренебрегай ничем. Ты увидишь, как эти твои занятия послужат хорошим примером людям нашим, они многое перенимают от нас. Я заметила, что если я займусь чем внимательно, то тотчас улучшаться начинает та статья. Люди думают, что ты, мой кукуничка, ничем, кроме саду, не занимаешься и не жалеешь никаких издержек для саду, потому тебе и обходятся дорого все садовые работы. Если же они увидят (не исключая даже и управляющего), что ты занимаешься хозяйством и рассчитываешь все по-хозяйски, то тебе работы садовые будут обходиться недорого, и все будет идти успешно, на хозяйственные статьи будут обращать больше внимания. Простительно ли Сокиринской экономии, что и хлеб хуже, чем у других, и так и мало, и худой, даже у Пелагеи Осипов[ны] лучше и больше. Все это оттого, что мы сами никогда не посмотрим ни на что хозяйственное и тем не поощряем зрителей и приставов по хозяйственным статьям. Время наступает, в которое мы должны рассчитывать каждого работника, тем больше должны смотреть за приставами хозяйственными, чтобы они были хороши, как-то: овчарами, воловиками и вообще при скоте. Нам надобно все это увеличить, надо иметь сколь возможно больше своих плугов, на это надобно много и хорошего скота, надо нетяжелые плуги. Все это можно у нас иметь, лишь бы было желание. От хорошего содержания скота зависит сила и рост его, у нас часто недостает довольно корму для скота, то может ли он быть крепкий? Недостает корма всего чаще у нас от худого распоряжения и присмотру. Как бы хорошо, если бы завезь у нас как можно больше травосеяния. Управляющий сокиринский, кажется, деятельный, поощри его, мой душечка, тем, что входи сам в подробности хозяйства и вели ему обо всем доносить тебе, ты сам будешь потом доволен. Какие у нас в Сокиринцах свиньи, я никогда подобных не видала, огромные. Вели их пригнать посмотреть или лучше сам походи к винокуренному двору – они там содержатся, если бы завезь много таких. Я ходила их смотреть, также и коров, есть коровы порядочные, но надобно непременно, чтобы наш скот был отделен от дворовых людей. Кормим их одинаково, но люди часто покупают коров для себя по ярманкам, продавая старых коров, и все это идет между наш скот, – это нехорошо, и мы никогда не заведем хорошего скота, такого, чтобы держать 3 коровы вместо 12, и 3

бы приносили больше молока. Хотелось бы достать здесь хорошего овчара, Поль поручил в Дрездене найти и для себя, и для нас.

Прислал ли тебе, мой душечка, Александров за шерсть деньги? Он обещал непременно к 10-му июня тебе отправить все твои [деньги], мои же, мой кукуничка, возьми все к себе у него. Тогда, сколько тебе будет надобно из моих, возьми себе, мой душечка, а последние пусть будут у тебя, если мне понадобятся, то я напишу тебе.

20. Воды кисингенские «Ракоци» Поль пьет еще только 5 дней и уже хвалится, что он себя совершенно хорошо чувствует. Он еще берет ванны, и, думаю, если так скоро могли помочь воды, то это удивительно, но (между нами сказать) ты знаешь, мой душечка, как Поль мнителен в болезни, скор на суждение и впечатлителен при самой малости, то еще не можно судить, чтобы болезнь, застарелая уже, могла пройти так скоро. Дай-то, Господи, чтобы наша Машенька получила исцеление от ее болезни, она себя все по-прежнему чувствует. Граничка прилежно пьет воду, а Катенька берет ванны в здешнем Салинен. Когда я подумаю, мой бесценный, мой душечка Гришуночик, как бы тебе были полезны морские купанья, и что тебе не можно ехать, то, веришь ли, что тоска находит. Павлуничке также морские купанья были бы полезны, но всему этому обстоятельства помешали. Как бы нам хорошо было ехать всем вместе.

21-е. Много тебе написала, мое бесценное сокровище, все бы разговаривала с тобою. С нетерпением ожидаю письма от тебя, а буду писать понемножку. Знакомств у нас здесь никого нет. Это не худо, если бы были знакомые близкие, то было бы приятнее, но знакомиться вовсе не хочется.

В Сокиринцах вас ожидают фрукты – абрикосы и персики, кушайте их на здоровье. Здесь много фруктов будет, но вообрази, мой душечка, что здесь все так поздно, вишен много, земляники, даже полевой, множество, абрикосы продают также. Когда мы уехали из Сокиринцев, то полевая земляника уже отходила, и у нас в саду поспевала уже шпанская, здесь все позже созревает. Сегодня месяц, как мы [уехали] из Сокиринцев, а кажется, уже очень давно, в этом месяце сколько перевидалась стран и хорошего, зато сколько передумалась грустно, и сколько перескучалась без вас. Обнимаю крепко милую Катеньку и душечку Павлуничку. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и его святому благословиению.

Машенька, Поль и дети тебя, Катеньку и Павлуничку целуют.

№ 15.

Іюля 23 / Август[та] 4, Кисинген, 1860.

Только что отправила письмо к тебе, бесценное мое сокровище, Гришуночик мой, как принесли мне твое № 10-й от 16 іюля, оно шло только 6 дней. Можешь вообразить себе, мой душечка, как я всегда обрадуюсь твоим письмам. Письмо Павлунички милого моего я прочитала и поцеловала, скажи ему, что я очень его благодарю за прекрасное письмо и крепко целую. Крепко мне жаль, мой бесценный Гришуночик, что ты беспокоишься, не получая писем от меня, я не понимаю тому причины, я писала тебе, мой душечка, кроме этого, 6 писем, из которых одно без №; из Варшавы – № 10 іюля 5-го; из Дрездена – № 11 9-го іюля и № 12 іюля 11-го; из Кисингена – № 13 іюля 15-го и № 14-й іюля 21-го. Не понимаю, отчего ты не получаешь? Мне говорили, что из Дрездена в Петерб[ург] письма ідут на Берлін и получаютя в 5 дней, из Варшавы и того скорее должны получаться. Мне так жаль тебя, мой добрый кукуненичка, что ты беспокоишься, но надеюсь, что ты уже получил эти мои письма. Благодарю Господа Бога, что наш Павлуничка укрепляется, как ты пишешь, я уверена, что купанья в реке ему полезны, но как ты будешь делать в Сокиринцах, где в реке не можно будет купаться? Разве прочистить на берегу местечко и обставить тростником, то туда не заплывет тина, а вода чистая будет. Ты, верно, умудишься, придумаешь для Павлунички купанье. Можно ванну нагревать на солнце и поставить в палатку, чтобы он купался всякий день в речной неподогретой воде.

Слава Богу, что, как ты пишешь, мой душечка, в Сокиринцах у нас все благополучно, я еще не имела известия от них, но писала на прошлой неделе, чтобы меня известили обо всем хозяйстве. В прошлом письме я тебе, мой кукуненичка, много писала обо всем насчет хозяйства нашего. Надеяться надобно, что Ілья будет хорошим управляющим. Я сужу по тому, что он, не думая еще, что будет управляющим Ічненю, говорил много, что не так делается, когда управлял сах[арным] заводом. Если он видел, что не так, и знал, что можно делать, то уже должен поправлять все. Притом же самолюбие его заставит трудиться. В честности же его, кажется, не можно сомневаться: он так давно конторщиком и ни в чем не замечен, также у него на руках была кладовая, можно сказать, но все цело, до самой малости сбережено. Кажется, я тебе писала, мой душечка, что я оставила запечатанный ключ от моего письменного стола, где все ключи – и от ларчиков, и от комодов, многие подписаны. Если тебе понадобится что, то или сам возьми мои ключи, или Катенька, но постороннему никому не давай. Думаю, хорошо, что Шефер пробудет с вами в Сокиринцах для вас, тем более, что он, без сомнения, приобрел еще познания, и ты, мой душечка, будешь покойнее, имея при вас доктора. Но для людей наших он был вовсе нерадив, это мне говорил и Моисей,

и другие, что он больше ездил, чем занимался нашими больными, а потому считаю – для людей нам Мойсея будет довольно. Шефер же тебя, мой душечка, знает, и Катеньку, а больше еще Павлуничку, то ты будешь, мой кукуненичка, покоен, имея при вас доктора.

26-е. Надеюсь, мой душечка, что ты получил уже мои письма, без того же боюсь, чтобы ты, мое сокровище бесценное, не беспокоился обо мне и о всех нас, мне так тебя жаль, когда ты, мой душечка, обо мне беспокоишься, ради Бога, береги себя. О лечении Машеньки еще ничего нельзя сказать, она пьет воду постоянно и берет ванны «Пандур», чувствует свою болезнь, т. е. бок болит от прилива к печени, иногда сильнее, а больше во время купанья, но доктор говорит, что это действие вод, чтобы она продолжала. Поль же говорит, что он себя чувствует так хорошо, как за 10 лет тому себя не чувствовал. Все еще не определено, куда мы поедем на зиму. Полю в конце августа надобно ехать в Москву для Гранички¹, а может, в начале сентября. Если бы он мог нас проводить до Диепе или хотя до Парижа. В Диепе, если будет надобно для Катеньки, или в Остенде, то мы бы уже сами поехали. Граничке нельзя опоздать, ему срок назначен.

27. Не знаю, мой кукуненичка, как мне отправлять тебе письма, – аффраншировать или нет, мне сказали, что неаффраншированные надежнее, то я так и пишу. С Дрездена же я послала первое аффраншированное, ты мне напиши, моя душечка, как писать, то я так и буду. Да еще, если, даст Бог, поедешь в Сокиринцы, то напиши адрес, писать ли чрез какие места в Полтавскую губер[нию] или просто: Gouvernement de Poltava à Prylouky². Все боюсь, чтобы письма не пропадали, и ты, мой душечка, не беспокоился. Напиши мне, когда полагаешь адресовать мне письма не в Петербург, а в Сокиринцы, чтобы они нашли тебя там. Из Москвы письма сюда идут скоро.

Здесь один из семейства Каудвель, средний, очень хороший человек, бывает у нас, сестры его живут в Лондоне в своем доме, а отец и мать их умерли. Что еще писать тебе, мое бесценное сокровище? Видишь, пишу всякую неделю, почти каждый день, доставляю себе это удовольствие. Вчера погода была лучше, хотя не обошлось без дождя, и ветер все холодный. Теперь здесь свозят с поля жито огромнейшими возами, с невероятным количеством снопов жита, запряженные двумя волами или двумя коровами превосходными, вроде наших хороших холмогорских коров, и они везут это легко, потому что возы на железных осях, с хорошо окованными легкими колесами, и по ровной дороге, шоссе. Если бы у нас в России было это когда-нибудь, а то даже благодетельное прежнее заведение – сажать деревья по дорогам – истребляется. Леса здесь, а

¹ П. Є. Комаровський мав везти сина Євграфа на навчання до Московського університету.

² Полтавська губернія, в Прилуки (фр.).

наибольше в Пруссии и Саксонии, превосходно разводятся и сохраняются, у нас же без жалости истребляют.

Пора кончать. Милую Катюничку много раз целую и Павлуняточку. Тебя, мое сокровище бесценное, обнимаю от всей души, целую много, много. Молю Господа Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны. Поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька, Поль и дети всех вас целуют.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 147а–147г.
Друкується вперше.

№ 16.

Августа 2/14, Кисинген, 1860.

Вчера вечером обрадовалась я, получивши письмо твое № 11 от 23 июля. Не можешь представить себе, сколько я беспокоилась, не получая даже ответов на мои письма. Еще меня пугало, что вы собирались в Царское Село, знаю, что ехать по железной дороге, то Бог знает, что передумаешь, но благодарю Его, милосердного, что, как ты пишешь, вы все трое здоровы. Написала было длинное письмо тебе, мой душечка, всякий день писала понемногу, обо всем подробно, а больше всего – о моем беспокойстве, не имея долго известия о вас, но не посылала этого письма. Пишу сегодня новое, было бы слишком длинное письмо, а по порядку на твое, мой кукуничка, буду отвечать.

Чрезвычайно мне жаль бедного Любовцева, какое ему несчастье: ожидал видеть сына, кончившего науку хорошо и тем приобретшего себе состояние, но теперь какая ему горечь. Бедный, неужели нет надежды на его выздоровление? Крепко жаль мне бедного Любовцева, пошли ему, Господи, отраду выздоровлением сына. О Киеве, о доме я тебе, мой душечка, писала подробно. О нашей Настеньке: она пробыла со мною во все время в Киеве, и, хотя я ей привезла гостинца, но, правду сказать, не была очень довольна ее успехами. Ее нельзя очень винить, она еще дитя, но боюсь, что у Залеской обращают больше внимания на внешность, занимаются нарядами очень и поселяют тем в детей кокетство. Я Настеньке говорила, гоняла ее за неприлежность к учению, за что на нее жалуется и Залеская. Она, бедная, плакала и обещала мне учиться хорошо. Не позабудь, мой душенька, чтобы из Гнилицы выслали за Настеньку к 15 сентября за полгода, как за нее платится, и за одеяние, и за все, то, какется, за полгода – 130 р., не помню хорошо.

Теперь о самом важном – о лечении Машеньки. Пишешь, мой душенька, что Меринг не советует ей кис[сингенских] вод «Рагоци». Он ничего не говорил Машеньке, а только сказал, что если она заметит, что ей нехорошо от употребления этих вод, то чтобы она перестала их пить. Меринг бы мог, правду сказать, и говорить больше. Мы с Машенькою вдвоем говорили с Мерингом, Поль же, ты знаешь, мой душечка, не любит Меринга (но это между нами) и вовсе не советовался с ним. Варвинский уже года 4, как лечит Машеньку, то скажи мне, мой кукуничка, как нам было поступать? То есть мне и Машеньке? Брать на себя, не слушаться доктора, который лечит, не в моем характере. Тут боишься даже произнести утвердительно свои мнения, да их даже и быть не может. Советовать? Но если совет не в пользу? Я же не так самолюбива, чтобы считать свое мнение за лучшее, и не так упряма, чтобы непременно сделать по-своему. Больная мне так близка, и за нее так боюсь, что даже с осторожностью высказывала мои мысли, чтобы не навести сомнения при лечении. Как ты хочешь, мой душечка, чтобы я решилась

настаивать в том, чтобы переехать в Мари[ен]бад лечиться Машеньке? Ну, Боже сохрани, если бы ей сделалось хуже, что бы было у меня и на совести, и на сердце? Я поехала с Машенькою потому только, что она не поехала бы без меня, она это мне сказала утвердительно, да если бы и поехала, то беспокойство обо мне было бы ей вредно. Для меня и по летам уже моим больше нужен покой, чем путешествие.

Что же я замечаю и пишу тебе, мой кукуничка, что с моим характером не могу оставаться без действия, потому на все смотрю с интересом и замечанием. Зная же, мой душечка, что ты такого же характера, и чтобы ты не беспокоился обо мне, я пишу тебе все, что вижу и думаю, описываю подробно. Даже в моем письме, написанном уже, было описание одного места и замка весьма подробное, которого письма я не посылала тебе.

Еще про Машеньку. Она мне припомнила третьего дня, что Меринг сказал ей о кисингенских водах «Рагоци», что они ей буду полезны, но, так же, как Варвинский, что если она почувствует себя нехорошо, чтобы не продолжала. Уже 2 недели прошло, что она пьет воду, и почти столько же, как берет ванны в 26 градусов тепла из источника «Пандур». Чувствует себя, слава Богу, как она говорит, крепче, и, хотя, быть может, от мочиону, необходимого при водах, аппетит у нее лучше, то, может, Бог даст ей пользу. Доктор Вельш, если Машенька пожалуется ему, что у нее болит спина или бок, или тесно в груди при ванне, говорит: «Продолжайте, это должно быть при лечении, и вы по окончании почувствуете пользу». Уверяют, будто она поправилась в лице и пополнела, но я вовсе этого не вижу. На милосердного Бога возложим нашу надежду, что Он поможет нашей бедной Машеньке, и путешествие ее не будет бесполезно. Границка не чувствует никакой еще перемены, он пьет и после обеда. Катенька берет холодные ванны морские на здешних Салинах, и ей они полезны. Что же касается до Поля, то он и воду постоянно пьет, и берет ванны холодные, те же морские на Салинах, и очень себя хорошо чувствует: аппетит сильный, и ходит очень много, встает рано, в 5 часов уже идет на воды. Машенька, бедненькая, тоже привыкла уже вставать рано и прежде 7 час[ов] уже идет на воды, Поль тогда уже возвращается, я же, если дождь не идет, иду с Машенькою, прогуливаемся на водах, если сыро, то в галерее, она пьет по 4 стакана, немножко подогретую в теплой воде, как почти все здесь пьют. Еще не знаем наверно, куда поедем для морских ванн Катеньки, – в Диепе или в Остенд, – еще будут советоваться, но кажется, что скорее в Остенд. Пробудем же мы здесь, кажется, не дольше 15 августа. Напишу обо всем. Поль хочет провести нас до Франкфурта, а потом ехать с Границкою в Москву, чтобы не опоздать в университет. Евдоким служит нам хорошо, жаль, что немецкого языка не знает, то трудно немного, с французским, думаю, то же будет. Машенька взяла в Дрездене горничную, кажется, хорошую, смирную. Зде[сь] на водах

очень много [народу], когда подумаешь, неужели эти 4 тысячи человек больны одною болезнью, что пьют одну воду – все почти «Рагоци»? – то и примиряешься с тем, что и Машеньке велели пить «Рагоци». Ты меня, мой кукуненичка, уведомишь заблаговременно, когда намерен будешь выехать в Сокиринцы, дай-то Бог, чтобы скорее и благополучно. Когда бы вы застали еще фрукты – ренглот и персики, может, сберегут для вас. Не помню, писала ли тебе, мой душечка, что кладовую я поручила Макару, а погреб – Якову, он человек хороший и не пьет. Про вино велела ему у тебя спрашивать, какое подать. Макару, как еще новому при кладовой, велела также спрашивать у тебя или у Катеньки. Если люди будут спрашивать ковры, серебро и прочие вещи, – не выдавать без твоего приказа или Катеньки: люди не берегут ковры и много их попортили, держа у себя, не отдавая долго в кладовую. Пора кончить письмо, вчера начала, т. е. 2-го, а сегодня уже 3-е число. Если бы ты знал, мой душечка, как тяжело мне было расставаться с тобою и со всеми вами и как грустно не видеть вас, то не видел бы ничего худого в моих замечаниях насчет всего нашего – и хозяйства, и рода жизни. Все это происходит от любви к тебе и желания видеть все у тебя хорошее, заставляет меня смотреть внимательно на все и сообщать тебе. Милую душеньку Катеньку много раз целую и нашего бесценного Павлуничку. Тебя, мое сокровище, обнимаю много раз, целую в губочки, щечки и глазки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька, Paul и дети тебя, Катеньку и Павлуничку целуют.

1860

августа 3-го.

Здесь все дождь идет, жаль, что у нас, как ты пишешь, суша. Я надеялась, что и у нас идут дожди и поправят все, засохшее от суши. Надо садить, хотя вербами, обсаживать и плантации, и все, что можно, непременно.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 129–132 зв.
Друкється вперше.

№ 17.

Августа 5, Кисинген, 1860 г.

Третьего дня писала к тебе, бесценное мое сокровище, мой душечка Гришуночик, и опять начинаю письмо, чтобы побеседовать с тобою, мне скучно, когда я не говорю с тобою хотя письмом. Третьего дня ходили мы в одно из очень хороших здешних окрестностей, называе[тся] Зейнгоф, не меньше 4 наших верст, там пили кофе. Переходили одно сельцо – Гариц, заходили в домик крестьянский, любо смотреть, как у них все хорошо, даже цветы на окошках и крылечках. Машенька шла также все время пешком и, слава Богу, без усталости, она теперь ходит много и довольно скоро. Жизнь на водах такая правильная, что, кажется, и без вод поздоровеет тот, кто соблюдает эти правила. Встают не позже 6 часов, многие – в 5, ходят сперва на водах, пьют кофе в 8½, потом, немного отдохнувши, опять ходят, берут ванну в 12 часов, в час обедают, после обеда, весьма умеренного, хотя хорошего, но нежирного, опять, спустя часа 2, идут или едут куда по окрестностям, к 8 часам уже дома, пьют кофе или немного поужинают и в 9 часов расходятся уже ложиться спать. Такого рода жизнь ведем и мы все, стало [быть], и Машенька, то полагаю, что на ее здоровье это много действует. Ей летом всегда почти хорошо, зимою же, кроме холода, который она ненавидит, сидит в комнате, пешком же никогда не пойдет, уверяет, что не может ходить, а только поедет иногда с визитами, что очень редко, да иногда прокатится куда в магазин, – можно ли не расстроить здоровья? Такова жизнь Машеньки в Москве. Буду писать понемногу, а теперь покуда целую тебя, мой душечка, много.

6. Погода улучшилась, 2 дня уже, как тепло, и пользуемся. Машенька ходила пешком вчера на здешние руины, весьма замечательные, я же ехала в коляске: гора очень высокая, я не решилась идти пешком, да и далеко довольно. Здешнее правительстве очень заботится о публике и вообще о людях. Кроме того, что все проселочные дороги осажены деревьями, но, где круто по горе, для пешеходов сделаны ступеньки изредка, чтобы не трудно было всходить. Ты, мой душечка, пишешь, что у нас дороги не сделались хуже, – [нет], с некоторого времени сделались весьма хуже. Их не поправляют, если и сгонят людей поправлять, то никто не смотрит, как поправляют, никто не научит. Да и у нас в Сокиринцах дороги чрезвычайно худые, мимо шинку на плотину у нас такая дорога теперь, что с трудом проезжаем, а бедные люди, везущие снопы с поля, сколько вытрушивают хлеба, портят волов, разъехаться трудно. Да от самого выгона горбы по дороге, спускаясь с горы. Сребрянская гора тоже дурная очень, к нам в дом по горе уже начинают быть рытвины, внизу, к Гончаренку, дорога от неисправления сделалась опять очень грязная и худая. Вывозят из сада разный сор и вместо того, чтобы его разгрести, кладут кучами, опрокинувши воз. Все кажется трудно, когда нет желания делать хорошо. Не думай, мой душечка кукуничица, чтобы я писала это

как бы тебе в укор. Бог знает мои чувства и мысли, то он видит, с каким намерением говорю я и пишу. Сколько бы мне хотелось, если нельзя много сделать, то сколько можно улучшить, не для себя только, но вообще. Кому же, как не нам, подавать пример соседям? Здесь я смотрю на все со вниманием и думаю: когда-то будет у нас так? С таким малым количеством земли народ живет хорошо, содержит скот прекрасно и прекрасный. Скота не увидишь в поле и в лесах, ему здесь ходить негде, но он имеет всегда свежую траву, нажатую до рассвета еще хозяином или хозяйкою по разным местам. Травосеяние здесь превосходное. Есть клевер, называемый «клевер монат», растет чрезвычайно густо, и его косят несколько раз в лето, не ожидая, чтобы он совсем расцвел, скосивши, всегда того же дня собирают. Она [трава] очень питательна для скота. Здесь очень много возят коровами, но все это прекрасные, молочные, отчего здесь дешевы сливки и масло. Кисинген, без сомнения, много пользуется посетителями вод, также и его окрестности, но многие места, где нет и вод, а жители все же живут хорошо. Приятно смотреть, как из сел идут в праздник в церковь с книжечками в руках. У нас же и учиться мало кто охотно отдает дитя. Сказать бы, что это люди помещиков, но казенные и казаки наши не отличаются от помещичьих – так же бедны и неграмотны. Думаю, мой душечка, бесценный мой кукуненичка, что я тебе наскучаю моими беспрестанными описаниями здешнего хозяйства и напоминанием о нашем. Но меня это все очень занимает, и я все хочу передавать тебе, мой Гришуночик, разделяя с тобою мои мысли. Если, даст Бог, возвращусь на родину, то постараюсь кое-что передавать на счет хозяйства. Я уже несколько лет как говорю и прошу Иван[а] Наумов[ича] садить по дороге хотя вербы, но чаще, обсаживать строения. Теперь, ехавши, сказала ему непременно обсадить скотный двор и кошары, так же по дороге, и по ланам по дороге садить деревья. Около пруда, а больше – в вершине его, насадили бы вербы. Много наговорила тебе, мое бесценное сокровище, но скучно не побеседовать с тобою. Сейчас Граничка получил от тебя письмо, обещал дать мне его прочесть, когда сам прочитает, он очень обрадовался. Ты меня, мой кукуненичка, заблаговременно уведошь, когда, даст Бог, вы выезжаете. Милую Катеньку и Павлуняточко много раз целую, и тебя, мое бесценное сокровище, много, очень много. Молю Господа Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословиению.

У Александрова ты все-таки возьми к себе деньги все, и себе возьми, сколько тебе понадобится. Мне теперь они не нужны, притом же я надеюсь, что в Гнилице у меня соберутся еще деньги.

По расчету моему, ты, мой душечка, бесценный мой Гришуночик, должен получить письмо это 15-го, в день твоего рождения, а потому обнимаю тебя, очень крепко целую, поздравляю, молю Господа Бога и

Пресвяту Богородицу послать тебе крепкое здоровье, благополучную и долгую жизнь и исполнение всего желания твоего. Милую Катеньку также и Павлуничку поздравляю со днем твоего рождения и со днем бракосочетания вашего. Очень бы хотелось тебе, мой кукуничка, написать о нашем выезде, когда и куда, но еще не знаю, думаю, что в Диепе, потому что в Остенде, говорят, очень холодно. Здоровье нашей Машеньки, кажется, все одинаково. Здесь опять очень холодно, то и не так хорошо. Бог знает, как подействуют на нее воды и ванны. Вельш уверяет, что все это ей принесет пользу, но на зиму советует ехать в По для теплого климата, и весною – опять сюда.

Поль собирается после 15-го выехать в Москву с Граничкою, а мы уже одни поедем. Может, он нас проведёт до Франкфурта. Он из Москвы, устроивши там Граничку, поедет в Пески, и потом – к вам в Сокиринцы. Завидно мне, что он будет с Вами. Если бы не жалко было бедной Машеньки, то не утерпела бы быть долго здесь, не с Подем, а одна бы поехала к тебе, мое бесценное сокровище. Насчет здоровья Машеньки: мое пребывание с нею тем только полезно, что она скучала бы по мне и беспокоилась и тем бы вредила себе. Ты же знаешь, мой душечка, нашего Поля, как он пристрастен к докторам вообще, и у него все они оракулы, что бы кто ни говорил – никому не поверит. Машенька же ему ни в чем не противуречит. Один Бог милостив для всех и каждому, возложим на него наше упование.

Как бы мне хотелось для твоего рождения подарить тебе что хорошенькое, мой кукуничка. Возьми у Александра сто руб. на туалет тебе, по обыкновению. Это не в счет тех денег, которые ты возьмешь мои у него, – из тех возьмешь, сколько тебе надобно, это для вашего употребления, а 100 р. – на туалет особо. Еще тебя много целую. Поручаю Спасителю и Его Пречистой Матери.

Августа 8-го.

Здесь холодно очень, если бы не прекрасная зелень кругом, то было бы совершенно как осенью. Я хотела, чтобы 15 с депешою тебя поздравить, но боюсь, чтобы не испугать тебя, притом же не знаю, где мы будем 15 – здесь или уже выедем.

6-го был праздник¹, а мы и в церкви не были, скучно без церкви.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 126–127зв., 128 зв., 133–133 зв.
Друкється вперше.

¹ Преображення Господне (19 серпня за григоріанським календарем).

№ 18.

Августа 10/22, Кисинген, 1860.

Вчера утром имела я удовольствие получить письмо твое № 12 от 2-го авг[уста], бесценное мое сокровище Гришуночик, мой душечка. Благодарю милосердного Бога, что вы все трое здоровы. Писала тебе третьего дня, рассчитав, что ты должен получить мое письмо 15-го, в день твоего рождения. Хорошо, что в Петерб[ург] письма идут скоро, а когда подумаешь, что от нас, из Сокиринец, Бог знает, как буду нескоро получать письма от тебя, мой душечка кукуненичка, то грусть берет уже преждевременно. Пишешь, мой душечка, что находится хороший гувернер для Павлунички, помоги вам, Господи, найти хорошего. Он молодой человек, как ты пишешь, но если он солидный и не безбожник, то лучше старого неверующего. Притом же Павлуничка с вами больше будет, чем с гувернером. Надобно только внимательно смотреть, чтобы гувернер при Павлуничке не разговаривал с другими молодыми людьми наиболее о религии. Между нами сказать, если у вас будет А. А. Шефер, чтобы не спорил при Павлусе с ним. Славатинский, бывший учитель Гранички, не верующий ни во что, дружил с ним, считал за стыд, войдя в церковь, перекреститься¹. Такой же, к несчастью, и Маркович Миша Николенькин. Бедный Никола был прежде таковым, но Бог его помиловал, и пред кончиною за несколько дней молился беспрестанно, наставлял детей в религии, приобщался и умер настоящим христианином. Ты знаешь, мой душечка кукуненичка, что я не считаю религию [за] одно ханжество, есть середина, а молиться Богу не есть ханжество.

11-е. Вчера Поль уехал в Франкфурт дня на 4, чтобы взять денег у Ротшильда. Возвратясь, думает везти Граничку в Москву. Он его теперь взял с собою, чтобы сделать ему платье в Франкфурте. Полагает же выехать отсюда около 20 сего месяца. Мы же еще остаемся здесь несколько дней, потом, с Божьею помощью, поедем в Диепе на Париж, но я еще отсюда напишу к тебе, мой душечка. Машенька продолжает пить «Рагоци» утром, а после обеда – «Боклес», привезенный сюда, брала ванны «Пандур». Теперь берет грязные ванны. Эту землю привозят сюда и разводят ее водою Салинов, так что она делается жидкою грязью, и бедная Машенька сидит в этой ванне до получаса. Но как эта земля составлена как бы из мелких корешков, то ее скоро обмывают, перейдя из грязной ванны в чистую, но все-таки соленую воду. Этаких ванн ей надобно взять еще семь или 8, а потом Вельш предписывает ей взять несколько морских купаний в море, уже в Диепе. Он очень прилежно, кажет-

¹ О. Романович-Славатинський, схвально описуючи родину Галаганів у спогадах, зауважив, що К. В. Галаган (ст.) бачила його ставлення до церковних обрядів, зокрема, у переддень християнського свята «старенька мала такт не вносить мене до переліку нагороджуваних, за що я був їй вдячний...» (Романович-Славатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность 1832–1884 гг. *Вестник Европы*. 1903. Кн. 2. С. 645).

ся, наблюдает за Машенькою, но у нее, бедненькой, болезнь довольно застарелая, давно требующая лечения серьезного, а не замачивания разными лекарствами, как это постоянно прежде делалось, т. е. года 3 тому назад. Будем надеяться на милосердного Бога, что поездка за границу нашей Машеньке не будет бесполезна. Вельш, кажется, человек знающий, здесь множество было, да и теперь еще много на водах, и больше все у Вельша, все хвалятся здешними водами. Машенька иногда чувствует себя весьма нехорошо, но Вельш все говорит ей: «Не бойтесь, продолжайте, это все пройдет», – и она продолжает. На днях приехала сюда В. Я. Карташевская, также пить «Рагоци», они приехали – он, она и дочечка – без всякой прислуги, втроем. Его я еще не видала, она же берет также ванны соленые. Время здесь пренехорошее, дождь всякий день, и холодно, как осенью, но не мешает многим дамам одеваться по-летнему на водах – в кисейном платье, тогда как мы: Машенька – в манти, а я – в вашем, любезном мне, платке, теплом и не тяжелом, надеваю шаль тогда только, как бывает не холодно, что очень редко.

12. По расчетам моим, что, если Поль выедет прежде 20-го, то к концу августа он может быть уже в Москве, а потому, мой душечка кукуненичка, когда, даст Бог, что вы выедете из Петербурга, то, приехавши в Москву, осведомитесь, можете узнать о Поле в доме Александрова, в их доме также будут знать, в Шипова на Лубянке. Полагаю, что к концу августа он должен быть, потому что это срок университетского отпуска Граничке. Еще забыла сказать: в Диепе Машенька будет еще лечиться виноградом, есть его по утрам и на ночь, а потом на зиму – в По, в Ницу же не поедет. Когда, даст Бог, мой душечка, ты будешь уже на отъезде в Сокиринцы, то напиши в Москву к Полю, чтобы он знал, вы могли бы с ним ехать до Сокиринца, если его в Москве не задержит что.

Бесценное мое сокровище, Гришуночик мой, душечка, когда-то я увижу вас всех? Господи, Боже мой, пошли вам здоровье и все к благополучию вашему. Милую Катеньку и Павлуныточку крепко целую. Тебя, мое сокровище, мой добрый Гришуночик, много целую в губочки, щечки и глазки, молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны. Поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Приписка М. П. Комаровської. От всей души поздравляю тебя, милый и добрый брат, с наступающим днем твоего рождения, дай Бог тебе совершенного здоровья и всевозможного благополучия. Грустно, что мы так далеко один от другого проводим этот день, которого давно уже не проводили вместе, но что уж делать, будем надеяться, что судьба нас опять соединит. О себе не пишу к тебе ничего, потому что маменька, вероятно, пишет к тебе подробно обо всем. Поль и Граня поехали вчера во Франкфурт за деньгами и за пашпортом и, возвратившись сюда, будут собираться в дальнюю дорогу, т. е. в Москву. Ужасно скучно будет

без них, дай Бог только, чтобы Поль скорее возвратился к нам. А ты как думаешь? Ты нам подавал надежду, что, может быть, приедешь. Как бы хорошо было! Поцелуй, пожалуйста, от меня Catherine и Павлуся, и поздравь их от нас всех. Прощай, милый брат, целую тебя много раз. М. К.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 116–118 зв.
Друкується вперше.

№ 19.

Августа 15/27, Кисинген, 1860.

Начинаю день с поздравлением тебя, мое бесценное сокровище, душечка мой Гришуночик, с днем рождения твоего, с пожеланием тебе от Господа Бога и с моею к Нему молитвою послать тебе всевозможное благополучие при совершенном здоровье. Обнимаю тебя, мой кукуне-ничка, очень много целую, и милую Катеньку и Павлуничку много раз целую и поздравляю.

Я уже тебя, мой душечка, поздравляла, рассчитавши, что ты должен был получить мое письмо сегодня, не знаю, удачно ли я рассчитала. Как бы я хотела, мой душечка, лично тебя поздравить, поцеловать тебя хорошенько, крепко в губочки, но грустно, что только мысленно переносюсь к вам. Что-то вы делаете? Здесь даже и церкви нет нашей, чтобы помолиться, отслужить молебен, только помолюсь дома за моего душечку Гришуночка, моего хорошего.

Мы сидим и вспоминаем прошедшее, как, бывало, этот день проводим мы в Сокиринцах – приятное и вместе грустное воспоминание. Вспоминаем о наших соседях, из которых иных уже не достает, хотелось бы перенестись опять в то время, но что делать, надо покоряться обстоятельствам и стараться находить в них приятное. Как-то вы проводите это время, мой душечка кукуне-ничка? Верно, также переноситесь к нам мыслью. Ты мне писал, мой душечка, что Поль Хелмский у тебя на все вакации, это доброе дело – он сирота, но, я думаю, нехорошо то, что он всегда с Павлуничкою. Мне рассказывала Карташевская очень-очень нехорошо, и даже удивляется, что вы его держите с Павлуничкою, то есть, что он всегда с ним. Мой душечка, надобно очень обращать внимание на тех, кого делаешь товарищем своих детей. Мне уже об нем говорил Андрюша Маркович, очень его не хвалил. Я боюсь, чтобы он не передавал беденькому Павлуничке своих хитростей, лжей и всего худого. Жаль бедное дитя, еще сиротку, но что же делать, своего еще больше жаль.

16. Ожидаю письма от тебя, мой душечка, сегодня неделя, как я получила от 2-го авгу[ста]. Я тебя спрашивала, и теперь прошу, пожалуйста, напиши мне, как адресовать тебе в Прилуку, надо ли на Варшаву, или Броды, или Радзивилов, напиши мне – в Петерб[урге] ты это лучше можешь узнать. Я мои письма тебе все последние афранширую, скажи, как лучше ты их получаешь, лучше ли? От нас¹ я вовсе не получаю известия, писала туда еще 19-го июля ко всем, и к Дейкуну, чтобы меня уведомили, но ничего не получаю. Как-то там идут дела, кончили ли твой флигель, кончили прачечную, каков табак? Из Песок пишет управляющий Машин, что град испортил табак, Боже сохрани, если везде был град. Иван Наум[ович] менял уверял: винокурня в Гнилице окончится не-

¹ З маєтків.

пременно к сентябрю. Какие улучшения винокурению делаются теперь у нас в Великой России? Здесь помещик очень хороший рассказывал, что у него новые аппараты, стоящие весьма недорого. Кажется, должны быть такие, как в Андреевке у к[нязя] Репнина, получшенные, с 1 пуд[а] муки выходит ведро водки. Все эти аппараты делаются в России.

Что-то, мой душечка, делается у тебя в Ичне? Напиши мне, мой кукуненичка, определил ли ты туда уже Илью, и как он там распоряжается, хотя по его письмам как ты судишь? Дай-то, Господи, чтобы пошло, наконец, у тебя все хорошо после глупого и разорительного управления твоих управляющих. Как ты, мой душенька, думаешь насчет винокурни в Романихе? Мне кажется, что очень бы было хорошо ее выстроить, но в Романихе, а не в Лебединце, рассмотри хорошенько, то сам увидишь, что так. Я здесь поручила достать мне клеверу морген¹ – превосходная трава, косят несколько раз в лето, если успею, то пришлю с Полем. Я хочу свежих семян, но еще не вымолочен тот, что оставляют на семена, мне обещали вымолотить. Его можно сеять во всякое время, летом, осенью и весною. Я тогда напишу, сколько его сеять на какое пространство, но говорят, будто на 8 и 10 лет – один посев, это очень выгодно, надо бы только хорошо переорать землю, мягко.

17. Когда поживешь долго в Германии и рассмотришь все хорошо, то многое не так, как сначала кажется, как говорится, обернуть медаль наизнанку. Крестьяне, кажется, живут в изобилии? Но что делается по сторонам, подальше от города? Беднота ужасная, у многих вовсе нет даже хлеба, чтобы кормить семейство, только не ходят просить милостыни. Земли вообще здесь мало, заработать хлеба нигде нет, кое-как пропитается разными работами. Правда, нищих не видно просящих, но дорожат куском хлеба, никто не заботится об них, народ трудолюбивый.

Сию минуту принесли мне твое письмо № 13 от 9 ав[густа], мое бесценное сокровище, душечка мой Гришуночик. Благодарю милосердного Бога, что вы все трое здоровенькие, но не можешь представить себе, мой кукуненичка, как мне тебя жаль и как я боюсь за тебя, чтобы ты не простудился осенью в дороге и в Петербурге, и за Павлуничку боюсь особенно, сохрани вас, Господи, от всего худого. Как на днях Поль уезжает отсюда, то, вероятно, вы будете видаться с ним в Москве, хотя он будет там, думаю, недолго, чтобы пристроить Граничку, дай-то Бог, чтобы хорошо его пристроить. Жалко мне с ним расставаться надолго, да и ему, кажется, невесело.

Удивляюсь я, отчего мое письмо из Варшавы ты, мой душечка, не получил, я его послала на почту Евдокимом, он сам, говорит, отдал его. Поль писал несколько писем из Варшавы, стало, и его письма пропали. Я тебе подробно описывала Варшаву. Твоего письма в Варшаву я также не получила, оттого, что Цицурин еще в начале июня уехал, и теперь его еще там нет, где-то на водах.

¹ Помилка, треба – монат.

Я тебе писала, мой душечка, и теперь еще повторяю – возьми мои деньги у Александрова, когда будешь в Москве, и сколько тебе будет надобно, возьми себе, а те возьми с собою в Сокиринцы. На твои собственные доходы не очень полагайся, я боюсь, что их будет мало очень, у меня же в Гнилице я оставила еще довольно, слава Богу, денег, хотя там и постройки значительно требуют, но все-таки будет на все. У меня теперь еще здесь довольно денег, но может понадобится потом, то можно будет переслать несколько. Мы издерживаем сколько можно экономно, но на водах все дороже, а всего дороже переезды. Как я буду, если даст Бог, в таких местах, что можно будет купить многое гораздо дешевле, чем в России, то наперед прошу тебя, мой душечка, и милую Катеньку, без всякой церемонии написать мне, что для вас нужно купить. Мне гораздо будет приятнее купить то, что нужно, чем что-нибудь. Сделайте мне одолжение, составьте записочку, что купить, и пришлите мне теперь же или потом, что придумаете. Что только я смогу, то сделаю. Если Бог поможет, то мы в конце этого месяца будем в Париже, может быть, в По, то напишите, что вам надобно. Полагаю, что в Англию мы не поедем до возвращения Поля, а может, совсем не поедем, пробудем в Диепе. Все это еще предположение, а как будет, то в воле Божьей.

Машенька продолжает воды – утром «Рагоци», после обеда – «Боклес», и ванны грязные всякий день. Говорит, что, слава Богу, она чувствует себе крепче. Вельш уверяет, что ей все это принесет большую пользу, чтобы она не боялась, а продолжала, и, кажется, что она сама в том уверена.

19. Поль собирается завтра выехать, надеюсь, и мы дня чрез три. Выезжая, напишу тебе, мое сокровище, а здесь скажу на почте, чтобы твои письма, если получатся, отправляли в Диепе, не знаю, сколько нам придется там оставаться. Я посылаю с Полем семена самые свежие клевера монат, превосходные, 2 фунта, если не успеешь посеять теперь, то пусть до весны останется, но сбереги их, мой душечка, надо их завезть у нас, его несколько раз косят в лето, превосходный корм.

Скучно, что, выехавши отсюда, можем не скоро получать твои письма, мой душечка бесценный. С Полем посылаю вам маленький гостинец. Еще прошу вас, не церемоньтесь, напишите, что вам надобно купить, в каком роде вещи?

Сию минуту получила твое письмо, мой душечка, писанное в Варшаву, оно было в Берлине, в Париже, везде искало Фед[ора] Ст[епановича] Цицурина и наконец воротилось в Варшаву, куда он только что приехал. Благодарю я и все мы тебя, мой кукуничка, также милую Катеньку и душечку Павлуничку, что вы молились за нас. Дай, Господи, чтобы мы, возвратясь благополучно, нашли всех вас здоровыми и совершенно благополучными. Не знаю, как я вытерплю, не выдавши тебя, мое сокровище, и всех вас долго? Милую Катеньку много раз целую, также и Павлуныточку. Тебя, мой душечка, много, много обнимая, целую много,

много. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Маша, Поль и дети всех вас целуют. Граничка, даст Бог, скоро вас увидит, жаль мне его, бедненького, он очень грустит, уезжая, радуется только, что скоро тебя увидит.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 104–107 зв.
Друкується вперше.

№ 20.

Августа 22 / сентября 3, Кисинген, 1860.

Вот мы на отъезде, бесценное мое сокровище, мой душенька, Гришуночик мой, собираемся завтра, если Бог поможет, выехать, и я тебе припишу пред отъездом. Ожидаю письма от тебя, мой кукуненичка, с нетерпением, если бы мне его получить, то спокойнее бы было ехать, дай-то Господи, чтобы ты, мой душечка милый, и все вы трое были совершенно здоровенькие. Поль собирался третьего дня выехать, но накануне отъезда у бедного Гранички сделалась пресильная крапивная лихорадка с жаром, вот сегодня уже третий день, ему, слава Богу, лучше, хотя еще лихорадка, то есть сыпь, не прошла, но жару уже нет, и надеемся, что завтра можно будет выехать. В таком разе мы выедем, если Бог поможет, в один день на Шванфурт: они – в Дрезден, а мы – в Франкфурт. Машенька, слава Богу, чувствует себя лучше, говорит, что опухоль печени заметно уменьшилась, и она чувствует себя крепче. Она все еще пьет воды и берет ванны грязные. Полагаю, что ванны ей всего полезнее. В Диепе, если не будет очень холодно, то возьмем ванны 3 или 4 морские. Виноградного же лечения нельзя, потому что от холодного и сырого лета виноград будет очень кисел, что весьма вредно будет после вод, а потому, думаю, если купанья для Катеньки морские кончатся, то буде Поль не скоро возвратится, мы переедем на время в Париж, там, дождавшись его, поедем на зиму в По. Вот наше предположение, устроится же все по воле Божьей. Когда подумаю, мой душечка, Гришуночик мой, что от тебя нескоро будут доходить письма, то ужасно как делается грустно. Вообрази, что я вчера только получила письмо из Сокиринец, написанное еще 7-го августа, оно шло 15 дней. Пишут, что, слава Богу, все благополучно, но сперва суша, потом 12 дней сильного дождя много повредили и табаку, и псекам, что делать, воля Божья, что от нас не зависит, тому надо покоряться терпеливо. Из Гнилицы нет известия, а в Песках у нас, пишут, слава Богу, все хорошо. Переделка в твоём флигеле, пишут, приходит к окончанию, но, видно, ты, мой душечка, решился по плану Червинского переделать, а мне казалось, что по-твоему лучше, но тебе лучше знать, что тебе выгоднее. Пишут, что прачечная также приходит к окончанию. Илья также пишет, но насчет Ични ничего не пишет, видно, он еще не получил твоего, мой душечка, письма.

23. Сейчас уезжаем мы отсюда, бесценное мое сокровище, Гришуненичка мой, Поль – в Дрезден и потом дальше в Москву, а мы – на Франкфурт и Париж в Диеп, оттуда буду писать, а ты, мой душечка, пиши в Диепе. Грустно, что от тебя нет письма. Милую Катеньку и бесценного Павлуничку много раз целую. Тебя, мой добрый кукуненичка, обнимаю, целую много раз в глазочки, губки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословиению. Машенька, Раул и дети

тебя, Катеньку и Павлуничку целуют.

Мое бесценное сокровище, мой душечка, пиши мне обо всем, о себе и обо всех вас, а то крепко скучно не видать, да еще и известия не получить часто.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 102–103 зв.

Друкується вперше.

№ 22.

Августа 30-го, Диепе, 1860 г.

Отправивши к тебе письмо мое в Париже, мое бесценное сокровище, душечка мой Гришуночик, имела я радость получить твое № 14 от 16-го, адресованное в Кисинген. Благодарю милосердного Бога, что вы все трое здоровенькие. Дай-то Господи, чтобы осень в Петербурге не вредила никому из вас, чтобы ты, мой кукуничка, в Сокиринцах нашел все хорошо, все по твоему желанию, были бы все веселы в наших милых Сокиринцах, чтобы хозяйство наше все шло хорошо, а ты мне, мой душечка, пиши обо всем. Да, ради бога, береги свое здоровье, не простужайся, что ты часто делаешь. Когда я подумаю, как бы тебе было хорошо покупаться в здешнем море, то так жалко, зачем ты не здесь, на моем месте? Что делать, на милосердного Бога полагаю мою надежду, что Он тебя сохранит от всех болезней.

Ты, мой кукуничка, хорошо распорядился насчет твоей дороги в Сокиринцах, если бы только Александров мог найти для меня тарантас крепкий, да чтобы в дороге не было вам холодно. Велел ли ты, мой душечка, протапливать дом в Сокиринцах на случай, [если] похолодает? Как мад. Саузе, будет ли она с Павлуничкою заниматься? Она ведь в экой надежде осталась, а ты мне писал, мой душечка, что гувернер его знает по-аглински. Не знаю, что ты платишь гувернеру, но тебе будет невыгодно при теперешнем безденежье платить и мад. Саузи 300 руб. Я рада, что мад. Саузи с вами будет на несколько времени, и ты, мой душечка, опять начнешь говорить хорошо по-аглински, ты вовсе отстал, а это жалко мне. Покуда не получу известия, что вы уже выезжаете в Сокиринцы, буду писать тебе в Петербург. Хотя мне очень, очень скучно и даже грустно будет нескоро получать письма твои, мое сокровище, из Сокиринцев, но меня то только будет успокаивать, что осенью в Петербурге для тебя, мой душечка, и для Павлунички климат нездоровый. Притом же ты отдохнешь от мучительной работы комитетской, дай только, Господи, чтобы все было спокойно и хорошо при приведении в действие всего, над чем ты столько трудился, не жалея себя.

Теперь расскажу тебе про нас. Из Парижа я писала тебе про дорогу нашу туда. В Париже мы пробыли только 2 дня, на третий пополудни выехали. Много ездили, много видели, добрый Лев Мих[айлович] Жемчужников¹ везде ездил с нами и возил нас по любопытным местам. Увидевши Париж и его жизнь, я не удивляюсь, что люди, не имевшие привязанности истинной к своему, соглашаются остаться на всю жизнь в Париже.

¹ У спогадах, написаних на схилі років, Л. М. Жемчужников у такий спосіб згадував про Га-лаганів та їхніх сусідів і родичів Лизогубів, Маркевичів, у чиїх маєтках він неодноразово гостював: «Серце моє й тепер сильніше б'ється, згадуючи вас. Не дитинство, не юність дали мені відряду, – це ви примусили мене полюбити людей і життя» (Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. Л. : Искусство. 1972. С. 273.).

Это беспрестанное развлечение, всякого роду забавы, удовольствия, все, что вам угодно, не дадут времени задуматься и одуматься. Город перестраивают¹, расширяют улицы многие, чему все, кажется, рады. Много есть еще улиц невероятно кривых и узких. Бульвар des Italiens превосходный, тротуары так широки, что на них и 3 кареты бы разъехались, и так гладко для ходьбы, как бы по паркету. Бульвар de Sevastopol тоже хорош, но деревья еще не так густы. Деревья сажают большими и политыми, и они принимаются. Мы были в Château des fleurs вечером, где всегда иллюминировано и танцы, еще в Champs-Élysées, где также каждый вечер музыка из хороших артистов, все это, как и весь Париж, освещено чрезвычайно, в первом – огни перемешаны с зеленью и цветами, так светло, что можно читать в каждом углу. Все, как и весь Париж, освещено газом. Были в Пале Роальяль² и обедали там, в театре не были, там в это время нет ничего замечательного. В субботу вечером были на всенощной в нашей церкви. Новая еще не готова, но после всех великолепий в Париже наша бедненькая церковь кажется сироткою, так жаль смотреть на нее, она во имя св. ап[остола] Павла. Какова-то будет новая? Если бы иконостас сделали хороший, золоченый, в настоящем православном стиле. Русских было в церкви довольно много, 2 священника и диакон, но поют дьячки, у обедни, полагаю, что будет много, здесь русских вообще очень много, всего же больше в Париже.

31. Сюда мы приехали из Парижа третьего дня в 8 час. вечера. Проезжали местами прелестными Нормандии, какое изобилие воды, какое устройство. Руан, прежняя столица [Нормандии], очень живописен. По всей дороге селения как бы в саду. Диеп – хороший древний город, хотя небольшой и много нового строения, но церкви древние и снаружи превосходны, готической архитектуры, от древности темного серого цвета – кажутся запущенными, снаружи все высечены из камня украшения. Церковь Свя[того] Иакова, St. Jacques, говорят, будто первая по древности церковь во Франции. Над морем – старинная высокая крепость с башнями, но в виде развалин и служит помещением для бедных. Купанья морские устроены хорошо, т. е. на берегу, и, как водится везде, то и тут есть разные увеселения: и балы, и концерты, и театр, и многие разные, – все это при море. Посетителей хотя довольно, но говорят, их и 4-й части нет противу всегдашнего. Холод помешал нашим ехать на морские купания, теперь здесь очень холодно, но купаются. Наша Катенька вчера купалась 1-й раз, сегодня опять будет купаться, и всякий день. Машеньке же, Бог знает, можно ли в такой холод? Хотя Вельш ей сказал, что для нее 1-е: пять – много, 1½ минуты – довольно. Притом, что ей это не необходимо, а хорошо, если бы она взяла ванны 4 или 5, но я боюсь ей советовать: так холодно и ветер холодный. Так это тяжело и неприятно, что посоветоваться не с кем: я одна, если бы Поль был здесь, то

¹ К. В. Галаган (ст.) описує свої враження від перебудови Парижа, здійсненої під час правління імператора Наполеона III під керівництвом префекта департаменту Сена Ж.-Е. Османа.

² Пале-Руайаль (фр. *Palais Royal*).

вместе бы посудили. Докторов здесь много, но все незнакомые, и с здешними страшно советоваться. Мы здесь сперва остановились в гостинице, потом, на другой же день, нашли квартиру хорошую и даже роскошную по убранству, но небольшую, в бельэтаже. У нас 4 комнаты, кроме девичьей, внизу – столовая и кухня, но нам обедать носят из отеля. За квартиру платим 100 франков в неделю со всею посудой и бельем для стола, а за обед – по 4 франка с персоны. Вот тебе, мой душечка бесценный, подробное описание нашего путешествия и житья здесь. Что я тебе не прислала написанного было длинного письма, то это потому, что я его писала понемногу всякий день, и оно вышло длинное. Я же тебе, мой кукуничка, ничем не упрекала, не имела на это никакого повода. Но мне кажется, что я уже наскучила беспрестанными указаниями на все здешнее хозяйство и заведения, как будто моя одна цель была ехать за границу, чтобы учиться и учить других. Я это делаю потому, что не могу не делать ничего, и замечаю, чтобы извлечь что полезное и для своих. Не думай, мой душечка, кукуничка мой, чтобы я нашла что неприятное для себя в твоих письмах, они мне так дороги и так облегчают мою скуку по вас, что я их перечитываю по несколько раз и ношу с собою в кармане, сколько могу их положить. Милую Катеньку много раз целую, благодарю за поздравление с 15-м. Мое письмо, видно, опоздало, а я рассчитывала и надеялась, что ты его получишь в самый день твоего рождения. Не понимаю, отчего оно опоздало? Генерал наш Рожнов во всю дорогу заботился о нас, что даже было совестно, потому что он сам большой человек, теперь здесь берет морские купания.

Жемчужников собирается в Петербург, я ему завидую, что он скоро вас увидит. Милого моего душечку Павлуничку крепко целую, прекрасное его письмо к Машеньке. Обнимаю тебя, мое бесценное сокровище, и крепко-крепко целую. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Вообрази, мой душечка, что я не видалась с А[нной] Андр[еевн]ой Трубецкой – не могла поехать.

Приписка М. П. Комаровської. Целую тебя много раз, милый и добрый брат, и благодарю за письмо и поздравление с именинами, прошу тебя также поблагодарить за меня Catherine и Павлуся за их милые строки. Буду писать скоро подробнее об нас, а теперь скажу только, что мы, слава Богу, здоровы, хотя порядочно мерзнем в Дьеппе. Неужели вы с Полем не увидите в Москве? Это было бы ужасно досадно! Но я надеюсь, что вы как-нибудь с ним спешитесь. Обнимаю тебя, целую, Marie.

Катя целует всех вас.

№ 24.

Сентября 8, Диеппе, 1860 г.

Вот уже 4 месяца, что я не видела тебя, бесценный мой душечка, Гришуночик мой, и какие длинные месяцы для меня!

8 мая ты уехал из Москвы, мой кукуничишка, и еще пройдет несколько месяцев. Что делать, если бы только милосердый Бог дал, чтобы все вы были здоровенькие и благополучные, и чтобы наша поездка в чужие края принесла пользу нашей Машеньке, то для меня ничего больше не надобно. Пребывание мое здесь, я уверена, бесполезно для Машеньки, да она мне прямо сказала, что она без меня не поедет. Мое же было убеждение уже лет 6 и даже больше, что аптечные лечения ей пользы не делают, и даже воды, принимаемые дома, не принесут столько пользы, как их пить на месте. Кроме того, что воздухом их дышим, но образ жизни совершенно другой. Катенька в Кисингене 4 недели пила воды и купалась, что, слава Богу, кажется, ей было полезно, хотя, на беду, и время было чрезвычайно холодное и сырое. Она, бедная, была очень расстроена, кроме дороги и забот на ней, болезнью в Дрездене Поля, хотя болезнь была неопасная, но ты знаешь мнительность Поля, нельзя было не пугаться его состоянием. Потом всего еще было тяжелее для Машеньки отъезд Поля и Гранички. Она очень была расстроена и много плакала, беспокоилась за их дорогу, покуда не получила известия из Варшавы, а притом можно ли ей не беспокоиться за Граничку, который останется один в Москве. Бедненький Граничка так грустно уезжал, тосковал пред отъездом, все смотрел то на свою мама, то на меня, как будто хотел насмотреться, плакал, прощаясь. Дай, Господи, чтобы в таком месте, как наша столица, он остался с хорошею нравственностью. Его утешало только то, что весною, даст Бог, увидимся. Ты, мой душечка, я знаю, его приласкаешь, подай ему твои советы и утешения, что весною, даст Бог, он увидится с мама, лишь бы он занимался примерно и с успехом науками. Так как, говорят, экзаменов не будет, то по окончании курса, т. е. в начале апреля, он может уже выехать из Москвы.

9. Что-то с вами теперь делается, мое бесценное сокровище, когда-то Бог поможет Вам выехать? Я боюсь, что окончание вашего комитета, т. е. решения вашего положения о крестьянах, продлится, и если ты будешь ожидать решения, то и в сентябре ты еще не выедешь. Притом же (я говорю по слухам здешним), что, быть может, ваши труды были напрасны. Дело весьма серьезное, его надобно обсуждать общим комитетом, собранием министров и людьми опытными, и делать для всей России, а не по губерниям. Что делать, по своему желанию делать нельзя, а надо смотреть на общее благо. Мне крепко жаль, мой душечка кукуничишка, что ты столько трудился, терял здоровье, и все твои труды будут напрасны. Желание же устоять на своем нанесет только неудовольствия, а больше ничего. Твоя совесть чиста, а предоставь воле Божией – Он

устроит все к лучшему, положимся на Его святую волю.

Как-то ты, мой кукуненичка, найдешь все по нашему хозяйству, когда, даст Бог, возвратишься. Будешь ли доволен сокиринским управляющим, все ли у него хорошо? Овцеводство он, кажется, хорошо знает, я это ви-дела по овцам сокиринским, которые были при Парахон[ском] очень в дурном положении.

Что у тебя в Ичне, там ли уже Илья, и как Ичня, дала ли тебе доход в этом году, заплачены ли долги? Не понимаю, отчего Иван Нау[мович] ни мне, ни тебе ничего не пишет. Как-то у него по хозяйству, что делается с овцами, оканчивается ли винокурня, домик наш оканчивается? Мне бы хотелось, чтобы тебе можно было зимою или осенью поместиться уже в новом домике, если, даст Бог, что ты, приехавши, захочешь побывать в Гнилице, посмотреть тамошнее хозяйство.

Нельзя ли, мой душечка, покуда ты в Петербурге, поговорить, кому следует, о несправедливости по акцизам, что Остерский уезд причислили к Киевскому откупу и тем стеснили вовсе уезд Козелецкий. Это притеснение тебе делает, да и всем козелецким помещикам, большой убыток. Все бы были тебе за то благодарны, если бы ты постарался, чтобы это переменили, мне Любовцев очень жаловался и, верно, тебе писал, что трудно сбывать горелку без убытка, большая несправедливость.

10-е. Только что я писала тебе, мой душечка, о Гнилице, как получила [письмо] от Ивана Наум[овича], но, вообрази – от 14 августа, письмо шло 25 дней. Пишет про все хозяйство: слава Богу, все благополучно, но скот, как наш, так и людей, болел на рты и ноги, и хотя, слава Богу, убыли большой нет, но в рабочее время болеет скот, и выздоравливающий все же слаб, и орать трудно. Все же, слава Богу, благополучно. Жита нажали 5000 коп, пробу с некоторых ланов взяли – дает по 6 пуд[ов] и 10 ф[унтов], дай Бог, чтобы весь [урожай] был таков. Овса нажали немного – 3400, но овес выбил град, также просо и гречу, последней не воротятся и семена, овес же с иных ланов даст по 7 мерок, слава Богу, не худо. Табак так же: иные ланы выбиты, а на других поломано лист, его уже начинали рубить, и пишет, что, несмотря на то, что град испортил, а все-таки надеется, что табаку будет больше прошлогоднего, и что цены будут лучшие, потому что градом много выбито по местам. Винокурня, пишет, что будет готова ко времени начинания, полагаю, что он считает – к 1-му октября, обещает приняться за дом скоро, а теперь не имеет времени. Сена накошено 44 скирды по 8 сажень, слава Богу, сена довольно. Между овцами также была болезнь на рты и ноги, но убыли больше не было. Обещает стараться всеми силами к пользе нашей, да мне кажется, что он старается, если и были упущения, то это не по его незнанию. Я ему крепко выговаривала за овец прошлой зимы и весны этого года, и он, удаливши немца-овчара, принялся сам смотреть с приказчиком, и пошло лучше. Хорошо, если бы нам было возможно найти здесь хороше-

го овчара, то есть в Саксонии.

Что еще сказать тебе про наше житье здесь? Погода нехорошая: и ветер, и дождь, и холодно, но, кажется, климат Диеппе здоровый – многие больные, не лечившись, говорят, выздоравливают. Машенька наша в море не решилась купаться, оттого, чтобы не простудиться, и ванн морских по той же причине не брала. Катенька же всякий день ходит купаться. Здесь море так непостоянно, что часто, и почти каждый день, отлив бывает так велик, что далеко надо идти от берега в море, а иногда так близко, что переносят палаточки повыше, и это нерегулярно: иной день можно купаться в 10 часов, а иной – в 4 и 5, то ес[ть] для тех, кто не умеет плавать. Пристань здесь прекрасная, много приходят и отходят кораблей, больше аглинских, отделана пристань очень хорошо и служит прогулкою, хотя далеко от места, где купаются. Катенька здесь берет уроки музыки и француз[ского] языку. Вот, мое сокровище, бесценный мой Гришуночик, длинное тебе письмо. Хотя недавно писала, но отправляю письмо потому, чтобы оно застало тебя еще в Петербурге, а то не скоро будешь получать письма. Не забудь, мой кукуничка, написать мне адрес к тебе в Прилуку, чтобы письма не шли долго. Обнимаю и целую много раз милую Катеньку и душечку Павлуничку, тебя, сокровище мое, много раз целую в губочки, глазки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Еще, мой душенька, о прачке и поваре. Мой вам совет: приехавши, если даст Бог, в Сокиренцы, они, верно, захотят праздновать свадьбу, не позволяйте им этого, пусть они живут, как бы уже давно были женаты. Верьте мне, что это будет полезно для других, а им – в наказание.

Машенька целует тебя, Катеньку и Павлуся, также и Катенька.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 148–149 зв., 156–157 зв.
Друкується вперше.

№ 25.

Сентября 14-го, Диеппе, 1860.

Письмо твое № 16 от 3-го сен[тября], бесценный мой душечка Гришуночик, я имела удовольствие получить 10-го, отправивши мое к тебе, теперь опять пишу, мое сокровище, дабы сказать тебе, что на днях мы выезжаем отсюда в Париж. Уже для морских купаньев погода делается холодная, утром так холодно, что только что не мороз. Не знаю еще, где будет наша квартира, также и то, надолго ли мы останемся в Париже, но полагаю, не меньше двух или 3 месяцев, а потому, мой кукуненичка, пиши мне в Париж *poste restante*, здесь я дам записку на почте отправлять письма в Париж. Скучно только очень и боюсь, чтобы твои письма не опаздывали. Можешь представить себе, какое удовольствие доставляют мне твои письма, мое бесценное сокровище, Гришуночик мой, душечка моя. Дня через 3 или 4 полагаем выехать.

Как-то вы, мой кукуненичка? Может, уже выехали из Петерб[урга], и это мое письмо ты не скоро получишь и будешь мне писать сюда, то и я твои письма буду получать не скоро. Вчера мы ездили по здешним окрестностям, ездили в знаменитый замок *Château d'Arques*¹, бывший жилым дворцом Генриха IV, но построен еще в половине одиннадцатого столетия. Это развалины великолепнейшие – на высоте, откуда виды превосходные далекие, и Диеппе также виден. Внизу – деревня с церковью готической архитектуры, говорят, будто современная Генриху IV. Развалины, обросшие очень живописно разными вьющимися растениями и даже деревьями, в одной из башен растет высокое и довольно толстое дерево – ясень. Оттуда мы поехали в прекрасный лес, принадлежащий государству. Он очень велик, весь из грабового дерева, содержан превосходно, [в] середине по местам построены прехорошие дома для лесничего, который получает хорошее жалованье, но уже смотрит за лесом превосходно: ни одно дерево не пропадет, и в лесу не увидишь никакой скотины. Вообще здесь, также и в лесах подле Парижа, и даже частью в Германии, большая часть – деревья грабовые и буковые. Последними обсажены по селам все огороды и поля даже, буковыми деревцами, которые пристригают стенкою аршина полтора вышины и толщины не меньше полуаршина. Фруктовых деревьев множество везде, и я никогда не видала на деревьях столько фруктов, как вообще здесь и в Германии, деревья подперты со всех сторон, даже на маленьких деревцах множество [плодов], и ничто их не трогает. Овощей множество, и все это без приставов соблюдено. Из *Château d'Arques* мы поехали в селение *St. Никола*, где все жители работают на тамошнюю часовую фабрику². Ходили на фабрику – прекрасное заведение, несколько отделений, где работают

¹ Замок Арк-ла-Батай у передмісті Дьєппа.

² Йдеться про годинникову фабрику в містечку Сен-Ніколя-д'Альєрмон неподалік від Дьєппа.

мужчины и женщины все нужно для часов, у каждого машинка такая, какую надо для его работы. Мы спрашивали о их плате: за 100 колесиков на часы известной уже величины и формы дают 5 фран[ков] работнику или работнице, и она их вырабатывает в 2½ дня, стало [быть], плата в день не больше нашего четвертака, кормиться же должен от себя уже. Как дешева плата рабочим, и какой работы?

Много заняла описанием, но мне хочется все сообщать тебе, мой душечка, что я вижу, и что меня занимает. Здесь, как и в Германии, землю удобряют и хорошо обрабатывают, зато и хлеб родит очень хорошо. Овес теперь здесь косят, скирды или стога кладут круглые, крыши очень острые, чтобы хлеб не замокал.

Полагаю, что Поль уже в Москве, что ты его видел, душечка. Как-то там бедненький Граничка остался один. Хорошо, если Анна Евграф[овна] уже в Москве, – она его любит, а то хотя и много добрых людей и приятелей, но все не свои. Пишешь, мой душечка, что вино купил и отправляешь. Приехавши, даст Бог, в Сокиринцы, ты потребуй реестра винам и всему, что в погребу у Якова. У него на руках погреб, он человек честный и не пьет, и, пожалуйста, вели ему смотреть за винами, и теми, которые подают на стол, а то ты увидишь, как у вас будет расходиться вино, если другие будут мешаться. Он робкий и не будет сметь сказать другим, чтобы не мешались. Кроме его, у нас нет человека в доме, который, хотя не напивается часто, но не пил бы.

15. Много написала тебе, мой добрый Гришуночик, спешу отдать на почту. Целую много раз милую Катеньку и славного нашего Павлуничку-грамотея. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровенькие и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословиению. Тебя, мой кукуненичка, забыла поцеловать, за то целую вдвое больше – и в губочки, и щечки, и глазки.

Машенька тебя целует, также Катеньку и Павлуничку, Катенька – также.

№ 26.

Сентября 21 / ок[тября] 3, Париж, 1860.

Вчера в 11 часу утра выехали мы из Диеппе, бесценно мое сокровище Гришуночик, и вчера же в 7 часу вечера приехали сюда, слава Богу, благополучно. Зная, что мы приедем сюда уже вечером, и что, по большому теперь съезду, трудно будет искать квартиру, я написала к доброму Льву Михайловичу отыскать, и он нашел нам очень хорошую и сам выезжал к нам навстречу. Мы остановились на улице Rue Neuve St. Augustin maison garni [...] ¹, покуда ищем квартиру. Лев Михайлович на этой неделе едет уже в Петербург, мне жаль, что он уезжает: кроме того, что он очень добрый и всех нас любит, но он хорошо знает Париж и мог бы быть нам полезен.

Накануне отъезда из Диеппа я имела удовольствие получить твое письмо, мой душечка кукуненичка, от 11-го, с прекрасною припискою милого нашего Павлунички. Благодарю Бога, что вы все трое здоровы. Скажи душечке Павлуничке, что я его много раз целую за приписку и радуюсь его успехам в писании. Уверена, что он во всем будет успевать. Сейчас Машенька получила письмо от Поля из Москвы с твоею, мой душечка, припискою. Я рада, что ты, мой душечка кукуненичка, съездил в Москву к Полю, дай Господи, чтобы благополучно опять возвратился и нашел своих благополучными.

Что сказать тебе, мое сокровище, о нашем сюда путешествии? Оно было весьма недлинное, хотя мы ехали в вагонах, которые идут немного медленнее. Что за прелестная дорога от Диеппе до Парижа, несмотря на то, что надобно проезжать 10 туннелей, и из них иные довольно длинные, но в вагонах освещено уже с самого Диеппе. Генерал Рожнов едет с нами и, добрый, во все пребывание наше в Диеппе навещал нас и прогуливался с нами. Вообрази, мой душечка, что почти во всю дорогу протекает Сена, разными поворотами, принимает в себя еще другие реки, все берега ее оживлены селениями и городками прекрасными, все в садиках. Гор[од] Руан прекрасный и большой, прежняя столица Нормандии. Какие прекрасные луга, и все это засевається клевером. Все зелено, как весною, листья еще не желтеют. Кстати, о клевере: ты, мой душечка, полагаю, получил семена клеверу с Полем. Он чрезвычайно густо растет и превосходный корм. Сбереги эти семена, пусть лежат у тебя в комнате, а даст Бог, велишь посеять рано весною, обработавши хорошо землю. Здесь любо смотреть, как землю обрабатывают: орют глубоко, мягко, ни кусочка не увидишь на ниве, еще удобряют, за то на небольшом кусочке земли много хлеба.

Сию минуту прочитала письмо Гранички к Машеньке и с какою радостью увидела из него, что ты, мое милое сокровище, надеешься приехать весною с милою Катенькою и Павлуничкою к нам. Боюсь даже тешить себя этою мыслию, неужели, в самом деле, ты это желаешь сде-

¹ У будинку з умебльованими кімнатами на вулиці Ньюв-Сент-Огюстен (фр.).

лять? Если для твоего здоровья нужно или для кого из вас, то как бы было хорошо приехать вам весной. Посоветуйся с Мерингом, мой добрый Гришуненичка. Как-то Бог поможет вам, мой душечка, возвратиться в Сокиринцы в такое позднее время, дай-то, Господи, чтобы благополучно. Писал ли ты, мой душечка, чтобы протапливали в доме, а больше в твоих комнатах, где может быть сыро от новой щекатурки? Если хотя мало есть сырости, то, ради Бога, поместитесь в большом доме, в моей спальне или где в других комнатах, покуда там просохнет. Да, кстати, о сырости: наш дом как зимою не топится, то летом сыро, в комнатах Машеньки даже в кровати иногда бывает плесень видна. Не худо, если бы ты, мой душечка, велел протапливать иногда понемногу в доме чрез печку.

Как-то Илья хозяйствует в Ичне? Я думаю, что он будет стараться. Дай, Господи, чтобы твое хозяйство пошло хорошо, а то ты, бедненький, все терпишь убытки. Если можно, мой душечка, побывай и в моем хозяйстве. Кажется, слава Богу, у меня идет хорошо. Наши управляющие – Иван Наумович и Иван Иван[ович] – стараются и обещают стараться, и твое ободрение их еще больше поощрит. Но думаю, что в Пески тебе ехать неудобно теперь, – Боже сохрани, чтобы не простудиться, а вызови к себе Кузьменку и поговори с ним. Да, я думаю, что это необходимо, чтобы дать ему наставление насчет предстоящих перемен. Милую Катеньку и Павлуняточко много раз целую. Тебя, мое сокровище, обнимаю и много-много целую и в глазунки, и в губочки, и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Приписка М. П. Комаровської. Целую тебя много раз, милый и добрый брат, благодарю за приписку в письме Поля, которое сейчас получили. Буду писать подробно, как только здесь немного устроимся, а теперь отправляюсь искать квартиру. Слава Богу, мы все здоровы и приехали сюда благополучно. Ожидаю с нетерпением Поля и сейчас писала к нему в Варшаву. Поцелуй от меня Catherine и Павлуса. Обнимаю тебя, Marie.

№ 27.

Сентября 26 / ок[тября] 7, Париж, 1860 г.

Приехавши сюда, я писала к тебе, мое бесценное сокровище, мой душечка Гришуночик, теперь ожидаю с нетерпением письма от тебя, а между тем посылаю адрес нашей квартиры. Слава Богу, мы все здоровы, хлопотали очень о квартире, мне жаль было Машеньку, лазившую по лестницам осматривать десятки квартир, неудобных или чересчур дорогих, я больше оставалась внизу, не лазила по лестницам. По многим неудачам, наконец, нашли, сколько можно было, кое-как удобную и вчера вечером переехали. Полагаю, что дней чрез 8 и Поль должен приехать сюда. Нашли было au Champs-Élysées, но они далеко от центра города, тем почти в конце и, казалось, в глуши, то мы взяли близко Итальянского бульвара, в улице Caumartin, № 27-й.

Третьего дня мы были в цирке, хорошо ездят, но слишком замечательного ничего нет. Здесь нашли мы Елизав[ету] Вас[ильевну], Нину, т. е. Надиньку, Варв[ару] Алекс[андровну], которая скоро едет. Сегодня были в церкви, видели множество русских, заходили к священнику, который мне сказал, что он тебя, мой кукуничка, знает. Написала тебе, мой душечка, план, но неудачно очень, то скажу только, что у нас комнат: передняя, столовая, гостиная, 2 спальни – Маши и моя, девичья пониже, и вверху – комната для человека. Наша квартира, как называют, au premier¹, хотя довольно высоко. Ты знаешь Париж, мой душечка, то описывать мне его не для чего. Езда беспрестанная, суматоха, – все это, кажется, ничего не делающее. Много строят и ломают старое. Мы были в церкви Madeleine – очень хороша, но не походит на церковь: 1) образов нет, а на место образов все изваяния – белого мрамора статуи Спасителя, Божией Матери и другие на алтарях. Внутренность, как колонны, так и стены, – мраморные, снаружи все колонны белого камня, и фасад скорее походит на театр, чем на церковь, тем больше, что на ней нет креста, не может вовсе сравниться с нашей Исаакиевской церковью. Наша православная [церковь] строится, уже купола верхние кладут, и очень будет хороша, если бы иконостас сделали по-нашему – высокий и золоченый.

Что-то у вас делается, мой кукуничка, как-то и чем кончатся дела комитета, как-то вам удастся выехать? Я думаю, в Сокиринцах ждут с нетерпением твоего приезда. Как ты думаешь, мой душечка, с поваром Захаром и Филипом, также и Данилом? Они на оброке, или велишь им явиться? Также Роман. Я тебе писала, что он просил позволения жениться на Марье, моей горничной, я оставила до твоего разрешения. По его словам видно было, что он не намерен заниматься своим мастерством, т. е. кондитерством, а хочет быть хозяином. Очень жаль, потому что он

¹ На другому поверсі (фр.).

хороший кондитер и мог бы заработать много, она на работу очень нескоряя, держать же их в доме, не знаю, выгодно ли? Разве с тем, чтобы он, как Павел-кондитер, жил у себя и приходил служить, варить варенье и все делать по своему искусству. На Романа, правду сказать, положиться нельзя, как на Павла. Ты мне, мой душечка, напишешь обо всем потом. Еще тебя прошу, мой кукуненичка, вели из Гнилицы выслать за Настеньку за полгода, срок – в сентябре. Ива[н] Нау[мович] знает, сколько надобно, напиши к нему, чтобы выслал, он скорее твое письмо получит, чем мое. Буду писать тебе, по обыкновению, все, а теперь целую милую Катеньку много раз, и умного славного Павлуничку, и тебя, мое сокровище, много-много раз. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька и Катя обнимают тебя, Катю и Павлуничку.

Адрес наш: ruе Caumartin, № 27-й.

Пожалуйста, мой душечка (это по секрету), напиши мне, что купить Катеньке. Купить ли ей какую золотую хорошую вещицу, браслет или брошь, или кружевную косынку (если у нее нет), или кружевов разных и каких, или что другое. Пожалуйста, выведай и напиши мне без церемонии, какого рода гостинец ей привезть. Мне бы хотелось на ее вкус. Также и тебе, мое сокровище, не купить ли тебе карманных хороших часов золотых, напиши мне без церемонии, или что другое. Может, тебе часов не надобно, а что другое захочешь? Прошу тебя, мое сокровище, напиши без церемонии. Ты не можешь представить себе, какое мне удовольствие сделаешь этим, без того я буду очень затрудняться. Также Павлуничке хотелось бы привезть, что ему нравится. Целую тебя очень, мой кукуненичка, прошу об этом.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 108–110 зв.
Друкується вперше.

№ 28.

Сентября 28 / окт[ября] 10, Париж, 1860.

Опять принимаюсь писать к тебе, мой душечка бесценный, мой Гришуночик, буду понемножку всякий день, что придет на мысль. Вчера была я в Фонтенбло в Бельфонтене¹ у наших Трубецких. Я написала к ней, что буду. Добрый князь встретил меня у дебаркадера с экипажем и повез к ним. К[нягиня] Анна Анд[реевна] встретила меня совершенно как добрая родная. Угощали меня сколько можно, я с удовольствием видела, что доставила и им большое удовольствие моим приездом. Я была одна. У Машеньки болели зубы, она не могла ехать, а как я уведомила, что приеду, то и не хотела откладывать. Я обедала у них, они обедают поздно, но как мне пришлось бы возвращаться поздно, то велели, чтобы обед был в пятом часу, и я, пробывши у них 4 часа с лишком, уехала. Князь проводил меня опять до дебаркадера, усадил меня в поезд и ждал, покуда я уехала. Очень было мне приятно быть у них. Мы много говорили про прошедшее, и так я полюбила их еще больше от того, что князь тебя, мой душечка, очень любит, так много говорит о тебе, и она также любит тебя, мое сокровище. Да кто же не любит моего кукуненичку? Надобно быть очень злым или вовсе не понимать тебя.

Сию минуту принесли мне 2 письма твои, мой душечка, – № 18 от 15-го и № 19-й от 20. Первое, видно, пролежало, читаю и благодарю Бога, что вы все трое здоровы, и что ты, мой душечка, благополучно возвратился из Москвы. Пишешь, мой душечка, что в Москве тепло, здесь же и дождь, и холодно, как нарочно для нас, искавших теплых мест. Пишешь, мой душечка, что Авд[отья] Петр[овна] Сакина очень больна, Боже сохрани, если ее не станет. Несчастное семейство, она так любила мужа, берегла его, как дитя нежила. Мать, и детей крепко любила, и вообще достойная женщина. Дай, Господи, чтобы она выздоровела.

Хорошо, мой душечка, что Поль заедет в Сокиринцы, он мне расскажет про все, может, пойдет в церковь и увидит, как все там. В Сокиринцах без Ильи трудно, но если даст Бог, что в Ичне пойдет у тебя хорошо, то не надобно жалеть, что Илья не в Сокиринцах.

Рада, мой душечка, что травки тебе понравились, и что ты их будешь носить. Ты не пишешь, получил ли ты семена клеверу? Ты не можешь представить себе, сколько он даст сена, и превосходного. Если, даст Бог, будем дома, и я еще буду в силах что делать, то примемся с тобою за улучшение нашего хозяйства, я тут даром не проезжу, все стараюсь замечать и, что можно, завезть у нас.

На второе письмо твое, мой душечка, скажу, что мы его прочитали с Машенькою, как ты и писал мне прочитать. Она тебя много раз целует.

¹ Бельфонтен (фр. – *Bellefontaine*) – замок біля Фонтенбло, під Парижем, маєток князів Трубецьких.

Описание твое Москвы, т. е. Кремля, меня перенесло совершенно туда. Я очень люблю это место, где ты стоял, мой душечка, часто бывала там и всегда любовалась видами, и вообще Москва необыкновенно хороша.

Что сказать о Париже? Ты его знаешь, мой кукуничка, но я уверена, что найдешь много перемены: многое переломано и уже перестроено, многое ломают и строят все с невероятной скоростью. Город украшается, хотя, признаться, я очень люблю старинные строения, старинные узенькие кривые улицы, т. е. смотреть на них, и теперь еще их много, но много уже и широких, с превосходными широкими тротуарами. Магазины наполнен весь город без [пре]увеличения, освещен так, что на улице можно читать, со всех сторон, от самого въезда в город, начинаются магазины и тянутся по всему городу, почти не прерываясь. Когда видишь это, то позавидуешь богатству не одного города, а государства, все это национальное, все торговцы – французы, исключая несколько торговцев-англичан, но все это остается во Франции, все выручаемые деньги, тогда как у нас в Петерб[урге], в Москве и даже по другим торговым городам все магазины иностранные, очень редко наши, все деньги выручаются и отвозятся ими в свои страны, а не остаются в России. Кроме того, и деньги путешественников, которых множество.

2 октября. Вчера мы были в церкви на наш праздник, наших русских было не много, может они не знают праздника Покрова Божией Матери, если не по-нашему ведут счисление¹. Нина все еще здесь и не знает, когда выедет, я ей советовала ехать в Дубовичи, хотя она говорит, что будто доктора посылают ее в Ницу, судя по наружности, она не походит на больную и ездит беспрестанно, почти всякий день в театре, между нами сказать, ей, кажется, не весьма хочется ехать на зиму в Дубовичи. Елиз[авета] Вас[ильевна], также Вар[вара] Алек[сандровна], думаю, скоро уед[ут] в Петерб[ург], здесь и сестра Вар[вары] Ал[ександровны] – г. Пушкина, ее маленькому делали операцию в ножке и говорят, что, слава Богу, кажется, хорошо, он теперь все лежит, не велят двигать ножкою.

Знаешь ли, мой душечка, что мне кажется, если бы только можно, то здесь бы приобрести зеркал и больших стекол на окошки в киевский дом. Я сужу по тому, что здесь везде, даже в домах не весьма убранных, зеркала пребольшие, и, что у нас чрезвычайно дорого, очень широкие, то, без сомнения, они должны быть недорогие. У многих окошки цельные, не створчатые, потому что цельные трудно открывать. Как бы хорошо и очень бы хотелось, но не знаю, как взяться, чтобы это исполнить.

Приятно смотреть, как здесь и везде соблюдают чистоту не только в дворах, которые подметают и даже моют, потому что они вымощены камнем, но улицы метут, подле каждой лавки и лавочки моют тротуар, окошки моют, от того все кажется новенькое и хорошее, экипажи вымы-

¹ Тобто живуть за григоріанським календарем, прийнятим у Франції.

ты, как новые. Мы нашли квартиру в Rue Caumartin № 27, в хорошей улице в центре города, платим за все по 510 фран[ков] в месяц, на 2 месяца, обедать нам носили сперва с гостиницы на нашей же улице, но как нехороший стол, лучший далеко и носить нельзя – дорого очень, ходить же обедать по теперешней погоде невозможно, не рискуя здоровьем, то мы взяли хорошую кухарку, которая приходит каждый день, готовит нам стол и уходит, покупает нам провизию по счетам, жалованье ей в месяц – 40 фран[ков] и наш стол, и нам теперь гораздо лучше, все горячее и свежее на столе.

Много пишу, пора кончить. Обнимаю тебя, мое бесценное сокровище, много раз целую в губочки, щечки и глазки. Машенька тебя и твоих много целует, Катенька также, она здесь также учится фран[цузскому] языку и музыке. Машенька будет тебе писать после. Молю милосердного Бога, чтоб вы все, мои дорогие, были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Полагаю, что Л. М. Жемчужников скоро будет в Петерб[урге]. Жалко его, бедного, он такой добрый, а кажется, его обстоятельства незавидные.

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 76–77зв., 162–162 зв.
Друкується вперше.

№ 29.

Октября 5, Париж, 1860 г.

Бесценное мое сокровище, мой душечка, Гришуночик. Твое письмо № 20 от 27-го я имела удовольствие получить вчера утром, т. е. 4-го, оно шло только 7 дней, как приятно, что скоро, а когда подумаю, что из Малороссии письма идут не меньше 15 дней, то крепко грустно становится не скоро иметь известия от моего кукуненички. Уверена, мой душечка, что ты возьмешь все предосторожности при переезде осенью в Сокиринцы, и что, берегши своих, будешь беречь и себя, да и в Сокиринцах будешь себя беречь. Ради Бога, душечка, не подвергай себя простуде.

Ты мне писал, мой кукуненичка, что ты пригласил Ал[ександра] Ал[ександровича] Шефера прожить с вами в Сокиринцах, а я слышу, что он женится, то уже не поедет, вероятно, из Москвы, по крайней мере, долго. Да, правду сказать, женатого уже неудобно иметь, могут встречаться разные неудобства, тем больше зимою. Пишешь, мой душечка, насчет вашего комитета, что могут сделать многие изменения в ваших положениях. Я тебе писала о здешних слухах, что будет не по-вашему, потому я и говорила тебе, не помню, в котором письме, что ты трудишься, не жалея себя, и труды твои ни во что вменяются. Мне жалко тебя, мой кукуненичка.

Полагаю, что если Елены Васильевны еще нет в Петерб[урге], то скоро будут. Хорошо, что вы с ними пробудете несколько времени, а может, Елена Вас[ильевна], сестрица, поедет с вами в Сокиринцы, как бы это было хорошо для вас, лишь бы зимою в Сокиринцах было ей выгодно. За столовую боюсь, чтобы не было холодно, а думаю, лучше бы было внизу, в угольных¹ комнатах – они теплые, и переход небольшой, лишь бы железную печку, что в большой передней, топили. Если же вы поедете зимою в Киев, то ей там будет хорошее помещение, она же такая милая и столько имеет ресурсов в самой себе, что, верно, нигде не соскучится.

Ожидаем с нетерпением Поля. Кроме того, что хочется его видеть, но он расскажет мне про Сокиринцы. Меня очень беспокоит церковь наша: я, полагая, что ты приедешь в августе, не велела ничего делать для поправления трещин до твоего приезда. Хорошо, если там догадаются и пошлют за Червинским, если же ничего не делали, то я боюсь за осень, когда дожди пойдут. Писал ли ты, мой душечка, в Сокиринцы о церкви, спрашивал ли, и что тебе отвечали? Уведомь меня, мой душечка.

Ехать поздно осенью. Хотя ты, мой душечка, возьмешь все предосторожности, но не позабудь, что, если начнутся морозы, карета будет забегать, при том переезжать реки, на которых могут быть разведены мосты, – все это надо приготовить испытать. Боже сохрани оставаться тебе, мой душечка, до зимней дороги в Петерб[урге]. Также неудоб-

¹ Кутових.

на квартира: обходится тебе очень дорого, платить по дням, как ты пишешь, – по 13 р. в сутки. Может, можно найти маленькую квартиру, лишь бы нехолодную и чтобы удобно было поместиться, не рискуя простудиться. Я весьма согласна с тобою, чтобы в несчастном доме доброго Петра Аркад[ьевича]¹ никак не помещаться. Что делать, может, грешно это, но после такого несчастья страшно жить там с нашим бесценным Павлуничкою. Лучше найти квартиру для вас, если надобно будет.

Боюсь, мой душечка, чтобы ты не нуждался в деньгах. Пишешь, что ты велел Ивану Наум[овичу] послать мне сколько можно денег. Я боюсь, чтобы он не выслал много – так, что тебе не останется. У него было, по его мне донесению, собрано 2000 р. Пишешь, мой душечка, о хозяйственных магазинах, как бы нам были они полезны, хотя и дорого, но я бы не пожалела денег. Но беда та у нас, что если испортится, то некому исправить, а без человека такого, который умел бы ею владеть, она бы беспрестанно портилась. У нас много есть такого, что можно сделать полезного, но мы не обращаем на то внимания, а надобно бы. Повозки наши сделаны вообще очень тяжелыми, портят скот и лошадей. Их надобно делать на железных осях, с большими колесами кованными, это, скажут, дорого стоит, но зато же эта повозка прослужит долее, а еще важнее – сбережет скот. Я здесь, как и в Германии, не видела худой скотины и лошадей, их берегут, чистят, зато одна лошадь везет то, что наши 4 не повезут, и повозка выдерживает невероятные тяжести. Приятно смотреть, как здесь берегут скотину, кажется, всегда в езде, а жирная, чистая, во время дождя накрывают ее спину клеенкою и так ездят, у нас же, на нашей даже конюшне, лошади так измучены, что жалко смотреть на них, но это все от худого присмотру, притом же и худые дороги портят лошадей и волов.

8-е. От Поля получили вчера депешу от 3-го из Киева, что он едет на Варшаву, а потому полагаю, что 15-го или 16 он может быть здесь. Депеша пролежала на почте больше двух дней, адреса нашей квартиры на ней не было, то и не принесли, посланному даже с пашпортом Машенькиным не отдали, а она была должна ехать сама за депешью, на почте порядок очень хороший – не отдадут письма каждому.

Что меня здесь удивляет, это что в Париже такое множество цветов, теперь уже осень, холодно, но все зелено, и цветов разных [много], не только по садам, но и по дворикам при домах, которые видишь с улицы только чрез ворота, все наполнено цветами и зеленью, насаженными и в горшках. Здесь бываю же морозы, но как это все не портится, газоны такой яркой зелени, что только любоваться, но мне сказали, что газоны здесь удобряют листом на зиму, – что бы перенять и не выметать у нас весною (как всегда делают) листу из нашего сада вообще,

¹ П. А. Кочубея, в якого нещодавно померли діти.

он удобряет землю и поддерживает сырость между деревьями, дороги надо подметать, но ни клумб, ни лесу не надобно.

Много, очень много хорошего и замечательного видишь в Париже, он так украшен превосходными зданьями, плацами и всем, но я бы не могла долго жить в Париже, – вечная пустошь, беспрестанные гулянья, театры, кажется, и думать некогда, не для того я это так вижу, что уже лета мои не веселят, но и в молодости мне никогда не нравилась праздная жизнь, а тут она, по крайней мере у дам, совершенно праздная. Никогда бы не хотела быть француженкою и принадлежать этой нации. Но как умен Наполеон, как он умеет владеть французами, сколько у него вкуса, этому надобно удивляться; все, что при нем выстроено – все превосходно, город украшается невероятно скоро, народ любит его, кажется, да и есть за что, какой везде заведен порядок, какая полиция вежливая, какая чистота по городу, и все это ничего не стоит [ни] домовладельцам, ни казне, платится-то всего нечувствительно, но этот платеж не идет по рукам, а туда, куда надо.

Пора кончить, много пишу. Прошу тебя, мой душечка, когда будешь в Москве, то подпишись за меня у книгопродавца Urbin на «Иллюстрацию» на будущий год с пересылкою в Сокиринцы, да не знаю, как делают у нас в Сокиринцах с моею «Иллюстрацією» – получают ли ее от мая? Я подписалась, но боюсь, чтобы с почты присылали в дом, потому что на мое имя посылка. Мне отдавали, не знаю тепер, отдают ли и кому? Еще тебя, мой душечка, прошу, вели справиться в Ичне об Михайле Десятнике, я слышала, что он в большой бедности, мне его жаль, он служил долго, и я им всегда была довольна, если он не пьет, то, может, можно его употребить при доме нашем, она тоже была хорошая у меня горничная, но дело в том, не пьет ли, они же одинокие, без семейства.

Целую много раз милую Катеньку, Павлуныточко много обнимаю, благодарю за прекрасно написанное письмо. Тебя, мое бесценное сокровище, много, очень много целую в губочки, глазки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и святому Его благословению.

Приписка на полях. Машенька тебя целует, и Катеньку и Павлуничку, также и Катенька.

№ 30.

Октября 12-го, Париж, 1860.

Бесценное мое сокровище, душечка мой Гришуночик, отправивши письмо мое к тебе 8, я была обрадована, получа твое от 4-го на другой день, т. е. 9. Вообрази, что оно шло только 5 дней, как это приятно. Благодарю милосердного Бога, что ты, мое сокровище, и все вы трое здоровы. Но письмо твое принесло мне грустные известия. 1. О смерти Хомякова. Крепко жаль такого человека, которого поэзия не только была хороша, как хорошая поэзия, но как христианское учение, что выше всякой поэзии. Да упокоит его Бог с праведными. Без сомнения, такая душа пошла прямо к Нему. Можно сказать, что, к несчастью, в России гении долго не живут. Отчего это? Видно, Богу не угодно. Другая печальная весть в твоём письме – это пожар в Ичне. Бедные люди, и в какое время пожар – когда хлеб был уже свезен. Бедные наши люди: за несколько лет труды уничтожились в один день. Не можешь представить себе, мой душечка, как мне их жаль, да и помочь им хотя и можно, но возратить того, что они потеряли, невозможно. Ты, мой душечка, как думаешь сделать им пособие? Я думаю, что можно купить лесу им на постройки сколько можно. Я знаю, что у тебя денег мало, то возьми из моих рублей до тысячи и помоги им. Но еще нельзя знать, не отходит ли то место, где был пожар, под улицы по новому плану? Может, им отведут другие места. Жаль мне бедных наших, но что делать, веришь ли, мой душечка, что я бы без милосердия выгнала того из места, из дому которого начался пожар. Если бы так поступали с теми неосторожными, то заставили бы беречься, пусть деваются, куда хотят, а не принимать их туда, где был пожар от их нерадения. Вижу, мой кукуненичка, что ты не доволен сокиринским управляющим, мне это чрезвычайно досадно, еще больше потому, что я его взяла и хвалила его тебе. Но что же мне было делать? Ты знаешь, в каком положении было сокиринское хозяйство. Мне Любовцев рекомендовал Чернявского как человека честного и хорошего управляющего, да справедливо сказать, я сама видела, что он очень деятелен, много исправил в короткое время. Ты, мой душечка, не имел времени входить в подробности не только по хозяйству, но даже по дому. Мы не имели хорошего дворецкого, и у нас без присмотра люди портились, не только вещи, и нашим людям, без сомнения, не нравится тот, кто требует порядку. Я это говорю, мой душечка, не в оправдание управляющего, Бог его знает, может он и ненадежный человек, но по чему ты судишь, что он плурует? Разве были на это какие-нибудь доводы? Ты, мой кукуненичка, вели написать тебе приказчику все подробности, или Макару, – пусть они скажут, что знают. Без доказательств как же предполагать в плутовстве? Чем он мог плутовать – приказчик должен это знать. Полагаю, что Чернявский не умеет писать извещения подробного про хозяйство, а ты, мой душечка, спрашивай его по статьям, он тебе будет отвечать. Напри-

мер: винокурение – с которого времени началось, сколько хлеба своего, сколько купленного, сколько продано, почем, сколько дров куплено, почем. О скоте, об овцах, про лошадей, – про все подробно. Про постройки. Нашел ли он человека, чтобы устроить дешево молотильник? Теперь устраивают очень недорого. Про дворовых людей. Про конюшню, которая у нас в весьма худом положении и стоит очень дорого. В короткое мое пребывание в Сокиринцах я немного было поправила наших несчастных лошадей, не позволяла брать никому без спросу лично у меня. Садовые даже лошади орали и возили хлеб Аникею, он их употреблял как свои собственные, что я уничтожила. Управляющему, как у него беспрестанная поездка, сказала, что он может иметь своих 4 лошади на нашем корму, но наших бы не брал уже никуда, он согласился. Я считаю, это выгоднее, потому что наших несчастных совершенно заездили – так, что было надобно купить лошадей, чтобы ездить управляющему. Если этак нехорош, т. е. если он нечестен, то надо будет искать другого, но ты, мой душечка, лучше сам увидишь все его действия. Продавать он не должен ничего сам без приказчика (если ты не дома), не иначе, как в конторе. У нас теперь и конторщика настоящего нет.

13. Сегодня мы ожидаем Поля, он телеграфировал из Кельна, я его спрошу обо всем и напишу тебе. Машенька, слава Богу, получа известие о Поле, повеселела, а то я боялась, что она серьезно заболела, – не спала и плакала. Так все эти обстоятельства некстати при ее лечении.

14-е. Вчера вечером, в 9 часов, Поль приехал, слава Богу, благополучно. 2 сут[ок] из Берлина – какое скорое сообщение, из Варшавы – в 3 дня в Париж. Я спрашивала Поля про Сокиринцы. Он говорит, что нашел, слава Богу, все хорошо, что ему кажется – управляющий деятельен, постройка прачечной очень хороша. Бог даст, приедешь сам, то увидишь и посудишь. Лебединский управляющий также все по хозяйству ведет хорошо, и он, как я тебе писала, кажется, человек честный, ему надобно только быть немного поживее, но при хорошем направлении он все сделает. Мне из Гнилицы прислали 1500 р., да из Песок Кузьменко прислал 500, итак, у меня денег теперь довольно. По хозяйству же моему идет, как пишут, слава Богу, все хорошо. Винокурня в Гнилице еще не кончена, но пишут, что к концу октября будет кончена. Горелка только у нас упала в цене до 50 коп. Илья Поль нашел в Сокиринцах: он наведывается в Сокиринцы к семейству – несчастная слепая жена и 5 детей, жаль, что не может перевезть их в Ичню. Ты, мой душечка, позволил Бессонову зимовать в доме управляющего, то Илье с семейством и негде поместиться. Я надеюсь, мой кукуничка, что Илья будет служить тебе усердно, но если ты что услышишь стороною худого об нем, то прямо ему скажи, – у него много самолюбия, и он не обидится, если ты сам ему скажешь, а не чрез кого другого. Приказчиком очень недоволен, он мне говорил прежде, что Бессонов все делает, что ему скажет приказ-

чик, а приказчик – плут большой. Позволь ему, мой душечка, нанять приказчика, если не найдешь своего хорошего. Ичню нелегко управлять хорошо. Как управлял Бессонов – нетрудно, но чтобы привести Ичню в хорошее положение, надобно потрудиться с терпением и честно. Нам необходимо надобно иметь хорошего конторщика. Из своих я не знаю, да до сих пор и из посторонних не знаю надежного, а ты, мой душечка, попроси дяд[еньку] Андрея Ивановича – у него из Коммерческого училища выходят очень хорошие люди, способные занять место конторщика¹. Он тебе, без сомнения, выберет хорошего и недорогого. Сделай это, мой душечка, – ты будешь доволен. Все хвалят это заведение: говорят, выходят люди очень хорошие, и они рады, когда им дают места где-нибудь.

Варв[ара] Алексан[дровна] уехала в Петерб[ург], она говорила, что если вы еще останетесь в Петерб[урге] на несколько времени, то, верно, перейдете в их дом. Я ничего не сказала доброй Варв[аре] Алек[сандровне], но уверена, что вы не перейдете в такой несчастный дом, хотя грешно это думать, но, Боже сохрани, – не переходите.

15. Я сделалась такая неловкая, что почти всегда запачкаю письмо чернилами, это опять запачкала. Про нас что сказать? Живем по-прежнему, ходим больше, чем ездим, это здесь удобнее и, лучше сказать, приятнее. Долго ли останемся здесь – не знаю, но, вероятно, и ноябрь пробудем, в противном случае я уведомя. Поль привез несколько груш из Сокиринец – я их ем с таким удовольствием. Илья пишет к Евдокиму, что он перевозит и жену свою в Ичню, чтобы не отлучаться часто от экономии. Может, поместить ее, бедную, как-нибудь. Мне кажется, мой душечка, что Илья будет тебе хороший слуга как управляющий, и честный.

Милую Катеньку и Павлуняточко много очень целую, и тебя, мое бесценное сокровище, целую в глазунки, щечки и губочки. Молю милосердного Бога, чтобы ты, мой душечка, и все вы трое были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Нина хочет выехать непременно через два дня в Дубовичи.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 98–101 зв.
Друкється вперше.

¹ Граф А. І. Гудович був попечителем Московського комерційного училища.

№ 31.

Октября 20 / нояб[ря] 1, Париж, 1860.

Вчера утром приехал Федор Вас[ильевич], обрадовал нас как своим приездом, так и тем, что он рассказал нам о вас, мой душечка, бесценное мое сокровище, Гришуночик мой. Привез нам от вас превосходной икры, которой здесь ни за какие деньги найти не можно. Благодарю тебя, мой кукуничишка, и много раз целую мысленно за этот подарок. Фед[ор] Вас[ильевич] мне говорил, да я и сама знаю, что тебе невозможно выехать из Петерб[урга] до окончания резолюции по вашим работам. Что делать, надо терпеть, лишь бы милосердый Бог дал, чтобы твоему здоровью и Павлуняточке нашему не был вреден климат. И при возвращении в холодное время не было опасно на реках и скользко по дороге, что очень опасно на колесах в большом экипаже, и как легко можно простудиться. Ради Бога, мое сокровище, не рискуйте. Что делать, надо уже лучше потерпеть, чем рисковать ехать в опасное время, где и холодно, и опасно. Прошу тебя, мой душечка, усерднейше прошу, ради Бога, не расстраивай себя, если на ваши труды по комитету не сделается [резолюции] по вашему желанию. Что делать, пусть будет, как хотят, это дело общее, каждый смотрит на него с своей точки зрения, и то, что ты находишь хорошим, очень может другому не нравиться. Твоя совесть чиста, и довольно. Меня очень сперва беспокоило, и я много писала тебе и говорила, теперь же совершенно отдалась на волю Божию: Он все устроит лучше людей.

Здесь было потеплело, но вчера опять сделалось холодно. Не знаю еще, когда и куда мы поедем отсюда, но все-таки полагаю, что не меньше месяца останемся здесь еще, а потому еще прошу тебя, мой душечка бесценный, напиши мне немедленно, что тебе надобно, что тебе привезть. Также и милой Катюне мне бы хотелось привезть что по вашему желанию или вкусу. Я бы постаралась сделать все, что могла, на то надобно время, а спеша, ничего не найдешь и не сделаешь. Если Катеньке хочется кружев, то напиши, каких и сколько, какого роду? Если косынку, то тоже – какую, и черную или белую, хотя я не люблю дарить черным. Если платье, то какого цвету. Прошу тебя, мой душечка, без церемонии напиши. Что можно, я все сделаю. Если браслет, или брошь, или серьги – мне хочется по ее вкусу, а ты это знаешь, то и напиши теперь же. Ты знаешь, мое сокровище, какое это мне принесет удовольствие.

21. Вчера были мы в театре на пьесе, которую дают ежедневно уже несколько месяцев, и всегда театр полон. Ты не можешь представить себе, что это за глупости, а между тем до того смешно, что все хохочут, и это несколько актов, с разными представлениями волшебными, декорации превосходные. Пьеса называется «Pied de mouton» – «Баранья нога»¹.

¹ «Le Pied de mouton» (фр.) – «Бараньяча нога» – феєрія французького драматурга Е. Кремйю за участю братів Коньяр, з музикою С. Манжана та А. Артюса. Прем'єра відбулася у паризькому театрі Порт-Сен-Мартен 8 вересня 1860 р.

Фед[ор] Вас[ильевич] также был. При всем, что я вижу, я все думаю: зачем я не с тобою смотрю. Грустно не делиться с вами. Воображаю, как бы Павлуничке понравилась эта пьеса, и как бы он смеялся. Крепко грустно не видать вас долго, не знаю, вытерплю ли я больше году, уже так, кажется, давно, а уже скоро полгода. Милую Катеньку много раз целую, Павлуничке пишу. Тебя, мое милое сокровище, обнимаю крепко, целую много-много. Молю Господа Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и святому Его благословению.

Маша, Поль и Катя обнимают вас и Павлуся.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 158–159 зв.
Друкується вперше.

№ 32.

Октября 25-го, Париж, 1860.

Письмецо твое, мой бесценный душечка Гришуночик, и письмо милой Катеньки от 17 я получила 23-го. Благодарю Господа Бога, что вы все трое здоровы, и хотя ты, мое сокровище, также и Катенька, пишете, что полагаете скоро выехать, но я все-таки адресую письмо в Петербу[рг] и буду продолжать, покуда не получу [известие], что вы уже выезжаете, и ты, мой душечка, напишешь мне, чтобы я адресовала письма уже в Прилуку. Страшно подумать, что я нескоро буду получать твои письма – единственную отраду в отсутствии от вас. Полагаю, мой Кукуненичка, что ты распорядишься так, чтобы по твоём выезде из Петерб[урга] мои письма были отправляемы к тебе. Думаю, что ты их получишь скорее, чем прямо на Броды и Радзивилов, как я буду потом адресовать.

26-е. Вчера Фед[ор] Вас[ильевич] уехал отсюда в Лондон, пробыл здесь только 4 дня с бар[оном] Дельвигом. Между тем, как я пишу к тебе, мой душечка бесценный, мне подают письмо от тебя № 23-й от 19-го. Мое сокровище, вижу, что вы собираетесь к выезду, но мое мнение, мой кукуненичка, – чтобы не выезжать без решения государя. Терпевши уже столько, остаться, может, с неделю, – не сделает тебе для Сокиринец большой разницы, а уехать, не дождавшись, – не было бы это вредно для тебя, мой душечка. Государю теперь не время заняться, он, без сомнения, огорчен очень потерю матушки¹. Здесь известие было получено телегр[афической] депешою, было немедленно объявлено всем русским особыми письмами, и мы все были на панихиде, где, кроме русских, были посланники от всех дворов, а от здешнего двора – г[раф] Морни в нашей андреевской ленте. Все были в трауре, у военных эполеты и шпаги покрыты крепом. Многие, я думаю, искренно пожалеют императрицу. Наша Алиночка², я думаю, огорчена крепко.

27. Поблагодари, мой душечка, за меня почтеннейшего и добрейшего Александра Василь[евича] за его хорошее мнение обо мне, но я не заслуживаю похвалы. Говорить и писать легко, но привести в действие все, что говорится, труднее, и уже поздно мне. Я только передаю моему кукуненичке мои мысли и желания, а он, что увидит полезное, то и сделает, не правда ли? Твое письмо, мой душечка бесценный, меня душевно радует. Ты пишешь, что, собравшись с деньгами, думаешь поехать за границу. Если это для твоего здоровья, то, ради Бога, прошу тебя, постарайся, как можно. Думаю, и воды, а больше всего – морские купанья – тебе принесут пользу, поговори с Мерингом. Если же ты хочешь приехать для меня только, то скорее я приеду, чем вам с семейством ехать. Павлуничке, я думаю, также было бы очень полезно морские купанья. Обо всем, мой душечка, ты мне напишешь об-

¹ Йдеться про смерть імператриці Олександри Федорівни, матері Олександра II, що померла 20 жовтня 1860 р.

² Княгиня Олександра Василівна Голіцина, уроджена графиня Гудович, племінниця К. В. Галаган, тривалий час була улюбленою фрейліною померлої імператриці (див. про неї: Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. *Исторический вестник*. 1898. Т. LXXI. № 2. С. 476–477).

стоятельно, рассмотревшись хорошенько дома. И сколько не жалко будет весною рано оставлять наши милые Сокиринцы, но здоровье твое дороже всего, и для него надо пожертвовать удовольствием. Ради Бога, мой душечка, береги твое здоровье. Тебе будет много труда и забот при теперешних переменах, но прошу тебя, мой душечка, не увлекайся: прибавить всегда можно будет по рассмотрению, но взять данное уже – совестно. Обрати внимание на эти мои слова, и не только на себя смотри, но и на наших соседей, которым можешь навредить невозвратно, а это останется у тебя потом на совести, ты меня понимаешь, мой кукуненичка. Если бы ты знал, что говорят и пишут здесь насчет земли нашей, то видел бы, что я говорила правду при самом начале дела.

Весьма мне неприятно, что Александров затрудняется выдать тебе должные им деньги, их у него было моих за треть больше 4000. Ты пиши ему, чтобы непременно приготовил к твоему приезду. Из денег же, которые у тебя мои по векселям, если ты еще не взял, то лучше возьми из Опеку[нского] совета по билету, там только 2 процента, а серию дают 4 с лишним, то их лучше сберечь, их всегда можно продать с выгодой, и те, которые оканчивают срок, можно променять в казначействе в каждом губер[нском] городе.

Не можешь представить себе, мой душечка, с каким удовольствием я читала в твоём письме, что ты вспоминаешь прошедшее золотое, или, лучше, бесценное время, когда мы жили все вместе, патриархальною жизнью, когда мой кукуненичка приходил ко мне утром рано читать свящ[енную] историю, и то же самое теперь делает Павлуничка, приходя к тебе. Да благословит тебя Господь Бог за твою любовь ко мне. Пишешь, что Бардовский обещает вам учителя для Павлунички, лишь бы не был это какой-нибудь протеже, чего надобно беречься. Если вы будете сами заниматься, это всего будет полезнее для Павлунички, он еще маленький, и его еще рано занимать много, тем больше, что он имеет способность, не спеша можно отвлекать. Если же ехать за границу, то каждый лишний человек стоит дорого.

Жаль мне очень, что Илья так неумеренно горячится, точно это у них в характере, хорошо, что ты, мой душечка, написал ему. На прошлой неделе я ему писала, что я уверена в его старании, и в честности я его не сомневаюсь, и чтобы он не верил, если ему будут говорить, что ты ему не доверяешь, что ты ему сам скажешь, если услышишь что худое про него, а что я уверена в его усердии. Что делать, мой душечка, надо потерпеть. Ты сам знаешь, что усердных людей приближенные не любят потому часто, что усердные не стараются угождать приближенным.

Обнимаю тебя крепко, мой душечка бесценный, много-много раз целую в губочки, глазочки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы ты был здоровенький и совершенно благополучный, поручаю тебя Его покровительству и Его святому благословению.

№ 34.

Ноября 2/14, Париж, 1860.

Ожидаю письмо от тебя, мое бесценное сокровище, Гришуночик мой, душечка моя, с решением твоим, когда ехать, но по теперешним обстоятельствам полагаю, что государь не может заняться сам рассмотрением ваших положений о деле крестьян, и будет, верно, отложено до окончания главного траура по покойной императрице. Что делать? Видно, сама судьба противится скорейшему окончанию этого дела, надо ей покориться и ожидать с терпением. Уехать же тебе, мой душечка, не откланявшись государю, мне кажется, не следует, да тебе же и мин[истр] Ланской не советует. Подожду дня два и отправлю это письмо, если и не получу от тебя, мой душечка кукуничка. Что делать, ожидали уже так долго, то несколько дней не сделают большой разницы, тем больше, что ты поедешь на Чернигов, на Десне есть мост, а в Батурине переезжать пришлось бы Сейм на пароме, да и дорога от Батурина осенью, я думаю, очень худая, здесь же ты можешь в Прилуке отдохнуть хотя полдня и расспросить о хозяйстве тамошнем, можешь послать в Гнилицу, то к тебе приедет Иван Наумович. Как-то ты, мой душечка, найдешь все в Сокиринцах? Когда бы то милосердый Бог дал, чтобы все было хорошо, и управляющий был хорош. В Сокиринцах теперь целое общество, дай-то Бог, чтобы это было хорошо. Шефер женился, неужели он с женою в Сокиринцах? Это нам весьма невыгодно, как для помещения, так и для прочего. Мад. Фишер нездорова, бедная, не может присмотреть за расходом и прочим. Ильи нет, и даже ключницы нет, которая вела бы порядок и не допускала бы до лишних издержек. Не выписать ли бы тебе, мой душечка, Ульяну Игнатьевну? Тогда напиши Любовцеву, он ее пришлет, все-таки будет кто-нибудь для порядку. Хотя она не знаменитая ключница, но все же присмотр необходим. Не думай, мой душечка, чтобы тут мешалась моя скупость или вообще скупость¹, но худой присмотр даже людей портит, кажется, все бездельница, не стоящая внимания, но из безделиц составляется и многое: если не обращать внимания на малые вещи, то больших не будет. Вообще люди этого не любят, но на это смотреть не надобно. Поверь мне, мой душечка, что я говорю истину. В хозяйстве получают по одному рублю за какие-нибудь мелкие продажи, как-то: вишни, яблоки и прочее, – и собираются эти мелочи, составляют потом значительную сумму, так и во всем, потому и говорится: не тот богат, кто много получает, а тот, кто умеет сберечь. Все это я пишу тебе, мой душечка, и беспокоюсь очень, зная, что ты из своих экономий не можешь получить много, теперь же предстоит перемена и весьма, быть может, значитель-

¹ Племінник К. В. Галаган (ст.) М. А. Маркевич, давши їй загалом доволі схвальну оцінку в «Автобіографічних нотатках» 1845 р., зауважив: «В неї один недолік – це зайва розважливність, яку не можна вже назвати розважливністю, а просто – скупість...» (Пушкінський дім (ІРЛІ РАН). Ф. 488. Спр. 38. Арк. 43).

ная, в наших доходах, то мы должны и расходы наши уменьшить. Ты, мой душечка, не сомневаешься, я уверена, что мне ничего не жаль для тебя, и все, что мое – то твое, но и я не буду в состоянии поддержать наш дом с неумеренными расходами по нем. И что же тогда будет? У нас лиш[них] людей много, надо сколь возможно уменьшить их, тогда мы будем в состоянии дать большее жалованье хорошему служащему и требовать от него больше. Я не напрасно здесь: все, что делается, как и чем делается, – я все замечаю для того, чтобы перенять хорошее и, буде можно, исправить у нас. От нас и другие переймут, и будет общая польза. Зачем нам столько лошадей держать? Рассылать по надобностям? Эти надобности должно умерить, и я считаю, что если держать лошадей много для того, чтобы посылать на подставу, то, как это нечасто случается, то дешевле выйдет нанять лошадей и подставить, чем кормить лишних, также и людей лишних иметь для этого. Неужели вы, мой душечка кукунешка, преобразуя на такую новую систему в нашем хозяйстве, думали оставаться при прежних расходах? Надо было, мой душечка, начать с себя, умерять свои расходы, сколь возможно, а откладывать на будущее время. Мне жаль, мой душечка, добрый мой Гришуненичка, что я пишу тебе это, но мне тебя еще больше жаль, и мысль, что, расстраивая состояние, можно и здоровье расстроить. Я не говорю, чтобы, Боже сохрани, ты расстроил состояние, мне, мой душечка, и думать того не хочется, но знаю, что ты мне веришь во всем, то как же мне не высказывать тебе моих истинных убеждений. Я бы сочла это грехом для меня, кроме душевного сожаления. Мой душечка, милейший Гришуночик, прошу тебя: по приезде в Сокиринцы постарайся заняться обо всем, что я пишу. Если ты найдешь управляющего хорошим, то он тебе во многом может помочь. Можно иногда призвать и Илью, не знаю только, поймет ли он всю важность преобразования. Лишних людей пристроить, но настояще лишних, не Якова, этот человек, хотя не ловок, но честный и не пьет. Садовников многих уменьшить, на конюшне также. В доме требовать чистоты не в комнатах только, но по коридорам, кругом дому, в дворе везде, – это поддержит дом и двор больше, чем ежегодные починки. Я скорее бы лишние комнаты в флигелях у ворот заняла бы на складочные места для разных вещей, чем раздавать их занимать ненужным людям. Мой душенька, много, много можно бы поговорить об устройстве у нас, но писать невозможно всего, я и то уже думаю, что наскучила моими советами и замечаниями, но веришь ли, мой душечка, что мне совестно не высказать тебе моих мыслей, да кто же тебе может или захочет то говорить, что я говорю.

Еще не знаю, когда именно и куда мы поедем. Здесь было сделалось нестерпимо холодно. Дома здесь устроены без печек, и мы с каминами здешними просто зябли донельзя, но сегодня потеплело и идет дождь. Каково-то у нас? Все я думаю о вашей поездке и все больше уверяюсь,

что на Чернигов, как ты располагал, будет лучше, но когда ваш выезд – Бог знает, терпевши же долго, уже надо решиться потерпеть немного.

4-е. Вчера, мой душечка кукуненичка, когда я хотела окончить письмо к тебе и вчера же отослать, мне принесли твое № 23 от 27. Благодарю милосердного Бога, что вы все трое здоровы. Славный наш Павлуничка, как ты пишешь, мой душечка, учится хорошо, и я уверена, что вы его не принуждаете. В Киеве вышла новая грамматика, которую Поль, ехавши на Киев, купил. Я советую тебе выписать для Павлунички, чрезвычайно хорошая и для детей весьма удобная: «Практическая русская грамматика» П. Перевлесского, [в] 3 частях, и уже 3-е издание. Вижу, мой душечка, мое бесценное сокровище, сколько тебе хочется скорее выехать из Петерб[урга]. Что, что же делать, если обстоятельства препятствуют, надо вооружиться терпением. Меня беспокоит то, что твои [обстоятельства], мой кукуненичка, весьма стесненные, но что же и тут делать? Надо стараться, сколь возможно, выбираться из них благоразумно. Что делать, мой душечка, если ты принужден был употреблять деньги по бумагам, мною тебе порученным для сбережения. Верь мне, что я тебе не жалею, и если я и старалась собирать эти деньги, то не для себя, а для вас же, но меня беспокоит то, что долги твои не уменьшаются, а расплачиваться придется трудно, да воображаю, как тебя это беспокоит. Умерь твои расходы, мое бесценное сокровище, тебе кажется, что лишнего ты не издерживаешь, но ты, мой Гришуночик, ошибаешься. Имея долг, и по разным обстоятельствам – надо умерять и расходы. Не бойся осуждений, тебя не назовут скупым, да если смотреть на то, называют того не скупым, у кого много долгов, а как только кто живет по состоянию, думает о будущем, тот скуп. Еще тебе повторяю, мой душечка, бесценный кукуненичка, что мне не жаль денег моих, и я рада, что они спасают тебя от беды, как ты пишешь, но поверь мне, мой душечка, что и в Сокиринцах неумеренные расходы введут тебя в долги. Для отправки 900 р. Машеньке ты хорошо сделаешь, мой душечка, если возьмешь из моих денег и отправишь ей. Отправить же должно потому, чтобы не прибавлять долгов. Да, мой душечка, скажи мне, платишь ли ты проценты твоим заимодавцам? Не забывай, что неуплаченные проценты прибавляются к долгу, и на процент платится процент. Прочитай, прошу тебя, мой душечка, со вниманием это мое письмо, прошу тебя, так и то, что я писала до получения вчерашнего твоего письма, 2 еще числа. Целую много раз миую Катеньку и Павлуныточка. Тебя, мое сокровище бесценное, много, очень много целую в губочки, щечки и глазунки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословиению.

№ 35.

Ноября 14, Париж, 1860.

Письмо твое, бесценное мое сокровище, душечка мой Гришуночик, от 4-го ноя[бря] я имела удовольствие получить третьего дня, и хотя ты пишешь, что еще при отъезде напишешь мне, но я это письмо адресую уже в Прилуку. Грустно подумать, что письма нескоро будут приходить. Это я адресую на Броды и Радзивилов, а первое после этого адресую на Варшаву. Ты увидишь, которое придет прежде, так и буду писать. Поздравляю тебя, мой душечка, с окончанием трудов твоих по комитету. Дай-то Господи, чтобы они были оценены, как ты думаешь, хотя не теперь, но хотя со временем, я так много говорила тебе об этом, что теперь уже говорить не буду. Притом же я думаю, и другие, подобно мне говорящие, надоели вам, а еще если вы иногда читаете заграничные толки, то и тут вам достается. Но да будет воля Божая!

В письме твоем, мой душечка, [известие] о нездоровье, бывшем у нашего Павлунички, меня было испугало, но тут же я почитала, что, слава Богу, он совершенно здоров, благодарю Его милосердного. С Павлуничкою это случается и проходит сном, уже два раза у него было при мне, это очень хорошо, и за это надо благодарить Бога. Какое милостивое и притом милое внимание к тебе, мой душечка, в[еликой] кн[ягини] Ел[ены] Пав[ловны], дай Бог ей здоровья, что она тебя полюбила. Да кто же не любит моего кукуничку? Картину ты, мой душечка, повесь, как найдешь лучше¹, лишь бы не трогать нашего старого Авраама², притом же картина каждая много зависит от света, не знаю, какой она величины. Нетерпеливо ожидать буду известия, как вы доехали в Сокиринцы, молю Господа Бога, чтобы благополучно и чтобы ты все нашел в хорошем положении. Напиши мне, мой душечка, все подробно. Прошу тебя, мой кукуничка, перечитай мои письма, где я говорю о Сокиринцах, и те, которые я писала при выезде. Жалко мне, что я не буду при восстановлении у нас нового порядка, я бы при случае сообщила тебе мои мысли, но теперь, мой душечка, прошу тебя ради Бога, не увлекайся, будь равно справедлив и добр ко всем сословиям. Если дворяне и заслуживали нарекания, но не все, а иные, притом же лучше виновного простить, чем невинного обидеть. На тебя будут смотреть как на одного из преобразователей, много надобно такту, а еще больше справедливости, беспристрастия: раз отдавши, отбирать не следует, рассмотря же, потом приба-

¹ Йдеться про жанрове полотно пензля І. Соколова «Проводи рекрутів» (1860 р.) – подарунок великої княгині Олени Павлівни Г. Галагану за його участь у селянській реформі. Полотно зберігалося у Сокиринцях, звідки у 1927 р. потрапило до фондів Прилуцького краєзнавчого музею, а 1928 р. було передано музею Інституту Тараса Шевченка у Харкові. Тепер знаходиться у колекції Національного музею Тараса Шевченка в Києві.

² Ймовірно, йдеться про полотно «Жертвоприношення Авраама», що зараз зберігається як частина художньої збірки Галаганів у Чернігівському художньому музеї імені Григорія Галагана (атрибуовано як твір невідомого маляра XVIII ст.).

вить можно. Вообрази, какое зло ты можешь сделать неумеренностью, зло, которого, может быть, ты не воображаешь, и которое навлечет на тебя общее недоброжелательство, ради Бога, берегись этого. По словам государя к вам можно ожидать многого изменения в ваших положениях, дай Господи, чтобы эти изменения были не к худшему.

Как-то ты, мой душечка, найдешь все в наших милых Сокиринцах? Рассматривай все сам, не слушайся других, покуда сам не выведаешь. Напиши мне обо всем: о церкви, о доме, о постройках, об управляющем, о живущих, о скоте, лошадях, об Арапуне, о саде, – словом, обо всем. Знаешь ли, мой душечка, что мне кажется лишний флигель, который куплен и построен на табач[ной] плантации: 1) отопление его дорогое, притом и отдаление от дому. Ты сам увидишь, что я говорю справедливо, нам надобно весьма и весьма рассчитывать.

Что тебе сказать про нас? Здесь было очень похолодало, в домах, в том числе и в нашем, было холодно, каминами не нагреешь, а потому мы и решаемся оставить Париж. Но куда ехать? В Нице, говорят, столько съезду, что квартиру удобную найти чрезвычайно трудно, а это чрезвычайно важно для нашей Машеньки, которая чувствовала себя очень хорошо во все время в Диеппе, здесь же было занемогла на днях сильным невральжи в деснах и во всем лице до такой степени, что ночи даже проводила в слезах. Слава Богу, это прошло, но все еще она не может выйти на воздух. Иные говорят, что Машеньке для ее здоровья нужна только рассеянность. Где же больше можно иметь рассеянности, как не в Париже? Она же и в театрах, и по разным местам бывает, и все это ее занимает, а нездоровье все-таки берет свое. Как скоро мы решимся, куда именно ехать, я тебе, мой душечка, напишу. Кажется, если поедем, то всего скорее в Торке – в Англии приморский городок с прекрасным климатом. Фед[ор] Вас[ильевич] там был и тоже пишет, что климат превосходный, все в зелени и цветах, притом же морской воздух полезен для Машеньки. Мы поедем на Болонь, Дувр в Лондон, а оттуда в Торке, может, дней чрез 10, не позже. Кажется, Поль поедет прежде, чтобы приготовить квартиру, и напишет, то мы, с помощью Божию, отправимся в Торке. Жалко, что там нет нашей церкви, а нам придется пробыть там не меньше 2 месяц[ев]. Полагаю, что в феврале уже потеплеет. Верить ли, мой куненичка, душечка мой, что когда вспомню, что еще не скоро вас увижу, то стараюсь прогонять эту грустную мысль. Ты мне пишешь, что вы также думаете ехать за границу. Неужели, мой душечка, ты в самом деле думаешь ехать, или это пишешь, чтобы меня утешить в разлуке? Но позволят ли тебе обстоятельства выехать при новом преобразовании? Если это для твоего здоровья или для кого из вас, то, несмотря ни на что, надо ехать, если же для меня, то я вовсе бы не хотела, чтобы ты, мое сокровище, рисковал чем-либо. До сих пор предположение наше (то есть сколько я могу его знать) – это чтобы пробыть зиму в Торке, покуда холод-

но, потом поездить по Бельгии, разумеется, быть в Лондоне, поездить по некоторым местам в Англии, приехать опять сюда, т. е. в Париж, и потом, в конце мая – в Кисинген, откуда в конце июля – в Россию. Это предположение, но как что будет, не знаю. Вам же, если для лечения, то тоже должно бы выехать в начале апреля, чтобы также в июле или, найпозже, в августе уже возвратиться домой. Все это время мы бы могли быть вместе и возвратиться вместе, как бы это было хорошо, но Бог знает, все ли это возможно при теперешних переменах. Кроме финансовых [дел], кому поручить все? По-моему, было бы лучше, если бы можно поручить надежному управляющему с наставлением, ему лучше будет приводить в действие все, нежели тебе, мой душечка. Это мои мысли, быть может, я не понимаю, в чем будут состоять важнейшие дела. Пора кончить. В последних письмах я тебе, мой кукуненичка, писала обо всем насчет денег для тебя. Вели, мой душечка, Ива[ну] Наумовичу купить в Киеве 1 фу[нт] чаю обыкновенного и 1 пуд сахару для пансиону, где Настенька, это ей дается, т. е. Залеской. Милую Катюничку много раз целую, также и Павлуничку, скажи ему, что я уверена, что он будет любить Арапиньку, не будет его обижать, но только не надобно его кормить мясом. Обнимаю тебя, мое бесценное сокровище, мой душечка, целую много раз в губочки, глазочки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его свя[тому] покровит[ельству] и благословению.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 48а–51 зв.
Друкується вперше.

№ 36.

Ноября 20-го, Париж, 1860.

Обнимаю тебя, мое бесценное сокровище, Гришуночик мой, поздравляю со днем твоего ангела¹, молю Господа Бога, Пречистую Его Матерь и святого твоего покровителя, чтобы ты был здоровенький, веселенький, совершенно благополучный. Грустно, что я уже все не с тобою встречаю день именин твоих, а теперь так далеко от тебя. Помолюся в церкви только за моего кукуненичку, отслужим молебен за всех вас. Милую Катеньку много раз целую, поздравляю с дорогим именинником, также и Павлуничку с именинами доброго, бесценного папани.

Письмо твое, мой душечка, № 26 от 8 я имела удовольствие получить. Вижу, что вы уже совсем на выезде, молю милосердного Бога о благополучном вашем путешествии и Пресвятую Богородицу – сохранить вас от всех бед. Нетерпеливо ожидать буду известия о вашем прибытии в Сокиринцы.

Я, писав к тебе, мой душечка, уже в Сокир[инцы], адресовала на Броды и Радзивилов, а это адресую на Варшаву и Киев, пожалуйста, уведомь, куда скорее идет почта. Если ты, мой душечка, написал мне по телеграфу из Москвы, то я бы уже его получила, если бы в Caumartin адресовал, если же прямо в Париж, то надо будет мне самой ехать на почту. Я буду проведывать, из Москвы же письма получают здесь на 11-й, на 12-й день. Мы не в Ницу едем, мой душечка, я тебе писала в последнем письме, а в Англию, в приморский городок Торке, – это в Девонширском округе, там, говорят, превосходный климат. Фед[ор] Вас[ильевич] там был и очень хвалил это место климата, Смирнова, его знакомая, там живет, и многие, говорят, ездят для поправления здоровья. Если, даст Бог, будем в Торке, то я тебе, мой душечка, опишу это место. Холод, как я писала тебе, мой кукуненичка, выгоняет нас из Парижа, но это не от одной экономии, хотя здесь дрова дороги, но у нас каминны топят почти всегда каменным углем. Квартира наша, хотя и хороша по удобству – она в самом центре города, но устроена, как здесь почти все дома, – не для зимы: окошки не двойные и многие до полу отворяются, везде дует, как ни защищайся, когда ветер. Что же касается, мой душечка, до экономии, то мы ее весьма наблюдаем, да и как иначе. Переезды дорого стоят, притом же и житье недешево, сколько ни рассчитывай. Вот тебе, мой кукуненичка, наши издержки важнейшие: квартира в месяц – 510 ф[ранков], вода привозная – 10, кухарка – 40 фр[анков]. Обед для нас, если бы брать или ходить в ресторан, стоил бы очень дорого, самый умеренный – по 6 ф[ранков] с каждого, это стоило бы с лишком 24 ф[ранка] в обед [на] нас четверо, а у нас наш обед и завтрак стоит (тут же и девушке) по 10 ф[ранков], иногда и меньше, на день. Евдокиму

¹ 20 листопада – день пам'яті св. Григорія Декаполіта.

дается в день для его обеда по 2½ фр[анка]. Без сомнения, наш обед неприхотливый: у нас 3 блюда, но все это свежее, хорошее, пирожное берем в кондитерской, каждый день стоит не больше одного франка, и очень довольно на 4 персоны. Девушкам готовится 2 только блюда, с ними обедает и кухарка. Кроме столового расхода, который, ты видишь, мой душечка, весьма умеренный, еще расход довольно большой на дрова, угля, освещение, фиакры, также иногда в театр, иногда купится что для завтрака (что очень редко), сливки для кофе. Теперь жалованье Евдокиму – это наше общее, жалованье моей горничной – 30 ф[ранков] в месяц, Машенька своей – столько же, все эти расходы набираются значительно, сколько ни стараешься экономничать. За границу нечего роскошничать, да это вообще здесь и не водится. Мы живем довольно хорошо для нас, только избегаем роскоши. Не знаю, как будет в Торке, напишу обо всем. Мы списывались с Каудвеллями, и они все напишут, теперь же пишут, что очень рады. Придется пробыть в Торке месяца 2 или больше, самое холодное время, поехать немного, побыть несколько в Лондоне, поехать по Бельгии, а потом опять в Париж до половины мая. Но это, мой душечка, предположение, а будет все, как Богу угодно, дал бы Он милосердый, чтобы здоровье нашей Машеньки поправилось, и воздух Торке был бы ей полезен. Она, слава Богу, чувствовала себя гораздо лучше прежнего, при всех заботах и беспокойствах, но эта невральжи, Бог знает, от холоду или нервная, очень было ее измучила, слава Богу, что это миновало. Цель нашей поездки, а больше и совершенно моей, была здоровье Машеньки. Без того в мои лета ехать так далеко, расставаться надолго с тобою, моя душечка, весьма не в пору. Слава Богу, что я переносу и путешествия, и климаты все, то есть погоды, хорошо, все меня занимает, на все интересное обращаю внимание. Хожу часто пешком в хорошую погоду, познакомилась с Парижем, с его прекрасными тротуарами. Париж теперь вовсе не тот, что был, устройство везде превосходное, чистота по улицам чрезвычайная, и полиция превосходная. Как мне жаль, что милая Катенька потеряла свои часики, воображаю, как она о них жалеет, я узнаю, поищу здесь таких часиков и напишу тебе, здесь, верно, дешевле можно их иметь. Жаль, что ты мне не написал об этом прежде, теперь же не с кем будет их переслать, может, придется отложить до весны их покупку. Вчера я приценивалась у хорошего часовщика, то такие часики можно купить за 280 ф[ранков], а побольше немного и красивее – 350 фр[анков]. Все больше их делают на синей эмали, очень хорошенькие последние. Но с этим можно еще подождать, оттого, что переслать не с кем, и они бы лежали у меня. Ты мне, мой душечка, напиши, если ты еще не купил, то я куплю, можно еще посмотреть в Англии. Вели ты, мой душечка, пересылать мои к тебе письма из Петерб[урга]. 33 ты получил, а еще 34 получил, 35-е же адресовала уже в Прилуку. Едем в церковь, помолюся за моего кукуничку, отслужим

молебен за всех вас, чтобы Господь Бог сохранил вас от всех бед. Где-то вы теперь? Думаю, что в Ярослав[це] или Дубовичах, может и 24-е¹ там пробудете, да и лучше, потому что не успеете приехать – и тотчас заботы принимать гостей. Еще целую милую Катеньку и Павлуняточко, уверена, что он выучил что-нибудь на поздравление своего доброго, милого папачки. Обнимаю тебя еще много, много, мой душечка, бесценное мое сокровище, целую в губочки, глазунки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Всем Сокиринским кланяюсь. Арапчику и канарейкам дай сахарку.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 79–81 зв.

Друкується вперше.

¹ 24 листопада – день пам'яті великомучениці Катерини, іменини К. В. Галаган (молодшої).

№ 37.

Ноября 22, Париж, 1860.

Недавно писала к тебе, мое бесценное сокровище, Гришуночик мой, душечка, но мне приятно побеседовать с тобою, хотя письмом. Не знаю, как вы доехали до Москвы и где вы, и если не получу письма завтра или послезавтра, то очень буду беспокоиться.

Ты видел, мой душечка, из двух писем моих, что останавливало наш выезд из Парижа, теперь же, слава Богу, Машенькина боль прошла, и мы уже ездили кое-где, чтобы она привыкла к воздуху. Надобно долго оставаться в Париже, чтобы видеть все в нем интересное, но мы видели много. Лувр, который, верно, и вы видели, – какое богатство картин и всего любопытного. Недавно были в la halle du marché¹ новом, все строение из чугунной решетки со стеклами, где les dames de la halle² сидят, по прежнему названию «пуассарды»³, все это по отделениям – рыба, фрукты и овощи, чистота везде в этих рынках чрезвычайная, везде проведена вода, никакого неприятного запаха. Были в театрах, в которых превосходно играют. Недавно были aux italien⁴, пели Марио, Батью, Альбони и Грациани, и многие еще другие. Превосходная опера итальянская здесь, надобно отдать справедливость Парижу, что посредственности не терпит, хотя Марио уже теряет голос, но все же поет еще и играет прекрасно! Вот, мой душечка, тебе и о театре. Балеты здесь тоже гораздо грациознее наших, хотя я вообще никогда не любила и не люблю балетов, кроме Талиони, но здесь от первой до последней танцовщицы хороши, у нас же под конец наставлены разные, лишь бы делали фигуру.

25. Отправивши тебе письмо мое с поздравлением Катеньки, возвратясь из церкви, я имела удовольствие получить твое, бесценное мое сокровище, мой душечка Гришуночик, из Москвы от 14. Благодарю милосердного Бога, что вы благополучно доехали до Москвы, дай, Господи, чтобы вы весь путь ваш совершили благополучно, с нетерпением буду ожидать известия. Но когда я его получу? Это наводит грусть нестерпимую.

Видишь, мой душечка кукуненичка, что я стараюсь себя рассеивать, сколько могу, дабы удалять мысль беспокойную и грустную, что еще не скоро тебя и всех вас увижу. Ты, мой душечка, все мне пишешь о твоём намерении ехать за границу. Но в самом ли деле ты желаешь или намерен ехать? Или только успокаиваешь меня? Если точно вы поедете, то напиши мне, мое сокровище, как, куда и когда? – дабы я знала вперед. Если это для твоего здоровья или для Павлунички (потому что, благодарить Бога, кажется, милая Катенька не имеет надобности лечиться), то ты, мой душечка, употреби все возможное, чтобы вам поехать. Главное,

¹ Ринок (фр.). К. В. Галаган описує Центральний ринок Парижа.

² Ринкові дами (фр.).

³ Пуассарди – торговки рибою (від фр. *poissarde*).

⁴ В Італійському театрі (фр.).

чтобы не иметь забот насчет средств, которые и в своем Отечестве не только неприятны, но даже вредны для здоровья. Надо устроиться так, чтобы, кроме вас троих, не иметь никого, как только человека и одной женщины, я это знаю, и слышала, что ничего нет тяжелее, как лишние в дороге, и везде, кроме содержания их, помещение затруднительное. Все здесь так устроено, что лишние обходятся очень дорого, а ты знаешь, мой душечка, как нам надо рассчитывать наши издержки. Что делать, хотя до времени, а надо, мы очень рассчитываем, а больше всех – я, чтобы, если возможно, не требовать присылки денег сюда, но Бог знает, обойдусь ли. Но ты, мое сокровище, на это не смотри, а если тебе надо для вашей поездки, возьми из моих экономий, сколько соберут. Я рада делиться с тобою, мой душечка, для меня, если и понадобится, то немного. Здоровье дорого, береги его, мое сокровище, и, если полезна поездка за границу, то всеми силами постарайся исполнить. Напиши только мне заблаговременно: когда и куда тебе ехать, чтобы я знала.

29. Все думаю про вас, мое бесценное сокровище: где вы, как едете? Страшно подумать о дороге и холоде у нас. Андр[ей] Иван[ович] пишет из Москвы к дочери, что там было уже 21 град[ус] мороза. Какая разница в климате: здесь сказали было, что будто до 10 град[усов] было морозу, но вышло, что до 5, и то один день. Но теперь вовсе не холодно, только ежедневный дождь, и, несмотря на беспрестанную чистку улиц, но грязь есть, не такая, как у нас, но ходить неприятно, переходить чрез улицы. Послезавтра мы надеемся, если Бог поможет, выехать отсюда в Торке на Болонь или на Кале. Еще не взяли билетов, но думаю, что на Болонь, чтобы ночью не приехать в Лондон, приходится приехать в 12 час., но климат Торке все хвалят, притом же приморский город, и я надеюсь, что, даст Бог, это будет полезно для Машеньки. В Лондоне мы пробудем, думаю, дней 6. Я тебе, мой душечка, напишу из Лондона и из Торке по приезде туда, если Бог поможет. Говорят, что там во всю зиму зелено, – увидим, так ли? Здесь также зелено, и я удивляюсь: кроме тех деревьев, которые и в Италии теряют лист, здесь на вольном воздухе разная зелень вьющихся растений, целые клумбы рододендрум, множество резеды, гвоздиков, астров, все в цвету, кипарисы на вольном воздухе, – стало, климат позволяет. Как-то ты, мой душечка, найдешь в Сокиринцах, – надеюсь, все напишешь. Каков тебе покажется управляющий: не знаю отчего, но я слышала, что его не очень любит Милорадович Илья, то сам узнавай, а чрез Барсука не узнавай, также и про Ичню не чрез Барсука, он приятель Бессонову. Каково хозяйствует Илья, доволен ли ты им? О многом тебе, мой душечка, надо хлопотать. Недавно я услышала, что наш Данило-повар умер скоропостижно. Жаль его, но тому, без сомнения, причиною водка, а вина наша, мой кукуничка, – сберегая свой покой, мы оставляем людей наших делать, что они хотят, а как наш народ необразован, то и распивается или ведет себя распутно. Надо добро-

го человека отличить, а дурного теперь, разумеется, выгнать (исключая тех, которые долговременною службою заслужили внимание). Мальчику-вора, который служил у Шефера, за дурное поведение отпустили с пашпортом, как бы в награждение. Данилу-буфетчика, которого я выгнала за непростительный поступок, я считаю – непростительный, потому что я не отказывала никому в позволении жениться или выходить замуж. Ему дали очень выгодное место, которого [Данила], как и ее, надо бы было заставить поработать, как другие работают, – или в поле, или при заводе, – чтобы они почувствовали свою вину. Удивительно ли, что человек ведет себя дурно, когда его не отличают от хорошего? Ради Бога, очищай наш двор от лишних людей, ты потом сам будешь доволен. Женщинам Химке и Христине, если они нуждаются в одеянии, вели сшить платье. Девочка очень хорошая, которую я определила учиться смотреть за домом у Христины, – также одеть, лишь бы она не баловалась, но у нее мать хорошая, и я ей велела быть у матери. Пожалуйста, мой кукуне-ничка, наведывайся к нашему скоту, чтобы его кормили хорошо и было бы ему тепло, и чтобы он был содержан особо от дворового людского скота. Также и свиньи у нас превосходные. Дворовая каждая женщина несет своей корове что-нибудь поила, а наши бедные коровы часто ничего не имели в корм, даже соломы. Чего же можно ожидать от скота при таком положении? Все-таки я надеюсь, что теперь скоту лучше, чем было при Суботском и Парохонском.

Пора кончить и отослать на почту. От Мишеля я получила письмо 24, скажи ему, мой душечка, что я его целую, благодарю за поздравление меня с именинами, также и любезную Ольгу, буду им писать, и ты им перескажи обо мне. Все-таки я скажу, что доброму Мишеньке надо поехать полечиться, как я ему уже и писала, он, бедненький, часто хворает и может сделаться ипохондриком.

Странное дело затеяли наши милые девицы Мария и Алекс[андра] Милорадов[ичи] – ехать в Дрезден в консерваторию. Неужели им отцовский хлеб надоел или, может, они это делают от крайности не быть в тягость? Жалко мне их, бедных, а мад. Арнольд что будет делать?

Милую Катеньку и душечку Павлуничку много раз целую, и тебя, мое бесценное сокровище, мой душечка добрый, обнимаю от всей души, целую много раз в губочки, глазунки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

№ 38.

Декабря 2/14, Лондон, 1860.

Вчера во втором часу пополудни приехали мы сюда, бесценное мое сокровище, мой душечка Гришуночик. Накануне отъезда из Парижа я писала тебе, не знаю, получил ли ты, мой кукуничишка, мои письма, а что всего несноснее, то, что не знаю, где ты и как вы доехали, очень, очень меня беспокоит. Кроме скуки по тебе, мой душечка, не выдавши так долго вас, кажется, и время непомерно долго идет. Мы выехали из Парижа в 11 часов утра, ехали на Амиен, в Булонь приехали в 7 часов вечера, там пообедали и сели на пароход. Взошли сейчас вниз, улеглись на диванах, и хотя была качка, но никому из нас не было тошно, и мы ночью же приехали в Фолькстон. И дабы не приехать ночью в Лондон, мы там переночевали и, выехавши в 9½ часов, приехали в Лондон в 12¼ часов. Дорога нам была, слава Богу, благополучна, и хотя шел дождь, но холодно не было, притом в вагонах, кроме меху под ногами, еще ставят шофреты¹ под ногами, медные, длинные, что очень тепло, в Англии этого нет. Булонь – очень хороший город, Фолькстон тоже. Переехавши в Англию, я видела по дороге до Лондона гораздо меньшее население, нежели от Диепе до Парижа. Земля обработана превосходно, орют теперь и в 3 лошади: одна за другою запряжены в плуг, выорано как пух. Луга зеленые, травосеяние. Везде множество сажают хмелю на тычках, который снят. Что превосходно, то это деревья по лугам, хотя листу на них уже нет, но по густоте ветвей видно, какие они многолиственные, прелестные. Деревья – это все, кажется, дубы, и несмотря, что они на весьма влажных местах, но, видно, им не вредно, что живут так давно, у нас же у берегов дубы пропадают от того, что корень в воде.

Мы въехали в Лондон в ясное время. Обыкновенно здесь это время туманы, и часто днем горят фонари. Остановились мы далеко от железной дороги – в Чартвит, Гросвенор-сквер, отель «Кобург», который добрые Каудвель нам приготовили уже за несколько дней. Приехавши, мы дали им знать, и они приехали к нам, и так нам рады, как бы родным. Звали нас, и сегодня мы у них обедаем. Они обещали нам показывать все, что есть интересного в Лондоне. Хотя еще ни снегу, ни морозу нет, но в Лондоне очень холодно. Здесь мы останемся, может, дня три и 4, и потом поедем в Торке. Но это еще не верно: если в Торке тоже холодно, то, быть может, мы туда не поедем, а я напишу тебе, мой душечка, не медленно, когда и куда мы поедем.

3-е. Не успела вчера дописать, в 3 часа уже туман, я же плохо вижу и при свете писать, но не думай, мой душечка, чтобы зрение мое было хуже, оно так же, как было. Вчера утром приехал к нам Каудвель и повез нас на выставку животных и земледельческих орудий и машин. Все это

¹ Можливо – обігрівачі (від фр. *chauffer* – гріти).

превосходно, но какие быки и коровы – то это необыкновенной величины, овцы разной породы огромные, свиньи невероятной величины, веришь ли, мой душечка, что почти в малую коровку, но на коротеньких ножках, и от жиру все лежат. Разного роду огородные растения необыкновенной величины. Но надо обходиться со скотом, как не только в Англии, но и везде за границу: его держат в хороших сараях тепло, кормят хорошо и чистят, как лошадей. У нас бы это показалось трудно, и надобно бы человека 3 на 10 или 15 штук скота, здесь же один за 5 успевает. Один дворник, concierge, успевает не только вычистить комнаты всех наемщиков, но вымыть двор, все окошки и ступеньки, или женщина-консьерж все это исполняет. Трудно, да и невозможно перенять все это, но надо понемногу, а стараться перенимать при будущей перемене. Вчера обедали мы у Каудвелев, они угощали нас превосходно. В 4 часа мы ездили по городу, видели превосходные парки, сегодня едем осматривать здешние интересные места. В понедельник намерены выехать, если Бог поможет. Иные говорят, что тепло в Торке, иные – что холодно, но увидим, и если холодно, то выедем и поедем опять в Париж, и, быть может, останемся там до весны или куда поедем, но еще сами не знаем. Приехавши в Торке, я напишу тебе, мой душечка, но не можешь себе представить, как мне даже подумать грустно, что не скоро получу от тебя письмо. Не знаю, что с вами делается, как вы доехали и когда в такую погоду? Как наш Павлуничка в дороге, не простудился ли, как ты, мое сокровище? Я знаю, что ты заботишься обо всем, а себя не будешь беречь. Ради Бога, береги себя, мой добрый душечка, да пиши обо всем. В Париже мы оставили записку на почте, чтобы пересылали письма в Лондон, и тут оставим записку. Целую милую Катеньку много раз и душечку Павлуничку. Тебя, мое сокровище, обнимаю много-много, целую в губки, глазочки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька, Поль и Катенька все вас обнимают.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 59–61.
Друкється вперше.

№ 39.

Декабря 6-го, Торке, 1860 г.

Приехавши в Лондон, я писала тебе, мое бесценное сокровище, мой Гришунчик. Не знаю, получаешь ли ты все мои письма. Видишь, сколько я их пишу к тебе, мой душечка, адресую их все на Варшаву, кроме первого к тебе – в Прилуку, адресовала на Броды и Радзивилов, но мне кажется, что на Варшаву скорее ты получишь.

В Лондоне мы пробыли только 4 дня, обедали у добрых Каудвель, они нас принимали как родных. Ездили по городу, были в Вестминстерском дворце, в Палате пэров, в Парламенте, по всему дворцу, который очень интересен. Потом пошли в Вестминстерское аббатство, где погребаются все короли Англии и многие из пэров и из знаменитых людей: какое великолепное строение и какие памятники, но я полагаю, что ты, мой душечка, бывши в Лондоне, все это видел, то нечего описывать. Вчера, т. е. 5, в 9½ часов утра, мы выехали из Лондона, проезжали несколько городов и вчера же в 4 часа приехали мы сюда. Невероятно как скоро ездят по этой дороге в Торке.

Остановились в гостинице у самого моря, будем искать квартиры понедельно. Здесь, правду сказать, хотя все зелено и цветов много, но не тепло, без сомнения, гораздо теплее, чем в Лондоне, но не тепло. Правда, что это самое холодное время, увидим дальше: если будет холодно, то мы уедем отсюда в Париж чрез Лондон, где останемся несколько дней, а в Париже уже будем дожидать настоящей весны. Все это, мой душечка, предположение, а как будет, я тебе напишу. Торке – прекрасный город, какие же виды в нем, то трудно описать¹. Когда я хожу по каким хорошим местам или вижу что интересное, то всегда жалею, зачем не с тобою, мой душечка, я это вижу? Я знаю, как ты любишь все это видеть, и как бы мне было приятно делиться с тобою, мой душечка, всеми впечатлениями. По дороге от Лондона до Торке все поля обработаны превосходно, деревьев множество по лугам, каждая нива обсажена кустарником и небольшими деревьями, больше фруктовыми, что делает влагу на поля. Деревья все посажены в небольших канавчиках, так что каждый хозяин на свою ниву пускает свою собственную скотину: овец, рогатый скот и лошади, и они не могут перейти на ниву другого хозяина, – каждый пасется без присмотра, не боится. Земля вся нанятая на несколько лет у владельца. Вообрази, мой душечка, что даже в Лондоне очень многие дома выстроены на чужой земле, которая нанята на несколько десятков лет, даже и на 100 и более лет, и хозяин дома платит ежегодно положенную плату, потом, при истечении срока, опять делают условие уже по согласию владельца. У лордов и других здешних богатых людей очень много земли в Лондоне, которая застроена прекрасными домами наемщиков, и они, т. е. владельцы, за эту землю получают огромные доходы. В Англии вообще все чрезвычайно

¹ Для родичів і знайомих Галаганів відпочинок у Торкі був у новинку, зокрема, Г. Галаган писав матері з Києва, що «Торкі зовсім нікому не відоме і кожному потрібно розтлумачувати...» (ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 999. Арк. 32 зв.).

дорого, как наем домов, так и все съестные припасы, хотя говорят, в Париже все вздорожало противу прежнего, но в Англии все дороже.

7. Где-то вы теперь, мое сокровище бесценное, ничего не знаю про вас, как-то вы доехали? Стараюсь думать все хорошее, надеюсь на милосердного Бога и пресвятую Богородицу, что Они сохраняют вас от всех бед, а все-таки сердце не на месте и неизвестие наводит тоску, все молюсь Господу Богу о вашем благополучии. 4-го числа, т. е. в воскресенье, мы были в церкви, заходили потом к нашему священнику, к которому все наши русские зашли из церкви, их, слава Богу, не много в Лондоне. Как хороши в Лондоне скверы или площадки с деревьями и кустарниками, какой газон и какие деревья, хотя без листов, но видно по веткам, что очень густолиственны, а этих скверов очень много, да и садов много. Как это хорошо и здорово для города, и такого большого, как Лондон, это очищает воздух. Об этом бы и у нас в России надобно позаботиться, а не застраивать улиц нераздельными домами. Что-то у нас теперь делается, мой бесценный кукуничка, думаю, каждый хлопочет о новом устройстве. Сегодня здесь выпал снег, и мороз. Говорят, будто этого пять лет не было, как нарочно для нас, ищущих теплого климата, такой холод. Нигде не видала я такого превосходного местоположения. Вообрази, мой душечка, горы, покрытые зеленью, садами, в которых прекрасные строения – котижи¹. Здесь лавры разных родов, мирты, рододендров и много разных кустарников, которые не теряют листву, – все это окружает котижи и делает превосходные пейзажи. Притом же море с своими судами. Все это чрезвычайно красиво, но страшно, чтобы не было холодно.

9-го. Мороз, и снег продолжается, т. е. не тает, и англичане мерзнут в своих весьма не теплых платьях и холодных домах, каминны во весь день не угасают. Мы переехали с гостиницы, наняли дом, но по неделям, чтобы, если не сделается тепло, то выехать отсюда, на Лондон в Париж, а там, если не останемся до весны, то я тебе, мой душечка, напишу, куда мы поедем. Здесь, вообще во всей Англии, все дорого, квартиры и все для жизни. Наша квартира на берегу моря, если бы не холодно, то очень бы была приятная. Много котичей можно нанять, но неудобны, потому что по горам, хотя в зелени, в садах, но кто же по снегу пойдет гулять в сад, наша же [квартира] на тротуаре широком, и хотя дорога, но ото всего близко. За неделю мы платим 6 фунт[ов] стерл[ингов] с отоплением и с кухаркою, стол же наш, посуда, серебро столовое, белье – все хозяйское. Не знаю, как обойдется нам стол и люди? Здесь одно только русское семейство: Смирнова с дочерьми², которая в восхищении от Англии, и хотя

¹ Коттеджі.

² У своїх спогадах О. О. Смирнова-Россет називає Торкі одним із своїх люблених місць. Вона мешкала там тривалий час, зокрема декілька років після скасування у Росії кріпацтва, вважаючи, що життя у цьому курортному містечку допомагає їй заощаджувати свої кошти (див.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 189).

мерзнет, но не признается. Мы оставили в Париже на почте записку, чтобы отправляли нам письма в Лондон, в Лондон тоже послали записку, и твои, мой кукуничка, душечка, письма не должны бы пропадать, если ты их адресовал в Париж. Но такая грусть, что ничего не знаю про вас, что ты представить себе не можешь даже, и сны снятся все неприятные про Сокиринцы. Дай, Господи, чтобы все это снилось от того, что я все думаю про вас, мой душечка, и беспокоюсь, как вы доехали? Когда бы уже поскорее получить известие! Про нас скажу, что, слава Богу, все мы здоровы, недовольны климатом Торке, но все-таки ходим гулять по прекрасным тротуарам города и набережной, которая украшена разного рода магазинами. Пора отправить письмо, буду писать к тебе, мое сокровище, по-прежнему часто. Милую Катеньку и Павлуняточко много раз целую. Как-то вы доехали? Тебя, мой душечка бесценный, обнимаю, много раз целую в губочки, глазочки и щечки. Молю милосердного Бога, чтобы вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька, Paul и Катенька всех вас троих обнимают.
Всем нашим – усерднейший поклон.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 62–64 зв.
Друкується вперше.

№ 40.

Декабря 11/23, Торки, 1860.

Вчера была я обрадована, бесценное мое сокровище, мой душечка Гришуночик, получа твое письмо из Орла. Хотя оно написано еще 18-го только, но было утешительно видеть письмо твое, мой кукуненичка, и знать что-нибудь про вас всех. Пишешь, мой душечка, что милая Катенька была нездорова желудком, что меня беспокоит, не простудила ли она желудка, выходя из кареты и в карету в холодное время, да в дороге иногда не в пору покушает, и чего-нибудь холодного. Скажи ей от меня, чтобы она больше себя берегла, не подвергалась простуде, в Сокиринцах поменьше бы ездил кататься в санях и ходить в холодное время. Когда подумаю, что письмо твое, мой душечка, еще только из Орла, а вам далеко ехать еще и по худшей дороге, то грусть берет, и нетерпение скорее получить известие. Вы едете на колесах по снегу, можете загружать карету, выходить в поле по холоду. Если бы милосердный Бог донес вас скорее до Сокиринце! На Его и на Пречистую Богородицу возложу мою надежду. Завтра неделя, как мы здесь, вчера я писала к тебе, мое сокровище, обо всем. Снег не тает, и мороз порядочный. Хотя говорят, что это здесь необыкновенное явление, но нам это вовсе неожиданное, камины у нас не угасают, также и у всех. Но народ, т. е. все, как и во Франции, ходят по улицам одетыми весьма легко. Говорят, что под платьем у них фланель, но она же не может так согреть, а вероятно, они привыкли, и холод зимний переносят легче нас. Бедненькие дети с голыми ручками до локтей, и ножки с коротенькими чулками до полуножки. Снег небольшой, и странно смотреть, что зеленые деревья и кустарники сквозят через снег. Торки весь в зелени, по этому видно, что климат теплый. Здесь лавры разного рода, мирты также мелкие и крупные, пинусы, кипарисы и множество разного рода кустарников зеленеют, цветов еще много осенних – все это красиво, но напудрено снегом. Вообрази, мой душечка, что Торки по горам, то извозчики отказываются везть или везут так, что кучер ведет лошадь в руках, потому что лошади не привыкли ходить по снегу и на гору не сvezут. Здесь больше (как и в Париже) ездят в одну лошадь, все кареты и коляски четырехместные, есть двухместные, и те, и другие, но садятся не рядом, а один противу другого, и везутся эти экипажи маленькою лошадкою или осликом. Много из знати аглинской приехали в Торки проводить зиму, как они называют «аглинскою Италиєю». Что-то у нас теперь делается, все ли благополучно? Ты, мой душечка, все мне пиши. Поль очень беспокоится, не получая никакого известия от управляющего из Песок, тем больше, что он оставил управляющего только еще выздоравливающего после болезни. Напиши, мой душечка, все ли там благополучно, и дай знать управляющему, что Поль беспокоится, не имея никакого известия. Сегодня воскресенье, и город мертвый, все заперто, несколько только экипажей стоит на набережной,

которая вообще вся уставлена ими, но и эти, вероятно, для иностранцев. Лондон в воскресенье совершенно пуст, по улицам почти не встречается никого. Как послезавтра здесь праздник Рожд[ества] Хрис[това], то еще со вчерашнего вечера все магазины и лавки заперты до среды, даже хлеба, говорят, не пекут, обычай прекрасный и исполняется свято. Еще одна черта, заслуживающая похвалы, это в гостиницах: здесь в каждом номере лежит на столе большая Библия, чтобы приезжающие могли ее читать, это богоугодное дело.

11-го. Холод продолжается и снег не тает, еще и вчера был небольшой, но что делать, ехать в такое холодное время нехорошо, в Лондоне, пишут Кавдвели, что ужасная стужа, все же здесь теплее, то лучше уже переждать этот холод на месте, а ты, мой душечка, адресуй письмо все-таки в Париж. Мы сделали распоряжение, чтобы нам письма присылали в Лондон, и там также сделали так. Из Парижа мы получаем сюда на другой день письма, здесь невероятно как скоро ездят. Завтра здесь праздник Рождества Христова, а сегодня сильная с пушек пальба в честь празднику, вероятно, завтра не будут стрелять.

13-го. На улице тихо, все по домам, редко проедет экипаж. В Торке можно все иметь, магазинов также много, и леди с предлинными локонами прогуливаются по набережной с огромными брошами очень важно. Во всей Англии, вообще как в образованной нации, народ с дворянством чрезвычайно вежлив: на каждое слово господина прикладывает руку к шляпе – знак поклона, повстречавшийся то же делает, большое уважение к дворянству, как к своему, так и к иностранному. У нас это теперь не так, к сожалению. Аглинское дворянство устояло на своем праве, а наше теряет его самовольно, без всякой причины. Как наши соседи, все ли довольны? Воображаю, мой душечка, сколько тебе вопросов, и как тебе надоедят они, и утомят объяснения, но что же делать, каждому близкое. Дал бы милосердый Бог, чтобы все было хорошо, и надобно, чтобы каждый уразумел хорошее намерение, и привелось бы в благое исполнение. Здесь, и вообще в Англии, все очень дорого, но надо сказать и то, что очень хорошее все, съестные припасы превосходны. Живут зато вообще без всякой роскоши, и никто не думает осуждать другого, всякий живет как хочет. Хлебопашество доведено до наилучшего положения, фабрики также, деятельность вообще в каждом состоянии, и честная. Столяр не сделает мебели или чего другого как-нибудь, кузнец тоже, и до последнего ремесла все делается добросовестно, не жаль и дорого заплатить, если сработано прочно. Что-то у нас делается в Сокиринцах? Как при доме? Макар не привык и боязлив, другого же нет. Мойсей казался бы хорош, но ненадежен. У него большое семейство, жена весьма ненадежная. Служить он может, но поручать ему безотчетно не можно. Это, мой душечка, между нами я говорю, не хочу, чтобы это ему дошло. Он способен к услуге, если за ним смотреть, и человек видный, прилич-

ный, но надзор над ним надо. Что делать, мой душечка, это скучно, но необходимо, чтобы потом иметь хороших надежных людей.

14-го. Снег все еще лежит, вчера была на море большая буря, но нечему удивиться, мой душечка, если (как пишут) в Афинах холод и снег, стало, и в Нице холодно. Надобно примириться с Торке и пробыть здесь холодные месяцы – декабрь и январь. Ты, мое сокровище, все-таки пиши мне в Париж *poste restante*. Что-то у нас, холодно ли? Хорошо, что Павлуничке сделали дубленый тулупчик, воображаю его в нем. Когда-то Бог даст, я увижу его, мою душечку? Ему надобно сделать рукавички теплые, это очень греет, и сапожки на меху. Да ты, мой кукуничка, береги себя, не простудись. Милую Катеньку и Павлуныточко много раз целую, и тебя, мое сокровище бесценное, обнимаю, целую в губочки, щечки и глазунки. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Соф[ии] Алек[сандровне] кланяюсь. Мишелю скажи, что я его целую, Ольгу также, нашим мад. Фишер и Саузе. Каково-то здоровье мад. Фишер? Бедная, она почти всегда зимою больше нездорова. Было ли для них зимою все, что надобно? Без Ильи боюсь, что Макар новый и не сумеет. Калюжинским всем¹, и всем родным и соседям кланяюсь. Всем людям нашим также. В Сокиринцах ли Ульяна Игнатъевна, если нет, то кто у вас на ее месте?

Приписка на полях. Каково идет хозяйство в Ичне и доволен ли ты?

ЦДАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 44–46 зв.
Друкується вперше.

¹ Милорадовичам, калюжинським поміщикам.

№ 41.

Декабря 16/28, Торки, 1860 г.

Сегодня утром имела я удовольствие получить письмо твое из Дубович от 25 ноя[бря], мое бесценное сокровище, душечка мой Гришуночка. Благодарю милосердного Бога, что вы едете благополучно, а тебя, мое сокровище, за поздравление меня с именинами. О твоём же мне желании, мой кукуничишка, всего доброго и говорить нечего, кто же мне больше пожелает добра, как не мои милые деточки, да благословит всех вас милосердый Бог. Как-то вы добрались до Сокиринцев? Хотя уже недалеко от Дубович, но Сейм, и проселочная дорога, воображаю, какова была вам. С нетерпением буду ждать теперь письмо от тебя, мое сокровище, уже из Сокиринцев. Полагаю, что ты нашел мое от 14-го, писанное уже в Прилуку, но на Броды и Радзивилов. Теперь же я все пишу на Варшаву и Киев. Полагаю, что почта скорее ходит и ожидаю, чтобы ты, мой душечка, написал мне, как лучше писать. Это уже седьмое письмо пишу тебе, мой душечка, адресую на Варш[аву] и Киев, а одно только написала на Броды и Радзивил[ов]. Милую Катеньку обнимаю, благодарю за поздравление меня с именинами. Душечку Павлуныточко тоже за его прекрасное письмо много целую, радуюсь его успехам в ученье. Уверена, что он будет продолжать успевать и по-аглински выучится с мад. Саузе говорить скоро. Скажи ему, чтобы он жаловал бедного Арапиньку, давал бы ему хлебца с маслом, он это любит.

18. Снегу нет, но ветер и дождик, все опять зеленеет. Как пишут из Парижа, что там катались на санях в Булонском лесу импер[атор] и императри[ца], видно, холодно в Париже, то мы и решаемся остаться здесь холодные месяцы, все же здесь теплее. Квартира у нас хорошая, я смотрю из окошка на море и думаю часто: если бы мой душечка Гришуночик был здесь, как бы ему нравилось это место, как бы Катенька прогуливалась по набережной и везде, как бы Павлуничка бегал и смотрел на суда. Мы также ходим, но у бедной Машеньки зубы болят и щека, что и мешает ей пользоваться приморскою прогулкою, полезною для нее. Опишу тебе, мой душечка кукуничишка, наш быт здесь. 1-е. Наших знакомых русских – одна только Смирнова с дочерьми. Это жена петерб[ургского] губер[натора]. Ты, я думаю, ее знаешь или видел, женщина умная. Но совершенные англomanы. Агличане – знакомые Кавдвелям, один очень любезный и хочет привезть к нам жену и дочь. Вот и все, но это очень хорошо – больше свободы. Квартира наша на хорошем месте, на берегу моря. Залив наполнен иногда судами, каждый день прилив и отлив, и во время последнего много с корзинками собирают, что принесло море. Каждый же день рыбаки суетятся с лодками и отправляются за рыбою. Все это у нас пред окошками. Сегодня была на море буря, и сильные волны.

Наша квартира. У нас комнат с каминами: столовая – внизу, подле

ее – комната, на втором – гостиная и моя спальня, в третьем – спальня Машеньки и Поля, Катенькина маленькая и девичья большая, и на 4-м – Евдокиму. Отопление хозяйское каминов и кухни, и кухарка очень хорошая ее же [хозяйки], освещение наше. Нанимаем понедельно, платим в неделю 6 фун[унтов] стер[лингов]. Стол, чай, хлеб, кофе и все съестное обходится нам в неделю до 10 фун[унтов] стерлингов. Это до 400 франков, больше 100 р. наших, а потому считаю рублей 400 с лишком наших в месяц. По нашим ценам петерб[ургским] или москов[ским] еще недорого. Тут уже квартира и все на месяц, нас 4 да людей 3. Всего дороже стоят переезды, чрезвычайно дорого, здесь также все дороже, чем во Франции. Не можешь представить себе, мой душечка, с каким нетерпением я ожидаю от тебя письма из Сокиринца. Как-то вы доехали, и как все ты нашел в Сокиринцах? Доволен ли управляющим? Он, кажется, человек умный, тем и труднее его разузнать, но когда только не великий плут, то можно примириться – обращая внимание на все, менее будет плутовать. Но он, кажется, любит порядок во всем, что нашим приказчикам и должностным людям не нравится, привыкшим к беспорядку при прежних управляющих. Как управляет Илья в Ичне, доволен ли ты, мой душечка, им? Лебединский, без сомнения, человек честный, но немного вяловат, его надобно поощрять, напоминать ему чаще, то пойдет хорошо. Да тебе, мой душечка, непременно надобно не в Лебединце, а в Романихе выстроить винокурню, хотя на 50 пуд[ов], но не в Лебединце. Зимой можно приготовить посуду и лес, винокурню же выстроить хотя плетневую, она будет полезна для скота и даст доход. Ты пишешь, мое сокровище, что, быть может, тебе придется опять ехать или в Чернигов, или куда в другое место по общим делам. Это меня пугает, мое сокровище: неужели тебе опять придется трудиться или, лучше сказать, мучиться над делами, за которые никто тебе не только не скажет спасибо, но всем навлечет неудовольствие и нареkanie. Я благодарила Бога, что ты, мой душечка, освободился уже от этого дела, а тут опять тебе трудиться по-пустому. Если бы ты, мой душечка, слышал, как здесь толкуют эти дела. Побереги свое здоровье, мое сокровище, своих мыслей всем не передашь, да и нельзя же быть уверенну, что мои мысли лучше другого и полезнее. Ради Бога, прошу тебя, мое сокровище, побереги свое здоровье, и если уже непременно тебе суждено ехать опять по этому делу, то не ссорься, не делай себе врагов: на своем не поставишь, а навлечешь нареkanie и неприязнь.

19. Сегодня здесь до 10 град[усов], говорят, тепла, не на солнце, но на южную сторону. Дождь вчера шел почти весь день. София Алек[сандровна] пишет мне от 24-го ноября, что у нас холодно, снегу мало и дорога очень худая, а вам пришлось ехать по этой дороге. Дай Бог, чтобы ваш экипаж выдержал ее: ничего нет несноснее в дороге, как ломка экипажа. Если вам Бог помог приехать в Сокиринцы 28-го, то ты, мой душечка,

верно, мне написал чрез день или два, и я жду письма с нетерпением. Еще, мое сокровище, поговорю про деньги. До сих пор, и еще надолго, я надеюсь, не буду иметь в них надобности, и если ты, мой душечка, намерен точно ехать за границу, то и не высылай мне, а собирай и из моих экономий, чтобы было для тебя довольно и для меня, и привези с собою, мой душечка. Как же ты пишешь, что у Александрова остались еще мои деньги, то напиши ему, чтобы он послал их в Варшаву банкиру Леопольду Кроненбергу – это наш банкир, и очень хороший. Присылка же в Варшаву не дороже стоит, как и в другое место в России, и ты, мой душечка, если даст Бог, будешь ехать, то у него же лучше разменять деньги, взявши кредитивы, если вы поедете на Варшаву.

Сажусь писать к тебе, мой душечка, кажется, недавно писала, и уже нечего, а потом не могу оторваться от письма – все хочется говорить с тобою. Обнимаю много милую Катеньку и Павлуничку. Тебя, мое сокровище, очень также много целую в губочки, глазочки и щечки. Всем кланяюсь. Любезного Мишеля много целую, и Ольгу. Скажи Мишелю, чтобы он отвыкал курить табак, теперь не только не курят нигде в гостиных, но даже по хорошим гостиницам просят не курить, а курят только на дворе. Молю милосердного Бога, чтобы вы все, мой душечка, были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 41–43 зв.
Друкується вперше.

№ 44.

Января 4/16, Торки, 1861-го года.

Ожидала сегодня письма от тебя, мое бесценное сокровище, мой Гришунчик, но нет. Здоровенький ли ты, моя душечка, все ли вы здоровенькие? По расчету моему, от тебя бы должно быть еще вчера письмо. Получил ли ты мои письма, не беспокоишься ли ты обо мне, мой кукуничишка, не затормошили ли тебя разные дела по хозяйству? Все это мне приходит на мысль, и ты не можешь представить себе, как мне тебя жаль, мой душечка милый. Ради Бога, береги свое здоровье. Беспокоят меня очень поступки управляющего Чернявского, я этого не ожидала, видела в нем человека умного и очень понимающего хозяйство, притом же мне его рекомендовал Любовцев как честного и хорошего управляющего. Петр Арк[адьевич] ему не отказал, но он не хотел оставаться у него и уже был приглашаем на другое место, но по совету Любовцева предпочел нас, это слова его. Без этого я бы ни за что не отговаривала управляющего не только от Петра Арк[адьевича], но даже от незнакомого мне человека. Знаю, как хороший управляющий важен для каждого. В моих письмах много я писала к тебе, мой душечка, много спрашивала тебя о разных вещах, о которых теперь и не припомню, и мне очень жаль, если они пропадут. Я спрашивала тебя, мой душечка, купил ли ты часики для Катеньки? Ты мне написал, что, может, ты соберешься как-нибудь и купишь на место потерянных. Ты мне напиши, то я по возвращении в Париж куплю. Здесь все гораздо дороже, притом же я там могу купить у знакомого или известного уже часового мастера. О себе мне писать нечего, мое сокровище. Как мы решились остаться в Торке до марта, куда везде теплее будет, хотя и здесь не тепло, но все же теплее гораздо Парижа, хотя морозцы и бывают небольшие, но снегу нет. Квартира наша удобная, каминны от утра до вечера горят, все это каменными углями, но все устроено хорошо и красиво. Приятно видеть, что нет ничего как-нибудь, каждый знает свое дело и исполняет его добросовестно. Экипаж каждый день вычищен как новый, вся упряжь блестит как новая, лошадь вычищена, когда стоит с каретою – покрыта попоною суконною, хотя бы на короткое время карета стояла у крыльца, то уже кучер ее накрывает, в Париже то же делается. Дома держатся, вообще не только в Англии, но и в других местах, так чисто и опрятно, что не найдешь никакого насекомого. Одна девушка, а если очень большой дом, то еще дворник, каждый день чистят комнаты, обмывают окошки, все мебели обтирают, где резьба – вытирают чисто, ковры не колотят палками, как у нас, но чистят их очень осторожно. Дворы каменные моют, стенки кругом двора, даже по тротуару от стенки, где только есть грязь от проходящих. От того дом сохраняется, и чистота его поддерживается. Здесь не гоняются за модною мебелью, не уничтожают старой, как у нас. Правда, что по гостиницам мебель вся в новом вкусе, но в домах аристократов аглинских

этого нет. Смирнова, которая здесь живет, знакома со многими аристократами здешними, недавно была у одного лорда чрезвычайно богатого на празднике и мне рассказывала. Замок огромный, еще предковский, за столом серебра много, даже тарелки, но все старинные. Мебель, часы, канделябры, – все старинное, что называют у нас de l'Empire⁴. Все обито материею уже не модною и не новою, без пружин вся мебель. Леди уже пожилая очень, но каждого встречает, вежлива со всеми, как и старик лорд. Простота в обращении, вежливость, пристойность, не кладут ногу только что не на стол (что наши переняли в дурных обществах), молодые люди вежливы, веселы. Вообще курение табаку здесь выгнано из общества. Они принимают 3 дня в неделю: понедел[ьник], втор[ник] и среду. Прочие дни остаются для чищения всего дома и исправления, что нужно. Воскресенье же посвящено чтению священных книг, и не только сами ничего не работают, а и людям не позволяют ничего делать, и все дома. Детей воспитывают чрезвычайно просто: у них дочь 14 лет одета в самое простенькое белое платье. Стол для детей самый простой, из двух или 3 блюд, без сладкого блюда. Дети образуются очень хорошо, но без и малейшей роскоши. По-моему, это настоящая аристократия. Каждую предковскую вещь дорожат. Все это: старинные чашки, вазы, куколки, – у ледиев расставлены в кабинетах, и они не имеют права подарить что-нибудь из предковского, все это должно поступить в наследство. Как ты это, мой душечка, находишь? Мне это нравится. Не от того, что это мои правила – соблюдать все старинные вещи, но мне кажется, что это должно оставлять в потомстве.

6-го. Вчера имела я удовольствие получить письмо твое, мое бесценное сокровище, мой душечка Гришиненичка, № 32 от 14-го. Благодарю Бога, что вы здоровы и все у вас благополучно. Меня так обрадовало твое длинное письмо, мой кукуненичка, спасибо тебе, что ты пишешь обо всем, чем длиннее твое письмо, тем приятнее для меня. Слава Богу, что у нас все благополучно, дай Бог и впредь, чтобы было не хуже. Я не писала тебе, мой душечка, о другом моем адресе, потому что мы не были уверены, надолго ли мы в Торке, а из Парижа мы получали письма аккуратно. Как же из Малороссии идут письма долго, то я боялась, что куда ты получишь письмо мое с новым адресом, мы можем уехать в другое место, а в Париже мы оставили адрес – отправлять в Лондон, в Лондоне же тоже оставили адрес. Как же мы намерены в Торке пробыть, может, до апреля, то рассчитай, мой душечка, время почты и пиши куда в Лондон, может, я скорее получу. Письмо мое № 35 от 14-го ноя[бря], видно, ты, мой душечка, не получил, что пишешь о 20 и 24. О здоровье Машеньки что тебе сказать? Слава Богу, ей не хуже, но все она очень часто нездорова: не то, то другое, несмотря, что и рассеянность,

⁴ Ампір (фр.) – художній стиль, популярний в Європі в першій третині XIX ст.

и климат (не так холодно, как у нас), но все похварывает. Не даст ли Бог с другим курсом вод и ванн в Кисингене, которые ей сделали пользу, ей будет лучше. Всего больше в ее болезни – расстройство нервов, это главная ее болезнь. А против этого что? Надо силу воли, а ее недостает. Невральжи тоже от нервов, частая зубная боль. На милосердного Бога будем надеяться, что Он укрепит ее здоровье. Ты, мой кукуничка, ничего не пишешь о намерении вашем ехать за границу. Если тебе это надобно, то прошу тебя, ради Бога, не откладывай. Если же не намерен ехать, а наши решатся оставаться еще на другой год за границей, что, я думаю, им и придется для воспитания Катеньки, т. е. для окончательного ее воспитания, она учится постоянно, мне же, мой душечка, хотя и весьма будет жаль расставаться с Машенькою, но не видеть вас так долго я не могу. Притом же в мои лета заехать надолго из отчизны не следует. Без сомнения, все в воле Божией, но не быть даже в нашей церкви очень грустно, все праздники встречаем без церкви. Если же, мое сокровище, для твоего здоровья или для Павлунички надобно, то, ради Бога, прошу тебя, не стесняй себя, бери из моих доходов все и поезжай. Всего мне дороже ваше здоровье, мне ничего не надобно, неужели бы я поехала, и так надолго, за границу, если бы мне не сказала бедная Машенька, что без меня она не поедет. Что мне дороже вас? Меня занимает, без сомнения, все, что я вижу, и развлекает по временам, но это мой характер, я не могу жить, не занимаясь ничем, то есть не обращать внимание на все, мною видимое, но полно об этом.

Из письма твоего, мой душечка, вижу, что у меня по экономиям, слава Богу, идет хорошо. Стало, даст Бог, будет и мне, и тебе, мое сокровище. Бери, прошу тебя, из моих, если ты решишься ехать. Я тебе писала обо всем житье и издержках наших, и ты можешь рассчитать все и все обстоятельства. Когда получу деньги от Александрова, то отдам за тебя Машеньке 900 р., но ты, мой душечка, написал мне цифры денег так, что я не знаю, сколько должен прислать Александ[ров]: было написано тобою 2300, потом толстою палочкою поставлено не 2, а 1300, во всяком случае, я отдам 900 Маше.

7-го. Длинные мои письма к тебе, мое бесценное сокровище, не могут оторваться от письма к тебе. Насчет Козьменка я всегда имела мысль, что он хороший управляющий, надо только знать его характер, не трогая его самолюбия, говорить ему прямо, как доверенному человеку. Илья такой же, и ты, мой душечка, будешь иметь в нем человека усердного, только поступай с ним прямо, не чрез других, а сам. Беда нам не иметь хорошего человека для присмотру за кладовыми и за домом. Макар не довольно умен, но он, я думаю, честен, то не передавай, мой душечка, кладовой никому. Провизию, которая там, ты поручай кому угодно, но ключей от кладовой и сундуков не отдавай.

Пора кончить письмо. Много раз целую милую Катеньку и Павлуничку.

Всем нашим усердно кланяюсь. Канареечкам и Арапуну дай по кусочку сахара от меня. Обнимаю тебя, мой добрый душечка Гришуночик, много, много целую в губочки, щечки и глазунки. Молю милосердного Бога, чтобы вы все были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Стреляли из пушек у нас на Ердане, у нас была кутья, узвар, и на Рождество тоже, но из риса кутья, а жаль, что освящения воды не было, а у них же и праздник давно прошел, и обычая нашего нет.

ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 166–168 зв.
Друкується вперше.

Розділ 2. Григорій Галаган: листування з дружиною і сином 1861 р.

§ 1. «Будь ласка, друже мій, пиши мені частіше»: листи Г. Галагана дружині, 1861 р.

№1-й.

Київ, 7 июля 1861 г.

Мое путешествие, милый друг мой, хотя до сих пор и благополучно, но с некоторыми препятствиями: в Прилуке я очень долго ждал лошадей и выехал на вольных. В Бровары приехал в 10-м часу вечера, и мне объявили, что в объезд, мимо шоссе, ехать ночью нельзя, что сломают карету, и я спал там до 4-го часу. Приезжаю в Киев, Меринг уехал в свое имение и только сегодня в 5 час. утра приехал, сейчас будет ко мне. Кроме таких замедлений, дорога идет хорошо. Третьего дня я так распарился от жару в карете, что, приехавши в Покоршину, тотчас пошел купаться, но и это мало освежило. В Покоршине пробыл 3 часа, потому что Любовцев приехал и привез мне 900 рублей (да прежде я взял 100), немножко по-аптекаарски, да и то хорошо. Саранча съела уже до 200 дес[ятин] жита и угрожает остальному. Были в Мостище выборы волостного старшины. Тот же Полегкий, т. е. сельский староста, был выбран единогласно. К нему, видно, имеют все большое доверие, а между тем его поведение остается по-прежнему. Говорят, что, когда он увидел, что в конторе пишут от меня акты на собственные земли, то он сказал: «Это бумага для папирос». Другими словами, что это излишнее, потому что вся земля будет наша¹. Брюхачев, как рассказывает Любовцев, говорил людям очень хорошо и многих убедил, но я в этом сомневаюсь². В Девице вот что мне рассказал станционный староста, русский, когда я спросил о кн. Мих[аиле] Павл[овиче] Гол[ицине]: «Бился-бился сердешный князь с этим мужчиной, да так и поехал. Один мужик вышел из толпы и говорит: “Знаете ли, что ваш дом (экономия) выстроен на моей земле, на батьковщине?” Князь сказал: “Ну, так что же?” – “Ну, я приду и раскопаю ваш дом”». В Киеве все по-прежнему. Меринга только теперь видел, говорил с ним

¹ Йдеться про селянську реформу 1861 р. Вона була найважливішою темою у листуванні Г. П. Галагана того часу, зокрема з О. В. Кочубеєм, якому він 22 березня 1861 р. писав: «Не зрозумів ще отримуваних прав і не дізнавшись ще про ті пільги, що даруються селянам ще до укладання уставних грамот, народ нарікав, похмуро виходив з церков і, хоча корився як і раніше, але думав, що його обдурили» (ЦДІАН. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 992, Арк. 99 зв.). Докл. див.: Степович А. І. З подробиць реформи 1861 р.: Лист Г.П. Галагана про його козелецький і прилуцький маєток. *Україна*. 1927. Кн. 4. С. 111–112.

² В. П. Брюхачев був мировим посередником. Г. П. Галаган високо оцінював інститут мирових посередників; з цього приводу в одному з листів до О. В. Кочубея він зазначив: «Заснування мирових посередників більше, ніж будь що, сприяло заспокоєнню народу...» (ЦДІАН. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 992, Арк. 105 зв.).

о многом. Поручил продавать дом, на что он согласился, с тем, чтобы из 60 т[ысяч] руб. половину отдать в его распоряжение, тогда он тотчас купит дом, на что я согласился¹. Обедал вчера у Ригельманов, они очень хорошо устроились, он мне дал займа 500 рублей. Но надобно заплатить 260 за Настеньку, да 250 – M-me Laroche, вот и все ушли. Пожалуйста, друг мой, отвори мой стол, с правой стороны в шкафчике средний ящик. Там разные мои сочинения, и ты найди там проект нового разделения Киевского края на губернии с картой². Уложивши все это, вышли в Киев на имя Ник[олая] Арк[адьевича], пожалуйста, сделай это. Наш дом очень хорош, и жалко будет с ним расставаться. Волосатов устроил на внутреннем дворе прехорошенький цветничок, что дает вид двору очень хороший, в роде хороших hotel'ей за границей. Видел многих: Mr. Нем, Юзефовичей и пр. Был в Лавре, все там по-прежнему, и я отслужил молебен за вас двух, мои милые. Да сохранит вас Бог. Дела бездна, и пишу урывками. С Журавской много хлопот! Беретти очень болен и уехал за границу, другого вместо него нет. Говорят, что Штром возвратится, вот тут я и буду наказан за беспечность и недобросовестность³. Обнимаю тебя от души и целую много раз. Павлуся моего милого, чудесного, обнимаю и целую. Всем кланяюсь, Мишелю и Ольге.

Твой весь
Г. Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46159. 4 арк.
Друкється вперше.

¹ Ймовірно, йдеться про продаж особняка на розі Хрещатика і вул. Прорізної, придбаного Г. П. Галаганом у 1855 р. у кн. О. К. Любомирського, лікарю Ф. Ф. Мерінгу, чій земельні володіння межували з садибою Галаганів. Угода тоді не відбулася.

² Мається на увазі «Проект приєднання частини Малоросійського краю до Київської губернії», поданий Г. П. Галаганом міністру внутрішніх справ С. С. Ланському в 1857 р. (ІР НБУВ. Ф. I. Спр. 7350–7352).

³ Йдеться про перебудову київського дому Галаганів.

№2-й.

№ 1-й из Киева.

Варшава, 11-го / 23 июля 1861 г.

Вчера вечером, в половине 12-го часа, достиг я Варшавы, мой бесценный друг, после 3-х суток и 8-и часов безостановочной, а следовательно, довольно утомительной езды. 747 верст от Киева до Варшавы я проехал без всяких препятствий, но под палящим солнцем днем и с едва заметною прохладою ночью. Мои письма должны быть подробным журналом, иначе и быть не должно, потому что ты знаешь, как для меня необходимо во всех впечатлениях обращаться к тебе и делиться ими с тобою.

Из Киева я выехал только в 3 часа за неимением лошадей. С Мерингом пробыл часа два, и о многом переговорили. Он искренно сожалеет, что не видит тебя и даже досадует на это; он говорит, будто замечает, будто мы от Киева удаляемся, и я тщетно уверял, что это только временно¹. Перед отъездом я отправил к тебе письмо и пустился в дорогу. Вольтынь, по которой я ехал, знакома мне до Дубна. Край довольно бедный, урожай в этом году плох, люди имеют физиономию, мало еще подвинувшуюся к лучшему, хотя, кажется, не так, как прежде, низкопоклонны. Грустный край, все-таки в руках поляков и жидов, из которых последние долго не уступят своей власти. Жиды, однако же, жалуются, что мужики не так их слушаются, как прежде, и хотя аренды еще в руках Израиля, но с мужиками труднее сладить. От Житомира до Новоград-Волынского – почти непрерывный лес, сначала сосновый, а потом великолепный дубовый и других дерев. Новые города, которые я видел, – Ровно, Луцк, Владимир-Волынский, – имеют все одинаковый характер: преобладающее население – жиды, над городом господствуют католические монастыри и костелы, большею частью в развалинах, и где да где – православная церковь, весьма невзрачная. Прошедшее развалилось, новое не создано, и чем должно создаться? Это новое – под сохранением мертвящей силы городничего и станового, народ бессловесен, а наше общество русское молчит! Нет от него руки помощи! До 1855 года оно не виновато, но теперь, по-моему, оно преступно, если не идет на помощь правительству для возрождения Руси в Западном крае. Оно (общество) готовит себе вечный упрек в истории, если что случится, а Бог знает, что и как будет? Черные тучи ходят, и уже не на горизонте, а почти над головою. Неужели истинный патриотизм должен быть возбуждаем притеснениями, гонением и пр.? Какое убийственное хладнокровие! Неужели это сознание силы? Дай-то Бог, но, кажется, не может быть. Как, однако, грустно! И все русские бары проживаются в Париже, а от них сколько бы могло быть помощи. Да что бары! У нас даже русской пропаганды нет. Вот и я поболтаю, повздыхаю и опять за прежнее, все толку нет! Я ехал

¹ У зв'язку із здійсненням селянської реформи Г. П. Галаган мав намір деякий час мешкати у Чернігові.

через Луцк, возле которого мой предок Игнатий разбил ляхов наголову и помог освобождению нашего края¹, а потомку придется, может, быть свидетелем совершенно противоположного. Казак свое дело исполнял и умел исполнить, и честь ему. Потомку, слава Богу, не пришлось сабли держать, ни воевать упорно и предприимчиво против врагов земли русской, не стает энергии, не стает сил, нет достаточно патриотизма. Не защищай его, пожалуйста, – дрянь дело!

Отчего англичане, не будучи притеснены, патриоты.

Ну да об них нечего говорить.

Между Луцком и Владимиром я видел место, которое бы тебя восхитило: на несколько верст – огромные яры с яркою зеленью и с густыми рощами вековых дубов; чудо, что за дубы, – здоровые, густые и без листоверту.

Так как эти места более других вдаются в Польский край, то интересно было делать хотя летучие наблюдения. В одном местечке я был в воскресенье в церкви. Народ хорошо одетый, мужчины с длинными волосами сзади, а спереди подстрижены, но не подбриты, с усами. Свитки с откидными воротниками другого цвету или вышитые шнурками, сзади много усов на складках, и все красные с синими квадратиками и кисточками. На головах – не шапки, и даже не брыли, а просто сине фуражки. Шаровары узки, и рубашки поверх их. Женщины почти все в синих кунтушах с разноцветными отворотами, спереди очень открыты, а рубахи очень белые. На головах – огромные платки в роде тюрбана, как было прежде у жидовок. Молятся по-православному и очень чинно, только бьют себя в перси по три раза после молитвы. Священник служил хорошо. Кроме мужиков – становой с женой. Он же с них и дерет. В другом месте я много говорил с ямщиком, сидя на козлах и посадив Пармена в карету. Вот что я вывел из его слов. Паны ласкаются около народа, но народ им не верит, а верит царю и православной церкви. Мужики знают, что царь – православный, но о панах думают, что все они, сколько ни есть на свете, – католики, и не верят, чтобы могло быть иначе. Себя они не называют иначе, как русские. Говорят, что попы теперь лучше стали, что учат мальчиков русской грамоте, и все оттого, что архиереи стали строги с попами. Мужики все молятся за царя, и, если бы к ним он приехал, то показали бы восторг. Сему последнему я верю плохо.

Въехавши в Царство Польское, для меня совершенно новое, я вспомнил, что на границе его надобно нам оставлять нашу антипатию к ляхам, и

¹ Мається на увазі перемога козацького загону під командуванням прилуцького полковника Гната Галагана над польськими військами під час Війни за польську спадщину 1733–1735 рр. Оповідання про це міститься в «Історії русів» – творі, що був для Г. П. Галагана важливим джерелом уявлень про українську минувшину та історію роду Галаганів. Однак у цьому листі Г. П. Галаган припустився помилки, бо в опублікованому тексті «Історії русів» зазначено, що Гнат Галаган здобув перемогу біля Слуцька, а не Луцька, тобто у Білорусі, а не на Волині (История русов или Малой России. М., 1846. С. 237).

точно, мое чувство стало совершенно другое в отношении к ним: здесь они дома и имеют в наших глазах совершенно другие права. Вообрази себе, что по Ц[арству] П[ольскому] еще на 65 верст тянется по Люблинской губернии русское население; они говорят по-нашему, с примесью польских слов, и все унияты, но не католики. Далее уже все католики и ляхи. До Люблина страна довольно хороша, села еще похожи на наши, и земля изрядна, но за Люблином край беден, жилища обширны, но некрасивы, и расставлены как-то казарменно, и без садов. Мужики были восставлены панами против правительства, но теперь во многих местах верят уже более в правительство, нежели в панов. Впрочем, это еще непрочно.

Варшава имеет вид совершенно западноевропейского города. Вставши утром и отворив окно, я увидел, что улица, на которой я остановился в *Hôtel d'Angleterre*, довольно оживлена. Все дамы в трауре, иные – в креповых платьях, мужчин много в трауре и в фантастических костюмах: черная блуза, черный пояс и черная фуражка с четырьмя рожками. Все шляпы – с широкими черными лентами. Кроме их траура национального, у них умер их воображаемый король Чарторыйский в Париже, и вчера была сильная демонстрация¹. Около их собора было 30 т[ысяч] человек, и служили панихиду по королю, и потом отпрягли лошадей у своего митрополита и везли его по всем улицам на себе с криками. О, смешные люди! Славяне неистовствуют в пользу католицизма, который ведет их быстрыми шагами к могиле. Как запущены вопросы, и как трудно предвидеть, чем и как развяжутся! Вчера же была демонстрация в пользу англичанского консула, – ему поднесли адрес и цветы, и пр., за то, что в парламенте упомянули о Польше, а у французского, говорят, собираются окна побить. Между тем театры заперты, и нигде не слышно музыки, потому что никто не слушает и не бывает.

Сегодня же я объездил знакомых, из которых Цицурин – в Петербурге, а она – в чужих краях, Севастьянов – губернатором в Люблине, кн. Бебутов – за границей. Как удачно попал! И застал одного только Фундуклея, у которого и обедал. Он мне много кое-чего рассказывал, но пора кончить мое длинное писание и начать укладываться, что не совсем приятно, когда пот градом льется с лица. Вот, друг мой, пиши мне и ты такие письма. Верь мне, что даже сидя в Сокиренцах, можно найти, чем наполнить письмо. Может ли быть хотя малейшая подробность, которая бы была неинтересна для меня, о том, что делаешь ты и наше милейшее сокровище Павлусек. Что-то он поделявает? Совершенно ли здоров и вспоминает ли обо мне иногда? Я ему напишу в день его рождения, а на сей раз посылаю по почте маленькую панораму с разными видами, которые можно сделать дневными и ночными.

¹ Початок 1860-х рр. був позначений потужним піднесенням польського національно-визвольного руху. Кульмінацією цього процесу стало Січневе повстання 1863–1864 рр.

Пожалуйста, друг мой, пиши мне почаще. Никакие рассеяния не в состоянии помешать непрерывно думать о вас, мои милые. Целую тебя и Павлуся тысячу раз. Дай, Господи, чтобы вы были оба совершенно здоровы, и чтобы все вокруг вас, мои милые, было хорошо и благополучно. Завтра в 6 час. утра выезжаю в Дрезден, куда поезд идет ровно сутки.

Весь твой

Г. Г.

Пармена я тут в гостинице устроил пока.

Всем нашим, а также Мишелю и Ольге кланяюсь и поздравляю с именинами¹. Скажи ей, что Варшава не помешала мне думать о ней.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46162. 6 арк.

Друкується вперше.

¹ Йдеться про день пам'яті св. княгині Ольги, котрий православна церква відзначає 11 липня (ст. ст.) – іменини Ольги Михайлівни Ракович.

№ 3.

Киссинген, 15/27 июля 1861 г.

Поздравляю тебя, мой бесценный друг, с этим счастливым днем нашей жизни¹. Дай, Господи, нам долго в этот день радоваться нашим милым сокровищем. Очень скучно без вас, особенно в этот день, тем более, что после долгого и утомительного пути я сегодня славно выспался и, как обыкновенно случается, теперь только чувствую всю усталость и некоторое расстройство нервов, что весьма естественно. Я приехал сюда вчера утром в 12 часов, но прежде хотя вкратце скажу тебе о моем путешествии.

Из Варшавы я выехал 12 числа в 6 час. утра и ехал в обществе довольно приятном образованных людей – поляки и англичане. Переехали прусскую границу, и грустно сжалось сердце, когда посмотрел я, какая удивительная разница в благоустройстве и в виде всей страны там, где немец вытеснил уже славянина и держит его только как работника! Все кругом процветает. В Дрезден приехал в 4 часа утра и, поспавши немного, до выезда в Киссинген успел купить для себя кое-что необходимое и побывать в галерее, постоять с полчаса перед дивною Мадонной², которая всякий раз делает свежее и глубокое впечатление на душу. Галерея очень хорошо устроена. За два дня передо мною был в Дрездене Павел Евграфович и нанял на зиму дом. Дрезден – добрый городок, и можно в нем удобно и дешево прожить. Немцы, впрочем, жалуются, что русских меньше, и говорят: «Bei ihnen geht es schlecht, wir sind unzufrieden mit ihrem Kaiser, weil er hat diese Emanzipation gemacht und wir werden recht viel verlieren»³. Вишь чего захотели. Дорога из Дрездена идет на Лейпциг, Гоф и Бамберг в Швейнфурт, и, от Лейпцига начиная, места очаровательно хороши: вообрази себе, что все время едут долиной вдоль реки⁴, на которой самые живописные села, фермы, окружены ярко-зелеными лугами, большими деревьями, городки маленькие в зелени; одним словом, дорога очаровательная.

Приехавши вчера сюда, я застал дома одну Катю, которая переменялась à son avantage⁵, сформировалась и похорошела. Она очень похожа на англичанку. Граня – тот же. Маменька, слава Богу, нисколько не переменялась, много ходит и делает за двух. Нечего тебе описывать нашей общей радости. Пошли расспросы, рассказы. Условились было, чтобы о крестьянском деле не говорить, но десять раз нарушали это условие. У маменьки довольно много терпимости, даже больше, чем прежде, но зато Поль и Marie – просто беда! Трудно себе представить, до какой степени у них и, следов[ательно], у многих

¹ Мається на увазі день народження сина – Павлуся.

² «Сікстинською Мадонною» Рафаеля.

³ Вони вчиняють погано, ми незадоволені їхнім царем, тому що він зробив це звільнення, і ми багато втратимо (нім.). Йдеться про селянську реформу в Росії, що завадила російським поміщикам мандрувати Німеччиною.

⁴ Ріки Майн.

⁵ На краще (фр.).

других неправильні поняття, і такими ложними слухами вони руководствуються. Жалко слухать в людях близьких все це, да нечего делать, это непоправимо. Поль от Англии в восторге неописанном. Вечером по случаю дня рождения Кати были гр. Анна Егор[овна] Комаровская (она с вел[икой] кн[ягиней]¹) и некоторые другие, а также две премиленькие англичанки хорошего общества и лет Кати. Надобно признаться, что в их воспитании прежде всего поражает нашего брата естественность, которая так тщательно изгнана из воспитания наших девушек. Кстати о воспитании: священник лондонский имеет в виду превосходного гувернера англичанина а *clerguman*². Я знаю, ты не хочешь гувернера, но как быть! Мне ужасно не хотелось бы в чем-нибудь поступить против твоего желания, но я увижу. Боюсь, что наш Павлусь останется совершенно без никого, ведь это хуже англичанина. Но опять взять кого-либо, с которым ты не сойдешься, будет бесполезно. Об этом еще поговорим, а на сей раз не о чем писать, потому что нахожусь от усталости в некоторой апатии.

Обнимаю тебя от всей души. Жалею, что не решили с вами вместе ехать. Еще из Киссингена напишу тебе. Будь здорова, мой милый друг, целую тебя крепко, а ты расцелуй Павлусяку и передай ему письмецо.

Поль и Marie тебя поздравляют. Катя долго плакала, прочтя письмо M-me Southee. Кланяйся всем нашим. Дай, Господи, чтобы все было у нас благополучно.

Приписка К. В. Галаган (старшої).

Июля 15-го, Киссинген, 1861 г.

Поздравляю тебя, моя милая душенька Катенька, со днем рождения милого нашего бесценного Павлунички. Пошли вам Господь Бог радоваться им во всю жизнь вашу.

Вчера я и все мы были обрадованы приездом Гришуночка, я уже начинала крепко беспокоиться, рассчитывая дни его путешествия, но, слава Богу, он благополучно приехал, здоров, скучает видимо по тебе, моя душечка, и Павлуничке. Крепко жаль, что вы не все здесь теперь, одно только примиряет, что он на короткое время здесь, и что, я надеюсь, что Бог даст, и я Вас скоро увижу. Еще тебя крепко обнимаю, моя милая душенька, а ты крепко поцелуй от меня нашего Павлуничку. Молю милосердного Бога, чтобы все вы были здоровы и совершенно благополучны, поручаю вас Его покровительству и Его святому благословению.

Машенька, Поль и дети тебя целуют.

Мой поклон мад[ам] Фишер, мад[ам] Саузе и всем.

Соф[ию] Алек[сандровну] целую крепко, также Мишеля и Ольгу.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46163. 4 арк.
Друкується вперше.

¹ З великою княгинєю Олександрєю Йосифівною, чиєю фрейліною була гр. А. Є. Комаровська.

² Духовна особа, священнослужитель (англ.).

№4.

Киссинген, 19/31 июля 1861.

Вот и второе мое письмо из Киссингена, бесценный друг мой, но я здесь уже на выезде и намерен сегодня ночью или завтра рано утром выехать. Еду я отсюда сначала в Баден. Нельзя мне быть в чужих краях и за 16 часов от в[еликой] кн[ягини] Елены Павловны и не побывать у нее. On bien un peu fait la grimace ici¹, но маменька вполне согласилась с необходимостью так поступить. Пробыл 6 дней в Киссингене совершенно спокойно, хотя, впрочем, не совершенно, потому что, особенно сначала, часто и много спорили, и совершенно напрасно. Если бы ты здесь была, то мешала бы мне спорить, удерживала бы меня от ненужного волнения. Делали поездки в окрестности, которые здесь такие же, как и во всей Германии: поля маленькими участками, леса в большом порядке, села – с своею оригинальною физиономией, и, проехавши все это, достигаешь развалин замка, в котором кофе со сливками и с белым хлебом, а кому угодно – то и пиво. В эти прогулки много переговорилось. Ты знаешь, какова ко мне маменька; действительно, счастье быть так любимым, как я любим ею. Да, впрочем, я в этом отношении так не по заслугам счастлив, что это трудно бы было выразить словами: быть поставлену на землю между тобою, мой друг милый, маменькою, Павлусем, – чего больше желать в семейном отношении. Маменька решительно едет в Россию, хотя я ни одним словом, ни одним намеком не способствовал к этому решению, которое, как ты знаешь, прежде составилось. Сестра старается удерживать, а я не зову. Кажется даже, что маменька, со свойственным ей тонким чувством сердца, чувствует это, и не раз я ловил ее взгляд, влажный от слез и обращенный на меня. В нем нет прямого упрека, но есть какое-то сожаление, которое довольно болезненно отражается и в моем сердце. Ты знаешь все обстоятельства, при которых нет сомнения, что, если бы маменька отложила свой приезд в Россию до весны, то было бы вполне хорошо и благоразумно. Но от моих чувств к маменьке больше нельзя требовать, как совершенного с моей стороны молчания, с чем вполне согласилась и Marie. Маменька о всем спрашивает подробно, но о церкви – ни слова! Какое-то предчувствие ее удерживает. Итак, что будет, то будет; еще подождем – и увидим, как все решится. Черниговская жизнь, как видно, очень не улыбается маменьке, она хотела ползими пробыть в Сокиренцах, что, впрочем, я уже отклонил решительно. Остановились на раздумье.

Между тем я еду в Б[аден]-Баден и оттуда – прямо в Остенде, а наши на морские ванны не едут, а пробудут здесь еще от двух до трех недель и потом прямо переезжают жить в Дрезден. Они там наняли квартиру предешево и прекрасную, жизнь удобна и дешева до чрезвычайности,

¹ Ми трохи скривилися тут (фр.).

домой их ничто не зовет... Они правы, тысячу раз правы. Самые скудные доходы из имения могут покрыть расходы при весьма приличной жизни в чужих краях, особенно в Дрездене. Из Б[аден]-Бадена напишу тебе, мой друг, и потом – из Остенде, приехавши туда. Не думай, чтобы это для меня было хоть на волос тяжело. Мне бы скучно было не беседовать с тобою письменно и этим не приблизиться к тебе и Павлусю еще больше в моем воображении, вечно занятом вами. Жду Остенде для совершенно спокойной и одинокой жизни, это мне крайне нужно на некоторое время. Должен там застать твое письмо, друг мой. Что-то вы поделываете и здоровы ли оба? Что наш душечка бесценный Павлусь? Поцелуй его за меня крепко. Обнимаю тебя столько, сколько люблю. Молю Бога о вашем благополучии, и да будет Его святой покров над вами, мои милые.

Кланяйся Мишелю, Ольге и всем, а здесь все тебе кланяются.

Весь твой,
Г. Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46164. 2 арк.
Друкується вперше.

№5-й.

Б[аден]-Баден. 21 июля / 2 августа] 1861 г.

Со вчерашнего дня я в прелестном Б[аден]-Бадене, бесценный друг мой, и убеждаюсь в том, что едва ли есть в Европе уголок другой, который бы так был хорош во всех отношениях для людей праздных. Зато я еще не встречал места с характером более общеевропейским и с отсутствием своего собственного. Тысячи людей *des élégants, du gentry, de la fashion*¹, всех возможных европейских наций. Место прелестное, сады разбиты со вкусом, дома расположены так же. Немецкая щепетильность потеряла здесь свои права, Баден – дача всей Европы. Оставил я мирный уголок Киссингена третьего дня, положивши к тебе письмо № 4-й на почту. Я ехал всю ночь, но жалел, что это сделал, потому что и дороги, и вагоны в Баварии пребеспокойные; вообрази себе при этом, что в продолжение 14 часов езды – пять раз меняют вагоны. Баден ужасно полон, и я нашел маленький номер в одной гостинице, ужасно высоко. В Гейдельберге выхожу я из вагона и был удивлен видеть перед собою кусочек петербургского общества – сестру Лизу, гр. Ланского с дочерью, гр. Шувалова и Рибоьера. Лиза и Ланские ехали так же в Баден. Сестра твоя здорова, хотя ей и кажется, что она нездорова; она сюда заехала на один день, потом едет в Париж, а оттуда – на морские ванны, еще не знает, на которые. Здесь я встретил еще толстяка Арапетова, который ужасно напомнил мне ред[акционную] комиссию.

Вчера я был на музыке, которая великолепна, как и залы, как и общество, и все. Сегодня утром пошел я к в[еликой] кн[ягине] Елене Павловне записаться и от нее – к Ланскому. На крыльце гостиницы у сего последнего я встретил княжну Львову и М-ле Роден, которым я оставил карточки; эти дамы посадили меня в свою коляску и повезли к себе. Не прошло 10-и минут, как в[еликая] княгиня прислала меня звать к себе. Мы много с нею говорили, и она мне много делала умных вопросов, которые она так умеет делать. Спрашивала о тебе и о Павлусе с большим участием. Через ½ часа, т. е. в 5 часов, я еду к ней, чтобы вместе кататься, и потом у нее обедаю в сюртуке, вместе с Ланским и парижским Киселевым.

22 июля / 3 августа]. Вчера, как предполагалось, я сделал очень приятную прогулку с в[еликой] княгиней, ее дамами и ее двумя братьями. Мы ездили в лес на высокую гору, откуда вид великолепен. Обедали у нее с Ланскими и Киселевым, и с последним я имел после обеда очень интересный разговор о крестьянском деле, но надобно что-нибудь оставить и на изустный рассказ. Часа через три я намерен выехать в Висбаден, а оттуда – в Шлангенбад к Милютиным, это круг небольшой. Вчера я посидел немного у Лизы, которая мне рассказывала разные подробности об Елене. Все хорошо, муж ее обожает, *mais elle continue d'avoir*

¹ Елегантних, шляхетних, модних (фр.).

des illusions sur les revenus de sa terre, et elle a su assurer son mari que sa terre pouvait donner 12 mille roubles. Léon qui s'en occupe maintenant est à ce qu'il paraît tout à fait de mon avis, avec la seule différence qu'il est en état d'avancer de son propre argent. Je voudrais bien le voir à l'étranger mais je crains fort que Rehbindler ne soit obligé de rester en Angleterre pour la saison des bains de mer¹.

Но пора кончать. Теперь мне некому чинить перья, я должен писать железными, что еще хуже выходит. А как здесь везде ни хорошо, а скучно, да, скучно без вас, мои милые. Что делает наш Павлусик? Только в Остенде должен застать письмо, да и то такое старое.

Обнимаю тебя и целую крепко, мой милый друг. Павлуся целую без счету раз. Всем кланяюсь. Будьте здоровы, мои милые.

Весь твой,
Г. Г.

Весь вечер вчера была сильная гроза с бурей, после такой жары, что все задыхались. Каково-то моему Александру, напиши о нем.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46166. 2 арк.
Друкється вперше.

¹ Але вона усе ще має ілюзії щодо прибутку від землі, й вона запевнила свого чоловіка, що її земля може дати 12 тис. рублів. Леон [Кочубей] зараз займається цим, здається, вповні, на мою думку, з тією лише різницею, що він здатен авансувати свої власні кошти. Я хотів би побачити його [К. Г. Ребіндера – чоловіка Олені] за кордоном, але я дуже побоююсь, що Ребіндеру не доведеться залишитися в Англії на сезон морських купань.

№6-й.

Остенде, 25 июля / 6 августа] 1861 г.

Наконец, ровно через три недели после того, как я с вами расстался, достиг я цели моей поездки, и сегодня въехал в знакомый нам и полный приятных для нас воспоминаний Остенде. Признаюсь, я с неотразимою грустью подъезжал к Остенде и почти готов был ехать в другое место купаться, так не нравилось мне, да и не нравится, быть без тебя там, где каждый уголок напоминает тебя. Как вышел на плотину, взглянул на море, вдохнул в себя воздух, которого так мало в немецких горах, стало широко, но вместе очень грустно на душе. Картина была самая полная: ветер был с моря, волны, седые и желтоватые, с шумом разбивались о плотину, потому что был прилив, солнце то ярко освещало море, то скрывалось за тучи, далее море было и зеленое, и голубоватое, и с розовым оттенком, и при этом – несколько парусов вдали, а внизу – группа рыбаков-фламандцев, и между ними – два-три в красных фланелевых рубахах и с плоскими соломенными шляпами. Картина полная, цельная и так живо перенесла меня назад за 11 лет, что мне не верится, что я один приехал, а все кажется, что ты, мой друг, от меня уехала и оставила меня одного в Остенде. Да при том, знаешь ли, что, несмотря на все мои пороки, и я вполне семьянин, я так принадлежу семейству, моему милейшему семейству, что чувствую большое лишение в невозможности делить с вами мои впечатления, и поневоле в воображении своем при виде чего-либо хорошего или замечательного – или передаю это тебе и как будто даже выслушиваю замечания твои, или толкую Павлусю, что, почему и для чего так, а не иначе. Не создан я, чтобы быть туристом, одиноко идущим из места в место, гордым своею независимостью и эгоистически замыкающим в душе своей ни с кем не разделенные впечатления. Я всем делюсь с вами, мои милые, потому что в вас живу. Но об Остенде еще после, а теперь, чтобы не изменить повествовательному характеру письма, перейдем сначала опять в Б[аден]-Баден.

26 июля / 7 августа. Принял первую ванну в чудном море, позавтракал по обыкновению и берусь за свой рассказ. Из Б[аден]-Бадена я выехал 3 августа] в полдень. Утром я должен был с Ланскими, с кн. Львовой и М-ле Роден сделать прогулку на старый замок, но шел дождь, и сделалось холодно. Я узнал, что Милютины переехали из Содена в Шлангенбад, и я взял намерение непременно к ним заехать. В тот же день, т. е. 3-го числа, я приехал в Висбаден вечером в 8 часов и тотчас взял коляску в Шлангенбад. Ехал часа полтора по горам и по лесам, и отчасти даже без шоссе, потому что Шлангенбад, как ты знаешь, глухое место; однако, не знаю почему, оно вошло в моду, и теперь так besetzt,¹ как говорят немцы, что я должен был поместиться на чердаке. Спрашиваю Kur-liste – нет Милютиных, иду к директору вод – сей немец уже спит, мне ничего не оставалось делать, как

¹ Заповнено (нім.).

лечь спать. Утром встаю, иду на воды, музыка играет, разные больные ходят, но Милютиных нет! Неужели они еще не приехали? Я нанимаю человека, чтобы ходил из дома в дом и спрашивал; он коверкает, в домах ничего не понимают! Но наконец на почте сказали их адрес (они 3 дня как приехали). Застал их обоих дома, они вод не пьют, а только купаются. Они, кажется, очень обрадовались меня видеть, спрашивали много о тебе и Павлусе и кланяются тебе очень. Мне было очень и очень интересно о многом переговорить с Милютиним, и мы много с ним ходили и разговаривали. Много интересного унес я из разговора, много узнал, многое разъяснилось; я передавал ему все об делах общих и своих частных. Но об этом всем – до личного нашего свидания, потому что нужно бы было еще такое письмо написать. Милютин, кажется, очень счастлив своим телесным и душевным отдыхом, который он желает продлить еще на год. Они едут оттуда в Швейцарию, потом опять в Париж, а на зиму – в Рим. Мария Агеевна *à bonne mine, les enfants sont gentils*¹. Они удержали меня обедать, и только в 5 час. вечера 4-го числа я выехал от них прямо в Биберих. Здесь походил немного по саду до отхода поезда, а потом по жел[елезной] дороге поехал в Майнц и оттуда – в Кобленц, далее железная дорога ночью не идет. Тут потерял я целый день 5-го числа, по причине моей беспечности (миошка² оказалась дура!), понадеялся на заверения хозяина гостиницы и, пропустив на другой день 5-го скорый поезд в 6½ час., выехал в 9, взявши билет до Остенде. Приезжаю в Кёльн в 11 часов, и мне говорят, что дальше пойдет только вечером в 11! Что тут делать? Для рассеяния скуки и досады за потерянное время представилось два ресурса: большая выставка картин и Schützenfest³ (вечное в Германии) в Дейце, на той стороне Рейна. Выставка картин огромная, до 900 штук, и есть весьма хорошие, больше из *genre*⁴, пейзажи порядочные, а исторические и религиозные вообще плохи. Этим я занялся до обеда, после обеда, немного отдохнув, взял карету и поехал на Schützenfest. Повторение того, что мы с тобою видели во время лечения *in der Laubach*⁵. Везде по дороге флаги, гирлянды, потом в роде ярмарки – балаганы, лавочки, пиво, пряники, пиво, детские игрушки, пиво, танцы, такие же, как и тогда, и тут уж немцы кутят, тут все вино. И веселится Германия, сделавши свое дело, оттанцовывает свое. Все это, разумеется, страшно тяжело, безвкусно, подмешено каким-то идиотизмом в отдельных личностях, а все вместе выходит умно. А у нас посмотрим: отдельные личности умны, и особенно имеют в себе много залогов, все, впрочем, на залогах и выезжаем, а взять все вместе – выхолит и глупо, и дико в высшей степени, или просто ничего не выходит. После Schützenfest'a и до 11 часов я пропадал от скуки, но, наконец, выехал и приехал в Остенде благополучно. О нем буду говорить в другом письме, вчера же я достал

¹ Чудово виглядає, діти виховані (фр.).

² Дівчинка-служниця (від фр. *mioche* – малявка).

³ Стрілецьке свято (нім.).

⁴ Жанровий живопис (фр.).

⁵ У Лаубаху (нім.).

квартиру и зажил, как обыкновенно живут на морских курортах, хотя и очень скучно. Ты можешь себе представить, однако, мой друг, что, приехавши, я тотчас пошел на почту и застал твое милое бесценное письмо от 9 июля с письмецом моего душечки Павлусяки, которого расцелуй за меня и скажи, что буду и ему писать и очень его благодарю. Сегодня пошел на почту, чтобы оставить свой адрес, и получил опять твое письмо, от 12-го, сегодня утром прибывшее. Очень тебя благодарю за подробные письма, и на сей раз буду отвечать только на первое. Надеюсь, что все мои письма, которые пишу по номерам, дошли до тебя, т. е. из Киева, Варшавы, из Киссингена – 2, из Б[аден]-Бадена, и вот – 6-е. Ты говоришь, что без меня скучно. Очень верю этому, бесценный друг мой, потому что у нас должны быть одинакие чувства и полная симпатия сердечных движений, но не ошибаешься ли ты, думая, что, если бы я не поехал в чужие края, то провел бы с вами двумя лето в полной тишине и наслаждении природой в Сокиренцах. Вряд ли! Может ли быть для нас идиллия? Нет! Уж ее не может быть для нашего поколения. Может быть, Бог благословит ею Павлуся нашего или через 15 или 20 лет успокоится то, что началось, и во что мы уже вошли, как корабль в море, и потеряли уже из виду берег! Может ли быть тиха спокойная жизнь при всей совокупности теперешних обстоятельств? Недаром вспоминаю я со вздохом старый дом, где я провел детство среди тишины самой полной, но потому, что во мне было тихо, а вокруг меня было все спокойно, безмятежно, у моих родителей дни следовали за днями, очень похожие один на другой, и так было все тихо! Еще лет 6 назад можно было об этом мечтать. Я счастлив за тебя и за Павлуся, но и с своей стороны я могу сказать: отчего вы не здесь? Как бы мило Павлусек играл на морском берегу, строил бы разные разности из песку и смотрел бы потом, как море подходило бы к его постройке. Ужасно скучно быть так одному! Когда Бог послал мне такое счастье в вас, то, кажется, и одного часу не хотел бы потерять вдали от вас. Вот как, мой милый друг. Я рад, что ты наслаждаешься природой и погодой и что, как вижу из второго твоего письма, в день рождения Павлусяки вы были в Кунашевке. Ты пишешь, что он ездит верхом на Бубульке, а из Гнилицы разве еще не привезли коника? От маменьки получил письмо сегодня. Слава Богу, у них все благополучно, и они думают около 25 авг[уста] нового стиля переехать в Дрезден.

Теперь 5 часов, иду обедать на плотину и буду там сидеть до захождения солнца; ясно, светло, маленький ветерок рябит море, и все оно покрыто брильянтами от солнца. Скоро опять буду писать тебе; об этом нечего тебе просить меня, ведь, когда пишу, то меньше скучно.

Обнимаю тебя, друг мой бесценный, дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы. Павлуся целую крепко-крепко. Всем кланяюсь.

Весь твой
Г. Г.

№ 7. (Из Остенде второе).

Остенде. 1861. 10 авг[уста] / 29 июля.

Три дня назад писал к тебе, друг мой бесценный, и опять берусь за перо, потому что скучно не беседовать с тобою. Побуду с тобою хоть на бумаге. Жалею, что вы не со мной, мои милые: вас мне ужасно недостает везде и всегда. Разумеется, я не виню никого, ни даже обстоятельства, которые таковы потому, что не могли быть иными. Может быть, другая, а не ты, с легкостью снялась бы с места и поехала бы с мужем, но ты была благоразумна, и не одно лишь нежелание двинуться с места, но и благоразумие, которое никогда тебя не покидает, заставило тебя не согласиться на поездку со мной. Рассудивши, вижу ясно, что ты сделала хорошо, но все-таки скучно, очень скучно, что я здесь один.

Надобно тебе сказать что-нибудь о любимом тобой Остенде. Город не изменился, разве в немногом, магазинов еще больше, но зато, вообрази себе, что верхний этаж башни на Place d'Armes снят, потому, как говорят, что стены треснули, и нет более этого carillon, который так идет к Фландрии. Очень глупо со стороны остендцев, что они уничтожили carillon. Я заходил к нашим хозяйкам на Place d'Armes, они обе такие же, но их мать умерла. Спрашивали о тебе. La jetée¹ изменилась тем, что ее сделали еще шире, и построилось много кофеен и Kursaal, в котором удобно читать газеты и недорого обедать. На конце плотины – несколько кофеен и ресторанов, и теперь там больше берут ванны, но я купаюсь на прежнем месте, где прежде с тобой были. Замечателен новый маяк, говорят, прекрасно устроенный. Я хочу там побывать. Съезд очень велик, и преобладают этот раз немцы, что вовсе неприятно. Немцы высшего полета чванливы и ужасно корчат англичан, так что иной раз и не узнаешь, а немцы средней руки кричат и тянут пиво на берегу моря, что вовсе не идет. Русские есть, но я не знаком еще с ними, и ни с кем, и провожу время в полном одиночестве, хожу часто на берег, как по-нашему говорится, «разговляты з морем»... Вчера и третьего дня море было очень бурно, ревело, и волны вздымались, по плотине трудно было ходить, и хотя по временам шел дождь, но зонтика не было возможности держать. Сегодня ясно, тепло и почти тихо. Музыки, танцев и пр. увеличилось, jardin des princes вырос аршина на два, не больше. Я себе нанял квартиру недалеко от Place d'Armes, но ближе к тому месту, где жили Килианы, в rue des Soeurs blanches, и плачу 30 фр[анков] в неделю за две комнатки, разумеется, с бельем, водою и пр. Хозяйка, женщина лет 50-и, очень услужливая и любезная. Все это хорошо, но ужасно без вас скучно, мои милые! До завтра.

12 авг[уста] / 31 июля. Хотел вчера писать, да был целый день занят, а именно вот чем: во-первых, я писал двум сестрам: Marie и Елене.

¹ Гребля (фр.).

Я получил третьего дня вечером от Елены письмо из Петербурга от 24 числа стар[ого] стиля. Она меня извещает, что ее муж с своим воспитанником едет в Стокгольм, а она сухим путем едет 27-го числа в Брюссель, где они должны встретиться и оттуда едут вместе в Англию. Просит, чтобы со мною видеться. Между тем из Брюсселя приехал Laroché за своими деньгами, и я через него написал, прося, чтобы письмо он передал в русское посольство. Я написал Елене, чтобы, по приезде своем в Брюссель, тотчас телеграфировала ко мне в Остенде, и я сей час, т. е. по первому поезду, приеду. Я нетерпеливо желаю ее видеть. Между тем я воспользовался Ларошем и пошел с ним в окрестности Остенде, много обошли хуторов, и он мне объяснил многое, что мне хотелось знать. Так прошел почти целый день, так что я обедал в 7 часов вечера. 8-го и 9-го чисел море было очень бурно, так что трудно было ходить по плотине, при этом дождь срывался часто. Зрелище было великолепно. Вчера было уже ясно, но ветер был резкий, а сегодня совершенно тихо и жарко, волны мало, и она как-то ленива, так что я купался как в пруду. У меня хороший baigneur¹, который идет вслед за мною, и когда нет волны, то бросает из ведра воду в спину с такою силою, что устоять трудно на ногах. Это здорово. Увидим, может быть, даст Бог, укреплюсь и еще послужу на сем свете. Зрение плохо, вот беда, и этому море не может пособить, лишь бы дальше не слабели глаза, чтобы мне подольше любоваться вами, мои милые, бесценные. Днем, как расхожусь, то как будто и ничего, а утром вставать грустно, не то чтобы безотчетно грустно, а просто без вас скучно. Что вы подельваете? На таком расстоянии трудно и в воображении составить картину вашего житья. Надеюсь, что вы в Сокиренцах, уже давно совершивши вашу поездку в Кунашевку, и, надеюсь, благополучно. Ты мне пишешь, мой бесценный друг, что близких, кроме тётушки², теперь никого нет. Видно, что васковские³ уехали в Дубовичи? Я, впрочем, очень рад, что вы 15 июля провели в Кунашевке у добрейшего дядюшки⁴. Что-то он? Сильно ворчит на меня? Не признается в своей собственной вине? Воображаю, как тебе приходилось часто защищать меня! Бедная моя Катенька, верно, горячилась, а ведь это не поможет вовсе.

Меня самого беспокоит, что я не довольно обеспечил тебя насчет денег для расплаты с Шеффером, ты могла быть в затруднении, впрочем, если бы догадались написать в Гнилицу, то оттуда, вероятно, выслали бы. Спасибо тебе за все подробности. Думаю завтра или послезавтра съездить в Брюссель, чтобы снять с себя карточки. Здесь хороших фотографов нет. Поэтому отправляю это письмо сегодня.

¹ Служник-купальник (фр.).

² С. О. Галаган.

³ Родина Михайла Андрійовича Маркевича, власника маєтку в с. Васьківці на Прилуччині.

⁴ О. В. Кочубея.

Обнимаю тебя, дорогой друг мой, Павлусяку целую тысячу раз. Клянйся всем. Дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Весь твой
Г. Г.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46168. 3 арк.
Друкується вперше.

№ 8-й.Из Остенде 3-й.5/17 ав[густа] 1861.

Еще не сегодня пошлю я это письмо к тебе, бесценный мой друг Катенька, но пишу, чтобы рассказать тебе мою поездку в Брюссель к Елене. Я получил от нее депешу, что она туда приехала, и третьего дня, взявши ванну, поехал к ней, а возвратился вчера вечером, так что я одну ванну пропустил, но беда небольшая, – я лишний день зато пробуду в Остенде. Нам, кажется, обоим была приятна встреча. Елена нисколько не переменилась, даже, кажется, посвежела, очень влюблена в своего мужа, в котором не видит недостатков, и, судя по ее словам, он совершенно у ее ног и догадывается по ее взгляду, что ей нужно. Она счастлива как нельзя более, как сама говорит, и обстоятельства, которые так часто разлучают ее с мужем, способствуют еще к возбуждению любви ее. Она очень скучает без Ребиндера и беспрестанно посылает депеши. Мы ждали ее мужа вчера утром, но вместо его получена была депеша из Свинемюнде, куда они с герцогом¹ должны были пристать по причине бурной погоды на Балтийском море, что отсрочило более чем на день их приезд, и Елена ожидает мужа только сегодня вечером. Нам очень было досадно, что я не мог его дождаться, потому что слишком много было бы пропустить два дня без ванн, но мы условились, что если они пробудут еще воскресенье, т. е. завтра, в Брюсселе, то Елена даст мне знать, и я приеду, хоть на несколько часов, если же нет, – то постараюсь побывать у них в Англии, если они будут где-нибудь не очень далеко от Лондона.

Итак, Елена очень счастлива; несмотря на то, что он не имеет состояния, несмотря на то, что еще важнее, *qu'il ne possède pas bien la langue française*², они счастливы. Потребность любви, потребность семейной жизни взяли верх, и я надеюсь, что будут и впредь брать верх над пред-рассудками и прежними стремлениями. Она мне очень много рассказывала о муже и говорит, что он во вкусах и образе мыслей очень сходится со мною; она это говорила, что, впрочем, не мешало ей сильно напасть на меня за мою баденскую поездку, а о шлангенбадской я и не говорил. Очень хочется познакомиться с Ребиндером, но не знаю, удастся ли? Первый день мы с Еленой после обеда ездили прогуливаться, а вчера утром я поехал сперва к Laroché, который меня свез к хорошему фотографу, потом я заказал себе разного платья более чем на 300 франков, потом я повез Laroché'a к Елене, и он нам показывал замечательности города.

После этого мы еще потолковали с Еленой, и в 5-м часу я должен был с нею проститься. Приехавши в Остенде, я твердо надеялся по расчету,

¹ Миколою Лейхтенберзьким, вихователем котрого був К. Г. Ребіндер.

² Недостатньо добре володіє французькою мовою (фр.).

что застану твое письмо, милый друг, но, увы, его нет, и после получения последнего минуло уже 11 дней! Я, слава Богу, еще не беспокоюсь, иначе слишком бы страдал, но скучно без вас, и письма от тебя – такое облегчение в этой скуке. Неужели и сегодня еще не получу ничего? Мне кажется, что тебе можно бы почаще писать, хоть бы и каждую почту, что за беда, что часто, неужели нельзя найти предметов для рассказа? Хоть бы, например, разные подробности о нашем Павлусе, наблюдения за его нравом, разговором, привычками, за новым развитием его милой головки, – ведь это все было бы в высшей степени интересно для меня!

6/18 авг[уста]. Нет письма от тебя, мой милый друг, и как скучно и грустно! Неужели мне нужно будет прибегнуть к телеграфу? Не хотелось бы доставлять хлопоты кому-нибудь в Киеве, но, с другой стороны, нет возможности развлечься, когда скука, не имея о вас известий. Дай только Бог, чтобы все благополучно обошлось, а в другой раз я без вас не поеду, а что иногда нужно мне побывать здесь, то в этом, надеюсь, что ты убедишься, когда я возвращусь. Я взял сегодня одиннадцатую ванну и надеюсь взять еще десять. Море мне делает пользу, и еще более помогло бы мне, если бы не скука без вас и не недостаток в известиях. Если ты хоть в половину так скучаешь за мною, то лучшее средство есть писать ко мне письма. Кажется, что беда была бы невелика, если бы каждую почту было отправлено письмо. Я бы не мучился. Вчера вечером получил от Елены депешу: ее муж приехал, и они немедленно едут в Англию, а куда именно – она напишет из Лондона, может быть, мне удастся к ним съездить. Как подумаю о вас, то не знаю даже, ехать ли в Англию, а о Париже почти забыл и думать. Хочется скорее назад. От маменьки получил письмо еще из Киссингена; сестра было заболела желудком, и они только дня через три выедут в Дрезден, куда будут ехать медленно, заезжая в некоторые места. Маменька, кажется, твердо решила ехать в Россию.

Хотя письма от тебя и нет, а все-таки я это письмо отправлю, чтобы ты не беспокоилась.

Но здоровы ли вы оба? Что со всеми делается? Обнимаю тебя от всей души, дай Господи, чтобы вы оба были здоровы. Ах, когда бы знать что-нибудь! Целую тысячу раз мое милое сокровище Павлуся, да хранит вас Господь милосердый.

Весь твой,
Г. Г.

По получении сего пиши мне в Дрезден немедленно.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46170. 3 арк.
Друкується вперше.

№ 9-й.

9/21 ав[густа] 1861.

В тот день, как я написал тебе мое письмо № 8-й, бесценный друг мой, и жаловался на неполучение от тебя писем, принесли мне твое письмецо к маменьке, которое я, прочтя как следует, пошел на почту объявить, что должно быть письмо ко мне; но его тогда не было, а дошло оно до меня только на другой день поздно вечером. Что сказать тебе, мой милый друг? Если ты имела право быть недовольною моим письмом из Киева, которое действительно было написано на лету, то я имею право быть недовольным твоим письмом от 23 июля, которое, надеюсь, не было написано на лету. В нем я нашел разные подробности о шерсти, о погоде, о грязи, а главной, самой главнейшей, нет, – это о Павлусе, о котором только сказано: «Павлусь, слава Богу, здоров и целует твои ручки». Ты так всегда внимательна ко мне, что не могла предполагать, чтобы это было для меня сколько-нибудь достаточно, не правда ли? Сделавши такое заключение, что мне остается предполагать? Не скрываешь ли ты что-либо от меня, Боже сохрани? Ты знаешь, какие мысли могут гнездиться в голове, когда находишься за 2 [тысячи] верст от своих милых. Не хочется тебя упрекать, мой друг, а желал бы, чтобы ты осталась передо мною виновата, т. е. чтобы только лишь забывчивость с твоей стороны была причиною такого письма, которое, вместо того, чтобы меня успокоить, только взволновало меня.

Прилагаю при сем свою карточку тебе, а другую посылаю Павлусю в другом конверте. Кажется, что физиономия удалась, только поза не совсем удачна, как-то боком стою, и это вина самого фотографа. Сегодня я взял 14-ю ванну, хочу еще взять 7 и потом отправиться в Англию дней на 5, много 6; о Париже и думать нечего: и некогда, и не хочется. Считаю дни, когда возвращусь к вам; дай Господи, чтобы только благополучно вас обоих застать, а уж в другой раз один не поеду, – что за лечение, когда душа неспокойна? То ли дело, когда бы тут же возле меня бегал по берегу мой Павлусёк. Я надеюсь, что в другой раз ты не откажешься поехать со мною. Море делает мне пользу, только не знаю, прочна ли будет эта починка моей особы? Немного наскоро сделано. Сегодня еще рано отправлять письмо, всего через три дня; буду продолжать завтра.

10/22. Здесь теперь прусский король¹, которого очень любят и хорошо принимают; недавно была в пользу его манифестация: вечером многие собрались на плотину и оттуда с музыкой и с факелами пошли на Place d'Armes, где живет король. Там посередине стояла иллюминированная эстрада для музыки и места для дам, кругом которых стояла национальная гвардия; факелы несли купальщики в своих красных

¹ Вильгельм I.

фланелевых рубашках. Площадь была полна народу; король выходил на балкон, и при этом, как обыкновенно, были крики. Кроме того, что его здесь любят, но теперь придерживаются большой дружбы с Пруссией из опасения общего властолюбивого соседа¹. Наполеону все это неприятно; его и французов теперь здесь очень не любят. В настоящее время большая художественная выставка в Антверпене, которую хотелось бы видеть, да одному не хочется ехать, а не с кем. Я как-то сей раз почти не знаколюсь ни с кем: как-то или не хочется, или не удастся. Не люблю навязываться на знакомства. С русскими знакомство неинтересно, а с здешними как-то не случилось. Эти дни порядочно заглодало, так что вода теплее воздуха, что не совсем приятно.

Сейчас из моря, которое сегодня тихо, потому что ветер маленький, но широкими валами волнуется и разбивается на берегу; я опять учился плавать и порядочно напился морской воды. Завтра, если погода будет также хороша, поеду в Гент осматривать знаменитые заведения цветоводства и куплю семян по твоему поручению. Мне остается еще взять 6 ванн, после чего я намерен ехать отсюда прямо в Дувр; я должен между тем получить от Елены письмо из Лондона с известием, где я могу их найти в Англии. Целую тебя, друг мой милый, дай Бог застать вас обоих совершенно здоровыми. Еще раз напишу тебе из Остенде. Кланяйся всем.

Весь твой,
Г. Галаган.

Ты ничего мне не пишешь об здоровье Александра. Как-нибудь при случае скажи кому-нибудь, что, хотя Евдоким возвращается, но я камердинера не переменяю.

Целую милейшего Павлуся тысячу раз; я пишу ему отдельно.

Приписка на полях. Ни об какой мебели я не распорядился, еще успею.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46171. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Франції.

№ 10-й.

Остенде, 14/26 ав[густа] 1861.

Только послезавтра пошлю я тебе это письмо, милый мой друг, но начинаю его сегодня, хотя по-настоящему не должен бы был, потому что я слишком не в духе или грустен. Причина этому – полученное вчера от тебя письмо, которое заставляет меня делать о Павлусе разные предположения, жестоко меня расстраивающие. Кажется, что ты от меня что-нибудь скрываешь, ты ничего о нем не пишешь; раз – это могла быть забывчивость, но теперь не может быть; неужели ты от меня что-либо скрываешь? Письмецо Павлуся и по почерку, и по содержанию далеко не успокоило меня – он пишет: «Мы сидим с Фед[ором] Ив[ановичем], и вдруг мама приходит и рассказывает, что видела тучу сараны». От чего же он не ездил с вами в парк? Далее он пишет: «Мы с Федором Ивановичем и гоняли ее, и пр.» Тут есть пропущенное слово – на что? Если бы было слово «пошли», то я бы и успокоился, а то может быть сам-то Фед[ор] Ив[анович] ошибкою повторен другой раз, а они вовсе не ходили гонять сарану. Нет, так нельзя ездить. Чтобы так ездить, надобно иметь одеревелое сердце; ездить так можно, доказательство – что я в Остенде, но я предвижу, что моя поездка причинит только убыль в деньгах и мало прибыли здоровью. Какое тут здоровье, когда мучишься разными мыслями: сберегут ли его без меня? Или, Боже сохрани, ведь может же случиться корь или что-либо подобное, то тут ужасно как надобно беречь. Надеюсь на милость Божию, что ничего нет дурного, но сомнения все более и более входят в мою душу. Нет, не поеду я так в другой раз. Я и теперь борюсь с собою, чтобы съездить в Англию, а не лететь опрометью к вам. Дай Бог только, чтобы я застал вас здоровыми, а вперед наука – так не ездить, ведь мне завтра 42 года, моей натуры не переделаешь, надобно, по крайней мере, чтобы этот недостаток моей души не так скоро меня съедал. Но довольно об этом, я и то навел на тебя тоску, милый друг мой. Послезавтра надеюсь взять свою 21-ю ванну и в тот же день вечером выехать прямо в Дувр на пароходе. Признаюсь, что я сей раз с удовольствием оставлю Остенде, в котором я провел время не совсем приятно, а о пользе еще не знаю. От Елены получил письмо, что они будут в S. Leonards, всего в 2½ часа езды от Лондона, и потому я надеюсь иметь возможность к ним туда съездить. Отбуду Англию как можно скорее и поеду прямо в Дрезден. Тут я могу быть задержан довольно долго, потому что довольно трудно будет уговаривать маменьку ехать в виду душевных страданий бедной сестры.

Третьего дня я ездил в Гент (Gand), который во всей Европе знаменит своими садовниками, и точно – я не потерял время, я осмотрел три садовых заведения: цветы и растения доведены до совершенства, хотя сии последние много пострадали от жестокой зимы. Знаменитый Van Houtte имеет огромное богатство цветов, и я накупил у него на 20 фр[анков]

разных цветочных семян, которые надеюсь тебе привезть. Кроме того, я вошел в сношения для выписывания растений с одним садовником – Де Сметом, которому оставил свой адрес.

15/27 августа. Если я могу себе в сегодняшний день сделать желание, то, кроме того, которое со мною всегда нераздельно, т. е. чтобы вас видеть здоровыми и счастливыми, потому что от этого я весь завишу, но я могу еще пожелать себе сегодня никогда не проводить так этот день, как пришлось встречать мой 42-й год. Совершенно один и не с спокойным сердцем. Больше, чем когда-либо, мысли стремятся к вам, и более, чем когда-либо, жалею, что поехал. Займусь сегодня укладыванием, чтобы рассеяться. Физическое мое состояние, слава Богу, хорошо; еще осталось две ванны, сегодня и завтра, а там – прощай, Остенде, а если и до свидания – то не иначе, как с вами, мои милые. Как-то проводите вы сегодняшний праздник? Приехал ли кто-либо к вам? Что мой Павлусяка дорогой, что он поделывает, здоровенький ли, как учится? Поздравляю и тебя, мой милый друг, с 14-м годом нашей женитьбы. Дай Бог, чтобы так счастливо продолжалась наша совместная жизнь на много лет, и чтобы мы дождались видеть Павлусяку в таком же положении, как мы с тобою.

16/28 августа. Вчерашний день я провел в прогулках, чтобы заглушить монотонность времени и скуку. Как нарочно, писем никаких не получил, от тебя и не ожидал, потому что недавно получил, а ты пишешь редко, а маменька и Marie, которые из Киссингена часто писали, вероятно были в дороге в Дрезден или не рассчитали так, чтобы письмо пришло вчера. Итак, я был в полнейшем одиночестве; третьего дня я сказал двум знакомым русским дамам, что завтра мой день рождения и именины сестры; пришел к ним утром, думал, что поздравят, но они забыли.

После 6-и или 7-и дней самой неприятной холодной погоды вчера сделалось очень хорошо, а сегодня море в том положении, которое называется *un calme plat*¹, едва заметна зыбь от ветерка, а по ней ярко блестит солнце с голубого неба. Моя сегодняшняя последняя ванна прошла в плавании, волн нет, но зато я могу надеяться на хороший переезд в Англию. Я еду сегодня вечером в 9 часов на пароходе прямо в Дувр (езды 4 часа). Оттуда тотчас идет поезд железной дороги, и в 6 час. утра я должен быть в Лондоне. Не знаю, выдержу ли я, и не пошлю ли депеши к тебе через Киев, чтобы узнать, что с вами делается. Глупый у меня характер, но в 42 года не переделаешь его, а в другой раз – наука. Дай только, Господи милосердый, застать обоих совершенно здоровыми, но в другой раз без вас не еду. Из Лондона напишу тебе через несколько дней. Я намерен там пробыть 5 или 6 дней и потом, не оглядываясь, ехать в Дрезден, где пробыть тоже дней 6. Ехать буду ночью, чтобы не слишком утомляться. Увидим, не рассеют ли меня парки. Со вчерашнего дня укладываюсь и

¹ Мертвый штиль (фр.).

очень вспоминаю всякий раз, что с человеком¹ ездить довольно хорошо. Самое скучное и утомительное – это выкладывание и укладывание, да притом и очень неопратно: всякий раз после этого надобно себе мыть руки, как повозишься с чемоданами; да, впрочем, и таскать человека для себя одного также не приходится. Итак, милый, бесценный друг мой, до свидания, жди письма из Лондона. Но я когда получу твои письма – Бог знает! Да еще как долго буду до вас ехать! Обнимаю тебя крепко, мой друг милый. Павлуся моего бесценного целую тысячу раз.

Весь твой,
Г. Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46169. 3 арк.
Друкується вперше.

¹ Зі служником.

№ 11-й.

Лондон. 17/29 авг[уста] 1861.

Выехавши вчера вечером в 9-ть часов из Остенде, бесценный друг мой, я, слава Богу, благополучно приехал в Лондон через Дувр в 7½ час. утра; море было тихо, и переезд был хорош. Город городов все тот же, полон народа, экипажей, и перемены в городе я до сих пор не видел, за исключением памятника Крымской кампании на Waterloo square¹. Но что сделалось с парками! Вообрази себе, что вся трава желтая, сгоревшая, местами совсем исчез и след травы, деревья молодые уже без листву, а старые с листом мелким и местами свернувшимся. Пришла очередь и английским паркам выгореть! И я спешу это тебе сообщить, зная, что это не будет тебе неприятно. Даже поля английские я не узнал, так зелень везде поблекла, и от этого ли, или в самом деле так, но мне показались сельские постройки вообще в упадке в сравнении с прежним, так что Бельгия на сей раз перещеголяла. Разумеется, деревья все те же – великолепные, разбросаны по полям, как и прежде, и чего нигде не видно, кроме Англии. Но я думаю, что ты, моя душечка, уже говоришь: «Вот так и надо, не гордиси, Hyde Park², перед Сокиренцами».

Умывшись и одевшись после дороги, я сегодня в 10 час. утра поехал к нашему священнику³. Он меня принял очень любезно, и мы с ним много поговорили: он приискивал и приискал для Павлуся воспитателя в полном смысле, – молодого человека из Оксфордского университета. Не пугайся, я объяснил, что нам такого пока не нужно, а может быть, и совсем обойдемся без него, если найдем русского, но что нам теперь нужно дядьку англичанина, который бы ходил за Павлусем, уча его по-английски. Он обещал завтра повидать одного своего приятеля, у которого бывают такие люди на примете. Увидим, как это удастся, а очень бы хотелось. Священник говорил мне, что он познакомился с Еленой и ее мужем и проводил их до S. Leonards. Не знаю еще, завтра ли туда поеду или в воскресенье после обедни. Сегодня я ничего не покупал, а *j'ai fait le flâneur*⁴. Ездил по Лондону, сидя на крыше omnibusов, потом, рано пообедавши, отправился в 3 часа в Sydenham в Хрустальный дворец. Туда поезда железной дороги ходят каждые 20 минут. До сих пор голова кругом ходит от всего, что я видел, а ног решительно не чувствую. Описать Сиденгам невозможно: впечатление, которое он производит, необыкновенно и оригинально. Богатство, туда употребленное, давит, душит и поражает. Громадность здания, сада, террас и цветников такая, какой мы с тобой не встречали, и, однако, осмотревши все, скажешь, что это – великолепнейшая игрушка, какую когда-либо придумало чело-

¹ Меморіал Кримської війни (англ. Crimean War Memorial), споруджений у Лондоні 1861 р.

² Гайд-парк (англ. *Hyde Park*) – один з найбільших і найдавніших лондонських парків.

³ Отцю Євгену Попову, священнику російської православної церкви у Лондоні.

⁴ Я вештався (фр.).

вечество, громаднейшая затея для развлечения человека, занятого материальным делом. Должно, однако же, сказать, что для детей, которые уже прошли несколько историю и географию, прогулка по этому дворцу в высшей степени поучительна. Почти всю древнюю и среднюю историю он может проследить в воссозданиях ее памятников и характера. Что за цветники! Для описания их нет красок; на них льют много воды, но газоны до того и там выгорели, что в иных местах не различишь от дорожек. Парк недурен, но очень испорчен множеством беседок и разных затей спекулятивных.

20 авг[уста] / 1-е сент[ября]. Сегодня утром, бесценный друг мой, я возвратился из S. Leonards от твоих сестер, но расскажу все по порядку. Третьего дня, 18-го, я посвятил утро, во-первых, писанию к маменьке, а потом – поездкам по магазинам, где уже исполнил все твои поручения. Потом заехал к Попову, и, узнавши от него, что люди, искомые мною, могут представиться не раньше понедельника (21-е число), я решился, не откладывая, ехать в S. Leonards. Сказано – сделано: в 3 часа позавтракал, а в 4 поехал по express train¹, который всего идет 2¼ часа. Сначала дорога идет та же, что в Дувр, но потом сворачивает влево и идет по прекрасному графству Sussex, богатому пастбищами и овцеводством. Пейзаж все тот же, очаровательный, фермы и коттеджи окружены лугами яркой зелени (там не было засухи), и по лугам разбросаны деревья, почти все – вековые дубы чудной красоты, потом замки с парками, потом – отведенные пространства для пастбищ, на которых ходят огромные жирные овцы или коровы – великолепные и даже одной масти: или все рыжие, или все черные как смоль. Поближе к морю деревья становятся меньше и местность – однообразнее. S. Leonards, в котором буква «о» не произносится, есть ни что иное, как предместье города Hastings², – столь же длинный, сколько и однообразный ряд огромных домов в английском вкусе тянется по берегу моря без садов, без зелени и прямо на солнце. Вот место, куда мода забросила твоих сестер. Правда, что стоит сто шагов отойти за эти дома, как начинаются возвышения с прекрасными жилищами, окруженными садами. Не трудно было найти South Saxon hotel, в котором живет герц. Лейхтенбергский и Ребиндеры. Я умылся, оделся и пошел к Елене, которая сейчас послала за мужем; мы успели друг друга обнять с присоединением нескольких любезностей, но час был обеденный (7 часов), и мы пошли с Еленой обедать к Lise³, которая вовсе меня не ожидала. Она живет в полуверсте от Елены, в отдельном хорошеньком домике, и берет морские купанья, ведя прежнюю жизнь: мало ходит, много лежит и дремлет на своей кушетке и старается как-

¹ Швидкісний потяг (англ.).

² С.-Леонардс розташовувався неподалік від м. Гастінгс.

³ Є. В. Кочубей.

нибудь убить длинное время, которое так коротко для других! У нее были и Шуваловы (она – урожденная кн. Гагарина). От Lise мы пошли с Еленой домой чай пить и тут разговаривали много с ее мужем. Он, кажется, весьма хороший человек: развит и с хорошим направлением, – вот что можно об нем пока сказать; надеюсь, что дальнейшее сближение с ним откроет и другие хорошие качества, которые можно в нем предполагать; немного заметно, что он развитию и познанием обязан самому себе; приемы у него совершенно русские, язык почти исключительно русский.

На другой день утром я сделал сперва прогулку в Hastings, совершенно англинский чистенький городок, и, напившись кофе, пошел к Елене; вслед за мной пришел герцог – молодой человек очень приятной наружности и прекрасных манер; меня представили ему, и мы все перешли к нему for breakfast¹. Он с Ребиндерами в отношении квартиры живет нераздельно, потому что столовая служит гостиной для Елены. Он в этот день пригласил к себе обедать Lise и Шуваловых и меня также позвал. Между кофе и luncheon² мы беседовали у Елены с ее мужем, а потом я пошел ходить по окрестностям. Каждый шаг здесь поучителен, и в два часа можно многое видеть, новое и интересное, но надобно что-нибудь оставить и на изустные рассказы.

21 авг[уста] / 2 сент[ября]. Продолжаю свой рассказ; прежде обеда у герцога мы все сошлись в одном саду, где англинское общество занимается стрельбою в цель из луков. Дам стреляющих было больше, чем мужчин, и надобно видеть, как они ловко стреляли, некоторые делали это очень грациозно. Как это развивает силы и дает ловкость. В S. Leonards еще нет теперь высшей аристократии, которая приезжает попозже, а так только gentry³. Обедали мы очень поздно, и вечером я простился с Конст[антином] Григ[орьевичем] и нашими дамами и пошел к себе, потому что на другой день я должен был рано ехать, чтобы успеть в Лондон к нашей обедне. Это мне и удалось, я приехал в Лондон в $\frac{3}{4}$ 11-го часа и сейчас поехал в Welbeck street⁴. Я застал обедню тотчас после Евангелия. Было душ 25 русских, и после обедни зашли к священнику, который так был любезен, что пригласил меня на целый день к себе и этим спас меня от скуки в лондонское воскресенье, а то я уже хотел куда-нибудь ехать. Я у него обедал, после обеда мы с ним ходили в Zoological garden⁵ и возвратились к нему же к чаю. Погода стоит прекрасная, но, кажется, сегодня намерена испортиться. Сегодня в час должны к священнику явиться кто-нибудь из рекомендованных людей; увидим, как посчастли-

¹ Для сніданку (англ.).

² Ланч (англ.).

³ Джентрі (англ.). У британському суспільстві вікторіанської доби це була верства землевласників, що не мали дворянських титулів.

⁴ Уелбек-стріт (англ.) – лондонська вулиця у Вест-Енді, на якій знаходилася православна церква російського посольства.

⁵ Зоологічний сад (англ.).

вися. Іду пити кофе і потім – на пошту, і якщо знову не отримую від тебе листа, то буду дуже сумний. Яка самотність без вас!

Листа немає, а тим часом зараз їду в Lincolnshire¹ до одного чоловіка, якого дуже рекомендують. Лишній день, а може бути і два, пробуду в Англії. Обнімаю тебе міцно, мого цінного Павлуся цілую тисячу раз. Будьте обидва здорові, мої дорогі, дай вам Господи благополуччя.

Весь твій,
Г. Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46167. 3 арк.
Друкується вперше.

¹ Лінкольншир (англ.), графство на сході Великої Британії.

№ 12-й.

Дрезден, 27 авг[уста] / 8 сент[ября] 1861 г.

Вот я и на пути к вам, мои милейшие, и приближаюсь к вам, слава Богу. После того, как я отправил к тебе из Лондона последнее мое письмо, бесценный друг мой, я поехал в Tallington¹ познакомиться с человеком, которого рекомендовали мне в гувернеры. Не пугайся, друг мой, ты мне пишешь в своем письме от 5-го числа, что на счет англинского гувернера ты не можешь так скоро изменить своих мыслей; ты права, и не думай, однако же, чтобы и я изменил свои мысли. Желание, чтобы наш Павлусь получил воспитание русское, не изменилось во мне ни на волос, несмотря ни на чьи бы то ни было советы. Но между воспитанием и простым присмотром за мальчиком есть огромная разница. Я решился искать дядьку англичанина, un menin, a tutor², и никак не больше; вот почему тот человек, которого лондонский священник приискал было, и который, будучи a clergyman³ и окончивший курс в Кембридже, не мог быть иначе, как вполне гувернер, тот человек мне не годился, и я отказался от него. Дня два или три были употреблены Поповым для справок, и наконец люди весьма почтенные рекомендовали одного по фамилии Walker. Он теперь у богатого человека – sir John Trollope, в усадьбе Casewick возле села Tallington в Lincolnshire за городом Peterborough⁴. Я выехал туда в 5 час. вечера 21-го числа, переночевал там и утром 22-го пошел в Casewick, где имел свидание с Walker'ом. Он мне понравился: человек лет 32-х, небольшого роста, приятной наружности, был уже в трех весьма хороших домах tutor'ом и по большей части приготавливает мальчиков в коллегию в Eaton⁵. Кажется, что он без претензий, знает только английский язык, математику и древние языки. Я ему объяснил, какие будут наши требования, и мы предварительно во всем условились, но он не может оставить дом Троллопа раньше, чем через 4 или 5 месяцев, а до тех пор успеем и с тобою переговорить и переписаться. Возвратившись в Лондон к обеду 22 числа, я повидался с Поповым, который взял на себя следить за приисканным человеком и быть посредником в наших сношениях. Затем мне осталось уложиться и ехать, но тут случилась помеха: 23-го числа утром я пошел к Ротшильду за деньгами, но Ротшильд, на которого был кредитив в Франкфурт, а не в Лондон, от-

¹ Таллінгтон (англ.), містечко у Лінкольнширі.

² Менін (фр.), тьютор (англ.) – педагог-наставник для дитини знатного походження.

³ Священик (англ.); мається на увазі особа, що належала до духовенства англіканської церкви. Варто зазначити, що о. Євген Попов, котрий допомагав Г. П. Галагану шукати англійського «дядьку» для Павлуся, мав знайомих серед англіканського духовенства, переймаючись зближенням англіканства з православ'ям.

⁴ У сера Джона Троллопа, у садибі Кейсвік біля с. Таллінгтон у Лінкольнширі, за м. Пітерборо (англ.).

⁵ Ітонський коледж (англ. Eton College) – знаменита школа для хлопчиків з родин британської аристократії.

казал мне в деньгах, что заставило меня ехать опять на Остенде и там потерять целый день, потому что только в 5 час. вечера 24 числа мог я оттуда выехать по train express¹ прямо в Дрезден. Сюда я приехал в ночь с 25 на 26-е и имел предосторожность дать знать о моем приезде по телеграфу, почему был встречен Полем и Граней. Я застал маменьку, слава Богу, здоровою, но сестра нездорова, не выходит и имеет très mauvaise mine². Ты знаешь ее хорошо и потому можешь себе представить, как ей тяжела разлука с маменькой, которая, в свою очередь, грустит, но, не менее того, не изменяет своего намерения возвращаться в Россию. Тут встречается и остановка, и затруднение. Я приехал сюда с намерением выехать 1-го сентября и употреблю все старания, чтобы так выехать, но... станет ли у меня силы, чтобы вырвать маменьку из объятий сестры, чтобы ускорить ее выезд, не знаю; их обеих жалко, а между тем мне нужно очень спешить возвращением, и здесь мне решительно нечего делать. Как это устроится, еще не могу определить. Во всяком случае, я непременно хочу исполнить твое и мое желание съездить в Ярославец, и так как это будет, как ты хочешь, около 20-го числа, то дело, мне кажется, весьма исполнимо, и хоть на два дня, а мне, я надеюсь, можно будет съездить в милый Ярославецкий круг.

Я ужасно боюсь за сестру: квартира далеко от центра города, да и самый город как-то мне кажется ужасно сонным. Знакомых нет, Поль вечно в побегушках, Катя будет учиться, и сестра грустит! Что делать, поправить этого нельзя или, по крайней мере, трудно. Маменька твердо решила вернуться. Кононов здесь, и мне приятно было встретить человека, который видел вас обоих в Дегтярях. Итак, не могу решить еще, когда выедем отсюда; желал бы как можно скорее. Бросает меня в жар, когда я думаю, сколько мне предстоит дома дела: Сокиренцы, Чернигов, Ярославец, все имения, – право, не знаю, как управлюсь!

Не знаю, напишу ли я тебе еще письма, милый друг мой, или, приехавши в Варшаву, дам знать депешей через Киев, когда выслать нам лошадей. Скоро-скоро надеюсь обнять тебя и Павлусяку, которого расцелуй от меня крепко, тысячу раз. Дай, Господи, застать вас обоих здоровыми. Маменька тебя и Павлуся целует. Все кланяются. Целую тебя.

Весь твой,
Г. Галаган.

ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46172. 2 арк.
Друкується вперше.

¹ Швидкісний потяг (англ.).

² Дуже кепський вигляд (фр.).

Дрезден. 3/15 сент[ября] 1861.

Не думал я писать тебе еще раз из Дрездена, милый, бесценный друг мой, и не теряю надежды, что приеду к вам раньше этого письма, но пишу на всякий случай, чтобы ты не беспокоилась. Со вчерашнего дня все у нас изменилось, и я возвращаюсь один, оставляя маменьку с сестрой до весны. Трудно тебе пересказать в письме все, что было пережито нами в эти дни, сколько перевернулось чувств в моем сердце, сколько я вынес тяжелых борений. Едва ли в жизни моей были когда-либо столь тяжелые минуты! Ты знаешь, что маменька совершенно решила ехать в Россию. Между тем, приехавши сюда из Остенде, я был грустно поражен состоянием бедной моей сестры. Она похудела, ослабела, по щекам и шее выступили желто-коричневые пятна, а между тем ни одного слова не произносила, чтобы удерживать маменьку; видна была в ней та решимость, с которою мученик идет на мучение. Маменька это видела и тоже мучилась, а между тем, с надеждою на Бога, она не переменяла своего решения. Я был поставлен судьбою как судья между ними в этой драме. Поль... ну что и говорить! Он доволен заграничною жизнью и спокоен, что к сестре ездит доктор через день, – он свой долг исполнил.

Я провел несколько дней в страшной борьбе. Не было сил сказать маменьке: «Оставайтесь», не мог я выдерживать этого доброго ангельского взгляда, полного слез, полного любви ко мне, полного желания видеть Павлуся, тебя, Сокиренцы. Наконец, вчера вечером мы должны были выехать, все было уложено, приехали кареты за вещами... Я решился еще раз поговорить с сестрой и испугался ее решимости; у нее мысли о себе самые черные, она только спросила меня, может ли она дать знать, если почувствует себя очень худо, чтобы маменька приехала? Ты ее знаешь, мой друг, в ней нет ни притворства, ни рассчитанных эффектов. Что мне оставалось делать? Обещать, что исполню ее желание, но это невозможно, об этом и говорить нечего. Она, бедная, чувствует в себе такой упадок сил, постепенное ослабление, что страшно подумать, и нельзя ручаться за близкую будущность. Больно было моему сердцу, но я сказал маменьке, что она должна оставаться. Остаться молить Бога, чтобы Он нас еще помиловал и продлил благополучие нашего семейства. Маменька слишком печальна при мысли о разлуке со мной, и я должен ей посвятить еще дня два или три. Грустно и тяжело, как давно не бывало. Что будет дальше? Когда бы Господь нас помиловал! Письмо твое от 20-го я вчера получил и мог успокоить маменьку насчет церкви. Обнимаю тебя, друг мой, и Павлуся нашего крепко. Не сердись на меня за мое опаздывание, вникни в мое исключительное положение; я здесь не гуляю... Маменька целует тебя и Павлуся; ей, бедной, очень тяжело. Надеюсь приехать прежде письма.

Весь твой,
Г. Галаган.

Чернигов, 12 сент[ября],
вторник.

Сейчас приехал, милый друг, сюда, и спешу к вам.

Я еду один: маменька осталась в Дрездене с Marie. У меня лихорадочное нетерпение вас видеть. Вышли лошадей в Прилуку немедленно. Обнимаю тебя и Павлуся. Почему не дал знать из Варшавы – объясню словесно. До свидания.

Весь твой,
Г. Галаган.

9½ часов утра.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46173. 1 арк.
Друкується вперше.

**§ 2. «Шкода, що ти не зі мною...»:
листи Г. Галагана сину, 1861 р.**

Остенде, 12 августа / 31 июля 1861 г.

Милый мой душечка Павлусек, твое письмо доставило мне много удовольствия, а еще бы лучше, если бы ты был со мною. Скучно мне без тебя, но надеюсь на милость Божию, что возвращусь благополучно и застану тебя, мой душечка, и милую твою маму совершенно здоровыми. Я пришлю тебе свой портрет.

Будь здоровенький, мой милый, поцелуй маму, кланяйся М-те Southee и няне. Учись хорошенько по-французски и по-англински, чтобы в другой раз со мною и с мамой вместе ехать за границу и все понимать. Увидишь здесь много хорошего. Целую тебя крепко.

Нежно любящий отец,

Г. Галаган.

Арапчика погладь.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46536. Арк. 31–32.
Друкуються вперше.

Киссинген, 15 юлія 1861 г.

Поздравляю тебя, мой милый душечка Павлусь, с твоим днем рождения, который вместе и счастливейший день моей жизни, когда ты 8 лет назад явился на свет. Молю Бога милосердного, чтобы Он дал тебе доброе здоровье, благополучный рост, разум и прилежание в учении, а во всей твоей жизни – счастье на много лет. Мне очень скучно, что я не с тобою в этот день, но я переносюсь к тебе мыслию.

Здесь бабушка, и Граня, и Катя, и все много о тебе спрашивают. Бабушка спрашивала, умеешь ли ты говорить по-англински. Старайся выучиться и по-французски.

А что твоя хатка?¹ Сделали ли в ней мережки на полках? Жалко, что ты не со мною, много бы увидел такого, что бы тебя заняло. Но, даст Бог, когда-нибудь вместе поедем.

Обнимаю тебя, мой милый душечка, и крепко целую, а ты поцелуй за меня свою добрую мама и поклонись няне.

Смотри же, Павлусь, пиши мне подробно обо всем. Кланяйся нашим милым Сокиренцам.

Любящий тебя отец,

Г. Галаган.

IP НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 46537. Арк. 33–34.

Друкується вперше.

¹ «Павлусева хатка» – розташована у садово-парковій частині маєткового комплексу в Сокиринцях імітація селянської хати: «Маленька хатка ця, з усією обстановою справжньої селянської хати була збудована Григорієм Павловичем його дочасно померлому (1869 р.) синові “для внушення ему народолюбных чувств”» (Степович А. На Галаганівщині літом 1927 року. Україна. 1929. Кн. 1–2. С. 90). Традиція улаштування у складі сільських палацово-паркових комплексів таких «хаток» з виховною та культурно-освітньою метою поширилася серед панства Лівобережної України козацько-старшинського походження в останній третині XIX ст. Окрім Сокиринців, такі хатки було збудовано у маєтках Тростянець Скоропадських, Качанівка Тарновських, Вороньки Кочубеїв. Докладніше див.: Лазаревський Г. О. Київська старовина; [упоряд.: І. М. Забіяка, О. О. Лазаревський]. К., 2007. С. 218.

Розділ 3. Григорій та Павло Ґалагани: дорожні нотатки, листування 1866 р.

§ 1. «Львів став містом цілковито польським»: начерк листа Г. Ґалагана М. Юзефовичу, 1866 р.

Виши.

Вот уже пять дней, как я во Франции, в эпоху нового для нее возвышения среди народов западной Европы. Все газеты, все умы заняты вопросами о том, как поступят воюющие короли, что сделают с Венецией¹. Но среди этих общих забот и размышлений окружающих меня людей моя душа полна тяжелых чувств и недавних впечатлений нашего родного, вместе и близкого, и очень далекого от нас края, о котором хочу побеседовать с Вами, многоуважаемый Михаил Владимирович, пока не изгладилась из памяти все подробности, мною замеченные. Я проезжал через нашу родную Галицию и пробыл почти двое суток в Львове, пока отдал в починку и на сохранение свою карету. В Львове я внимательно всматривался в характер города, известного мне еще прежде, и в физиономию и приемы жителей. Я поспешил познакомиться с Головацким, известным Вам по своим писаниям, с Петрушевичем, отличившимся на общем сейме как защитник русской народности, и с Дидицким, редактором газеты «Слово». Не нужно много времени, чтобы убедиться в том, что наша Галицкая Русь в настоящее время дошла до крайних пределов тяжелого своего положения и что ее судьба делается более чем когда-либо загадочною. С недавнего времени произошла резкая перемена в политике австрийцев относительно русских в Галиции. С одной стороны, боязнь неугасающей симпатии народа к нашему великому отечеству, и которая с развитием русской интеллигенции в крае могла бы принять характер более разумный, чем инстинктивный, и, следовательно, более для Австрии опасный. С другой стороны, может быть, лучшее уразумение свойства польского движения, в котором гнездится торжество латинства и гибель славянства. Вероятно, участвуют и та, и другая причины, но австрийцы покровительствуют возможному торжеству и усилению поляков в Галиции, даже во временный ущерб германизма. Все русское или преследуется, или презирается. Немцы поняли, что нечего тратить своих сил; достаточно отдать славян на расхищение друг другу – и дело в шляпе. На стороне поляков вся сила интеллигенции, богатства и господствующей в империи веры, и они этим пользуются, как пользовались везде в былые времена их губительного господства. Львов сделался городом совершенно польским; он уже давно не русский, но 14 лет тому назад

¹ Внаслідок австро-прусько-італійської війни 1866 р. Венеція перейшла від Австрії до Італії.

я в нем видел явные признаки начала преобладания немцев. Теперь эти признаки исчезли: все вывески почти исключительно польские, даже на официальных местах польские надписи занимают первое место. Везде язык польский преобладает, и по-немецки говорят разве по крайней необходимости; о русской речи нет и помину; на ней говорят мужики в сермягах. Те мужики и крестьянки, которые в услужении у поляков, принуждены не только бросить свою речь, но и скоро потом и веру. Вы знаете хорошо, как это легко делают поляки. Каждый день совершаются переходы из униатства в католичество несчастных, слабых, обманутых. Служебные места даются почти исключительно полякам, в полках поляки-офицеры употребляют все возможные меры, чтобы ополячивать русских солдат; все это делается с быстротою и неумолимостью, объяснимою отчасти тем, что все внимание польского движения обращено теперь на Галицию, так как в наших пределах им действовать трудно (увы, может быть, только на время). При таких грустных обстоятельствах...

ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 6875. 1 арк.
Друкується вперше.

**§ 2. «Увійшовши до церкви, ми натрапили на проповідь...»:
Г. Галаган, «Дорожні нотатки: католицьке богослужіння у Кракові»,
1866 р.**

12/24 июля 1866 года.

Проездом через Краков мы были в воскресенье и воспользовались этим днем, чтобы пойти в церковь и посмотреть на праздничное католическое богослужение. Большая Мариинская старинная церковь, которую мы для этого выбрали, находится посередине старой Краковской площади, но не имеет ничего особенно замечательного в наружном виде. В ожидании начала обедни стояли на площади группы народа, и мы не могли не останавливаться перед ними, так как они представляли много интересного для наблюдателя. В окрестностях Кракова народ сохранил свою старинную одежду, которая очень красива. Нижняя одежда состоит из синей поддевки с мелкими оловянными пуговицами; на груди красные отвороты, подкладка также красная (поддевка перетянута в талии кожаным поясом). Сверху этого надет белый кафтан, вроде кунтуша, с ловким перехватом в талии и вышитыми разными цветами ушками и воротником. На голове, подстриженной по-великорусски, – или красная конфедератка с разноцветными перьями, или великорусская высокая шляпа с ленточками и перьями. По причине ли особенного довольства, или по причине какого-то остатка народного самосознания, но в крестьянах краковских заметны молодцеватость и щегольство, которые производят приятное впечатление в простолюдине, чаще являющемся в виде человека, отягощенного заботой и трудом. Нельзя не пожалеть, что рядом с прекрасною мужскою одеждою, утратилась старинная одежда женская, которая в настоящее время очень некрасива: какая-то обще-европейская, с множеством пестрых платков на плечах и голове, а между тем – с босыми ногами.

Войдя в церковь, мы застали проповедь. Худой и бледный ксёндз говорил с кафедры монотонным голосом; народу было довольно много, по большей части мещан и, по-видимому, шляхты, а между ними живописно пестрели костюмы крестьян, которые, казалось, не принимали большого участия в проповеди и почесывали головы. Ксёндз кончил проповедь, объявив, что по случаю войны¹ будут за обеднею особые молитвы о победе над врагами. Внутренность церкви испещрена множеством алтарей, обращенных во все стороны; на них – статуи, иконы и особенно много украшений, состоящих в цветах и лоскутках материй. Прежде, чем началась большая обедня, мы присутствовали при обедне тихой, шептанной, которую служил ксёндз на боковом алтаре. Кругом множество женщин усердно исполняли наружный обряд молитвы. Известный

¹ Австро-прусьско-італійської війни 1866 р.

мальчик у алтаря звонил немилосердно, и чем больше он звонил, тем ниже кленчили¹ молящиеся, между тем как ксєндз совершал свои дела с какою-то особенно притворною физиєю, неволью вызывавшую улыбку; он беспрестанно то приседал, то благословлял присутствующих, то распорядился на алтаре с такими быстрыми поворотами руки, как будто отгонял мух. Ни одной минуты он не оставался покоен, да и к чему бы, в самом деле, послужило спокойное молитвенное состояние, когда молитва ни для кого не слышна и не понятна. Но вот приготовления к большой обедне на главном алтаре обратили на себя общее внимание. Пришли какие-то очень неуклюжие церковные прислужники в затасканных коротких платьях красного сукна и белых пелеринках поверх их и начали то зажигать свечи, то расстилать ковры; зашатались и каноники, и все они всякий раз, что проходили мимо алтаря, поспешно сгибали одно колено; то же делали они, проходя мимо красивой лестницы, разделяющейся надвое возле бокового алтаря, и наверху которой, в стене, заметен был какой-то киот. На хорах, возле органа, зашевелились музыканты, начали настраивать инструменты. Вот вышел из боковой двери целый ряд духовных, из которых трое были одеты в ризы католического покроя, четыре человека – в черных и лиловых одеждах с кружевными пелеринками. Подойдя к алтарю, все три ксєндза присели, потом повернулись к народу и сошли с ступенек. Старший ксєндз взял в руки, кажется, крест, другие взяли книги, кадила, икону, и все они сначала стали в два ряда. Я всмотрелся в их физиономии: кроме знакомого уже ксєндза, говорившего проповедь и которого истощенное лицо имело вид скромный, из остальных ни один не имел физиономии, соответствующей потребности. Нельзя не упомянуть, что, помимо благообразия одежды наших духовных, длинные волосы и бороды часто превосходно скрывают не совсем благообразный вид физиономии, между тем как на гладко выбритых лицах все как бы остается во всей очевидности. Двое из каноников имели выражение лиц особенно неприличные. Один из них, полный, красный, с длинным острым носом и жирными губами, бросал во все стороны довольные взгляды. Я не мог не заметить в нем много типического, но во сколько пополнилась картина, когда эта фигура, приложивши руку к щеке, затянула пронзительным горловым голосом какую-то священную песню; все остальные запели за ним и двинулись процессией внутри церкви между сводами. Нечесанные прислужники шли впереди с высокими крестами, красная фигура каноника выводила невообразимые рулады, делая такие усилия, что лицо надувалось и блестело. Надобно признаться, что завывания волков едва ли не более благозвучны, чем было пение этих почтенных господ. Но вот они обошли церковь, поревели еще и успокоились. Ксєндзы подошли к алтарю, орган сделал обычную руладу

¹ Преклоняли коліна (від пол. *klęczeć* – ставати навколішки).

и месса началась. Загремела музыка с хором, и своды священного храма наполнились приятными звуками итальянской оперы, какой именно, не знаю, но эту мелодию можно встретить только в театральной музыке. Пение прерывалось только обычными короткими возгласами: «*Oramus, dominus vobiscum*»¹ и чтением апостола и евангелия. Слушатели, за малым исключением немногих молодых людей, усердно исполняли свои обязанности: становились на колени, а иные все время стояли на коленях, держа в руках книжечки и непрерывно повторяя губами молитвы. У крестьян при этом было выражение лиц по большей части очень добродушное, и я заметил, что у многих из них книжки остались развернутые все на одной странице. Между тем, как служилась обедня, у правого алтаря, возле которого находится лестница, совершилось три раза таинство причащения. Признаюсь, что я никак не ожидал такого бесцеремонного обращения с этим священным таинством. Всякий раз, что, по-видимому, кто-нибудь желал причаститься, прислужник подходил к одному ксендзу, не служившему обедни и одетому в кружевной пелеринке, и что-то ему сказав, потом зажигал две свечи на этом боковом алтаре; ксендз всходил на лестницу, отворял киот, брал оттуда чашу с крышечкой и сходил с нею к алтарю. За решеткой стоял какой-то старичок или бедная старушка на коленях. Ксендз открывал крышечку с чаши, вынимал оттуда облатку и клал ее в рот причастнику, потом возвращался опять на лестницу, причастник вставал и уходил, а прислужник погашал свечи. Эта слишком простая церемония, там, где бы нужна бы совсем другая обстановка, повторялась во время обедни три раза на боковом алтаре. Обедня между тем шла своим чередом – с кленчаниями и торжественною оперною музыкою во время возвышения чаши. Служба кончилась довольно скоро, и я никак не мог заметить, где были вставлены молитвы о победе австрийцев над пруссаками и итальянцами. Мы вышли из церкви, несколько утомленные зрелищем и музыкою, и с невольною грустною думою: вследствие какой исторической необходимости славянский народ, каков он ни был, приносится в жертву чуждому ему началу, окончательно разлагающему его самостоятельную народность, когда истина так от него близка и так могла бы быть ему доступна².

ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 6874. 4 арк.
Друкється вперше.

¹ «Моліться, Господь з вами» (лат.).

² У рідинному архіві Галаганів збереглася записка Г. П. Галагана «Про монахів» (ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 6858. 2 арк.), що є певною антитезою опису католицького богослужіння – у ній прославляється велична краса православної Служби Божої у Києво-Печерській лаврі. Взагалі для Г. П. Галагана православ'я було невід'ємним атрибутом слов'янської та руської ідентичностей. Від цього походило його інвективи проти католицтва, що інколи перетворювалися на відверту ксенофобію. Отже, католицтво використовувалося Г. П. Галаганом для слов'янофільського іншування «Заходу», – як конфесія, що була, буцімто, чужою слов'янству.

**§ 3. «Вчора, після сніданку, я поїхав дорогою в Randan»:
Г. Галаган, «Лісове господарство у Віші», 1866 р.**

ЗАМЕТКИ ПО ЛЕСНОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Виши, 14/26 июля 1866 г.

Проехавши вдоль Австрийской империи, Баварии и Швейцарии большей частью по железным дорогам, я мог сделать только самые беглые наблюдения над состоянием лесов в этих странах. Собственно неустроенных лесных дач я не заметил, но более всего порядка в лесах видно в Силезии, Моравии и вообще в части Австрии на север от Вены. Леса превосходно подчищены до щегольства, а в мало плодородных песчаных частях южной Моравии, которые представляют собою плоское открытое пространство, много встречается превосходных лесных культур. На песчаных пространствах насажены целые леса сосен в чрезвычайном порядке. Между Веной и Мюнхеном попадают по дороге, вероятно случайно, леса довольно вырубленные и которых хозяйственное состояние при беглом взгляде трудно определить. Нигде не видел я такой тщательной лесной культуры, как в Швейцарии. По всей ли стране оно так или только по дороге, не знаю, но можно положительно сказать, что на скатах гор не потеряно ни одно удобное место, хотя бы в один сажень, на котором не было бы посажено тысячи рядов разного дерева. Посадки вообще еще молодые и показывают, что за них принялись недавно. Они состоят по большей части из дуба, граба, белой акации и отчасти хвойных деревьев. Въехавши во Францию, я не мог не заметить, что лесное хозяйство несколько здесь отлично. Щеголеватого содержания лесов посредством подчисток вовсе не заметно. Много лесов попадалось вырубленных и хотя и сохранных, но не веденных хозяйственно. Помимо лесов очень неприятно поражает во Франции состояние дерева вообще; нигде его так не безобразят: все деревья, стоящие на лугах и на границах полей по межам, имеют совершенно обрубленные ветви; тополи, вербы, липы и дубы едва сохраняют свою верхушку, прочие ветви все обрублены; из ствола идут опять молодые ветви, но многие деревья не выдерживают такого обращения и высыхают. Мне говорили, что жители делают это от нужды по недостатку топлива.

Приехавши на место, в Виши, и рассмотревши на карте довольно большие лесные пространства в окрестностях, я искал случая познакомиться с каким-либо лесным инспектором, у которого я бы мог получить сведения, но не найдя такого случая, я решил поехать в ближайший лес, принадлежащий к замку Рандану, и обратиться к кому-либо из лесной стражи для получения объяснений.

Вчера, после завтрака, я поехал по дороге в Randan. Это огромное имение с большим замком и парком и с лесною дачею в 4500 гектаров величины принадлежало с 1821 года фамилии Орлеанов. Сестра Людовика

Филиппа, Madame Adélaïde, купила это имение у фамилии Praslin-Choiseul, владевшей им с средних веков. Когда по решению Наполеона III-го Орлеаны должны были продать свои имения во Франции, Randan был продан какому-то Marquis de Ferrari, duc de Galliera. Говорят, что это лицо подставное и, в сущности, имение принадлежит одному из Орлеанов – герцогу Montpensier¹. В 7-и километрах от Виши начинается лесная дача. По обе стороны дороги низкоствольный лес с маяками (baliveaux). Подъехавши к жилищу лесного стража, я, к счастью, застал его дома и, войдя к нему, объяснил мое желание познакомиться с лесным хозяйством в этой местности. Лесничий очень охотно предложил мне свои услуги. Этот garde forestier particulier² по имени André Bargetas объяснил мне много любопытного прежде, чем мы отправились в лес. Он здесь, т. е. в этом лесу, с деда и прадеда, и считает, что его род около 200 лет служит в этом имении. Баржетас показал мне разные старинные бумаги, в числе которых я увидел назначение его прадеда лесничим в 1742-м году тогдашним владельцем Рандана. Назначение его отца лесничим, подписанное: Louis Philippe d'Orléans, l'an 1827 au Palais Royal³. Он сам назначен в эту должность герцогом Галиера, кажется, с 1857 года. Во всех этих назначениях сказано, что такой-то Баржетас назначается в такой-то лес стражею и вследствие того обязан принести присягу там-то и получить такой-то документ. Баржетас живет довольно бедно, в обыкновенном доме французских мужиков, имеет огород и небольшой фруктовый сад. Он получает 500 франков жалованья, одет в обыкновенной блузе и ходит в деревянных sabots, которые он при мне снял и надел ботинки на босую ногу. Ему лет 30, не более. После некоторых объяснений он взял на плечо ружье, с которым он не расстается, и мы отправились сначала в коляске, а потом в сторону в лес пешком. У Баржетаса в ведении 600 гектаров лесу в урочище Boucharde, разделенные на участки. Каждый участок, taillis, имеет 21 или 22 гектара (не знаю наверное величины гектара, но полагаю, что она близко десятины, потому что их считают 100 в квадратном километре). Ранданская лесная дача расположена на высокой местности с небольшими наклонами и горбами. Почва земли совершенно глинистая, с большим количеством мелких камней (gravier). Древесная порода, преобладающая в участке Бушард, есть дуб, с небольшою примесью граба, бука, ясеня и изредка сосен. Весь этот лес в прежние времена был запущен на строевой, но потом, с сороковых годов, переведен на низкоствольное хозяйство (la basse futée), которое считается самым выгодным для дохода. Лес по участкам рубится через каждые 23–29 лет. При вырубке оставляются маяки (des baliveaux).

Участки разделены между собою не просеками, а узкими межами с

¹ Герцогу Антуану де Монпансье, молодшому сину Луї-Філіпа Орлеанського.

² Приватний лісничий (фр.).

³ Луї-Філіп Орлеанський, року 1827, у Пале-Руайалі (фр.).

возвышением, что называется des filets. В начале межи стоит каменный столбик с номерами в обе стороны, на столбике высечена буква S и под нею номер, т. е. Série. По меже идет тропинка. Изредка проходят по лесу дороги, из которых есть доступ во все участки, эти дороги называются les routes des vidanges. По всем участкам проведены, даже в высоких местах, канавки в аршин ширины и $\frac{1}{2}$ аршина глубины для стока воды. Они называются fossés d'assainissement, т. е. для здоровья леса.

Когда участок вырубляется сплошь с оставленьем маяков, то лес потом запускается и в продолжении всего периода, в 24 или 29 лет, не делается никаких подчисток (aucun éclairée). Лес растет, как Бог дал; только вся сушь, мелкие ветви, падающие с низу дерева, отдается для сбора бедным людям. Так как топливо чрезвычайно дорого, то бедные люди собирают все дочиста.

Маяки оставляются следующим образом. На участке оставляется известное число из вырубаемого прироста. По книге, из которой я прилагаю выписку, видно, что их оставлено на участке, вырубленном в этом году, на $22\frac{1}{2}$ гектарах 1390 штук. Когда приходит приблизительно через 25 лет очередь новой сплошной рубки, то назначается к вырубке часть маяков прошедшего периода, называемых baliveaux modernes, и оставляется опять известное количество новых маяков. Кроме того, остаются старые деревья прежних периодов рубки или самые старые неизвестных лет, которые продаются при общей вырубке только в том случае, когда начинают сохнуть.

Рубка производится в апреле и мае. Это потому, что дубовая кора составляет большой источник дохода, и она снимается удобно в апреле и мае. Впрочем, с половины мая рубка молодого дерева прекращается, а позволяется только рубка большого дерева до окончания рубки, т. е. в продолжение года.

Рубка всегда продается с публичного торга особенным гуртовым торговцам, называемым adjudicataire. Этот торговец покупает весь участок непременно. Он обязан вырубить всю поросль в апреле и до 15 мая; деревья, не назначенные к рубке, очерчиваются красною краскою. Гуртовой торговец продает потом лес, как хочет, возами, штуками и пр. Он обязан починить дороги, канавки и пр. Кора с срубленного дуба продается тут же особо.

Я осмотрел несколько различных участков, проехавши вдоль некоторых, а по другим пройдя пешком.

Лес вообще в Бушардском урочище (в 600 гектаров) нельзя назвать очень хорошим. Молодая поросль, не густая, и редко попадаются деревца правильные, прямые. По большей части дубки растут не равно; из-под них идут много волчков разного возраста. Лес в 12 лет едва ли не тоньше здесь, чем у нас в эти лета (особенно у нас на местах песчаных). Маяки, простоявшие 26 лет уже маяками, достигают роста, годного для

присох и для нетолстых сох. Между этими молодыми (для дуба) маяками очень много суховерхих. Лесничий объяснил мне это тем, что прежде росли они густою массою, и когда, вырубивши лес такого возраста, оставили часть деревьев маяками, то они не выдержали солнца и сухого ветра, и по большей части сохнут. Как я уже выше сказал, молодая поросль не подчищается; впрочем, может быть, по причине дурной почвы она и не густо растет. Рубят лес чрезвычайно близко земли, у самого корня, и считают, что только при этом условии обеспечивается молодая поросль, растущая от корня. Деревья срубленные имеют вид как будто с корнем выкопанные, только без мелких корней. И в самом деле, вероятно, это ничему не портит, потому что в осмотренном мною участке, вырубленном в этом году и где даже еще не прибраны деревья к месту, молодые дубовые отростки идут во множестве и достигли уже по местам более $\frac{1}{2}$ аршина росту. Тут же попадаются всходы дуба от желудей в вершок росту. Большие дубы срублены также у самого корня и даже с некоторым углублением в землю. На участке, в этом году вырубленном, срубили один дуб очень толстый, и которого верхушка начинала сохнуть. Этот дуб оценен в 400 франков.

Из молодых порослей попадаетея довольно граба (*charme*), которого вовсе не пускают в маяки, потому что он считается непрочным на корню, т. е. скоро сохнет, но бук (*hêtre*) очень ценится.

Цены на лес чрезвычайно высоки: дуб, едва годный на порядочную балку, ценится в 30 и 40 франков. Воз дровяного леса – 30 и 35 франков. Таким образом, Ранданский лес в 4500 гектаров при правильной рубке дал дохода до 200000 франков. При рубке выговаривается известное количество лесу для топлива лесничим и управляющему лесом.

Вообще должно сказать, что порода лесу очень посредственна, и вид не только лесов в Германии, но даже и наших лесов подчищенных – щеголеватее и здоровее. Приросты у нас во многих местах гуще и правильнее.

16/28 июля. Вчера мы ездили осматривать замок и парк в Рандан, и оттуда в Maulmont, au rendez-vous de chasse. Мы проехали по многим частям лесу. Вообще он того же характера, как и Бушардский участок, но попадались места более густого прироста и более правильного дерева. Мы заезжали к лесничему Баржетасу, который обещал показать мне книгу лесного хозяйства, из которого прилагаю выписку, касающуюся осмотренного мною вырубленного участка. Я спрашивал о посадках и посевах лесу, но в Бушардском участке их нет, потому что нет прогалин, и в других участках я не имел случая их видеть¹.

IP НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6865. 4 арк.
Друкуються вперше.

¹ Далі Г. П. Галаган наводить «Виписку з друкованої книги на 1865 рік по Ранданській дачі» французькою мовою.

**§ 4. «Гори високі та дуже далеко гарні»:
дорожні нотатки П. Галагана, 1866 р.**

Тетрадь для того, чтобы во время поездки записывать все, что увидишь замечательного, – город, место, реку или другое что. Заметивши или услышавши при проезде что-нибудь особенное, нужно отметить это место на карте красным карандашом и потом, приехавши на ночлег, выписать, что именно видел или слышал замечательного. Таким образом, когда возвратишься в Киев, я узнаю от тебя обо всем, что ты видел замечательного, и будет так, что и я как будто вместе с тобой ездил.

Ф. Гурьев¹.

6 июня 1866 года.
Киев.

¹ Незабаром після від'їзду Галаганів у закордонну мандрівку вчитель Павлуся Ф. Гур'єв надіслав йому листа:

«Єдва ли ты еще доехал до первой станции, как вот я уже и пишу тебе. После твоего отъезда мне сделалось грустно, и я не мог заснуть до самого утра. И вздумалось мне, вместо того, чтобы сидеть в постели и бесполезно ждать сна, встать лучше и написать тебе, так, чтобы ты, только что приехавши в Виши, уже получил мое письмо. Жаль мне, что пришлось расстаться с тобою на 4 месяца, да делать нечего, нужно покориться этому.

Если бы я был поздоровее, то хоть и не нравится мне заграница, хоть скучно и тяжело мне там было б, но уж поехал бы, чтобы не расставаться с тобой на такое продолжительное время. Смотри же только, Павлусь, не заставь меня еще сильнее жалеть о том, что я не поехал, не испортись там, возвращайся таким же, каким поехал. Хороша, может быть, чужая сторона, а своя все-таки лучше. Но вот в чем я желаю, чтоб ты переменился. Твои папа и особенно мама желают непременно, чтоб ты научился говорить по-французски, и недовольны, что ты до сих пор небрежно этим занимался, винят в этом и меня. Так вот, теперь постарайся это исправить. Оно правда, что русскому человеку у себя дома как-то странно говорить по-французски, но теперь вот ты будешь жить во Франции и в других чужих землях, так там оно будет кстати, там старайся говорить по-французски и научись там, чтоб тобой были довольны. Сделайся на эти четыре месяца французом и не беспокойся, что забудешь русское, приедешь – и опять все вспомнишь. Вот этой перемены я желаю от тебя и буду очень рад, если впредь папа и мама твои и в этом будут довольны тобой.

Будь же здоров и весел и постарайся сейчас же мне ответить на это письмо, а я скоро опять напишу тебе. Кланяйся от меня папа и мама. Много любящий тебя

Ф. Гурьев.
7 июня 1866 г.

Киев».

Львов, 10 (22) июня 1866 года.

Выехавши за русскую границу, начинаются леса и идут до самых Брод, более всего растут сосны, потому что там сыпучий песок. Самый город Броды полон жидов, без которых нельзя шагу сделать; улицы там мощеные и дома порядочные, жителей там 24 т[ысячи], из которых 18 т[ысяч] жидов, они одеваются очень странно: в больших черных шляпах и с длинными пейсиками, мужики там ходят в длинных рубашках сверх панталон, в широких поясах ременных и в кобеняках, вышитых красною, синею и зеленою шерстью. Шоссе от Брод до Львова весьма нехорошее, лошади почтовые порядочные, ямщики там одеты в мундирах с красными отворотами, дорогой они иногда трубят; шоссе переходит два хребта отраслей Карпатов, из которых прекрасные есть виды на долины, на которых разбросаны села. Самый город Львов очень хороший, хорошо вымощен, и везде бьют фонтаны, там есть несколько костелов и несколько униатских церквей, из саду, который расположен на горе, где был когда-то замок русского князя Льва, великолепный вид на весь город и его окрестности, каких я мало видел.

Краков, 12 (24) июня.

Дорога от Львова до Кракова железная, на пути села похожи на малороссийские, леса все очень хорошо содержаны. Город Краков очень древний, церкви там очень старинные и все католические; мы были на служении в костеле, орган с оркестром и певчими играл так, что мне казалось, я нахожусь на итальянской опере, ксендзы пели так, что это казалось воем волков в лесу, все это мне очень не понравилось; мы также были в соборе¹, где похоронены короли польские, между прочим, там похоронены Гедеминовичи: Казимир 1², Сигизмунд и прочие, все эти склепы сделаны из прекрасного итальянского мрамора, там есть склеп знаменитого Костюшки и Стефана Батория с женою. Этот собор и вместе древний дворец королей у поляков имеют то же значение, что у нас Кремль в Москве. В Кракове и окрестностях его сохранился еще у крестьян старинный польский костюм, который очень похож на наш великороссийский: у них высокие шляпы с перьями, у некоторых конфедератки, потом надеты поддевки, а сверху накинуты белые кунтуши, обшитые красною шерстью.

Вена, 15-го (27) июня.

Мы ехали из Кракова до Поля (станция на железной дороге) на лошадях по шоссе, потому что железная дорога испорчена по случаю войны³.

¹ Вавельський собор.

² У Вавельському соборі похований король Казимир IV з династії Ягеллонів, яка була однією з гілок роду Гедиміновичів.

³ Австро-пруської війни 1866 р.

Пруссаки взорвали мост, и железная дорога там не ходит, мы наняли карету в Кракове и ехали три дня до Поля, очень скучно ехать там, хотя местность красивая: горы высокие и очень издали красивы, там уже идут настоящие Карпаты, на некоторых даже есть развалины старинных замков. По железной дороге мы ехали довольно скоро, часто попадались леса, очень хорошо подчищенные, на станциях останавливаются очень недолго. Вена похожа на столицу: мостовая хорошая, и ее несколько раз в день поливают, много магазинов, и порядочные. Дунай течет не в самом городе, а его рукав течет через весь город, этот рукав очень быстрый, и по нем ходят маленькие пароходы каждые четверть часа. Я тоже был в великолепном соборе св. Стефана два раза, и он мне очень понравился и снаружи, и внутри. Я был в зоологическом саду, где тоже мне все понравилось: много животных, и они ходят в очень больших клетках, так что почти на просторе, есть медведи, обезьяны, олени, козы, зебры, куницы, очень похожие на ту, которая была у нас, тоже птицы разного рода – казуары.

Вена, 17-го (29) июня.

Сегодня мы ездили в монастырь капуцинов, где похоронены австрийские императоры и знаменитая Мария Терезия, все они лежат в огромном склепе внизу. Капуцины одеваются очень странно, в длинных черных балахонах и повязаны белым шнурком. Мы были тоже в Шенбруне, где есть великолепный парк и тоже прекрасный зоологический сад, лучше того, который в Пратере, здесь есть жирафы, слоны и даже носорог, которого я никогда не видал: он очень тяжел и неуклюж, кожа на нем толстая и в огромных складках, с огромным носом; тут также есть аист-марабу, который всегда сидит неподвижно и сгорбившись, есть там тоже львы, из которых один синегальский, такой огромный и так красив, что такого я никогда не видал.

Мюнхен, 20-го июня (2-го июля).

Сегодня в 6-м часу утра мы приехали в Мюнхен, дорога сюда из Вены очень живописна: постоянно попадают горы, покрытые дикими лесами, а внизу – прекрасные долины, покрытые домиками, окруженными садами, в этих же долинах по зеленым лугам разбросаны деревья, горы тут высокие, выше тех, которые возле Кракова, даже между этими горами одну я видел выше облаков.

Мюнхен, 21-го июня (3-го июля).

Сегодня мы ходили в Глиптотеку, где я видел очень старинные статуи, египетские и греческие, даже там есть одна статуя знаменитого Фидия, там есть тоже барельефы ассирийских царей, выкопанные в Ассирии. Отсюда мы пошли в Пинакотеку, где есть хорошие картины, из которых

мне больше понравились: Мурилло, Вандика и Рембранта. После этого мы поехали в Аглицкий парк, он очень велик, и там есть красивые газоны, на которых разбросаны деревья, по всему парку течет речка Изер, которая разливается в разные стороны и опять соединяется и образует каскад.

Мюнхен, 21-го июня (3-го июля).

Сегодня мы были в другой, новой, Пинакотеке, где есть много хороших картин новых художников. Мы были в древнем соборе, где внутри есть старинный памятник германского императора Людвига¹. Были мы в церкви Всех святых, которая выстроена в византийском вкусе и напоминает немного православную церковь. После этого мы поехали туда, где рисуют на стекле, и видели рисунки.

Мюнхен, 22-го июня (4-го июля).

Сегодня мы выехали из Мюнхена по железной дороге, ехали до Линдау, а там сели на пароход и ехали по Констанскому озеру, которое тогда очень волновалось, потому что был сильный ветер и пароход очень качало.

Город Берн очень хорошо расположен, и там есть очень хорошие виды. Недалеко от Женевы мы ехали по берегу Женевского озера, которое было в ту пору великолепно, оно окружено снеговыми горами, которые также очень хороши, по самому берегу разбросаны домики, а все остальное покрыто виноградом. Город Женева очень порядочный, он стоит на самом берегу озера Женевского, и в том самом месте этого озера, где из него вытекает река Рона, и тут сейчас каскад. Из города виден хребет Альп и гора Монблан.

Виши, 25 июня.

Сегодня мы приехали в Виши в 11-ть часов вечера. Дорога от Женевы до Виши очень утомительна, потому что длинна, да и потому, что, въехавши во Францию, беспрестанно меняют вагоны, и нужно беспрестанно вытаскивать все вещи. Город Lyon очень хорош и велик, в нем есть хорошие магазины и дома, но я об нем не могу много сказать, потому что мы там оставались только полтора часа, и я не мог всего осмотреть. Приехавши в Виши, мы расположились сначала в гостинице «Венеция», потом перешли в гостиницу (Hôtel des Princes) где и прожили все время. Виши, самый город, очень невелик, но хорошо устроен, там есть парк, который очень хорошо устроен и хорошо разбит, он возле императорских шале (вроде швейцарского дома), там еще есть старый парк, против которого выстроен казино (вроде клуба нашего), в котором есть и театр. Весь почти город состоит из гостиниц. А окрестности города очень хороши.

¹ Надгробок імператора Священної Римської імперії Людвига IV Баварського у церкві Фрауенкірхе.

Бордо, 25-го июля (6-го августа).

Сегодня мы приехали в Бордо. Дорога от Виши сюда очень однообразна, иногда попадаются леса, иногда – села. Я так спешу, что забыл сказать кое-что об Бордо, сам город довольно велик, в нем теперь находится до 160-ти тысяч жителей, он расположен на берегу реки Жиронды, которая судоходна, и там много кораблей стоят, оттуда ходят корабли даже в Америку. Мы видели в Бордо великолепный тамошний собор¹: он очень велик, но одна часть его не окончена; мы также видели в Бордо погреб винный одного богатого негоцианта, мы со свечами гуляли по всему погребу, где, не считая множества бочек, находится 450 000 бут[ылок]. Там также мы были в саду, который очень хорош, потому что хорошо разбит и потому что там почти все растения такие, какие у нас находятся в оранжереях, я был вечером в театре. Мы пробыли в Бордо 3 дня, на четвертый уехали в Бьяриц на морские купанья, дорога тут очень скучна, потому что во всю дорогу тянутся ланды, которые состоят из песка, на котором растет что[-то] вроде бурьяна, и болот, тут никого не видно – и животных, и людей; железная дорога идет до самого Бьярица, а станция ж[елезной] д[ороги] – три километра от Бьярица. Сам городок Бьяриц очень мил, в нем нет регулярных улиц, все домики разбросаны в разном положении под тенистыми деревьями, он расположен на самом берегу, который очень разнообразен: местами он скалист, и возле него разбросаны скалы, местами он песчан, там, где дно и берег песчаный, купаются, таких мест три: залив императрицы, старый порт и залив басков. Купальни устроены на берегу, тут раздеваются, надевают костюм, состоящий из панталон до колен и куртки. Мужики в Бьярице и в окрестностях – баски, они не так одеваются, [как] в северной Франции, – там носят блузы сверх панталон, здесь носят белые рубашки в панталоны и наверху широкий красный пояс, а на голове носят синие береты. Там все тяжести возят на волах и в повозках на двух колесах, и на волах – покрывала, потому что в этой стране есть злые мухи, которые сильно кусают, тут волы везут лбами, а не шеями, как у нас. Мы ездили из Бьярица с папа в Испанию, не очень далеко, потому что от Бьярица 14 км – испанская граница, мы ездили в Сан-Себастьян, там большой порт и бывают большие корабли, там есть также старинная крепость и тюрьма; в той части Испании народ также баски, мы тут переночевали и поехали назад в Бьяриц. Мы всего в Бьярице пробыли 5-ть недель и поехали в Париж. Мы выехали в полдень и приехали в Париж на другой день в 5-ть ч[асов] утра, прямо ехали, не останавливаясь в Бордо. Город Париж очень велик, через него протекает река Сена, на которой – двадцать шесть мостов, и все они каменные, в Париже такие великолепные магазины, что таких я нигде не видел и никогда не воображал видеть, их здесь

¹ Бордоский кафедральный собор Сен-Андре.

ужасное множество, сам город очень мрачен, и почти каждый день идет дождь, мы видели Лувр, где есть очень хорошие картины и статуи, также старинные обелиски египетские, потом видели церковь, потом ездили в сад акклиматизации, видели там оранжереи, но не видели зверей, потому что помешал дождь, видели также дворец Люксембург, видели там картинную галерею и статуи, особенно меня поразила статуя одна: изображена женщина с накинутою вуалью из белого мрамора, которая так хорошо сделана, такой прозрачный мрамор, что хочется снять вуаль. Видели мы здесь также гроб Наполеона Первого и Церковь инвалидов, церковь великолепная, делает большой эффект, мы еще видели ботанический сад, где видели много зверей – львов, тигров, медведей, гиен, там есть носорог и два слона, и есть, между прочим, два бегемота, в то время, когда я их видел, один из них спал, а другой сидел по шею в воде и по временам открывал свою пасть, которая так велика, что он мог бы разом проглотить целого человека, видели там тоже морского теленка, который очень похож на свинью, только на высоких ногах, он только раз или два в день выходит из воды греться на солнце, а то все сидит в воде, видели страуса и дромадера, многих птиц, орлов, и, между прочим, двух кондоров. Отсюда мы поехали в часовню святого Фердинанда, которая построена на том месте, где сын Лудовика Филиппа ушибся и умер¹. На другой день мы опять ездили в сад акклиматизации, где видели много птиц и зверей: разных ланей, антилопов, саг и т. д. Но что замечательно в этом саду – это аквариумы, их там с десятков, и для них сделана нарочно темная комната: окошки там есть, но они уставлены аквариумами, так что их очень хорошо видно, – разных рыбок, и раковин, и водяных крыс, и анемонов, и проч. Мы видели также Пантеон, который очень похож на Исакиевский собор, там, внизу, похоронены великие люди Франции, там много темных коридоров, в которых такое эхо, что я такого никогда не слышал, при нас человек, который нас туда водил, ударил несколько раз палкой по ящику, который там стоял, эти удары были так громки, как удары пушки. Мы ездили также в Версаль по ж[елезной] д[ороге], приехавши, мы видели маленькие дворцы тамошние, Большой и Малый Трианон, потом гуляли по парку, который великолепен: в настоящее время он разбит регулярно, как французские сады, на всех углах – фонтаны, которые тогда не били; после этого мы пошли в большой дворец, он весь в картинах, на которых изображена вся история Франции до наших времен, все они очень хорошо нарисованы. Я совершенно позабыл сказать об здешнем публичном саде Тюлери, я в нем каждый день гуляю, там есть два бассейна с фонтанами, каждый день играет в саду музыка военная, здесь мы иногда ездим в лес (Буа де Булонь), род пар-

¹ Принц Фердинанд-Філіп Орлеанський, старший син і спадкоємець короля Луї-Філіпа, трагічно загинув 13 липня 1842 р. – забився внаслідок падінні з екіпажу в м. Нейї-сюр-Сен, неподалік від Парижа.

ка, там от 3-х до 6-ти час[ов] вечера полно экипажей, так что иногда вся дорога покрыта, так что не видно земли, там бывает полно [людей], и на бульварах, где так и кишит народом. Мы видели недавно бег лошадей в лесу, жокеи скакали очень шибко, они одеты все в атласных куртках, чтобы легче было для лошади. Я совершенно позабыл сказать об нашей русской церкви: она мне очень нравится, довольно большая, поют порядочно, дьякон хорош, мы бывали в ней каждый праздник и каждое воскресенье. В Париже я видел также панораму, которая изображает сражение Солферина¹, панорама так сделана хорошо, что когда вы взойдете посмотреть, то кажется, что находишься на сражении.

Мы из Парижа поехали в Кельн, дорога идет некоторое время по Бельгии, эта страна очень живописна, фабрик множество, страна гориста, так что там на небольшом пространстве – 18 туннелей, из одного туннеля въезжают в другой. Город Кельн расположен на самом берегу Рейна, что всего замечательнее в Кельне – это собор, он готической архитектуры, но такого великолепного готического собора я нигде и никогда не видал, в нем есть мощи трех волхвов, я думаю, что это не справедливо; в Кельне есть великолепный мост через Рейн, на этом мосту ходят пешеходы, ездят экипажи, и проходит железная дорога.

IP НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 98/б. 94 арк.
Друкється вперше.

¹ Панорама «Битва при Сольферіно» – батальна композиція, присвячена найбільшій битві австро-італо-французької війни 1859 р., французького маляра Жана-Шарля Ланглуа (1789–1870). Була виставлена у Парижі 1865 р., користувалася значною популярністю (у книзі відгуків протягом 5 років було зібрано 350000 підписів). Докладніше див.: Vidal Ph. Langlois, Charles, (1789–1870), officier, peintre. *Revue du Souvenir Napoléonien*. 2000. 431. P. 29–37.

**§ 5. «Ми тут прожили дуже добре...»:
щоденник П. Галагана, 1866 р.**

Тетрадь для того, чтобы, живя долгое время на месте в Виши или на о[стро]ве Вайте, или в Швейцарии, записывать в ней ежедневно в подробности все, что делал в продолжении дня и что случилось особенно замечательного. Записывание должно вести так: 1-го, например, июля, в Виши, в такой-то гостинице или доме чьем, встал поутру во столько-то часов и делал то-то до такого-то часа, а с этого часа до такого-то вот то делал, и так дальше подробно записать весь день с того часа, как встал, и до того, как лег спать. При этом не нужно забывать каждый день записать, переводил ли по-латыни, и что перевел, также читал «Русскую историю» или «Элладу»¹, или «Географию», и сколько от какого до какого листочка прочитал. Для латинского перевода должны быть сделаны две тетрадки, в одной записывать слова, а в другой – перевод. Для русской истории также должна быть сделана тетрадка, чтобы при чтении записывать то, что трудно помнить, а нужно помнить, наприм[ер], год какого-нибудь замечательного события или название какое-нибудь. Для географии нужно на чистом листе сделать карту России и по мере прочтения обозначать на ней те места, об которых прочитал. Все это нужно делать непременно каждый день перед тем, как ложиться спать. По этому я, когда приедешь в Киев, буду видеть и судить, что ты делал и как вел себя, и следует ли быть довольным тобой или недовольным. Молю Бога, чтобы ты возвратился в Киев вполне здоровым и во всем исправным.

Любящий тебя и желающий тебе всякого добра Ф. Гурьев.

6 июня 1866 года.

Киев.²

¹ Імовірно, мається на увазі видання: Вегнер В. Эллада. Картины древней Греции, ее религия, могущество и просвещение. Для любителей классической древности и просвещения юношества : в 2-х т. / пер. с нем. П. Евстафиева. СПб., 1862.

Виши. 30-го июня 1866 го года.

В субботу 25-го июня ночью мы приехали в Виши и на первый день расположились в гостинице (Hôtel de Venise), на другой день вечером переехали в другую гостиницу (Hôtel des Princes).

В понедельник, 27-го июня, мы целый день устраивались, и я не мог написать ничего в этой тетради, да она тогда еще была уложена в чемодан, в тот же день я катался с папа на ослах. Во вторник, 28 го, я перевел по-латыни точку, потом читал с мамой по-французски и по-аглички.

Вчера, в среду, 29-го, были мои именины, и я не учился, вечером мы ездили в одно место за городом, которое называется Грива, папа и мама ездили в коляске, а для меня папа нанял лошадь, и я ехал верхом. В Виши день расположен так: все встают рано утром и идут на воды, потом, в 10-ть часов, все завтракают за общим столом, и мы также, а в пять часов обедают также за общим столом, чай тут совсем не пьют.

Четверг, 30-го июня. Сегодня я встал в 8 часов утра, умылся, оделся и пошел с мама гулять, после гулянья я пришел и перевел точку по-латыни, потом, в 10-ть часов, мы завтракали, после завтрака я читал и писал по-аглички с мама, а после пошел с папа в заведение, где папа берет ванны, в 5-ть часов мы сели обедать, а после обеда пошли смотреть зверинец, который недавно приехал, там есть хорошие тигры, львы и другие животные, но они сидят в очень маленьких клетках, и с ними делают разные фокусы и бьют их так, что жаль смотреть, оттуда мы пришли поздно, так что я, написавши, лег спать в 10-ть ч[асов] вечера.

Пятница, 1-го июля. Сегодня встал в 8-мь часов утра и пошел гулять один, после этого пошел на базар и купил несколько фруктов, потом пришел домой и пошел завтракать, когда кончил завтракать, пришел в первый раз французский учитель, с которым я читал по-французски и учил грамматику, и он задал мне урок на завтра, когда он ушел, то я перевел точку по-латыни, после этого пошел с папа в заведение, где папа опять брал ванну, потом оттуда я пришел домой, и мы пошли обедать в 5-ть часов, после обеда я ходил с мама гулять по шоссе на мост, под которым проходит железная дорога, чтобы видеть, как она будет проходить, но опоздали: она прошла раньше, когда мы воротились домой, я читал «Эладу» и прочитал от стран[ицы] 36-й до стран[ицы] 41-й, потом сделал урок французский, который мне задал учитель, после этого я, написавши все как следует в этой тетради, лег спать в 11-ть часов вечера.

Суббота, 2-го июля. Сегодня я встал в три четверти осьмого и пошел гулять, после гулянья я окончил французский урок, потом пошел завтракать, после завтрака пришел французский учитель, я с ним читал, писал и учил грамматику, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, после этого я читал и писал с мама по-аглички, потом пошел с папа в заведение, где ванны, потом, когда пришел, читал историю Карамзина и прочитал от 1-го до 4-го листа, потом обедал, после обеда ходил с мама гулять в новый парк, воро-

тившись оттуда, мы зашли в кафе и ели мороженое, потом, когда воротились домой, я, написавши, лег спать в 10-ть часов вечера.

Воскресенье, 3-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и пошел гулять, потом пришел домой и завтракал, после завтрака никуда не ходил, потому что было очень жарко, в двенадцать часов ездил на ослух с Андрианом, когда воротился, пошел в заведение, где ванны, с папа, потом, когда воротились, сели обедать, после обеда я ходил гулять с папа и мама на тот мост, под которым проходит железная дорога, этот раз мы не опоздали так, как вчера, а пришли как раз в пору: поезд прошел под мостом с ужасной быстротой; отсюда мы пошли домой, пришли довольно поздно, однако погуляли немного в парке, теперь только недавно пришли домой, теперь пишу и сейчас ложусь спать в половине одиннадцатого.

Понедельник, 4-го июля. Сегодня встал в половине осьмого и тотчас приготавливал для французского учителя все время до завтрака, после завтрака приходил учитель, и я с ним читал, писал и учил грамматику, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, после того ходил с папа в ванное заведение и читал папа, покуда он был в ванне, «Элладу», прочитал от стран[ицы] 41-й до стран[ицы] 47-й, после обеда я ходил с папа в театр, давали смешные пьесы, я много смеялся. Пришедши домой, мы написали шоколаду, и я ложусь спать в половине двенадцатого.

Вторник, 5-го июля. Сегодня я встал в 7 часов утра и приготавливал французский урок до самого завтрака, после завтрака пришел учитель, и я с ним учил географию Франции, после этого перевел точку по-латыни, после обеда мы ездили кататься в коляске, когда мы воротились, я тотчас, написавши, ложусь спать в 11-ть час[ов].

Среда, 6-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и писал урок для французского учителя до самого завтрака, после завтрака пришел учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, после этого я писал и читал по-немецки с мамой, потом ходил с папа в ванное заведение, после обеда я познакомился с одним мальчиком-французом, потом ходил с папа и с мама в новый парк, потом, когда воротились, я еще немного еще посидел и ложусь спать в половине одиннадцатого.

Четверг, 7-го июля. Сегодня я встал в восемь часов и пошел гулять с этим мальчиком, когда воротился, писал урок учителю, после завтрака приходил учитель, я с ним читал и писал, потом перевел точку по-латыни, после этого я читал и писал по-аглицки с мама, после обеда я не ходил гулять, потому что шел дождь, теперь уже перестает, но поздно, я пишу и сейчас ложусь спать в половине одиннадцатого.

Пятница, 8-го июля. Сегодня я встал в 8 час[ов] и тотчас сел писать для учителя урок и писал до самого завтрака, после завтрака я учился с учителем, потом перевел точку по-латыни, потом писал по-немецки и читал, потом гулял с мальчиком, которого зовут Морис, он живет в Алжирии, где служит его отец. После обеда мы ездили с Морисом верхом и папа и мама в коля-

ске в «Казино дё Белведер», куда за вход платят по франку и где есть разные игры; когда мы воротились, я с папа ходил в кафе и пил кофе, потом пришел домой и, написавши что следует, ложусь спать в 10 часов вечера.

Суббота, 9-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и пошел гулять в парк, потом приготавливал урок учителю, после завтрака был учитель, и когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом учился с мама по-аглички, после этого ходил с папа в ванное заведение и читал ему «Элладу» об Геркулесе, и прочитал от стран[ицы] 48–53, после обеда я был в театре и, воротившись, лег спать в 11 ч[асов].

Воскресенье, 10-го июля. Сегодня я встал и гулял до самого завтрака, после завтрака мы ездили в город Кюсе, где осматривали училище и старинную башню, потом мы, погулявши там в парке, возвратились домой, когда мы пришли в гостиницу, я начал играть в мячик с Морисом, после обеда я гулял в парке и потом ходил с папа в казино смотреть бал, воротившись, я написал в тетради и ложусь спать в 11-ть часов вечера.

Понедельник, 11-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и приготавливал урок французскому учителю, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом написал бабушке письмо, после обеда гулял в парке, когда воротился, я напился шоколаду и ложусь спать в 11-ть часов.

Вторник, 12-го июля. Сегодня встал в половине осьмого и приготавливал урок для учителя до самого завтрака; после завтрака приходил учитель, я с ним читал и писал, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом учился с мама по-аглички, после обеда я ходил гулять с папа и мама, воротившись, я смотрел фокусы, которые делал один господин в общей гостиной нашего отеля, после этого я напился кофею и, написавши, сей-час ложусь спать в 11-ть час[ов] вечера.

Среда, 13-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и приготавливал урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом учился с мама по-немецки, после обеда мы с Морисом ездили в коляске кататься в Малаво, когда мы воротились, я, напившись кофе, пишу и сейчас ложусь спать в 11-ть часов вечера.

Четверг, 14-го июля. Сегодня я встал в 8 час[ов] и приготавливал урок для учителя, потом ходил с мама гулять в парк, после завтрака был учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил с папа в заведение, где ванны, и читал ему «Элладу», и прочитал от страницы 53–58, когда воротился, то читал и писал с мама по-аглички, после обеда я ездил кататься в г. Кюсе с Морисом, с его отцом и с матерью, когда воротились, я погулял еще в старом парке, потом напился молока и ложусь спать в 11-ть час[ов] в[ечера].

Пятница, 15-го июля. Сегодня я встал в половине 9-го и пошел гулять в парк, гулял до завтрака, после завтрака я с папа и мама ездил в Рандан, место, принадлежащее прежде семейству Орлеанскому, там большой есть парк, но немного запущен; мы воротились оттуда в шесть часов и

потому обедали одни, после обеда я погулял немного в парке и лег спать в половине 10-го.

Суббота, 16-го июля. Сегодня я встал в 8-е[м] час[ов] и приготовлял урок для учителя, потом гулял в парке, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел две точки по-латыни, потом писал и читал с мамой по-немецки, потом гулял в парке, после обеда пошли смотреть, как будет въезжать император¹, которого ожидали сегодня, приготовлений было много, построили даже триумфальные ворота на которых было написано: «Посреднику Европы»², на каждом доме были развешаны трехцветные флаги, когда пришел вечер, то зажгли иллюминацию, я гулял с папа и с мама по иллюминации, все дома были иллюминированы, также пускали фейерверк и палили из пушек, когда мы воротились, я напился шоколаду и, написавши, сейчас ложусь спать в 11-ть час[ов].

Воскресенье, 17-го июля. Сегодня я встал в 8-е[м] час[ов] и гулял в парке до завтрака, после завтрака тоже, до 12-ти час[ов], в 12-ть час[ов] ходил с папа и с мама в англиканскую церковь, которой служба мне не понравилась, когда воротился, также гулял, после обеда ходил гулять с папа и с мама в новый парк, когда воротились, я напился кофею и, написавши, тотчас ложусь спать в 11-ть час[ов] вечера.

Понедельник, 18-го июля. Сегодня я встал в 8 час[ов] и приготовлял урок для учителя, потом ходил гулять с мама в н[овый] парк, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом учился с мама по-аглицки, после этого ходил с папа в Селестан³, воротившись оттуда, я гулял в с[таром] парке, после обеда я ездил с мама и с отцом Мориса по окрестностям города, когда мы воротились, я гулял в с[таром] парке с мама, когда воротился, напился шоколаду и, написавши, ложусь спать в половине 11-го.

Вторник, 19-го июля. Сегодня я встал в 8 час[ов] и приготовлял урок для учителя, потом ходил гулять, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом учился с мамой по-немецки, после этого ходил гулять по городу с Морисом, после обеда я катался с матерью и с отцом Мориса и с ним самим в коляске, когда воротился, я немного погулял и сел писать эту тетрадь, когда напишу, я напьюсь кофе и лягу спать в 10-ть час[ов].

Среда, 20-го июля. Сегодня я встал в 8-е[м] час[ов] и приготовлял урок для учителя, а потом перевел точку по-латыни, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, мы ездили в Бурбон-Бюсе, воротились оттуда в шесть часов и обедали отдельно, после обеда мы ходили гулять с папа и

¹ Наполеон III.

² За посредничества Наполеона III завершилася австро-пруссько-італійська війна 1866 р.

³ Les Célestins – джерело мінеральної води у Віші.

с мама, когда воротились, я написал урок для учителя и ложусь спать в половине одиннадцатого.

Четверг, 21-го июля. Сегодня я встал в 8-мь час[ов] и ходил гулять, когда воротился, я читал «Элладу» и проч[итал] от стран[ицы] 58 до стран[ицы] 61-й. После завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил с папа и с мама смотреть один периодический ключ, который находится по ту сторону речки Алие, после обеда ходил гулять вниз по реке Алие, когда воротились, я напился с папа шоколаду и, написавши, ложусь спать в половине одиннадцатого.

Пятница, 22-го июля. Сегодня я встал в половине осьмого и приготовлял урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом читал по-аглицки с мама, после обеда мы ездили с Морисом в Малаво верхом, а мама и папа в коляске, когда мы воротились, я напился шоколаду и ложусь спать в 10-ть часов. Так мы провели последний день в Виши, где провели время спокойно и весело.

Бьяриц, 4-го августа.

В четверг, 27 июля, мы приехали сюда в полдень, и все эти дни я захоптался и не написал в тетради, потому что я в таком восторге от моря, что каждый день приходил с берега очень поздно вечером и всегда очень сонный, но с сегодняшнего дня я занялся писанием, сегодня я встал в половине осьмого и пошел с папа купаться в море, после купанья мы пришли домой и напились кофею, потом я готовил урок французскому учителю, который ходит от часу до двух, мы завтракаем в 12-ть час[ов] у себя и обедаем так же в 5-ть час[ов]. После завтрака был учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил гулять на море, после обеда опять ходил на море с папа и с мама, потом пришли домой, я напился чаю и ложусь спать в 10-ть.

Пятница, 5-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и пошел с папа купаться, сегодня была уже шестая ванна, волна была средняя, был прилив; после купанья я пришел домой и напился кофею, потом приготовлял уроки для учителя, после завтрака приходил учитель, его зовут Вилиет, он здесь содержит пансион св. Мартина; когда он ушел, я ходил гулять с папа и с мама, после обеда я перевел точку по-латыни, потом ходил на море, когда я воротился, читал «Элладу» и прочитал от стран[ицы] 64 до стран[ицы] 69, потом напился чаю и сейчас ложусь спать в 11-ть час[ов].

Суббота, 6 го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом пришел домой и напился кофею, потом ходил гулять на море, после завтрака мы ездили кататься, папа и мама ездили в баскете в Баьонну, и папа сам правил, я же ехал верхом, когда мы воротились, я ходил на море, потом пришел домой и после обеда пошел опять на море, а потом воротился, потому что нашла гроза, и на море поднялся ветер, пришедши домой, я читал «Элладу» и прочитал от стр[аницы] 69 до стран[ицы] 79, после этого я напился чаю и, написавши, сейчас ложусь спать в половине одиннадцатого.

Воскресенье, 7-го августа. Сегодня встал в 7 час[ов] и ходил с папа купаться, после этого я напился кофею, потом ходил гулять на море, после завтрака я ездил с Адрианом на ослах, когда воротился, я пошел опять на море, после обеда я с папа и с мама ходил к русскому консулу Леон[у], и я там познакомился с его сыном, оттуда мы пошли на море, потом пришли домой, я напился чаю и читал «Элладу», прочитал от стран[ицы] 79 до стр[аницы] 88-й, после этого я, написавши, лег спать в 11-ть часов.

Понедельник, 8-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом, напившись кофею, я готовил урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом читал с мама по-аглички, после этого я ходил на море, после обеда я гулял в разных местах с папа и с мама, потом, воротившись, я читал «Элладу» и прочитал от стран[ицы] 88 до стр[аницы] 95, после этого, напившись чаю, лег спать в половине одиннадцатого.

Вторник, 9-го августа. Сегодня я встал в 8 час[ов] и ходил купаться один, потому что папа был нездоров, после этого я пришел домой, напился кофею, потом приготавливал урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом я ходил на море, после обеда я ходил смотреть захождение солнца, потом пришел домой, напился чаю, прочитал из «Элады» от с[траницы] 95 до с[траницы] 105, и потом лег спать в 11-ть.

Среда, 10-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом, напившись кофею, я приготавливал урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом читал с мама по-аглички, потом ходил на море; после обеда ходил гулять с папа и с мама по берегу, потом воротился, напился чаю, прочитал из «Элады» от стр[аницы] 105 до стр[аницы] 115, и теперь ложусь спать в половине одиннадцатого.

Четверг, 11-го августа. Сегодня утром я встал в 7-мь час[ов] и ходил с папа купаться, море было тихое, волны были маленькие, после купанья я проходилсся немного, потом пришел домой, напился кофею, приготавливал урок для учителя, потом перевел точку по-латыни, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я пошел на море и был там до самого обеда, мы пошли гулять, но гуляли недолго, потому что нашла гроза, и полился дождь, и на море был сильный ветер, я воротился, читал «Эладу» и прочитал от стр[аницы] 115 до стр[аницы] 127, потом напился чаю и ложусь спать в 11-ть часов.

Пятница, 12-го августа. Сегодня я встал утром в половине осьмого и ходил с папа купаться, море было тихое, но еще качалось от вчерашней грозы, у берега волны хорошо разбивались, отсюда я пришел домой, напился кофею, приготавливал урок, потом читал с мамой по-аглички, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил на море, после обеда ходил гулять с папа и с мама, потом сидел у моря, когда воротился домой, я прочитал из «Элады» от стр[аницы] 127 до стр[аницы] 133, потом я напился чаю и ложусь спать в 11-ть часов вечера.

Суббота, 13-го августа. Сегодня я встал в 8-емь час[ов] и напился кофею, потом написал урок для учителя, потом ходил купаться один, потому что папа был нездоров, после купанья я воротился домой, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом мы все ездили в город Бабонну в omnibusе, мама сидела в omnibusе внутри, я с папа сидел наверху, откуда нам очень хорошо было видно все, мы там и обедали, воротились домой в 8-емь час[ов], я немного погулял и пришел домой в 9-ть час[ов], я напился чаю и, написавши, ложусь спать в 11-ть час[ов].

Воскресенье, 14-го августа. Сегодня утром я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, волна была очень сильная, совершенно

сбивала всех с ног, после купанья я напился кофею, потом ходил гулять, после завтрака я ездил на ослух с Адрианом по Баянскому шоссе, потом – в лес, когда воротился, я пошел на берег, прилив был очень сильный, потому что теперь полнолуние, а в полнолуние и в новолуние приливы и отливы бывают очень большие. После обеда я ходил гулять с папа и мама по городу, когда мы воротились, я напился чаю и теперь, написавши, сейчас ложусь спать в 11-ть час[ов] вечера.

Понедельник, 15-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, после купанья я напился кофею, потом ходил гулять на море до самого завтрака, после него я опять ходил гулять на море и по городу, когда я воротился, мы пошли обедать в здешний казино, после обеда мы ездили кататься в баскете (вроде дрожек, но только плетеный кузов из соломы) в окрестности города, когда мы воротились, мы пошли гулять, потому что была прекрасная лунная ночь, на площади мы видели испанский танец: один испанец играл на гитаре, а несколько испанцев и испанок танцевали, этот танец очень грациозен, при этом также некоторые поют. Когда мы воротились, я напился чаю и ложусь спать в 11-ть час[ов].

Вторник, 16-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, после этого я напился кофею, потом готовил урок для учителя, после завтрака не приходил учитель и сказал, что придет в 7-мь час[ов], я перевел точку по-латыни, потом читал по-аглички, после этого мы ходили смотреть на море, потому что разыгралась буря, и волны были великолепны, они с шумом разбивались об скалы, после обеда мы ходили немного гулять, буря немножко утихла, но все-таки еще был ветер, оттуда мы, воротившись, застали учителя, я с ним учился, потом мы напились чаю, и я прочитал из «Элады» от стр[аницы] 133 до стр[аницы] 152, после этого я писал и теперь ложусь спать в половине 11-го.

Среда, 17 августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил купаться, потом напился кофею и приготовлял урок для учителя, после завтрака приходил учитель, я с ним читал, писал и учил географию, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом мы ходили с папа к маяку отдавать деньги бедным, это потому что недели две назад я у моря потерял свой крестный крест и был в отчаянии, не знал, что делать, но после, через два дня, я услышал барабан, который здесь часто барабанит, он возвещает разные объявления и также найденные вещи, которые здесь приносятся в полицию, он забарабанил, чтобы завлечь внимание народа, потом [полицейский] прочитал разные вещи, которые найдены и принесены в полицию, он прочитал также, что найден золотой крест, я, услышавши, побежал в полицию и спросил, чтобы мне показали крест, и я с радостью узнал мой крестный крест, я побежал сказать папа, и вместе с ним мы пришли в полицию и взяли крест, его нашел один господин из Байонны на песке у моря. После обеда я гулял

у моря, но потом воротился, потому что пошел дождь, потом я напился чаю, читал «Элладу», прочитал от стр[аницы] 152 до стр[аницы] 162, а теперь ложусь спать в половине 11-го.

Четверг, 18-го августа. Сегодня я встал утром в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом напился кофею, после этого я готовил урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, мы поехали [в] г. Сан-Жан-до-Люс, который отстоит от Бьярица на 14 километров (верст), дорога туда довольно красивая, четыре раза мы переезжали через железную дорогу; самый город невелик, в нем, однако, две церкви, в этом городе венчался Лудовик 14-й с испанскою инфантой, и там есть дом, где он останавливался. Город этот был прежде немного больше, но море его разрушило зимой во время сильных ураганов, там также море и устроены купальни, в которых очень мало купаются, потому что там мало иностранцев, а жителей там только 4-ре тысячи; мы там и обедали, воротились оттуда в 9-ть час[ов], я тотчас напился чаю и читал «Элладу», прочитал от стр[аницы] 169 до 170 и кончил ее в чтении, в этом мне мама помогла немного, и мы всегда за чаем читали громко. Теперь я, написавши, ложусь спать в 11.

Пятница, 19 августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил [с] папа купаться, потом напился кофею, приготовлял урок учителю, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, после этого я пошел на море и был там до самого обеда, мы ходили гулять, когда мы воротились, я немножко поиграл, потом напился чаю и читал «Географию России», я еще не сделал карты и прочитал только введение, теперь я сейчас кончу писать и лягу спать в половине 11-го.

Суббота, 20-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом напился кофею, потом готовил урок для учителя, после этого я писал письмо бабушке, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил купаться опять один, без папа, во время моего купанья один господин чуть было не утонул, но его сейчас спасли, и он теперь здоров; после обеда я ходил гулять с мама немного по городу, когда мы воротились, мы напились чаю, и теперь сейчас ложусь спать в 11-ть часов вечера.

Воскресенье, 21-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом напился кофею, после этого папа нанял коляску и мы ездили в Испанию, которой граница отстоит от Бьярицы на 14 килом[етров], мы ездили в город Фонтарабию, который весь почти в развалинах, которые весьма живописны, он обнесен стеною, которая также в развалинах, там есть очень старинные дома в развалинах и старая церковь, где мы застали вечерню с процессией, которая состояла в том, что с пением обносили статую Богородицы, которая одета была по моде – в великолепном кисейном платье. Мы воротились оттуда поздно вечером, так что я напился чаю и ложусь спать в 11-ть час[ов].

Понедельник, 22 го августа. Сегодня я встал в половине осьмого, ходил с папа купаться, пришедши, напился кофею, приготавливал урок для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил опять купаться, после обеда ходил гулять с папа и мама, когда мы воротились, я читал «Географию», г[лаву] 1, потом я напился чаю и ложусь спать в 11-ть час[ов].

Вторник, 23-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, потом напился кофею; приготавливал для учителя, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом читал с мама по-аглички, после этого я ездил с папа в лодке по морю довольно далеко, потом, когда воротились, я ходил на берег, после обеда я ходил гулять с папа и мама по городу, когда мы воротились, я напился чаю, читал «Географию» (глав[ы] 2-ю и 3-ю), теперь же ложусь спать в половине 11-го час[a].

Среда, 24-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил с папа купаться, пришедши, я напился кофею, потом готовил урок, после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил купаться, после обеда ходил гулять с папа, потом напился чаю, читал «Географию» (глав[ы] 3-ю и 4-ю), теперь ложусь спать в 11-ть час[ов].

Четверг, 25 августа. Сегодня встал в половине 8-го и, выкупавшись с папа, напился кофею, потом приходил учитель, после завтрака я перевел точку по-латыни, потом ходил гулять, потом купался, обедали в казино с моим учителем, после обеда я ходил гулять с папа и мама по городу, когда воротились, я напился чаю, потом сидел на дворе возле дома, а теперь ложусь спать в 11-ть час[ов] вечера.

Пятница, 26 августа. Позавчера я встал в 7-мь час[ов] и ходил купаться, потом напился кофею, потом вскорости, в 11-ть час[ов], позавтракал, я с папа вдвоем поехали на станцию желез[ной] д[ороги], которая 3 к[илометра] отсюда, там мы сели в вагон и поехали в Испанию в Сан-Себастиан, туда приехали в пол[овине] 4-го и пошли гулять, видели собор, который очень велик и хорош, и внутри и снаружи, после обеда мы там ходили гулять, потом воротились и легли спать в десять часов вечера.

Суббота, 27-го августа. Вчера я встал в 6-ть час[ов] и ходил с папа на Цитадель, видели также порт и залив оттуда, мы выехали оттуда в 9-ть час[ов] и приехали сюда в 1 час. Я ходил на море после этого (я забыл сказать, что вчера в С.-Себастиане мы были с папа у вечерни, которая была очень торжественна, но нисколько не божественна, там очень хороший орган, которому аккомпанировал оркестр и певчие). После обеда я сидел возле дома и потом ходил немного погулять, после этого я напился чаю и ложусь спать в 11-ть час[ов].

Воскресенье, 28-го августа. Сегодня я встал по обыкновению в пол[овине] 8-го и ходил с папа купаться, сегодня называется здесь «Воскресенье басков», они приходят с разных деревень сюда и танцуют, шумят

по улицам, кричат, поют, после завтрака я ездил верхом, когда воротился, я ходил смотреть, как баски танцуют, после обеда ходил гулять, потом воротился, напился чаю и ложусь спать в пол[овине] 11-го.

Понедельник, 29-го августа. Сегодня я встал в половине осьмого и ходил купаться, сегодня я взял последнюю ванну, после этого я напился кофею, потом приготовил урок для учителя, потом читал «Географию», после завтрака приходил учитель, когда он ушел, я перевел точку по-латыни, потом ходил гулять, после обеда я никуда не ходил, потом[у] что шел дождь, и буря была сильная, море было страшное, волны были такие, каких я никогда не видал прежде, они разбивались об скалы с шумом. Я после читал «Географию» и кончил ее совсем, потом я напился чаю и теперь ложусь спать в пол[овине] 11-го часа.

Вторник, 30 августа. Сегодня я встал в 8-ею час[ов], немного прогулялся, пришел домой, напился кофею, потом опять ходил гулять, после завтрака ходил опять гулять на море, которое сегодня было великолепно, волны были такие, что еще никогда я не видел таких, после обеда я никуда не выходил, а все сидел дома, потому что была дурная погода, все шел дождь, да и теперь идет, я напился чаю и теперь, написавши, ложусь спать в 11-ть.

Кончаю так тетрадь, уже пора укладывать ее, завтра мы переходим на другую квартиру, потому что наша отдана другим, а послезавтра уже совсем уезжаем из Бьярица и – прощай, море, мы тут прожили очень хорошо, квартира была как раз по нас – не слишком большая и не слишком маленькая, мы в ней прожили очень тихо и спокойно.

Конец.

Post scriptum.

Закордонна мандрівка 1866 р. у «Записнику» Г. Галагана

Важливі свідчення про подорож 1866 р. містяться у записнику Г. П. Галагана, що зберігається в ІР НБУВ (Ф. І. Спр. 70. Арк. 41–74). Це уривчасті записи про поточні грошові витрати, відвідини різних місцин тощо. Завдяки цим нотаткам можна уточнити маршрут та обставини мандрівки Галаганів європейськими країнами 1866 р.

Отже, залишивши Сокиринці 31 травня (12 червня) 1866 р., Галагани попрямували до «чужих країв» через Прилуки на Київ. Дорогою вони заїхали до свого маєтку в с. Покорщина біля Козельця. До Києва мандрівники приїхали ввечері 2(14) червня. Звідси у дальшу путь Галагани вирушили уніч з 7 на 8 (з 19 на 20) червня. Їхали шляхом, знаним Григорію Павловичу ще від часу його першої подорожі на Захід, – через волинські міста Житомир, Рівне, Дубно на Радзивилів. 9(21) червня, перетнувши російсько-австрійський кордон, опинилися у Галичині й через Броди поїхали до Львова, в якому мешкали два дні, 10–11 (22–23) червня. Зі Львова залізницею дісталися Кракова, де були 12(24) червня. Далі довелося їхати екіпажем до станції Поль, куди Галагани прибули 15(27) червня, а звідси змогли продовжити свою подорож залізницею до Відня (із щоденника Павлуся відомо, що на той час через австро-пруську війну залізничне сполучення між Віднем та Краковом перервалося).

16(28) червня мандрівники уже були у Відні, затримавшись в австрійській столиці на декілька днів. 17(29) червня оглядали Шьонбрунн. З Австрії перебралися до Баварії і 20 червня (2 липня) були у Мюнхені, а звідти вирушили через Швейцарію до Франції, побувавши дорогою у Берні та Женеві.

Ввечері 25 червня (7 липня) Галагани добралися до французького курортного містечка Віші, де оселилися на місяць. Тут Григорій Павлович брав мінеральні ванни та лікувався у доктора Дюрана-Фарделя (фр. Maxime Durand-Fardel). У Віші Галагани мешкали у Hôtel des Princes.

Відпочивши місяць у Віші, мандрівники вирушили до атлантичного узбережжя. 25 липня (6 серпня) вони відвідали Бордо, а з 28 липня (9 серпня) жили у приморському курортному містечку Біарріц. Тут вони пробули понад місяць, винайнявши квартиру в будинку, що належав пану Мурьо (фр. Moureu). Через декілька днів по приїзді у Біарріц Григорій Павлович став лікуватися у доктора Жолеррі (фр. Pierre-Paul Jaulerry) і разом з Павлусем почав морські купання (їх служниками-купальниками були: у батька – Луї, а у сина – Жан-Батист). Декілька разів він їздив до сусідньої Байонни, іноді один, а інколи з родиною. У Байонні перебував російський віце-консул В. Леон (фр. Virgile Léon), за посередництва якого Галагани обмінювали російські рублі на французькі франки. Крім того, Григорій Павлович разом з сином їздив до Іспанії: 21 серпня (2 вересня) вони побували у прикордонних іспанських містечках Ірун і Фуентеррабія,

а 26 серпня (7 вересня), попри дуже сильну спеку, проїхалися до Сан-Себастьяна, звідки повернулися наступного дня. Зазвичай уважний до погодних умов, Григорій Павлович відзначив у записнику сильний шторм, що стався 29 серпня (10 вересня): «Весь день порывистый ветер с дождем, море очень бурно» (арк. 64); тут ідеться саме про ту бурю, що так вразила Павлуся й описана в його щоденнику. 31 серпня (12 вересня) Галагани залишили будинок Мурьо і переселилися до готелю (Hôtel de l'Europe), а наступного дня виїхали з Біарріца до Парижу.

До столиці Франції мандрівники добралися рано вранці 2(14) вересня. Париж зустрів їх дощовитою погодою. Проте, попри часту сльоту, Галагани відвідали чимало вартих уваги мандрівників місць: Лувр, Пантеон, Собор Паризької Божої Матері та церкви Сент-Етьєн-дю-Мон і Сен-Сюльпіс, ратушу і Дім інвалідів, їздили до Версалю, бували у парку Монсо і Булонському лісі, Саду рослин і Акліматизаційному саду, оглянули панораму із зображенням битви при Сольферіно. Вечори нерідко присвячували театральним виставам: побували у театрі «Шатле» на феєрії «Попелюшка», театрі «Лірік» на опері «Фауст», театрі «Водевіль», театрі «Буфф-Парізьєн», у Пале-Руайалі, Італійській опері, а також у цирку та у кафешантані. Розвагою для Павлуся з його пристрастю до коней стало відвідання кінських перегонів у Булонському лісі.

У Парижі Галагани знайшли для Павлуся француза-гувернера – це був Жюль Таньон (фр. Jules Tagnon), уродженець містечка Ер у департаменті Арденни (Шампань), взятий на службу 20 вересня (2 жовтня) з платнею у 800 руб. на рік. Григорій Павлович зустрічався у Парижі з родичами та знайомими. Він з'їздив у Бельфонтен до князів Трубецьких, побував у літератора Д. В. Григоровича, обідав з герцогом Лейхтенберзьким у кафе «Ріш». Перебування у Парижі Григорій Павлович використав для консультацій з лікарями – докторами Нелату (фр. Nélatou) і Комоном (фр. Caudmont) та разом з Павлусем відвідав дантиста Делестра (фр. Delestre). У паризьких кравців він замовив одяг собі та сину.

Від'їзд з Парижа, що мав статися 25 вересня (7 жовтня), довелося відкласти на два дні через шлунковий розлад у Григорія Павловича. Павлусь, користуючись цією затримкою, ще раз побував на кінських перегонах та у цирку. 27 вересня (9 жовтня) Галагани залишили Париж, попрямувавши додому. Разом з ними, окрім двох слуг, був новий гувернер Павлуся Ж. Таньон. 28 вересня (10 жовтня) мандрівники приїхали до Кельна, а наступного дня були у Дрездені, де встигли оглянути картинну галерею. Через Краків вони дісталися 3(15) жовтня Львова та зупинилися там на декілька днів. 6(18) жовтня Галагани уже були у Бродах, на кордоні між Австрією та Росією. Нарешті, 8(20) жовтня, у суботу, о пів на дев'яту годину вечора, вони приїхали до Києва. На цьому подорож до «чужих країв» 1866 р. добігла кінця.

ТЕРЕНАМИ ЄВРОПИ: ОСІБНИЙ ДОСВІД УКРАЇНСЬКОГО ПАНСТВА

*Та справжні мандрівці — то ті, що від'їжд-
жають Без цілі і мети... Серця легкі, як
дим, Вони призначення і долі не втікають
І мають на устах завжди одно: "Пливім!"*

Шарль Бодлер. «Подорож».
Пер. з фр. Миколи Зерова.

Людина – головний актор історії, ключова дійова особа тієї грандіозної вистави, якою є буття людства. Чим більш драматичним і різноманітним стає досвід людського існування з плином сторіч, тим привабливішим для історика є те, що П. Вейн назвав «банальністю минулого», коли незначні прикмети повсякдення «примножуючись, врешті-решт складають абсолютно неочікувану картину».¹ Дії рядових агентів історичного процесу у всьому розмаїтті постають в еґо-документах (джерелах особового походження, авто-наративах)², й надто тоді, коли ці тексти презентують види діяльності, що єднують індивідуальні практики та колективний досвід і передбачають варіативність соціальних стратегій. Однією з таких діяльностей форм є подорож.

Описи мандрів об'єднують джерела особового походження (передусім щоденники та епістолярій) в групу тревелогів³, чим актуалізується належність цих еґо-документів до документальної (нефікційної/небелетристичної) літератури, або літератури факту⁴ та уможливується зіставлення їх з численною групою белетристичних творів жанру подорожі. Водночас доречність звернення до дорожніх нотаток та листів, створених під час подорожі, обумовлена відзнаками цих джерел, що являють «...інформаційно-психологічний феномен на непевній і рухомій межі між сьогодні й учора, між живим і неживим, між пам'яттю і історією»⁵. Наративна приро-

¹ Вейн П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. С. 11.

² Дискусія щодо застосування цієї дефініції для дослідження текстів, де автор присутній як дописувач і як суб'єкт опису, триває, обговорюються варіанти визначень: "selbst zeugnisse" («свідчення про себе» чи «авто документ»), "self-narrative" («розповідь про себе»), "personal narrative" («персональний наратив»). Див. детальніше: Greyerz von K. Ego-Documents: The last word? Germanhistory. L., 2010. Vol. 28. N 3. P. 273–282; Egodocument : веб-сайт. URL: www.egodocument.net.

³ Дефініцією англомовного походження (the travelogue) послуговуємося для позначення усіх текстів, об'єднаних темою подорожі та відтворення почуття або враження автора від певної місцевості. Див. : Guide to Genre and Generic Conventions: to accompany Voices in Speech and Writing. An Anthology Pearson Education Ltd. 2015. P. 28.

⁴ Колошук Н. Нефікційна література (документалістика) як маргінальне явище мультикультурного процесу сучасності: українська ситуація. *Питання літературознавства*. 2009. Вип. 78. С. 215–223.

⁵ Коцюбинська М. Книга споминів. Х.: Акта, 2006. С. 107.

да описів подорожей у щоденниках та епістолярії, традиційно заснована на трьох основних принципах – мандрувати, бачити, розповідати, надає нові можливості для вивчення соціокультурного досвіду людства.

За умов сталого зацікавлення тревелогоми у світовій науковій практиці, викликаного бажанням переосмислити світобудову після Другої світової війни, зокрема у так званих «постколоніальних студіях»¹, або прагненням дослідити власний національний спадок у контексті світового досвіду², в українській гуманітаристиці ця проблематика залишається на маргінесі досліджень, зокрема історичних, тим більше щодо реалізації нарративу подорожі в еґо-документах³. Дієвим засобом пошуків таких розвідок має стати публікація текстів особового походження у формі тревелогів, що походять з фамільних архівів. Усвідомлення цього спонукало нас під час роботи з особистими паперами фамільного архіву Ґалаґанів⁴, який репрезентує українську регіональну еліту в часових вимірах XVIII–XIX ст., виокремити зі значного комплексу еґо-документів, наявних у документах цієї родини, дорожні щоденники та епістолярій, створені кількома її представниками у закордонних мандрах за період тривалістю 25 років – з 1841 р. до 1866 р.

Рід Ґалаґанів як дворянський (від початку – старшинський) нараховував лише сім колін: заснований вихідцем з козацько-селянського стану Гнатом Івановичем Ґалаґаном (?–1748) на початку XVIII ст., він обірвався смертю його нащадка Павла Григоровича Ґалаґана (1853–1869)⁵, але не загубився у вирі історії.

Авторами основного комплексу документів, що публікується, є особи з п'ятого, шостого та сьомого колін роду Ґалаґанів: Катерина Василівна Ґалаґан (старша), уроджена графиня Ґудович (1785–1868), котра після передчасної смерті чоловіка, Павла Григоровича Ґалаґана (1793–1834), залишилася фактичною главою родини, Григорій Павло-

¹ The Cambridge Companion to Travel Writing /Ed. P. Hulme, T.Youngs. Cambridge, 2002. 343p.; Salzani C., Tötösy de Zepetnek St. Bibliography for Work in Travel Studies. CLCWeb: Comparative Literature and Culture. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/clcweblibrary/travelstudiesbibliography/>.

² Русский тревелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.; Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.

³ Грищенко К. С. Закордонні мандрівки як складова дворянської культури першої половини XIX ст. (на матеріалах родини Герсеванових). *Наддніпряньська Україна: історичні процеси, події, постаті*. Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2013. Вип. 11. С. 37–43; Кандюк-Лебідь С. Використання структурних елементів щоденника у подорожніх записках Василя Тимківського. *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського*. 2017. Вип. 4–19. С. 125–128.

⁴ Першим результатом цієї роботи стало видання: «Я маю намір з моїх листів до тебе зробити свій журнал...»: листи Григорія Ґалаґана до дружини / упоряд.: М. Будзар, Є. Ковальов; за ред. І. Колесник. К., 2017. 136 с.

⁵ Номінально існування роду продовжилось наслідуванням за жіночою лінією: К. М. Ламздорф, чоловік К. П. Ламздорф (у дівоцтві – Комаровської), небоги Г. П. Ґалаґана, 1894 р. отримав право називатися графом Ламздорф-Ґалаґан.

вич Галаган (1819–1888), на 1841 р., дату перших з оприлюднених документів, – єдиний спадкоємець чоловічої статі, його дружина Катерина Василівна (молодша), уроджена Кочубей (1826–1897), яка супроводжувала чоловіка у подорожах 1850–1851 та 1866 рр., їхній син Павло Галаган, чії дорожні нотатки 1866 р. завершують публікацію. Діючими особами цих дорожніх наративів (зокрема, завдяки припискам до листів інших осіб) є Марія Павлівна Комаровська, уроджена Галаган (1822–1876), та її чоловік Павло Євграфович Комаровський (1812–1872). До сімейних тревелогів додано листи наставника Г. Галагана Федора Васильовича Чижова (1811–1877), ад'юнкт-професора Петербурзького університету, пізніше – суспільного діяча та підприємця, котрий зберіг теплі стосунки з усією родиною на довгі роки. Ці листи Ф. Чижов адресував матері та сину Галаганам, будучи, в окремі моменти, учасником їхньої першої закордонної подорожі.

Щоденники та епістолярій, що відтворюють мандрівки сімейства Галаганів країнами Центральної та Західної Європи, перебувають в архівосховищах двох установ – Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського, фонди І (Літературні матеріали)¹, ІІІ (Листи)², 119 (Родовий фонд)³, та Центрального державного історичного архіву України, м. Київ, фонд 1475 «Галагани – поміщики»⁴.

¹ Галаган Г. П. Журнал. 1839–1841 // Ф. І. Оп. 1. Спр. 94. Арк. 107зв. – 131 зв.; Галаган П. Г. Зшиток записів щоденника-подорожі по закордонним країнам 1866 року // ІР НБУВ. Ф. І. Оп. 1. Спр. 98, 98а. 21 арк.: 42 арк. Галаган Г. Нариси з лісного господарства // Ф. І. Оп. 1. Спр. 6865. 4 арк.; Галаган Г. Опис подорожі Німеччиною, Бельгією, Англією та Францією у 1850 р. // Ф. І. Оп. 1. Спр. 6871. 25 арк.; Галаган Г. П. Служба в Кракові. 1866 // Ф. І. Оп. 1. Спр. 6874. 2 арк.; Галаган Г. П. Дорожні враження про Галичину. 1866 // Ф. І. Оп. 1. Спр. 6875. 1 арк.; У ІР НБУВ зберігаються також щоденники представника третього покоління родини – Івана Григоровича Галагана (1739–1789). Написані ним під час мандрівок Європою 1781 та 1885/1786 рр., вони, унаочнюючи накопичення козацькою старшиною досвіду «Гранд-туру», репрезентують сімейну традицію, яку наслідували нащадки: Журнал дорожній 1786 р. Париж [Мюнхен, Відень, Краків, Київ] // Ф. І. Оп. 1. Спр. 3421. 98 арк.; Нотатки повсякденні // Ф. І. Оп. 1. Спр. 1943. 90 арк.

² Галаган К. В. – сину, Г. П. Галагану // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 736–728; Чижов Ф. – Галагану Г. // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 382–410; Галаган Г. П. – матері, К. В. Галаган // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 1437, 10712–10721; Галаган К. В. – сину, Г. П. Галагану // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 736–728; Чижов Ф. – Галагану Г. // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 382–410; Галаган Г. П. – дружині, К. В. Галаган // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 46 159, 46 162–46174; Галаган Г. П. – сину, П. Г. Галагану // Ф. ІІІ. Оп. 1. Спр. 46 536. 2 арк.; Спр. 46 537. 2 арк.

³ Галаган К. В. Щоденникові записи під час поїздки з Сокиринців до Європи. 1841 р. Ф. 119. Оп. 1. Спр. 23. 47 арк.

⁴ Листи Г. П. Галагану від матері Катерини Василівни про її життя за кордоном і господарські справи. 1822–1861 // ЦДАІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. 177 арк.; Листи К. В. Галаган від сина Григорія Павловича Галагана про його життя за кордоном. 1841–1962 // ЦДАІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. 59 арк.; Листи К. В. Галаган від Ф. Чижова про лікування за кордоном її сина Григорія, петербурзьких новинах і господарчих справах. 1841–1877 // ЦДАІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. 96 арк.; Листи Г. П. Галагана до дядечка Кочубея з проханням усунути його з камер-юнкерів, про будівництво церкви у Кунашівці (Борзна), опис архітектури. 1853–1865. 127 арк. // ЦДАІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 992.132 арк.; Щоденник К. В. Галаган про її життя за кордоном // ЦДАІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 711. 21 арк.

Документи, присвячені мандрівкам Галаганів першої половини XIX ст., не систематизовані, розпорошені: текст у двох фрагментах або епістолярій, розділений на частини, перебувають у різних архівосховищах, щоденник зшитий з порушенням хронології оповіді, дорожнє листування однієї особи міститься у багатосторінковій справі, поряд з листами іншого змісту і датування, так що окремі аркуші його розпорошені в одиниці архівної збірки. Прагнення упорядкувати такі джерела за змістом нарративу, авторством, хронологією стало ще одним аргументом для роботи з ними.

Зауважимо також, що цей комплекс документів майже не введений до наукового обігу. Маємо деякі згадки про окремі тексти (як-от, О. М. Лазаревський у передмові до публікації уривків з «Журналу» Г. Галагана 1836–1841 рр. відзначив наявність у ньому подорожніх нотаток),¹ спомини в історико-мистецтвознавчих² і гоголезнавчих³ публікаціях радянської доби, використання у розвідках українських музейників, присвячених формуванню художньої колекції Галаганів і атрибуції окремих полотен,⁴ розгляд з метою аналізу мережі комунікацій в інтелектуальному оточенні М. В. Гоголя в Римі.⁵

Попри безумовну значущість щоденників та епістолярних джерел з архіву Галаганів у формі тревелогів як унікальних свідоцтв соціокультурних практик українського дворянства другої чверті XIX ст., ще не було спроби осмислити їх як цілісний нарративний комплекс і об'єднати у форму документальної монографії, що є доречним з кількох причин.

По-перше, ці тексти пов'язані авторством споріднених між собою осіб і темою подорожі як спільної для них дії, тобто нарративністю досвіду, потребою, за висловом П. Рікера, розповісти про нього.⁶ Сюжетною основою оповіді стали реальні події з сімейної біографії Галаганів, начоно вписані в контекст європейської історії. Кожна з подорожей відбувалася у переламні моменти життєвого шляху оповідача-мандрівника на значущому історико-політичному тлі. Першу поїздку 1841–1843 рр.

¹ Материалы для биографии Г. П. Галагана: отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана, 1836–1841. *Киевская старина*. 1898. Т. 62. № 7–9. С.189.

² Попова Л. И. Русская колония в Риме в письмах И. С. Шаповаленко. *Панорама искусств* 9. М.: Искусство, 1986. С. 99–101.

³ Гусева Е. Н. Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*: ежегодник. 1984. Л.: Наука, 1986. С. 64–69.

⁴ Гаврилова С. Художник і меценат. До атрибуції портрета Г. П. Галагана з колекції ЧХМ. *Родовід*. 1995. Ч. 12. С. 48–54; Курач С. М. До питання історичної реконструкції колекції Галаганів. *Сіверянський літопис*. 2011. № 2. С. 45–51.

⁵ Колесник І. Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. К., 2009. С. 441–456.

⁶ «Оскільки ми перебуваємо у світі та реагуємо на певні ситуації, ми прагнемо орієнтуватися в них за допомогою розуміння, і нам є що сказати, є власний досвід, який потрібно передати у мові та розділити з іншими»: Рікер П. *Время и рассказ*. Т. 1. М. СПб, 2000. С. 30.

до країн Європи, охоплених передчуттям нової хвилі державно-політичних і суспільних змін, Катерина Галаган (ст.), котра за 6 років до того овдовіла, здійснила у супроводі молодого подружжя Комаровських (побралися восени 1840 р., Марія чекала на дитину), Григорій Галаган цією подорожжю завершував етап свого навчання (після закінчення у 1840 р. Петербурзького університету). Друга мандрівка 1850–1851 рр. мала стати для Григорія Галагана весільною – влітку 1847 р. він побрався із представницею однієї з гілок роду Кочубеїв Катериною Василівною Кочубей (Катериною молодшою), але подорож відклали через революційні події 1848–1849 рр. в Європі. Ще одним приводом для поїздки була потреба лікування водами та морськими ваннами, передусім для К. Галаган (мол.), – пара прагнула мати дітей. Мандрівки 1860–1861 років (К. Галаган (ст.) супроводжувала свою доньку М. Комаровську та її родину, влітку 1861 р. до них ненадовго приєднався Г. Галаган) і 1866 року (Григорій і Катерина Галагани вперше подорожували з сином, 13 річним Павлом) відбулися в атмосфері реформ і активізації національно-визвольних рухів – процесу емансипації селянства в Російській імперії, австро-пруської та австро-італійської військових кампаній 1866 р.

По-друге, щоденники та листування як жанри документальної прози споріднені засобом змалювання дійсності: їм властиві сюжетна незавершеність, занурення у реальне. В епістолярії «історія завжди відкрита, [...] лист дозволяє великі та дрібні теми, оскільки значущість теми визначається діалогом між кореспондентом і адресатом».¹ Водночас щоденник «не здатний відрізнити важливе від байдужого, [...] події у щоденнику позбавлені “правильної перспективи”, знаходячи перспективу свого часу та авторської забаганки...».² Ці ознаки наближають такі джерела особового походження до літератури, яка, у межах постмодерного філологічного дискурсу, «відкрита всьому ймовірному, множинному, амбівалентному або навіть такому, що принципово не має завершення...».³ Об'єднання щоденникових записів і епістолярію робить оповідь більш структурованою, так що один жанр «перетікає» в інший, лист перетворюється на довершений дорожній нарис.⁴

Нарешті, маємо справу з текстами, створеними особами, різними за віком та статтю, котрі, до того ж, дорослішають або старішають. Це надає можливість побачити нерідко одну подію, відтворену й у жіночому, й у чоловічому стилях письма, прослідкувати, як змінюється оповідач з

¹ Тесля А. А. Документальная проза: проблема и история жанров. *Ученые заметки ТОГУ*. 2013. Т. 3, № 1. С. 5. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU_3_02.pdf.

² Там само. С. 6.

³ Грезийон А. Что такое генетическая критика? *Генетическая критика во Франции: антология*; отв. ред. А. Д. Михайлов. М.: ОГИ, 1999. С. 32.

⁴ Різницю між листом і «журналом» розумів Г. Галаган, коли у листі до матері з Венеції восени 1842 р. зауважив: «...зовсім забув, що пишу лист, а не журнал».

роками, як поступово еволюціонує його ставлення до країн і місцин, де побував колись. Маємо множинність поглядів у поліфонічній розповіді, коли те саме явище репрезентоване у трактуванні кількох осіб.

Об'єднання тревелогів Галаганів визначено хронотопом цих текстів, в основі його – ідея руху, тому що розповідь про подорож – динамічна структура, кожен з її складників має власний просторово-часовий ракурс.¹ Часопростору тревелогів Галаганів, як і будь-яких «текстів путі», притаманні гетерогенність (оповідач опиняється у різних просторах, що різняться організацією) та бінарність – поєднання реального та символічного сенсу відтворюваного.

Передусім, тексти щоденників і листів відтворюють реальні шляхи, якими Галагани діставалися Західної Європи та поверталися додому.

Перша закордонна мандрівка Галаганів припала на 1841–1843 рр. Г. Галаган вирушив з Сокиринців у супроводі свого наставника Ф. Чижова на початку червня 1841 р., незабаром у подорож відправилися його мати, сестра та зять. Шлях до російсько-австрійського кордону пролягав через Київ і Волинь, далі в австрійські володіння – Галичину, Моравію та Богемію. Понад місяць Григорій був на курортах Західної Богемії – у Марієнбаді, Карлсбаді, Францісбаді, а потім приєднався до родичів у баварському курортному містечку Кісінген. Звідти разом з матір'ю і наставником він вирушив до Франкфурта і далі у Прирейнські землі. У Гейдельберзі, куди приїхали Комаровські, родичі простилися – Катерина Василівна з донькою і зятем поїхала через Західну Швейцарію і Південну Францію зимувати до Ніцци, де народився її онук – Євграф (Граня) Комаровський, Григорій мандрував півднем Німеччини, згодом приєднався до родини в Ніцці, куди завітав і Ф. Чижов.

На початку 1842 р. Г. Галаган і Ф. Чижов вирушили до Італії. Вони побували у Генуї та Неаполі, а навесні приїхали до Рима, де зустрілися з Катериною Василівною і Комаровськими. Усі разом рушили до Неаполя. Звідти К. Галаган (ст.) і Комаровські з сином попрямували до Марселя, потім знову відвідали богемські курорти і на початку осені повернулися додому. Григорій влітку 1842 р. їздив Німеччиною і Бельгією, кінець літа та початок осені мешкав в Остенде, а зиму 1842–1843 рр. провів в Італії, живучі певний час у Флоренції та Римі. Наприкінці весни 1843 р. він поїхав додому.

Під час подорожі 1850–1851 рр. Григорій та Катерина Галагани лікувалися на курортах Західної Німеччини, потім побували в Остенде, звідти з'їздили до Великої Британії, відвідали Париж, кінець осені та початок зими провели у Ніцці, пізніше здійснили мандрівку Італією, завітавши у березні до Риму. В липні 1851 р. подружжя вже мешкало у Сокиринцях.

¹ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Тревелог как документальный жанр. *Русский тревелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы*. Новосибирск, 2016. С. 240.

Влітку 1860 р. Катерина Василівна (ст.) з родиною Комаровських виїхала до Кісінгена. З Німеччини вони перебралися до Франції та мешкали у курортному місті Дьєпп, більшу частину осені перебували у Парижі, а зимували у британському приморському містечку Торкі. Звідти вони 1861 р. повернулися до Німеччини, де з ними влітку бачився Григорій Павлович, котрий, вирушивши на початку липня з Сокиринців, у цій двомісячній подорожі, окрім Німеччини, відвідав Бельгію та Велику Британію.

У 1866 р. Григорій Павлович їздив на Захід з дружиною та сином-підлітком (подорож мала не лише рекреаційно-оздоровчу, але й освітньо-пізнавальну мету). Через Австрію, Баварію та Швейцарію вони дісталися Франції, відвідали курортні міста Віші та Біарріц, а також побачили Париж.

Реальні маршрути їхніх мандрів у свідомості Галаганів (як у авторів всіх тревелогів) слугують підґрунтям для створення символічних образів, коли географічна мапа мандрівки (теж досить умовна) перетворюється на ментальну мапу особистісних уявлень, де дійсні кордони, що позначають реально-територіальні межі, стають основою для трансформації «зовнішнього» у «внутрішнє», «чужого» у «своє».¹ Як-от, одним зі сталих лейтмотивів розповіді про побачене у країнах Європи для К. Галаган (ст.) є роздуми з щоденника 1841 р.: «Можна сказати, що все тут дається значною працею, і все доведено до досконалості ...». У листах до сина 1860 р. вона підсумовує: «Я, дивлячись, думаю, чи буде у нас колись освіченість така, щоб кожен виконував свій обов'язок...». Із поєднання описів тих місцин, де побували, та вражень від них створюється ментальний простір тревелогів. Приміром, у листах Ф. Чижова Г. Галагану Венецію початку 1840-х рр., «під диявольським гнітом підлої сучасної влади»,² зіставлено з її образом доби республіки шляхом інтерпретування творів мистецтва, які наповнюють місто. У такий спосіб відбувається, за Ф. Дж. Долуган, концептуальне або метафоричне розширення простору, що живиться переосмисленням творів мистецтва і символічним описом місцин та їхніх мешканців.³ Рушієм цієї метафоризації є сила індивідуального бачення, коли образи інших країн співпрацюють з уявленнями про батьківщину: «На ланах, у хуторі, – писав Г. Галаган матері в серпні 1842 р., – будемо згадувати про Німеччину, в саду – про Італію, особливо під нашими помаранчами...». Прикмети осібних теренів, що їх мандрівники залишили і куди вони прагнуть повернутися, недвозначно названі – це дідичний маєток у Сокиринцях: «купол з прапором, просіка, біла церква та вітряки, що шлють вітання». І хоча на

¹ Лотман Ю. М. Понятие границы // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2010. С. 262, 265.

² На той час Венеція входила до складу Австрійської імперії.

³ Doloughan F. J. Narratives of Travel and the Travelling Concept of Narrative: Genre Blending and the Art of Transformation. *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. 2006. Vol. 1. P. 140.

ментальних мапах подорожей Галаганів як маркери «свого простору» наявні Київ, Москва, Петербург, але значення «сакрального пункту повернення» неодмінно зберігається за обширом Лівобережної України, ментальним кордоном якої є реальний географічний орієнтир – Дніпро: «Яка радість буде, коли побачу Радзивілів, потім, нарешті, – рідний Київ, а там через Дніпро зеленітиме мила Україна». Тобто, віддаляючись географічно від батьківщини, ментально автори тревелогів наближаються до неї.

Перебування подорожуючих у певному географічному обширі передбачає комунікацію у просторі соціальному, тому що ситуація путі зазвичай не виключає їх з соціуму. Тексти тревелогів унаочнюють підстави формування мережі соціокультурних комунікацій, у межах якої перебували Галагани під час подорожі, доводячи слушність умовиводів П. Бурдьє щодо принципу виокремлення людських спільнот, коли «люди, близькі у соціальному просторі, намагаються стати близькими – за вибором або примусово – у географічному просторі».¹ Якщо спиратися на думку, що об'єднання людей у співтовариства обумовлюється повсякчасною зміною мікроситуацій,² дійдемо висновку, що за кордоном діяв той самий механізм утворення Галаганами комунікативних груп, що й вдома, – за принципами спорідненості, соціальної близькості та культурно-духовної відповідності (щодо першого та другого, то для Галаганів, котрі, завдяки шлюбним стратегіям, до яких вдавалися їхні предки і вони самі, мали сталі родинні зв'язки у колі імперської знаті, – з Розумовськими, Гудовичами, Кочубеями, Милорадовичами, Скоропадськими тощо, це, власне, було те саме).

Значущим середовищем, де відновлювалися колишні та виникали нові знайомства Галаганів з представниками європейської, у першу чергу російської, аристократії, було, безумовно, «водяне товариство» бальнеологічних курортів Карлсбад, Марієнбад, Кіссінген, Баден-Баден, Остенде, Торки, Ніцца, Виши, Біарріц. Особливо актуальним налагоджування зв'язків в аристократичному колі під час поїздки 1841–1843 рр. було для Григорія Галагана – як частина програми «виховання дворянина», підґрунтя його майбутнього.³ І мати Григорія, і його наставник були переконані, що «Гриші необхідно вийти і бути у найліпшому товаристві, особливо товаристві дам», як писав Ф. Чижов К. Галаган (ст.) в липні 1843 р., повідомляючи її про те, що в Марієнбаді, за порадою графа О. П. Коновніцина, вони винайняли квартиру в кварталі, де мешкала російська знать, завдяки чому Григорія представили цій спільноті, зокрема великосвітським дамам М. О. Щербатовій та Є. О. Паскевич (це підтверджує роль жіночого фактору у життєдіяльності аристократії).

¹ Бурдьє П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 69.

² Колесник І. Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. С. 67.

³ Для порівняння: юний аристократ Й. Вільгорський, котрий супроводжував спадкоємця престолу, майбутнього Олександра II, у його закордонній подорожі 1838–1839 рр., писав у щоденнику перед поїздкою: «від цієї подорожі [великий] кн[язь], 1) зробить собі репутацію, 2) обере дружину, 3) зможе багатому чому навчитися та багато про що змінити ідеї»: Вильгорский И. М. Дневник. Письма. *Наше наследие*. 1998. № 46. С. 53.

Атмосфера європейських курортів, відтворена у тревелогах Галаганів, свідчить про космополітизм соціальної мережи європейських еліт. Центрами комунікації знаті курорти залишалися протягом усього XIX ст. Приміром, перебуваючи влітку 1861 р. у Баден-Бадені, Г. Галаган зауважив, що на цьому курорті «тисячі людей елегантних, шляхетних, модних, усіх можливих європейських націй», назвавши його «дачею всієї Європи».

Значну частку комунікативного простору Галаганів під час їхніх подорожей становило спілкування з родичами, особами з числа регіональної еліти – лівобережного панства, з вищими сановниками, походженням або службою пов'язаними з цим регіоном, – дядечком Петром Григоровичем та його дружиною Софією Олександрівною (восени 1841 – навесні 1843 рр.), Кочубеями, Рєпніними, Васильчиковими, Трубецькими, Капністами, Магденками тощо. Інтенсивність родинно-земляцького спілкування у «чужому» соціокультурному просторі не лише засвідчує сталість станових зв'язків лівобережного панства, але й демонструє, що курортні місцини та великі міста Європи були у XIX ст. для цих людей на кшталт віталень їхніх особняків, де завжди можна побачити рідних або знайомих.

Створення локальних співтовариств, часто ситуативних, під час мандрівок Галаганів обумовлювалося вагомістю культурних зв'язків у соціальному житті еліти, що в умовах подорожування оберталось потребою знайомства з людьми мистецтва, котрі за доби романтизму мали особливий суспільний статус (на цей час припала перша подорож, недаремно найважливіші знайомства з мистцями сталися тоді). Велике враження справило на Катерину Галаган (ст.) перебування на початку серпня 1841 р. у художньому середовищі Дрездена та спілкування з маляром К. К. Фогелем фон Фогельштейном, музикантами К. Г. Райсігером, А. А. Кленгелем, К. Ю. Ліпінським. Привертає увагу те, що це мистецьке коло було близьким К. Галаган (ст.) не лише за віком та художніми уподобаннями (окрім, можливо, К. Ліпінського, мистці представляли німецьку класичну школу в музиці), але й шанобливим ставленням до культурних традицій Російської імперії, що, врешті-решт, мали європейські засади. З К. Ліпінським авторку щоденника зблизило ще й зацікавлення українським пісенним фольклором¹ (цей скрипаль-віртуоз також був наставником Артема Наруги – талановитого кріпака-скрипаля оркестру в маєтку Дігтярі – одному з володінь Галаганів).

Значущими епізодами історії подорожей 23 річного Г. Галагана стало його знайомство навесні 1842 р. з представниками російської художньої

¹ Пізніше в біографічному нарисі Г. Галаган зауважив, що його мати «багато знала малоросійських пісень і високо цінувала народну поезію»: [Галаган Г. П.] Род Галаганов. 25-летие Коллегии Павла Галагана в Киеве / под ред. А. И. Степовича. К. : Тип. И. И. Чоколова, 1896. С. 20.

колонії в Римі, «душею» якої був О. А. Іванов,¹ і зустріч та спілкування з М. В. Гоголем у невеличкому інтелектуальному гуртку у складі, крім названих осіб, Ф. Чижова та поета М. М. Язикова, наприкінці 1842 – на початку 1843 рр. у Римі. Таке розширення мережі соціокультурних комунікацій українського панича мало вагомні наслідки для формування його особистості: Г. Галаган опинився у вирі найновіших течій літератури та мистецтва того часу,² сформувався його ставлення до М. Гоголя як до одного з духовних лідерів,³ він виступив у ролі мецената, яка відповідала і його соціальному статусу та особистим уподобанням, взявши участь у долі художника І. Шаповаленка, колишнього кріпака, мріяв про те, що у майбутньому той зможе «обезсмертити подвиги нашої славної Гетьманщини».

Хоча у більшості випадків ті міні-групи, в яких опинялися Галагани під час мандрів, складалися або з підданих Російської імперії, або з іноземців, чия доля була пов'язана з нею, вони спілкувалися й з особами, які не мали сталого інтересу до Росії. Утворенню таких зв'язків сприяли обставини подорожі. Нові знайомства, що виникали дорогою, нерідко мали продовження. Пріоритетними, передусім для Катерини Галаган (ст.), були зустрічі з особами її соціальної групи, Григорій же частіше запізнавався з однолітками, з тими, хто був для нього цікавим. Зокрема, у Кісінгені К. Галаган познайомилася з сім'єю представників роду Рантцау-Брайтенбург з Гольштейну, а пізніше, у Гейдельберзі, Григорій відреккомендувався їхньому синові, правнику та громадському діячу Куно цу Рантцау-Брайтенбургу. Сам же Г. Галаган, подорожуючи

¹ У долі художника О. Іванова неабияку участь (не без впливу Ф. Чижова) взяла К. Галаган (ст.), котра запропонувала йому поїхати разом до Неаполя на відпочинок та лікування, порекомендувала його лікарю-офтальмологу. Водночас О. Іванов став одним з ініціаторів знайомства Г. Галагана з М. Гоголем. У листі К. Галаган у вересні 1842 р. митець писав: «Бажання Ваше та засоби, яких було знайдено для того, щоб допомогти моему зорові, назавжди залишаться неопоряденими. Поспішаю повідомити Вам про його поліпшення [...] Григорій Павлович знову порадив нас приїздом своїм до Риму [...] Я докладаю усіх зусиль, щоб познайомити його з Миколою Васильовичем Гоголем. Якщо вдасться, це буде для нього важливе придбання...»: ЦДІАК, Ф. 1475, Оп. 1. Спр. 588. Арк. 1 зв.).

² Г. Галаган безпосередньо спілкувався з М. Гоголем тоді, коли М. Рігельман, його двоюрідний брат, у січні 1843 р. писав до Риму про резонанс, викликаний у Москві новим твором письменника: «Одне явище чудове, що викликало надмірні похвали та надмірний осуд, [...] – «Мертві душі» Гоголя. Шкода, якщо ти ще не читав...»: ІР НБУВ, Ф. III. Оп. 1. Спр. 785-А. Арк. 1 зв.

³ У березні 1847 р. Ф. Чижов зажадав передати М. Гоголю судження Г. Галагана щодо суспільного резонансу його творів: «Гоголь справив тут неабиякий рух. Усюди розмовляють про нього. Усі читачі за нього, усі літератори проти нього до жорстокості...»: Шенрок В. І. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах. *Русская старина*. 1889. Т. LXIII. № 8. С. 369. Особисті враження від зустрічі з М. В. Гоголем у Римі та ставлення до його особи Г. Галаган відтворив пізніше у коротких спогадах (перший друк: Гусева Е. Н. Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе) і в начерку «Друзям», написаному на смерть письменника (перший друк: Ежегодник Коллегии Павла Галагана / под ред. А. И. Степовича. К., 1906, С. 69–71).

разом з Ф. Чижовим Рейном, заприятелював із ровесником – німецьким скульптором Йоганом Петцом. Деякі з таких зустрічей мали для Галаганів довгу історію: спізнавшись влітку 1841 р. у Кіссінгені з родиною Колдвелл, вони зберегли це знайомство надовго, так само, як з лікарем Г. К. Вельшем, чіми пацієнтами знову стали у 1860 р.

У дорожніх текстах Галаганів, передусім у епістолярії, незримо присутній ще один важливий елемент їхніх соціальних комунікацій – селянський світ батьківщини. Він у цій мережі постає як дійова особа господарювання у панському маєтку, як суб'єкт міжособистісних стосунків (селяни/пани) та суспільних відношень (селяни/поміщики/держава), як носій культурної традиції. Для Галаганів основою комунікації з селянством стали патерналістські стосунки, у більш традиційній формі – для Катерини Галаган (ст.), у модернізованій – для її сина. Одним з найважливіших для Григорія Галагана, як засвідчує дорожній епістолярій за 20 років, було питання звільнення селян та взаємодія з ними в оновлених умовах господарювання: якщо в листі до матері 1842 р. він сподівався на те, що внаслідок «нового указу імператора» (від 2 квітня (ст. ст.) 1842 р. про зобов'язаних селян), вони «зможуть разом працювати для зміцнення їхнього щастя», то у листуванні з дружиною влітку 1861 р. обговорював реальну ситуацію проведення реформи, коли селяни не полишали надії на те, що «вся земля буде наша». Водночас в його листах відтворено простір сільського повсякдення, і не лише у зацікавленні станом врожаю, погодними умовами, але й у піклуванні про медичне обслуговування селян («Не тільки-но потрібний гарний лікар, але і необхідна лікарня для кожного маєтку»), про стан їхнього господарства тощо. Селянство постає значущим складником соціокультурної мережі у листах К. Галаган (ст.) до сина 1860–1861 рр., за якими відтворюється увесь спектр турбот пані, вихованої за часів апогею кріпосницької системи господарювання та примушеної усвідомити незворотність реформ, за умови, що її власний син був помітним актором того дійства. Головне кредо сієї поміщиці «старого загартування» за доби соціально-економічних змін: «Заради Бога, не хутуй нічим». Зернові, травосіяння, худоба та овечі стада, стан сільських доріг, озеленення земельних угідь, винокурні, пожежі у селах та потреба ліквідації їхніх наслідків, поведінка та моральність дворових, діяльність управляючих маєтками – з такого калейдоскопу деталей складається образ поміщицько-селянського світу, часткою якого К. Галаган (як й її син, і Комаровські) залишалася у мандрах.

Тревелогі Галаганів презентують різноманітні дискурси, – історичний, політичний, географічний, економічний, етнонаціональний, лінгвістичний, що притаманне текстам про подорожі, де є традиційними такі теми, як «політичний лад, включно з формами правління, елітою, війнами та визвольними рухами, національний устрій, економічна діяльність,

включно з (коли це доречно) містами та торгівлею, релігія, зокрема, більш специфічні її аспекти (ритуали, свята, храми, релігійні еліти), [...] традиції харчування та гігієни, письмові та усні висловлювання, література та наука»¹ тощо.

Образи країн, відвідуваних Галаґанами, змальовано у тревелогах в історичній перспективі. Під час мандрівки початку 1840-х рр. Галаґани подорожували «клаптевою Європою», тоді як у 1860-х р. вони стали свідками появи на її мапі нових національних держав.

Проблема соціально-політичного устрою в європейських країнах оцінювалася Галаґанами передусім через реакцію суспільства на дії правителя. 22-річний Г. Галаґан пояснював неприязнь баварців до їхнього короля Людвіга I: «В Баварії конституція, але народ зовсім не відчуває її. Король керує всім, а всі інші лише дивляться та мовчать». У записках осені 1850 р. він тлумачив політичні зрушення в Німеччині складністю узгодити інтереси соціальні та національні, коли виснував, що головне питання для німців – «єдність Німеччини, чого вони марно намагаються досягти, тому що протиріччя в них самих, так само, як і в ідеях рівності та братерства». Думки, висловлені К. Галаґан (ст.) щодо політичної ситуації в Європі, цінні ситуативністю, конкретністю вражень. «Народ, як можна побачити, незадоволений нічим, розділений на партії, багато хто – за Бурбонів», – цей висновок щодо настроїв французів вона зробила восени 1841 р., за сім років до того, як король Луї-Філіп, з Орлеанської гілки Бурбонів, втратив владу внаслідок Лютневої революції 1848 р.

Щоденникові записи зафіксували, що подорожуючі звертали увагу на ті явища суспільного життя, яких їм бракувало у власних громадських практиках. Зокрема, К. Галаґан нерідко зазначала, що в Німеччині під час народних свят зовні неможливо виокремити соціальні групи: «усі здаються рівними, народу дуже багато, але селян від вищого кола неможливо розрізнити у натовпі, усі однаково одягнені». Г. Галаґана на початку 1840-х рр. дуже цікавило питання самоорганізації громади, він зазначав наявність у кожному з відвідуваних міст ратуші («думи», як її називав) і переказав розмову з власником готелю у Францісбаді, котрого на святі побачив в однострої національної гвардії: «Це щось для мене абсолютно нове. Хоча в Австрії національна гвардія лише у строях, але все ж вона є народний голос, рука народу...».

Важливим складником подорожей Галаґанів було знайомство з європейськими економічними реаліями: від користування різними грошовими одиницями при перетині численних кордонів до усвідомлення відмін між соціально-економічним ладом країн Західної Європи та Російській імперії, а коли йшлося про землекористування та, ширше, сільську економіку, то й України лівого берега Дніпра. Найуважнішою до сільського

¹ Purbies J. P. Travel writing and ethnography. *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Cambridge, 2002. P. 251.

господарства, передусім у Німеччині, Бельгії, Англії (обробка ланів, форми рала та способи оранки, нагляд за худобою, опікування лісами, вигляд сільських обійсть тощо), є К. Галаган (ст.). Вона була досить спостережливою, порівнюючи форми торгівлі в Російській імперії та Франції («По-заздриш багатству не одного міста, а держави, все це національне, усі крамарі – французи, окрім кількох крамарів англійців, але усе це залишається у Франції, всі отримувані гроші...»), а також звернувши увагу на те, в який спосіб земля стала одним з найвигідніших джерел прибутку в Англії. К. Галаган (ст.) усвідомлювала контраст інтенсивності/екстенсивності сільського господарства в окремих країнах Європи та в Російській імперії, зокрема в Україні: «З такою малою кількістю землі народ живе добре, утримує скот чудово і чудовий». З нею солідаризувався син, коли у вересні 1842 р., провівши кілька днів в сільськогосподарській академії в Гогенгеймі, писав матері: «...я бачив, приміром, шість моргенів (або 2 десятини), засіяні однією рослиною, схожою на ріпу, з якої роблять олію, й у такий спосіб один морген приносить 200 гульденів доходу». Але Григорія Галагана ще у перших відвідинах Європи вразив промисловий світ її теренів, передусім Бельгії, де «серед садів трапляються дуже часто фабрики, де парові машини з шумом говорять про діяльність».

Один з основних принципів тревелога як культурного феномену – позиціонування «чужого» та «свого» – реалізувався, окрім іншого, у текстах Г. Галагана через конфронтацію індустріальної цивілізації та аграрного світу: «Напевно, наше українське орало не зробить у повітрі такої переміни, як спричиняють труби фабрик і заводів...». Ця опозиція продовжилася у нарисі 1850 р., за формою близькому до історіософського есе, де, окрім іншого, Г. Галаган інтерпретував суспільне життя європейських спільнот, зокрема Німеччини, як взаємозв'язок між двома основними рухами – національним і соціально-класовим: «Через політичний стан всієї Європи та майже кожної її держави окремо почуття національностей так само лячно для володарів і урядів, як почуття свободи та рівності...». Одним з головних показником економічних і соціальних змін в Європі для Г. Галагана стало остаточне витіснення народних строїв синьою блузою робітника: «Мужик у своєму національному строї є споконвічний мешканець певної країни [...] блуза є вивіска робітника, вбраний в неї чоловік є все-світній робітник, істинний космополіт...».

Тобто бачимо, наскільки важливим для Галаганів під час подорожей стало зацікавлення народними строями. Це не лише елемент етнографізму, данини романтичній моді, уважній до будь-якого вияву народно-окремішнього, не тільки ознака тревелогу як форми оповіді, але – ширше – маркер відкриття національного. Реально-просторові межі етнічних земель Європи набули сенсу «культурних кордонів» у численних описах чоловічого та жіночого народного вбрання, особливо у щоденнику К. Галаган (ст.). Такі замальовки, репрезентовані чи то окремо, чи то

як образний елемент народних свят (у першу чергу релігійних), ярмарків, прогулянок за містом, доповнюючись розповідями про повсякденну поведінку, манеру спілкування, традиції та сьогодення європейців, склали значуще етнографічне підґрунтя цих дорожніх нарративів. Читаючи про те, як К. Галаган у щоденнику записала, що в Богемії «говірка надзвичайно дивна, обмаль німецьких слів, так що мешканці не розуміють німецької мови, – у них давня слов'янська говірка...», або як її син, їдучи польською Сілезією, зазначав: «Мова тут ще слов'янська, але одяг – німецький», або як він же, перебуваючи 1866 р. у Кракові, зауважив, що в місцевих селянах, можливо, через залишок народної самосвідомості, збереглися молодецтво і форс, усвідомлюємо, як поступово збагачувалися уявлення Галаганів про множинність європейських спільнот і водночас активізувалися механізми їхньої національної самоідентифікації. Цьому сприяла сама культурна дія подорожі, що зазвичай пробуджує рефлексії мандрівника з приводу власної національно-культурної ідентичності. Як-от, Й. Вільгорський, майже одноліток Григорія Галагана, писав влітку 1838 р. з Карлсбада сестрі: «Я набагато більше люблю свою вітчизну з того часу, як перебуваю вдалині від неї [...] Усі народи, німці, богемці, угорці особливо, намагаються зберегти свою національність. Ми одні стидаємося бути росіянами...».¹ Як варіант міжкультурного діалогу тлумачили подорож й респонденти Г. Галагана, зокрема його двоюрідний брат М. Рігельман.²

Для кожного з мандрівників процес усвідомлення власної культурної самобутності був індивідуалізованим. Для К. Галаган (ст.) він мав швидше практичне підґрунтя (зіставлення реалій господарювання, традицій повсякдення, облаштування життєвого простору – села, міста, громадські та приватні інтер'єри) та майже не виходив за межі особистісно-суб'єктивного. Приміром, оцінивши перебування у Парижі восени 1860 р. як безупинні пустощі та зазначивши, що й замолоду не прагнула до життя у неробстві, вона висувала: «Ніколи б не хотіла бути французенкою та належати цій нації».

Для Г. Галагана кожна з закордонних подорожей була етапом у становленні його національної свідомості. Він повсякчасно балансував у ситуації вибору між європейським досвідом, що його ладний був розцінювати як ворожий почуттю етнічної самобутності («Прощавай, Риме!.. Скоро в тобі залишаться одні будівлі, а римлян вже не буде, будуть європейці...»), та ідеєю слов'янської спільності. У цьому контексті цікаве позиціонуван-

¹ Вильгорский И. М. Дневник. Письма. С. 54.

² На початку 1843 р. у листі з Москви М. Рігельман запитував брата, що має обміняти за помаранчеві гаї, мармурові палаци, дивні статуї та полотно, – ікру, млинці, калачі? «Надіслати тобі, – продовжував він, – російського духу да молодецької російської пісні, [...] так занадто далеко – видихнеться та оніміє, [...] до того ж ти хохол, так може й не стане до принади кацапський дух...» (ІР НБУВ, Ф. III. Оп. 1. Спр. 785-А. Арк. 1).

ня Г. Галаганом особи чеського філолога та громадського діяча Вацлава Ганки, важливої постаті в історії слов'янофільства в Російській імперії. Цю ідеологію було витворено саме на межі 1830-х – 1840-х рр., майже тоді нею зацікавився Г. Галаган, чому, безумовно, сприяв Ф. Чижов.¹ Його знайомство з В. Ганкою сталося у Празі влітку 1841 р., але відклалося в щоденнику лише згадкою: «дуже багато треба говорити [...] про слов'янське і про Ганку», тоді як у 1850 р. зустріч з ним стала особисто важливою для Г. Галагана, зокрема на тлі розміркувань про «Захід, що вмирає».

У тревелогах позначилося тлумачення Г. Галаганом проблеми етнонаціональної єдності українців, змінюване протягом чверті сторіччя. В «Журналі» 1841 р. 22 річний автор хоча і зауважив, що до самого Лемберга зустрічав «все дуже близьке до рідного, нашого, [...] все малоросійське», але Львів назвав на німецький кшталт і якоїсь рефлексії щодо долі земель Галичини не виказав. Водночас пізніші тексти віддзеркалили увесь спектр світоглядних переконань зрілого Г. Галагана. Тут засвідчено як його впевненість в етнічній спільності українців Наддніпрянщини, Волині та Галичини, так і те, що він осягав зв'язок між пробудженням «у русинів усвідомлення своєї народності» та політичними подіями на теренах Європи, але водночас маркував польський національний рух як «торжество латинства та загибель слов'янства», австрійському ж урядові («німцям») закидав старання «віддати слов'ян на поталу одне одному». Втім, «образ чужого» є для Г. Галагана ситуативним, зокрема у Царстві Польському, де «поляки у себе вдома», він не відмовляв їм у праві на національну окремішність. Тобто у «наративі путі» межі України як етнокультурної цілісності конструювалися Г. Галаганом у співставленні з національними дискурсами, пропонованими країнами Європи та Росією.

Також зазначимо, що у тревелогах Галаганів подорож постає як культурна дія, в основі якої – вже апробовані матриці для споглядання, переживання та висловлювання. І якщо героя твору «Листи російського мандрівника» М. Карамзіна (ця книга, безумовно, – взірць для Галаганів початку 1840-х рр., як й для інших людей тієї доби, свідомих унікальності осібного досвіду) позиціонуємо як мандрівця з книгою в руках, котрий все навколо сприймає передусім як продукти культури,² то не менш

¹ «3 грудня починаються у мене читання, години по півтори [...] Тут будуть лише одні чисті, без домішки, росіяни, тобто, якщо бажаєш, слов'яни, жодне німецьке прізвище не буде присутнє...», – писав Ф. Чижов Г. Галагану, котрий вже повернувся додому, в листопаді 1843 р. з Риму (ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 13). Про це ж словіщав І. Шаповаленко Г. Галагана у жовтні 1844 р. «Минулу зиму пан Чижов запросив нас, усіх росіян, що мають російські прізвища, а не іноземні, та читав нам досить цікаву статтю про народ слов'янський, а саме про тих, хто досі перебуває під владою Німеччини» (Попова Л. І. Русская колония в Риме в письмах И. С. Шаповаленко. С. 109).

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987. С. 572.

слушною є думка про те, що в текстах про подорожі історія країн поставала закарбованою в літературі, науці, мистецтві.¹ Тревелоги Галаганів не є «сконструйованими мандрами», як твір М. Карамзіна, але й вони демонструють, як мандрівник сприймає минуле та сьогодення через призму чуттєвих вражень. Зокрема, події 1848 р. постали перед Г. Галаганом через два роки у постраждалих пам'ятках: «У Дрездені ще живі сліди недавніх переворотів: частина палацу у Цвінгері стоїть в руїнах, на Hôtel de Saxe видно безліч куль у стінах...».

Зміст тревелогів репрезентує спектр особистісних зацікавлень і естетичних смаків Галаганів, а також переваг, що вони надавали тим чи іншим об'єктам у подорожах різних років.

Тексти початку 1840-х рр. реалізують два основні дискурси цієї доби, що їх умовно назвемо «романтичний» та «античний». Міста на теренах Австрійської імперії, у землях Німеччини, кантонах Швейцарії вабили їх передусім середньовічним колоритом. Іноді К. Галаган (ст.) навіть споруди у формах бароко та рококо кваліфікувала як будівлі «нового стилю», а регулярне планування окремих міст її не вразило («Нам до вподоби старовинні будівлі вікові»). Мандрівники обов'язково звертали увагу на руїни замків, відвідували давні фортеці та резиденції, вдавалися до історико-міфологічних ремінісценцій, переказуючи зміст місцевих легенд. В Італії ж головним «трендом» їхніх зацікавлень були залишки давньоримського минулого цих земель та спадщина Ренесансу як переосмислення досвіду античності.

Відвідини Галаганами музейних зібрань у великих європейських містах (Дрезден, Мюнхен, Нюрнберг, Рим тощо) унаочнюють той факт, що перші десятиріччя ХІХ ст. сприяли оформленню громадського музею як культурного феномену, що призвело до розбудови нових музейних комплексів, зокрема в землях Німеччини.

Дорожні наративи 1850–1866 рр. зафіксували еволюцію поглядів Галаганів на навколишнє. Їх безумовно цікавили зміни, що відбулися в Європі за 10–15 років, – результати модернізації європейських міст, оновлення форм суспільного життя. Перебуваючи в Парижі наприкінці 1860 р., К. Галаган з захопленням описувала перебудову міського простору за правління Наполеона ІІІ, хоча й жалкувала за старовинними кварталами. У Лондоні в серпні 1861 р. Г. Галаган побував у Кришталевому палаці та писав дружині, що це «величезна забавка для розради людини, зайнятої матеріальною справою». 1866 р. у Парижі Галагани відвідали вже узвичасні туристичні об'єкти – Лувр, Пантеон, Собор Паризької Божої Матері тощо, але особливо цікавилися новинками доби Другої імперії. Під час відпочинку у Віші об'єктом споглядання для Павлуся став потяг, що «пройшов під мостом із жахливою швидкістю».

¹ Макогоненко Г. П. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М. : Правда, 1980. С. 5–32.

Досвід подорожування Галаганів, особливо початку 1840-х рр., засвідчує відкриття приватного споглядання природи, що було важливим складником естетики європейського романтизму. Це сприяло виникненню ландшафтного принципу огляду пам'яток і краєвидів (з місцини, звідки вид був найкращим), об'єктами замилювання стали явища природи, зокрема, водоспади.

Особливе зацікавлення під час подорожей викликало у Галаганів садово-паркове мистецтво Європи. Опікуючись парками у своїх маєтках, передусім сокиринським садом («...Не пишайся, HydePark, перед Сокиринцями», – жартував Г. Галаган у листі до дружини з Лондону влітку 1861 р.), вони прагнули не лише оглядати відомі парки, але й наслідувати досвід піклування за ними, що підтверджується текстами різних років.

Надзвичайно багатою є мистецька проблематика наративів Галаганів (малярство та архітектура, театр – драматичний, музичний, балетний, творчість музикантів-віртуозів). Але у першу чергу цей дискурс цікавий можливістю споглядати, як художні уподобання людини ставали складником її світогляду. Надто це є слушно для Г. Галагана. Його культурні пріоритети демонстрували тяжіння до мистецтва, що відкрило у досвіді Ренесансу лінійну та повітряну перспективу, поняття тривимірності, пропорції та гармонії, але не втратило зв'язку з середньовічним ідеалом. Недаремно його так вабила творчість малярів «Союзу святого Луки» – «назарейців», недарма він протиставляв представників болонського академізму майстрам Проторенесансу («У перших в обличчях – земля, в останніх – небо») і критикував відступ від давніх практик у вітчизняному сакральному будівництві («Ми почали будувати храми у римському стилі або в зіпсованому стилі гососо, [...] зовсім забули про наші святі храми Києва чи Москви...»). Індивідуальні смаки Г. Галагана відповідали художнім тенденціям у мистецтві ХІХ ст., але особисто для нього стали основою практичної реалізації мистецьких варіантів, відповідних українській художній традиції.¹

Історико-інформативна значущість его-документів, що публікуються, полягає також у тому, наскільки глибоко вони відтворюють практики «дорожньої повсякденності»² (одна з найменш вивчених до сьогодні сфер). З текстів тревелогів дізнаємося, з чого складалася інфраструктура європейських міст, чим вона різнилася в окремих країнах, наскільки нагальною була потреба знаходження помешкання (чи то у готелі, чи то, якщо на довший термін або з розміркувань заощадження грошей, – у приватній оселі), як важко було винайняти зручне житло у великих містах або курорт-

¹ Письмо Галагана Г. П. о Малороссийском будынке в селе Лебединцы Прилукского уезда. *Киевская старина*. 1904. Т.86. Отд. 2. №7–8. С. 1–7.

² «Це і особлива їжа, напої, одяг, взуття, ночівля, транспорт, інформація, забезпечення безпеки, перекладачі»: Толстикова В. А., Кошелева О. В. *Номо viator. Русский травелог XVIII–XX веков*. С. 6.

них містечках, як відбувалося грошове забезпечення подорожі (взаємини з банкірами, користування валютними системами різних держав), як змінювалася з часом купівельна спроможність російського рубля.

Значущою темою є еволюція засобів пересування. Якщо описи подорожей Галаганів початку 1840-х рр. переповнені драматичними переказами про подолання гірських масивів кінними екіпажами у снігопад або під зливою, про небезпеку плаваннями річками під час весняних і осінніх паводків, а переїзди залізницею зазначаються особою, то у поїздах 1850-х – 1860-х рр. залізничний транспорт використовувався ними найчастіше.

Виокремлюється також сфера взаємозв'язків із слугами – власними, котрі супроводжували панів у всіх подорожах, або обслугою готелів. Не менш вагомою є інформація про практику ознайомлення з місцевістю – використання чисельних на той час путівників (англо-, франко-, німецькомовних) та послуг приватних екскурсодів – лон-лакеїв (саме з цих джерел Галагани нерідко позичали інформацію для своїх оповідей).

Остання заувага виводить нас на ще одну вкрай значиму характеристику опублікованих документів – мовна природа текстів та їхні структурні відзнаки. Співіснування елементів письмового та усного мовлення (у описах щоденників та мові листів, у наявності численних цитат – явних і прихованих – з писемних текстів), реалізація мовних практик (російська мирно уживається з українською, французькою, німецькою, англійською, італійською мовами, з польськими, чеськими, голландськими вкрапленнями – Галагани не потребували допомоги викладачів, що оптимізувало для них дорожні комунікації), наявність у листах дописів інших осіб, відтворення розмовної стихії сімейно-побутового спілкування у вживанні численних родинних прізвиськ,¹ використання вітань не лише людям, але тваринам й навіть рослинам з того приватного світу, який вони залишили і куди мали повернутися, – усе це склало оригінальну «фізіономію» цього документального нарративу, засвідчивши його високий дослідницький потенціал.

Для публікації упорядниками узгоджено російську мову джерел із правилами сучасного правопису (вживання рядкових і прописних літер, граматичних форм тощо, хоча окремі варіанти слів, вже застарілі, але такі, що зберігають мовну специфіку текстів, залишено), пунктуацію по можливості залишено авторську. Українську мову документів збережено у варіанті текстового оригіналу. Топоніми, власні імена, найменування готелів, трактирів подано в авторському написанні (із варіантами називання). Іншомовні фрази і тексти перекладено у посиланнях. Примітки та дописи на берегах документів і між рядками тексту зазначено окремо, так само – авторські підкреслювання та пропуски в тексті й пошкодження його. Виправлення зазвичай спеціально не зазначені.

¹ Григорій Галаган – «кукуненичка» («зозулень»), «Шун Шунович»; Федір Чижов – «бабак», «кіт».

Джерела супроводжуються коментарями, створеними, перш за все, з метою реконструкції родинного і ситуативно-дієвого контексту подорожей. До тексту додано іменний та географічний покажчики, де назви та імена, вживані авторами у різних варіаціях, представлені у сучасному стандартизованому написанні, а також глосарій, що містить тлумачення слів та мовних зворотів, які, можливо, не зрозумілі нинішньому читачеві.

Упорядники щиро вдячні усім тим, хто допоміг появі цієї монографії – співробітникам Центрального державного історичного архіву України у місті Києві та Інституту Рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, перекладачам-консультантам Володимиру Яременку, Людмилі Попович, Лії Жмак, Вікторії Мислінській, Глафірі Босовій.

Укладачі прагнули зібрати якомога більше еґо-документів родини Ґалаганів для ґрунтовнішої презентації досвіду їхніх мандрів. Маємо надію, що ця документальна монографія урізноманітнить уявлення поціновувачів історії про соціокультурні практики українського панства в реаліях позаминулого сторіччя.

ГЛОСАРІЙ

- Алеатико* (італ. Aleatico) – сорт італійського червоного вина.
- Амбомировать* (фр. embaumer) – ароматизувати, духмяніти.
- Афраншировать* (фр. affranchir) – передплачувати пересилку листа поштою.
- Байокко* (італ. baiocco, baiocco) – мідна монета Папської області (100 байокко = 1 скудо).
- Баркарола* (від італ. barca – човен) – італійська народна човнярська пісня.
- Баскет* (англ. basket) – легка повозка з плетеним кузовом.
- Везти на долгих* – російський фразеологізм: їхати, не змінюючи коней, у переносному значенні – дуже повільно.
- Ветурин* (італ. vetturino) – кучер, найманий візник в Італії.
- Винная ягода* – інжир (смоківниця).
- Вольтижер* (фр. voltigeur) – цирковий акробат.
- Говеть* – поститися, готуючись до сповіді та причастя.
- Дагерротипия* – технологія фотографування, відома у другій чверті XIX ст.
- Дебаркадер* (фр. débarcadère) – платформа залізничної станції, біля якої зупинялися потяги.
- Декохт* (лат. decoctum) – відвар лікувальних трав.
- Demi-patente* (фр.) – напівпатентований.
- Женироваться* (фр. gêner) – соромитися, ніяковіти.
- Каме* (фр. camée) – каменя, прикраса з різьбленого каменя.
- Карліно* (італ. carlino) – срібна монета, що перебувала в обігу в Папській області та Королівстві Обох Сицилій (1 карліно = 7½ байокко).
- Книксен* (нім. Knicksen) – уклін з присіданням.
- Колониальные товары* – товари, що привозилися з колоній європейських держав: цукор, кава, чай тощо.
- Корсо* (італ. corso) – головна вулиця в італійських містах, місце для прогулянок публіки (зазвичай в екіпажах), а також для кінних перегонів.
- Котерия* (фр. coterie) – банда, зграя.
- Кур-лист* – друкований список осіб, що прибували до курортного міста.
- Курфюрст* (нім. Kurfürst) – князь-виборець у Священній Римській імперії, курфюрсти обирали імператора; у 1815–1866 рр. цей титул мали правителі князівства Гессен-Кассель.
- Ланды* (фр. landes) – низовинні піщані рівнини уздовж узбережжя Біскайської затоки на південному заході Франції.
- Лон-лакей* (нім. Lohn-Laquais) – найманий служник.
- Люстрация* – господарський опис державних маєтностей для з'ясування їхньої прибутковості; у Російській імперії XIX ст. люстрації проводилися у західних губерніях, приєднаних внаслідок поділів Речі Посполитої.
- Лядунка* – сумка для набоїв.
- Морген* (нім. Morgen) – німецька міра площі ґрунту (швабський морген – 0,32 га).
- Невральжи* (фр. névralgie) – невралгія.
- Облатка* – а) кружок з паперу чи іншого матеріалу для запечатування листів; б) круглий плаский хлібець, випечений з прісного тіста, що вживається католиками під час євхаристії.

Омнібус (лат. omnibus) – багатомісна карета, що здійснювала регулярні перевезення пасажирів.

Паоло (італ. paolo) – срібна монета Папської області номінальною вартістю 10 байокко.

Патуа (фр. patois) – діалект, що відрізняється від стандартизованої літературної мови.

Пина (лат. Pinus pinea) – пінія, сосна італійська.

Плуза (фр. pelouse) – левада, лука, галявина.

Подошва – міцна шкіра.

Порто-франко (італ. porto franco) – портове місто, що користувалося правом безмитного ввезення і вивезення товарів; запровадження режиму порто-франко здійснювалося з метою стимулювання економічного піднесення приморських міст.

Портшез (фр. porte-chaise) – закрите крісло для переноски пасажирів вручну двома носильниками.

Посылать коней на подставу – надати коней для поїздки або для того, щоб привезти когось.

Poste restante (фр.) – лист до затребування.

Рассеиваться – розважатися, відпочивати.

Ренглот (ренклад) – різновид сливи.

Серкль (фр. cercle) – округ.

Серпентин – виробний камінь, що своїм зеленуватим кольором нагадує зміїну шкіру (звідси інша назва – змійовик).

Скудо (італ. scudo) – срібна монета Папської області (1 скудо = 100 байокко).

Строить куры – російський фразеологізм: загравати, залищатися.

Су (фр. sou) – монета, що перебувала в обігу у Франції та Швейцарії (у французькій грошовій системі су – монета номінальною вартістю 5 сантимів).

Табернакль (лат. tabernaculum) – споруда у вигляді шатра у католицьких храмах для зберігання церковних реліквій.

Табльдот (фр. table d'hôte) – загальний обідній стіл у готелях.

Фіакр (фр. fiacre) – найманий екіпаж.

Франческоне (італ. francescone) – тосканська срібна монета, що дорівнювала 10 паолам.

Фуляр (фр. foulard) – шовкова хустка.

Фурман – найманий візник.

Цванцигер (нім. Zwanziger) – срібна монета в 20 крейцерів, що перебувала в обігу в Австрійській імперії та інших державах Південної Німеччини.

Чичероне (італ. cicerone) – провідник мандрівників при огляді пам'яток, гід.

Шабник – рододендрон (?).

Шептанная обедня (пол. szeptana msza) – меса у римо-католицькій церкві, під час якої священник вимовляв слова впівголоса, тихо.

Штоф (нім. Stoff) – цупка вовняна або шовкова тканина, якою оббивалися меблі.

АНОТАЦІЯ

«"МИ ВИЇХАЛИ З СОКИРИНЦІВ...":
ТРЕВЕЛОГИ РОДИНИ ГАЛАГАНІВ»

Видання продовжує публікацію документів з фамільного архіву Галаганів – аристократичної родини, що відіграла помітну роль в історії України XVIII–XIX сторіч. У цій документальній монографії зібрано щоденники та епістолярій, що репрезентують подорожі українського дворянства європейськими країнами у 1840-х–1860-х рр. як цінний соціокультурний досвід.

Авторами опублікованих текстів-тревелогів є Григорій Павлович Галаган (1819–1888), його мати Катерина Василівна, уроджена графиня Гудович (1785–1868), його дружина Катерина Василівна, уроджена Кочубей (1826–1897), їхній син Павло (1853–1869), а також наставник Григорія, близький друг Галаганів – Федір Васильович Чижов (1811–1877).

Наративи, що входять до цього видання, різняться віковими і гендерними маркерами: їх писали дитина, чоловік – спочатку молодий, потім зрілий, жінка, що йде від зрілості до старості, – три покоління однієї родини. Це дозволяє порівняти особистий досвід мандрівників, їхнє світосприйняття, а також виокремити сюжетні лінії, що склали панораму життя на великих обширах від Дніпра до Атлантики. Завдяки цьому витворюється дивна поліфонія, занурюючись в яку, зустрічаєшся з мінливим розмаїттям ідеалів, соціальних стереотипів, емоційних нюансів – усім тим, що наповнювало сенсом людське буття.

Ці тексти допомагають зрозуміти, як долі їхніх авторів були залучені до подієвого плину часу. Інакше, як плвли вони «рікою часу»: дорослішали, старішали, як змінювалася їхня ментальність, наскільки значимими були для них проблеми особистісного розвитку і соціальної активності, як сприймалися ними важливі події та процеси тієї доби – війни, революції, реформи, науково-технічний прогрес.

У смисловому полі тревелогів взаємодіють національний та глобальний компоненти. Знайомство з національним розмаїттям Європи допомагало усвідомити етнокультурну самобутність України та уявити її як цілісний простір. Ці тексти показують, як їхні автори у просторі віддаляються від своєї Батьківщини, але ментально вона стає для них усе ближчою.

Значним є культурно-антропологічний потенціал опублікованих текстів. Вони містять чимало цікавих свідочств про стиль життя і художні смаки українських дворян середини XIX сторіччя. У них відтворено складну мережу соціальних комунікацій, необхідних для існування людей цього кола, як вдома, так і на чужині (підтримування стосунків з родичами, спілкування з представниками різних суспільних і професійних груп – знаттю, урядовцями, вченими, лікарями, літераторами, музикантами, художниками, майстрами-ремісниками та слугами). З тревелогів можна також дізнатися, якою була туристична інфраструктура в Європі того часу – транспорт, готелі, які пам'ятки слід було оглянути, що про них варто було знати та хто про це міг розповісти.

Заслугують на увагу й мовні особливості опублікованих текстів. У них російська мова співіснує з українською, французькою, німецькою, англійською, італійською, з польськими, чеськими, голландськими вкрапленнями. Це важли-

вий матеріал для досліджень з соціолінгвістики, що стимулює роздуми про мову як засіб соціокультурної ідентифікації людини.

Ключові слова: тревелоги, еґо-документи, фамільний архів, Галагани, українське панство, подорож, Україна, Європа, щоденник, епістолярій.

АННОТАЦІЯ

«"МЫ ВЫЕХАЛИ ИЗ СОКИРИНЦЕВ...": ТРАВЕЛОГИ СЕМЕЙСТВА ГАЛАГАНОВ»

Издание продолжает публикацию документов из семейного архива Галаганов – аристократического семейства, игравшего значительную роль в истории Украины XVIII–XIX веков. В этой документальной монографии собраны дневники и эпистолярий, представляющие путешествия украинского дворянства по европейским странам в 1840-х–1860-х годах как ценный социокультурный опыт.

Авторами публикуемых текстов-травелогов являются Григорий Павлович Галаган (1819–1888), его мать Екатерина Васильевна, урожденная графиня Гудович (1785–1868), его жена Екатерина Васильевна, урожденная Кочубей (1826–1897), их сын Павел (1853–1869), а также наставник Григория, близкий друг Галаганов – Федор Васильевич Чижов (1811–1877).

Нарративы, входящие в это издание, различны по возрастным и гендерным маркерам: их писали ребенок, мужчина – вначале молодой, затем зрелый, женщина, идущая от зрелости к старости, – три поколения одной семьи. Это позволяет сравнить личный опыт путешественников, их мировосприятие, а также выделить сюжетные линии, составляющие панораму жизни на обширном пространстве от Днепра до Атлантики. Благодаря этому достигается удивительная полифония, погружаясь в которую, встречаешься с изменчивым многообразием идеалов, социальных стереотипов, эмоциональных нюансов – всем тем, что наполняло смыслом человеческое существование.

Эти тексты помогают понять, как судьбы их авторов были включены во временной событийный поток. Иными словами, как плыли они по «реке времени»: взрослели, старели, как изменялась при этом их ментальность, насколько значимыми для них были проблемы личностного развития и социальной активности, как воспринимались важные события и процессы той эпохи – войны, революции, реформы, научно-технический прогресс.

В смысловом поле травелогов переплетены национальный и глобальный компоненты. Знакомство с национальным разнообразием Европы помогало осознать этнокультурную самобытность Украины и представить ее как целостное пространство. Эти тексты показывают, как их авторы пространственно удаляются от своей Родины, но ментально она становится им все ближе.

Высок культурно-антропологический потенциал публикуемых текстов. Они содержат немало интересных свидетельств о стиле жизни и художественных вкусах украинских дворян середины XIX века. В них отразилась сложная сеть социальных коммуникаций, необходимых для существования людей этого круга, как дома, так и в чужих краях (поддержание отношений с родственниками, общение с представителями различных общественных и профессиональных

груп – знатью, чиновничеством, учеными, врачами, литераторами, музыкантами и художниками, мастерами-ремесленниками и слугами). Из травелогов можно также узнать, какой была туристическая инфраструктура в Европе того времени – транспорт, гостиницы, какие достопримечательности следовало осмотреть, что о них следовало знать и кто об этом мог рассказать.

Заслуживают внимания и языковые особенности публикуемых текстов. В них русский язык уживается с украинским, французским, немецким, английским, итальянским, с польскими, чешскими и голландскими вкраплениями. Это важный материал для исследований по социолингвистике, стимулирующий размышления о языке как средстве социокультурной идентификации человека.

Ключевые слова: травелог, его-документы, семейный архив, Галаганы, украинское дворянство, путешествие, Украина, Европа, интимный дневник, дорожные записки, эпистолярый.

ANNOTATION

«"WE SET OFF FROM SOKIRINTSY...":
GALAGANS' FAMILY TRAVELOGS»

The edition continues publishing the documents from Galagans' family archive – an aristocratic family that played a significant role in the history of Ukraine of the XVIII–XIX centuries. Diaries and an epistolary that represent Ukrainian noblemen's travels across the European countries in 1840th-1860th as a valuable social and cultural experience are collected in this documentary monograph.

The authors of the published texts-travelogs are Grigoriy Pavlovich Galagan (1819–1888), his mother Ekaterina Vasilievna, born countess Gudovich (1785–1868), his wife Ekaterina Vasilievna (1826–1897), born Kochubei, their son Pavel (1853–1869), as well as Grigoriy's mentor, Galagans' close friend – Fedor Vasilievich Chizhov (1811–1877).

The narratives included in this edition are various in age and gender markers: they were written by the child; the man – first young, then mature; the woman going from adulthood to senility – three generations of one family. This allows to compare the travelers' personal experience, their perception of the world as well as to identify the plot lines that comprise the panorama of life on the vast space from the Dnieper to the Atlantic. This helps to achieve an amazing polyphony which immerses you into the changing variety of ideals, social stereotypes and emotional subtleties – everything that makes human life full of sense.

These texts help to understand how their authors' destinies were included into the time and event flow. In other words, how they were swimming in the "river of time": grew up, got older, how their mentality changed, how significant were the problems of personal development and social activity for them, how they perceived the events and processes of that epoch – wars, revolutions, reforms as well as scientific and technological progress.

The national and the global components are intertwined in the travelogs' sense field. Getting acquainted with the Europe's national variety helped to understand the ethnical and cultural uniqueness of Ukraine and to represent it as integral space. These texts show how their authors physically distance themselves from

their Motherland but mentally it becomes closer and closer to them.

The cultural and anthological potential of the published texts is high. They contain quite a number of interesting evidence about the lifestyle and artistic tastes of the Ukrainian noblemen in the middle of the XIX century. They reflect a complex network of social communications necessary for the existence of the people of this circle both at home and in strange lands (keeping in touch with the relatives, communicating with the representatives of various social and professional groups – grand people, public servants, scientists, doctors, literary men, musicians and artists, craftsmen and servants). From travelogs we can also discover what the Europe's infrastructure of those days was like – transport, hotels, which sights were worth seeing, what one had to know about them and who could tell about this.

The language peculiarities of the published texts are also worth mentioning. The Russian language gets along with Ukrainian, French, German, English and Italian as well as with the Polish, Czech and Dutch highlights. It is important material for research in social linguistics which stimulates thinking about the language as a means of social and cultural identification of people.

Key words: travelogs, ego-documents, family archive, Galagans, Ukrainian noblemen, travelling, Ukraine, Europe, personal diary, itinerary, epistolary.

СКРОЧЕННЯ

ЦДІАК – Центральний державний історичний архів України, м. Київ.

ІР НБУВ – Інститут Рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського.

ПОКАЖЧИК ІМЕН

- Август (Октавіан Август), римський імператор (27 до н. е. – 14 н. е.) 239, 267
 Август I (1526–1586), саксонський курфюрст (1553–1586) 213
 Август II (1670–1733), саксонський курфюрст (Фрідріх Август I, 1694–1733) і польський король (1697–1706, 1709–1733) 212, 213
 Аделаїда Орлеанська (1777–1847), сестра французького короля Луї-Філіпа 446
 Адельгейм, гувернер у родині Ульяніних 25, 40
 Адольф, герцог Нассау в 1839–1866 г. 304
 Адріан, римський імператор (117–138) 43, 131, 267
 Айвазовський, Гавриїл Костянтинович (1812–1880), вірменський клірик, вчений, освітянин, брат маляра І. Айвазовського 86
 Айвазовський, Іван Костянтинович (1817–1900), художник-мариніст вірменського походження 125, 185, 267, 291
 Александров 328, 334, 342, 343, 345, 349, 353, 377, 400, 403
 Аферьєва, Марія Павлівна 131
 Альбоні, Марієтта (1826–1894), італійська оперна співачка 387
 Альферакі, Микола Дмитрович 132
 Андриан, слуга 458, 462, 464
 Анисим, слуга 328
 Анікей, слуга 372
 Анна Гаврилівна 52
 Анна Данська (1532–1585), дружина саксонського курфюрста Августа I 213
 Анна Федорівна (1781–1860), російська велика княгиня, дружина великого князя Костянтина Павловича, розлучена з ним у 1820 р., мешкала у Швейцарії 224, 240
 Анюта, служниця 269
 Арапетов, Іван Павлович (1811–1887), російський урядовець, учасник підготовки селянської реформи 415
 Аріосто, Лудовіко (1474–1533), італійський літератор доби Ренесансу 144, 285
 Арнольд 389
- Баденський великий герцог, Леопольд (1830–1852) 230, 234
 Балабан, єврей, мешканець м. Броди 206
 Бардовський, Василь Степанович (1804–1874), директор Першої петербурзької гімназії, уродженець Чернігівщини 377
 Баржетас, Андре, лісничий у Рандані 446–448
 Барсук (Петро Григорович?) 388
 Бартенев, Феодосій Дмитрович, командир брига «Паламед» 198
 Бартоліні, Лоренцо (1777–1850), флорентійський скульптор 165
 Бассано, Якопо (1510–1592), маляр доби Ренесансу, представник венеційської школи живопису 157
 Батист, лакей – 99, 269
 Баторій, Стефан (1533–1586), польський король (1576–1586) 450
 Батто, Марі (1838–1888), французька оперна співачка 387
 Батурич, Микола Сергійович 21, 22, 24
 Бебутов, Давид Осипович (1793–1867), князь, генерал-лейтенант, варшавський комендант 409
 Белліні, Джованні (1430–1516), художник доби Ренесансу, представник венеційської школи живопису 157
 Бенедикт XIII, антипапа (1394–1423) 247
 Бенуа, Микола Леонітович (1813–1898), російський архітектор, представник класицизму 86–88, 90, 116, 141, 165, 185, 190, 194
 Беретті, Олександр Вікентійович (1816–1895), кийвський архітектор, представник класицизму 406
 Бертольд V, герцог Церингенський (1186–1218), засновник швейцарського м. Берн (1191 р.) 239
 Берхем, Клас (1620–1683), голландський маляр 39
 Бессонов, службовець Галаганів 372, 373, 388
 Бетманн, Моріц, франкфуртський банкір 26, 229
 Бетховен, Людвіг ван (1770–1827), австрійський музикант 216
 Бих, сокиринський селянин 329
 Біне, лікар у Ніцці 262
 Бірон, принцеса 251
 Боден, Шарль (1784–1854), адмірал 245–247
 Боргезе, італійський аристократ 268
 Борковська, Катерина Яківна 120, 282
 Бот, Ян (1612–1642) та Андріс (1618–1652), брати, фламандські художники доби бароко 39
 Браге, Тихо (1546–1601), данський вчений, астролог при дворі імператора Рудольфа II Габсбурга у Празі, похований у Тинській церкві 20
 Брамбіла, Тереза (1813–1895), італійська оперна співачка 98, 161–163
 Брейгель, Ян Старший (1568–1625), фламандський маляр 39
 Бренчанінови 65
 Бруні, Федір Антонович (1799–1875), російський маляр-академіст 131, 134, 267
 Брюхачов, Василь Петрович, мировий посередник Мостищенської діляниці 405
 Бурбони, французька королівська династія, позбавлена влади Липневою революцією 1830 р. 244
 Бунашев 143, 144

Валленштейн, Альбрехт фон (1583–1634), австрійський полководець доби Тридцятилітньої війни 22, 29
 Вальдштейн-Вартенберг, Антон Георг Крістіан (1793–1848) (у тексті – Вильштейн), граф, власник Літомишльського замку 211
 Варвинський, Йосип Васильович (1811–1878), лікар 141, 198, 338, 339
 Васильчиков, Олексій Васильович (1776–1854), сенатор, далекий родич Галаганів 95, 165, 251
 Васильчикова, Олександра Іванівна (1795–1855), уроджена Архарова, дружина О. В. Васильчикова 78, 95, 165, 166, 262, 267
 Васильчикови – 86, 165, 251, 262, 317
 Векерлін, Август фон (1794–1868), директор Сільськогосподарського інституту в Гогенгеймі 83
 Велде, Адріан ван дер (1636–1672), голландський маляр-пейзажист 39
 Великанов, Іван Ілліч, підприсемець, мешканець Флоренції 88, 99, 105, 117, 125, 134, 139, 187, 190, 194, 195
 Вельш, Генріх Карл (1808–1882), кіссінгенський лікар – 221, 222, 224, 232, 272–274, 276–278, 330, 332, 339, 343–345, 349, 354
 Венікс, Ян (1640–1719), голландський маляр 39
 Верігін, Олександр Іванович 274
 Верігіна, Дар'я Олександрівна 222, 274
 Веронезе, Паоло (1528–1588), маляр доби Ренесансу, представник венеційської школи живопису (у тексті – Поль Веронезе, Поль Веронез) 86, 88, 92, 157, 158, 264
 Верфф, Адріан ван дер (1659–1722), голландський маляр 39
 Верьовкін 301
 Вілієт, учитель 462–467
 Вільгельм I, прусський король у 1861–1888 рр. 425, 426
 Вінкельман, Йоганн Йоахім (1717–1768), німецький мистецтвознавець 191
 Владиславич, Олена Семенівна, графиня, власниця маєтків у Чернігівській та Полтавській губерніях 79, 80
 Волосатов, управляючий київським будинком Галаганів 406
 Вольгемут, Міхаель (1434–1519), маляр і гравер, представник нюрнберзької художньої школи 38
 Вольф, Андреас (1652–1716), німецький маляр доби бароко 24
 Воронцов, Михайло Семенович (1782–1856), граф, новоросійський і бессарабський генерал-губернатор 105
 Воуерман, Філіпс (1619–1668), фламандський маляр доби бароко 39
 Вюртемберзький принц, Олександр (1804–1881) 220, 272, 274, 278

Ганка, Вацлав (1791–1861), філолог-славіст, діяч чеського національно-культурного руху 20, 299–301
 Гартман, римський лікар 116, 126, 131, 191
 Гауер, дюссельдорфський майстер-каретник 59, 60, 72, 76, 77, 80, 138, 145, 174
 Гверчіно (Джованні Франческо Барб'єрі, 1591–1666), маляр болонської школи 93
 Гебгардт, Іван Карлович 170
 Геденус, Август Вільгельм (1797–1862), дрезденський медик, популяризатор лікування мінеральними водами на курортах 216, 273, 276, 325
 Гедіміновичі, рід правителів Великого князівства Литовського та Польського королівства (XIV–XVI ст.) 450
 Гейбель, Олександр (1813–1847), російський художник 134
 Гелдер, Аренд де (1645–1727), голландський маляр 39
 Геліус, Максиміліан Йозеф фон (1794–1876), офтальмолог і хірург, професор Гейдельберзького університету 231, 232
 Гельцель фон Штернштейн, Антоній Зигмунт (1808–1870), польський громадський діяч, історик права 307, 308
 Гендрікова, Євдокія Василівна (Ніна), графиня, уроджена Гудович, двоюрідна сестра Г. П. Галагана 108
 Геннефетер, оперна співачка 38
 Генріх II Святий, імператор Священної Римської імперії у 1014–1024 рр. 278
 Генріх IV, французький король у 1589–1610 рр. 359
 Герасим, ієромонах, настоятель православної церкви при російському посольстві у Римі 110, 267
 Геррейн, Йосиф, гід у Празі 52
 Герхард, Хуберт (бл. 1540/50–1620) скульптор 34
 Гете, Йоганн Вольфганг (1749–1832), німецький літератор 53
 Гільденштуббе, Олександр Іванович (1800–1880), полковник лейб-гвардії Фінляндського полку 281
 Гірландайо, Доменіко (1448–1494), італійський маляр доби Ренесансу 108
 Гоголь, Микола Васильович (1809–1852), російський літератор українського походження 99, 100, 114, 186, 188, 193
 Голіцин, князь 317
 Голіцин, Володимир Миколайович, князь, шурина М. О. Дондукова-Корсакова 99
 Голіцин, Михайло Павлович, князь, чоловік А. В. Голіциної, український поміщик 405
 Голіцина, Анастасія Василівна (Аліна), княгиня, уроджена графиня Гудович, двоюрідна сестра Г. П. Галагана 108, 376
 Голіцини 198
 Голіке, службовець Галаганів 72, 76, 80, 81,

100, 106, 114, 117, 124, 142
 Головацький, Яків Федорович (1814–1888), галицький громадський діяч і науковець 297, 440
 Голубков, Платон Васильович (1786–1855), купець, благодійник 184, 186, 187
 Гольбейн, Ганс (молодший) (1497–1545), німецький маляр доби Ренесансу 32, 38
 Гончаренко, сокиринський селянин 341
 Горацій (65 до н. е. – 8 до н. е.), давньоримський поет 267
 Граббе, Павло Христофорович (1789–1875), генерал, учасник Кавказької війни, власник маєтку в с. Блотниця на Прилуччині 46
 Граціані, Лодовіко (1820–1885), італійський оперний співак 387
 Григорій XVI, римський папа у 1831–1846 рр. 89, 111, 116, 122, 130, 135, 268
 Григор'єв, знайомий Ф. В. Чижова 170
 Григорович, Дмитро Васильович (1822–1899), російський літератор 469
 Григорович, Василь Іванович (1786–1865), російський мистецтвознавець українського походження, конференц-секретар Петербурзької академії мистецтв 266, 267
 Грузинська, княгиня 251
 Гудович, Аліна – див. Голіцина, Євдокія Василівна.
 Гудович, Ніна – див. Гендрікова, Олександра Василівна.
 Гудович, Андрій Іванович (1782–1867), граф, двоюрідний брат К. В. Галаган (старшої) 86, 138, 373, 388
 Гудович, Василь Васильович, батько К. В. Галаган (старшої) 205
 Гудович, Євдокія Костянтинівна, уроджена Лісаневич, мати К. В. Галаган (старшої) 205
 Гудович, Михайло Васильович, граф, брат К. В. Галаган (старшої) 116, 118, 287
 Гудовичі 121, 138
 Гуммель, Йоганн Непомук (1788–1837), австрійський музикант 25
 Гур'єв, Федір Іванович (?–1868), домашній вчитель і вихователь Павлуся Галагана 427, 449, 456
 Гус, Ян, середньовічний чеський релігійний реформатор 51
 Густав II Адольф, шведський король у 1611–1632 рр., полководець, учасник Тридцятилітньої війни 29
 Гутенберг, Йоганн (1397/1400–1468), першодрукар, уродженець м. Майнц 229
 Гутт, Луї ван (1810–1876), бельгійський ботанік, власник розплідника декоративних рослин 427
 Галаган, далекий родич Г. П. Галагана 14
 Галаган, Ігнатій (?–1748), прилуцький полковник, предок Г. П. Галагана 408
 Галаган, Петро Григорович («дяденька»)

(1792–1855), дядько Г. П. Галагана, власник маєтку в с. Дігтярі 22, 49, 69, 72, 76, 79, 80–82, 84, 86, 88, 89, 95, 97, 99, 100–102, 104–108, 110, 113, 115–119, 121, 122, 124, 127, 129–131, 133, 134, 136, 137, 139–141, 143, 187, 188, 190, 195, 249, 285
 Галаган, Софія Олександрівна («тєтенька»), уроджена Казадаєва, дружина П. Г. Галагана, тітка Г. П. Галагана 22, 69, 72, 76, 79, 80, 82, 86, 95, 97, 99–104, 106–108, 110, 113, 115, 118, 120, 121, 124, 126, 129, 131, 133, 137, 139–141, 143, 187, 188, 191, 194, 397, 399, 412, 421
 Галагани 81, 94, 100, 101, 105, 119, 468, 469
 Д'Аурія (Даврій), Раффаеле (1799–1859), неаполітанський художник, наставник І. С. Шаповаленка 78
 Данило, буфетник 328, 389
 Данило, кухар 363, 388
 Даннекер, Йоганн Генріх (1758–1841), німецький скульптор 229
 Данте (Аліг'єрі, 1265–1321), італійський поет 285
 Девонширський герцог, Уільям Джордж Спенсер Кавендіш (1790–1858) 261
 Дегер, Ернст (1809–1885), німецький маляр дюссельдорфської школи 53, 175
 Дейк, Антоніс ван (1599–1844), фламандський маляр доби бароко 32, 39, 264, 452
 Дейкум, службовець Галаганів 347
 Делестр, паризький дантист 469
 Дельвіг, Андрій Іванович (1813–1887), барон, генерал, інженер, підприсемець 376
 Дельоз, вчитель італійської мови у Ніцці 116, 262
 Демаре (Десмареес), Георг (1697–1776), маляр-портретист 38
 Десятник (Десятиченко), Михайло, слуга Галаганів 21, 26, 149, 162, 235, 269, 280, 370
 Де Парма, Варвара Василівна, уроджена Гудович, графиня, сестра К. В. Галаган (старшої) 104
 Дзея (Ейя), дівчинка-венетіанка 92, 198
 Джослін, лорд (у тексті – Жоселен) 25
 Джотто (Джотто ді Бондоне, бл. 1267 – 1337), італійський маляр доби Проторенесансу 98, 247
 Дитріх, Крістіан Вільгельм Ернст (1712–1774), німецький художник 38
 Дідицький, Богдан Андрійович (1827–1909), галицький літератор і громадський діяч, редактор газети «Слово» 440
 Дік, майстер-каретник 229
 Долгорука, княгиня 251
 Доменікіно (1581–1641), маляр болонської школи 93, 98, 212
 Дондуков-Корсаков, Микола Михайлович (1821–1856), князь 281

Дондуков-Корсаков, Михайло Олександрович (1794–1869), князь 99
Доніцетті, Гаetano (1797–1848), італійський композитор 215
Доресті (де Орестіс), граф 251
Доресті (де Орестіс), Наталія Олександрівна, графиня, уроджена Чихачева 251
Доріа, Андреа (1466–1560), генуезький державний діяч, адмірал 263
Досифей, чернець Києво-Печерської лаври, начальник Дальніх печер 205
Дрей, слуга 181, 184
Дураццо, генуезька аристократична родина 264
Дуффет, Герард (1594–1661), фламандський художник 39
Дюран-Фардель, Максим, лікар у Віші – 468
Дюрер, Альбрехт (1471–1528), німецький митець доби Ренесансу 30–33, 38

Ейк, Ян ван (помер у 1441 р.), фламандський маляр 75
Ейхель, німець-негоціант 309
Ельсон, Михайло Іванович (1816–1857), російський маляр 86, 88, 141, 185
Енгельгардт, Софія Григорівна 139
Еппінгер, Федір Іванович (1816–1873), російський архітектор 86, 88, 185
Еразм Роттердамський (1469–1536), ренесансний гуманіст 152
Ергард, садівник 40
Ерлах, Карл Людвиг фон (1746–1798), генерал, швейцарський воєначальник 239

Євгенія, французька імператриця, дружина Наполеона III 398
Євдоким – див. Костенко, Євдоким.
Єлизавета Олексіївна (1779–1826), імператриця, дружина російського царя Олександра I, уроджена принцеса Луїза Баденська 234, 235
Єремія (Соловйов), чигиринський єпископ (у тексті помилково – Єронім) 205
Єрмолов, дрезденський знайомий Ф. В. Чижова 148
Єрмолов, Олексій Петрович (1777–1861), російський воєначальник, учасник Наполеонівських війн і завоювання Кавказу 218
Єрмолов, Петро Миколайович (1787–1844), відставний генерал-майор, двоюрідний брат О. П. Єромолова 218

Жан Поль (Йоганн Пауль Фрідріх Ріхтер, 1763–1825), німецький письменник 278
Жемчужников, Лев Михайлович (1828–1912), художник, далекий родич Галаганів 353, 355, 361, 367
Жолері, П'єр-Поль, лікар у Біарріці – 468
Жорж (Маргарита Жозефіна Веймер, 1787–1867), французька актриса 69
Жуков, знайомий П. Г. Галагана 101, 105, 108

Жуковська, Єлизавета Євграфівна (1821–1856), уроджена Рейтерн, дружина В. А. Жуковського 53
Жуковський, Василь Андрійович (1783–1852), російський поет-романтик, наставник великого князя Олександра Миколайовича (майбутнього імператора Олександра II) 52, 53, 170, 176, 292
Журавська, Олена Павлівна, вдова вченого-статистика та благодійника Д. П. Журавського, душопріказником котрого був Г. П. Галаган 406

Зав'ялов, Федір Семенович (1810–1856), російський маляр 131, 134
Залеська, Йоанна Фреміота, власниця дівочого пансіону в Києві 338, 383
Зандрарт, Йоахім фон (1606–1688), німецький маляр доби бароко 38
Захар, кухар 363
Захаржевська 196
Зеленко, Петро Матвійович, інженер-підполковник, командир інженерної команди у Новогеорґіївській фортеці неподалік Варшави 46
Зинов'єв, приятель Г. П. Галагана, з яким він разом відпочивав в Остенде 65, 67, 74, 75, 178
Зон, Карл Фердинанд (1805–1867), німецький маляр дюссельдорфської школи 150

Іван Іванович – див. Кузьменко, Іван Іванович.
Іван Наумович, управляючий маєтком Галаганів у Гнилиці – 342, 347, 357, 362, 364, 369, 378, 383
Іваненко 42, 44
Іванов, Микола Кузьмич (1810–1880), італійський оперний співак, уродженець України 98, 289
Іванов, Олександр Андрійович (1806–1858), російський художник 53, 77, 78, 86, 95, 98, 99, 102, 104, 107, 110–117, 119–122, 130, 131, 133, 134, 136–138, 141–143, 145, 165, 168, 176, 186–188, 190, 191, 194, 196, 198, 267, 269, 292
Ілі, маркіз, Джон Лофтус (1770–1845) 251
Ілля – див. Костенко, Ілля.

Йордан, Федір Іванович (1800–1883), російський художник 113, 116, 133, 138, 140, 141, 143, 165, 187, 188, 191

Казадаєва, Варвара Миколаївна, дружина В. О. Казадаєва, своячениця С. О. Галаган 51
Казимир IV, польський король, похований у Вавельському соборі у Кракові 450
Калігула, римський імператор (37–41) 43
Кандія, Джованні Маттео де (1810–1883), італійський оперний співак 387

- Канова, Антоніо (1757–1822), італійський скульптор 157
- Кант Іммануїл (1724–1804), німецький філософ 171
- Капніст, Катерина Арманівна, дружина П. М. Капніста 154, 158, 284
- Капніст, Олексій Васильович (1796–1869), поміщик Полтавської губернії 21, 22, 24
- Капніст, Петро Миколайович, поміщик Полтавської губернії 154–156, 158, 286
- Карамзін, Микола Михайлович (1766–1826), російський письменник-белетрист та історик 457
- Караччі, італійський маляр болонської школи 93, 264
- Карл Великий, король франків у 768–814 рр. та імператор Заходу в 800–814 рр. 54
- Карл X, французький король у 1824–1830 рр. 262
- Карлгоф, Єлизавета Олексіївна, вдова письменника В. І. Карлгофа 159, 262, 289
- Карлоні, родина генуезьких малярів 289
- Кароліна Баденська (1776–1841), вдова баварського короля Максиміліана I 27
- Карос, дрезденський лікар 148, 232
- Карташевська, Варвара Яківна (1832–1902) 345, 347
- Каскель, Міхаель (1775–1845), дрезденський банкір 62, 63, 75, 80, 98, 105, 117, 122, 133, 178, 194, 249
- Кастеллан, Поліна, маркиза де, уроджена де Талейран (1820–1890), французька аристократка 251
- Каульбах, Вільгельм фон (1805–1874), маляр, представник німецького історичного живопису 159
- Каченовський, Лев Якович, священик родом з Чернігівщини, духовник великої княгині Анни Федорівни, настоятель православної церкви в її маєтку Ельфенау поблизу Берна 240
- Квітка-Основ'яненко (Квітка), Григорій Федорович (1778–1843), український літератор 297
- Келх, слуга 184
- Кентська герцогиня, Вікторія (1786–1861), мати британської королеви Вікторії, сестра російської великої княгині Анни Федорівни 224
- Кисельов, Павло Дмитрович (1788–1872), граф, міністр державних маєтностей у 1837–1856 рр., у 1856–1862 рр. – російський посол у Франції 60, 415
- Кілан, Герман Фрідріх (1800–1863), німецький лікар-акушер, професор Боннського університету 310, 315, 323
- Кіліани 420
- Кленгель, Август Александр (1783–1852), дрезденський музикант, син художника Йогана Крістіана Кленгеля (1751–1824) (у тексті помилково – Клінгель, Клінгер) 215, 216
- Кленце, Лео фон (1784–1864), німецький зодчий, представник мюнхенського класицизму, придворний архітектор баварського короля Людвіга I 159
- Климач, службовець Галаганів 327
- Климент V, папа римський у 1305–1314 рр. 247
- Коваленко, сокиринський селянин 329
- Колдвелл, англійська родина, приятелі Галаганів 45, 72, 178, 250–252, 262, 336, 385, 390–392, 396, 398
- Колдвелл, Чарльз 45
- Коленкур, графиня 251
- Колумб, Христофор (1451–1506), мореплавець 263
- Комаров, флорентійський знайомий Г. П. Галагана 104
- Комаровська, Анна Єгорівна, графиня, небога П. С. Комаровського, фрейліна великої княгині Олександри Йосифівни 412
- Комаровська, Катерина Павлівна (1846–1916), графиня, небога Г. П. Галагана 322, 323, 326, 334, 336, 337, 339, 351, 354–356, 358, 360, 364, 367, 370, 375, 391, 394, 399, 403, 411, 412, 435, 439
- Комаровська, Марія Павлівна (Марі), уроджена Галаган (1822–1876), сестра Г. П. Галагана – *passim*
- Комаровський, Євграф Павлович (Граня) (1841–1885), граф, небіж Г. П. Галагана 267, 285, 289, 322–324, 326, 330, 334, 336, 337, 339, 342–345, 348, 350, 351, 356, 360–361, 411, 435, 439
- Комаровський Павло Євграфович (Поль) (1812–1873), граф, чоловік М. П. Комаровської – *passim*
- Комон, паризький лікар 469
- Комон, маркиза де 250
- Коновніцин, Олексій Петрович (1812–1852), граф 281
- Кононов 435
- Корейша 26
- Корнель, П'єр (1606–1684), французький драматург 71
- Корреджо, Антоніо (1489–1534), італійський художник доби Ренесансу 213, 270
- Костенко, Євдоким, слуга 26, 27, 33, 36, 37, 106, 231, 269, 339, 348, 373, 384, 385, 399, 426
- Костенко, Ілля, управитель Ічнянського маєтку Галаганів 335, 348, 351, 357, 362, 365, 372, 373, 377–379, 388, 397, 399, 403
- Костянтин Павлович (1779–1831), російський цесаревич, молодший брат царя Олександра I 224, 240
- Костюшко, Тадеуш (1746–1817), польський національний герой 450
- Кочубеї 54, 217
- Кочубеї 86, 196

- Кочубей, Аркадій Васильович (1790–1878), дядько К. В. Галаган (молодшої) 314, 318
- Кочубей, Варвара Олександрівна (1829–1894), уроджена графиня Кушелева-Безбородько, дружина П. А. Кочубея 318, 363, 366, 373
- Кочубей, Василь Васильович (1784–1844), батько К. В. Галаган (молодшої) 217
- Кочубей, Василь Васильович (1829–1878), брат К. В. Галаган (молодшої) 314
- Кочубей, Дем'ян Васильович (1786–1859), дядько К. В. Галаган (молодшої) 217, 314, 318, 319
- Кочубей, Єлизавета Василівна (Lise) (1821–1897), сестра К. В. Галаган (молодшої), дружина Л. В. Кочубея 318, 363, 366, 415, 431, 432
- Кочубей, Лев Вікторович (1810–1890) 318, 416
- Кочубей, Марія Василівна (1779–1844), нягиня, уроджена Васильчикова, вдова канцлера В. П. Кочубея, мати Лева, Сергія та Михайла Кочубеїв, далека родичка Галаганів 25, 106, 128, 134, 138
- Кочубей, Михайло Вікторович (1816–1874), князь 128
- Кочубей, Надія Михайлівна (1837–1862), уроджена Маркевич (донька М. А. Маркевича), дружина В. В. Кочубея, священиця К. В. Галаган (молодшої) 330, 363, 366, 373
- Кочубей, Олександр Васильович (1788–1866), дядько К. В. Галаган (молодшої) 310–320, 376, 421
- Кочубей, Петро Аркадійович (1825–1892), двоюрідний брат К. В. Галаган (молодшої) 325, 369, 401
- Кочубей, Сергій Вікторович (1820–1880), князь 134
- Кранах, Лукас (старший) (1472–1553), німецький художник доби Ренесансу 32, 38
- Крафт, Адам, нюрнберзький скульптор, представник пізнього готичного мистецтва (1455/60 – 1509) 30, 33
- Краузе, Домінік, музикант, уродженець Чехії, капельмейстер оркестру в маєтку Галаганів у с. Дігтярі 80
- Кривцов, Павло Іванович, старший секретар російського посольства у Римі, начальник над російськими художниками, що перебували у Римі 118, 131, 140
- Крістіан Ернст, маркграф бранденбург-байройтський у 1655–1712 рр. 278
- Кроненберг, Леопольд (1812–1878), варшавський банкір 400
- Крюков, Дмитро Львович (1809–1845), професор римської словесності та старожитностей у Московському університеті 187
- Кузьменко, Іван Іванович, службовець Галаганів, управляючий маєтком у с. Піски 362, 372, 403
- Куккук, Баренд Корнеліс (1803–1862), нідерландський художник-пейзажист 53
- Кунігунда, дружина імператора Священної Римської імперії Генріха II, католицька свята 32, 278
- Кутузов (Голеніщев-Кутузов), Василь Павлович (1803–1873) 317
- Кушелев, поміщик, разом з яким Г. П. Галаган відпочивав в Остенде 57, 60, 65, 67
- Лабіцький, Йозеф (1802–1881), чеський музикант 217
- Ланської, Сергій Степанович (1787–1862), граф, російський державний діяч, міністр внутрішніх справ у 1855–1861 рр., учасник підготовки селянської реформи 378, 415, 417
- Ланфранко, Джованні (1582–1647), італійський маляр доби бароко 93
- Ларош, брюссельський знайомий Г. П. Галагана 421, 423
- Лев Данилович, галицький князь 296, 450
- Левассор, П'єр-Тома (1808–1870), французький комедійний актор 71
- Лейхтенберзький герцог, Микола Максиміліанович (1843–1891) 421, 423, 431, 432, 469
- Леметр, Фредерік (1800–1876), французький актор 77
- Леон, Вергілій, російський віце-консул у Байонні 462, 468
- Леопольд I, бельгійський король у 1831–1865 рр. 181
- Лессінг, Карл Фрідріх (1808–1880), німецький маляр, представник дюссельдорфської школи живопису 51, 53, 173
- Лизогуб 83, 120
- Линовський, Ярослав Альбертович (1818–1846), вчений-агроном 83
- Литвинов, Михайло Олексійович 42, 44
- Ліпінський, Кароль (1790–1861), польський музикант 148, 215, 216
- Ліпман, Федір Іванович, педагог (у тексті помилково – Літман) 214–216
- Ліст, Ференц (1811–1886), угорський музикант 25, 26, 40
- Логановський, Олександр Васильович (1812–1855), російський скульптор 133, 141
- Лонгена, Бальдассаре (1596–1682), венеційський архітектор доби бароко 157
- Лот, Йоганн Карл, німецький художник 38
- Лохмюллер, мельник 278
- Любовцев, службовець Галаганів 330, 338, 357, 371, 378, 401, 405
- Любомирський, князь, волинський поміщик 295
- Людвіг I (1786–1868), баварський король у 1825–1848 рр. 27, 28, 31, 35–38, 159, 219, 224, 269

Людвіг IV (1282–1347), баварський герцог у 1294–1347 рр. та імператор Священної Римської імперії у 1328–1347 рр. 452
 Людовік XIV (1638–1715), французький король у 1643–1715 рр., одружений з Марією Терезією Іспанською (1638–1683) 465
 Людовік-Філіп (Луї-Філіп Орлеанський, 1773–1850), французький король у 1830–1848 рр. 244, 303, 445, 446, 454
 Лютер, Мартин (1483–1546), вождь німецької Реформації, один з фундаторів протестантизму 34, 152
 Львова, княжна – 415, 417
 Льовенштайн, князь, власник замку Вертхайм 49

Магденки, брати, українські поміщики 25, 26, 40, 154, 155
 Магденко, Андрій Васильович 25, 155, 158
 Магденко, Олексій Васильович 25, 26, 36, 42, 44, 96, 106, 155, 158, 161, 164, 193, 195, 267, 286
 Магденко 291
 Мазати, неаполітанський домовласник 269
 Макар, слуга 340, 371, 396, 397, 403
 Макіавеллі, Нікколо (1469–1527), італійський ренесансний інтелектуал і політичний діяч 167
 Максиміліан I Габсбург, імператор Священної Римської імперії у 1508–1519 рр. 31
 Мандель, Юдка, єврей-фактор 206
 Маріо – див. Кандія, Джованні Маттео де.
 Марія, покоївка К. В. Галаган (старшої) 363, 364
 Марія Іванівна 60
 Марія Миколаївна (1819–1876), дочка російського імператора Миколи I, дружина герцога Максиміліана Лейхтенберзького, авторка мистецтва 89, 111, 112, 131, 133, 134, 136, 137, 187
 Марія Терезія (1717–1780), австрійська государиня у 1740–1780 рр. 451
 Маркевич, Катерина Василівна, уроджена Лобисевич, дружина Михайла Маркевича, коханка Ф. В. Чижова 53, 60, 76, 81, 84, 87, 116, 120, 147, 149, 155, 170, 175, 185
 Маркевич, Микола Андрійович (1804–1860), український поет, історик, етнограф та фольклорист, двоюрідний брат Г. П. Галагана 160, 170, 204, 344
 Маркевич, Михайло Андрійович (1808–1885), брат М. А. Маркевича, власник маєтку в с. Васьківці на Прилуччині 60, 76, 81, 84, 87, 162, 287
 Маркевич, Олександр Михайлович 95
 Маркевич, Уляна Олександрівна, уроджена Ракович, дружина Миколи Андрійовича Маркевича 204
 Маркович, Андрій Миколайович (1830–1907), син Миколи Андрійовича Маркевича 347

Маркович, Дмитро Іванович, суддя Прилуцького повітового суду 79
 Маркович, Михайло Миколайович (1837–1906), син Миколи Андрійовича Маркевича 344
 Маскле, Іполит (1763–1853), власник будинку в Ніцці, де зупинялися мандрівники з Росії 162, 248
 Маюрова, Олена Василівна (1793–1863), уроджена Кочубей, тітка К. В. Галаган (молодшої) 217, 314, 318
 Мейснери, брати-пражани 27
 Меланхтон, Філіп (1497–1560), діяч німецької Реформації, лютеранський богослов, педагог 33
 Мемлінг, Ханс (Хемлінг, помер у 1494 р.), фламандський маляр доби Ренесансу 75
 Менгельбєр, Йозеф, майстер-каретник 54, 55, 174
 Мерінг, Федір Федорович (1822–1887), київський медик німецького походження, викладач Університету св. Володимира, лікар Галаганів 327, 338, 339, 362, 376, 405–407
 Местр, Ксав'є де (1763–1852), савойський аристократ, військовий, молодший брат сардинського посла у Петербурзі Жозефа де Местра, тривалий час мешкав у Росії, художник-аматор 53
 Местр, Родольф де (1789–1866), граф, губернатор Ніцци у 1838–1848 рр. 251
 Метастазіо, П'єтро (1698–1782), італійський поет, лібретист, драматург 285
 Меттерніх, Клеменс фон (1773–1859), князь, міністр закордонних справ і державний канцлер Австрійської імперії 234
 Меценат (70 до н. е. – 8 до н. е.), давньоримський державний діяч, покровитель митців і поетів 267
 Мецхер, садівник 40
 Мещерська, Катерина Миколаївна (1806–1867), княгиня, дружина кн. П. І. Мещерського 241, 248
 Мещерський, Петро Іванович (1802–1876), князь 242
 Микола I, російський імператор у 1825–1855 рр. 89, 114, 134, 220, 251
 Микола Фокич, службовець Галаганів 73, 76, 81, 100, 114, 119, 136, 142, 280
 Милорадович, Григорій Іванович, поміщик с. Калюжинці, родич Галаганів 119
 Милорадович, Ілля Григорович, син Г. І. Милорадовича 388
 Милорадович, Марія Григорівна, дочка Г. І. Милорадовича 389
 Милорадович, Микола Іванович, брат Г. І. Милорадовича 95, 96, 98
 Милорадович, Михайло Петрович, поміщик с. Калюжинці 151
 Милорадович, Олександра Григорівна,

- дочка Г. І. Милорадовича 389
 Милорадовичі 80, 96, 142
 Михайло, слуга – див. Десятниченко, Михайло.
 Мікеланджело Буонаротті (1475–1564), італійський митець доби Ренесансу 165
 Мілютін, Микола Олександрович (1818–1872), російський урядовець, ліберал, один з головних учасників підготовки селянської реформи 418
 Мілютіна, Марія Огеївна, уроджена Абаза, дружина М. О. Мілютіна 418
 Мілютіни 415, 417, 418
 Міньон, Абрахам (1640–1679), німецький художник 38
 Мірабо, Оноре Габріель Рікетті, граф де (1749–1791), французький політичний діяч, учасник Французької революції, славетний промовець 159
 Модест, чернець Києво-Печерської лаври 205, 280
 Мойсей, слуга 328, 335, 336, 396
 Мокрицький, Аполлон Миколайович (1810–1870), художник, колишній учитель малювання у родині Галаганів 134, 136, 167, 267
 Мольтке, Павло Федорович, барон, російський повірений у справах у Карлсруе (у тексті помилково – Мольке) 234
 Мольтке, Софія, баронеса, дружина П. Ф. Мольтке 234
 Монпансьє, Антуан (1824–1890), герцог 446
 Моріані, Наполеоне (1808–1878), італійський оперний співак 148, 215
 Моріс, хлопчик з Алжиру, приятель Павлуса Галагана у Віші – 458–461
 Морні, Шарль де (1811–1865), граф, брат Наполеона III, французький державний діяч 376
 Моцарт, Вольфганг Амадей (1756–1791), австрійський музикант 26
 Муравйов 181
 Муравйови 100, 105, 187, 189, 190
 Мурільо, Бартоломе Естебан (1617–1682), іспанський маляр доби бароко 150, 452
 Мурьо, домовласник у Віші 468–469
 Мусін-Пушкін, граф 21
 Мусіна-Пушкіна, Любов Олександрівна, уроджена графиня Кушелева-Безбородько 366
 Муханов, Ілля Дмитрович 306
 Мюнстер, Георг цу (1776–1844) граф, аматор палеонтології 278
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французький імператор у 1804–1814, 1815 рр. 16, 26, 454
 Наполеон III (1808–1873), французький імператор у 1852–1870 рр. 370, 398, 426, 446, 460
 Наруга, Артем, кріпак Петра Григоровича Галагана, музикант 136, 138
- Нассау, граф 30
 Настенька, вихованка Галаганів 338, 364, 383, 406
 Нелату, паризький лікар 469
 Нерон, римський імператор (54–68) 43
 Нефшатель, Ніколас (1527–1590), художник 38
 Нікітенко, Олександр Васильович (1804–1877), професор російської словесності Петербурзького університету, цензор 170
 Нікітін, Михайло Федорович (1780–1852), генерал-майор 205
 Ніна, венеціанка 92, 98, 144, 155, 158, 161, 198
 Новелло, Клара (1818–1908), британська оперна співачка 289
 Нона, венеціанка 92, 144, 146, 196, 198
 Ностіц, граф, богемський землевласник 21
- Оболєнський, князь 138
 Обухова, Марія Васиївна 108, 131
 Обухови 100, 102, 104–107, 110, 111, 113, 118, 129–133, 139, 145, 189, 191, 193
 Овербек, Йоганн Фрідріх (1789–1869), німецький маляр, один із засновників мистецького об'єднання «Союз святого Луки» 51
 Окунєв 54
 Олександр I, російський імператор у 1801–1825 рр. 234
 Олександр II, російський імператор у 1855–1881 рр. 53, 99, 214, 268
 Олександр, служник 416, 426
 Олександра Йосифівна (1830–1911), велика княгиня, дружина великого князя Костянтина Миколайовича 412
 Олександра Федорівна (1798–1860), імператриця, мати російського царя Олександра II 376, 378
 Олена Павлівна (1807–1873), російська велика княгиня, тітка царя Олександра II, одна з чільних постатей в історії лібералізму в Росії 381, 413, 415
 Оост, Якоб ван (1603–1671), фламандський бароковий художник 75
 Орлеани, Орлеанське сімейство, герцоги Орлеанські, молодша гілка дому Бурбонів, до якої належав король Луї-Філіп (1830–1848) 445–446, 459
 Орлов, Григорій Федорович (1790–1853) 105
 Орлова, Катерина Миколаївна (1758–1781), графиня, дружина Г. Г. Орлова 240
- Павленко, службовець Петра Григоровича Галагана 107, 131
 Павло, кріпак Галаганів, кондитер 364
 Паганіні, Ніколо (1782–1840), італійський музикант 252
 Палладіо, Андреа (1508–1580), італійський архітектор Пізнього Ренесансу 24, 157

- Пальма, Якопо, ренесансний художник, представник венеційської школи живопису 157
- Пампалоні, Луїджи (1791–1847), флорентійський скульптор 165
- Панін, Віктор Микитович (1801–1874), російський державний діяч, міністр юстиції у 1841–1862 рр., консерватор, учасник підготовки селянської реформи 315, 317
- Панісс-Пассі, П'єр Леандр (1770–1842), граф, власник замку Вільньов-Лубе 262
- Парахонський, службовець Галаганів 357, 389
- Пармен, слуга 408, 410
- Парпарт, барон 309
- Паскевич, Єлизавета Олексіївна (1791–1856), княгиня, уроджена Грибоєдова, дружина І. Ф. Паскевича 219, 281
- Паскевич, Іван Федорович (1782–1856), князь, російський полководець, генерал-фельдмаршал, намісник Польщі у 1831–1856 рр. 54, 55, 281
- Паудіс, Крістоф (1630–1666), баварський маляр доби бароко 38
- Пауерс, Хірам (1805–1873), скульптор американського походження, мешкав у Флоренції 165
- Пезаро, Джованні, венеційський дож у 1658–1659 рр. 157
- Пелагея Осипівна 333
- Пенхержевська, Софія Іванівна, дружина генерала О. А. Пенхержевського 205
- Пенхержевський, Олександр Лаврентійович (1787–1851), генерал-лейтенант, київський комендант 205
- Пенц, Георг (1500–1550), німецький маляр і графік доби Ренесансу 38
- Певницький, Іван Михайлович (1798–1863), православний священник у Штутгарті 82, 183
- Перуджино, П'єтро (1448–1523), італійський художник доби Ренесансу 89, 193
- Петрарка, Франческо (1304–1374), італійський поет 285
- Петро Никитич 72, 76, 81, 95, 100, 106, 114, 124, 142
- Петрушевич, Антоній Степанович (1821–1913), галицький греко-католицький священник, історик і громадський діяч 440
- Пехе, Тереза (1806–1882), австрійська актриса 21
- Пец, Дюссельдорфський художник 54, 150, 173, 176, 181
- Печерін, Володимир Сергійович (1807–1885), інтелектуал-західник, емігрував з Росії та навернувся у католицизм, ставши ченцем ордену редемптористів 65, 154, 176, 177, 292
- Пікерт, Абрахам, антиквар з м. Фюрт 29
- Піменов, Микола Степанович (1812–1864), російський скульптор 190
- Пінтуріккіо (1454–1513), італійський художник доби Ренесансу 132
- Піфагор, античний грецький філософ (VI ст. до н. е.) 293
- Подолінський, Андрій Іванович (1806–1886), поет 289
- Полегкий, сільський староста у Мостищі 405
- Поленов, Дмитро Васильович, (1806–1878), урядовець, історик і бібліограф, приятель Ф. В. Чижова 49, 60, 90, 148, 183, 282, 285
- Попов, Євген Іванович (1813–1875), священник, настоятель православної церкви при російському посольстві у Лондоні 412, 430–432, 434
- Порошин, Віктор Степанович (1811–1868), професор Петербурзького університету по кафедрі політичної економії та статистики 264
- Порошина, дружина В. С. Порошина 264
- Потоцький, Альфред (1786–1862), граф, власник м. Ланьцут у Галичині 17
- Почеча 132
- Прален-Шуазель, французька аристократична родина, власники замку Рандан 446
- Пюже, П'єр (1620–1694), французький живописець, скульптор, архітектор 263
- Пюклер-Мускау, Герман фон (1785–1871), князь, письменник, мандарітник, аматор садово-паркового мистецтва 40
- Радзивіл, Софія Олександрівна, княгиня, уроджена княжна Урусова (1804–1889) 58
- Райбіш, Гюнтер (1816–1899), дрезденський художник 147, 148
- Райсігер, Карл Готліб (1798–1859), німецький музикант 148, 214
- Ракович, Михайло Олександрович (Мішель) 389, 397, 400, 406, 410, 412, 414
- Ракович, Ольга Михайлівна, дружина М. О. Раковича 389, 397, 400, 406, 410, 412, 414
- Рантцау, граф, брат Августа Ранцау 227
- Рантцау-Брайтенбург, графі (у тексті помилково – Ренцау-Брютембург, Ренцау-Брейтемберг) 225–227
- Рантцау-Брайтенбург, Август цу (1768–1849), граф 225–227, 232
- Рантцау-Брайтенбург, Куно Генріх Карл цу (1805–1882), граф, син Августа цу Ранцау-Брайтенбурга 25, 40, 232
- Рантцау-Брайтенбург, Софія, графиня, дружина графа Августа цу Ранцау-Брайтенбурга 225, 227
- Раух, Йоганн Непомук (1804–1847), художник-пейзажист 119, 131
- Рафаель Санті (1483–1520), італійський митець доби Ренесансу 89, 93, 94, 108, 113, 144, 154, 193, 213, 264, 266, 267, 270, 289
- Рашель, Еліза (1821–1858), французька

- актриса 69, 71
 Ребіндер, Костянтин Григорович, чоловік
 О. В. Кочубей, вихователь герцога Миколи
 Лейхтенберзького 415, 416, 421, 423, 424,
 430–432
 Ребіндер, Олена Василівна, уроджена Кочу-
 бей, сестра К. В. Галаган (молодшої) – 368,
 415, 420, 421, 423, 424, 426, 427, 430–432
 Редер, управляючий маестком у с. Піски 106
 Рейтерн, Євграф Романович (1794–1865),
 художник, тесть В. А. Жуковського 170
 Рейферт, каретник 25, 40, 48, 174, 175
 Рейхлін, Йоганн (1455–1522), німецький
 гуманіст доби Ренесансу 152
 Рембрандт (1606–1659), голландський
 маляр доби бароко 39, 452
 Рені, Гвідо (1575–1642), маляр болонсь-
 кої школи (у тексті інколи – Гвидо-Рени,
 Гвидореніо) 93, 98, 100, 102, 264, 266,
 267, 289
 Рєпнін, Василь Миколайович (1806–1880),
 князь, український поміщик 348
 Рєпнін, Микола Григорович (1778–1845),
 князь, колишній малоросійський генерал-гу-
 бернатор 240, 241
 Рєпніна, Варвара Миколаївна (1808–1891),
 княжна, донька М. Г. Рєпніна 240, 241
 Рєпніна, Варвара Олексіївна (1778–1864),
 княгиня, уроджена графиня Розумовська,
 родичка Галаганів, дружина М. Г. Рєпніна
 240, 241
 Рібоп'єр 415
 Рігельмани, Микола Аркадійович (1817–
 1888), громадський діяч, публіцист,
 двоюрідний брат Г. П. Галагана, та його
 дружина Марія Василівна, уроджена Тар-
 нувська 406
 Ріхтер, Олександр Борисович, старший
 секретар російського посольства у Дрездені
 40, 214, 285
 Ріхтер, Франц Ксавер Йоганн (1783–1856),
 бібліотекар в Ольмюцькому університеті,
 історик і педагог 19
 Річчі, Катерина Петрівна, графиня, уродже-
 на Луніна 105
 Робесп'єр, Максимиліан (1758–1794),
 французький революціонер 247
 Роден 415, 417
 Рожнов, Євген Петрович, генерал – 355, 361
 Розумовська, Марія Григорівна (1772–
 1865), графиня, уроджена кн. В'яземська,
 у першому шлюбі кн. Голіцина, своячениця
 Галаганів 106
 Роман, кріпак Галаганів, кондитер 363, 364
 Романович-Славатинський – див. Славати-
 нський, Олександр Васильович
 Ронкони, Себастьяно (1814–1900), італійсь-
 кий оперний співак 98
 Роос, Йоганн Генріх (1631–1685), німець-
 кий художник 38
 Россе (Г. Гроссер?), оперна співачка 21
 Россет, знайомий П. Г. Галагана 101, 105
 Ротшильд, Амшель Майєр (1773–1855),
 франкфуртський банкір 228
 Ротшильд, Лайонел (1808–1879), лондонсь-
 кий банкір 432
 Ротшильд, Майєр Карл (1820–1886),
 франкфуртський банкір 344
 Роше, господиня готелю у Женеві 242
 Рубенс, Пітер Пауль (1577–1640), фламанд-
 ський маляр доби бароко 39, 75, 147, 150,
 151, 159, 181, 289
 Руссо, Жан Жак (1712–1778), філософ-про-
 світник, письменник, уродженець Женеві
 241, 242
 Рьозель фон Розенхоф, Франц (1626–
 1700), німецький художник 38
 Сакіна, Авдотья Петрівна 365
 Салов, Федір Андрійович, генерал 25
 Сансовіно, Якопо (1486–1570), венеційсь-
 кий архітектор доби Ренесансу 157
 Саузе, англійка, гувернантка у родині Га-
 лаганів, учителька англійської мови – 353,
 397, 398, 412, 438
 Свистунов 54
 Севастьянович, Варвара Миколаївна 99
 Севастьянов, Микола Олександрович, гене-
 рал-майор, люблінський комендант 409
 Севастьянова, Марія Васильевна 322
 Сегюр, граф, дядько К. А. Капніст 158
 Селиванович, Уляна Миколаївна, уродже-
 на Милорадович, поміщиця с. Толкачівка
 Прилуцького повіту, двоюрідна тітка Г. П. Га-
 лагана 79
 Семен, служник-палатурник 328
 Сенковський, Осип Іванович (1800–1858),
 редактор часопису «Библиотека для чтения»,
 співробітником якого був Ф. В. Чижов 159
 Серебряков, Василь Олексійович, російсь-
 кий маляр 100–102, 104, 105, 107, 108,
 110–112, 114, 115, 118, 121, 131, 134,
 136, 137, 141, 143, 145, 187, 188, 190,
 191, 194, 198
 Сигізмунд, польський король 450
 Скворцов, Іван Михайлович (1795–1863),
 протоієрей, професор філософії у Київській
 духовній академії 205
 Скотті, Михайло Іванович (1814–1861),
 російський маляр 86, 88, 90, 141, 185
 Ск'явони, венеційський художник 161
 Славатинський (Романович-Словатинсь-
 кий), Олександр Васильович (1832–1910),
 історик, професор Університету св. Воло-
 димира, у молодості – домашній учитель у
 родині Комаровських 344
 Смет де, бельгійський садівник 428
 Смирнова, Олександра Осипівна
 (1809–1882), уроджена Россет, дружина
 петербурзького цивільного губернатора
 М. М. Смирнова 384, 393, 398, 402

- Собоцький, колишній управляючий у Сокиринцях 389
- Сомов, Олексій Володимирович, чиновник при російській місії у Римі, секретар начальника над російськими художниками у Римі П. І. Кривцова 131, 165
- Спадкоємець престолу – див. Олександр II (як спадкоємець-цесаревич за життя свого батька імператора Миколи I)
- Ставассер, Петро Андрійович (1816–1850), російський скульптор 141
- Стефанія, велика герцогиня Баденська (1789–1860), уроджена де Богарне, вдова великого герцога Баденського Карла 235, 251, 262
- Стреппоні, Джузеппіна (1815–1897), італійська оперна співачка 289
- Суворов, Олександр Васильович, російський военачальник 301
- Суденко (Судієнко), Михайло Йосифович (1803–1874), український поміщик і громадський діяч 53, 62, 63, 170
- Сюбі, акушерка 242, 249
- Сюбі, гувернер Г. П. Галагана 242
- Талейран, Доротея, герцогиня де (1793–1862), французька аристократка 251
- Тальма, Франсуа Жозеф (1763–1826), французький актор 77
- Тальоні, Марія (1804–1884), балерина 69, 94, 387
- Таньон, Жуль, гувернер Павлуся Галагана 469
- Тарновська, Людмила Володимирівна, уроджена Юзефович, дружина В. В. Тарновського (старшого) 328
- Тарновська, Надія Василівна 328
- Тарновський, Григорій Степанович 125, 135, 136
- Тарновські 120
- Тассо, Торквато (1544–1595), італійський поет доби Ренесансу 150, 270, 285
- Терборх, Герард (1617–1681), голландський маляр доби бароко 39
- Тиберій, римський імператор (14–37) 43
- Тиранов, Олексій Васильович (1808–1859), художник-портретист 114, 134
- Тібальді, вчитель малювання 102, 106
- Тілі, Йоганн Церклас (1559–1632), австрійський полководець доби Тридцятилітньої війни 32
- Тінторетто (Якопо Робусті, 1518–1594), маляр Пізнього Ренесансу, представник венеційської школи живопису 157, 284
- Тіціан (1490–1576), художник доби Ренесансу, найвидатніший представник венеційської школи живопису 88, 92, 108, 154, 157, 284
- Торвальдсен, Бертель (1770–1844), данський скульптор доби класицизму (у тексті є помилково Тольварцер, Тальвацер) 33, 36, 229, 267
- Торлоні, римський банкір 125, 130, 133, 166
- Трифановський, Семен Михайлович, поміщик, сусід Галаганів 79, 80, 88
- Троллоп, Джон (1800–1874), баронет, власник садиби Кейсвік у Лінкольнширі в Англії 434
- Троутен, кельнська повія 170
- Трубецька, княгиня 196
- Трубецька, Анна Андріївна (1818–1882), княгиня, уроджена графиня Гудович, донька А. І. Гудовича, дружина князя М. І. Трубецького, двоюрідна племінниця К. В. Галаган (старшої) 138, 222, 225, 273, 274, 355, 365, 469
- Трубецької, князь 54
- Трубецької, Микола Іванович (1807–1874), князь, письменник-публіцист 222, 224, 274, 276, 365, 469
- Тучков, Павло Олексійович (1803–1864), генерал, чоловік Є. І. Тучкової 224, 274, 276
- Тучкова, Єлизавета Іванівна (1805–1875), уроджена Верігіна, дружина ген. П. О. Тучкова 222, 224, 274
- Уельський принц, Альберт Едвард, син британської королеви Вікторії 261
- Ульянін, Олексій Олександрович, приятель Г. П. Галагана 26
- Ульяніні 25, 26, 40
- Уляна Ігнатівна, ключниця 378, 397
- Унгер, Кароліна (1803–1877), австрійська оперна співачка 215
- Урбен, московський книгопродавець 370
- Фейт, Ян (1611–1661), фламандський художник 39
- Фелікс V, антипапа у 1439–1449 рр. 240
- Фердинанд I Габсбург, австрійський імператор у 1835–1848 рр. 16
- Фердинанд I Медичі, великий герцог Тоскани у 1587–1609 рр. 264
- Фердинанд-Філіп, принц Орлеанський 454
- Феррарі, римський лікар 188
- Феррарі, маркіз, герцог де Гамієра, Раффаеле (1803–1876) 446
- Ф'єзоле (Фра Беато Анжеліко, 1400–1455), святий, італійський маляр Раннього Ренесансу 98
- Фідій, античний грецький скульптор (V ст. до н. е.) 451
- Філіп, кріпак Галаганів 363
- Фішер, дружина службовця Галаганів, компаньйонка К. В. Галаган (старшої) 72, 76, 81, 87, 95, 100, 106, 114, 124, 135, 142, 322, 378, 397, 412
- Фішер, Петер (1455–1529), німецький скульптор і ливарник доби Ренесансу 31
- Фішер, Фрідріх Теодор (1807–1887), німецький філософ і письменник, професор

Тюбінгенського університету 183, 184
Фогель фон Фогельштейн, Карл Крістіан (1788–1868), дрезденський маляр 148, 150, 214, 216, 286
Фоскарі, венеційська родина, в якій винаймали помешкання Ф. В. Чижов і Г. П. Галаган 92, 116, 144, 146, 157, 158, 161, 196
Фоскарі, венеціанець, господар квартири, де мешкали Ф. В. Чижов і Г. П. Галаган 92, 144, 158, 198
Фоскарі, Франческо, венеційський дож у 1423–1457 рр. 157
Франкетті, флорентійський скульптор 165
Фрідріх II, король Пруссії у 1740–1786 рр. 19
Фрідріх-Вільгельм IV, король Пруссії у 1840–1861 рр., художник-аматор 53
Фундуклей, Іван Іванович (1799–1880), київський цивільний губернатор у 1839–1852 рр., згодом сенатор у Варшаві 409

Ханенко, Лідія Михайлівна, уроджена графиня Гудович, племінниця К. В. Галаган (старшої) 287
Ханенко, Михайло Іванович, поручик гвардії, чоловік Л. М. Гудович 287
Харитон, дігтярівський селянин 80
Хелмський, Василь Олександрович, урядовець Міністерства державних маєтностей, чоловік Єлизавети Андріївни Маркевич, двоюрідної сестри Г. П. Галагана 60, 105, 117, 170
Хелмський, Павло (Поль), син В. О. Хелмського, приятель Павлуся Галагана 347
Химка, служниця 389
Хлудов 183
Хомяков, Олексій Степанович (1804–1860), поет, московський слов'янофіл 371
Христина, служниця 389
Хрістіані, Єлизавета Петрівна, дружина К. Хрістіані 205
Хрістіані, Карл, садівник, котрий працював у Сокиринцях у Галаганів, а згодом оселився у Києві 205

Цеккіні, Амалія, італійська оперна співачка 161
Циммерман, медик-окуліст, котрий лікував О. А. Іванова 137, 138, 141
Циммерман, Клеменс (1789–1869), представник німецького історичного малярства, професор Мюнхенської академії мистецтв 150
Цицерон (106 до н. е. – 43 до н. е.), давньоримський політик, оратор, філософ 43, 269
Цицурін, Федір Степанович (1814–1895), лікар, професор Університету св. Володимира у 1844–1857 рр., президент Варшавської медико-хірургічної академії у 1857–1861 рр. 348, 349, 409

Чарторийський, Адам Єжи (1770–1861), князь, польський політичний діяч 409
Червінський, Євген Іванович (1820–1887), архітектор 327, 333, 351, 368
Чернявський, сокиринський управляючий 371, 372, 401

Шадов, Фрідріх Вільгельм (1788–1862), німецький маляр, член «Союзу св. Луки», один із засновників дюссельдорфської художньої школи, директор Дюссельдорфської академії мистецтв 150
Шалікова, Олександра Федорівна, княгиня, дружина літератора кн. П. І. Шалікова 223
Шаповаленко (Шаповалов), Іван Савелійович (1820–1890), маляр 78, 112, 115, 120, 121, 134, 138, 143, 187, 196
Шаховська, княгиня 251
Швагейм 105
Шварц, Крістоф (1545–1597), німецький маляр 38
Шварценберг, Карл Федорович Ейзен фон, генерал-майор, командир Київського арсеналу 205
Шелашніков, супутник Г. П. Галагана під час подорожі Італією 86
Шеллінг, Фрідріх Вільгельм Йозеф фон (1775–1854), німецький філософ, один з ідеологів романтизму 173
Шенборн, Йоганн Філіп Франц фон, князь-єпископ Вюрцбурга у 1719–1724 рр. 27
Шенве, колишній гувернер П. Є. Комаровського 205
Шецлер, Йоганн Лоренц фон (1762–1826), барон, фінансист і колекціонер витворів мистецтва 34
Шеффер, Олександр Олександрович (1831–1897), лікар Галаганів, син О. Ф. Шеффера 335, 336, 344, 368, 378, 389, 421
Шеффер, Олександр Федорович, прилуцький лікар, батько О. О. Шеффера 119, 136
Шипов, Олексій Іванович, полковник гвардії, двоюрідний брат С. П. Шипова 108
Шипов, Сергій Павлович (1790–1876), генерал, казанський військовий губернатор, дядько П. Є. Комаровського 83, 108, 345
Шипова, Анна Євграфівна (1806–1872), уроджена графиня Комаровська, дружина ген. С. П. Шипова, тітка Грані Комаровського 360
Шнайдер, Йоганн Готтлоб (1789–1864), німецький музикант 216
Шнеусель (?), архітектор 24
Шнісс (?), скульптор 24
Штаднфресер (?), живописець 24
Штейнкер, барон, приятель Г. П. Галагана в Остенде 65
Штерич, Олексій Петрович, поміщик Катеринославської губернії, батько кн.

М. О. Щербатові 281
 Штернберг, Василь Іванович (1818–1845),
 художник 131, 134, 141, 187, 267
 Штігліц, Людвіг Іванович, петербурзький
 банкір 105, 133, 138
 Штігліц, Микола Бернгардович, молодший
 секретар російської дипломатичної місії в
 Баварії 36
 Штром, Іван Васильович (1823–1887),
 архітектор 406
 Шувалов, граф 415
 Шувалови 432
 Шуйковський, граф 17

Щербатова, княгиня 25
 Щербатова, Марія Олексіївна (1820–
 1879), княгиня 281
 Щербина, письмоводитель канцелярії
 Г. П. Галагана – борзненського повітового
 предводителя дворянства 320

Юголь, торговець 49
 Юзефович, Михайло Володимирович,
 голова Київської археографічної комісії,
 громадський діяч 440
 Юзефовичі 406
 Юр'єва, Катерина Петрівна, мати Зинов'єва,
 знайомого Г. П. Галагана 67, 74, 75
 Юшкевич-Стаховський, Конон Федорович,
 український маляр-портретист 128

Язиков, Микола Михайлович (1803–1846),
 російський поет, приятель М. В. Гоголя 114,
 145, 186, 188, 193
 Яків, слуга 340, 360, 379
 Янсен, лікар в Остенде 55, 56, 58, 59, 62, 69
 Янсенс, брюссельський виробник сумок і
 валіз 179
 Яроцький, лікар, знайомий Ф. В. Чижова у
 Дрездені 147

Adélaïde d'Orléans – див. Аделаїда Орлеанська
 Alexander de Wurtemberg – див. Вюртем-
 берзький принц, Олександр
 Bargetas, André – див. Баржетас, Андре
 Chipoff – див. Шипов, Сергій Павлович
 Chrétien Ernest – див. Крістіан Ернст, бран-
 денбург-байройтський курфюрст
 Coldwell – див. Колдвелл
 Cornille, Pierre – див. Корнель, П'єр
 Deleuze – див. Дельюз

Emilie, колишня покоївка М. П. Комаровсь-
 кої 188
 Eysck van – див. Ейк, Ян ван
 Ferrari, marquis, duc de Galliera – див.
 Феррарі, маркіз
 Ficher – див. Фішер, дружина службовця
 Галаганів, компаньйонка К. В. Галаган
 (старшої)
 Jansen – див. Янсенс
 Jean Paul – див. Жан Поль
 Jeia – див. Джея
 Nanote 224
 Helcel von Sternstein – див. Гельцель, Ан-
 тоній Зигмунт
 Nem 406
 Hemling van – див. Мемлінг, Ханс
 Henri II – див. Генріх II, імператор Священ-
 ної Римської імперії
 Hummel, Johann Nepomuk – див. Гуммель,
 Йоганн Непомук
 Houutte – див. Гутт
 Grass, Robert de, parfumer 160
 Karlhof – див. Карлгоф, Єлизавета Олексіїв-
 на
 Kupégonde – див. Кунігунда, імператриця
 Laroche 406
 Lemaître, Frédéric – див. Леметр, Фредерік
 Levassor, Pierre-Thomas – див. Левассор,
 П'єр-Тома
 Lochmuller – див. Лохмюллер
 Maistre, Xavier de – див. Местр, Ксав'єр де
 Mengelbier, Joseph – див. Менгельб'єр,
 Йозеф
 Montpensier – див. Монпансьє, герцог
 Munster, comte – див. Мюнстер, граф
 Nona – див. Нона
 Oost van – див. Оост, Якоб ван
 Otchkine 158
 Panisse – див. Панісс-Пассі, граф
 Powers – див. Пауерс, Хірам.
 Praslin-Choiseul – див. Прален-Шуазель
 Reiss 308
 Rubens, Pierre Paul – див. Рубенс, Пітер
 Пауль
 Southee – див. Саузе
 Toussetain 144
 Trollope, John – див. Троллоп
 Unger – див. Унгер, Кароліна
 Urbin – див. Урбен
 Völkner 149
 Walker 434

ПОКАЖЧИК ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

- Ааре (Аар), ріка 238
 Аверно, озеро 42
 Авіньюн 245–248
 Австралія 323
 Австрія, Австрійська імперія 14, 22, 23, 48, 135, 211, 221, 296, 440, 445, 468, 469
 Адріатичне море 116
 Алжир 458
 Альбано 137, 268, 269
 Альє, ріка 461
 Альпи, гори 34, 35, 72, 88, 119, 132, 154, 183, 230, 237, 238, 242, 243, 245, 248, 311, 452
 Альтдорф (Альторф) 85
 Америка 57, 299, 310, 453
 Ам'єн 390
 Англія 40, 48, 55, 174, 294, 302, 303, 311, 313, 321, 349, 382–385, 390–393, 396, 401, 412, 421, 423–428, 430, 433
 Андалузія 173, 293
 Андріївка, Гадяцького повіту 348
 Анкона 128, 132, 134, 137, 140, 142, 143, 144
 Аннаберг 204, 217
 Антверпен 75–77, 176, 180–182, 426
 Антіб 248
 Аньяно, озеро 42
 Апенніни 98, 99, 101, 143
 Арденни, департамент у Франції 469
 Арно, ріка 100, 169
 Ассирія 451
 Ассізі 110, 164
 Аугсбург 33–35, 138, 158, 159
 Афіни 35, 215, 397
 Ахен 52, 54, 57, 58, 63, 77, 150, 170, 176, 181
 Ахерн (Ахерман) 236
 Ашаффенбург 22, 227

 Баварія 24, 34–36, 135, 219, 221, 415, 445, 468
 Бад-Александрбад 218
 Баден, велике герцогство 234
 Баден-Баден 235, 236, 413–415, 417, 419
 Базель (Баль) 183, 236, 237
 Байї 43
 Байонна 462–464, 468
 Байройт (Берейт) 24, 204, 220, 272, 274, 278
 Баколі 43
 Балтійське море 423
 Бамберг (Бамбург) 24, 46, 139, 204, 220, 231, 272, 278, 411
 Бартатів 202
 Батурин 378
 Бельгард 242, 243
 Бельгія 55, 57, 58, 74, 81, 294, 311, 383, 385, 430, 455
 Бельсько-Бяла (Бьелиц, Белица, Бела) 18, 203, 208
 Бердичів 107
 Березівка 201
 Берлін 148, 293, 309, 335, 349, 372
 Берн 237–240, 452, 468
 Бернек 204, 219, 272, 277, 278
 Бжеско 202
 Биківка 202, 206
 Біарріц – 453, 462, 465, 467, 468, 469
 Бібріх 49, 51, 418
 Білгородка 201
 Бінген 79
 Богданівські Хутори 201
 Богемія 20, 211, 219
 Боккенхайм (Бокенгейм) 25, 40
 Болонья 89–93, 98, 144
 Больцано (Боцен) 154
 Бонн 310, 313, 315
 Бордо 453, 468
 Борзна 318
 Борромейські острови 86
 Бохня 18
 Брайтон 48, 49
 Бровари 201, 405
 Броди 14, 139, 201, 202, 205, 206, 210, 296, 347, 376, 381, 384, 392, 398, 450, 468, 469
 Бруа, ріка 239
 Брюгге (Брюж) 57, 65, 74, 75
 Брюссель 65, 69, 71, 72, 75–77, 81, 176–177, 179–182, 292, 421, 423
 Булонь 382, 388, 390
 Бурбон-Бюссе 460
 Бяла, ріка 18, 208

 Вайсенштадт (Веймсштат, Вейсинстат) – 204, 219, 277
 Вайскірхен 203, 209
 Вайт, острів 456
 Валанс 246
 Вальдзассен 24
 Вальденбург (Валенбург, Вальдбург) 237
 Вальсерін, ріка 243
 Вар, ріка 249
 Варковичі 202
 Варшава 46, 325, 326, 330, 335, 347–349, 356, 362, 369, 372, 381, 384, 392, 398, 400, 407, 409–411, 419, 435, 437
 Васьківці, масток Михайла Маркевича 81, 170
 Веймар 301
 Великоросія 114, 348
 Величка 18
 Венеція 70, 72, 75, 76, 80, 82, 83, 85, 86, 88, 90–95, 97, 116, 117, 119, 122, 125, 128, 132, 135, 137–140, 142–146, 154, 156–158, 161, 163, 164, 167, 179, 185, 187, 191, 194, 196, 198, 252, 274, 284–286, 289, 440
 Веє 239–242
 В'єнн (Вьєна, Вена) 246
 Вейсенбург 33

- Везувій, вулкан 43, 270
 Вентімілья (Вентиміґріо) 263
 Версаль 323, 454, 469
 Вертах, ріка 34
 Вигода 202, 206
 Відень (Вена) 46, 52, 63, 119, 135, 445, 451, 468
 Вільдштейн 22
 Вільньов 262
 Вільськ 201
 Вільфранш-сюр-Мер 250–252
 Вісбаден 49, 51, 184, 415, 417
 Віслока (Висьлиця), ріка 208
 Віттем 176
 Віфлесм 143
 Віченца 86
 Віші 440, 445, 446, 449, 452, 453, 456, 457, 461, 468
 Во, кантон 241
 Войнич (Войниц, Войница) 203, 207, 208
 Волинська губернія 206
 Волинь 294, 407
 Володимир-Волинський 407, 408
 Волькенштайн (Волкентейн, Фолкенштейн) 204, 216
 Вольтрі 263
 Вормс 25
 Вюрґау 204, 220, 278
 Вюртемберзьке королівство 83
 Вюрцбург 26–28, 40, 46, 48, 49, 223
- Гаета 269
 Гай 202
 Галич 295
 Галичина 18, 295–298, 440, 441, 468
 Галле 301
 Гамбург 223
 Ганау 27
 Гастінґс 431, 432
 Гасфурт 204, 220, 221, 278
 Гдов 203, 208
 Гейдельберг (Гельдельберг) 25, 27, 40, 148, 231–234, 415
 Гемюнден 227
 Гент 57, 58, 75, 176, 426, 427
 Генуя 88, 252, 261–263, 289, 317, 319
 Геркуланум 270
 Гефрес (Гефрет, Гефрейс) 204, 219, 277
 Гтшин 203, 211
 Глухов 95
 Гнилиця, маєток Галаганів 67, 204, 294, 330, 338, 342, 347, 349, 351, 357, 364, 372, 378, 419, 421
 Гогенгейм 82, 83
 Гогенмаут 203, 211
 Голиц 203, 211
 Голандія 65
 Головлі 202
 Гольфельд 204, 220, 272, 274, 278
 Горзіц (Оржиц) 203, 211
 Городок (Грудек, Градек) 202, 207
- Гота 301
 Гоф 46, 411
 Грасс 160
 Греція 159, 198
 Гродно 136
 Гроттаферрата 133
 Гульча 202
 Гура Ропчицька 202
- Данія 303
 Дармштадт 227
 Дембця 202
 Дерпт (Юр'їв) 296
 Десна, ріка 378
 Дігтярі, маєток П. Г. Галагана 29, 80, 435
 Дівиця 405
 Дідовичі 201
 Дніпро, ріка 69, 135, 138
 Дойц 418
 Донаувірт 33
 Дрезден 15, 17, 40, 46, 52, 62, 63, 65, 67, 69, 72, 74, 79, 125, 147, 148, 202, 203, 206, 212–216, 249 276, 285, 286, 301, 325–328, 330, 332, 334–336, 339, 351, 356, 389, 410, 411, 413, 414, 419, 424, 427, 428, 434–437, 469
 Дубно 202, 295, 407, 468
 Дубовичі, маєток Кочубеїв 366, 373, 386, 398, 421
 Дувр 321, 382, 426–428, 430, 431
 Дунаєць (Данек), ріка 208
 Дунай, ріка 33, 451
 Дюссельдорф 47, 51–55, 58, 59, 63, 65, 69, 72, 76, 77, 79, 80, 125, 146, 150, 170, 174, 176, 181, 292, 293
 Дьспп (Діеппе) 336, 339, 343–345, 349, 351, 353–356, 358, 359, 361, 382, 390
- Егер 21, 22, 58, 139, 204, 219, 223, 277
 Егер, ріка 22, 23, 219
 Ейзенах 301
 Еклюз 242
 Екс-ан-Прованс (Ес) 248
 Еллінген 33
 Ельбоген 21
 Ельтманн 204, 220, 221, 278
 Ельба, ріка 52, 212, 301
 Емс 301–306
 Ер 469
 Еренбрейтштайн 52
 Ерланген 29, 31
 Етна, вулкан 113
- Європа (включно з Західною Європою) 74, 75, 214, 216, 250, 267, 303, 305, 306, 311, 315, 415, 427, 440
 Єгипет 293
 Єрусалим 262, 268
- Женева 119, 136, 234, 240–242, 248, 452, 468

- Женеvське озеро 239–242, 452
 Женеvський кантон 241
 Жешув (Ржесцов, Ржець) 202, 207
 Жиронда, ріка 453
 Житомир 201, 205, 294, 407, 468

 Зале, ріка 221, 227
 Зальцбург 135, 138
 Зандау 204, 219
 Західний край Російської імперії 407
 Згурівка, маєток Кочубеїв 294
 Зоден (Соден) 417
 Золотурн (Солен) 238
 Золочів 202

 Ізар, ріка 452
 Іздебник 203, 208
 Інсбрук 135, 138
 Іркутськ 184
 Ірун 468
 Іскія, острів 42–44
 Іспанія 465, 466
 Італія 38, 43, 48, 70, 72, 75, 79, 81, 85, 89, 93, 98, 102, 103, 108, 109, 110, 121, 125, 132, 133, 136, 137, 144, 154, 155, 158, 167, 173, 187, 198, 217, 250, 261, 265, 267, 282, 284, 289, 290, 294, 306, 309, 311, 313, 315, 317, 318, 388, 395
 Ічня, маєток Галаганів 81, 84, 135, 138, 145, 146, 335, 348, 351, 357, 362, 365, 370–373, 388, 397, 399

 Йоахімсталь 204, 217

 Кавказ 46
 Кадіс 296
 Казань 83
 Кале 388
 Калитянські Хутори 201
 Канн 248
 Капрі, острів 270
 Карлсбад (Карсбад) 21, 204, 217,
 Карлсруе (Карлсруе, Кальскруе)
 72, 76, 82, 185, 234–236
 Карпати, гори 209, 450, 451
 Каррара 87, 317
 Касаміччола 44
 Кассель 301, 303
 Кастелламаре 270
 Кельн 29, 49, 52, 54, 58, 77, 150, 151, 154, 158, 159, 170, 176, 372, 418, 455, 469
 Кеніггрец 203, 211
 Кенти 203
 Київ 65–67, 69–72, 122, 135, 145, 201, 205, 280, 294, 296, 299, 338, 368, 369, 380, 383, 384, 398, 405–407, 419, 424, 425, 428, 435, 449, 456, 468, 469
 Київська губернія 46
 Кіссінген (Кисенген) 46, 72, 76, 148, 204, 219, 221–228, 231–233, 236, 272, 274–279, 325–327, 329, 332, 335, 338, 341, 342, 344, 347, 350, 353, 356, 383, 403, 411–413, 415, 419, 424, 428, 439
 Кобленц 52, 79, 418
 Коголето 263
 Козари 201
 Козелець 138, 201, 204, 205, 468
 Козелецький повіт 357
 Колонж 242
 Комарівка (Комаровская, Верба) 202
 Комо 183, 184
 Конотоп 170
 Константинополь 144, 290
 Констанцьке озеро 452
 Корець 202, 206
 Краків 18, 308, 442, 450, 451, 468, 469
 Кременчуцький повіт 106
 Кройцнах 72, 76–79, 82
 Куми 43
 Кунашівка, маєток Кочубеїв 310, 311, 313, 419, 421
 Кюссе 459

 Лаго-Маджоре, озеро 83, 85, 86
 Лан, ріка 306
 Ланьцут 17, 202
 Лаубах 418
 Лебединець 79, 81, 348, 399
 Лейпциг 301, 411
 Лейтомішль (Лейтенмиттель, Лихтенсмиттель) 203, 211
 Лемберг – див. Львів
 Лех, ріка 34
 Ліворно (Ливурно) 252, 261, 264, 291
 Ліндау 452
 Лінкольншир 433, 434
 Лінц 119
 Ліон (Льон) 26, 29, 40, 136, 242–246, 452
 Лісабон 296
 Лісталь (Лильсталь) 237
 Літтау 203, 210
 Лобозіц 301
 Лозанна 240, 242
 Ломбардія 144
 Лондон 49, 55, 56, 62, 63, 65, 71, 72, 157, 215, 311, 313, 315, 321–323, 336, 376, 382, 383, 385, 388, 390–394, 396, 402, 423, 424, 426–430, 432, 434
 Лор-ам-Майн 227
 Лорето 132, 140, 143
 Лукка 317
 Луцьк 407, 408
 Люблін 409
 Люблінська губернія 409
 Люцерн 85
 Львів (Лемберг) 14–17, 40, 65–67, 69, 72, 82, 196, 202, 206–208, 296, 297, 440, 450, 468, 469
 Льеж (Люттіх) 26, 55, 57, 58, 65, 77, 150, 180–182
 Льовен 176
 Льоррах (Лерах) 237

- Маас (Мьоз), ріка 57
 Маастрихт 176
 Мадрид 261
 Магодіно 85
 Малаво 459, 461
 Майн, ріка 24, 28, 49, 219, 221, 227, 228, 229, 272
 Майнц (Маянс) 25, 40, 77, 82, 132, 136, 138, 139, 145, 146, 227, 229, 301, 418
 Малоросія 79, 88, 112, 265, 311, 314, 368, 402
 Мангейм 25, 40, 160, 229–231, 233
 Марієнбад (Марьєнзбург, Мариумбад, Марьєнбад) 19–21, 25, 45, 158, 204, 217–219, 222, 223, 272, 275, 281, 286, 339
 Марсель 119, 246, 271
 Март, река 209
 Мачерата 143
 Мглин 121
 Ментона 263
 Местре 85, 184, 185
 Мехелен (Малін) 57, 177, 178, 180
 Мисленіце 203
 Мізено 43
 Мілан 76, 80, 83, 85, 86, 88, 184, 185, 193, 200, 287
 Молдау, ріка 20, 21
 Монако 262
 Монблан, гора 452
 Монтічеллі 267
 Моравія 20, 445
 Морж (Морт) 240, 241
 Москва 122, 186, 336, 339, 341, 343–345, 348, 349, 351, 355, 356, 360, 361, 365, 366, 368, 370, 384, 387, 388, 450,
 Мостиська (Мосчиска) 202
 Мостище 106, 294, 330, 405
 Мотижин 201
 Мудон 239
 Муртен (Мора) 239
 Муртенське озеро 239
 Мюгліц (Мюдєнц) 203, 210,
 Мюнхен 26, 33, 35, 40, 138, 153, 154, 159, 185, 249, 445, 451, 452, 468
 Мюнхєнграц 203, 211
 Нантуа (Натуа, Нантуа) 242, 243
 Неаполь 42, 44, 70, 106, 110, 119, 122, 128, 131, 137, 141, 155, 158, 252, 261, 264, 268–270, 286, 291, 317, 318
 Некер, ріка 230, 231, 233
 Несолонь 201
 Нідєр Форхєйм (Нойхєйм) 216
 Ніжин 135, 138, 201, 204
 Німес (Нимиц) 203, 211
 Німєчина (Германия) 23, 32, 34, 48, 53, 57, 70, 72, 75, 83, 128, 138, 139, 145, 171, 173, 210, 220, 231, 237, 242, 244, 277, 294, 302, 303, 305, 306, 310, 311, 315, 348, 359, 360, 369, 413, 418, 448
 Ніцца (Ниса) 26, 40, 70, 108, 116, 127, 144, 154, 157, 159, 160, 162, 179, 241–242, 246, 247–252, 261–264, 284, 286, 290–291, 294, 306, 315, 317, 319, 324, 345, 366, 382, 384, 397
 Новоград-Волинськ 201, 205, 206, 294, 407
 Нойтїтшайн (Нейтишен) 203
 Нойштадт (Нєйштадт) 28, 203, 212
 Нормандія 354, 361
 Носївка 201, 204
 Нюрнберг 28–33, 46
 Обєр-Аугєзд (Обєр-Анєцт) 203
 Обичїв 20, 201, 204
 Одєса 99, 134, 188, 250
 Ольмюц 17–20, 52, 203, 209–211
 Ольшаниця 202
 Онєлья 263
 Оос, ріка 235
 Орєл 116, 118, 121, 395
 Орловська губернія 143
 Остенде 48, 49, 52, 55–77, 82, 170, 176, 178, 180, 292, 310, 321, 323, 336, 339, 343, 413, 414, 416–421, 423, 425–428, 430, 435, 436, 438
 Остерськї повіт – 330, 357
 Острог 202, 206
 Оффєнбах 229
 Оффєнбург 236, 237
 Падуя 86, 89, 93, 116, 144, 146, 198
 Пайєрн 239
 Пайон (Палион), ріка 248, 249
 Палєрмо 158, 286
 Папська область 144, 269
 Париж 64, 71, 86, 106, 138, 144, 148, 250, 306, 313, 315–316, 318, 319, 323, 336, 344, 349, 351, 353, 354, 359, 361, 363, 365, 366, 368–372, 374, 376, 378, 381–385, 387, 390–398, 401, 402, 407, 409, 415, 418, 424, 425, 453–455, 469
 Парма 89
 Пєгніц, ріка 30
 Пєзаро 144
 Пєрємишль (Пєрємисл) 202, 207, 296
 Пєруджа 110, 132, 134, 164
 Пєтєрбург 25, 58, 130, 165, 210, 214, 223, 230, 266, 295, 311, 313–315, 320, 335, 336, 344, 345, 347, 348, 353, 355, 357, 358, 359, 361, 366–368, 373, 374, 376, 380, 385, 409, 421
 Пєтшай (Пєтчай) 204, 217
 Північне морє 48
 Підгайчики 202
 Піза 317
 Пільзно 202
 Піски, маєток Галаганів і Комаровськїх 106, 327, 343, 347, 351, 362, 372, 395
 Пітєрборо 434
 По 343, 345, 349, 351
 По, ріка 144
 Подгужє, передмістя Кракова (Подкоржє) 18

Позіліппо 42, 131
 Покорщина 405, 468
 Полтавська губернія 196, 197, 295, 336
 Поль, залізнична станція 450, 451, 468
 Польща, Царство Польське 14, 206, 330, 408, 409
 Помпеї 261, 270
 Пон-д'Ен (Понтон) 243
 Поппенхаузен (Поценгаузен) 204, 220, 221, 278
 Пор-Морис 263
 Портічі 270
 Пощуолі (Пуцуолі, Пуцолі) 42
 Почекін Хутір 201
 Прага 17, 20, 21, 27, 52, 62, 63, 65, 67, 69, 72, 135, 136, 138, 139, 146, 159, 299–301, 307
 Прилуки 196, 197, 201, 204, 280, 294, 310, 313, 316, 347, 358, 376, 378, 381, 385, 392, 398, 405, 437, 468
 Прочіда, острів 43
 Пруссія 325, 329, 337, 426
 Пулини 201
 Пшеворськ 202

Равенна 132, 134, 135, 137
 Радивилів 14, 135, 138, 139, 202, 206, 208, 280, 294, 295, 347, 376, 381, 384, 392, 398, 468
 Радимно 202
 Радомишль 201
 Раковичі 201
 Рандан 445–448, 459
 Раштатт (Рейштат) 235, 237
 Ревель 296
 Регніц, ріка 221, 278
 Рейн, ріка 25, 26, 40, 51, 52, 54, 60, 65, 76, 79, 119, 151, 229, 230, 233, 234, 237, 245, 304, 310, 418, 455
 Рига 296
 Рим 70, 78, 89, 90, 95–97, 99, 100, 102, 104–110, 112, 113–119, 121, 122, 124, 125, 128, 130, 132–138, 140, 141, 143, 145, 155, 163–166, 168, 169, 178, 186–191, 193, 198, 261, 262, 265, 267–269, 302, 317–319, 418
 Римська Кампанія 115, 118, 131, 132, 141, 143
 Рівне 407, 468
 Ріміні 144
 Ровіго 93
 Рожів 201
 Роль 240
 Романиха, масток Ґалаганів 348, 399
 Рона, ріка 241–246, 452
 Росія, Російська імперія 14, 40, 60, 86, 94, 105, 119, 123, 135, 155, 156, 158, 189, 214, 215, 219, 250, 296, 298, 303, 307, 313, 323, 336, 348, 349, 356, 366, 371, 383, 393, 400, 413, 424, 435, 436, 456, 469

Рот 33
 Руан 354, 361
 Румбург (Ренбург, Рюмберг) 203, 211, 212
 Русь 122, 296, 407

Савона 263
 Саксонія 22, 40, 46, 212, 216, 217, 219, 308, 325, 329, 337, 358
 Сан-Ремо 263
 Сан-Себастьян 453, 466, 469
 Сассекс 431
 Свінемюнде 423
 Севілья 296
 Сейм, ріка 378, 398
 Семиполки 145
 Сен-Готард 83, 85, 86
 Сен-Жан-де-Люз (Сан-Жан-до-Люс) – 465
 Сен-Жені (С.-Женне) 242
 Сен-Жермен-де-Жу (С-Жермен-де-Жиз) 242
 Сен-Ніколя-д'Альермон 359
 Сен-Трон 176
 Сена, ріка 361, 453
 Сенігалія 144
 Сент-Леонардс 427, 430–432
 Сердон 242, 243
 Середземне море 246, 270
 Сирія 293
 Сілезія (Шлезія) 18, 20, 208, 325, 445
 Скочув (Скоршов) 203
 Славонія 215
 Случ, ріка 205
 Сobotка 203, 211
 Сокиринці, масток Ґалаганів 17, 40, 46, 47, 54, 63–65, 67–74, 76, 78, 81, 84, 85, 88, 93–95, 99–101, 104, 109, 114, 116, 118, 119, 123, 134, 142, 152, 196, 201, 204, 225, 234, 291, 294, 321, 325, 329, 332–336, 340, 341, 343–345, 347, 349, 351, 353, 358, 360, 362, 363, 365, 368, 370–373, 376–382, 384, 388, 394–399, 409, 413, 419, 421, 430, 435, 436, 439, 468
 Сона, ріка 243–245
 Соренто 70, 270
 Сполето 110
 Срібне 79, 329
 Стародуб 121
 Стокгольм 421
 Страсбург 184
 Студениця 201
 Судова Вишня 202

Таллінгтон 434
 Тарандт 204, 216
 Тарнув 203, 207, 298
 Тепла, ріка 217
 Тепліц 211
 Терні 110, 164
 Террачина 269
 Тешен 18, 203, 208, 209
 Тіволі 267

Тирсгайм (Тиршгейн, Тиршгейм, Тиргейн) 204, 219, 277	243, 244, 248, 250, 262, 294, 302, 315, 354, 366, 395, 399, 426, 440, 445, 446, 452, 454, 458, 468, 469
Торкі 382, 384, 385, 388, 390–398, 401, 402	Фраскати 128, 137, 267
Тоскана 98, 163	Фрідек 18, 203
Трієнт 154	Фуентеррабія (Фонтарабія) 465, 468
Трієст 92, 144, 180, 198	Фюрт 28, 29
Трюбау 203, 210	
Турбія 262	Хайда 203, 211
Турін 261	
	Царське Село 338
Угорщина (Венгрія) 19, 297	Цвіттау 20, 203, 210
Україна 40, 69, 114, 132, 135, 147, 295, 297, 300, 317	Цуг 85
	Цюрих 83, 85
Фалькенау 21	Черваро 143
Фано 144	Чернівці 296
Феррара 93, 144	Чернігів 378, 380, 399, 435, 437
Фінале 263	Чівітавек'я 252, 264, 265
Фіхтель, гори 29, 277	
Фландрія 420	Шампань 469
Флоренція 70, 79, 81, 82, 86, 89, 93–95, 97–101, 104, 105, 107, 109–111, 113, 117, 118, 121, 125, 134, 137, 163, 165, 167–169, 178, 181, 185, 187–190, 192, 195 268, 317, 319	Шафггаузен 76, 83, 85
Фоліньо 110, 143	Швабах 33
Фолкстон 390	Швайнфурт (Швейнфурт, Швейфурт) 24, 204, 220, 221, 278, 351, 411
Фонтенбло 365	Швальбах 302, 303, 306–309
Форлі 144	Швейцарія (Свейцарія) 80, 85, 183, 184, 234, 237, 238, 241, 243, 245, 274, 315, 418, 445, 456, 468
Форххайм, Нидер Форхейм (Нойхейм) 204	Шветцинген 230
Фрайберг (Фрейберг, Фридберг) 204, 216	Шегіні (Шегенное) 202
Фрайбург (Фрейбург, Фрейберг) 236	Шлангенбад 309, 330, 415, 417
Франкфурт 25, 26, 40, 46–53, 80, 82, 93, 135, 138, 146, 148, 151, 153, 170, 180, 181, 183, 184, 221, 222, 227–229, 231, 233, 236, 245 262, 301, 339, 343–345, 351, 434	Шлезвіг-Гольштейн 303, 311
Франконський Альб 29	Шліссельбург, Орешек 296
Франценсбад (Фразбад, Франценсбрунн) 21, 22, 24, 52, 62, 63, 67, 102, 223, 274, 276, 277, 279	Шльоссель (Слосен) 204, 217
Франція 57, 72, 77, 119, 136, 234, 240,	Шляхово 202
	Шпессарт, горсько-лісний масив 27
	Штутгарт 69, 72, 76, 80, 82, 83, 93, 98, 111, 114, 179, 181, 183–185
	Юра, гори 221, 237
	Ярослав 202, 296, 298
	Ярославець, маєток Кочубеїв 386, 435

ПЕРЕЛІК ІЛЮСТРАЦІЙ НА ОБКЛАДИНЦІ ТА ФОРЗАЦАХ:

На 1 сторінці обкладинки: Замок у Гейдельберзі. Вид з залізничного вокзалу. Літографія. Сер. XIX ст.

На 4 сторінці обкладинки: фрагмент листа Ф. В. Чижова до Г. П. Галагана, Дрезден, 15/27 серпня 1941 р. ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 384. Арк. 4зв.

На 1 форзаці:

1 сторінка листа К. В. Галаган (ст.) до сина, Сокиринці, 14 червня (ст. ст.) 1860 р. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 309. Арк. 21.

1 сторінка листа Ф. В. Чижова до К. В. Галаган (ст.), Марієнбад, 18/30 липня 1841 р. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. Арк. 1

На 2 форзаці:

1 сторінка листа К. В. Галаган (мол.) до свекрухи, Остенде, 3/15 вересня 1841 р. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 549. Арк. 17

1 сторінка листа Г. П. Галагана до матері, Болонья, 3/15 листопада 1842 р. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 554. Арк. 37.

ПЕРЕЛІК ІЛЮСТРАЦІЙ НА ВКЛАДЦІ:

- Потапов М. Портрет К. В. Галаган (ст.). Без дати. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
- Серебряков В. О. Портрет Г. П. Галагана. 1843. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
- Цаф Г.-К.-Ю. Портрет К. В. Галаган (мол.). 1847. Папір, акварель, білило. ЧХМ ім. Г. Галагана.
- Невідомий автор. Портрет П. Г. Галагана. 60–70-і рр. XIX ст. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
- Невід. художник. Портрет М. П. та П. Є. Комаровських. Початок 1840–х рр. (?). Папір, акварель. ЧХМ ім. Г. Галагана.
- Вікові дуби сокиринського парку. Зліва направо: Катерина Василівна (ст.), Павлусь, Григорій Павлович Галагани. Світлина. Початок 1860–х рр. ЦДАМЛМ. Ф. 304. Спр. 71. Арк. 16.
- Павлусь Галаган та його вихователь Жуль Таньон біля української хатки. Після 1866 р. ЦДАМЛМ. Ф. 304. Спр. 71. Арк. 40.
- Закордонний паспорт Г. П. Галагана. 1841 рр. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 201. Арк. 2, 5зв.
- Закордонний паспорт К. В. Галаган (ст.). 1861 р. ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 712. Арк. 1, 1зв.
- Ауер К. Вид Львова в напрямку Краківського передмістя (нині проспект Свободи). Сер. XIX ст. Кольорова літографія. За виданням: Введенський О. Львів і Галичина у літографіях Карла Ауера. Львів, 2012. С. 18.
- Ауер К. Вид Львова з півночі. Сер. XIX ст. Кольорова літографія. Там само. С. 19.
- Ауер К. Броди. Новий ринок. Сер. XIX ст. Кольорова літографія. Там само. С. 30.
- Ауер К. Кальварія Зебжидовська. Сер. XIX ст. Літографія. Там само. С. 73.
- Лангер Й. Тинська церква (Костел Божої матері перед тином). Прага. 1840. Гравюра на металі. URL: <https://aukro.cz/praha-tynsky-chram-haase-oceloryt-1836-6924683615>.
- Таннер Й. Бібріх. Гравюра. 1840. URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Seite:Andenken_an_den_Rhein_\(1840\)_004.jpg](https://de.wikisource.org/wiki/Seite:Andenken_an_den_Rhein_(1840)_004.jpg).
- Вілманн Е. Вид Гейдельберга. 1840. Гравюра на металі. URL: <https://www.ebay.co.uk/itm/Heidelberg-Original-Steel-Engraving-N-u-Ed-Willmann-1875-/142697816673>
- Поппель Й. Бад Кіссінген. Вид на Заале з руїнами замку Боденлаубен. 1850. Гравюра. URL: https://www.zvab.com/servlet/BookDetailsPL?bi=15108972418&searchurl=hl%3Don%26sortby%3D20%26tn%3Dbad%2Bkissingen%2Bbotenlauben&cm_sp=snippet_-_srp1_-_image3#&gid=1&pid=1.
- Джерело «Шпрудель» в Карлсбаді. Сер. XIX ст. Гравюра. URL: <https://cdn8.picryl.com/photo/1850/12/31/der-sprudel-in-carlsbad-231de8-1600.jpg>.
- Поппель Й. Собор в Майнці. 1846. Гравюра на металі. URL: <https://www.iberlibro.com/servlet/BookDetailsPL?bi=22680031377#&gid=1&pid=1>
- Ділманн Я. Франкфурт. Старовинний будинок, з якого Лютер проповідував людям. 1848. Гравюра. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Frankfurt_am_Main_-_Album_der_interessantesten_und_sch%C3%B6nsten_Ansichten_alter_und_neuer_Zeit.
- Ділманн Я. Франкфурт. Синагога. 1845. Гравюра. https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Frankfurt_am_Main_-_Album_der_interessantesten_und_sch%C3%B6nsten_Ansichten_alter_und_neuer_Zeit.
- Женева. XIX ст. Гравюра. URL: https://www.ville-ge.ch/musinfo/bd/mah/images_museumplus/big/0001546000/0001546831_0000262989_OG.JPG/
- Гент з півдня. 1837. Кольорова літографія. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Zuid_1837.jpg.
- Строссе К. Ф. Панорама Рима. Фрагмент. Гравюра на металі. 1851. URL: <https://www.robinhalwas.com/3225/019053-dr-emil-brauns-panorama-von-rom-aufgenommen-vom-casino-der-villa-ludoviso.jpg>
- Іванов О. А. Майстерня художника в Римі. До 1837 р. Акварель. За виданням: Немировская М. А. Акварель і рисунок XVIII – первой половины XIX века в собрании ГТГ. М., 1984. С. 130.
- Мюлер Р., Хорнер Ф. Кастелларе. 1836. Літографія. URL: <https://www.liberoricercatore.it/stampe-antiche-dal-1831-al-1844/>.
- Вілманн Е. Париж. Гравюра на металі. 1860. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Edouard_Willmann_Paris_1860.jpg

ЗМІСТ

Ковальов Є. Подорож як засіб пізнання світу і самого себе	5
ЧАСТИНА I. ПОДРОЖ 1841–1843 РОКІВ	14
Розділ 1. Григорій Галаган: щоденникові нотатки, листування з матір'ю і наставником	14
§ 1. «Тут вільно можна дихати, особливо малоросіянину»: фрагмент з «Журналу» Г. Галагана, 1841 р.	14
§ 2. «Усі лани куп'яністі оброблено як сад»: листи Г. Галагана матері, 1841–1843 рр.	40
§ 3. «Тут кожне слово лилося з любові до вас і з відданості істині»: листи Ф. Чижова Г. Галагану, 1841–1843 рр.	147
Розділ 2. Катерина Галаган (старша): дорожні нотатки, листування з сином і Ф. Чижовим	201
§ 1. «Ферми, побудовані у горах, настільки мальовничі, що можна побачити смак мешканців»: дорожні нотатки К. Галаган (старшої), 1841–1842 рр.	201
§ 2. «Які чудові місцини та цікаві ми проїжджали»: листи К. Галаган (старшої) сину, 1841–1842 рр.	272
§ 3. «Вірите Ви чи ні, але я пишу, запитуючи серце»: листи Ф. Чижова К. Галаган (старшій), 1841–1842 рр.	280
ЧАСТИНА II. ПОДРОЖ 1850–1851 РОКІВ	294
Розділ 1. Григорій Галаган: «Я хочу присвятити хвилини дозвілля опису нашої подорожі...». Начерк подорожі Німеччиною, Бельгією, Англією та Францією у 1850 р.	294
Розділ 2. Григорій та Катерина Галагани: листування з родичами	310
§ 1. «Дуже сумно і за своїми, і за батьківщиною»: з листування Г. Галагана з О. Кочубеєм, 1850–1851 рр.	310
§ 2. «Я в такому захваті від моря, що насилу від нього віддаляюся...»: листи Катерини Галаган (молодшої) свекрусі, 1850 р.	321
ЧАСТИНА III. ПОДРОЖІ 1861–1866 РОКІВ	325
Розділ 1. Катерина Галаган (старша): листування з сином. «Чим більше бачиш і помічаєш з увагою, тим більше вчишся», 1860–1861 рр.	325
Розділ 2. Григорій Галаган: листування з дружиною і сином 1861 р.	405
§ 1. «Будь ласка, друже мій, пиши мені частіше»: листи Г. Галагана дружині, 1861 р. ...	405
§ 2. «Шкода, що ти не зі мною...»: листи Г. Галагана сину, 1861 р.	438
Розділ 3. Григорій та Павло Галагани: дорожні нотатки, листування 1866 р.	440
§ 1. «Львів став містом цілковито польським»: начерк листа Г. Галагана М. Юзефовичу, 1866 р.	440
§ 2. «Увійшовши до церкви, ми натрапили на проповідь...»: Г. Галаган, «Дорожні нотатки: католицьке богослужіння у Кракові», 1866 р.	442
§ 3. «Вчора, після сніданку, я поїхав дорогою в Randan»: Г. Галаган, «Лісове господарство у Віші», 1866 р.	445
§ 4. «Гори високі та дуже далеко гарні»: дорожні нотатки П. Галагана, 1866 р.	449
§ 5. «Ми тут прожили дуже добре...»: щоденник П. Галагана, 1866 р.	456
Post scriptum. Закордонна мандрівка 1866 р. у «Записнику» Г. Галагана	468
Будзар М. Теренами Європи: особний досвід українського панства	470
Глосарій	489
Показчик імен	495
Показчик географічних назв	508

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УКРАЇНИ, М. КИЇВ
ІНСТИТУТ РУКОПИСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ІМЕНІ В. І. ВЕРНАДСЬКОГО
КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ БОРИСА ГРИНЧЕНКА

«МИ ВИЇХАЛИ З СОКИРИНЦІВ...»: ТРЕВЕЛОГИ РОДИНИ ҐАЛАґАНІВ

**Упорядкування, статті, коментарі:
Марина Будзар, Євген Ковальов**

Оформлення М.А. Мужецька
Верстка О.С. Антоненко

Підписано до друку 25.07.2019 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Франклін. умов.друк. арк 32,25
Наклад 500 прим.

Видавництво ФОП Антоненко Л.І. «StreamARLine»
м.Київ, вул. Героїв Дніпра, 34, оф.306 т.: 067 768 16 73

Надруковано:
ТОВАРИСТВО З ОБМЕЖЕНОЮ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЮ «ДС ДЕНЬ ПЕЧАТИ»
Адреса 20152, м. Київ, Дніпровський р-н, вул. Березняківська 28
т.: 044 38-38-776